

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

78

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2022 Issue 78

translitEDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2022 Выпуск 78

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 78

М.: Аквилон, 2022. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

А К В И Л О Н

DIALOGUE WITH TIME 78

Moscow: Aquilo-Press, 2022. — 432 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

- © Общество интеллектуальной истории, 2022
- © Институт всеобщей истории, 2022
- © Издательство «Аквилон», 2022
- © Журнал «Диалог со временем», 2022

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Д.Г. ГОРИН

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ИДЕИ ИСТОРИЗМА В ФИЛОСОФИИ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА И СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Исследование средневековых предпосылок характерного для современных обществ режима исторической темпоральности определено необходимостью понимания вариативности представлений об историческом времени в условиях трансформации исторической культуры. Привнесенные христианством идеи необратимости времени и пророческой устремленности к будущему спасению не обязательно должны были найти выражение в идее исторического развития и тем более прогресса. В историософии Августина главным оказывается не постепенная реализация высшего замысла, а радикальное противопоставление добра и зла и конечная победа высших сил, предпосылки которой готовятся не в истории. Аналогичная темпоральность проявляется и в «Исповеди» Августина. Она содержит развернутое учение о длительности, но духовное прозрение в ней связывается с внезапным озарением. Однако созданные Августином формы описания истории («О Граде Божием») и личного опыта («Исповедь») через несколько столетий привели к обоснованию идеи исторического развития. В качестве предпосылок идеи историзма, содержащихся в философии Августина, рассматриваются не только линейные представления об историческом времени и его периодизация. Существенную роль в продвижении к этой идее имело учение о предопределенности и индивидуальной свободе, которое Августин разработал в полемике с пелагианской ересью. В эпоху Реформации это учение, освобожденное от характерного для Августина пассивного экстатического мистицизма, привело к рационализации понимания исторического развития.

Ключевые слова: историческая культура, историческая темпоральность, время, историзм, средневековье, Августин

Как отмечал Б.А. Успенский, термин «история» имеет «по меньшей мере два смысла: под “историей” может пониматься либо *res gestae*, то есть совокупность происшедших событий, либо *historia rerum gestarum*, то есть повествование о происшедшем, своего рода нарративный текст»¹. Во втором смысле, история оказывается семиотической проблемой, которая предполагает введение фактора времени и расположение тех или иных событий во временной последовательности. Историзм, как ментальный принцип, выражающийся прежде всего в определенном режиме исторической темпоральности², позволяет определенным образом организовывать исторические события во времени. История в этом контексте предстает не только как результат действия исторических сил, но и понимается через призму исторической изменчивости действительности, исторических ретроспектив и перспектив. Именно эта черта историзма претерпевает существенные изменения в современной исторической культуре. Идея исторического развития в последние десятилетия оказалась перед вызовами, связанными с девальвацией идеи про-

¹ Успенский 2002: 10, 15.

² Асман 2017.

гресса, распадом образа будущего, распространением ностальгии и ретропии³. Историзм трансформируется под влиянием переориентации современной культуры на презентизм и виртуализацию; возникают новые формы историзма, как, например, трансисторизм и метаисторизм⁴.

Поскольку историзм переживает существенные трансформации, актуализируется проблема формирования тех его предпосылок, которые складывались за несколько столетий до появления идеи прогресса. Обращение к анализу средневековых предпосылок историзма расширяет представления о вариативности исторической темпоральности как модуса исторического сознания и исторических нарративов⁵. Эта проблема представляет интерес прежде всего с точки зрения интеллектуальной истории – истории идей, стереотипов и ценностей⁶, поскольку выявляет динамику ключевых характеристик исторического мышления, определявших развитие исторической культуры. В том числе, в последние десятилетия, когда тема средневековья вызывает широкий интерес, порождая не всегда обоснованные аллюзии и реминисценции.

В средние века распространялись и укоренились те представления об историческом времени, на основе которых формируется темпоральный режим европейской модерности. Возникшее в эпоху средневековья чувство истории основывается на синтезе античного образа объективированного изначально «пустого» времени-хронос и характерного для христианства пророческого устремления к высшему замыслу и будущему спасению. Этот синтез образовал характерную для историософии нового времени метафизическую конструкцию: расположенные на ленте исторического времени события воспринимаются через призму объединяющей их высшей идеи, открывающей конечный смысл происходящего и разрешающей напряженность между становлением и бытием. Как отмечал М.А. Барг, под влиянием христианства история конституировалась в качестве надличностного процесса, целостность которого обеспечивается не столько пространственной всеобщностью, сколько универсализмом объясняющей схемы. В таком виде идея истории стала одним из формирующих элементов европейской культуры⁷. Разумеется, культура европейского средневековья не знала идеи прогресса в том виде, в каком она появляется после сочинения маркиза де Кондорсе и оптимистичных трудов Вольтера. Однако именно в средневековой философии и культуре возникают предпосылки историзма и характерной для европейской модерности идеи общественного развития.

Наследие Аврелия Августина в этом контексте представляет особый интерес, поскольку, с одной стороны, он оставил один из первых образцов христианской философии истории, имевших существенное

³ Бойм 2019; Бауман 2019.

⁴ Crowther 2002; Метамодернизм 2020.

⁵ Событие и время 2018: 55-56.

⁶ История и память 2006: 8.

⁷ Барг 1987: 154.

влияние на средневековую историографию, а с другой, «августиновой философии истории недостает главного – истории»⁸, в том смысле, что история Августина не могла быть основана на той идее историзма, которая оформляется позже. Анализ философии Августина подтверждает тезис о том, что привнесенная христианством пророческая устремленность к спасению не обязательно должна была найти выражение в идее исторического развития и тем более прогресса. Столкнувшись с циклическими концепциями античного мышления, христианская идея необратимости времени нуждалась в обосновании. Утверждая однократность и неповторяемость событий новозаветной истории, Августин подчеркивал, что «Христос однажды умер за грехи наши» и воскреснув уже не умирает, а в круговращениях блуждают «нечестивые», «не потому, что жизнь их будет проходить через воображаемые ими круги, а потому, что таков именно путь их заблуждения» (De Civ. Dei, XII, 13)⁹. Однако пророческое видение, предполагавшее рассмотрение прошлого как прообраза будущего, открывало богатые возможности не только для линейного понимания времени, но и для сохранения идеи повторяемости истории. Распространявшийся в средневековой историографии метод аллегорической типологии позволял соотносить исторические персонажи и события с более ранними прообразами, тем самым поддерживая идею их повторяемости.

Средневековая культура часто предстает как неподвижная и безразличная к историческим изменениям¹⁰. Медленный ритм жизни не способствовал интересу к становлению и развитию, в средневековом искусстве почти полностью отсутствовала идея движения. Безразличие ко времени отражалось даже в скупости хронистов на даты. Литургическое время поддерживало переживание сконцентрированной сакральной истории как актуальной. Поэтому в сознании обычного человека с легкостью соединялись события разных эпох. Тем не менее Ж. Ле Гофф опровергал утверждение о полном безразличии средневекового человека ко времени¹¹. Он реконструировал сложные хронологические построения средневековых текстов, в которых датировка события определялась разделением времени человеческой истории на две части – до Христа и после. Это разделение требовало построения более разрывных периодизаций истории. Каждая из таких концепций свидетельствовала, как правило, о движении мира к своему обветшанию и закату.

Первые попытки согласования событий в целостный образ библейской истории относятся к III–V вв. В 22 книгах своего труда «О Граде Божием» (413–427) Августин рассматривал историю как арену борьбы двух градов – «града небесного» и «града земного». В 18-й кни-

⁸ Бицилли 2006: 215.

⁹ В русском переводе цит. по: Августин 1998.

¹⁰ «Мир не воспринимался в средние века в изменении. Он стабилен и неподвижен в своих основах». – Гуревич 1984: 140.

¹¹ Ле Гофф 2005: 213.

ге Августин представил периодизацию истории. Он выделял семь эпох, шесть из которых – собственно история: от Адама до Потопа, от Ноя до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до вавилонского пленения, от вавилонского пленения до рождения Христа и от рождения Христа до Страшного Суда. Седьмая эпоха расположена за пределами истории, что представляет собой отражение не только идеи конечности истории, но и введения идеи постистории, которая найдет свое развитие в средневековом миллениаризме и историософии нового и новейшего времени.

Свою периодизацию истории Августин соотносил с днями творения, в которых проявляется не только последовательность во времени, но и вневременная целостность акта творения, заключающего в себе все потенции (De Civ. Dei, XI, 7–9; 30–31). Подобно тому, «как матери беременеют потомством, так сам мир пребывает беременным причинами рождающихся вещей, которые рождаются в нем только от той высшей сущности, в которой ничего не возникает и не умирает, не начинает быть и не прекращает» (De Trin., III, 9)¹². Время создается как форма творения, вне которого времени не существует (Conf., XI, 10; De Civ. Dei, XI, 6). Поэтому с момента творения мир имел в себе «все, что в нем и с ним было сотворено, когда явился день» (De Gen. ad litt. V, 23)¹³. Имея в виду эту аналогию периодизации истории дням творения, можно полагать, что философия истории Августина, с одной стороны, содержала в себе потенциальную возможность интеграции в представление об идее исторического развития. Но, с другой, она была чужда ей, поскольку сменяемые друг друга эпохи отражают лишь отдельные отрезки исторического времени, не лучшая «земной град». Окончательная победа добра завершит историю Страшным Судом, но победа эта, по мысли Августина, готовится не в истории. По словам К. Ясперса, у Августина «реальная политическая история вся без исключения предстает для человеческого знания бессмысленной», а «события в мировом государстве не заслуживают интереса, однако подвергаются оценке»¹⁴.

Периодизация Августина послужила прообразом других концепций, включающих в описание истории идею развития. Уже у его ученика Павла Орозия, написавшего «Семь книг истории против язычников», можно найти понимание истории как процесса, в котором на смену наполненной катастрофами дохристианской эпохи приходят с утверждением христианства относительно спокойные времена¹⁵. М.А. Барг видел потенцию введения идеи развития в историю у англосаксонского историка VIII в. Беды Достопочтенного, который дополнил унаследованную от Августина периодизацию священной истории внутренней характеристикой каждой из эпох. В результате история предстала как смена состояний, в которой проявляется возможность узнать,

¹² В русском переводе цит. по: Августин 2018.

¹³ В русском переводе цит. по: Августин 2000.

¹⁴ Ясперс 2019: 169.

¹⁵ История и память 2006: 285.

насколько человечество отделилось от Адама и приблизилось ко второму пришествию. Вместе с тем, следует согласиться с выводом Барга о том, что характер процессов в периодизации истории у Беды, как и у Августина, остается рядоположен и взаимно не обусловлен¹⁶.

Более любопытно проявление августинианства у Оттона Фрейзингенского, который исходил из того, что всё сотворенное всегда происходит от чего-то другого, поэтому включает в себя противоположности и не может быть неизменным и неизблемым¹⁷. Развивая идею Августина о двух градах, он дополнил их противоположение такими характеристиками, как изменчивость (*mutabilitas*) и неизменность (*stabilitas*), необходимость (*necessitas*) и свобода (*libertas*). Это давало возможность связать идею исторической необходимости с изменчивостью, которая, однако, противопоставлялась свободе и неизменности «небесного града». Августин не отождествлял противопоставление своих градов с реальными земными институциями – светской или религиозной властью, однако Оттон, в реалиях ожесточенной борьбы пап с императорами в XII в., не только соотносил противостояние двух градов с событиями земной истории, но и писал о «смешанном граде», в котором августинианское противопоставление двух градов разрешается исторически в сакрально-политической общности империи и церкви.

Средневековые представления об истории соединяли в себе противоположные позиции, поскольку сама история раздваивалась на сакральную и мирскую. Для сакральной истории было характерно пророческое предвидение будущих событий, подобно предвозвестию Нового Завета у ветхозаветных пророков. Мирская история представляла, в основном, как история преемственности империй и вписывалась в концепции, которые свидетельствовали о неотвратимом упадке. Хотя у средневековых мыслителей было понимание того, что высший замысел открывается в истории постепенно, выбор в пользу раз и навсегда данной истины был более оправдан в условиях однообразных будней, монотонность которых иногда прерывалась религиозными праздниками и катастрофическими событиями: войнами, пожарами, эпидемиями. Эти особенности средневековых представлений об истории заставляют скорее сделать вывод о невозможности в рамках такого мировоззрения идеи исторического развития. Однако предпосылки характерного для европейской модерности историзма возникают именно в средневековой культуре, становясь очевидными к XIII в., когда нищенствующие орден францисканцев и доминиканцев способствовали религиозному обновлению, а мирская жизнь разных городских слоев пробуждала интерес к изменчивости и новизне. В позднем средневековье возникает интерес к истории перехода власти, знаний и культуры от империи к империи или от народа к народу. Этот интерес создавал предпосылки бу-

¹⁶ Барг 1987: 170.

¹⁷ Семиколенных 2010: 53-63.

душих национальных историй, связывающих развитие страны с общей историей мира, восходящей к его сотворению и грехопадению Адама.

С точки зрения исследования средневековых предпосылок возникновения историзма интерес представляет не только анализ эволюции представлений об истории, но и особенности мистической философии, которые также создавали предпосылки для привнесения в понимание истории идеи развития.

В «Исповеди» Августин утверждал, что время раскрывается в духовном опыте человека, в котором прошлое, настоящее и будущее одновременно: настоящее прошедшего – память, настоящее настоящего – непосредственное созерцание, настоящее будущего – ожидание. Именно душа «надеется, имеет намерения, вспоминает». Движение настоящего времени лишено протяженности, «его бег лишь – мгновение». Но мимолетно и прошлое, и будущее, которые пролетают мгновенно, в отличие от воспоминаний или ожиданий, удерживающихся внутренним переживанием (Conf., XI, 20, 28). Важным, таким образом, оказывается не само время, которое исчезает в череде ускользающих мгновений, а его духовные проекции и переживания. Как замечал М. Мерло-Понти, прошлое и будущее «существуют лишь тогда, когда субъективность нарушает полноту бытия в себе, обрисовывает в нем перспективу, вводит в него небытие»¹⁸.

Имея в виду это введение метафизической перспективы, отражающей переживание напряженности между бытием и небытием, спасением и гибелью, можно полагать, что представления Августина об истории и исторической темпоральности имеют некоторую симметричность его восприятию собственного духовного пути. Как это видно в «Исповеди», праведность обретается им не в результате длительных духовных исканий, а внезапным озарением, перед которым блекнет и теряет смысл весь его предшествующий путь (Conf., VIII, 12). Духовные поиски и переживания Августина не воспринимались им как постепенное продвижение к духовной цели, а описывались как «блуждания в темноте». Он созерцал пропасть между греховностью и праведностью, которую человек сам преодолеть не может, если не будет перенесен через нее по воли свыше. Мистический опыт Августина пассивен и экстатичен. Божественная истина открывается ему одномоментно, в готовом виде. Как об этом писал К. Ясперс, «подобное обращение есть не философский, ежедневно обновляемый поворот ума, не то вырывание себя из искажающего и маскирующего и забывающего, но некое поддающееся биографической датировки мгновение, врывающееся в нашу жизнь и дающее ей новое основание»¹⁹. Поскольку истина универсальна, а не уникальна, то субъективный мистический опыт ее искания не имеет значения. Любопытно, что эта черта пассивного экстати-

¹⁸ Мерло-Понти 1999: 531.

¹⁹ Ясперс 2019: 114.

ческого открытия «объективной истины» сохранится в несколько переинтерпретированном виде в классическом экспериментальном естествознании. Устанавливаемый экспериментально научный факт не должен зависеть от субъективных условий эксперимента, его достоверность лежит вне истории его открытия, он должен воспроизводиться в аналогичной экспериментальной ситуации – в другом месте, в другое время и другим исследователем.

Как свое духовное прозрение Августин связывал не с длительным путем, а с внезапным озарением, так и в истории у него главным оказывается не постепенное осуществление высшего замысла, а радикальное разделение добра и зла и конечная победа высших сил. «Град небесный» и «град земной» существуют как два крайних полюса, они разделены пропастью и движутся в противоположных направлениях. Все перипетии этого движения обесцениваются в свете Страшного Суда, подобно тому, как в свете своего собственного озарения Августин понимал тщетность своей личной истории духовных поисков. Любая добродетель Августином определялась через соотнесение ее с вечностью, а не со временем. «Сами добродетели, посредством которых в этой временной смертности живут благоразумно, мужественно, умеренно и праведно, не являются истинными добродетелями, если они не соотнесены с той самой верой, которая хотя и временна, все же приводит к вечному», – писал он в трактате «О Троице» (*De Trin.*, XIV, 1).

Поэтому в мистической философии Августина, так же, как и в его философии истории, принципиальным является выявление не столько признаков идеи исторического развития, сколько потенциальных возможностей ее возникновения и последующей интеграции в понимание исторического процесса.

Средневековый мистик был погружен в поиски абсолютной изначально данной истины, проявляющейся через видимые символы. Богатое разнообразие средневекового понимания символизации сложно выразить современным языком. Как замечает М. Пастуро, средневековый автор, писавший на латинском языке, в одном и том же тексте поочередно мог использовать слова *signum, figura, exemplum, memoria, similitudo*, которые можно перевести как «символ». Не менее разнообразны и латинские глаголы с общим смысловым полем «означать»: *denotare, depingere, figurare, monstrare, repraesentare, significare*. Все эти слова не являются взаимозаменяемыми синонимами, их использование было тщательно продумано²⁰. Такое усложненное выражение символизации неслучайно. В представлениях об истории характерный символизм проявлялся во введении бинарных оппозиций: рай – ад, святость – греховность, добро – зло. В результате мир представлялся в виде сопряженных полярностей, что проявляется в восходящей к Августину традиции понимания истории. Если все силы святости Августин скон-

²⁰ Пастуро 2013: 7-8.

центрировал в «граде небесном», то логика мышления заставляла его наделять «земной град» противоположными качествами.

Как отмечал М.А. Барг, такой стиль мышления приводил к тому, что «над теологией постоянно нависала угроза дуализма, которая отводилась каждый раз, укрывшись под сень мистики»: поскольку синтез противоположностей возможен только в вечности, в истории достаточно описывать лишь формальное соподчинение взаимоисключающих посылок в создаваемой «иерархии истин»²¹. Иерархичность оказывалась не только оборотной стороной символизма, но и способом разрешения связанных с ним противоречий. Мир средневекового человека, в котором жизненный опыт сочетался с мистическими переживаниями результатов действия невидимых сил, характеризовался метафизическим удвоением, что позволяло разрешать возникавшие противоречия в метафизически понимаемом пространстве, а не во времени, и тем более – не в истории. Поэтому мышление средневекового мистика также аисторично, в том смысле, что между данностью и становлением он делал однозначный выбор в пользу данности. Однако эволюция средневекового мистицизма оказала влияние на утверждение идеи историзма. Через несколько столетий созданные Августином формы описания истории («О Граде Божиим») и личного опыта («Исповедь») получили новое содержание. Согласно П. Бицилли, у мистиков позднего средневековья появилось то, чего не было у Августина: представление о том, что внутренняя духовная эволюция человека ведет к открытию высших смыслов непосредственно из глубин человеческого духа. Признаки этой трансформации Бицилли видел в житии Франциска Ассизского, написанного Бонавентурой²². В отличие от шаблонной агиографической литературы, в описании жизни Франциска нет ни изначально данного «готового» совершенства, ни конкретной точки, с которой начинается подъем, ни контраста между плотским человеком и духовным просветлением. Достижение святости предстает в качестве целостной внутренней логичной и непрерывной истории духовного развития человека.

Возможность проецирования внутреннего развития на описание истории реализуется в позднем средневековье. В XIII в. обретает популярность еретическая идея калабрийского аббата Иоахима Флорского, переработавшего миллениаристский миф о тысячелетнем царстве праведников, которое будет установлено на земле в период между свержением антихриста и Страшным Судом. Это будет третья эпоха – царство Святого Духа, которое наступит после ветхозаветной эпохи Отца и новозаветной эпохи Сына. Учение Иоахима, возвестившего начало новой эпохи в 1260 г. (сам он умирает в 1202 г.), вдохновляло оптимистичные надежды на будущее. Эти надежды соединялись с античным мифом о «золотом веке», в котором нет ни корысти, ни угнетения, люди чисты и

²¹ Барг 1987: 155-164.

²² Бицилли 2006: 216-219.

непорочны, а земля украшена божественными дарами и плодоносит сама по себе, обеспечивая всех пропитанием. Если «золотой век» обещается в будущем, то переживание истории обретает новую напряженность, в которой появлению идеи историзма почти ничего не мешает. Однако, по С.С. Аверинцеву, «мистический историзм эсхатологии – это такой историзм, которому легко перейти в отрицание историзма»²³.

Августин оставил еще одну идею, которая спустя тысячелетие привела к неожиданным последствиям. Речь идет о его понимании принципа свободы воли. Возможно, этот вопрос не был бы столь важным для Августина, если бы не его вынужденная полемика с пелагианской ересью и не беспокоившая его необходимость преодоления манихейства. В начале V века Пелагий доказывал, что первородный грех не влияет на человеческую природу. Это означает, что человек, совершая несправедливый поступок, оказывается не жертвой первородного греха, а преступником, сделавшим осознанный выбор. Но это означает также, что и благодать не только дается свыше, но, прежде всего, обретается сознательными усилиями человека. Поэтому пелагианцы считали, что память о каждом совершенном поступке сохраняется. И даже если наказание за несправедливый выбор не придет свыше, то неизбежно наступит внутренняя расплата в виде угрызений совести и душевных страданий. Церковь не могла согласиться с такой трактовкой благодати и греха. В полемике с пелагианством Августин доказывал, что благодать дается не по заслугам человека, «ибо кому воздается по его заслуге, тому награда вменяется не по благодати, но по долгу» (*De grat. et lib. arb.*, V, 11)²⁴. Воля человека держится лишь на его внутреннем сознании в данный момент времени. Поскольку судьба каждого человека уже предопределена свыше, она не является результатом выбора самого человека. Поэтому не может быть никаких объективированных последствий субъективных решений человека. Этот тезис Августина был оформлен им в словах его молитвы («Дай, что повелеваешь, и повелевай, что хочешь»). Но если Пелагий не прав, и грех предопределен природой человека, а благодать – божественным даром, то тогда самому человеку остаются исключительно его субъективные представления, на которые он опирается. Отсюда следует, что результат морального выбора всегда субъективен и нигде «не записывается». Как писал М. Вебер, у Августина и его последователей, спасение связывается «с твердой уверенностью, что они всем обязаны действию объективной силы и что их собственная значимость не играет ни малейшей роли в их судьбе». Это, в свою очередь, «исключает возможность объяснить... невероятный дар божественной милости какими-либо делами, заслугами, глубиной веры или устремлениями»²⁵.

²³ Аверинцев 2002: 498.

²⁴ В русском переводе цит. по: Августин 2008.

²⁵ Вебер 2006: 81-83

Л. Успенский в опубликованной в 1916 г. статье полагал, что идея прогресса вырастает из философии Августина именно в той ее части, которая формировалась в полемике с манихейством и пелагианством. Из манихейства следовало, что добрая и злая воля не связаны с природным состоянием человека, а предстают перед ним в целостном и завершенном виде, два града «не строились в жизни, а были уже даны в ней от века как законченные косные субстанции». В пелагианстве, напротив, содержание воли человека имело внешнее выражение, поэтому, «не могло возникнуть вопроса о какой-либо над-индивидуальной цели человека, о каком-либо граде». Если в первом случае, зло представлялось как самостоятельная сущность, не находящаяся в каком-либо отношении к добру, а во втором, зло возникало как случайное отклонение воли, то в обоих случаях самоопределение человека оказывается невозможным, как чуждой оказывается и «проблема оправдания исторического зла, которая и есть проблема оправдания истории»²⁶.

Признаки идеи исторического прогресса у Августина видел также В.И. Герье. Он писал, что история Августином «была включена в общий план мироздания, от чего она получила планомерный характер», она «была объединена общим синтезом, представлялась единым процессом, который имел общее начало и цель». Эта цель состояла в том, что история «должна была служить подготовлением к небесному Царству Божию», что, как писал Герье, свидетельствует об идеи «нравственной эволюции». И более того: «усматривая в истории человечества эволюцию, Августин несомненно вносил в представление об истории идею прогресса, разумея под этим не культурный и материальный, а именно религиозно-нравственный прогресс»²⁷. Мысль о том, что Августин открыл потенциальную возможность понимания истории как процесса, имеющего свои истоки и назначение, в котором отдельные эпохи и события могут быть синтезированы общей идеей, представляется обоснованной в обширной литературе, посвященной Августину. Однако, во-первых, это понимание истории остается сверхчувственным. Во-вторых, вслед за П. Бицилли, следует признать, что не вполне обоснованно наделять концепцию Августина о двух градах теми характеристиками, в которых Л. Успенский увидел идеи исторического прогресса, тем более что в концепции о двух градах заметно влияние именно манихейской идеи о поляризации добра и зла²⁸. И, в-третьих, идея В.И. Герье о «религиозно-нравственном прогрессе» у Августина ограничивается представлениями о соотношении нравственных добродетелей с вечностью, а не со временем (о чем речь шла выше).

Тем не менее, вопрос о преодолении Августином собственных манихейских воззрений имеет особый интерес для прояснения его

²⁶ Успенский 1916: 113.

²⁷ Герье 1915: 9-10.

²⁸ Бицилли 2006: 215.

представлений об исторической темпоральности. Он вспоминал, когда душа его дошла «до мысли о двух субстанциях» она «не находила покоя и говорила чужим языком» (Conf., VII, 14)²⁹. Преодолевая этот дуализм на основании ревностного следования монотеизму, Августин утверждал, что зло – это «то, что взятое в отдельности с чем-то не согласуется», оно относительно и возникает не просто в результате отпадения от сил добра, а в процессе «ухудшения», когда «всё ухудшающееся лишается доброго», а «если оно совсем лишится доброго, оно вообще перестанет быть» (Conf., VII, 12-13). Здесь очевидны рассуждения об «ухудшении» именно как о процессе, что позволяет синтезировать разрозненные факты в целостную концепцию изменений. Но двойственность представлений Августина об истории в немалой степени определяется его противоречивым отношением к злу. С одной стороны, противостоя манихейству, Августин отрицает онтологический дуализм добра и зла. Творение понимается как непосредственный акт всемогущей воли, не нуждающейся в помощи чуждого начала. Но с другой, имея опыт зла в истории, опыт того, что в «Исповеди» называется «ухудшением», а в трактате «О Граде Божиим» – составляет сущность исторической эволюции «града земного», Августин исходил из признания этического дуализма. Этический дуализм приобретает специфическую напряженность в свете противоречивых идей Августина о свободе воли и предопределенности. Пелагий полагал, что учение о первородном грехе вводит манихейский дуализм в христианскую доктрину. Свобода воли у Пелагия состояла в возможности человека избавиться от греха своими собственными силами. Не желая допускать эту мысль, Августин утверждал, по словам Е.Н. Трубецкого, «противоположную односторонность» теократического идеала свободной воли³⁰.

Если речь идет об «ухудшении» как историческом процессе, то это означает, что прошедшее предопределяет существующее, а существующее влияет на будущее. В этом смысле историчность Августина определяется, как писал К. Ясперс, двойственностью между необходимостью «исторично пребывать в обусловленной грехопадением греховности» и «верой в исторично совершившееся в определенное время вочеловечение Бога»³¹. Эта черта философии Августина открывала принципиально новую возможность описания истории не как механически объединенных событий, фиксировавшихся хронографами, а как целостного и направленного процесса. Однако эта возможность открытия историзма ограничивается самим Августином: в конечном итоге изменения или «ухудшения» не столь важны, поскольку «истинно существует только то, что пребывает неизменным»; «абсолютное добро не может стать хуже, а в том, в чем нет добра, нечему стать хуже»

²⁹ В русском переводе цит. по: Августин 1992.

³⁰ Трубецкой 2000: 748.

³¹ Ясперс 2019: 170.

(Conf., VII, 11–12). Кроме того, в своей концепции Августин не соотносил грады с какими-либо земными институтами, как это позже сделал Оттон Фрейзингенский. Не у Августина, а у Оттона возникает впервые и теория параллельного движения двух градуов в противоположных направлениях, которая, кстати, как замечает П. Бицилли, и у Оттона остается отвлеченной формулой, не оказавшей влияние на его хронику³².

«Нет ничего легче, чем находить у Августина противоречия, – писал К. Ясперс. – Мы понимаем их как одну из черт его величия»³³. Противоречивость Августина проявляется и в его философии истории. Она отражает сложность эпохи – закат античного мира и еще неутвердившаяся средневековая культура. Полярности, заложенные в его философии истории находили свое проявление позже, придавая импульс движению западного мира к модерности. Сравнивая западное и восточное христианство, Аверинцев противопоставлял трактат Августина «О Граде Божием» корпусу т.н. «Ареопагитик» Псевдо Дионисия Ареопагита, также относящихся к V в. Если у Августина мир предстает как история, понимаемая «как острый спор противоположностей и как путь, ведущий от одной диалектической ступени к другой», то у Псевдо Дионисия Ареопагита, мир понимается как космос – «как структура, как законосообразное соподчинение чувственного и сверхчувственного, как иерархия, неизменно пребывающая во вневременной вечности»³⁴. Выбор Августина в пользу временного начала способствовал утверждению темпоральности латинского мира, в отличие от греческого, где идеи Августина не имели столь значимого распространения.

Противопоставление Августином двух градуов спустя несколько столетий способствовало секуляризации представлений об историческом процессе. Ш. Эйзенштадт, рассматривая предпосылки революции и преобразования современных обществ, связывал их с трансформацией представлений о двух градах в секулярных терминах и с попытками осуществления гетеродоксных гностических и сектантских представлений, в которых «небесный град» переносился в «земной град»³⁵. Идея предопределенности и индивидуальной свободы воли, скрытая и уравновешенная у Августина пассивным экстатическим мистицизмом, также содержала в себе потенциал будущего духовного переворота. По мнению Д. Зильбермана, августинианское понимание свободы воли некоторое время сохранялось внутри католической церкви, будучи ограниченным вопросами этики и «законами совести», но лишь до тех пор, пока оно не вышло за пределы абстрактных споров и не проявилось в качестве человеческой воли к действию³⁶. Рассматривая интерпретацию идеи предопределенности Августина в кальвинизме, М. Ве-

³² Бицилли 2006: 214.

³³ Ясперс 2019: 185.

³⁴ Аверинцев 2002: 506.

³⁵ Эйзенштадт 1999: 30.

³⁶ Зильберман 2014: 82-99.

бер обращал внимание на то, что в эпоху Реформации она оборачивается «ощущением неслыханного дотоле внутреннего одиночества индивида». Человек «обречен одиноко идти своим путем», не надеясь на спасение души с помощью церкви и таинств, что завершает, по мысли Вебера, процесс «расколдовывания мира», начавшийся во времена древнеиудейских пророков и эллинского мышления³⁷. Августин, соединяя ответственность человека с предопределением, заложил возможности будущего обоснования эмпирической свободы воли. В этом смысле Августин оказывается «первым современным человеком», как вслед за лютеранским теологом А. Гарнаком его называл Д. Зильберман. Возникший в результате полемики с пелагианством индивидуалистический волюнтаризм Августина в течение тысячелетия из сферы этики проник в область познания, получил доктринальное оформление и через посредничество Джона Уиклифа, Уильяма Оккама и Яна Гуса выразился в протестантизме кальвинистского толка. Объединение пассивного мистицизма и автономности субъективной воли в целостной теологической системе оказалось взрывоопасным, и противоречия между ними способствовали Реформации. Если судьба человека в начальной и конечной точке истории – в грехопадении и на Страшном Суде – уже предопределена, то в самой истории, разворачивающейся между этими двумя точками, руки человека развязаны.

Наделенный свободой воли человек вынужден сам строить свой мир. Протестантские мыслители создали развитые политические доктрины, основанные на идее естественных прав и свобод, общественном договоре, разделении властей. Эти доктрины открыли новое понимание истории как прогрессивного процесса, в котором свободные люди посредством создания демократических институтов должны будут защитить себя от своей же собственной греховной природы.

Встраивание идеала не в топологию метафизики, а в хронологическую перспективу истории происходит с распространением веры в линейное время прогресса. Идея прогресса, хотя и была обязана развитию наук и производства, сохраняет в себе черты средневековой метафизики³⁸. Прогресс должен был привести человечество к состоянию всеобщего счастья, которое в XVIII в. мыслилось в христианском духе как очищение от пороков и торжество добродетелей. В некотором смысле идея прогресса – переинтерпретация в новых условиях ветхозаветного чувства пророческого ожидания будущего спасения, соединенная с новыми политическими учениями и средневековым миллениаризмом в духе Иоахима Флорского. В результате описанных трансформаций история предстала как «способ бытия всего того, что дано нам в опыте», и потому, по словам М. Фуко, «стала неминуемой для нашей мысли»³⁹,

³⁷ Вебер 2006: 83.

³⁸ Бринтон 2003: 198.

³⁹ Фуко 1994: 244-245.

превратившись в культуре модерности из рассказа или совокупности рассказов о прошлом в принцип мышления и поле действия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Августин А. Антипелагианские сочинения позднего периода. Пер. с лат. Д.В. Смирнова. М.: АС-ТРАСТ, 2008, 480 с. [Avgustin A. Antipelagianskiye sochineniya pozdnego perioda. Per. s lat. D.V. Smirnov. M.: AS-TRAST, 2008, 480 s.].
- Августин А. Исповедь. Абельяр П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992, 335 с. [Avgustin A. Isповед'. Abelyar P. Istoriya moikh bedstviy. M.: Respublika, 1992, 335 s.].
- Августин А. О Троице. Пер. с лат. А.А. Тащиана. М.: РИПОЛ классик, 2018, 492 с. [Avgustin A. O Troitse. Per. s lat. A.A. Tashchiana. M.: RIPOL klassik, 2018, 492 s.].
- Августин Блаженный. Творения: В 4 т. Т. 2: Теологические трактаты. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000, 751 с. [Avgustin Blazhennyu. Tvoreniya: V 4 t. T. 2: Teologicheskiye traktaty. SPb.: Aleteyua; Kiyev: UTSIMM-Press, 2000, 751 s.].
- Августин Блаженный. Творения: В 4 т. Т. 3: О Граде Божием. Книги I-XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998, 595 с. [Avgustin Blazhennyu. Tvoreniya: V 4 t. T. 3: O Grade Bozhieyem. Knigi I-XIII. SPb.: Aleteyua; Kiyev: UTSIMM-Press, 1998, 595 s.].
- Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории // Августин: pro et contra. Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: РХГИ, 2002, 972 с. [Averintsev S.S. Poryadok kosmosa i poryadok istorii // Avgustin: pro et contra. Lichnost' i ideynoye naslediyе blazhennogo Avgustina v otsenke russkikh myslyteley i issledovateley. SPb.: RKhGI, 2002, 972 s.].
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛО, 2017, 272 с. [Asman A. Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padeniye temporal'nogo rezhima Moderna. M.: NLO, 2017, 272 s.].
- Барг М. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987, 348 с. [Barg M. Epokhi i idey: Stanovleniye istorizma. M.: Mysl', 1987, 348 s.].
- Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019, 160 с. [Bauman Z. Retrotopiya. M.: VTSIOM, 2019, 160 s.].
- Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М.: Языки славянских культур, 2006, 808 с. [Bitsilli P.M. Izbrannyye trudy po srednevekovoy istorii: Rossiya i Zapad. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, 808 s.].
- Бойм С. Будущее ностальгии. М.: НЛО, 2019, 680 с. [Boym S. Budushcheye nostalgii. M.: NLO, 2019, 680 s.].
- Бринтон К. Истоки западного образа мысли. М.: МШПИ, 2003, 432 с. [Brinton K. Istoki zapadnogo obraza mysli. M.: MSHPI, 2003, 432 s.].
- Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006, 656 с. [Veber M. Izbrannoye: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. M.: ROSSPEN, 2006, 656 s.].
- Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. М.: Печ. С.П. Яковлева, 1915, 268 с. [Ger'ye V.I. Filosofiya istorii ot Avgustina do Gegelya. M.: Pech. S.P. Yakovleva, 1915, 268 s.].
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984, 350 с. [Gurevich A.YA. Kategorii srednevekovoy kul'tury. M.: Iskusstvo, 1984, 350 s.].
- Зильберман Д.С. Православная этика и материя коммунизма. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2014, 256 с. [Zil'berman D.S. Pravoslavnaya etika i materiya kommunizma. SPb.: Izd. Ivana Limbakha, 2014, 256 s.].
- История и память: Историческая культура Европы до начала нового времени / Под редакцией Л. П. Репиной. М.: Круг, 2006, 768 с. [Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Yevropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L. P. Repinoy. M.: Krug, 2006, 768 s.].
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005, 560 с. [Le Goff Z. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2005, 560 s.].
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999, 605 с. [Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. SPb.: Yuventa; Nauka, 1999, 605 s.].
- Метамодернизм: Историчность, Аффект и Глубина после модернизма / Под ред. Р. Ван ден Аккер. М.: РИПОЛ Классик, 2020, 496 с. [Metamodernizm: Istorichnost', Affekt i Glubina posle modernizma / Pod red. R. Van den Akker. M.: RIPOL Klassik, 2020, 496 s.].
- Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. СПб., 2013, 448 с. [Pasturo M. Simvolicheskaya istoriya yevropeyskogo Srednevekov'ya. SPb., 2013, 448 s.].

- Семиколенных М.В. Оттон Фрейзингенский в традиции отрицательной теологии // Вестник Ленинградск. государственного ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. № 3. Т. 2. С. 53-63. [Semikolennykh M. V. Otton Freydingenskiy v traditsii otritsatel'noy teologii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2010. № 3. T. 2. S. 53-63.]
- Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2018, 512 с. [Sobytiye i vremya v yevropeyskoy istoricheskoy kulture XVI – nachala XX veka / Pod red. L. P. Repinoy. M.: Akvilon, 2018, 512 s.]
- Трубецкой Е.Н. Миросозерцание блаженного Августина // Августин Блаженный. Творения: В 4 т. Т. 2: Теологические трактаты. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 681-750. [Trubetskoy Ye.N. Mirosozertsaniye blazhennogo Avgustina // Avgustin Blazhennyu. Tvoreniya: V 4 t. T. 2: Teologicheskiye traktaty. SPb.: Aleteyuya; Kiev: UTSIMM-Press, 2000. S. 681-750.]
- Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002, 480 с. [Uspenskiy B. Etyudy o russkoy istorii. SPb.: Azbuka, 2002, 480 s.]
- Успенский Л. Идея прогресса в философии бл. Августина // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 23. Отд. 2. С. 105-124. [Uspenskiy L. Ideya progressa v filosofii bl. Avgustina // Voprosy filosofii i psikhologii. 1916. Kn. 23. Otd. 2. S. 105-124.]
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд., 1994, 408 с. [Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad., 1994, 408 s.]
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-пресс, 1999, 416 с. [Eyzenshtadt SH. Revolyutsiya i preobrazovaniye obshchestv. Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy. M.: Aspekt-press, 1999, 416 s.]
- Ясперс К. Великие философы. Кн. II. Творческие основоположники философствования: Платон, Августин, Кант. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019, 512 с. [Yaspers K. Velikiye filosofy. Kn. II. Tvorcheskiye osnovopolozhniki filosofstvovaniya: Platon, Avgustin, Kant. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2019, 512 s.]
- Crowther P. The Transhistorical Image: Philosophizing Art and Its History. Cambridge: C.U.P., 2002, 218 p.

Дмитрий Геннадьевич Горин, доктор философских наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; dm.gorin@mail.ru

On the Ideas of Historicism Background in the Philosophy of Aurelius Augustine and Medieval Culture

The study of the medieval preconditions of the regime of historical temporality characteristic of modern societies is associated with the need to understand the variability of ideas about historical time in the context of the transformation of historical culture. The ideas of the irreversibility of time and the prophetic striving for future salvation, introduced by Christianity, did not necessarily have to find their expression in the idea of historical development, let alone progress. In Augustine's historiosophy, the main thing is not the gradual realization of a higher design, but a radical opposition of good and evil and the final victory of higher forces, the preconditions for which are not prepared in history. A similar temporality is evident in Augustine's "The Confessions". It contains a detailed teaching about duration, but spiritual insight in it is associated with a sudden insight. However, the forms of describing history ("The City of God") and personal experience ("The Confession") created by Augustine, after several centuries, led to the substantiation of the idea of historical development. As prerequisites for the idea of historicism, contained in the philosophy of Augustine, not only linear ideas about historical time and its periodization are considered. An essential role in advancing this idea was played by the doctrine of predestination and individual freedom, which Augustine developed in polemics with the Pelagian heresy. In the Reformation, this teaching, freed from the passive ecstatic mysticism characteristic of Augustine, led to a rationalization of the understanding of historical development.

Key words: *historical culture, historical temporality, historicism, Augustine.*

Dmitry Gennadyevich Gorin, Dr. Sci. (Philos.), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. dm.gorin@mail.ru

ИСТОРИЯ КАК ДИКТАТУРА ВРЕМЕНИ

Текст выстраивается на пересечении онтологических проекций времени и истории. Очерченная область (предмет исследования) рассматривается с позиции экзистенциальной философии. Автор говорит о власти, которую время и история имеют над людьми. Эта власть, сочетающая законосообразные действия и произвол, опознаётся как диктаторская. Формулируется основной закон истории: после этого не значит вместо этого. Обсуждается соотношение временного и исторического с каузальным. Уточняется концептуальная композиция, базовыми элементами которой наряду со временем и историей являются вечность и мгновение. Теоретические выкладки сопровождаются экзистенциально окрашенными картинками восприятия исторической реальности. Указываются ориентиры сопротивления диктату времени и истории.

Ключевые слова: время, диктатура времени, закон истории, вечность, мгновение

1. *Ab ovo*. История есть течение событий во времени. Как минимум – осмысленное течение: в каком-то своём шаге, т.е. в движении от случившегося события к следующему, в некоторых своих шагах или даже во всех (и сделанных, и предстоящих). Осмысленность каждого отдельного события сомнению не подвергается. Хотя бы в силу самого статуса событийного: не всё происходящее в данный момент-отрезок времени становится историческим фактом, а тем более событием, т.е. фактом повышенной значимости (сообразно тем или иным критериям).

Как ординарный максимум – историческое движение закономерно, другими словами, осмысленность его устойчиво ориентирована. Как неординарный максимум – история сочетает в себе закон и произвол. Это не совсем то, что известно под классической оппозицией-смычкой необходимости и случайности, где случайность всегда претендует на вхождение в необходимость и закономерность высшего порядка. Произвол уже здесь и сейчас, будучи онтологически соразмерным любой регулярности, подчёркнуто дистанцируется от её формата.

В сфере социально-политической, до сих пор остающейся приоритетной в историографии, гибрид закона и произвола опознаётся как диктатура. Она отлична и от тирании беззакония, и от антитирании законничества (при том что всякое «анти» с очевидностью больно отрицаемым). Оправдание политической диктатуры (бонапартистской – Гегелем, пролетарской – Марксом) есть теоретически фундированное социальное приложение к немецкому историзму – историзму *par excellence*. Впрочем, исторические властители – пешки в руках того, кто/что, перемежая законность и беззаконие, правит самой историей. Высшие диктаторские полномочия в этом смысле закрепило за собой время.

Вступать с ним в переговоры – бесперспективно. Пытаться им овладеть – утопично. Однако...

Договориться – если не со временем, то с историей – надеется Ф.Р. Анкерсмит. Он заверяет нас: «Историческая реальность – не данность, а конвенция, созданная эффектом реальности»¹. Либеральная установка, узнаваемая тут без труда, оборачивается сегодня в своём воплощении тоталитарной данностью ИТ-цивилизации: обнулением частного и непубличного, принудительной транспарентностью, системой абсолютного контроля, клеймящей цифрой, как подневольный скот, прогрессивное человечество и цинично использующей все конвенции и голосования в своекорыстных интересах.

Об овладении временем грезил В.Н. Муравьёв. Он против того, чтобы человек покорно плыл по течению и надеялся на готовую, пассивную вечность, неотличимую от ничто. По проекту русского космиста упразднению подлежит, собственно, не временная длительность как таковая, а то в ней, что делает конкретно-сущее тленным. Возражения приходят на ум незамедлительно. Создавать и наращивать, ничего не отрицая, нельзя, иначе исходный материал окажется исключительно позитивным, не требующим никакой доработки и априори табуирующим, по сути, любую деятельность. Можно, наверное, исхитрившись, отрицать только отрицательное, но тогда этим отрицаемым сегодня окажется нечто, положительно утверждённое вчера, и, стало быть, доподлинно выяснится, что негативное и позитивное в длительности неразъединимы. Но такого рода аргументацией, понятно, иллюзорные чаяния не отменить. Цель утопического мегапроекта не эволюция, даже творческая, а творчески длящаяся вечность, вернее, перманентное воскрешение. «Очевидно, благо, чтобы быть совершенным, должно длиться. И только совершенное, с другой стороны, может длиться. <...> Время есть другое название для жизни»².

Нет. Время – это прочерк между двумя датами на могильной плите. И ещё (теперь с солидарной ссылкой на Фернандо Пессоа): «Мы обожаем совершенство, потому что не можем его обрести; мы бы гнушались им, если бы оно у нас было. Совершенное – нечеловечно. Человеческое – несовершенно»³. Разумеется, ценность жизни неоспорима. Трудно усомниться, впрочем, и в том, что: во-первых, какие-то её мгновения, не сводимые к формату процессуальности-текучести, предельно ценны; во-вторых, уникальная жизнь без воскресения ценнее той, что зависит от воскресительных процедур. Покорение природной стихии, необходимое для окончательной победы над смертью, – какой бы критикой механицизма оно ни сопровождалась – всё равно неизбежно обрекает покорителей и соблазнённых ими на механистический исход. На превращение

¹ Анкерсмит 2003: 289.

² Муравьёв 1998: 229, 283.

³ Пессоа 2018: 227.

человека из существа биосоциального в существо социотехническое, что воочию – в тенденции – и наблюдается сегодня.

Время будто смеётся над тем, кто вознамерился выйти из-под его диктата или хотя бы его ограничить. А скорее, оно выказывает к тем и другим полное безразличие. Что тогда делать? Не паниковать. Ощущая характер времени, держа в уме его подноготную, давать от случая к случаю сдачи. Разобравшись со своевременностью, не уповать на вневременное и не опуститься до роли временщика. Не быть ни аисторичным, ни исторически ограниченным. Для начала следует продумать ситуацию с регулярностями, которые по воле времени или при его попущении упорядочивают историческую событийность.

2. *После этого не значит вместо этого*: таков основной закон истории. Единственный надёжно удостоверяемый её закон. Он не зависит ни от содержания произошедшего и происходящего, ни от их пространственных координат, ни, скорее всего, от того или тех, кто помогает истории двигаться, нанизывая события на ось времени. Отрицание замещения одного другим («не вместо этого») не равносильно ни утверждению их совместности (всё-таки не «вместе с этим»), ни, в общем случае, утверждению их рядоположенности (не обязательно «рядом с этим»).

Рассмотрение событий с обязательным учётом формата «вместе – не вместе, рядом – не рядом» говорит о том, что история имеет не только временное, но и пространственное измерение. Предметное сочетание проекций не исключает жёсткой конкурентной борьбы между ними. Как отмечает Ф.Р. Анкерсмит, историзм модерна «предлагает “деконструкцию” времени через пространство, в том смысле, что временная последовательность аннулируется благодаря точке обзора, расположенной вне реки времени»; последовательный – постмодернистский – историзм, «который имеет смелость историзировать также и исторического субъекта», делает невозможной апелляцию к пространству⁴. Не упомянут третий вариант – рискованный, но самый предпочтительный для субъекта. Тому, кто не торопится оказаться раздробленным на части (постмодерн) или упокоиться в нулевой точке отсчёта (модерн), стоит сделать ставку на *модернизм*, способный сопрягать, казалось бы, несопрягаемое.

В отличие от времени, пространство не столько лимитирует и причиняет исторический процесс, сколько предоставляет ему основание и территорию для развёртывания⁵. Географический детерминизм гораздо более шадящ, нежели детерминизм хронометрический. Объясниться не затруднительно. Естественную историю пишут люди, социальную историю они ещё и творят (кто-то как-то). Отчасти – творят осмысленно. Однако результаты почти никогда не совпадают с проектными расчётами и

⁴ См.: Анкерсмит 2003: 395, 400.

⁵ Об оппозиции «основание – причина» в контексте такого исторического события, как социальная революция, см.: [Фатенков 2020].

ожиданиями. Вмешиваются обстоятельства. Прежде всего, обстоятельства места и времени. Несвоевременность и неуместность действий обуславливают отклонение от намеченной цели. Но влияние этих двух факторов неодинаково. Хронометрический – много жёстче. В нужное место можно прийти заранее, к нужному времени заранее не подойти.

Уильям Берроуз, анархистски противоборствующий временному диктату, образно выписал его суть: «Каждому стрелку требуется определённое время на то, чтобы извлечь револьвер, прицелиться, выстрелить и при этом попасть. Если у кого-то это время меньше, чем у тебя, тебе приходит конец»⁶. Иллюстрация меткая. Перестрелка вразумительной либеральных конвенций и соборной елейности. Но... не будем спешить с концептуальной вытяжкой из приведённой картинки. Самого быстрого на сегодня стрелка завтра, опередив, одолеет ещё более быстрый. Минимизация зазоров между задумкой и действием, между действием и его осмыслением – и даже полное устранение разрывов – не гарантирует ни победы, ни почётной ничьей в соперничестве со временем. Став всецело своевременными и современными, мы продолжим (или начнём) податливо плыть по властвующему над нами течению, останемся хронически зависимыми, побеждёнными. Ведь «быть абсолютно современным, – Милан Кундера прав, – значит быть союзником своих могильщиков...»⁷. Несвоевременные размышления, как убеждает опыт Ф. Ницше и М. Горького, глубже и острее сиюминутных словес.

«Не вместо этого», фигурирующее в историческом законе, выражает реальность непрерывного вторжения прошлого на территорию настоящего. Некогда произошедшее и ставшее событийным – ставшее таковым почти сразу или впоследствии – не уступает в ценностном плане теперешнему или даже превосходит его. Чем скуднее нынешнее, тем настойчивее оно обращается к прошлому или/и взывает к будущему. Но то, что ещё не случилось, может не случиться вовсе, и потому оно гораздо менее надёжно в паллиативной помощи настоящему... и в подспудной дискредитации его, нежели произошедшее когда-то.

Складывающийся культ прошлого в немалой степени алогичен и... неизбежно трагичен, противится помпезной восторженности. У Ф. Пессоа (в творческом наследии португальского лирика и поэтического философа занимает своё место, кстати, и брошюра о защите и оправдании военной диктатуры) читаем: «Время! Прошлое! Там что-то... То, чем я был и чем никогда больше не буду. То, что у меня было и чего больше не будет. Мертвецы! Мертвецы, любившие меня в моём детстве. Когда я их вспоминаю, у меня леденеет душа и я чувствую себя изгнанным из сердец, одиноким в моей собственной ночи...»⁸. Да, диктат прошлого

⁶ Берроуз 2005: 75.

⁷ Кундера 2004: 159.

⁸ Пессоа 2018: 159.

обусловлен и случившимися некогда обретениями, и понесёнными утратами. И чей вклад в детерминацию весомее, не вычислить и не предугадать. Прошлое – это всё то, что было, но не только... А ещё и то, как это могло быть; и то, чего не случилось, но могло случиться. Потенциальное, так и не раскрывшееся в прошлом, делает исторические смыслы неустранимо текучими. Это печаль для тех, кто настаивает на непоколебимости трактовок минувшего исходя из чистых помыслов (такowymi, по крайней мере, они представляются самим толкователям-«монументалистам» и толкователям «позорного столба»). И напротив, текучесть исторических смыслов (а по версии Юлиуса Эвола, самой сущности истории – всегда становящейся, но никогда не бытийствующей) дёшево радует тех, «кто умеет быть расчётливым и приспосабливаться к обстоятельствам, меняя свои убеждения в зависимости от того, куда дует ветер»⁹.

Превознесение прошлого, одерживая верх над посулами будущего, законно торжествует до поры до времени. В частности, давая о себе знать в известном тезисе о повторяемости чего-то в истории: сначала – в виде заслуживающей уважения трагедии, затем – в виде сомнительного покроя фарса. Не исключён, однако, и обратный исторический сценарий: от низкого к высокому, от фарса к трагедии. Не спешите называть прочерченную траекторию прогрессом (в пику не вызывающему сомнений регрессу зеркальной ситуации). Ведь трагедия способна окончательно и буквально завершить исторический процесс. Её вторичность по отношению к фарсу и наследование ему – это произвол, который позволяет себе и которым бравит диктатор-время: для него и ушедшее (совсем или не совсем) ничуть не свято. Впрочем, и с исторически законным достоинством прошлого и сбывшегося не всё так однозначно. Переход от более раннего события (любой ценностной величины) к событию более позднему есть всё же отрицание первого. Получается, для истории ценно не столько прошлое как таковое, сколько отрицающее себя прошлое. Но от его умаления нынешнее не выигрывает. История наглядно демонстрирует и убеждает, что бывшее величие нередко – заслуженно или конъюнктурно – низвергается в прах, а низость, напротив, и уж точно конъюнктурно, приподнимается и возносится до небес. Оценочные кульбиты, совершаемые в настоящем, прозрачно намекают на то, что в нём самом величия недостаёт, а быть может, нет вообще, и бал правит цинизм. Ложно-спасительный запрет на переоценку прошлого лишь углубляет сомнительную историческую колею. Диктатор-время меняет режим законосообразных действий на произвол, подчёркивая холопство тех, чьими руками творит беззаконие. Постулативная константность прежней событийности призвана вуалировать социальную событийную аморфность, а то и пустоту, теперешних дней.

⁹ Эвола 2007: 98.

Между свершившимся и обретением им статуса социально-исторического события (а не только события экзистенциального, значимого зачастую для тебя одного) всегда наличествует временной зазор. История, даже прогрессистски торопясь, никогда не поспевает за временем, своим сюзереном. Отставание чревато нелепостями. Родному городу, которому в перестроечной суете вернули исторически исконное имя, недавно высочайшим указом присвоено звание Города трудовой доблести. Но радости – никакой. Не покидает ощущение чего-то ненастоящего. Поздно, время ушло. В самом деле, трудовая доблесть – это индустриальный город Горький. А Нижний Новгород – исторически – мещанско-купеческий «карман» страны. Доблесть и карман, согласитесь, не пара друг другу.

Возвратимся к теории. Опоздание, как и спешка, есть ценностно-негативная несвоевременность. Ценностно-позитивная несвоевременность есть феномен не сугубо временного разряда.

3. Время ведёт хроническую тяжбу с вечностью. Излюбленный приём – демонстрация изменчивости всего и вся, в частности, череды случающихся и преходящих исторических событий (и того, что можно принять за них). Иск, предъявляемый временем к оппоненту, небезоснователен. Вечность, что бы ни писали о ней инноваторы, бессобытийна. В ней каждое нечто на своём месте и в непоколебимой полноте, оно пребывает, ничего не утрачивая и не обретая. Противоречия и напряжённости вечности неведомы. В ней нет направленности, она лишена устремлений. Никакого диктата, ни малейшего намёка на него – сплошная идиллия, неотличимая от антиидиллии, от тирании покоя. Вечность – аутентичное безвремяе. Его проекция на текучую социальную эмпирию выказывает себя историческим безвременьем. Периодом вялотекущего диктата. Другого, впрочем, и не требуется при отсутствии сопротивления, при пассивности общества. Аморфность и бесхребетность. Не сыскать ни подвижников, ни героев, а без них нечего ждать и существенных перемен. История, притупив вектор, как-то куда-то течёт, обрастает застойными явлениями – времени всё равно. События – и то разнонаправленные – в дефиците. Пустота обыденности заполняется мелкими страстями и их эпифеноменом – происшествиями. Вдруг, в один момент, пусть и фиксируемый с некоторым опозданием, происходит встряска. Тихая заводь оборачивается бурлящим водоворотом.

Переломный момент отличен от момента текущего, с очевидностью длящегося немалое время и, при акцентировке происходящих в нём изменений, постепенно удлиняющегося до весьма продолжительного переходного периода или даже до нескончаемой переходной эпохи. Переломный момент короток, но тоже всё-таки длится. Мгновение (миг) и длится, и не длится. И принадлежит времени, и не принадлежит. И копирует вечность, и являет собой её прообраз. Мгновения не суммируются – при том что выставленные в ряд ничего не теряют в своей индивидуальности.

В этом смысле они – образец для событий: достигаемый, пусть изредка, в сфере экзистенциального бытия и никогда не достигаемый, похоже, в сфере социально-исторической. Цепь событий там остаётся цепью, умаляющей значимость каждого из них. Время, мстя мгновению, стремится низвести его до уровня текущего момента. Вместо полноты бытия, хоть на миг, получаем, из раза в раз, пятна бездарного, контрпродуктивного абсурда. Наподобие того, что тиражирует новостная интернет-строка: «Курский полицейский – украинский шпион». Как бы ни относиться к советскому прошлому, постсоветское теперешнее (настоящим не назовёшь), судя по прочитанному сообщению, граничит с бредом. То, что в Курске орудуют полицейские, а Украина враждует с Россией, воспринимается дикостью; а на фоне годовщины Победы – дикостью беспредельной. И сам День Победы хочется отметить по-человечески: не шумливо, не на показ. Не в суеде презентаций и флешмобов, начальственно рекомендуемых исходя из требований сколачивания карьерного капитала, сообразно плану по маскировке вопиющего социального расслоения демонстративным единством, по драпировке текущей несурзацы достижениями прошлого. Какую же никчемность подбирает нынче время для заполнения вакансий в сетке политической номенклатуры... Что же, в конце концов, сейчас за окном? То ли очередное безвременье, то ли затянувшийся переходный период не пойми к чему, то ли банальная реставрация капитализма, перетекающая в безвременье... Смотреть на нынешнее время в упор не в удовольствие. Но ведь и личной ответственности за всё происходящее никто не отменял. Так что на одно лишь внешнее принуждение ни исторический негатив, ни свою внутреннюю неудовлетворённость не списать. Унывать, однако, не стоит – даже осознавая могущество нелояльных сил и обстоятельств. История пройдёт и по настоящему, и по тому, что выдаёт себя за него. Она всегда так или иначе девальвирует настоящее. Парадокс в том, что одновременно история пытается защитить его: уберечь от каузальных щупалец, тянущихся из прошлого. Возможно, впрочем, эта защитная акция ориентирована на деле не на настоящее, а на то же прошлое: позднее случившееся ограждается от причинного прессинга со стороны случившегося ранее.

4. Временное жёстко конкурирует с каузальным. История и историография пронизаны их соперничеством. Борьба идёт за гегемонию в пространстве объяснительных процедур и, как следствие, за содержательное наполнение критерия научности. Является ли каузальность неотъемлемым, атрибутивным признаком научного дискурса, и если да, то первенствует ли она над прочими объяснительными матрицами, и прежде всего в данном случае над историчностью? Сформулированный выше исторический закон – *после этого не значит вместо этого*, – на свой лад переинтерпретирующий формулу логической ошибки, и нацелен во многом на обуздание притязаний причинности. Та в свою очередь рассматривает

временную последовательность лишь необходимым, но не достаточным условием каузальных отношений: не всякая связь по линии «раньше – позднее» является причинно-следственной связью. Пусть так. Но тогда, при исключительной гегемонии каузальности в науке, сама наука вынуждена будет признать свою ограниченность: далеко не все связи и отношения сущего могут быть ею тогда корректно репрезентированы или смоделированы (если иметь в виду неклассическую парадигму). Более того, возникает ситуация, при которой сциентистский дискурс схватывает и воспроизводит лишь непосредственную, сильную причинную детерминацию, но не замечает опосредованную, слабую каузальность, торопливо принимая её за связь по типу координации.

Историзм, пафосно защищающий приоритет временных феноменов и временной же их связанности, апеллируя к деталям (казалось бы, а порой действительно, мелким), способен зафиксировать и опосредованную, слабую причинность – не сводя её к координационным сетям и укладывая, в статусе подчинённой, во временной ряд. Но тут возникает опасность превращения исторического в каузальное второго порядка. И в результате нечто значимое легко может раствориться во второстепенных подробностях: яркая героическая вспышка низводится к тлению бытовых головешек, трагизм самопожертвования – к раздаче долгов, искренность прощения – к получению-выдаче ссуды. Потеряют в весе, естественно, и претензии к причинности как таковой, а они оправданны. Сильная каузальность небезосновательно подозревается историей (чаще историографией, нежели теорией истории) в чрезмерном редуционизме: в фатальном умалении событийности конкретного события, и так уже ослабленной цепью прошлых событий; в фактическом замещении содержательно случившегося причинно детерминирующими обстоятельствами.

В здравом недоверии к всемогущей каузальности находит выражение озабоченность человека мощью всякой внешней детерминации (в т.ч. временной) и сравнительно скромным ресурсом детерминации внутренней. Силы в самом деле не равны, но это не основание – ни для заискивания перед причинением, ни для соглашательства с доминирующим в нём механизмом¹⁰, ни для антиэссенциалистской (в логике позитивизма) подмены каузальной вертикали координационными сетями, ни для гиперэссенциалистского (в логике «воскресительных» религиозных и технологических спекуляций) её уничтожения.

В.Н. Муравьёв утверждал: «Причинность сама по себе есть убиение творчества, ограничение его и связывание»¹¹, добавляя, что создаваемый людьми целевой проект не имеет ничего общего с каузальностью, включая и целевую (финальную). Невозможно согласиться ни с тем, ни с дру-

¹⁰ См.: Фатенков 2005.

¹¹ Муравьёв 1998: 226.

гим. Против первого пункта: если творческие основания прочны, причинение им не помеха. Так, к примеру, стеснённость Ф.М. Достоевского житейскими нуждами, заставлявшая писать и для заработка, и намеренно многостраничные тексты, вряд ли негативно повлияла на их качество. Против второго пункта: финальная причина действительно слепа и механистична, если вызвана безжизненным, неодошевлённым сущим, – но тогда обнуляются все гилозоистические мотивы в рассуждениях самого русского космиста. Далее. Эта целевая причина (влияющая «из будущего») противопоставлена человеческим действиям, если течение времени попутно им, идя из прошлого в будущее, а не встречным курсом – но у нас нет никаких гарантий того, что оно не течёт именно навстречу, из будущего в прошлое; или, того сложнее, не чередует свою направленность. И тогда любой наш проект заведомо сопричастен внешней телеологии, или, того проще, учтён и обусловлен ею. Угроза фатализма, т.е. жесточайшей причинной детерминации, зачастую играет главную роль в противостоянии исторического и каузального. Диктатор-время, не желая терять свою способность к произволу (предопределённость ликвидировала бы её), вынужден определённым образом поддерживать свободолюбивые помыслы людей. Ситуацию концептуализирует Эрнст Юнгер: «История – это форма, которую придаёт судьбе свободный человек»¹². Немецкий философ очерчивает потолок вольнолюбивых стремлений собственно и сугубо исторического человека. Если судьба – фатум, шансы кардинально изменить её ничтожны. Если судьба – фортуна, шансы – пятьдесят на пятьдесят.

5. Графические реконструкции исторической траектории разнообразны. Тут и языческий *круг*, и иудео-христианская *прямая*, и диалектическая, гегелевско-марксовская *спираль*, и хайдеггеровская фигура *повороты* (с вариативным её начертанием). Тут и *петля* Александра Кожева. По его версии, время движется из будущего через прошлое в настоящее¹³. Как ни крути – петля. Кожев, во-первых, истолковал Гегеля сквозь призму Маркса и Хайдеггера на картезианский (общеевропейский, в определённом смысле) манер. Здесь и рационализация всего психического (сведение желания к отрицанию налично данного), и дуализм: интеллигибельного и протяжённого, времени и пространства, истории и природы, человека и животного. Во-вторых, его творчество – оригинальный микст русской и французской интеллектуальных школ (не всё же, по-трибодовски, невпопад). В-третьих, он не из тех интеллектуалов, кто от слова «диктатура» впадает в истерику и лишается чувств. И не из тех, кто злоупотребляет этим словом, не добираясь до его предмета; а добравшись, корёжит до неузнаваемости. Сказанное не подразумевает аполо-

¹² Юнгер 2014: 65.

¹³ См.: Кожев 2003: 458.

гии диктата и не склоняет к ней. Наоборот. Продумывается стратегия сопротивления диктату – реалистичная, не утопическая. В-четвёртых, хорошим подспорьем к выработке такой стратегии и дистанцированию от идиллических настроений оказывается антропологическая установка неогегельянца: «...Риск жизнью в борьбе чисто престижного характера является “человекообразующим”»¹⁴. Наконец, в-пятых, концепция А. Кожева, с первенством истории над временем, зеркальна по многим важным пунктам выкладкам автора настоящего текста, в котором проводится мысль о главенстве времени над историей.

Кожевовская линия – пока нет человека, нет истории; пока нет истории, нет и времени; дочеловеческий земной мир сугубо пространственный, но не временной¹⁵ – намеренно вырывает род людей из эволюционного процесса. Она, собственно, и оформляется в ту эпоху, когда философия пытается определить человека из него самого, а не из сравнения его с кем-то или чем-то (животным, Богом, вещью). Следуя декартовским путём, Кожев стремится максимально отдалить человека от природной дикости. Классический тезис «Я есть рассудок (которого у животного нет)» заменяется постклассическим (с мощной гегелевской прививкой в духе отрицания отрицания) – «Я есть желание желания». Животное может желать что-то, но не способно желать желание, не обладает рационально фундированной фантазией, не обращено в будущее, из которого и течёт время. Рассуждения Кожева держатся на принципиальном различии ординарного конкретного желания, присущего и животным, и отрицающего эту конкретику неординарного желания, присущего исключительно людям. Однако о своих специфических способностях (самосознании, желании желания) человек судит в конце концов на основании внутреннего опыта, а о способностях животных – на основании опыта внешнего. Корректность сопоставления результатов разного типа опытов всегда останется под вопросом. И потому, скажем, рискованная борьба в стае зверей за статус альфа-самца может оказаться больше чем аналогией – тоже не без желания желания – борьбы человеческих индивидов за общественное признание. Кроме того, и по кожевской логике, исчерпываются со временем оба желания – и ординарное, и неординарное. Так, существенно ли они различны? В русле выстроенной аргументации осмелюсь утверждать: с некоторых пор (о сроках можно спорить) человеческого не прибывает в человеке. И чем меньше в нём от животного (звериного, не скотского), тем больше в нём от машины, от зачем-то мыслящей вещи.

Исчерпанность человеческих желаний означает, по Кожеву, конец истории. В награду, или в качестве компенсации, человечество перед финишной чертой получит будто бы абсолютное знание. Но действительно

¹⁴ Кожев 2003: 471.

¹⁵ См.: Кожев 2003: 456–461.

ли обретенное знание будет полным, максимально ёмким? Вряд ли. Из той посылки, что «подлинно человеческое существование возможно только посредством *отрицания* Жизни...»¹⁶, необходимо следует, что «абсолютным» знанием окажется знание всего отринутого. Но, как бы ни завывал А. Кожев роль негации (подобно тому, как В.Н. Муравьев её роль занижает), знание отрицаемого не даст нам знание отрицательности как таковой. Опыт умирания не равен опыту смерти. Перевертывание изначальной гегелевской неотличимости бытия от ничто на финально историческое уравнивание ничто с бытием решающей содержательной прибавки в наше знание не внесёт.

Если тезис о знаниевом абсолюте в историческом эпилоге из ряда рационалистических спекуляций, то сама кожевовская (с гегелевской закваской) идея конца истории реалистична, содержательна и эффектно оформлена. Петля, затягивающаяся на шее истории, впечатляет. (С первым приближённым диктатора так чаще всего и случается – сам диктатор нередко избегает возмездия.) Исторический процесс фокусируется в точку как таковую (образующуюся на пересечении линий), а не в то, чем обрывается линия... то ли могущая быть пунктирно продолженной, то ли нет. Что-то, конечно, продолжит происходить – но ничего из того, что способно по-настоящему удивить. Точка может развернуться в любую фигуру, которая, однако, рано или поздно схлопывается.

Конец истории не расшатывает власть времени – наоборот, скорее та укрепляется, меняет диктаторский режим на тиранический. После своего пролога тирания вовсе не считается с законом и свободой подданных.

Время и вечность. Время, порождённое вечностью, есть умирание. Вечность, порождаемая временем, есть смерть.

Время и мгновение. Время, пытаясь целиком включить в себя мгновение, перестаёт быть только континуальным, становясь ещё и дискретным, – но остаётся всё равно исключительно текучим (пусть и порциями), отрицающим настоящее. Мгновение, не редуцируемое целиком к временному отрезку, ограничивает всевластие дрящегося и тем утверждает настоящее. Нет гегемонии времени – есть триумф мгновения.

Мгновение и вечность. Даже миг умирания есть ещё жизнь. Бесмертие, даруемое безвременной вечностью, ещё не есть жизнь.

Время и история. Время есть история, индифферентная – и к тому, что в ней происходит, и к самой себе. История есть время – безучастное к тому, чем оно наполняется, но небезучастное к самому себе. Логика движения времени: от исторической диктатуры отрицания (никогда не полного) к постисторической тирании безразличия (не исключено, полного и окончательного). Логика движения истории: отрицание отрицания форм временного диктата.

¹⁶ Кожев 2003: 471.

Сопrotивляющийся – любому внешнему диктату – не вполне современен, не вполне историчен... Держит дистанцию.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с. [Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory. M.: Progress-Traditsiya, 2003. 496 s.]
- Берроуз У.С. Пространство мёртвых дорог. М.: Астрель, АСТ, Адаптек, 2005. 382. [2] с. [Burroughs W.S. Prostranstvo mertvykh dorog. M.: Astrel', AST, Adaptekt, 2005. 382, [2] s.]
- Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. Подборка и публикация Р. Кено / Пер. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 792 с. [Kojève A. Vvedeniye v chteniye Gegelya. Lektсии po Fenomenologii dukha, chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vyshei prakticheskoi shkole. Podborka i publikatsiya R. Keno. SPb.: Nauka, 2003. 792 s.]
- Кундера М. Бессмертие: Роман / Пер. с чеш. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2004. 384 с. [Kundera M. Bessmertie: Roman. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 384 s.]
- Муравьев В.Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. М.: РОССПЭН, 1998. 320 с. [Murav'ov V.N. Ovladeniye vremenem. Izbrannyye filosofskie i publitsisticheskiye proizvedeniya. M.: ROSSPEN, 1998. 320 s.]
- Пессоа Ф. Книга непокоя / Пер. с португ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 448 с. [Pessoa F. Kniga nepokoya. M.: Ad Marginem, 2018. 448 s.]
- Фатенков А.Н. Концепция подвижно-иерархической причинности (на пути преодоления механистической каузальности) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2005. № 2. С. 155–161. [Fatenkov A.N. Kontseptsiya podvizhno-iererkhicheskoi prichinnosti (na puti preodoleniya mekhanisticheskoi kauzal'nosti). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnyye otnosheniya. 2005. № 2. S. 155–161.]
- Фатенков А.Н. Онтологические жесты и образы революции // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 75–87. [Fatenkov A.N. Ontologicheskyye zhesty i obrazy revolyutsii. Voprosy filosofii. 2020. № 3. S. 75–87.]
- Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа / Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 445. [3] с. [Evola J. Lyudi i ruiny. Kritika fashizma: vzglyad sprava. M.: AST, 2007. 445, [3] s.]
- Юнгер Э. Уход в Лес / Пер. с нем. А. Климентова. [Б. м., б. и.], 2014. 149 с. [Jünger E. Ukhod v Les. [Bez mesta, bez izdatel'stva], 2014. 149 s.]

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Приволжский исследовательский медицинский университет (г. Нижний Новгород); fatenkov@fsn.unn.ru

History as a Dictatorship of Time

The text is being constructed at the intersection of ontological projections of time and history. The outlined area (subject of research) is seen from the standpoint of existential philosophy. The author addresses power of time and history over people. This power that combines legal actions and arbitrariness is defined as a dictatorial one. The main history law is being formulated: after that does not mean instead of that. The correlation of temporary and historical with causal is being discussed. The conceptual composition, which basic elements are eternity and instant along with time and history, is being specified. The theoretical assumptions are accompanied by existential pictures of historical reality's perception. The guiding lines of resisting dictate of time and history are pointed out.

Keywords: time, dictatorship of time, history, law of history, eternity, instant.

Aleksey N. Fatenkov, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Privolzhsky Research Medical University; fatenkov@fsn.unn.ru

А. В. КАРАБЫКОВ

**«ПРОСТАЯ РЕЧЬ ИСТИНЫ»: ПРОЕКТ
ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА НА ЗАПАДЕ XVII В.¹
СТАТЬЯ I: ПУТЬ К РЕАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Будучи уникальным явлением эпохи Научной революции XVI–XVII вв., проект всеобщего и особенно философского языка развивался на стыке интересов столь разных дисциплин, как лингвистика и теология, естествознание и семиотика, метафизика и теория коммуникации. В статье исследуется его история, осмысленная как переход от стено- и криптографических систем к схемам всеобщей и далее реальной письменности. При этом философский язык был фонетическим вариантом систем реальной письменности. Анализ каждой ступени сосредоточен на мотивах и целях создателей этих схем, а также на культурных факторах и интеллектуальных предпосылках, обуславливавших их мышление. Обсуждается вопрос о связях, генетически соединявших этот проект с обсуждением природы адамического языка и возможности его обретения. Доказывается, что авторы схем обоих (всеобщего и реального) типов рассматривали их как паллиатив по отношению к утраченному *Ursprache*.

Ключевые слова: *криптография, скоропись, универсальная письменность, ментализм, язык Адама, иероглифика, Джон Уилкинс, Сет Уорд, Ян Амос Коменский.*

Слова – оболочки вещей; опустошенные от вещей, к чему они? А вещи будут тогда, когда будет их ясное выражение. Поэтому говори не для того, чтобы понравиться, а для того, чтобы научить; показывай не видимость вещи, а саму вещь: простая речь истины.

Я.А. Коменский

Введение: адамический контекст

В этой работе исследуется финальная ступень в развитии адамического проекта – умственного движения XV–XVII вв., вдохновлённого мечтой о воссоздании начального языка человечества. По мнению большинства европейских интеллектуалов той эпохи, язык Адама мог бы стать совершенным инструментом миропознания. При этом взгляды на возможность и способы его реставрации сильно варьировались в диапазоне между тезисом о наличии этого языка в современности и утверждением его безвозвратной утраты. В процессе своего становления адамический проект претерпел ряд трансформаций. Их сущность можно представить в терминах стратегий, расцвет которых ознаменовывал соответствующую стадию его эволюции, до некоторой степени заданной её внутренней логикой. Начавшись с доказательства первичности определённого языка (стратегия I “обосновать”), этот проект прошёл в дальнейшем через точку поисков *Ursprache* (стратегия II “найти”) и завершился разделением на двух – мистическом (стратегия III “при-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

нять” на правах дара свыше) и рационалистском (стратегия IV “создать” искусственную замену) путях². В основе двух последних стратегий лежала уверенность в том, что совершенный язык Адама бесследно потерян и не может быть восстановлен – по крайней мере, человеческими усилиями. В этой статье речь пойдёт о второй из них.

Поскольку стратегии адамизма чаще дополняли друг друга, чем осуществлялись по отдельности, в работах, посвящённых их предыдущим типам, мне случалось находить элемент стратегии IV “создать”, сопровождавший другой, главный в том или ином наборе, тип³. Вот только два примера. В «Исповедании братства» (*Confessio Fraternitatis*) (1614) загадочных розенкрейцеров – эзотерического союза, выдуманного или созданного несколькими германскими литераторами в самом начале XVII в., – анонимные авторы утверждали, что, сумев найти и “прочитать” природные знаки, запечатлённые Богом в творении, они создали на основе их некий «новый язык, удобный для выражения и изъяснения природы всех вещей»⁴. И вдохновлявшийся их текстами Джон Уэбстер (1610–1682), пуританский служитель и врач времён английского Междуцарствия (1648–1660) учил о том, что при решении адамической проблемы следует идти двумя путями: “окультизм”, сориентированным на расшифровку сигнатур вещей (стратегия II), и тем, которым мы назвали бы “рациональным” (тогда как для Уэбстера и многих его современников каждый из них был по-своему рациональным и научным)⁵. Этот последний состоял в построении универсального искусственного языка, ставшем тогда модным увлечением английских эрудитов. Дизайны такого языка явились самой чистой и законченной реализацией исследуемой стратегии, и именно они будут рассматриваться в этой статье.

Подступая к их анализу, необходимо уточнить положение этих дизайнов относительно всего адамического проекта. Верно ли рассматривать их как завершение последнего или правильно видеть в них оппозицию, подъём которой ознаменовал собой его крах? Исследователи расходятся во взглядах на этот вопрос. Одни – и я считаю, что они правы, – находят “адамические” корни этих построений и видят в них альтернативный всем предшествующим стратегиям путь, на котором завершилась разработка данного проекта⁶. Другие радикально противопоставляют эти начинания, не признавая ни их генетической связанности, ни роднивших их онтоэпистемических предпосылок. В согласии с этой позицией, творцы схем универсального языка принадлежали к противоположной, нежели адамисты, интеллектуальной парадигме и,

² См.: Карабыков 2014: 114-131.

³ См. там же: 127-129.

⁴ *Confessio Fraternitatis* 1999: 439.

⁵ См.: Webster 1654.

⁶ См.: Knowlson 1975: 87; Aarsleff 1982: 261; Clauss 1982: 534; Padley 1985: 365; Stillman 1995: 40-43; Isermann 1996; Isermann 2007.

сверх того, иному, только зарождавшемуся, культурному миру, определённом господством научной рациональности и несоизмеримому с угасавшим миром Ренессанса⁷. К недостаткам такого взгляда относится то, что он предполагает анахроническое наложение современной нам дихотомии «научно-рациональное – мистико-эзотерическое» на ещё не знавшую её – с известной нам строгостью – духовную ситуацию того времени. Отсюда происходит упрощённое представление о содержании адамических поисков, вовсе не сводившихся полностью к спекуляциям оккультистов⁸. Также этот взгляд не замечает динамики обсуждаемого проекта, выражавшейся в конкуренции и смене стратегий, причём последняя из них явилась реакцией на неуспех всех предыдущих. Наконец, здесь не учитывается внутренняя сложность, присущая самой работе по созданию универсального языка, в рамках которой соседствовали разные по пафосу замыслы и схемы. Да, среди них преобладали светско-позитивные, но имелись и мистически окрашенные, как у миллениариста Яна Амоса Коменского (1592–1670). Словом, отчуждение интересующего нас проекта от контекста, созданного идеями адамитов, предполагает некорректное сужение обеих сторон до их диаметрально противоположных точек и отрицание тех общих представлений, что лежали в основе этих течений мысли.

Далее в этой статье я прослежу развитие того, что до сих пор условно называл проектом универсального языка. В начале будет обрисован его контур, включая ряд культурных факторов и обстоятельств, определявших общий характер и направление работы над ним. Потом я рассмотрю в деталях её первый этап, состоявший в превращении систем скоро- и тайнописи в дизайны всеобщей письменности (universal character). Говоря обобщённо, эти схемы были ранней версией универсального языка. Затем будет проанализирован второй этап, связанный с созданием реальной, или вещественной письменности (real character) и философского языка, самые зрелые дизайны которых увенчали собой эволюцию этого проекта.

Шаг первый: от скорописи к всеобщей письменности

Будучи всеевропейским, движение по созданию универсального языка не имело отчётливо выделявшегося национально-культурного ареала. Но эпицентром его, без сомнения, являлась Англия. В этой стране были не только созданы парадигмальные дизайны первого и второго уровней, но и сама реализация соответствующей стратегии (“создать”) отличалась от той, что велась на континенте. Славившиеся своей практичностью, англичане больше, чем кто-либо, преуспели в разработке применимых систем, которые были призваны компенсировать ограниченность и “дефекты” естественных языков. Преимущественным вкладом континентальных учёных стала проработка теорети-

⁷ См.: Maat 2004: 260-264; Fleming 2017: 234.

⁸ См.: Карабыков 2017; Карабыков 2020: 65-86.

ко-методологических принципов, фундировавших данный проект. Особенно показательна в этом плане деятельность Коменского, Мерсенна (1588–1648) и Лейбница (1646–1716). Два первых из них подготовили почву для создания схем философского языка, тогда как последний хотел превзойти наилучшие дизайны этого рода, произведённые Джорджем Далгарно (ок. 1620–1687) и Джоном Уилкинсом (1614–1672), построив свою систему на ином основании. Хотя надежды Лейбница не сбылись, это не помешало ему предвосхитить развитие символической логики, начавшееся спустя полтора столетия.

Другой момент внутренней сложности, отличавший рассматриваемый проект, проистекал из его напряжённого динамизма. Я указал, что работа над ним, расцвет которой имел место в 40–60-ые гг. XVII в., прошла через несколько стадий, сменявшихся в силу ревизии его методологических постулатов. Во всей полноте этот путь был проделан лишь в Англии. Отчасти в этом повинно то обстоятельство, что исходная его точка – скоропись – была детищем английской культуры, не нашедшим тогда нигде более широкого применения⁹. Вместе с тем благодаря усилиям Мерсенна, Коменского и его сподвижника Киннера (†1649), повлиявшим на последний методологический пересмотр, этот путь смог быть доведён до конца Далгарно и Уилкинсом. При этом самые продвинутые схемы континентальных интеллектуалов: Бехера (1635–1682), Кирхера (1602–1680), Бермудо (1610–1684) и прочих, – остались на ступени всеобщей письменности, не достигнув уровня реальной письменности и философского языка. Но, как мы увидим далее, даже высшие творения английских разработчиков стали возможны ценной многих компромиссов и частичного возврата к решениям, сделанным на предыдущих этапах.

Итак, в начале была скоропись – ещё античное искусство, возродив которое, англичане пользовались им для ведения дневников, переписки и фиксации устных проповедей¹⁰. Открытый учебником Тимоти Брайта (ок. 1550–1615) «Письменность» (*Characterie*) (1588), поток стенографических пособий не истощался в Англии на протяжении следующего столетия¹¹. Аналогичным было положение дел в сфере криптографии, нужда в которой резко возросла в годы Гражданской войны (1642–1651). Создатели техник обоих видов скоро осознали их взаимную обратимость: отдельные типы скорописи могли служить для шифрования, а криптографии – для скорописи¹². Позднее, в процессе со-

⁹ См.: Wilkins 1668 (*The Epistle Dedicatory*). Здесь и далее отсутствие указания страниц при цитировании говорит о том, что раздел источника, из которого взята цитата, не имеет пагинации.

¹⁰ См.: *Ibid*: 13; Коменский 1982: 213.

¹¹ См.: Knowlson 1975: 19-20.

¹² Ср. характерное название параграфа в первой книге «Опыта» Уилкинса: «О знаках [применяемых] для секретности или краткости» (*Of Notes for Secrecy or Brevity*) (Wilkins 1668: 10-11).

вершенствования стено- и криптографических техник, вырисовалась ещё одна крайне заманчивая возможность. Уменьшение объёма письменной речи, к которой стремились их разработчики (пусть криптографы в меньшей степени, чем стенографы) влекло за собой возрастающий отрыв нотационных систем от привычной письменности и, соответственно, от строя английской речи. В итоге находчивые авторы пришли к убеждению, что, развиваясь, эти системы приближаются к тому, чтобы с равным успехом применяться для записи сообщений на любом языке. Так, один из ранних членов Королевского общества Лондона Джон Бил (1603–1683) писал, что «очень верит в то, что прогресс усилий улучшить скорось в конце концов произведёт универсальную письменность»¹³. Одни, подобно Билу, подступали к созданию её схем со стороны стенографии, другие, как учитель Кейв Бек (1623–1706), автор труда «Всеобщее письмо» (*Universal Character*) (1657), – со стороны криптографии¹⁴. Ранее на эту опцию тайнописи указывал первопроходец в данной сфере аббат-учёный Иоганн Тритемий (1462–1516)¹⁵.

Что представлял собой типический дизайн универсальной письменности? Прежде всего облечённую в форму списка – по алфавитному или тематическому принципу – выжимку самых значимых, на взгляд составителей, слов их родных языков. В схеме Бека их насчитывалось около 4000, в схеме Бехера – в два с половиной раза более, а у Кирхера – примерно 9000 единиц. Все они сопровождалась максимально простыми знаками, в роли которых часто применялись арабские цифры, как образцы универсальной понятности. Этот базовый лексикон дополняло описание крайне упрощённой грамматики. Её элементы и служебные слова столь же экономно помечались специальными знаками, отчасти взятых из стено- и криптографических систем. Такую грамматику по ошибке считали универсальной. Чтобы придать всеобщность и лексикону, список исходных слов дополнялся параллельными рядами соответствий из других европейских языков и латыни. Казалось, ничто не мешает продолжать эти ряды вплоть до полного охвата всех земных наречий, в силу чего такие схемы и считались потенциально всеобщими¹⁶. Система нотации, принятая для исходного словаря, автоматически распространялась на все прочие лексиконы, введённые в схему.

Фатальные изъяны этих дизайнов были осознаны позднее, чем их чаемые достоинства, которые, как верили, идеально отвечали главной потребности европейцев в эпоху колониальной экспансии – увеличению силы действовать на расстоянии. Те, кому предназначались эти схемы в первую очередь, были чиновники, купцы, миссионеры. Все они находили чрезвычайно удобным иметь перевод свода законов и

¹³ Цит. по: Salmon 1988: 143.

¹⁴ Beck 1657; Salmon 1988: 140-143.

¹⁵ См.: Strasser 1995: 151-154.

¹⁶ См.: Comenius 1668: 81.

Библии, сделанный посредством всеобщей письменности и снабжённый компактной инструкцией по её применению. По идее эта инструкция была единственным, что подлежало переводу на локальные языки с целью преподавания данной системы туземцам. По замыслу авторов этих дизайнов, глобальным эффектом от внедрения такой письменности должно было стать устранение последствий Вавилонского смешения (Быт. 11:1–9). “Дежавилонизация” мира обещала принести в него скорый расцвет наук и примирение наций, объединённых христианством. Помимо этих сверхцелей, творцы данных схем привлекали внимание современников к более близким выгодам. К ним относились, в частности, минимизация рисков превратного понимания и утечки сведений из-за вероломности переводчиков, а также экономия на услугах сих бенефициаров Вавилона¹⁷.

Роль культурного фона

Переход от стено- и криптографических техник к системам универсальной и затем реальной письменности имел несколько предпосылок. Центральной из них был ментализм, эвристические следствия которого были полностью осознаны и учтены при разработке систем реального типа. В согласии с этим воззрением, язык не играет сколь бы то ни было важной роли в образовании мысли, которое завершается ещё до соприкосновения с ним. Выполняя репрезентативную функцию, язык служит “обёрткой” и “контейнером” для передачи мысли. «Буквы и письмо... суть отображения наших слов (хотя и более постоянные), так же как наши слова – [отображения] наших мыслей», – отмечал в этой связи Уилкинс¹⁸. «Слова служат для того, чтобы регистрировать для нас самих и сообщать другим наши мысли и представления», – утверждал Томас Гоббс (1588–1679), и вместе с ним едва ли не все интеллектуалы той эпохи¹⁹. При этом считалось, что когнитивные различия присущи человечеству на уровне речи и языка, тогда как способы и содержание мышления у всех людей в принципе одинаковы. Эту универсальность, казалось, обеспечивают два единства: когнитивного аппарата и объективного мира. Благодаря им любая вещь идентично запечатлевается в сознании каждого познающего, где, одинаково обработанный, её образ производит единое для всех понятие. И «то, что сообщено всем людям через общие понятия, без всякого исключения, истинно», поскольку Бог, создавший мир и ум взаимно согласованными, отнюдь не думал нас обманывать²⁰. Родоначальником этой концепции был Аристотель, чья эпистемология имела существенное значение для всего проекта универсального языка. «Подобно тому как письменна не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же, –

¹⁷ См.: Beck 1657.

¹⁸ Wilkins (1641) 1802: 2-3.

¹⁹ Гоббс 1991: 514; см. также: Clauss 1982 P. 546-547; Formigari 1988: 86.

²⁰ Коменский 1997: 317; см. также: Wilkins 1668: 20.

читаем в его труде «Об истолковании». – Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления»²¹.

Ментализм делал теоретически бескрайним то, что называют асимметрией языкового знака. Ведь если допустить, что содержание мышления совсем или почти не обусловлено языком, нужно признать, что форма его выражения может варьироваться в чрезвычайно широких пределах. Это подтверждалось сведениями о видах письменности, ещё вчера не- или малоизвестных на Западе: древнеегипетской иероглифике, китайской идеографии и причудливых письменах коренных народов Америки. Интерес к ним давал пищу для раздумий над формами инопланетного общения, возможность которого признавали многие учёные и литераторы того времени²². Ярким примером здесь может служить лунный язык, абрис которого мы находим в утопии Фрэнсиса Годвина (1562–1633) «Человек на Луне» (*The Man in the Moone*) (1638). Оказавшись на поверку видом тайнописи, он воплощал собой идею преобразования криптографической системы в альтернативный – и потенциально всеобщий – язык. Да, именно язык, поскольку “буквами” его служили ноты, предполагавшие звуковое выражение. Вообще говоря, мысль о “музыкализации” языка, создания “языкомузыки” как замены пост-вавилонских наречий тогда привлекала к себе внимание интеллектуалов. Не в последнюю очередь этому способствовало их знакомство с тоническим строем китайского языка, информация о котором стала приходить в Европу с середины XVII в.²³

Между тем анализ экзотических языков, как правило, ограничивался изучением их письменности. Сведения о ней в основном поступали от путешественников и миссионеров, чаще всего доходя до учёных через вторые или третьи руки. Это влекло за собой два устойчивых заблуждения. Одним из них, касавшимся собственно языков, являлась недооценка реального многообразия их устройства. Оно поддерживало веру в возможность уместить их грамматические и словарные системы в прокрустово ложе схем универсальной письменности. На самом же деле предполагаемый универсализм этих схем с трудом распространялся лишь на малую группу родственных европейских языков. Другая иллюзия искажала понимание природы и функции экзотических неалфавитных письменностей. Вслед за Бэконом (1561–1626) их обычно причисляли либо к иероглифике, либо к «реальной письменности», давшей название поздним дизайнам универсального языка²⁴. Два этих типа противопоставлялись друг другу по критерию условности / мотивиро-

²¹ Аристотель 1978: 93.

²² См.: Godwin 1638: 92–96; Comenius 1668: 80; Бержерак 1971: 253, 266–268.

²³ См.: Lu 2015: 141–172.

²⁴ См.: Бэкон 1977: 316.

ванности. Образцом мотивированной письменности была древнеегипетская иероглифика, а условной – китайская идеография, между которыми исследователи могли усматривать генетическую связь²⁵. В отношении иероглифики преобладал неоплатонический взгляд, главным защитником которого являлся Кирхер, самый авторитетный египтолог своей эпохи. По этой версии, иероглифика египтян была визуально-графической системой, не соотнесённой прямо с фонетической стороной языка. Её умышленно изобрели жрецы, чтобы, скрывая свои знания от черни, передавать их по цепи посвящённых²⁶. Если иероглифику понимали как особый, символический, вид тайнописи, то китайскую идеографию – как прообраз универсальной письменности²⁷. В ней так же видели самодостаточную систему графических знаков, обозначающих не слова, а собственно вещи. По этой причине Бэкон назвал их «реальными», т.е. вещественными (лат. *res* – *вещь*). Идеография считалась не связанной с каким-либо конкретным народным наречием и потому выступавшей в роли удобного письма-посредника между разноязычными обитателями Дальнего Востока²⁸. Вместе с тем Роберт Гук (1635–1703) предполагал, что этот вид письменности был формой забытого уже древнего языка, – возможно, не без влияния построений автора китайской версии адамизма Джона Уэбба (1611–1672)²⁹.

Помимо названных систем, творцы универсального письма обращались к символизму, свойственному тем или иным сферам знания: астрономии, химии и особенно математике, где ещё недавно принятая нотация способствовала впечатляющему прогрессу³⁰. Одобряя один из таких дизайнов, предложенный английским купцом и учёным Фрэнсисом Лодвиком (1619–1694), Роберт Бойль (1627–1691) сообщал адресату: «Коль скоро наши арифметические знаки одинаково понятны всем народам Европы, хотя каждый выражает их понимание на своём собственном языке, – я не нахожу каких-либо непреодолимых препятствий к тому, чтобы то, что, как видим, уже сделано в области чисел, было сделано в области слов»³¹. Богатство типов визуальных семиотик, которые соседствовали в культуре, укрепляло вытекавшее из ментализма убеждение, что возможность варьирования и транспозиции форм знакового выражения если не безгранична, то велика. Это давало надежду, что из всех форм можно найти или создать такую, которая станет оптимальным заместителем существующих языков, свободным от свойственных им недостатков: «двусмысленных слов, аномальных вариаций и

²⁵ См.: Kircher 1679: 178.

²⁶ См.: Beck 1657; Becher 1661; Wilkins (1641) 1802: 52.

²⁷ См.: Beck 1657; Wilkins (1641) 1802: 54.

²⁸ Ibidem.

²⁹ См.: Webb 1669.

³⁰ Wilkins (1641) 1802: 54-55 Beck 1657.

³¹ Цит. по: Birch 1772: xxxviii.

излишних синонимов»³². Эта система будет легка в изучении, выгодно отличаясь не только от языков, но и от китайской идеографии, шесть или более тысяч знаков которой подлежали нудному заучиванию из-за отсутствия «соразмерности, или метода, наблюдаемого в их формах»³³.

Вместе с тем был образец письма, где имелась соразмерность семантических и формальных структур. Им служила древнееврейская письменность. Вкупе с занятиями стено- и криптографией изучение иврита стало стимулом к созданию дизайнов универсальной письменности, о чём свидетельствовали многие интеллектуалы. По словам Уилкинса, вспоминая свою работу над ранними схемами – они описаны в его трактате «Меркурий, или тайный и скорый вестник» (*Mercury, or the Secret and Swift Messenger*) (1641), – малочисленность исходных корней иврита делала его подходящей моделью для дизайнов такого рода³⁴. Древнееврейские корни обладали трёхбуквенной формой, абстрактным значением и были лишены грамматических категорий, которые выражались в аффиксах, имевших, как в скорописи, экономичный графический вид. Структурное изящество иврита, вкупе с его сакральным ореолом, склоняли некоторых авторов к рефлексии над ним в русле двух первых адамических стратегий. К примеру, Далгарно, считавший *Ursprache* созданием Адама, утраченным, но представимым в своём устройстве, стоял на позиции слабого гебраизма³⁵. По мнению учёного, иврит является «подлинным диалектом» начального языка, содержащим в себе его следы и фрагменты³⁶. Уилкинс, считавший *Ursprache* творением Бога, непостижимым после его утраты, принимал эту позицию только в качестве распространённого предположения³⁷. Более достоверной он находил идею об адамичности древнееврейского письма, давшего начало графическим системам остальных языков³⁸.

Наконец, для построения универсальной письменности значимым фактором стала практика создания многоязычных словарей, общих и, в особенности, специальных³⁹. В известном отношении схемы этого типа, собственно, и были разновидностью таких словарей, дополненных рудиментной грамматикой и скорописной нотацией.

Шаг второй: от всеобщей к реальной письменности

Рассмотрение этой, философски самой интересной, стадии в осуществлении стратегии IV “создать” начнём с признания условности такого деления. Различие схем всеобщей и реальной письменности де

³² Beck 1657.

³³ *Ibid.*; см. также: Hooke 1686: 68-69; Comenius 1668: 78.

³⁴ Wilkins 1668; Wilkins (1641) 1802: 55.

³⁵ О понятии слабого гебраизма см.: Карабыков 2020: 69-71.

³⁶ Cram, Maat 2001: 287, 397, 403.

³⁷ Wilkins 1668: 5.

³⁸ *Ibid.*: 11, 13-14.

³⁹ См.: Hüllen 1999: 299; Schulte-Albert 1979.

facto было не столь явным, как может показаться вначале⁴⁰. Те и другие зиждились в целом на общем наборе воззрений и преследовали сходные цели, суть которых сводилась к построению универсальной системы знаков, превосходящей наличные языки удобством и эпистемическим качеством. Я уже отмечал, что на каждой ступени происходило не отрицание сделанного на предыдущей, а расширение и усложнение функционала более ранних дизайнов – прежде всего за счёт более глубокой проработки возможностей, заданных ключевыми принципами проекта универсального языка. Так что если системы всеобщей письменности оставались видом скорописи, то схемы реальной письменности уже включали в себя оба этих измерения, но не исчерпывались ими. В свой черёд дизайны философского языка добавляли реальной письменности фонетическую грань.

Точку самого решительного расхождения схем всеобщего и реального типов по праву находят в методах их разработки⁴¹. Дизайны первого типа определяют как апостериорные в отношении существующих языков, на основании лексико-грамматического строя которых они создавались. Схемы второго типа характеризуют как априорные, исходя из намерения их творцов создать «полностью вещественную [систему] ...выражающую в самих названиях вещей, в строении букв, слогов и слов строение предметов», – систему, обусловленную предзаданной классификацией сущего, а не известными языками, по-своему (и всегда «порочно»!) классифицирующими мир⁴². Соответственно, схемы всеобщей письменности были призваны *дополнить* исторические наречия, как бы став их общим знаменателем. Дизайны же реальной письменности в пределе должны были верно выражать содержание мышления и мира, тем самым оказывая терапевтический эффект на познание. По Далгарно, они обещали «исцелить саму философию (т.е. производство знания. – А.К.) от недуга софизмов и логомахии, а также снабдить её более удобными орудиями определения, разделения, демонстрации и т.п.»⁴³. Считалось, что в будущем их наиболее успешный вариант заменит наличные языки в научно-технических дискурсах и затем, если иметь в виду философский язык, даже, может быть, в прочих сферах⁴⁴.

Однако критерий метода был не так уж отчётлив в действительности. Создатели схем всеобщей письменности нередко тоже считали, что

⁴⁰ Ср.: Dascal 1982.

⁴¹ См.: Maat, Cram 2000: 1033-1034.

⁴² Коменский 1997: 386.

⁴³ Dalgarno 1834: 113; см. также: Wilkins 1668 (The Epistle to the Reader).

⁴⁴ Comenius 1668: 80-81. Спустя два года после смерти Уилкинса Гук так характеризовал дизайн своего покойного друга: «Эти письменность и язык столь истинно научные и столь фундаментально методические, что, кажется, в них нет ничего недостающего для того, чтобы наделить их предельным совершенством, [воплотив в них] высочайшую идею любой мыслимой письменности и языка, [предназначенных] как для научного, так и для обыденного пользования» (Цит. по: Andrade 1936: 4.)

посредством анализа языков они проясняют структуру реальности, ибо общие понятия и категории, выделяемые ими из множества языков, сообщают нечто истинное о мире. Со своей стороны, творцы вещественного письма, вопреки заявленным принципам, не могли разомкнуть круг лингвистической детерминации. Где-то осознанно, где-то нет они моделировали подсистемы своих грамматик по привычным им, как вода для рыб, латинским, английским и прочим лекалам. То же можно утверждать о «философских лексиконах» в этих дизайнах. Их состав и строение во многом зависели от лексического строя всё тех же естественных языков⁴⁵. О размытости демаркационной линии также свидетельствует нестабильность терминологии. Легко заметить, что в отношении схем универсальной письменности порой использовался термин “реальный” и обратно⁴⁶. И это было вполне приемлемо для тех, кто исходил из бэконовой дефиниции реального знака как полностью условного обозначения вещи. Ведь в схемах обоих типов знаки были условными и в этом смысле реальными.

Сколь бы смутно ни осознавалось большинством различие между дизайнами двух поколений, оно всё же имелось в действительности и были те, кто видел его лучше других. К ним относились теоретики и непосредственные авторы схем реальной письменности, чьими усилиями была достигнута последняя ступень в развитии интересующего нас проекта. Ещё задолго до создания «Искусства знаков» (*Ars Signorum*) (1661) Далгарно, представившего первым такую схему, в труде «Путь Света» (*Via Lucis*), созданном в период визита в Англию в 1641–1642 гг., моравский реформатор Ян Амос Коменский учил о двух альтернативных подступах к моделированию универсального языка. Один путь должен был идти от существующих наречий, другой – со стороны самих вещей и их понятий. При этом последний был предпочтительнее, так как давал возможность «следовать за ходом самих вещей». Это обещало наделить новый язык «истинной и без труда достижимой гармонией, ибо сами вещи, одинаково данные восприятию всех людей, сделают его всем понятным и легким в изучении»⁴⁷. Затем возможность построения вещественного языка была серьёзней обоснована Сетом Уордом (1617–1689), оксфордским математиком и богословом. В полемическом трактате против Уэбстера и прочих энтузиастов, чаявших обрести язык Рая по каббалистическим и парацельсианским рецептам, «Иск академий» (*Vindiciae academiarum*) (1654)⁴⁸ Уорд выразил разочарование в схемах всеобщей письменности, неэффективность коих уже заметил. На его взгляд, если какая-нибудь из них даже найдёт применение, оно будет крайне ограниченным и не принесёт иных выгод, кроме

⁴⁵ См.: Maat, Cram 2000: 1033-1034.

⁴⁶ Ср.: Birch 1772: xxxvii; Ward, Wilkins 1654: 20.

⁴⁷ Comenius 1668: 80.

⁴⁸ Ward, Wilkins 1654: 20-21.

одной, сомнительной: «коммуникации без языка». Далгарно вскоре обесценит эту выгоду, отметив в отзыве на труд Бека, что видит в его схеме «только странный способ записи английской речи»⁴⁹.

Самое ясное свидетельство о свершившемся переходе, благодаря которому осуществление стратегии VI “создать” вошло в последнюю стадию, оставил Джон Уилкинс в предисловии к своему трактату «Опыт о реальном письме и философском языке» (*Essay towards a Real Character and a Philosophical Language*) (1668). Воздавая должное Уорду, давшему ему понимание нового и, как он думал, верного метода, Уилкинс пишет, что его дизайн стал плодом ревизии, которой он подверг свои (и многих) прежние воззрения на базовые принципы создания универсальной знаковой системы. По его словам, Уорд первым осознал, что все создатели всеобщей письменности, «как правило, ошибались в их (этих схем. – А.К.) начальных основаниях. Они стремились построить такую письменность из лексикона слов, в согласии с неким отдельным языком, но безотносительно к природе вещей и их общим понятиям, равно свойственным всему человечеству, хотя с ними-то и надлежит соотноситься главным образом»⁵⁰. Поняв это, Уилкинс отказался – в теории – от создания своей системы по образцу иврита и на основе словарей других языков, как то предлагалось в его «Меркурии». Вместо этого он попытался смоделировать систему, сориентированную строго на понятия вещей, видя в их постулируемом единстве залог успеха своего замысла.

Из сказанного явствует, что разочарование в схемах всеобщей письменности сопрягалось с критикой и пересмотром метода их создания, а не коренных презумпций и убеждений, фундировавших этот проект. В отношении ментализма, репрезенталистского образа языка и идеи единства исходных понятий у человечества, скорее, произошло обратное. Вновь подвергнув их рефлексии, учёные извлекли из них ещё более радикальные, дальше ведущие следствия. Чтобы прояснить эти выводы, остановимся на том, в чём именно Уорд, Далгарно и Уилкинс видели решающую причину фиаско прежних дизайнов. Последняя цитата из «Опыта» проливает некоторый свет. Творцы систем всеобщей письменности стремились зафиксировать необходимое и достаточное для успешной коммуникации содержание понятийной сферы, единое у носителей разных языков, через “просеивание” их словарей. Они делали это в надежде, что заложенный в уме круг всеобщих понятий сам подскажет искомый объём и состав такого лексического остатка. Но этого не случилось. Все представленные в схемах наборы базовых слов оказались в итоге взаиморазличными и случайными. Сверх того, эти выборки или были слишком скромны для нужд межкультурного общения, или грозили разрастись до размера, который делал бы до крайно-

⁴⁹ Цит. по: Slaughter 1982: 121.

⁵⁰ Wilkins 1668 (The Epistle to the Reader).

сти затруднительным применение всей системы. На это, в частности, указывал Уорд, по чьему наблюдению, «число различных знаков в них будет почти бесконечным (по крайней мере, столь же большим, сколь и количество первообразных слов) в самых богатых [лексикой] языках»⁵¹. И юный Ньютон, утверждавший, что коль скоро даже «диалекты каждого языка различны и произвольны, всеобщий язык не может быть выведен из них (языков. – А.К.) так же удобно, как из сущностей вещей, посредством которых язык был создан вначале»⁵².

Было признано, что создатели схем всеобщей письменности искали *общие*, а не, как следовало бы, *простые* понятия, ошибочно полагая их идентичными. Между тем, по убеждению Уорда, Далгарно и Уилкинса, только простые понятия являются общими, а не наоборот. Отождествляя их в этом, противоположном, направлении, Бек, Бехер и иже с ними неизбежно включали в свои словари вторичные, составные понятия. Это делало невозможным сведение разноязычных лексиконов к единому – необходимому и достаточному – ядру: простые понятия по-разному комбинируются в разных языках, чем объясняется их удивительное семантическое богатство. Поэтому первой своей задачей творцы и идеологи реальной письменности ставили нахождение и упорядочивание простых понятий. «Очевидно, что если все виды простых понятий станут известны и им будут приписаны знаки, их (этих знаков. – А.К.) окажется крайне мало в сравнении с остальными, которые суть образы (большинства? – А.К.) слов... Принцип их составления легко постижим, и составные знаки будут сразу же пониматься и являть зрению все элементы своей композиции»⁵³.

Хотя все были согласны с этим тезисом Уорда, никто не понимал до конца, как может быть получен “алфавит” простых понятий. Опыт предшествующей работы, застрявшей в ловушке естественных языков, открыл творцам реальной письменности бесперспективность индуктивно-лингвистического пути. Они сочли за лучшее обратиться к самим вещам, которые, как считалось, сообщают объективность и тождество понятиям, как своим отпечаткам в умах людей. В эпоху, когда мир ещё мыслился великим ансамблем вещей, разум не мог не казаться его зеркалом. Что более удивительно, это зеркало считалось неповреждённым, а его образы достоверными. Понятие (notion), ментальный образ (mental image), представление (apprehension) использовались как равнозначные по отношению к природным предметам. «Подобно тому, как люди в целом имеют один и тот же закон мышления, они, – учил Уилкинс, – обладают одинаковым внутренним понятием, или представлением вещей»⁵⁴. И потому, чтобы создать поистине универсальный язык, необ-

⁵¹ Ward, Wilkins 1654: 21.

⁵² Цит. по: Elliott 1957: 7.

⁵³ Ward, Wilkins 1654: 21.

⁵⁴ Wilkins 1668: 20.

ходимо прежде выбраться из пут существующих наречий, затмевающих в своей случайности это единство природного и ментального, – предпринять нечто неслыханное в истории: построить язык заново, начав с лингвистического “нуля”, доверившись миру, дающему нам свой подлинный образ. Словом, поставить себя в положение Адама, восполнив утрату его совершенства упорством и верным, научным, методом. Но если Адам, кажется, начал с устных знаков, то новые имятворцы, стремясь освободить свой ум от «фальшивой номенклатуры» вещей, навязанной пост-вавилонскими языками, в основном начинали с построения реальной письменности. Видя странность такой последовательности, автор «Опыта» оправдывал её тем, что в «порядке Природы» нет определённого приоритета: «голос и звуки могут так же быть добавлены к визуальному знаку, как этот знак – к звукам»⁵⁵.

Уже то, как часто интеллектуалы, вовлечённые в проект универсального языка, обращались к библейскому нарративу о создании и утрате *Ursprache*, говорит о том, сколь глубоко ещё была укоренена их мысль в контексте адамических поисков Ренессанса. Но если прежние адамисты чаяли найти и актуализировать первоязык, то они хотели создать его аналог или, по крайней мере, слабый субститут. Преобладающим их пафосом являлась смесь смирения и дерзости. Смирения перед фактом, что язык Рая невосстановим и неизвестен. Дерзости из сознания, что взятая ими задача словно ставит их вровень с праотцем. Ибо те, кто считал вместе с Бэконом и Коменским, что первоязык был творением человека, действительно находили сходными их деяния⁵⁶. Сам Адам должен был потрудиться над созданием языка. «Выставив перед глазами человека порядок вещей и вложив ему в душу некий свод правил, Бог захотел посмотреть, что он станет делать, – утверждал Коменский. – Бог не собирался вовсе покинуть его, если будет нужда в наставлении, но намеревался наставлять лишь по мере нужды. Именно поэтому Он позволил человеку, и даже поручил ему, рассмотрев вещи, всем им дать названия, и благодаря этому повелевать ими»⁵⁷. И по изгнанию во временной мир, он также вынужден был поработать над созданием письменности как средства от забвения⁵⁸. Налицо секулярная, демистифицирующая тенденция. Ещё один шаг в её русле, и мы видим номиналистов: Гоббса, Локка и их последователей, – откровенно смеющихся над идеей совершенного языка, существовавшего-де во время оно. Если Адам и сделал нечто особенное, давая названия вещам, то, на их взгляд, оно сводилось к большей точности и стройности его языка. И сделать это он сумел по той причине, что был искусным наблюдателем-

⁵⁵ Ibid: 385.

⁵⁶ См.: Poole 2003: 286-287.

⁵⁷ Коменский 1997: 378.

⁵⁸ См.: Wilkins 1668: 11.

натуралистом⁵⁹. Но, разрушая *raison d'être* адамизма, Гоббс и Локк тем самым обесмыслили проект универсального языка, имевший с ним во многом общую метафизическую основу, о чём я буду говорить подробнее в продолжении этой работы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аристотель Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с. [Aristotle. Sochinenija: v 4 t. T. 2. М.: Mysl', 1978. 687 s.]
- Бержерак С. де Иной свет, или государства и империи Луны. Пер. Е.А. Гунста // Утопический роман XVI–XVII веков. М.: Художественная литература, 1971. С. 225–306. [Berzherak S. de Inoj svet, ili gosudarstva i imperii Luny. Per. E.A. Gunsta // Utopicheskij roman XVI–XVII vekov. М.: Hudozhestvennaja literatura, 1971. S. 225–306.]
- Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. 567 с. [Bacon F. Sochinenija: v 2 t. T. 1. М.: Mysl', 1977. 567 s.]
- Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с. [Hobbes. Sochinenija: v 2 t. T. 2. М.: Mysl', 1991. 731 s.]
- Карабыков А.В. «И нарек человек имена...»: стратегии воссоздания адамического языка в культуре Ренессанса // Человек. 2014. № 5. С. 114–131. [Karabykov A.V. «I narek chelovek imena»: strategii vosszodanija adamicheskogo jazyka v kulture renessansa // Chelovek. 2014. № 5. S. 114–131.]
- Карабыков А.В. Язык Адама, европейский национализм и подъём ренессансной компаративистики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020 № 66. С. 65–86. [Karabykov A.V. Jazyk Adama, evropejskij nacionalizm i podjem renessansnoj comparativistiki // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologija. 2020. № 66. S. 65–86.]
- Карабыков А.В. Язык Адама, иероглифика египтян и “эмблематическое мировоззрение” Ренессанса // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 133–144. [Karabykov A.V. Jazyk Adama, ieroglifika egipt'an i “emlematicheskoje mirovozzrenije” Rennessansa // Voprosy Filosofii. 2017. № 1. S. 133–153.]
- Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 576 с. [Komenskij J.A. Izbrannye pedagogicheskie sochinenija: v 2 t. T. 2. М.: Pedagogika, 1982. 576 s.]
- Коменский Я.А. Сочинения. М.: Наука, 1997. 476 с. [Komenskij J.A. Sochinenija. М.: Nauka, 1997. 476 s.]
- Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с. [Locke J. Sochinenija: v 3 t. T. 1. М.: Mysl', 1985. 621 s.]
- Confessio Fratemitatis, или Исповедание достохвального Братства всечитимого Розового Креста, составленное для уведомления всех ученых мужей Европы / пер. А.Я. Ярина // Йейтс Фр. Розенкрейцерское Просвещение. М.: Алетейя, Энигма, 1999. С. 431–442. [Confessio Fratemitatis, ili ispovedanije dostohval'nogo bratstva vsechtimogo rozovogo kresta, sostavlennoje dl'a uvedomlenija vseh muzhej Evropy / per. A.J. Jarina // Yates F. Rosenkrejzeshkoje prosveshhenije. М.: Aleteja, Enigma, 1999. S. 431–442.]
- Aarsleff H. From Locke to Saussure: Essays on the Study of Language and Intellectual History. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
- Andrade E.N. da C. The real character of bishop Wilkins // Annals of Science 1936, 1/1, p. 4–12.
- Becher J.J. Character, pro Notitia Linguarum Universalium. Frankfurt: J.G. Spornlin, 1661.
- Beck C. The Universal Character by which all the Nations [...] Tongues. London: Printed by Th. Muxey, 1657.
- Birch T. The Life of the Honourable Robert Boyle // The Works of the Honourable Robert Boyle: In Six Vols. Vol. 1. London: J. and F. Rivington, 1772. P. vi–ccxxiv.

⁵⁹ См.: Локк 1985: 529 (Оп. III, 6, 51). Ср. ремарку Гука: «Кто знает, может быть, Адам дал имена всем существам, [исходя] из подобного созерцания («различных форм, отличий и свойств». – А.К.). По крайней мере, [это должно быть так] если его имена имели какой-либо смысл, [указывающий] на сущность вещей, называемых ими, как многие (не знаю, на каком основании) предположили» (Hooke 1667: 154).

- Clauss S. John Wilkins's *Essay toward a Real Character: its Place in the Seventeenth-Century Episteme* // *Journal of the History of Ideas*. 1982. № 42 P. 531–553.
- Comenius J.A. *Via Lucis, Vestigata & Vestiganda [...] possit*. Amsterdam: Christophorum Cunradum, 1668. 98 p.
- Cram D., Maat J. (eds.) *George Dalgarno on Universal Language: "The Art of Signs" (1661), "The Deaf and Dumb Man's Tutor" (1680), and the Unpublished Papers*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 474 p.
- Dalgarno G. *Didascalocophus (1680)* // *The Works of George Dalgarno of Aberdeen*. Edinburg: T. Constable 1834. P. 117–160.
- Dascal M. *Universal Language Schemes in England and France, 1600–1800 Comments on James Knowlson* // *Studia Leibnitiana*. 1982. № 14 (1). P. 98–109.
- Elliott R.W.V. *Isaac Newton's "Of an Universall Language"* // *The Modern Language Review*. 1957. № 52 (1). P. 1–18.
- Fleming J.D. *The Mirror of Information in Early Modern England. John Wilkins and the Universal Character*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 292 p.
- Formigari L. *Language and experience in 17th-century British philosophy*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins B.V, 1988. 178 p.
- Godwin F. *The Man in the Moone: Or a Discourse of a Voyage Thither by Domingo Gonsales the Speedy Messenger*. London: John Norton, 1638. 126 p.
- Hooke R. *Micrographia: or some physiological descriptions of minute bodies made by magnifying glasses with observations and inquiries thereupon*. London: John Martyn, 1667. 246 p.
- Hooke R. *Some Observations and Conjectures Concerning Chinese Characters* // *Philosophical Transactions*. 1686. № 16. P. 63–78.
- Hüllen W. *English Dictionaries 800–1700. The Topical Tradition*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 525 p.
- Isermann M. *George Berkeley's Language of Vision and the Occult Tradition of Linguistic Platonism. Part I: Linguistic Platonism in the Renaissance* // *Language & Communication*. 2007. № 27. P. 369–395.
- Isermann M. *Rational Representation or Secret Analogy? Some Remarks on the Philosophical Language of John Wilkins* // *Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft*. 1996. № 6. P. 53–77.
- Kircher A. *Turris Babel, sive Archontologia [...] explicantur*. Amstelodami: Janssonio-Waesbergiana, 1679. 219 p.
- Knowlson J. *Universal Language Schemes in England and France, 1600–1800*. Toronto, Buffalo: University of Toronto Press, 1975. 301 p.
- Lu M. *The Chinese impact upon English Renaissance literature: a globalization and liberal cosmopolitan approach to Donne and Milton*. Farnham, Burlington: Ashgate, 2015. 237 p.
- Maat J., Cram D. *Universal Language Schemes in the 17th Century* // Auroux S. et al. (eds.) *History of the Language Sciences*. Berlin, New York: de Gruyter, 2000. Pt 1. P. 1030–1044.
- Maat J. *Philosophical Languages in the Seventeenth Century: Dalgarno, Wilkins, Leibniz*. Dordrecht: Kluwer, 2004. 415 p.
- Padley G.A. *Grammatical Theory in Western Europe, 1500–1700. Trends in Vernacular Grammar I*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 414 p.
- Poole W. *The divine and the Grammarian: Theological disputes in the 17th Century Universal Language Movement* // *Historiographia Linguistica* 2003. № 30 (3). P. 273–300.
- Salmon V. *The study of language in 17th-century England*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. 220 p.
- Schulte-Albert H.G. *Classificatory Thinking from Kinner to Wilkins: Classification and Thesaurus Construction, 1645–1668* // *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. 1979. № 49 (1). P. 42–64.
- Slaughter M. *Universal Languages and Scientific Taxonomy in the Seventeenth Century*. Cambridge, New York et al.: Cambridge University Press, 1982. 288 p.
- Stillman R.E. *The New Philosophy and Universal Languages in Seventeenth-Century England: Bacon, Hobbes, and Wilkins*. Lewisburg: Bucknell University Press / London: Associated University Presses, 1995. 359 p.
- Strasser G.F. *Closed and open languages: Samuel Hartlib's involvement with cryptography and universal languages* // M. Greengrass, M. Leslie, T. Raylor (eds.) *Samuel Hartlib and Universal Reformation: Studies in Intellectual Communication*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 151–161.

- Ward S., Wilkins J. *Vindiciæ academiarum* containing some briefe animadversions [...] on this argument. Oxford: Leonard Lichfield, 1654. 65 p.
- Webb J. An historical essay endeavoring a probability that the language of the empire of China is the primitive language. London: Printed for Nath. Brook, 1669. 212 p.
- Webster J. *Academiarum Examen, Or, The Examination of Academies* [...] Learning. London: Giles Calvert, 1654. 110 p.
- Wilkins J. An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language. London: Samuel Gellibrand & John Martyn, 1668. 454 p.
- Wilkins J. *Mercury, or the Secret and Swift Messenger* (1641) // The mathematical and philosophical works of the Right Rev. John Wilkins. Vol. 2. L.: C. Whittingham, 1802. P. 1–87.

Карабыков Антон Владимирович, доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; meavox@mail.ru

**«The plain discourse of truth»: the project
of philosophic language in the 17th-century West
Part I: The way to the real character**

The project of universal and philosophic language was a unique phenomenon of the epoch of the Scientific revolution of the XVI–XVII cc. It was developed at an intersection of such various disciplines as linguistics and theology, natural philosophy and semiotics, metaphysics and communicational technologies. The history of the project conceived as a transition from steno- and cryptographic systems to schemes of the universal character and then to the real one is studied. The analysis of each stage is focused on motives and aims of creators of the schemes as well as on cultural factors and intellectual premises determining their work and thinking. An issue of the relations genetically connecting that project with discussions of the nature of Adamic language and of possibilities of its recuperation is considered. It is argued that the authors of the schemes of the both (universal and real) kinds regarded them as a palliative substitution of the lost *Ursprache*.

Keywords: *cryptography, stenography, universal character, Adamic language, hieroglyphics, John Wilkins, Seth Ward, John Amos Comenius*

Anton V. Karabykov, Doctor of Philosophic Sciences, Associate Professor, Professor of Philosophy (Social-Humanitarian Specialization), V.I. Vernadsky Crimean Federal University, meavox@mail.ru

Research for this work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 20-011-00622 «Philosophy as action: the pragmatics of textual conduct».

К.А. ИЛЬИНА

НОВЫЕ ПРОФЕССОРА ДЛЯ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ: ВОСПИТАНИЕ ФИЛОЛОГОВ-КЛАССИКОВ В 1830-е ГОДЫ¹

В статье реконструируются практики обучения филологов-классиков в Дерптском университете, Профессорском институте при нем, Берлинском университете в конце 1820-х–1830-е годы. Это дает возможность рассмотреть процесс формирования группы молодых ученых, будущих университетских профессоров, с разделенным пониманием дисциплинарных стандартов классической филологии, методов ее исследования и преподавания. Источниковой основой исследования являются делопроизводственные материалы, извлеченные из фонда Департамента народного просвещения, а также из университетских фондов российских и зарубежных архивов.

Ключевые слова: *классическая филология, Профессорский институт при Дерптском университете, Берлинский университет, профессор, семинар*

В 1780-е гг. филолог-классик Фридрих Вольф сформулировал идею классической филологии как всеобъемлющего знания об античности, которое включало в себя комплекс дисциплин (от грамматики, литературы и всемирной истории до мифологии, географии и истории искусства). В концепцию Вольфа о «науке древности» был заложен и политический аспект: он считал, что изучение классического наследия способствует развитию национальных литератур и построению нации. В начале XIX в. классическая филология в Германии профессионализируется: появляются профессиональные сообщества и журналы, в которых разворачивались дискуссии о том, как и чем должны заниматься представители этой науки². Ведущую роль в спорах играли университетские профессора: Фридрих Вольф из Галле, Август Бёк из Берлина, Карл Мюллер из Геттингена, Готфрид Герман из Лейпцига.

В обучении студентов классической филологии большое значение имел семинар. Занятия в филологическом семинаре профессор-классиков приобщали студентов к выработанным профессиональным нормам и ценностям, а также подготавливали их к самостоятельной научной карьере. Семинар как форма занятий появился в 1738 г. в Геттингене. В 1763 г. его возглавил профессор риторики Христиан Гейне. Он обучал своих учеников риторике, толкованию текстов, красноречию и академическому письму. Этот семинар посещали несколько поколений будущих ученых, учителей и государственных служащих. Один из них – Ф. Вольф, ученик и противник Гейне, создал семинар в Галле в 1787 г. Вольф отказался от элементов общего образования и смог со-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

² Тернер 2006; Графтон 2006; Мост 2009; Тротман-Валлер 2009.

здать исследовательский семинар, посвященный исключительно филологической работе. Именно семинар Вольфа стал моделью для филологических семинаров, в том числе и для семинара в Берлине, которым руководил ученик Вольфа – А. Бёк. Параллельно с академическими изменениями происходили кадровые перестановки, в ходе которых немецкие филологи-классики заняли ключевые административные посты в системе народного просвещения и провели в 1810-е гг. реформу образования, которая утвердила главенствующую роль древних языков, математики и немецкого языка.

Немецкие идеи и преобразования, проводимые еще одним учеником Вольфа Вильгельмом фон Гумбольдтом, нашли отклик в Российской империи. С середины 1820-х годов в Министерстве народного просвещения обсуждали проекты новых уставов и высказывались идеи о реформировании существующих образовательных учреждений. Одним из результатов этих дискуссий стала идея о классической основе образования. Изучение сложных древних языков, по мнению реформаторов, давало защиту от вольнодумства и опасных революционных идей. В то же время классическое образование обеспечивало вхождение в европейский образовательный и культурный контекст. 1830–1840-е гг. были расцветом классицистической тенденции в среднем и высшем образовании и прочно связаны с именем министра народного просвещения С.С. Уварова, президента Академии наук, бывшего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, известного также своими эллинистическими штудиями. Все это создало предпосылки для формирования классической филологии в России как научной дисциплины, а также для организации профессионального сообщества филологов-классиков. Этому способствовали образовательные государственные проекты для подготовки будущих профессоров российских университетов в конце 1820-х–1830-е годы и масштабная кадровая реформа, целью которой было увольнение «профессоров, без заслуг, но без нареkania, опоздалых на их поприще, мало способных к преподаванию, одним словом просто доживающих срок к получению пенсии»³.

В результате кадровой реформы во второй половине 1830-х годов целый ряд «античных» кафедр заняли молодые филологи и историки, выпускники первого набора Дерптского университета и Профессорского института при нем, Главного педагогического института, отдельные стипендиаты и молодые специалисты из Германии. Почти все ученые прошли двух или трехлетнюю стажировку в германских университетах, главным образом в Берлине, слушали лекции и занимались у ведущих немецких филологов-классиков. «Укомплектованы» молодыми (на момент принятия кафедр им было от 25 до 36 лет) филологами-классиками были кафедры латинской и греческой словесности в Московском (Д.Л. Крюков, В.С. Печерин, К. Гофман, А.И. Меньшиков),

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1004. Л. 87 об.

Киевском (И.Я. Нейкирх и А.К. Дёллен), Харьковском (А.О. Валицкий, С.С. Лукьянович), Санкт-Петербургском (Ф.К. Фрейтаг) и Казанском (Ф. Фатер) университетах. Двое из них – Ф. Фатер и К. Гофман – получили образование и ученые степени в немецких университетах.

Исследователями изучены вопросы, связанные с государственными программами подготовки профессоров и кадровой реформой К. Ливена и С.С. Уварова, выявлена роль Уварова в развитии классического образования и классицизма в России⁴. Можно говорить об институциональных, социальных и культурных изменениях в сфере просвещения во второй четверти XIX в., но не о механизмах выстраивания отдельных дисциплинарных групп. В центре внимания этой статьи – практики и стандарты обучения новых филологов-классиков в Дерптском и Берлинском университетах, регулирование учебного процесса, планируемое и реальное распределение и наполнение учебного и свободного времени, то есть то, посредством чего у студентов формируется понимание дисциплины, ее рамок и границ.

Классическая филология в Дерптском университете

Из восьми новых профессоров-классиков второй половины 1830-х пятеро – Ф.К. Фрейтаг, И.Я. Нейкирх, Д.Л. Крюков, А.О. Валицкий, А.К. Дёллен – существенной частью своего филологического образования были обязаны профессорам Дерптского университета. Устав Дерптского университета 1820 г. предполагал преподавание классических дисциплин на двух кафедрах историко-филологического отделения философского факультета: красноречия, древней классической филологии, эстетики и истории художеств и истории литературы, древней классической филологии и педагогики⁵. Кафедру красноречия, древней классической филологии, эстетики и истории художеств с самого основания университета и до 1836 г. занимал филолог и нумизмат Карл Моргенштерн, ученик Вольфа, выпускник и бывший профессор Галльского университета⁶. Ученый был также директором университетской библиотеки, музея искусств и педагогико-филологической семинарии, «корреспондентом Королевского общества наук в Геттингене и Итальянской академии, почетным членом Королевской академии наук в Эрфурте и Великогерцогского латинского общества в Йене, действительным членом Берлинского общества немецкого языка и Курляндского общества словесности и художеств в Митаве»⁷.

⁴ Иванов 1994: 71–77; Петров 2003: 23–44, 141–233; Тамул 1988; Карнаух 2016; Петухов 1902. Паг. 1: 485–496; Костина 2011: 219–228; Андреев 2005: 287–317; Фролов 1999 (Русская наука об античности): 149–174; Виттекер 1999: 189–190; Костина 2013: 212–238; Фролов 1999 (Граф Сергей Семенович Уваров...); Кнабе 2000.

⁵ Устав Императорского Дерптского университета, 4 июня 1820 // Сб. постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Изд. 2. СПб., 1873. № 481. Стб. 1382.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 207. Л. 5 об.–6.

⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. Ч. 1. СПб., 1827: 598.

Учрежденную в 1820 г. кафедру истории литературы, древней классической филологии и педагогики с 1821 по 1830 год занимал выпускник Кильского университета Иоганн Франке. Он был учеником Карла Фридриха Гейнриха, который учился у Гейне и основал в Киле филологический семинар по образцу геттингенского. В январе 1831 г., после смерти Франке, кафедру по решению совета занял выпускник Берлинского университета, ученик А. Бёка Фридрих-Христиан Нейе⁸. Моргенштерн, Франке и Нейе преподавали студентам университета и примкнувшим к ним летом 1828 г. воспитанникам Профессорского института классические языки и цикл наук, необходимых для ученых-классиков. Профессора по очереди руководили занятиями в филологической семинарии.

Глава об открытии в университете Учительского (Педагогического) института появилась в уставе 1803 года по инициативе Моргенштерна. По мере роста количества воспитанников подразумевалось разделение института на две семинарии: филологическую и богословскую⁹. Судя по расписаниям занятий, Моргенштерн, воспитанник семинарии Вольфа, практически сразу стал вести свои занятия в семинарском формате. Устав Дерптского университета 1820 года включал в себя положения об организации Педагогико-филологической семинарии при университете. Целью такой семинарии должно было стать не только подготовка учителей для учебного округа, но и возможность для прилежных и способных студентов «снискать потребные к основательному изучению всякой науки сведения в языках и творениях греков и римлян». Двухлетнее обучение десяти семинаристов и приглашенных отдельно к участию в семинаре отличившихся студентов университета курировали четыре профессора (красноречия, педагогики, философии, русского языка и словесности), должность директора попеременно занимали профессора-классики. В ходе занятий, заключающихся в «изъяснении и переводах греческих и римских классиков», а также «в сочинениях, разговорах и диспутах на латинском языке» о филологических предметах, профессорам необходимо было объяснить студентам «методику разных предметов школьного учения» и стимулировать самостоятельную деятельность. Занятия классической филологией планировались по два часа в неделю, всех прочих предметов – по одному. Кроме обучения в семинарии студенты были обязаны посещать факультетские лекции по специальности и в конце семестра сдавать экзамены. Одной из привилегий семинаристов, кроме стипендии, была собственная библиотека – «лексиконы, издания классиков, ландкарты и другие вспомогательные средства»¹⁰.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 529. Л. 1–1 об.

⁹ Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник... Т. 1. № 32. Стб. 162; Петухов 1902. Паг. 1: 198–201, 479–482.

¹⁰ Устав Императорского Дерптского университета, 4 июня 1820. Стб. 1402, 1403, 1404; ЕАА. Ф. 402. Nim. 4: 399. Lk. 1, 1 k.–1 a, 3, 4 k., 13.

Самый старший из «новых» профессоров-филологов Ф. Фрейтаг окончил Дерптский университет в 1820 г. Затем он 6 лет преподавал в Дерптской гимназии латинский и греческий языки, а потом два года служил цензором в Цензурном комитете в Дерпте до закрытия комитета 1 декабря 1828 г.¹¹ Преподавание в гимназии сразу после обучения позволяет предположить, что Фрейтаг был воспитанником Педагогического института, так как именно они обязывались прослужить в школах округа определенный срок. Для Фрейтага организация филологического обучения в Дерпте осталась идеалом, на который он ориентировался в своей последующей деятельности. Заняв с 1833 г. позицию профессора греческой и латинской словесности в Ришельевском лицее в Одессе, он уже через год просил министра определить его профессором в Киев или какой-нибудь другой университет империи. Ученого разочаровало отсутствие «научных пособий и справочников»: «Лицейская библиотека в филологическом отношении уступает любой гимназической библиотеке в Дерптском учебном округе». Не удовлетворяла молодого профессора и подготовка слушателей: «Я полагал встретить аудиторию студентов, каковую я имел в Дерпте, основательно подготовленную гимназическим образованием критического и грамматического разбора античных авторов на более высоком уровне, – писал профессор. – Вместо этого я вынужден объяснять своим слушателям <...> самые тривиальные грамматические вещи у Гомера и Горация»¹². В 1836 г. одесский профессор, отказавшийся от экстраординарной кафедры в университете Св. Владимира из-за финансовых соображений, был приглашен в Санкт-Петербургский университет, где в течение 16 лет занимал кафедру римской словесности и древностей.

Покидая Ришельевский лицей, Фрейтаг рекомендовал попечителю Одесского учебного округа пригласить на свое место выпускника Дерптского университета И.Я. Нейкирха, который после стажировки в Лейпциге у Германа и в Берлине у Бёка «сделался сам известным в ученом свете хорошо принятыми сочинениями»¹³. Нейкирх поступил в университет в 1826 г. после обучения в Митавской гимназии. Его формулярный список свидетельствует, что в 1826–1828 гг. он учился в педагогико-филологической семинарии при Дерптском университете¹⁴. С точки зрения выстраивания отношений в семинарии и эмоциональной связи с профессором очень показательно, что во время своей четырехлетней заграничной стажировки Нейкирх постоянно переписывался с Моргенштерном¹⁵, а на первом листе своей диссертации, защищенной в

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3986. Л. 2 об.–3.

¹² ГАК. Ф. 16. Оп. 276. Д. 481. Л. 5. Благодарю А. Каплуновского за перевод писем Ф. Фрейтага с немецкого языка.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 142. Л. 172.

¹⁴ ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 6. Д. 203 а. Л. 141 об.–142.

¹⁵ Neukirch J. H. 11 kirja Karl Morgenstemile, Dresden // DSpace Startseite. Tartu Ülikooli Raamatukogu. 5 Käsikirjakogu. Isikuarhiivid. Morgenstern, Johann Karl Simon. K. Mor-

Лейпциге в 1833 г. – посвящение учителю: «Carolo Morgensternio praesertori amico et fautori benigno. Librum huncce sacrum esse vult»¹⁶.

Намного полнее задокументировано обучение студентов Профессорского института: воспитанника Казанского университета Д.Л. Крюкова и выпускника Виленского университета ученика Э.Г. Гроддека А.О. Валицкого. Они должны были провести в Дерпте 3 года, но из-за политических обстоятельств прожили там почти 5 лет и защитили докторские диссертации. Занятия молодых ученых контролировали: раз в полгода профессорами составлялись ведомости, в которых отмечались прослушанные курсы и успехи студентов. Эта информация направлялась попечителю учебного округа и министру народного просвещения.

Каждый семестр молодые филологи выбирали по 4–5 курсов из каталога публичных лекций. Они в обязательном порядке посещали занятия и лекции профессоров-классиков. В среднем каждый из выбранных преподавателей проводил часовые занятия 4 дня в неделю¹⁷. Так, за три года они прослушали «с прилежанием, вниманием и пользой» у Моргенштерна 4 семестровых курса (римские древности, нумизматику, частную жизнь римлян, историю греческой и латинской словесности и прочих древностей, а Валицкий еще и изъяснения Горация) и 3 годовых (филологическую энциклопедию и методологию, греческие древности, археологию изящных искусств). У Франке студенты посещали 5 полугодовых курсов («изъяснения на софоклову Електру и персиевы Сатиры»), «изъяснения на Аристофана и Персия», лекции по Эсхилу и Плавту, преподавания о горацевых одах, историю греческой и латинской словесности), а незадолго до смерти профессора начали слушать у него «преподавание гомеровоу Илиады». Во втором полугодии 1831 г. Крюков и Валицкий слушали у профессора Нейе курс по метрике¹⁸.

Весомой частью профессионального образования было участие в педагогико-филологической семинарии и написание на латинском языке двух сочинений (рассуждений) о филологических предметах в полугодие. В первый год обучения Крюков и Валицкий тренировались в изъяснении древних авторов на латинском языке, их сочинения были признаны Моргенштерном и Франке «достойными уважения». Написанное Крюковым в следующем семестре сочинение на латинском языке Франке оценивал как «весьма удовлетворительное и, по сравнению с сочинением прошедшего года, показывающее явные успехи». Рассуждения, поданные на втором году обучения оценены более конкретно: так, по мнению Франке, Валицкий продемонстрировал «внимание и собственное размышление», а Крюков «с пронизательностью разьяс-

morgenstermi kirjavahetus. Kirjad Karl Morgensternile. 14. kd. Lk. 190–207. О семинарах как эмоциональном сообществе: Karlsohn 2016.

¹⁶ De fabula togata Romanorum. Accedunt fabularum togatarum reliquiae. Scripsit et edidit Jo. Henr. Neukirch, Ph. Dr. Lipsiae: apud Weidmannos, 1833.

¹⁷ ЕАА. F. 402. Nim. 4: 512. Lk. 160.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 656. Л. 6 об., 14–14 об., 24, 24 об., 34, 39, 55 об., 56, 89.

нил истинные значения некоторых мест в Курции, Таците и Плутархе». Кроме того, Валицкий представил Моргенштерну сочинение на латинском языке, «показывающее его способности к филологии и к исторической критике». В первом полугодии 1830 года оба написали сочинения под руководством обоих профессоров-классиков¹⁹. Кроме навыков академического письма, профессора обучали студентов устным выступлениям на латинском языке. Профессоранты участвовали в диспутах, организуемых Франке, после его смерти занимались у Моргенштерна «латинскими диспутами о филологических предметах». Во время «разговоров на латинском языке» Моргенштерн «старался споспешествовать филологическому учению <...> посредством критикования поданных ими греческих и латинских рассуждений»²⁰.

Наряду с дисциплинами, читаемыми профессорами классической филологии, студенты включали в свои учебные планы занятия у других профессоров философского факультета: российского языка и словесности и директора Профессорского института В.М. Перевощикова, статистических и географических наук К. Блюма, исторических наук Ф. Крузе, теоретической и практической философии Г. Еше. У Перевощикова молодые филологи прослушали семестровый курс по истории российской словесности. В начале обучения два семестра посещали «с великим прилежанием» древнюю историю у Блюма, а после смерти Франке ходили на его частные уроки, во время которых преподаватель «читал с ними Демосфена». Каждый из студентов бывал у профессора Крузе «на диспутах и написал и защищал рассуждение», а также прослушал семестровый курс по греческой истории, а в последние годы обучения студенты пользовались его частными уроками по всеобщей истории. Крюков посещал у Крузе дополнительно занятия по «географии гомеровой» и истории древних, а также прослушал курс логики у ученика И. Канта Еше. Еше давал «частные уроки по истории древней философии», которые также пользовались популярностью среди студентов. Кроме того, все воспитанники Профессорского института усиленно занимались немецким языком у лектора К. Раупаха, готовясь к заграничной стажировке²¹. Итогом обучения в Профессорском институте при Дерптском университете стали защиты докторских диссертаций: Крюков представил и защитил диссертацию «Observationes ad Taciti Agricolam» (1832), а Валицкий – «De Cornelio Nepote» (в 1833)²².

Стажировка в Германии как профессиональное становление

В 1820–1830-е гг. Берлинский университет считался эталоном нового европейского высшего образования. Здесь читали лекции по философии Г. Гегель и его ученики, филологию преподавали А. Бёк, К. Лах-

¹⁹ Там же. 6 об., 14, 24, 24 об., 34.

²⁰ Там же. Л. 39, 56, 69.

²¹ Там же. Л. 6 об., 10, 14–14 об., 24, 34, 39 об., 56, 56 об., 89.

²² ЕАА. F. 402. Nim. 2: 13633, 26458.

манн, И. Беккер и К. Цумпт, на юридическом факультете блистал основатель школы исторического права Ф. Савиньи, начинал читать исторические лекции Л. Ранке. В распоряжении студентов были сокровища Королевской библиотеки и коллекции Королевского музея. Кроме Берлинского университета филологи и историки стремились посетить овеянный легендами Геттинген и Лейпцигский университет, чтобы познакомиться со знаменитым Г. Германом и поучаствовать в заседаниях его филологического общества. Считалось, что для профессионального становления необходимо побывать в Мюнхене и Париже, чтобы ознакомиться с собраниями древностей в музеях и богатейшими библиотеками. Отдельной строкой шло посещение городов Италии – Рима, Неаполя, Флоренции – чтобы увидеть изученные древности воочию.

В декабре 1828 г. в связи с ликвидацией Цензурного комитета в Дерпте, Фрейтаг был уволен и отправился в «ученое путешествие по Германии, Италии до Неаполя, Швейцарии, Франции»²³. Он путешествовал полтора года, и в сентябре 1829 г. защитил в Тюбингене докторскую диссертацию «Antiquitatum Homicarum Specimen I» и получил диплом на степень доктора философии, который потом представил в Ришельевский лицей и Санкт-Петербургский университет²⁴.

Планирование стажировки Нейкирха началось летом 1829 г. и заняло больше года. Она финансировалась государством, и поэтому требовала уверенности в личных качествах и академических навыках кандидата, согласования маршрута путешествия и сроков обучения молодого специалиста у «славных иностранных филологов». За Нейкирха поручились профессора-классики Моргенштерн и Франке, профессор русского языка и литературы В.М. Перевозииков и ректор И. Эверс. Профессора, видевшие в молодом специалисте своего будущего коллегу, расписывали попечителю, а тот министру достоинства своего ученика: они отмечали «редкие дарования» Нейкирха к филологии, научные успехи и ранние публикации молодого ученого. Далее преподаватели излагали подготовленный ими план заграничного путешествия Нейкирха. Так, для него планировалось «трехлетнее пребывание в городах Лейпциге, Берлине и Париже». Основным условием предоставления стажировки было последующее вступление «в службу профессору в какой-либо университет государства»²⁵.

Однако реальная программа пребывания Нейкирха в Европе отличалась. Уехав 1 октября 1830 года, в августе 1833 года он запрашивал разрешение о продлении на год срока пребывания и дополнительном финансировании. Любопытно, что просьбу Нейкирх переслал, видимо, вместе с личным письмом, через своего университетского профессора и

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 142. Л. 173 об.–174; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3986. Л. 2 об.–3; ГАК. Ф. 16. Оп. 276. Д. 481. Л. 4 об.

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 142. Л. 171 об.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 490. Л. 1 об., 2.

учителя – Моргенштерна, который в середине сентября переправил весь пакет документов в министерство, поддержав просьбу Нейкирха своим письмом к министру. Молодой ученый сообщал, что «несколько времени должен был он посвятить во время пребывания своего в Италии на осмотр всего, в той стране достопримечательного», хотя в первоначальном плане Италии не было. Кроме того, много времени было потрачено на научную работу: «на составление сочинения... несколько месяцев на сравнение некоторых старых изданий Нониуса Марцеллуса; несколько месяцев на изучение французского и итальянского языков». «Хотя остальное время и было им посвящено на изучение новейших классиков и филологов, – свидетельствует министерская выписка из письма Нейкирха, – но при всем том многое еще остается для него неизвестным; а посему и возбуждает в нем большое желание провести еще один год за границей». Министр С.С. Уваров разрешил Нейкирху остаться еще на год в Лейпциге «под руководством известного тамошнего филолога Германа, дабы сей молодой ученый, коего я имею в виду для замещения при Дерптском университете кафедры древней классической филологии мог занять сие место с полным успехом». Видимо, Уваров прочил Нейкирху кафедру Моргенштерна, который как раз вышел на пенсию 25 лет. Нейкирх вернулся в Россию в сентябре 1834 года²⁶.

В рамках кадровой реформы обязательным элементом подготовки будущих специалистов были заграничные стажировки. Государственные программы подразумевали двух-трехлетнее обучение стипендиатов в европейских университетах. Студенты Профессорского института в Дерпте должны были отправиться в Европу осенью 1831 г., чтобы успеть к началу зимнего семестра (октябрь). Поэтому в конце 1830 г. дерптские профессора стали продумывать маршруты стажировок. Из-за революционных событий во Франции и Польше из маршрутов были исключены французские университеты. Для филологов «дополнительным» к Берлину университетским городом виделся Лейпциг, для историков и математиков – Геттинген. Однако при обсуждении вопроса отправки профессорантов в Европу Комитет устройства учебных заведений, указывая на «настоящие смутные политические обстоятельства», предложил оставить студентов в Дерпте еще на один или два семестра. Уваров прямо заявлял, что «по нынешним обстоятельствам он полагал бы <...> приостановиться отправлением студентов в чужие края». Николай I поддержал решение комитета и 28 апреля 1831 г. наложил резолюцию: «Совершенно справедливо, что ныне не время посылать в чужие края, даже под надзором. Оставить в Дерпте»²⁷.

Ранней весной 1832 г. ректор Дерптского университета отвечал министру на вопросы о целесообразности заграничных стажировок молодых специалистов и предпочтительном месте их проведения. Для

²⁶ Там же. Л. 69–69 об., 75 об., 90.

²⁷ Там же. Л. 6–6 об., 18 об., 19, 18.

филологов, отмечал он, необходимо продолжить учебу в Лейпциге, Берлине и Геттингене». В докладе императору министр перечислял города для стажировки профессорантов: Берлин, Лондон или Эдинбург, Вена. Предполагалось, что первый год студенты пробудут в Берлине «где, в ученном отношении можно найти все нужное для врача, филолога, историка, дипломата и политического экономиста»²⁸. В январе 1833 г. историки М.С. Куторга и М.М. Лунин, а также филологи Д.Л. Крюков и А.О. Валицкий были отправлены «в чужие края»²⁹. Русские студенты-филологи пребывали в Берлине на протяжении первой половины 1833 года. Первым, в апреле 1833 года, в Берлине оказался молодой кандидат Санкт-Петербургского университета В.С. Печерин, ученик профессора Ф.Б. Грефе, присоединенный к воспитанникам Профессорского института³⁰. Он сразу включился в работу филологического семинара А. Бёка и стал слушать у него энциклопедию и методологию филологических наук, а также ходил на лекции ученика Гегеля Л. Геннинга (энциклопедия философических наук по системе Гегеля) и на занятия К. Лахманна по Элегии Проперция³¹. Приехавший в конце июня, незадолго до окончания семестра, Крюков, посещал лекции профессоров (филологов Бёка, Лахманна, Цумпта, Беккера, философа Геннинга) как вольнослушатель, для того чтобы адекватно сделать выбор на следующий семестр³².

Отчеты и ведомости о занятиях в Берлинском университете дают понимание, что считалось необходимым в обучении филолога, какие навыки прививались молодым ученым, позволяют восстановить впечатление от личного общения с преподавателями. Первые отчеты были опубликованы в Журнале Министерства народного просвещения в сентябре 1834 г.³³ В публикацию вошли восторженные отзывы Печерина и Крюкова о преподавании Бёка и Геннинга. Печерин писал в отчете 1833 г.: «Лекции Бёка доставили мне полный и ясный образ всех предметов, составляющих круг деятельности филолога. Соглашаясь с знаменитым Вольфом в основной идее филологии как науки древности (Altertumswissenschaft), г. Бёк опровергает сделанное сим ученым распределение филологических наук и созидает новую систему, строго выведенную из коренной идеи науки». Ему вторил и Крюков: «отрадно было слышать живую речь проф. Бёка, сообщавшего всему, чему касался особенный интерес»³⁴. Молодые ученые присутствовали на филологическом семинаре (по выражению Крюкова, «латинском диспутатори-

²⁸ Там же. Л. 35 об., 30–30 об.

²⁹ Там же. Л. 87.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 291. Л. 2.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 73–74.

³² Там же. Л. 47, 64, 87.

³³ Известия о занятиях русских молодых ученых, совершенствующих свои познания за границей // ЖМНП. 1834. Ч. III. Сентябрь. Отд. IV: 461–462, 465.

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 73–73 об., 87.

уме») Бёка и были от него в восторге. Для семинара Бёка (как и для семинара Моргенштерна) прообразом был семинар учителя – Ф. Вольфа.

По составленному Бёком в апреле 1812 г. плану, филологический семинар ориентировался на тех, кто готов был посвятить себя научному труду (в области классической филологии, богословия, юриспруденции) или занять преподавательские должности в университетах и школах. Для поступления в семинарию кроме безупречной репутации требовались базовые знания языков. Директор отбирал для двухлетнего обучения в семинаре 8–10 студентов. Занятия семинара подразумевали три вида работы. Каждую неделю по два часа семинаристы под руководством директора читали и интерпретировали классиков. В обязанность семинаристов входила подготовка двух исследований. Раз в две недели семинаристы слушали и обсуждали сделанные на латинском языке доклады соучеников, тренируя одновременно навыки говорения на латинском языке и участия в диспутах. В те недели, когда не обсуждались исследования студентов, семинар собирался для обсуждения непонятных и «темных» мест. Формулировка вопросов к собственному исследованию была обязанностью семинаристов. В обязанность семинаристов входило не только участие в заседаниях семинара и самостоятельная работа с источниками, но и обязательное посещение университетских лекций по филологическим предметам. Семинаристы могли бесплатно пользоваться Королевской библиотекой³⁵.

Приехавшие из России профессоранты участвовали уже в отточенном формате занятий. Печерин с гордостью сообщал не только о посещении занятий в филологической семинарии, но и о том, что он «принимал деятельное в оных участие, предлагая для состязания некоторые спорные места из греческой антологии»³⁶. Знакомство с оригиналами отчетов позволяет говорить о том, что отчет Печерина был опубликован в Журнале Министерства народного просвещения со значительными купюрами, а отчет Крюкова и вовсе представляет собой не оригинальный текст письма министру, а перечисление тех лекций, которые посещал молодой ученый. В публикации были опущены критические отзывы профессорантов. Так, филологи Лахманн, Беккер и Цумпт не оправдали их ожиданий. Молодые филологи и историки упрекали легендарных профессорантов в сухости изложения, «безжизненной и усыпительной критике», «бессвязной компиляции фактов»³⁷.

Составив первое впечатление, профессоранты-филологи – Печерин, Крюков и Валицкий – выбрали для посещения семинар и лекции

³⁵ Boeckh A. Plan zur Einrichtung des philologischen Seminars der Universität zu Berlin (Abschrift) // Briefe und Texte aus dem intellektuellen Berlin um 1800; Schuckmann F. Sektion für Kultur und öffentlichen Unterricht des preußischen Innenministeriums: Reglement für das philologische Seminarium bei der Universität zu Berlin // Ibid. О семинаре Бёка: Poiss 2009.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 73 об.

³⁷ Там же. Л. 73 об., 80 об., 87.

Бёка. В 1833–35 гг. основные занятия у Бёка проходили по 2 часа 4–5 раз в неделю. Еще 2–3 часа в неделю занимали семинарские занятия. В зимнем семестре 1833–34 г. в будние дни с 10 до 11 Печерин посещал лекции Бёка по греческим древностям, а следующий час, кроме среды, молодые ученые слушали объяснение Антигоны Софокла. В среду с 11 до 12 и по субботам с 10 до 12 на семинаре Бёк объяснял речь Демосфена против Мидия и проводил другие семинарские упражнения³⁸. В летнем семестре 1834 года профессоранты слушали у Бёка по будним дням (кроме среды) с 9 до 10 утра лекции по Метрике, а с 10 до 11 объяснение Андрии Теренция. По средам с 9 до 11 на семинаре Бёк объяснял Софокла. Филологи прослушали и курсы по философии Л. Геннинга и Ш. Михелета (К. Мишле)³⁹. Печерин, лишенный дерптской филологической подготовки, посещал дополнительно лекции Цумпта по истории языка и литературы римского народа (4 р. в неделю) и философа Ф. Тренделенбурга по учению Аристотеля о душе «как основание гегелевой философии» (2 р. в неделю), усиленно занимался древними и новыми языками. Внимание молодых филологов также привлекли колллекции древностей Королевского музея. Сначала Печерина заинтересовало «драгоценное собрание древних ваз», и в летнем семестре 1834 г. он слушал бесплатные лекции Амброша по Ангиографии, а в феврале 1835 г. Валицкий, Крюков и Печерин планировали посещать читаемый археологом Королевского музея Э. Герхардом «археологический курс <...> имеющий предметом объяснение остатков древнего искусства»⁴⁰. Неотъемлемой частью обучения было чтение филологических журналов, необходимое «чтобы следовать за ходом науки», а также «домашние занятия», где профессоранты «занимались вместе чтением Теренция и Тацита, Платона, Еврипида и Аристофана, призвавши на помощь все пособия, какие могла доставить Королевская библиотека»⁴¹.

Молодые ученые воспринимали себя взрослыми людьми и состоявшими специалистами, будущими профессорами российских университетов, и поэтому воспринимали любой контроль повседневной и учебной жизни болезненно, отстаивая право самим выбирать учебные курсы⁴². В середине августа 1833 года Печерин, никого не предупредив, уехал из Берлина⁴³ путешествовать. В своем отчете Печерин сообщал

³⁸ Verzeichniss der Vorlesungen, welche von der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin im Winterhalbjahre 1833-1834. vom 21. October an gehalten werden: 7–8, 9; РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 182, 74, 87 об.

³⁹ Там же. Л. 155–155 об., 183, 194; Verzeichniss der Vorlesungen, welche von der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin im Sommerhalbjahre 1834. vom 21. April an gehalten werden: 5, 8, 9.

⁴⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. Л. 155–155 об., 194–194 об.; Verzeichniss <...> im Sommerhalbjahre 1834...: 7, 8. Печерин также слушал профессора юридического факультета Э. Ганса: Гершензон 2013: 400, 408–409.

⁴¹ Там же. Л. 194, 155.

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 87 об.–88.

⁴³ Там же. Л. 70–70 об.

министру, что он, получив «пособие» от родителей, «посетил Дрезден, Саксонскую Швейцарию, Нюрнберг, Штутгард, перешел чрез С. Готард в Ломбардские равнины, и осмотрел Милан, Верону, Падову и Венецию, наконец через Вену и Прагу возвратился в Берлин». Результатом путешествия он считал «наглядное познание разнообразных и великих произведений Природы и Искусства и знакомство с образованнейшими людьми разных наций». Этим пассажем заканчивался опубликованный в министерском журнале текст отчета, в то время как присланный министру оригинал содержал неожиданное и важное заключение: «Крайне сожалею, что средства мои не позволили мне проникнуть далее в Италию, – видеть Рим и Неаполь: я убежден, что один взгляд на величавые памятники древности более научает, нежели лекции гг. профессоров и кипы ученых фолиантов»⁴⁴. Продолжение путешествий по Европе и ознакомление с оригинальными памятниками древности стали для Печерина навязчивой идеей. В апреле 1834 года он писал министру Уварову и просил отпустить его в Италию на 3–4 месяца, говоря о «непобедимом желании изучать живую жизнь древности не в тесных музеумах, не в пыли библиотек, но под ясным небом Италии, на вечных развалинах вечного Рима, над священными остатками Геркуланума, Помпеи, Пэстума»⁴⁵. Известно, что летом 1834 года Печерин путешествовал по Швейцарии и Италии, посетил Рим и Неаполь⁴⁶. Можно полагать, что путешествия для стажировочных – это не только передвижение и любование пейзажами, это еще и перевод воображаемой ранее античности в формат реально существующих вещей⁴⁷, возможность соотнести услышанное в рассказах гимназических учителей и преподавателей в Петербургском и Берлинском университетах, прочитанное в научных книгах и журналах, толкуемое в сочинениях классиков с реальными городами и памятниками.

Итак, образование в Дерптском и/или Берлинском университетах сформировало у молодых филологов осмысление предмета классической филологии и представление о круге изученных и неизученных вопросов, т.е. складывалась своеобразная карта научной дисциплины. В результате 3–8 летнего дополнительного обучения, включающего длительные стажировки в германских университетах и общение со светилами классической филологии и философии, у будущих профессоров возникло четкое представление о способах преподавания классической филологии и методах исследования, а также о необходимых для этого условиях: прослушивание университетских лекций, участие в филологическом семинаре, обязательное знание древних и новейших языков, постоянная практика создания письменных научных текстов и развитие

⁴⁴ Известия: 461–462. Ср.: РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 74–74 об.

⁴⁵ Там же. Л. 154.

⁴⁶ Гершензон 2013: 448.

⁴⁷ Ср. с научными путешествиями славистов: Недашкова 2012: 136–141.

навыков академического письма, понимание необходимости научных дискуссий и публичного обсуждения в профессиональном сообществе результатов исследований, доступ к хорошей библиотеке и каждодневное самостоятельное «домашнее» чтение как классиков, так и современных специализированных (филологических) журналов. Молодые ученые осознавали и необходимость научных путешествий, которые включали как визиты в университеты и знакомство с академическими светилами, так и посещение музеев, библиотек, старых городов и мест археологических раскопок. И с этим общим опытом и разделенным пониманием дисциплинарных ценностей они возвращались в российские университеты.

ГАК (Государственный архив г. Киева). Ф. 16. Оп. 276. Д. 481.

РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 22. Д. 142.

РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1004.

РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 207, 490, 529, 656, 669, 675.

ЦГИА СПб (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 13. Оп. 1. Д. 3986.

ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 291.

ЦГИАК (Центральный государственный исторический архив Украины (г. Киев)). Ф. 707. Оп. 6. Д. 203 а.

ЕАА (Eesti Ajalooarhiiv). F. 402. Nim. 2. S. 13633.

ЕАА. F. 402. Nim. 2. S. 26458.

ЕАА. F. 402. Nim. 4. S. 399, 512.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с. [Andreev A.Iu. Russkie studenty v nemetskih universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka. M.: Znakh, 2005. 432 p.].

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. 2. М., 1855. 673 с. [Biograficheskiy slovar professorov i prepodavateley imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekayushchee stoletie so dnya uchrezhdeniya yanvarya 12-go 1755 goda po den stoletnego yubileya yanvarya 12-go 1855 goda, sostavlennyy trudami professorov i prepodavateley, zanimavshikh kafedry v 1854 g., i raspolozhenny po azbuchnomu poryadku. Ch. 2. M., 1855. 673 p.].

Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 352 с. [Whittaker C.H. Graf Sergey Semenovich Uvarov i ego vremya. SPb.: Akademicheskiiy proekt, 1999. 352 p.].

Гершензон М.О. Жизнь В.С. Печерина. СПб.: Лань, 2013. [Gershenzon M.O. Zhizn' V.S. Pecherina. SPb.: Lan', 2013.].

Графтон Э. От полигистора к филологу (как преобразилась немецкая наука об античности в 1780 – 1850-е годы) // НЛЮ. № 82. 2006. С. 59–92. [Grafton A. "Ot poligistora k filologu (kak preobrazilas' nemetskaia nauka ob antichnosti v 1780–1850-e gody)" // NLO. № 82. 2006. P. 59–92.].

Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. III. [Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1834. Ch. III.].

Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М.: АО «Чертановская типография», 1994. 195 с. [Ivanov A.E. Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii XVIII v. – 1917 g. M.: AO «Chertanovskaia tipografiia», 1994. 195 p.].

Карнаух Н.В. Дерптский профессорский институт как научно-педагогическая школа России в культурно-историческом контексте первой половины XIX века: дис. ...

- д-ра пед. наук. М., 2016. [Karnaukh N.V. Derptsii professorskii institut kak nauchno-pedagogicheskaiia shkola Rossii v kul'turno-istoricheskom kontekste pervoi poloviny XIX veka: dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2016.]
- Кнабе Г.С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного населения в культуре России. М.: РГТУ, 2000. 240 с. [Knabe G.S. Russkaia antichnost': sodержanie, rol' i sud'ba antichnogo naseleniia v kul'ture Rossii. M: RGGU, 2000. 240 p.]
- Костина Т.В. Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте // Петербургские исследования: сб. науч. ст. Вып. 3. СПб., 2011. С. 219–228. [Kostina T.V. Vospitanniki Sankt-Peterburgskogo universiteta v Derptskom professorskom institute // Peterburgskie issledovaniia: sb. nauch. st. Vyp. 3. SPb., 2011. S. 219–228.]
- Костина Т.В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегальная реформа» С.С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 212–238. [Kostina T.V. Professora «starye» i «novye»: «antikollegialnaya reforma» S.S. Uvarova // Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov. M.: ID VShE, 2013. P. 212–238.]
- Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. Ч. 1. СПб., 1827. [Mesiatseslov s rospis'iu chinovnykh osob, ili obshchii shtat Rossiiskoi imperii na leto ot Rozhdestva Khristova 1827. Ch. 1. SPb., 1827.]
- Мост Г. Век столкновений: как немецкие антиковеды XIX столетия упорядочивали свои дебаты // НЛО. 2009. № 96. С 17–27. [Most G. Vek stolknovenii: kak nemetskie antikovedy XIX stoletiaia uporiadochivali svoi debaty // NLO. 96. 2009. P. 17–27.]
- Недашковская Н.И. Историкографический нарратив «Путешествия в славянские земли с ученой целью» в допозитивистской славистике // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 3 Гуманитарные науки. С. 136–141. [Nedashkovskaia N.I. Istorikograficheskii narrativ «Puteshestviia v slavianskie zemli s uchenoi tsel'iu» v dopozitivistskoi slavistike // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2012. T. 154. Kn. 3 Gumanitarnye nauki. S. 136–141.]
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 584 с. [Petrov F.A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniia v Rossii: v 4 t. T. 4. Rossiyskie universitety i lyudi 1840-kh gg. Ch. 1. Professura. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. 584 p.]
- Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): Ист. очерк. Т. 1. Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902. 4, 605, 39 с. [Petukhov E.V. Imperatorskii Iur'evskii, byvshii Derptskii, universitet za sto let ego sushchestvovaniia (1802–1902): Ist. ocherk. T. 1. Pervyi i vtoroii periody (1802–1865). Iur'ev, 1902. 4, 605, 39 p.]
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Изд. 2. СПб., 1873. 1864, 43, 44 с. [Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo proshveshcheniia. T. 1. SPb., 1873. 1864, 43, 44 p.]
- Тамул В.Э. Профессорский институт и международные научные связи Тартуского университета в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1988. [Tamul V.E. Professorskii institut i mezhduнародnye nauchnye sviazi Tartuskogo universiteta v pervoi polovine XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tartu, 1988.]
- Тернер Р. С. Историзм, критический метод и прусская профессура с 1740 по 1840 год // НЛО. № 82. 2006. С. 32–58. [Turner R. S. Istorizm, kriticheskii metod i prusskaia professura s 1740 po 1840 god. NLO. 82. 2006. P. 32–58.]
- Тротман-Валлер С. Филология вещей или филология слов? История одного спора и его сегодняшние продолжения // НЛО. 2009. № 96. С. 28–41. [Trautmann-Waller S. Filologiia veshchei ili filologiia slov? Istoriiia odnogo spora i ego segodniashnie prodolzheniia // NLO. 96. 2009. P. 28–41.]
- Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук: Материалы международной конференции. Том II. СПб., 1999. С. 275–285. [Frolov E.D. Graf Sergey Semenovich Uvarov i akademicheskii klassitsizm // Peterburgskaya akademiia nauk v istoriii akademii mira: k 275-letiyu Akademii nauk: T. 2. SPb., 1999. P. 275–285.]

- Фролов Э.Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: СПбГУ, 1999. 544 с. [Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti. SPb.: SPbGU, 1999. 544 p.]
- Boeckh A. Plan zur Einrichtung des philologischen Seminars der Universität zu Berlin (Abschrift) / Hrsg. v. S. Seifert // Briefe und Texte aus dem intellektuellen Berlin um 1800 / Hrsg. v. A. Baillet. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. Stand: 12. Mai 2015. URL: http://www.berliner-intellektuelle.eu/manuscript?Boeckh_Plan (accessed 07.03.2021).
- De fabula togata Romanorum. Accedunt fabularum togatarum reliquiae. Scripsit et edidit Jo. Henr. Neukirch, Ph. Dr. Lipsiae: apud Weidmannos, 1833.
- Karlsruhn T. The academic seminar as emotional community // NordSTEP, 2016 2: 33724. URL: <http://dx.doi.org/10.3402/nstep.v2.33724> (accessed 07.03.2021).
- Neukirch J. H. 11 kirja Karl Morgensternile, Dresden // DSpace Startseite. Tartu Ülikooli Raamatukogu. 5 Käsikirjakogu. Isikuarhiivid. Morgenstern, Johann Karl Simon. K. Morgensterni kirjavahetus. Kirjad Karl Morgensternile. 14. kd. Lk. 190–207. URL: <http://dspace.ut.ee/handle/10062/17655> (accessed 07.03.2021).
- Poiss T. Die unendliche Aufgabe. August Boeckh als Begründer des Philologischen Seminars // Die modernen Väter der Antike. Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität in Berlin des 19. Jahrhunderts. (Transformationen der Antike 3.) / Hrsg. v. A.M. Baertschi, C.G. King. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 2009. S. 45–72.
- Schuckmann F. Sektion für Kultus und öffentlichen Unterricht des preußischen Innenministeriums: Reglement für das philologische Seminarium bei der Universität zu Berlin / Hrsg. v. S. Seifert // Briefe und Texte aus dem intellektuellen Berlin um 1800 / Hrsg. v. A. Baillet. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. Stand: 5. August 2019. URL: http://www.berliner-intellektuelle.eu/manuscript?Boeckh_Reglement (accessed 07.03.2021).
- Verzeichniss der Vorlesungen, welche von der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin im Winterhalbenjahre 1833-1834. vom 21. October an gehalten werden.
- Verzeichniss der Vorlesungen, welche von der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin im Sommerhalbenjahre 1834. vom 21. April an gehalten werden.

Ильина Кира Андреевна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет, «Высшая школа экономики» (Москва), ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полежаева НИУ ВШЭ (Москва), glukist@mail.ru

New Professors for Russian Universities: The Formation of Classical Philologists in the 1830s

The article is focused on reconstruction of the teaching practices of classical philologists at the University of Dorpat, Dorpat Professorial Institute and the University of Berlin in the late 1820s–1830s. This allows us to consider the process of formation of the group of young scientists, future university professors, with a shared understanding of the disciplinary standards of classical philology, methods of its research and teaching. For this purpose, the archival materials of the Ministry of Education, as well as Saint Petersburg, Dorpat and Kiev Universities are considered.

Key words: *Russian Empire, Berlin University, Dorpat Professorial Institute, classical philology, professor, seminar*

Irina Kira Andreevna, Candidate of Sciences in History, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation, Leading Research Fellow in Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI) of National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), glukist@mail.ru

ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ПОЕДИНОК НА «ОТКРЫТОМ ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ»

Статья посвящена журнальной полемике между Т.Н. Грановским и А.С. Хомяковым, состоявшейся в 1847 г. Несмотря на незначительный повод к ее началу, она высветила методологические и методические различия в подходах к изучению истории со стороны двух известных общественных деятелей середины XIX в., один из которых представлял умеренное западничество, а другой – славянофильство. Эта полемика наглядно отразила уровень развития тогдашней исторической науки.

Ключевые слова: умеренные западники, славянофилы, Т.Н. Грановский, А.С. Хомяков, полемика, методы изучения истории.

В первой половине XIX в. в сознании образованных слоев русского общества происходили перемены, связанные с расширением интереса к истории, философии, лингвистике и иным отраслям гуманитарного знания. Эти перемены сопровождались активизацией мировоззренческих поисков, которые, в свою очередь, привели к разделению интеллектуального сообщества на западников и славянофилов. Суть их идейных расхождений выражена общеизвестной формулой: «Западники отрицали “своеобразие” русского исторического развития; славянофилы же стояли на противоположной точке зрения»¹. В части историографии разногласия между западниками и славянофилами воспроизводились в виде контрастной дихотомии. Контрасты в суждениях представителей двух течений общественной мысли действительно присутствовали, а их споры бывали весьма энергичными. Однако сводить эти споры к непримиримому антагонизму было бы преувеличением.

В процессе идейного самоопределения возникало немало нюансов. Один из них состоял в том, что западничество разделилось на две фракции – радикальную и умеренную. Между их ведущими представителями возникли заметные противоречия по аксиологическим вопросам, что, как отмечается исследователями, «знаменовало собою новый раскол в русском обществе, раскол более глубокий, чем распря между славянофилами и западниками»². Умеренные западники дистанцировались от нигилистической и левореволюционной риторики радикалов: «Если вы мечтаете о том, чтобы для счастья и утешения вашего Отечества создать в земле Русской плохую копию Западной Европы, ну тогда продолжайте вашу революцию еще и еще. Но если вкус у вас потоньше, то воздержитесь от всего темного и насильственного, всегда помня, что социальный вопрос есть по преимуществу вопрос нравственный»³.

¹ Малая советская энциклопедия 1929: 240.

² Кирсанова 2014: 43.

³ Кавелин 1989: 443.

Тезис о взаимозависимости социальных проблем с нравственными факторами был близок славянофилам. Взгляды просвещенных западников и славянофилов не расходились и по ряду социально-политических проблем. Наличие схожих представлений смягчало остроту их полемики, позволяло не доводить имевшиеся разногласия до крайностей. Их полемика велась не столько вокруг идеологии, сколько вокруг осмысления и интерпретации российской и мировой истории. В 1930-х гг. историк и философ Г.В. Флоровский высказал мысль о том, что в центре той полемики стояла «историософия русской судьбы», «место России в общем плане или схеме всемирной истории»⁴. Благодаря историософскому масштабу обсуждаемых проблем полемический диалог двух общественных течений стал одной из интереснейших страниц российской интеллектуальной истории. С точки зрения профессионально-методической оснащенности преимущество в спорах на исторические темы было на стороне просвещенных западников, среди которых тон задавали авторитетные ученые-историки – Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, связанные друг с другом корпоративными и личными отношениями.

Полемическое соревнование двух течений происходило в публичном пространстве: одни общественно-литературные журналы представляли свои страницы славянофилам, другие – западникам. Публиковавшиеся материалы адресовались не столько оппонентам, сколько широкому кругу читателей, но их авторы не избегали и прямых дискуссий между собой. Так, в 1847 г. состоялся историко-публицистический диспут между К.Д. Кавелиным, печатавшимся в «Современнике», и представителем славянофильства Ю.Ф. Самариным, размещавшим свои материалы в «Москвитяине». Это был обмен аргументами по вопросам, касавшимся степени уникальности культурно-исторического опыта России, общинного быта Древней Руси, влияния отдельных фигур на ход отечественной истории и т.п. В том же году произошла журнальная «пикировка» между Т.Н. Грановским и А.С. Хомяковым. Несмотря на внешне незначительный повод, она вышла за рамки единичного эпизода – благодаря подтекстам и коннотациям, касавшимся различий в подходах к изучению прошлого. Дискуссия двух известных общественных деятелей отразила уровень развития тогдашней исторической науки, исследовательской методологии и методики. В этой дискуссии прослеживались и идейные мотивы, но они не были самодовлеющими. Соответствие этих мотивов «партийным маркерам» не было буквальным.

Западник Грановский не придерживался неукоснительной лояльности к западному обществу, позволяя себе называть его «больным, дряхлеющим, усталым и праздным»⁵. В свою очередь, славянофил Хомяков отнюдь не отличался всеохватным неприятием всего, что ассо-

⁴ Флоровский 1991: 247.

⁵ Грановский 1905. Т. 1: 148.

цировалось с Западом. В этом он мало отличался от своих единомышленников, которые, по словам историка М.М. Карповича, «будучи противниками Запада и западного влияния, были во многом Западу обязаны: большая часть их доктрины формулировалась в терминах, значения которых они бы не знали, если бы не прошли западную школу»⁶. По словам Хомякова, он готов был «отдавать вполне справедливую дань удивления великим историческим, художественным, научным явлениям Запада», не жалея «слов правдивого уважения, не помраченного ни осуждением, ни упреком»⁷. В одном из стихотворений Алексей Степанович назвал Запад «страной святых чудес»⁸.

Хомяков пользовался репутацией неформального лидера славянофильской группировки. Этому способствовали его разноплановые интересы, находившие применение в поэзии, философии, богословии, публицистике, драматургии, живописи и т.д. Творческая активность побуждала его находиться на авансцене общественной жизни. Известность добавляла Хомякову уверенности в правильности высказываемых им мыслей. Это высветилось в опубликованной им в «Московском Сборнике» статье «О возможности русской художественной школы», в которой он дал отповедь анонимному автору петербургских «Отечественных записок», указавшему на содержащиеся в одной из публикаций Хомякова фактологические ошибки. Они касались не слишком важных деталей истории раннего Средневековья. Речь шла о бургундах, точнее – о районе, из которого они мигрировали, а также о причинах их передислокации. Хомяков писал, что в начале VI в. бургунды обитали на Дунае, откуда их вытеснили гунны, а его заочный собеседник доказывал, что бургунды в то время пребывали на берегах Рейна и в соприкосновение с гуннами не вступали. Кроме того, он выразил недоумение по поводу слов Хомякова о чрезмерной «развращенности» франков в эпоху раннего Средневековья. Реакция Хомяков на замечания безымянного критика была саркастичной:

«Что сказать о такой учености? Мой деревенский сосед называет ее перво-классной в том смысле, что она годна только для первого класса гимназии, и такие рецензенты ратуют за просвещение на западный лад! <...> Может быть, господин критик пожелает когда-нибудь узнать что-нибудь о тех вещах, о которых он писал, ничего о них не зная. <...> Если он когда-нибудь вздумает опять на меня нападать, ему будет выгоднее стрелять в меня из непроходимой чащи пустых слов и теорий, чем отваживаться на открытое поле исторических фактов»⁹.

Номинально правильный посыл, касавшийся «открытого поля исторических фактов» требовал уточняющего дополнения: опора на фак-

⁶ Карпович 2012: 101.

⁷ Хомяков 1900. Т. 1: 211-212.

⁸ Хомяков 1900. Т. 4: 215.

⁹ Хомяков 1900. Т. 1: 79.

ты может быть недостаточной, если нет ясного понимания их природы, умения отличать реальные исторические факты от их трансформированных отражений в субъектном сознании. Загвоздка была в том, что в трудах Хомякова факты, проходя через фильтры вольного воображения, зачастую теряли объективное тождество самим себе.

Сочетая исторические штудии с занятиями философией и литературой, Хомяков не стремился к установлению четких границ между различными отраслями гуманитарных знаний. Называя в перечне нужных историку качеств «ученость, беспристрастие, многообъемлющий взгляд, терпение в разборе мелких подробностей», он добавил к ним «художественное чувство», способное будто бы совладать с решением научных задач: «Выше и полезнее всех этих достоинств – чувство поэта и художника. Ученость может обмануть, остроумие склоняет к парадоксам, а чувство художника есть внутреннее чутье истины человеческой, которое ни обмануть, ни обмануться не может»¹⁰. Воззрения Хомякова на историю «требовали от нее не только документальности, но еще и органического смысла»¹¹. Выражение «органический смысл» он интерпретировал как возможность соотносить факты с метафизической матрицей, обозначенной им словами «судьба человечества»¹².

Вскоре после публикации ответа на замечания оставшегося инкогнито рецензента лидер славянофилов получил новую порцию критики – на этот раз от профессора Московского университета Т.Н. Грановского. «Письмо из Москвы», содержащее эту критику и опубликованное в «Отечественных записках», Грановский начал словами о «странности не впервые высказываемых Хомяковым мнений», тем самым поставив под сомнение приверженность своего визави точным историческим фактам. Затем он заметил, что стилистике, выбранной Хомяковым для ответа оппоненту, присуще не «смирение», а «гордость», а она – «порок западный»¹³. Этой не без иронии сделанной ремаркой историк-медиевист недвусмысленно обозначил свою принадлежность к кругу западников.

Важной предпосылкой для становления Грановского как «ключевого персонажа в истории русского западничества»¹⁴ стала его стажировка в Берлинском университете, куда он был направлен в 1835 г. после приглашения на кафедру всеобщей истории Московского университета. В Берлине он слушал лекции по всеобщей истории, философии, правоведению, изучал труды Гегеля, европейские языки. Возвратившись из-за границы в Москву, Грановский подготовил курс публичных лекций по всеобщей истории. Первые части курса были заслушаны московской публикой в 1843–1844 гг. А.И. Герцен, сблизившийся в то

¹⁰ Хомяков 1900. Т. 5: 31.

¹¹ Хомяков 1900. Т. 3: 282.

¹² Хомяков 1900. Т. 5: 4.

¹³ Грановский 1905. Т. 1: 106.

¹⁴ Лагтева 2013: 12.

время с Грановским, высоко оценил его лекции за присутствовавшую в них «симпатию к Европе»:

«Эта симпатия – великое дело... <...> Мы должны уважить и оценить скорбное и трудное развитие Европы, <...> постигнуть то великое единство развития рода человеческого, которое раскрывает в мнимом враге брата, <...> дает нам святое право на плод, выработанный потом и кровью Запада»¹⁵. Увлеченный идейным противоборством со славянофилами, Герцен назвал эти лекции «камнем в голову узким националистам»¹⁶.

Вопреки Герцену, славянофилы в лекциях Грановского открытого вызова себе не обнаружили. Хомяков в письме одному из своих товарищей делился впечатлениями: «Лучшим проявлением московской жизни были лекции Грановского. Таких лекций <...> мало во всей Европе. Я хвалю его с тем большим беспристрастием, что он принадлежит ко мнению, которое во многом, если не во всем, противоположно моему. “Мурмолка”¹⁷ не мешала нам хлопать с величайшим усердием красноречию и простоте речи Грановского»¹⁸.

По убеждению Грановского, для воспроизведения объективной и точной картины прошлого историкам требовалось умение анализировать источники. При этом он не призывал ограничить исследования работой с источниками и говорил о необходимости извлекать знания из философии, теории права, естествознания и других отраслей знания:

«История – наука сложная и вместе с тем простая: сложная потому, что в свой состав принимает все другие науки, ибо требует многостороннего обозрения, и простая потому, что требует простого взгляда, отсутствия предрассудков, предубеждений, ложных толкований, парадоксов и самолюбивых толков»¹⁹.

Откликаясь на слова Хомякова о его намерении дебатировать «на открытом поле исторических фактов», Грановский назвал источники, опровергавшие версию о пребывании бургунов на Дунае. Упомянул он и авторов, на которых ссылался Хомяков: «Как ни велик авторитет господина Хомякова, мы осмелимся ему противопоставить тех самых писателей, на которых он так гордо указал своему противнику. Они говорят совсем не то, что господин Хомяков»²⁰. Апелляция к фактологии требует соблюдения критериев достоверности. Хомяков ссылался на немецкие песни и саги, а они не были надежным навигатором в движении по «открытому полю исторических фактов». Грановский отмечал, что «вопрос об отношении этих песен к <реальной> истории, об их

¹⁵ Герцен 1954: 112.

¹⁶ Герцен 1954: 316.

¹⁷ Старинный русский головной убор, мужская шапка с высокой тульей из бархата или парчи.

¹⁸ Хомяков 1900. Т. 8: 69.

¹⁹ Грановский 2020: 9.

²⁰ Грановский 1905. Т. 1: 108.

историческом содержании не решен» даже «величайшими учеными Германии», глубоко погруженными и в историческую, и в фольклорную тематику. Он с долей юмора подметил, что наградой Хомякову за особое внимание к песням и сагам стала возможность говорить «обо всем, да еще кое о чем»²¹.

Хомяков подходил к историческим штудиям не как участник профессионального сообщества с его внутрикорпоративными правилами, а как свободный художник, нацеленный на широко понимаемую творческую самореализацию. Он полагал, что постижение истории «возможно только для цельного разума под особенным настроением»²². Образы и символы, преобладавшие в представлениях поэта и философа, не всегда согласовывались с выстраиванием оценочной шкалы, позволявшей соразмерно определять степень важности тех или иных фактов и встраивать их в продиктованную логикой истории смысловую иерархию.

Для Грановского коренной ценностью являлась научная истина, которую, по его убеждению, надлежало сделать всеобщим достоянием. Исходя из этого, он писал о позиции лидера славянофилов: «...осуждая так строго ограниченность западной мысли и поверхностность согласившихся с нею в России, он должен был поддержать достоинство своих убеждений уважением к истине и добросовестностью трудов»²³.

Грановский не отождествлял защиту научной истины с неуступчивостью в полемике. Отдавая дань «замечательному имени, обширной образованности, многосторонним дарованиям»²⁴ своего оппонента, он не возражал против некоторых его тезисов. Профессору истории не было надобности оспаривать мысль о том, что история «требует органического смысла». Он был вполне согласен с тем, что науку интересуют не столько разрозненные факты, сколько смысловые параметры, позволяющие этим фактам сообразовываться друг с другом.

Реагируя на диссонанс между словами об «органическом смысле истории» и настойчивостью их автора в малозначимом вопросе, Грановский писал: «Русской, да и всякой другой публике мало дела до бургунов; она никого не обязывает говорить ей об их истории, но и никому не дает права себя морочить. Вопрос касается одних ученых в узком смысле слова и требует мелких разысканий, справок и т.д., а господин Хомяков перенес его в сферу легкой литературы!»²⁵. В представлении Грановского столь несущественная подробность, как географическая локализация бургунов в V-VI вв., не стоила потраченных Хомяковым эмоций: «Зачем было поднимать такой громкий клич, пугая робких своей силой “на открытом поле исторических фактов”?»²⁶.

²¹ Там же.

²² Хомяков 1900. Т. 3: 320.

²³ Грановский 1905. Т. 1: 110.

²⁴ Там же: 106, 110.

²⁵ Там же: 110.

²⁶ Там же: 109.

Для профессионального историка уязвимость используемых Хомяковым методов была очевидна: «Он сообщает читателям, что бургунды в начале VI в. явились на Рейн с другими народами, бежавшими от гуннов, а потом сами были разбиты гуннами. <...> Предложим вопрос: как могли гунны разбить бургундов в VI в., когда с половины V в., т.е. после смерти Атиллы и междоусобий его сыновей, нет более Гуннского царства? На кого упадет упрек в незнании? Кому следует учиться?»²⁷. Оценивая притязания Хомякова на «новое слово» в исторической науке, Грановский отметил: «“новая наука” обнаружила, преимущественно через господина Хомякова, одну только самонадеянность. <...> Где великие, на почве исключительной национальности совершенные труды, перед которыми могли бы осознать свое заблуждение люди, также глубоко любящие Россию, следовательно, дорожащие самостоятельностью русской мысли, но не ставящие ее во враждебную противоположность общечеловеческой <мысли>?»²⁸.

Тезис Хомякова об особой «развращенности франков» Грановский прокомментировал так: «Трудно понять такое озлобление против целых племен. Найдется ли хотя бы один народ, который в продолжение своего исторического существования был постоянно нравственен или порочен? <...> Разврат народный есть всегда следствие данных временем обстоятельств, преходящих влияний, и потому сам бывает преходящим явлением и не более того»²⁹.

В «Возражении на статью Грановского», напечатанном в «Московском городском листке», Хомяков сразу дал знать, что не принимает доводов своего критика, и заявил, что Грановский будто бы «против моего короткого рассказа об истории бургундов не сказал ни полслова»³⁰. Затем он стал уверять, что в его статье, давшей старт дискуссии, удар гуннов по бургундам был привязан не к VI, а к IV в.: «Если бы мне встретились такие ошибки в статье господина Грановского, я догадался бы, что это опечатки»³¹. Отстаивая версию о вытеснении бургундов с Дуная гуннами, Хомяков снова обратился к старинным мифам. Ссылаясь на «Песнь о Нибелунгах», где упоминались бургунды, он оставил без внимания, что речь там шла о Рейне, а не о Дунае, и сообщил, что гунны могли бы «отбросить бургундов на юго-запад и с берегов среднего Рейна»³². Впрочем, не желая отказываться от «дунайской» версии, он предложил ее новый вариант, по которому бургунды находились на Дунае в III в. и ушли оттуда после удара со стороны гепидов. Без уча-

²⁷ Там же: 108.

²⁸ Там же: 110.

²⁹ Там же: 109.

³⁰ Хомяков 1900. Т. 3: 144.

³¹ Там же: 145.

³² Там же: 146.

ствия гуннов новая схема событий полностью упразднила старую, и чтобы избежать этого, Хомяков напомнил о Гуннском царстве, которое в IV в. «как море разливается все шире и шире на востоке Европы, гоня перед собой или поглощая германцев». «Свевы, вандалы, аланы и другие увлекли за собою бургундов», а раз так, то в начавшемся движении племен «ясно видна причина бегства бургундов от верховьев Майна к среднему Рейну». Свои построения он увенчал вопросом: «Было ли это переселение бургундов на запад независимо от гуннов?»³³.

В научной среде вопрос Хомякова был воспринят как риторический, поскольку никто из ученых-историков не отрицал, что поход гуннов из Азии в Европу дал толчок к развертыванию массовых миграций. Отвечая на этот вопрос, Грановский показал, что первоначальные импульсы, имеющиеся в любых цепочках причинно-следственных связей, по мере развертывания событий теряют силу прямого воздействия на их ход: «...в истории более чем где-либо надобно отличать причины прямые от косвенных, иначе можно прийти к странным заключениям»³⁴. Хомяков, скорее всего, и сам понимал, что первичный импульс в цепи причин не идентичен непосредственным стимулам для каждого из всех последующих событий. Однако, увлекаемый полемическим задором, он решил отстоять хотя бы один из элементов своей первоначальной версии и заявил, что оставшиеся на Рейне и Майне бургунды были уничтожены гуннским вождем Аттилой, значит, удар гуннов по бургундам, пусть и не на Дунае, все-таки состоялся, и потому бургундов «с тех пор нет уже ни на устьях Майна, ни на среднем Рейне»³⁵.

Корректировать тезис о «развращенности франков» Хомяков отказался. Он упрекнул Грановского в стремлении «опровергнуть неоспоримую истину и украсить это бесполезное опровержение красивыми фразами, общими местами дурно понятого гуманизма, которые не мешают историку признать развращенным народ развращенный, точно так же, как географу называть людоедами народ, который ест человеческое мясо»³⁶. Исторические известия о средневековой державе франков окрашены в темные тона. Так, в «Книге истории франков» рассказ о расприх, полвека терзавших франкскую династию Меровингов, сопровождался описаниями вероломных обманов, жестоких убийств, грабежей и разорений. Вероятно, при чтении этих описаний Хомякову как человеку чувствительному трудно было избавиться от впечатления об эпохе Меровингов как о времени, пропитанном бездушным варварством. Тем не менее, Грановский имел основания не принимать тезис о повальном «разврате франков». В своих университетских лекциях он показал, что в феодальных обществах с их резко очерченной статусной

³³ Там же: 148-149.

³⁴ Грановский 1905. Т. 1: 112.

³⁵ Хомяков 1900. Т. 3: 150.

³⁶ Там же: 151.

иерархией моральная ответственность между разными социальными стратами распределялась неодинаково³⁷, и было бы несправедливо приписывать «развращенность» франкским низам, страдавшим от произвола со стороны местной знати.

В «Возражении на статью Грановского» Хомяков посчитал нужным «отдать справедливость господину Грановскому» и назвал его публикацию «украшением “Отечественных записок”»³⁸. В своей новой статье Грановский выразил ответную учтивость: «Я не могу не гордиться похвалой, даже умеренной, из уст столь знаменитого ученого». Но эта учтивость не стала препятствием для резюме: «...история бургундского племени в том виде, в каком она рассказана господином Хомяковым, не принадлежит науке»³⁹.

Присутствовавшие в статьях Хомякова фактологические дефекты Грановский объяснил своеобразием методики, продуцировавшей приблизительность и неточность указаний, присущих «поэту, более привычному к сфере свободных вымыслов, не стесненным мелкими условиями хронологии и географии». По его замечанию, рассуждения Хомякова о бургундах разделились «на две части: ненужную и неверную». К «ненужной части» историк отнес повторение всем известных сведений, выливающееся в «бесплодное расточение учености», за которым кроется «неумение пользоваться собственными средствами»⁴⁰. «Неверная часть» содержала внушительное число ошибок, неточностей, произвольных допущений. Сверив суждения Хомякова с источниковой базой, Грановский констатировал, что они являются «легкомысленной игрой историческими фактами, капризом, вошедшим в область науки», в лучшем случае – «ловкостью в умственной гимнастике».

В заключительных строках «Ответа Хомякову» Грановский оповестил читателей: «Спор с моей стороны кончен. <...> Всякие прения можно тянуть до бесконечности, отняв у них прямую цель – решение спорного вопроса. Такого рода словесные турниры могут быть блистательны, но я не чувствую призвания ломать на них копья»⁴¹. Он вышел из словесного турнира с убеждением в правильности своих доводов.

Заявление Грановского о прекращении прений Хомяков воспринял как знак своего полемического превосходства: «...отступая с поля сражения, господин Грановский еще отстреливался». В «Ответе на ответ Грановского» он вернулся к разбавлению реальной истории плодами воображения. Не ожидая продолжения вербальной дуэли, Хомяков оставил без внимания доводы Грановского, касавшиеся бургундской

³⁷ Грановский 2020: 20-21.

³⁸ Хомяков 1900. Т. 3: 152.

³⁹ Грановский 1905. Т. 1: 117.

⁴⁰ Там же: 113-114.

⁴¹ Там же: 117.

темы, и подвел свои рассуждения к выводу: «Очевидно, влияние гуннов на бегство бургундов оказывается совершенно прямым, а ответ господина Грановского разве только косвенным»⁴².

Себе в заслугу лидер славянофилов поставил «смелость догадок», заявив при этом: «В этой смелости я прошу извинения у ученых немцев, <...> от их беспристрастного суда я скорее бы ожидал похвалы, чем осуждения»⁴³. В «Ответе на ответ» присутствуют примеры означенной «смелости». Так, упомянутого готским историком Иорданом царя готов Остроготу Хомяков, не вдаваясь в разъяснения, назвал «вымышленным». К ранее выдвинутым версиям он добавил новые, заявив об этническом тождестве вестготов («тервингов») с древлянами, а остготов («гриутунгов») – с полянами⁴⁴. Подобные «конверсии» содержатся и в других сочинениях Хомякова на исторические темы: так, англов он отождествил с угличами, а тюрингов – с тверичами⁴⁵.

«Смелые догадки» в его методике играли особую роль. Включая в методический арсенал различные версии, гипотезы, предположения, Хомяков придавал им значение достоверных знаний. Для него эталоном в использовании подобного подхода был историк и филолог-славист Ю.И. Венелин, в исторических изысканиях которого ретроспективная реальность часто соседствовала со спорными и даже экстравагантными суждениями – такими, например, как отождествление гуннов с Русью. Подобные «открытия» приносили Венелину в научных кругах репутацию дилетанта, но Хомяков относился к нему с большим пиететом: «Слава догадки о славянстве гуннов принадлежит Венелину, писателю гениальному». Историков, воспринимавших подобные догадки негативно или сдержанно, Алексей Степанович называл «отсталыми полуучеными, которые не успели еще воспользоваться новейшими открытиями»⁴⁶. История представлялась ему как пространство неразгаданных тайн: «Число разрешенных загадок, исправленных ошибок и открытых истин еще весьма малозначительно в сравнении с неразгаданным и неисправленным»⁴⁷. В свете таких представлений «смелость догадок» превращалась в незаменимый когнитивный инструмент.

В конце 1830-х гг. Хомяков приступил к написанию обширного трактата, названного «Записками о всемирной истории». Работа над «Записками» продолжалась на протяжении 1840-х гг., и к моменту полемической дуэли с Грановским Хомяков успел доверить бумаге немало «смелых догадок», а вместе с ними и своеобразную методiku, с помощью которой он рассчитывал не только «привести в ясную и простую систему стародавнюю историю Средней Европы», но и «открыть

⁴² Хомяков 1900. Т. 3: 162.

⁴³ Там же: 160.

⁴⁴ Там же: 158.

⁴⁵ Хомяков 1900. Т.7: 27-28.

⁴⁶ Хомяков 1900. Т. 6: 462.

⁴⁷ Хомяков 1900. Т. 5: 31.

истину касательно древней Индии, Китая, Тибета и земель, по которым кочуют эскимосы или чукчи». С внедрением этой методики, как уверял автор «Записок о всемирной истории», «большая часть старых систем, созданных книжными отшельниками и мелочной кропотливостью, исчезнут и забудутся»⁴⁸. Он писал о «старых системах»: «В бесконечном множестве подробностей пропало всякое единство. <...> Инстинкты глубоко человеческие, поэтическая способность угадывать истину исчезли под тяжестью односторонней и сухой учености»⁴⁹.

«Угадывание истины» для Хомякова означало «угадывание тайн внутренней, духовной жизни»⁵⁰. Речь шла о духовной жизни народов. Ее закономерности и особенности Хомяков связывал с религиозным фактором: «Первый и главный предмет, на который должно обратить внимание исторического критика, есть народная вера. Выньте христианство из истории Европы и буддизм из Азии, и вы уже ничего не поймете ни в Европе, ни в Азии»⁵¹. Затрагивая некоторые сюжеты из истории религий, Хомяков основное внимание сосредотачивал на вопросах, относившихся к религиозно-философской и богословской тематике.

Особую ставку в деле изучения прошлого автор «Записок о всемирной истории» сделал на сравнительное языкознание, которое он называл «усовершенствованной филологией»⁵² и в котором видел безотказный ключ к разгадыванию тайн древнейшей истории: «Главная цель сравнительной филологии есть воссоздание истории тех веков, от которых нам не осталось письменных памятников»⁵³.

Сравнительное языкознание, направленное преимущественно на выявление схожих лексических единиц в различных языках, стало распространяться в Западной Европе на рубеже XVIII и XIX вв. Немецкие ученые Ф. Бопп, Я. Гримм и датский лингвист Р. Раск разработали сравнительно-исторический метод, заключающийся в изучении языковых явлений посредством обращения к истории тех или иных языков. Хомяков, вслед за Венелиным, распространение этого метода встретил с большим энтузиазмом, выражая благодарность тем «западным ученым вообще и германским в особенности», которые посвятили «бесконечные труды сравнительному языкознанию»⁵⁴. Проблемой нового научного направления являлось отсутствие строгих критериев отбора языкового материала. Зачастую этот отбор осуществлялся не путем скрупулезного анализа, а с помощью «озарений», возникавших при

⁴⁸ Хомяков 1900. Т. 5: 98.

⁴⁹ Там же: 42.

⁵⁰ Там же: 105.

⁵¹ Там же: 131.

⁵² Там же: 37.

⁵³ Там же: 397.

⁵⁴ Там же: 378.

сопоставлении созвучных лексем, извлекаемых из различных словарей или относившихся к разным историческим эпохам. Мода на поиски созвучий расширялась, способствуя появлению любительской лингвистики – набора псевдонаучных теорий и гипотез, базировавшихся на изобретении сугубо лингвистических доводов для трактовки исторических фактов и событий. Характерным признаком любительства была бездоказательность суждений. Энтузиасты любительского языкознания нередко претендовали на бесспорность выдвигаемых ими положений, одновременно давая понять, что обладают неким «тайным знанием».

Хомяков заявлял о праве занявшихся историко-лингвистическими изысканиями действовать без оглядки на «непреложные правила»: «Исторический критик не должен производить смотр словам, как лексикограф. <...> Произвольный взгляд и личные понятия критика не могут быть закованными в непреложные правила, удаляющие возможность ошибки». «Непреложные правила» в деле изучения истории были провозглашены бесполезными: «Истина историческая может быть в неученом романисте, а ложь глубокая в творении книжника, который на каждом шагу опирается на цитаты из государственных актов, из писем и даже из тайных документов. <...> Томы пишутся за томами, <...> но в этом мало пользы для науки и плохая пожива для историка»⁵⁵.

Изыскания на ниве сравнительного языкознания позволяли Хомякову увеличивать число «смелых догадок». К примеру, он доказывал, что кочевавшие в XI–XII вв. в Причерноморье печенег были выходцами с севера: «На севере мы находим имя сильного финского племени веси, соответствующее главной дружине печенегов под названием “бесси” или “весси”, и многие созвучия самому названию печенегов – Печора, Печенга и другие»⁵⁶. Созвучия использовались им для «уточнения» этнических характеристик целого ряда племен: «Имя англов или, по весьма обыкновенному закону перехода звуков, углов (угличей) носит на себе характер славянский, чуждый чисто германскому миру»⁵⁷; «К слову “Тюрингия” и к его производству от “тверичей” прилагается то же правило разумной критики о характере народных или поколенных имен, которое в имени англов указывает на угличей»⁵⁸. Созвучия племенных названий позволяли ему «стирать» разницу между уйгурами и уграми⁵⁹, вандалами и вендами⁶⁰ и т.д. Перечень подобных «открытий» выглядел внушительно. Среди них заметное место отводилось версиям, касавшимся ранней истории славянства. Находясь под влиянием Венелина и некоторых других адептов «нового прочтения» истории, Хомяков преувеличивал роль древних славян-вендов и преде-

⁵⁵ Там же: 395–396.

⁵⁶ Хомяков 1900. Т. 7: 288.

⁵⁷ Там же: 342.

⁵⁸ Там же: 214.

⁵⁹ Там же: 290.

⁶⁰ Там же: 342.

лы их расселения. Доверяя созвучиям, он «раздвинул» славянский мир от Бактрии до Британии. В «Записках о всемирной истории» сообщает: «Венды уже при Геродоте населяют прекрасные берега Адриатики; венды <...> встречаются грекам на холодных берегах Балтики; венды (генеты) занимают живописные скаты Лигурийских Альп; венды борются с Кесарем на бурных волнах Атлантики, – и такой факт не обращает на себя ничего внимания!»⁶¹.

Значительная доля любительства, присутствовавшая в представлениях Хомякова об истории, снижала его восприимчивость к доводам оппонента-профессионала, хотя и не приводила к их полному игнорированию. Интеллектуальный поединок завершился, но не прошел бесследно для его участников, позволив им уточнить, а в чем-то и углубить понимание смысла и содержания истории.

В «Ответе на ответ» Хомяков, коснувшись темы «развращенности франков», не удержался от нарекания в адрес Грановского: «равнодушные и пренебрежение к фактору нравственному <...> показывает только односторонность в суждениях и ложное понимание истории, ибо явления жизни нравственной оставляют такие же глубокие следы, как и явления жизни политической»⁶². Грановский не ответил на этот выпад, однако заметил его. После 1847 г. он стал уделять больше внимания теоретическим проблемам, в частности – вопросу о влиянии нравственных факторов на ход истории. В 1852 г. этот вопрос был затронут Грановским в его программном выступлении «О современном состоянии и значении всеобщей истории», заслушанном на торжественном собрании Московского университета. Грановский отметил, что со времен античности «произведения историков всегда соединялись с нравственно-эстетическими целями»⁶³. Определяя круг историко-теоретических вопросов, он подчеркнул: «Важность этих вопросов едва ли может подлежать сомнению, тем более что они находятся в тесной связи с задачей нравственного и умственного образования, следовательно, с участью будущих поколений»⁶⁴. Говоря о совершенствовании теоретического инструментария исторической науки, Грановский призвал историков, публикующих свои труды, «не отказываться от законной потребности нравственного влияния на своих читателей»⁶⁵.

В программной речи Грановского нетрудно обнаружить некоторые отголоски его интеллектуального поединка с Хомяковым. Результаты того поединка укрепили Грановского в намерении последовательно защищать историческую науку, убедив его в том, что времена, когда

⁶¹ Хомяков 1900. Т. 5: 53.

⁶² Хомяков 1900. Т. 3: 162.

⁶³ Грановский 1905. Т. 2: 53.

⁶⁴ Там же: 51.

⁶⁵ Там же: 68.

исторические штудии относились скорее к искусствам, нежели к наукам, а историю называли «родственницей поэзии», безвозвратно прошли. Он считал, что историкам нужно заботиться не об «изяществе форм»⁶⁶, а о соответствии исторических знаний реалиям истории.

Грановский доносил до слушателей мысль об уникальном интеграционном потенциале исторических знаний: «Можно без преувеличения сказать, что нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав всеобщей истории»⁶⁷. При этом, помня о междисциплинарных опытах Хомякова, он указал на нецелесообразность совмещения истории с филологией. Ему была близка идея выхода исторических исследований «на обширное поприще естественных наук», среди которых он выделил географию: «Еще древние заметили решительное влияние географических условий, климата и природных определений на судьбу народов»⁶⁸. Призвав соединить историю с естествознанием, Грановский, казалось бы, вступал на путь признания природно-географического детерминизма, на что указывало цитирование им известного в то время биолога и географа К.М. Бэра: «Ход всемирной истории определяется внешними физическими условиями. Влияние отдельных личностей по сравнению с ними ничтожно. Они почти всегда приводили в исполнение то, что уже было подготовлено и <...> должно было совершиться»⁶⁹. Однако Грановский нашел собственный взгляд на соотношение между историей и географией. Согласно ему, на ранних стадиях истории человечество находилось в плотной зависимости от природно-географических условий и его судьба выглядела «как осуществление predeterminedенной участи»⁷⁰, но дальнейший ход истории выстраивался как преодоление этой «участи» за счет возрастания возможностей свободного духовно-нравственного выбора: «Содержание истории составляют дела человеческой воли, отрешенные от их необходимой, можно сказать, роковой основы, которую не должно смешивать с законами развития духа»⁷¹.

Не признав безусловность природно-географического детерминизма, Грановский должен был определить свое отношение и к другим теориям, проповедовавшим жесткую причинность, прежде всего к учению Гегеля. В центр гегелевской философии истории была поставлена бесплотная субстанция, названная «духом истории» или «мировым духом». Гегель наделил ее автономными от поведения людей качествами и правом на гегемонию в выстраивании исторического процесса: «Право мирового духа выше всех частных прав»⁷². Свободу немецкий фило-

⁶⁶ Там же: 57.

⁶⁷ Там же: 56.

⁶⁸ Там же: 59.

⁶⁹ Там же: 60.

⁷⁰ Там же: 61.

⁷¹ Там же: 64.

⁷² Гегель 1935: 319.

соф обозначил как «осознанную необходимость»⁷³. Грановский со временем «отказался от мнения, которого прежде держался под влиянием Гегеля»⁷⁴ и стал отзываться об его учении критически. Его не устраивало объяснение Гегелем движущих сил истории, содержавшее «мысль о господствующей в ходе исторических событий необходимости», принявшей «характер фатализма»⁷⁵. Считая историю «самой популярной из всех наук, призывающей к себе всех и каждого», Грановский связал вред фаталистических представлений с отрицанием применимости исторических уроков к реальной жизни. Для опровержения гегелевского тезиса о том, что исторические опыты проходят бесплодно, не оставляя в человеческой памяти поучительных следов, он призвал в союзники «сохраняющийся в массах исторический смысл, более или менее развитый на основании преданий о прошедшем»⁷⁶.

Заняв критическую позицию в отношении гегельянства, Грановский, желая или не желая того, обрел единомышленника в лице своего недавнего оппонента Хомякова, называвшего гегелевский «дух истории» «мистическим понятием», а представления Гегеля об истории – «бесплодными» и «неразумными». Хомяков писал, что Гегель «создал систематический призрак, в котором мнимая необходимость служит только маской, прячущей неограниченный произвол ученого систематика»⁷⁷. Лидер славянофилов заявил: «Критика осознала полную несостоятельность гегельянства, силившегося создать мир без субстрата»⁷⁸.

Спор Хомякова с Грановским, касавшийся эмпирической истории, не помешал сходству их философских взглядов. Основной недостаток гегелевского детерминизма они связали с принижением роли нравственно-этических факторов в истории. Воспринимая историю как «бесконечное разнообразие волнующихся явлений»⁷⁹, они видели, что в ней нет фатальной предопределенности – каждое событие зависит от нравственного выбора конкретных людей. Хомяков писал, что детерминистский «дух истории» обращает «личностей в иероглифы, символы или куклы», принужденные «слепо повиноваться внешнему закону»⁸⁰. Ему вторил Грановский: «Школа исторического фатализма снимает с человека нравственную ответственность за его поступки, обращая его в слепое, почти бессознательное орудие роковых предопределений»⁸¹.

⁷³ Там же: 330.

⁷⁴ Кирсанова 2014: 42.

⁷⁵ Грановский 1905. Т. 2: 66.

⁷⁶ Там же: 69.

⁷⁷ Хомяков 1900. Т. 1: 37.

⁷⁸ Хомяков 1900. Т. 1: 302.

⁷⁹ Грановский 1905. Т. 2: 67.

⁸⁰ Хомяков 1900. Т. 1: 144.

⁸¹ Грановский 1905. Т. 2: 66.

Сходство философских суждений, высказанных недавними соперниками, не было случайным. Интеллектуальная история противится статике, и дебаты между западниками и славянофилами не являлись исключением из этого правила. И те, и другие пережили определенную эволюцию взглядов и представлений. Она была обусловлена новыми тенденциями в политической и культурной жизни, развитием исторической и философской науки, накоплением познавательного опыта, интеллектуально-творческими поисками, необходимостью анализировать аргументацию оппонентов и другими факторами.

С течением времени граница между идеями просвещенных западников и славянофилов постепенно размывалась. Их полемика имела живой, динамичный характер. Несмотря на элементы противостояния, в масштабах большого исторического времени она предстает как полезный и продуктивный диалог, способствовавший познанию России и развитию российской исторической науки.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гегель. Философия истории // Гегель. Сочинения. В 13 тт. Т. 8 / Пер. с нем. А.М. Водена. М.-Л.: Госиздат, 1935. 470 с. [Gegel'. Filosofiya istorii // Gegel'. Sochineniya. V 13 tt. T. 8 / Per. s nem. A.M. Vodena. M.-L.: Gosizdat, 1935. 470 s.]
- Герцен А.И. Дневник 1843 г. // Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 тт. Т. 2. М.: АН СССР, 1954. С. 256-323 [Gercen A.I. Dnevnik 1843 g. // Gercen A.I. Sbranie sochinenij. V 30 tt. T. 2. M.: AN SSSR, 1954. С. 256-323].
- Герцен А.И. Публичные чтения г. Грановского // Герцен А.И. Собр. сочинений. В 30 тт. Т. 2. М.: АН СССР, 1954. С. 111-115 [Gercen A.I. Publichnye chteniya g. Granovskogo // Gercen A.I. Sbranie sochinenij. V 30 tt. T. 2. M.: AN SSSR, 1954. С. 111-115].
- Грановский Т.Н. Историческая литература во Франции и Германии в 1847 г. // Грановский Т.Н. Полное собрание сочинений. В 2 тт. Т. 1. СПб.: Изд. Н.Ф. Мертца, 1905. С. 148-197 [Granovskij T.N. Istoricheskaya literatura vo Francii i Germanii v 1847 g. // Granovskij T.N. Polnoe sobranie sochinenij. V 2 tt. T. 1. SPb.: Izd-vo N.F. Mertca, 1905. S. 148-197].
- Грановский Т.Н. История средневековья. Лекции. Москва: АСТ, 2020. 336 с. [Granovskij T.N. Istoriya srednevekov'ya. Lekcii. Moskva: AST, 2020. 336 s.]
- Грановский Т.Н. Ответ г-ну Хомякову // Грановский Т.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. 1905. С. 111-117 [Granovskij T.N. Otvet g-nu Homyakovu // Granovskij T.N. Polnoe sobranie sochinenij. V 2 tt. T. 1. SPb.: Izdatel'stvo N.F. Mertca, 1905. S. 111-117].
- Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Грановский Т.Н. Полное собрание сочинений. Т. 2., 1905. С. 51-72. [Granovskij T.N. O sovremennom sostoyanii i znachenii vseobshchej istorii // Granovskij T.N. Polnoe sobranie sochinenij. V 2 tt. T. 2. SPb.: Izdatel'stvo N.F. Mertca, 1905. S. 51-72].
- Грановский Т.Н. Письмо из Москвы // Грановский Т.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. 1905. С. 107-110 [Granovskij T.N. Pis'mo iz Moskvy // Granovskij T.N. Polnoe sobranie sochinenij. V 2 tt. T. 1. SPb.: Izdatel'stvo N.F. Mertca, 1905. S. 107-110].
- Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 653 с. [Kavelin K.D. Nash umstvennyj stroj. Stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tu-ry. M.: Pravda, 1989. 653 s.]
- Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX в.). М.: Русский путь, 2012. 352 с. [Karpovich M.M. Lekcii po intellektual'noj istorii Rossii (XVIII – nachalo НКН v.). M.: Russkij put', 2012. 352 s.]
- Кирсанова Е.С. Личность историка на пересечении мнений о старых и новых подходах к изучению творчества Т.Н. Грановского // Диалог со временем. 2014. Вып. 47. С. 36-49. [Kirsanova E.S. Lichnost' istorika na persechenii mnenij o staryh i novyh podhodah k izucheniyu tvorchestva T.N. Granovskogo // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 47. S. 36-49].

- Лаптева М.П. Личность и идеи Т.Н. Грановского в восприятии историков разных поколений // Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 5-14 [Lapteva M.P. Lichnost' i idei T.N. Granovskogo v vospriyatii istorikov raznykh pokolenij // Dialog so vremenem. 2013. Вып. 45. S. 5-14].
- Малая советская энциклопедия. В 10 тт. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1929. 928 с. [Malaya sovetskaya enciklopediya. V 10 t. T. 3. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1929. 928 s.].
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев: Пути к истине, 1991. 599 с. [Florovskij G.V. Puti russkogo bogosloviya. Kiev: Put' k istine, 1991. 599 s.].
- Хомяков А.С. Возражение на статью Грановского // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Изд. 3-е, доп. В 8 тт. Т. 3. М.: Университетская типография, 1900. С. 144-152 [Homyakov A.S. Vozrazhenie na stat'yu Granovskogo // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 3. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 144-152].
- Хомяков А.С. Замечания на статью г-на Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. 1900. С. 266-284 [Homyakov A.S. Zamechaniya na stat'yu g-na Solov'eva «Shlecer i antiistoricheskoe napravlenie» // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 3. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 266-284].
- Хомяков А.С. Записки о всемирной истории. Часть I // Полное собрание сочинений. Т. 5. 588 с. [Homyakov A.S. Zapiski o vsemirnoj istorii. Chast' I // Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 5. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. 588 s.].
- Хомяков А.С. Записки о всемирной истории. Часть II // Полное собрание сочинений. Т. 6. 524 с. [Homyakov A.S. Zapiski o vsemirnoj istorii. Chast' II // Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 6. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. 524 s.].
- Хомяков А.С. Записки о всемирной истории. Часть III // Полное собрание сочинений. Т. 7. 520 с. [Homyakov A.S. Zapiski o vsemirnoj istorii. Chast' III // Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 7. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. 520 s.].
- Хомяков А.С. Мечта // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 4. 428 с. [Homyakov A.S. Mechta // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. T. 4. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. 428 s.].
- Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. 1900. С. 31-72 [Homyakov A.S. Mnenie russkikh ob inostrancah // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 1. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 31-72].
- Хомяков А.С. О возможности русской художественной школы // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. 1900. С. 73-104 [Homyakov A.S. O vozmozhnosti russkoj hudozhestvennoj shkoly // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 1. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 73-104].
- Хомяков А.С. О современных явлениях в области философии // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. 1900. С. 287-320 [Homyakov A.S. O sovremennyh yavleniyah v oblasti filosofii // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 1. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 287-320].
- Хомяков А.С. О статье Чичерина в «Русском вестнике» // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. 1900. С. 319-322 [Homyakov A.S. O stat'e Chicherina v «Russkom vestnike» // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 3. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 319-322].
- Хомяков А.С. Ответ на ответ г-на Грановского // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. 1900. С. 157-162 [Homyakov A.S. Otvet na otvet g-na Granovskogo // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 3. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 157-162].
- Хомяков А.С. Письмо А.В. Веневитинову, март 1844 г. // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 8. 1900. С. 25-86 [Homyakov A.S. Pis'mo A.V. Venevitinovu, mart 1844 g. // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. V 8 t. T. 8. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 25-86].
- Хомяков А.С. По поводу Гумбольда // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. 1900. С. 143-176 [Homyakov A.S. Po povodu Gumbol'da // Homyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3-e, dop. T. 1. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 143-176].

Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. 1900. С. 197-262 [Номыаков А.С. По поводу stat'i I.V. Kireevskogo «O haraktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii» // Номыаков А.С. Polnoe sobranie sochinenij. T. 1. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. S. 197-262].

Рыбаков Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Уральский федеральный университет (Екатеринбург); *istoric-ek@mail.ru*

Polemical duel on the «Open field of historical facts»

The article is devoted to the magazine controversy between T. N. Granovsky and A. S. Khomyakov, which took place in 1847. Despite the insignificant reason for its beginning, this controversy highlighted the differences in the theory and methods of studying history on the part of two well-known public figures of the middle of the XIX century, representing respectively enlightened Westernism and Slavophilism. The controversy between them reflected the level of development of historical science at that time.

Keywords: *enlightened Westerners, Slavophiles, T.N. Granovsky, A.S. Khomyakov, polemics, methods of studying history*

Sergey V. Rybakov, doctor of historical Sciences, Professor, Department of Russian history, Ural Federal University (Yekaterinburg); *istoric-ek@mail.ru*

ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ ИНДИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА

На основе анализа философских трудов Рабиндраната Тагора в статье представлена реконструкция его понимания процессов и смыслов истории Индии. Подход к истории родной страны задан стремлением Тагора раскрыть её действительное содержание в сопоставлении с другими странами и цивилизациями. Антропологически ключевой исторический идеей Тагора является мысль о человеческой свободе, воплощающейся в истории цивилизации во множестве измерений; отсюда его понимание истории как устремленности в будущее. Тагор создал особую «философию индийской истории» как истории её социальной жизни, духа и культуры. В основе его общего понимания истории страны лежит идея «Большой Индии» – древней цивилизации с выдающейся способностью объединять все народы и разрешать конфликты. Цель и идеал заключаются в её стремлении к гармоническому «единству в многообразии» в истории, а политическая и экономическая эволюция составляет её фон. Культурная и духовная жизнь в этой философии полагаются главным наследием и перспективой развития Индии.

Ключевые слова: Рабиндранат Тагор, Бенгальское Возрождение, понимание истории Индии, философия истории, социальная философия, смыслы, цивилизация

История Индии стала частью индийской философской и научной мысли в Новое время в качестве темы размышлений и предмета изучения, с одной стороны, в результате особого интереса к ней европейской науки, а с другой, – благодаря феномену «открытия Индии» (Дж. Неру) индийскими интеллектуалами XIX – начала XX века. Открытие индийской истории входило в этот феномен, и довольно трудно назвать мыслителя, реформатора, общественного деятеля или художника, который так или иначе не обращался к истории родной страны – для подтверждения и обоснования назревших изменений, для придания смысла настоящему и будущему общества, для создания общего представления об истории Индии и с ним – эмоционального подъема у соотечественников, а также ради неё самой как объекта научного исследования. Этот феномен тесно связан с интеллектуальными, социальными и культурными процессами эпохи Индийского Ренессанса, происходящего в разных регионах субконтинента, где наиболее интенсивно шло взаимодействие цивилизаций и диалог культур Индии и Запада¹.

Среди тех, кто обращался к осмыслению истории Индии в эпоху Ренессанса в Бенгалии, был Рабиндранат Тагор (1861–1941) – всемирно известный поэт, писатель, философ, общественный деятель. С одной стороны, он автор исторических романов и пьес, а сюжеты индийской истории нашли художественное воплощение в его поэзии; но, с другой стороны, он обращается к теме истории Индии в выступлениях, лекциях и статьях. В нём словно встречаются две тенденции развития исто-

¹ См.: Dasgupta 2011; 2012, Ghose 1969; Panikkar 2002.

рического сознания эпохи: создавать образ индийской истории, описывать её, – и искать и находить её смысл. И если первая так или иначе исследована в отечественной филологии специалистами-тагороведами², то попытки Р. Тагора понять индийскую историю как нечто целостное, развивающееся во времени, незаслуженно остались на периферии внимания индологов³. Более того, в контексте самого феномена открытия Индии и, в частности, её истории, а также развития исторического знания эпохи Бенгальского Ренессанса, во взглядах Тагора на историю Индии своеобразно подытожены достижения исторической мысли в виде некоторого комплекса историософских идей, составляющих своего рода философию индийской истории.

Р. Тагор был наследником и продолжателем новой традиции мышления об истории родной страны, которую создали его предшественники и старшие современники. Формирование традиции восходит к трудам Раммохана Рая (1772–1833) и группы учеников Г.В.Л. Дерозии «Молодая Бенгалия» и их единомышленников, которые первыми осознали цивилизационную целостность Индии, стали воспринимать её как общее социокультурное пространство несмотря на её социальную и политическую дробность (Р. Рай), освоили метод векторного историзма и буквально открыли для себя и в перспективе для соотечественников её эволюцию в историческом времени. Историческое сознание развивалось тогда благодаря влиянию европейских исследований истории Индии⁴ и одновременно в противостоянии идее об отсутствии у Индии истории. С 1840-х началось исследование истории Индии с помощью анализа источников и методов исторической науки, с 1860-х гг. писатели успешно осваивали жанр исторического романа. В результате к концу XIX века индийцы располагали научными трудами, освещающими конкретные темы и периоды истории Индии и представляющими её в динамике в целом с древних времён и до Нового времени⁵, и художественными образами событий прошлого. В конце века ряд историософских идей и своё понимание эпох индийской истории предложил философ Свами Вивекананда (1863–1902, статья «Современная Индия» и др.). Все вместе интеллектуалы Бенгалии работали над формированием исторической памяти – части национально-культурного сознания для современников и новых поколений, создавали общий образ истории Индии, который, с одной стороны, позволял обрести общецивилизационную и общекультурную идентичность, а с другой, – утвердить достоинство народа и его культуры в условиях современных вызовов.

На этом фоне совершенно органично обращение Р. Тагора к истории в художественном творчестве и социально-философской мысли. Не

² См.: Бросалина 1975; Ивбулис 1981.

³ Работ на эту тему не так много. См., напр. Das Gupta 1961: 30–57, Gopal 1974: 73–82; из современных – Biswas 2016.

⁴ См.: Kopf 1969; Dasgupta 2012: 21–38; Алаев 2013: 16–49.

⁵ См.: Алаев 2013: 96–110, 116–122; Bayly 2012: 163–173.

будучи историком, склонный к масштабным философским обобщениям, он занят преимущественно теоретическими вопросами – об объекте и предмете исторического познания, о векторах изучения истории стран, об историческом своеобразии в соотношении с общей историей человечества, о проблеме прогресса и содержании исторического процесса. Тагора интересуют и место, и своего рода миссия стран и цивилизаций в истории, и критерии оценки не только событий и явлений, но всего исторического процесса. Решая их на примере Индии, он неизменно выходит на общее понимание истории и историософские обобщения. И этот взгляд из Индии и через её историю тем более важен, что несет в себе универсальный человеческий смысл.

Интерес Р. Тагора к истории первоначально связан с домашним образованием, в котором она занимала важное место, и с кругом чтения (в т.ч. исторические романы Б. Чотттопадхья) и общения молодого поэта. В частности, он вспоминал о продолжительных беседах с историком Раджендрололом Митро, который «был экспертом по всем вопросам; он сам по себе был академией»⁶. Первыми романами молодого писателя были исторические – «Берег Бибхи» (1883) и «Раджа-мудрец» (1887). Внимание Тагора к духовной традиции и культуре Индии, а также способность критически оценивать любые идеи и концепции я склонна связывать с влиянием на него отца – религиозного реформатора Дебендронатха Тагора (1817–1905), а также старших братьев⁷.

Динамичное развитие интереса к истории и её изучению, понимание императивности исторических исследований приходится именно на период генезиса культурного национализма в Бенгалии в 1860–1880 гг., совпадающий со временем становления личности Р. Тагора. Его старшие братья Диджендронатх и Гогонендронатх были среди основателей общества «Хинду (Джати) мела» («Индусское (Народное) собрание»), инициированного в 1867 г. Раджнарайоном Бошу. Рабиндранат воодушевленно разделял их патриотические чувства и писал для Общества песни. Он вспоминал: «Это была, пожалуй, первая попытка воплощения идеи Матери-Индии как идеи национально-религиозной... Пение песен, возвеличивающих родину, декламация патриотических стихов, выставка произведений национальных искусств и ремесел, поощрение национальных талантов – вот что составляло программу этой Мела»⁸. В ней культивировали гордость индийской историей, которую разделяли и либеральные круги элит, и консервативно настроенные в отношении традиций и ценностей мыслители – например, Бхудеб Мукхопад-

⁶ Тагор 1961–1965, Т. 11: 40.

⁷ В частности, в 1880-х гг. молодой Рабиндранат не преминул оспорить националистические разговоры об индусах-«наследниках ариев», величии «арийской души», «арийской истории», «арийской доблести» и т. п. («Подъём страны», «Герой Бенгалии» из сборника «Манюши» («Образ любимой»). См. русский перевод: Там же, Т. 2.: 97–102, 103–106.

⁸ Тагор 1961–1965, Т. 12.: 88.

дхай⁹. Влияние духа эпохи – с появляющейся и нарастающей конкуренцией в сознании бенгальских интеллектуальных элит либерализма и консерватизма¹⁰, вестернизма и традиционализма¹¹ сказалось на мировоззрении Р. Тагора, который уже в зрелом возрасте прошёл искушение консерватизмом на грани традиционализма¹²; тогда он был довольно заметной фигурой в патриотическом подъёме, охватившем Бенгалию, и впервые обратился к осмыслению истории родной страны.

В 1902 г. Р. Тагор адресовал бенгальской аудитории развернутое эссе «История Индии» (*Bhāratvarṣer itihāś*), где предложил своё понимание исторического своеобразия страны и подход к её рассмотрению. Позиция, с которой он обозревает историю Индии, – социально-философская, т. к. судя по тексту, его главная цель – открыть подлинный смысл истории родной страны, выявить, что в ней действительно достойно изучения, а что в данный момент мешает её адекватному восприятию. Первоначальные мотивы этого обращения продиктованы контекстом развития социально-философской мысли Р. Тагора – проблемой «Восток – Запад» и «Индия – Запад», вопросами соотношения и самоопределения в диалоге обществ и культур¹³. Этот мотив очевиден в начале, когда Тагор поднимает проблему соотношения общества и государства: власть и правление не тождественны обществу, особенно в условиях Индии: последнее существует независимо от того, кто им правит, – местные раджи или иностранные правители. Однако подлинная история Индии скрыта за историей иностранных империй и индийских государств. Настоящей Индии места в истории не осталось. Такое положение дел сложилось под влиянием западогенного понимания истории как истории политической, истории государств, – отсюда история любой страны, в т.ч. Индии, пишется по этой модели. Для Индии ситуация осложняется тем, что её история написана иностранцами – внешними наблюдателями, от которых скрыт поток её внутренней жизни во времени, и ничего кроме завоеваний и империй они не видят. Тагор убеждён: «Ошибочная идея о том, что истории разных стран должны быть сходны, должна быть отброшена»¹⁴. Вероятно, это не единственный мотив его обращения к смыслу и предмету познания истории, мне видится здесь мотив просветительский – в широком и в конкретном смысле. В 1901 г. Тагор открыл школу в Шантиникетоне, а историю, которую в то время изучали в школах и колледжах, он сравнивал с кошмарным сном, состоящим из войн, рек крови, борьбы родственников за престол и иноземных завоеваний¹⁵.

⁹ См. Raychaudhuri 1988: 39–40.

¹⁰ Chaudhuri 1967: 16–17.

¹¹ Sarkar 1970: 39, 42, 45, 152–155.

¹² См.: Ивбулис 1981: 152–153.

¹³ См.: Скороходова 2017, Скороходова 2019.

¹⁴ Tagore 1950: 3.

¹⁵ Ibid: 1.

Р. Тагор воздвигает императив обретения истории своей родины, которая реально существует и была во все времена. «Люди в странах более счастливых, чем наша, обретают свою истинную родину в их историях. Их дети познают свою страну уже в истории, изучаемой в школах. А с нами случилось всё в точности до наоборот, поскольку история нашей земли служит для того, чтобы скрыть её от нашего взора»¹⁶, – но, по мысли писателя, по достижениям культуры и выдающимся людям, которым страна дала жизнь, уже можно судить о существовании настоящей истории, – жизни народа и общественных изменений во времени. Достаточно только перестать считать индийской историей правление иноземных завоевателей от Махмуда Газневи и до Британского раджа и окутывающие их мифологические образы.

Исходя из условных вопросов индийских образованных кругов о том, что понимать под родной землей и в чём её особенности, Тагор отмечает, что для жителя любой страны на них вряд ли возможен удовлетворительный ответ, поскольку всё, что дано в непосредственном жизненном опыте, трудно определить или объяснить. Однако сам он берется определить «особое значение Индии», которое подтверждает вся её история, – и оказывается на территории философии, так как «значение» в данном случае – это смысл; и его определяет подход Тагора к пониманию истории Индии. Подход Тагора задан социально-философской идеей несводимости к политике всей жизни общества (иначе происходит неоправданное умаление и общества, и страны, и её народа)¹⁷, и рассмотрением Индии в сопоставлении с историей Европы и её стран, с историей Запада. Из первой идеи следует, что содержанием и смыслом истории Индии политика не являлась: самая «её природа всегда ограждала её от политической славы. Ведь корни политических амбиций лежат в духе противостояния и соперничества. Никто кроме тех, кто видит в соперниках чужаков, не может полагать политическую славу высшей целью своей жизни»¹⁸. Поэтому смысл индийской истории Тагор определяет по высшей цели, которую ставит перед собой общество, – и судит о ней по событиям истории. Второй компонент подхода связан с общим пониманием истории Запада Тагором на тот момент времени – с образом его общества и истории стран. История Европы видится ему преимущественно политической, направляемой духом борьбы – отсюда многочисленные конфликты между отдельными людьми, правителями и управляемыми, богатыми и бедными, работодателями и работниками. Отсюда необходимость политического регулирования отношений между конкурирующими элементами общества ради сохранения баланса, и отсюда явления, подобные Великой Французской революции, «громко заявившей о намерении утопить в

¹⁶ Ibid: 2.

¹⁷ Ibid: 4.

¹⁸ Ibid: 5.

крови все различия между людьми»¹⁹, – что только усугубляет ситуацию. На этом фоне история Индии направляется совершенно иным духом – гармонии и стремления к взаимодействию с другими.

На протяжении всей истории Индии Тагор прослеживает «попытку установить единство в многообразии (unity in diversity), приблизиться к истине различными путями и осознать в полноте веру в Единое во многом, которое как сокровенная Реальность не разрушает внешние различия, но открывает их внутреннюю связь»²⁰. В осознании Единого заключается высшая цель общества Индии – и поэтому «индийская цивилизация основана на чувстве единства и гармонии», «узах симпатии с другими», – и это есть действительное основание морального и социального (!) прогресса. Тагор назвал «идеалом Индии» «открытие идентичности, достижение единства и создание стабильности и мира в обществе»²¹ – и над его воплощением в жизнь Индия трудится в своей истории. Поскольку объединение различного представляет собой проблему, связанную, помимо прочего, с применением принуждения или избеганием последнего, Тагор полагает, что Индия сумела решить её естественным, то есть ненасильственным путем, что отличает её при сопоставлении с Западом. Её метод объединения он описывает как установление взаимоотношений несходных от природы элементов через обозначение для каждого из них различных сфер полезности. Это описание напоминает аналогичную мысль в социологической теории Э. Дюркгейма, говорившего о полезности социальных фактов и функциональности компонентов общества – единого организма²². «Определяя и разграничивая в обществе частные сферы деятельности соперничающих и противостоящих друг другу сил, Индия сформировала объединённое общественное устройство, предназначенное для исполнения широчайшего разнообразия функций; и она никогда не позволяла ни одной своей части выйти из положенной ей сферы и нарушить порядок и равновесие целого»²³, – в этом отличие Индии от стран, допускающих конкуренцию во всём и тем способствующих борьбе и хаосу.

При таком подходе вся история Индии с древнейших времен ариев у Тагора предстаёт как постоянное и неизменное принятие различных народов, «которые сам Творец» привлёк в эту страну. Индия никогда не изгоняла, никого не третировала, но всех принимала, всем находила нужное место и «объединяла вместе основополагающей идеей. Откуда бы ни приходило новое, сплывающая сила и вдохновляющая

¹⁹ Ibid: 6.

²⁰ Ibid: 5.

²¹ Ibid: 6.

²² Влияние позитивизма на интеллектуалов Бенгалии 2 пол. XIX в. было достаточно сильным (См. Flora 1993), к тому же он хорошо коррелировал с тенденциями консерватизма – уважением к традиции, ценностям, институтам Индии; поэтому влияние позитивистской социологии на Тагора вполне реально.

²³ Tagore 1950: 6.

идея были собственно индийскими»²⁴. Это особенно очевидно в сравнении с другими цивилизациями, страдавшими от недостатка чувства гармонии и избытка вражды. Так Западная цивилизация избавлялась от всех чужеродных элементов, что проявилось в Австралии, Новой Зеландии и Африке. История Индии – это история включения в её Цивилизацию всё новых и новых других – «предоставления им места и прав», «приспособления к своему устройству»²⁵. По мнению Тагора, это не просто метод действия в истории, но и талант «превращения врагов в друзей», способности «понять образ мысли других и привлечь их к себе магией любви». Индия воплощает этот гений жизни: «Она без колебаний воспринимала образ мыслей и жизни других и с готовностью усваивала пришедшие извне компоненты. Она никогда не боялась того, что иностранные критики называют идолопоклонством, и никогда не воротила от него носа. Она даже заимствовала у местных племен многое из абсурдного и отталкивающего, и преобразила это алхимией своей духовности. Она ничего не отвергала и не отбрасывала, но всё делала своим»²⁶. Этот принцип действует и в социальных институтах, и в духовной жизни её народов.

На первый взгляд, этот подход Тагора к истории Индии и её понимание довольно широки и обладают несомненными достоинствами – преодолением узкого её понимания как сугубо политической истории, рассмотрением её первозданного характера как истории народов и общества, обозначением её смысла – человеческого взаимодействия, поиска единства за несходными обществами и культурами, а также императив понимания Другого как цели и идеала. Более того, здесь обозначен и аксиологический принцип оценки исторического процесса – гармония, противопоставленная борьбе, выводит на предпочтение в обществе и его истории сотрудничества – насилию и принуждению. Однако в тот период Тагор находится под серьёзным воздействием консервативных идей и установок, поэтому, отвечая на вопрос об истоках этой замечательной способности Индии создавать единство в многообразии, он называет *дхарму*. Тагор не отождествляет её с религией, но трактует как целостное духовное образование, охватывающее все стороны человеческой жизни, «типично индийское», отражённое в Бхагавадгите в её призыве к гармонии знания, любви и действия (*джняны, бхакти и кармы*), в нераздельности веры, интеллекта и поведения. В ней заключён идеал и сама объединяющая сила общества, цивилизации, истории, и отсюда Тагор выводит мысль об особой миссии Индии в истории и в мире. В этом он не одинок среди современников; особенно неоиндуистов, которые, подобно Вивекананде, связывают её миссию с индуизмом, несущим Западу и миру духовное послание. И хотя у Тагора не

²⁴ Ibid: 7.

²⁵ Ibid: 7–8.

²⁶ Ibid: 8.

столь прямолинейно всё связано с религией, он говорит: «Если кто-то признаёт дхарму, и если идеал дхармы как связующей и сплачивающей силы является высшим *идеалом для человечества* (курсив мой – Т.С.), то необходимо признать, что индийский путь к решению проблемы – самый лучший путь»²⁷. Поэтому Индия и смогла воплотить в истории идеал «единства в многообразии» вопреки опасностям и трудностям.

Итак, Тагор определил в истории Индии общий смысл её исторического пути («центральную и вечную ноту её истории») ²⁸, сам подход к его пониманию в качестве истории народа и истории цивилизации, принимающей разнообразное ради внутреннего единства. Здесь обозначилась его склонность оценивать исторический процесс с позиции морали, когда он усомнился в приоритетности изучения войн, завоеваний, конфликтов, политики из-за их связи с насилием, которое претило Тагору и было связано в его сознании с попранием добра и человечности.

Этот подход и понимание истории сохраняется и в дальнейшем, однако прежнее соотнесение исторического пути Индии с дхармой практически исчезает. В этом немалую роль сыграло участие Тагора в движениях против раздела Бенгалии и *свадеши*, от которого он в 1906 г. отошёл из-за несогласия с рядом его идей и методов. Осмысление этого опыта, а также преодоление консерватизма сказались на понимании Тагором истории. Немаловажным представляется и его утверждение в либерализме в социально-философской мысли уже после смерти отца; когда он довольно быстро, по словам К. Крипалани, освободился от чар «его консервативной, патриотической и благочестивой личности»²⁹.

С вопроса «История Индии – о ком она рассказывает?» Тагор начинает лекцию «Восток и Запад» для молодёжи в 1908 г. Его понимание истории страны меняется. Отсчет идет с прихода ариев, «заложивших основы истории Индии», но никогда не заявлявших, что «Это наша Индия»; напротив, они начали смешиваться с местным неарийским населением, и в буддийский период этот процесс только ускорился. Даже когда брахманы спохватились и попытались восстановить язык различий, дело было уже сделано, «белая кожа – гордость ариев – всё-таки потемнела, а ритуалы и традиции шудр были поглощены их общественным устройством»³⁰. Так было создано «Большое общество» индусов, но история Индии на этом не завершилась – сам Создатель «не позволил ей сказать, что её история – это только история индусов»³¹. Затем во время «гражданских войн раджпутов» в Индию вторглись мусульмане – и тоже обрели в ней родину, живя здесь из поколения в поколение. В своё время пришли и заняли важное место в истории Индии британцы. Эту историческую реальность и свершившиеся

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid: 9.

²⁹ Kripalani 2008: 285.

³⁰ Tagore 1961: 129.

³¹ Ibid: 130.

факты невозможно оспорить ни одной из названных сторон, и Тагор призывает увидеть в ней смысл.

Смысл индийской истории задан на двух уровнях – метафизическом и антропологическом. Тенденция соотносить события с замыслом Бога наметилась у Тагора ещё в 1902 г.: «Творец (бенг. *Vidhāta*) привлёк в Индию людей, принадлежащих к разным народам»³². В «Востоке и Западе» понимание истории с позиции вечности и замысла Творца развернуто более определенно и, на мой взгляд, не без европейского влияния, уходящего в иудео-христианскую идею Провидения. Тагор иронически, если не саркастически замечает, что вряд ли разным сторонам – индусам, мусульманам, людям Запада – перед Всевышним удастся затеять судебную тяжбу за обладание Индией и кому-то её выиграть: «Разве Великий Создатель, занятый расширением области человеческих взаимоотношений, будет изменять свои планы только ради того, чтобы подстроиться под наше самомнение?»³³. Смысл метафизический он связывает с ростом общения и установления истины и блага всех людей «вопреки препятствиям и противодействующим силам». Однако самое воплощение смысла в истории зависит от людей, которые способствуют прогрессу истины и блага или же тормозят его.

Замысел Создателя об истории у Тагора понимается общим для всех народов. Тем не менее, на антропологическом уровне не существует всеобщей схемы воплощения смысла истории. Если есть область, где смысл проявляется с наибольшей полнотой, то это культура, а не политика, власть и т.п., так как именно культура остаётся в веках (в «золотой ладье времени») как непреходящая ценность. Согласно Тагору, «Цель индийской истории – не установить индусское или любое другое господство, но сберечь особого рода осуществление (*fulfilment*) для человечества, уровень совершенства, которое должно быть полезно всем. Если при его осуществлении индусам, мусульманам и британцам и придётся подавить агрессивные черты своей индивидуальности, это, возможно, и заденет их национальную гордость, но не может рассматриваться как утрата в области истины и человеческих прав. Мы все находимся здесь, чтобы построить Большую Индию (*Greater India*)»³⁴.

Вопрос о «принадлежности» истории Индии, Тагор связывает с вопросом идентичности и – шире – с тем, что такое Индия вообще. «Кто мы такие, чтобы говорить, что это страна – только наша? И фактически, кто такие эти «Мы»? Бенгалцы, маратхи, или панджабцы, индусы или мусульмане? Только у большого «Мы», в котором все они – и индусы, и мусульмане, и британцы, и все кто ни есть здесь, – должны окончательно объединиться, – будет право определять, что такое Индия и что есть за её пределами»³⁵. К началу XX в. стало очевидно,

³² Tagore 1950: 7.

³³ Tagore 1961: 130.

³⁴ *Ibid*: 131.

³⁵ *Ibid*: 133.

что история Индии не является историей одних индусов, которые – лишь часть её; и если они претендуют на то, чтобы оставаться изолированными в своём прошлом, хранить «чистоту» и избегать общения, то это означает, по словам Тагора, одно: «Мы просто заявляем миру, что осуждены судом человечества на смерть; в тюрьме, которую сами себе выстроили, мы ждем дня исполнения приговора». Более того, самим «Вершителем судьбы Индии», – т. е. метафизически – предопределено разрушение подобной позиции и побуждение к взаимодействию с другими. В этом смысле провиденциально выглядит и приход британцев в Индию, которые «явились, чтобы разрушить наши осыпающиеся стены и войти в наши дома, чтобы вдохновить нас верой, что весь мир тоже нуждается в нас»³⁶. Здесь Тагор продолжает одну из любимых идей бенгальских интеллектуалов (от Р. Рая до Сурендронатха Банерджи и Вивекананды) о благотворности правления и взаимодействия индийцев с Англией и Западом для обновления их жизни, мысли и культуры и для раскрытия миру богатого наследия Индии. Поэтому для Тагора история Индии содержательно объемлет историю всех её народов и культур, и он предлагает понятие «Большой Индии», совместно создаваемой во времени, задачи и цели её народов. Здесь встречаются Восток и Запад и ведут диалог – стран, народов, знаний и устремлений; и Новая история Индии есть история диалога, который разворачивается небеспроблемно, но неуклонно. И всем предшественникам и современникам, работавшим и работающим над этой задачей, – создателям моста между Индией и Европой – Тагор воздает должное³⁷.

Тагор усилил два аспекта своего понимания истории Индии: её соотнесенность с универсальной историей человечества и её всеобъемлющий характер в масштабе субконтинента – способность принимать всех и налаживать отношения. При этом на его понимании прошлого сказываются современные ему события и процессы – непростое взаимодействие между разнoverующими бенгальцами (индусами и мусульманами) в период *свадешти*, нарастание конфликта между британцами и их индийскими подданными и рост предубеждений в отношении Европы и её культуры; разворачивание национальных движений в странах Востока и собственно проблема его взаимоотношений с Западом. Всё это проблематизировало имеющееся у Тагора понимание истории Индии как неуклонного движения к гармонии и воплощения идеала «единства в многообразии», т.к. ставило вопрос о конфликте, его роли в истории, связи с насилием. Писатель не мог оставить его без ответа, поскольку стремился помочь соотечественникам в выборе адекватных методов действия и решения проблем в колониальной ситуации. Он разъяснил им идеал и содержание истории Большой Индии и взялся показать все опасности, связанные с избыточным вниманием к религи-

³⁶ Ibid: 132.

³⁷ Ibid: 133–134.

озной принадлежности и культурным различиям – в художественной форме в романах «Гора» (1912) и «Дом и мир» (1916).

С этого времени Тагор осмысливает историю родной страны не в прежнем противопоставлении её Западу, но в сравнении с тем, как другие страны и цивилизации решают общие для всех человеческих общностей задачи и проблемы в истории. Этот поворот выражен в речи 1913 г. «Конфликт народов» («Race Conflict»), где идеи из «Истории Индии» зеркально пересказываются и меняют смысл. Прежде Тагор исходил из миссии обретения единства в многообразии и представления опыта индийской истории в пример тем, кто сосредоточен на конкуренции и конфликте. Теперь сам подход к пониманию истории *всех народов* у Тагора другой: «Проблема конфликта народов всегда присутствует в истории человечества» и является основой всех великих цивилизаций: и все они есть результат смешения отличающихся друг от друга народов, их столкновения: «Все цивилизации – продукт смешения. Только варварство просто, неделимо и беспримесно»³⁸.

Отсюда насущная необходимость искать «общую связь, которая сможет внести единство во все различающиеся элементы», – и этим заняты все люди и народы. В философском смысле это «поиск истины, единого во многом, всеобщего в единичном»³⁹. Во всей истории человечества Тагор видит постоянное расширение масштаба этой проблемы и, соответственно, поиска её решения в установлении и росте человеческой солидарности. Прежде, из-за неразвитых средств коммуникации, расы и народы жили в относительной изоляции и были «узконациональными и агрессивно-враждебными к чужим». Проблемы взаимодействия с другими это не решало, средства избирались насильственные; иноземцев либо изгоняли, либо полностью «растворяли» в своём. «Люди еще не вполне переросли эту усвоенную ими расовую или национальную самодостаточность. Они до сих пор обременены этим старым наследием подозрительности к чужакам, которые есть всегда животный инстинкт»⁴⁰, – и это питает чувство превосходства и неповторимости своего. В этом свете история народов – история поиска взаимопонимания, родства, братства, равенства; история опыта поиска истины.

В этой речи Индия предстала одной из цивилизаций, которая с древних времён «была вынуждена признать проблему рас во всей её серьёзности и из века в век занималась распутыванием невероятно перепутанного клубка расовых различий»⁴¹. Последовательно было создано взаимодействие и жизнь внутри одной цивилизации ариев и дравидов, затем опыт налаживания контакта и включения других развивался с приходом мусульман, затем христианской цивилизации Европы. Тагор считает объединение и диалог состоявшимся – в духе и куль-

³⁸ Tagore 2008: 1.

³⁹ Ibid: 1–2.

⁴⁰ Ibid: 3.

⁴¹ Ibid: 4–5.

туре; на этом фоне современный всплеск национализма, вражды между различными слоями и группами общества и расовое противостояние глубоко противоречат и универсальным целям истории, и гуманности, и потому требуют преодоления совместными усилиями народов.

После 1913 г. Тагор часто обращается не только к внутренней индийской, но и к мировой аудитории. Его понимание истории страны неизменно встроено во всеобщую историю, в социально-философском духе интерпретированную как история человека, преодолевающего встающие перед ним трудности: «Они предъявляют нам проблемы и требуют их решения; наказанием за неисполнение будет смерть или деградация»⁴². Это напоминает знаменитый «Вызов-и-Ответ» А. Дж. Тойнби, но есть разница в представлениях британского историка и бенгальского поэта: первый говорит об историях локальных цивилизаций, постепенно объединяющихся в мировую историю, а Тагор – об изначальном единстве истории: «Есть только одна история – история человека. Все национальные истории – просто главы в большом целом. И мы в Индии готовы пострадать за это великое дело»⁴³.

В 1916 г. Тагор предложил своё понимание Нового времени, которое поставило Индию и другие страны Востока перед новыми сложными проблемами – они возникли из взаимодействия с Западом и требуют ответа. В лекциях «Национализм» Тагор продолжает анализировать проблему, обозначенную в 1902 г., – сочетание политического и социального в истории разных цивилизаций и опыт решения ими универсальных вопросов общественной жизни. В Новое время универсальным вызовом с ярко выраженными негативными последствиями стало появление нации – искусственно созданной экономической и политической «организации ... для осуществления и достижения выгоды и власти»⁴⁴. Для Тагора нация – «продукт» Запада; она побуждает к распространению власти, доминированию, подчинению себе стран и народов, а для породившего её общества оборачивается дурными последствиями в виде отчуждения, утраты высоких целей человеческого духа, утраты целостности человеческой природы и т. п.

Появление и правление в Индии «нации Запада» – совершенно новое событие в истории её цивилизации, поскольку ни индийцы, ни приходившие к ним разные завоеватели и народы нациями не были⁴⁵. К этому времени Индия по-своему решила универсальную проблему совместной социальной жизни разнообразных рас через «некоторое устройство для рас» – признала реальные различия между ними и нашла некоторую основу для единства – духовное служение «одному Богу для всех народов Индии»⁴⁶. Несмотря на различные сложности и затрудне-

⁴² Tagore 1921: 3.

⁴³ Ibid: 99.

⁴⁴ Ibid: 9–10.

⁴⁵ Ibid: 8.

⁴⁶ Ibid: 98–99.

ния в этом процессе, по мысли Тагора, в его основе лежал «моральный дух соединения», и он питал индийскую культуру, искусство, науку и религию⁴⁷. Решая *социальную* проблему, Индия таким образом доказывала свою человечность⁴⁸, и ей не требовались политические средства. И потому её история – не политическая, и даже свидетельство о политических событиях и войнах были преданы забвению⁴⁹. Такую «расовую» социальную проблему не пришлось решать Европе, а недостаток природных ресурсов обусловил естественное развитие цивилизации как политической и коммерчески агрессивной – что прослеживается и до Нового времени, и в современности, когда «нация Запада» «организовалась и эксплуатирует весь мир»⁵⁰.

Проблема текущей истории Индии видится Тагору в контексте отношения Востока и Запада, обусловленное их потребностью друг в друге⁵¹, императивом синтеза в общей реализации цели *всей* человеческой истории – взаимодействия ради гармонии, сотрудничества, устранения вражды и агрессии, развития человека и культуры. Суть проблемы заключается в происходящем в её цивилизационном пространстве «конфликт между духом Запада и нацией Запада»⁵². Дух Запада – это все достижения и наследие его цивилизации, принесённые в Индию, – от духа свободы, права и справедливости и до науки, образования и литературы; к ним Тагор неизменно признается в любви и уважении⁵³. «Нация Запада» – это политика в Индии, власть в метрополии, которая скорее ограничивает приток в страну полезного и важного, а также возможности роста покоренных народов, хотя и развивает экономику и управление. Заложённый в западном национализме «дух конфликта и завоевания» пагубен и для покоренных народов, т. к. подавляет самую человечность, мораль и свободу, и для западных наций, что доказывает Первая мировая война воздаяния⁵⁴.

Размышляя о перспективах, Тагор приходит к идее опоры на собственный исторический опыт в преодолении этого противоречия, так как история – не только часть жизни народа, но и его сила. «Я считаю, что Индия не получит ничего хорошего, соревнуясь западной цивилизацией в её области. Но мы с лихвой возместим всё это, если... последуем нашей собственной судьбе»⁵⁵. Выход в том, чтобы продолжать следовать тем моральным идеалам, которые Индия воплощает в своей истории, сохранять уже достигнутую высоту человечности во всех сферах жизни – через развитие изнутри в условиях «правления нации Запада».

⁴⁷ Ibid: 100.

⁴⁸ Ibid: 4, 101.

⁴⁹ Ibid: 5–6.

⁵⁰ Ibid: 97–98.

⁵¹ Ibid: 15.

⁵² Ibid: 20.

⁵³ Ibid: 16–17.

⁵⁴ Ibid: 20–21, 43.

⁵⁵ Ibid: 107.

В политике – коль скоро индийцы включились в неё и создали партии – Тагор видит необходимость строгого выбора методов и следования моральным целям. Он выступает за самоотверженную конструктивную работу – «исполнение обязанностей, которые по праву наши, несмотря на преследования, одерживая моральные победы шаг за шагом, через наши поражения и страдания» – во имя истины⁵⁶. В социальной жизни Тагор предлагает объективно оценить достоинства и недостатки общественного устройства. Прежде всего это кастовая система; с одной стороны, она решила расовую проблему, а с другой – ответственна за уничтожение всякого движения, изменений и «ограничение свободы внутри искусственно созданных границ»⁵⁷, т. к. целый ряд групп обрекается на подчинение и деградацию, что в свою очередь разрушает человечность. Индии требуются внутренние изменения социального устройства, чтобы устранить ограничения, обычаи и запреты и вернуть населяющим её людям возможность действовать и творить⁵⁸. При этом для Тагора свобода людей и общества возможна только как целостное и всестороннее явление; недостаточно одной политической свободы (freedom) – она связана с другими духовными, моральными, социальными аспектами свободы, что воплощается в полноте человечности.

Нетрудно заметить, что в размышлениях Тагора всё более важной оказывается включённость Индии в мировую историю при сохранении её своеобразия и наследия цивилизации. В трудах позднего периода творчества его видение истории Индии постоянно влияет на интерпретацию всемирно-исторических процессов и наоборот, его общие историкофилософские идеи – на трактовку исторической эволюции Индии.

В текстах в 1920–1930-х гг. история Индии предстаёт в контексте размышлений Тагора о человеке, духовной жизни и культуре обществ и о проблемах современности; и смыслы индийской истории вписаны в его историкофилософскую мысль, что хорошо прослеживается по «Религии человека» (1930) и другим работам.

Трактуя цивилизацию в виде значимого результата пребывающего в человеке избытка⁵⁹ (англ. surplus, бенг. atiriktā), широко понимаемого как способность к творчеству, свобода, устремлённость в бесконечное, благодаря которому он и трудится, и создает культуру, Тагор предлагает видеть в истории постоянное стремление человека к выражению бесконечного в свободе и творчестве. Отсюда происходит «история постоянного возрождения, серия свежих начинаний и постоянных вызовов старому, чтобы достичь всё более и более совершенной гармонии с определённым фундаментальным идеалом истины»⁶⁰. Так цивилизации возникают из «борьбы за великое Дальнейшее (a great Further) и

⁵⁶ Ibid: 112–113.

⁵⁷ Ibid: 116–117

⁵⁸ Ibid: 124–125.

⁵⁹ Tagore 2011: 30–36

⁶⁰ Ibid: 41–42.

созидания нового, провоцирующего революционные преобразования всей жизни людей, – и каждая из них находит свое место в истории, которая едина»⁶¹. Так возникли и развивались цивилизации Индии, Китая, Персии, Иудеи, Греции и Рима, – между ними нет барьеров для взаимодействия, но каждая развивается на своём устойчивом основании и воплощает совместное творчество людей, объединённых духом любви и сотрудничества – невзирая на присутствующие в цивилизациях конфликты, потрясения и преобразования.

Ключевая историософская идея у Тагора – свободы человека, которая воплощается в истории – сначала в эволюции человека, затем в истории цивилизаций во множестве измерений – материальном, духовном, социальном, политическом⁶². Особенно значимой в истории Тагору представляется эволюция духа, изначально связанная с открытием внутреннего мира человека и эволюцией религии от первобытных форм до развитых. Человек «строит развитые религии, чтобы против своей естественной склонности убедить себя в парадоксе, что он – не то, что он есть, но нечто более великое»⁶³. В истории древних цивилизаций Тагор видит религиозные революции, утверждающие моральное и духовное в противовес внешнему и магическому в религии. Первая такая революция совершена в Персии Заратустрой, указавшим путь свободы морального выбора⁶⁴. Позже такой религиозный переворот пережила Индия; её борьба отражена в Махабхарате, а новое учение о Боге и морали – в Бхагавадгите⁶⁵, затем другие страны. Смысл революций в религиях древности Тагор видел в призыве к людям трудиться совместно ради блага – как сотрудники Бога, и бороться против зла. Этот духовный поворот сказался на дальнейшей эволюции цивилизаций Востока и Запада, но по-разному реализовался в их жизни; для второго была значима деятельность во имя добра против зла, первому недоставало энергии для подобной активности, но на Востоке утвердилось исполнение обязанностей вкуче с духовным противостоянием злу с упованием на Вечного. И здесь Индия являет идеальный пример такой особенности Востока⁶⁶. Современный Тагору мир создал возможности для гармонического объединения обоих идеалов Востока и Запада, но это – дело будущего.

Творческая природа человека и его устремлённость в бесконечность сообщают истории, по мысли Тагора, качество устремленности в будущее: «Мы создаем мечту о безграничном, недостижимом, – мечту, которая придает значение тому, что уже достигнуто. <...> Атмосфера будущего должна всегда окружать наше настоящее, чтобы придавать

⁶¹ Ibid: 48.

⁶² Ibid: 169–170.

⁶³ Ibid: 48.

⁶⁴ Ibid: 62.

⁶⁵ См.: Ibid: 69–70, 72–74.

⁶⁶ Ibid: 74–75.

значение текущей жизни и убеждать в бессмертии»⁶⁷. В разных цивилизациях народы неодинаково ориентированы на будущее, которое философ видит более истинным, нежели прошлое, поскольку оно связано с созиданием и творчеством⁶⁸. На этом фоне печальным назван опыт индийцев, которые под гнётом ортодоксии «сосредоточены на мертвых веках»; такое «идолопоклонство перед прошлым умаляет человека» и из поколения в поколение воспроизводит застой. Отсюда же, по мнению Тагора, происходит по сути архаическое стремление к изоляции от мира. Подобные тенденции обращения к первобытным пластам духа он видит и в современной цивилизации, которая больше ориентирована на удовлетворение растущих материальных потребностей людей и тем отвлекает их от духа и творчества⁶⁹.

Среди историософских положений Тагора немаловажное место занимает европогенный термин «цивилизация». В 1924 г. в «Беседах в Китае» писатель определяет её как общую для разных народов идею совершенствования человека, с «некоторой ведущей моральной силой, которую мы развили в нашем обществе ради цели достижения совершенства»⁷⁰. Для Индии ближайшим синонимом цивилизации поэт считает слово «*дхарма*» – «принцип, объединяющий нас вместе и ведущий к наибольшему благополучию», и шире, – наилучшее выражение истины в человеке»⁷¹. Цивилизация в этом смысле связана с комплексом духовных основ человеческой жизни, обеспечивающих жизнь обществ и творчество человека; в ней проявляется вечная человечность – в сострадании, делах, поведении и творческих трудах⁷². Культурное и духовное содержание составляет ядро цивилизации, но не препятствует её исторической эволюции. Тагор скорее придерживается мнения о том, что забвение духа, его исчезновение под грузом форм и внешних установлений тормозит развитие стран и народов. В духе, внутренних силах философ видит источники движения и развития. Внешнюю сторону развития составляет постоянное расширение взаимодействия людей, народов, стран, цивилизаций в истории – начиная с древности, когда большинство сообществ было склонно к изоляции, и вплоть до XX века, когда «стены, разделявшие разные расы, в самом деле рухнули, и мы обнаружили друг друга стоящими лицом к лицу»⁷³. Сближение, общение и сотрудничество народов представляется Тагору императивом настоящего, т. к. самый возврат к привычной изоляции невозможен. На пути сближения и сотрудничества он видит две базовые проблемы: доминирования одних народов над другими и отождествления

⁶⁷ Ibid: 107.

⁶⁸ Ibid: 108–109.

⁶⁹ Ibid: 109–110, 143.

⁷⁰ Tagore 1925: 123.

⁷¹ Ibid: 123–124.

⁷² См.: Tagore 2011: 130–131, 133–134.

⁷³ Ibid. P.146.

современной (западной) цивилизации с её материально-техническими изобретениями и коммерческой жизнью. Оптимизм Тагора исходит из идеи взаимодополнительных усилий народов Запада и Востока в воплощении общей свободы и творческого духа человека.

Историософские идеи Тагора высвечивают особенности его философии индийской истории – в ней на первом плане находится история духа, мысли и культуры, составляющих наследие этой цивилизации, значимое для всего мира. Её создатели принадлежали к разным народам и исповедовали разные религии, но, объединенные в общем доме – Индии – они сумели наладить сотрудничество на основе принятия различий и скрытого за ними признания и единства в духе. Вся история Индии есть история *социальной жизни* и культуры, для которых политическая история – внешняя и вторичная. Всё, что касается хозяйственной жизни, экономики в историософии Тагора находится на дальнем плане⁷⁴. Однако в выступлениях и статьях, посвященных современным проблемам Индии, он подробно размышляет и о бедности, и об экономической эксплуатации страны-колонии, и о положении крестьянства; но у них иная аудитория – индийская, тогда как историософскую мысль позднего периода Тагор чаще транслирует всемирной аудитории.

Прослеженная эволюция историософской мысли Тагора позволяет выявить его общее понимание истории Индии. Его Индия – это сложившаяся в древности на субконтиненте цивилизация, которую отличает выдающаяся способность принимать и объединять разные народы, разрешать возникающие конфликты и преодолевать препятствия. Определяя целью индийского «Большого общества» осознание единого во многом, Тагор и историю страны понимает телеологически – как движение к гармонии многообразного через любые препятствия. Гармоническое единство – и цель, и идеал, и мотив жизни индийцев в истории. Реальное содержание истории страны Тагор представляет в виде сложной эволюции общества, решающего серьёзные проблемы – расовую (согласование интересов и культур), проблемы социального взаимодействия, духовного влияния, политического завоевания и т.п. В этой истории наиболее значима история духа, жизни народа и культуры, тогда как политическая и экономическая стороны эволюции во времени составляют скорее фон для подлинной истории Индии. Высокая цель индийской истории, связанная с воплощением высших побуждений человека (свобода, стремление к бессмертию, творчество), обуславливает этический и даже морализаторский подход Тагора к оценке событий и процессов; только усилия в области социального творчества и культуры, а также противостояние подчинению и угнетению способствуют развитию. «Единство в многообразии», реализуемое Индией в истории,

⁷⁴ Так, в появлении земледелия, сменившего прежнюю дикость и отражённом в «героической личности Рамачандры» (сюжет позже вошёл в эпос Рамаяна), Тагор видит социальное действие объединения противостоящих друг другу групп людей в единый народ (См.: Tagore 2011: 144).

– это смысл последней, соотнесённый с универсальным смыслом обретения и утверждения человечности. С ним связано и понимание миссии Индии в истории человечества: явить модель согласования разнообразного, принятия Другого и создания солидарности – даже если в этой модели есть свои изъяны в виде застывания созданных институтов и традиций. Это напоминает знаменитый чаадаевский «урок другим народам», но с положительным знаком: у Тагора индийская история даёт пример объединения и сотрудничества несходного.

Понимание истории родной страны Тагором не всецело позитивное; он остро и нелицеприятно критикует состояние страны и общества в ситуации противоречий между Востоком и Западом, британского колониального правления, власти «нации Запада», внутренней напряжённости между религиозными общинами и т.д. Но если учесть, что Тагор продолжает и подытоживает смыслы, открытые в индийской истории предшественниками, то выведение положительных смыслов на первый план объяснимо: это вклад в конструирование общей индийской идентичности на основе позитивной исторической памяти об имеющемся опыте и наследии социокультурного синтеза, и утверждение значения исторического пути древней цивилизации во всемирной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алаев Л. Б. Историография истории Индии. М., Институт востоковедения РАН, 2013. 472 с. [Alaev L. B. Istoriografiya istorii Indii. M., Institut vostokovedeniya RAN, 2013. 472 s.].
- Бросалина Е. К. Положительный герой исторических пьес Р. Тагора // Вестник ЛГУ. Серия истории языка и литературы. 1975. Вып. 3. № 14. С.106–113. [Brosalina E. K. Polozhitel'nyj geroy istoricheskikh p'yes R. Tagora // Vestnik LGU. Seriya istorii yazyka i literatury. 1975. Vyp. 3. № 14. S.106–113.].
- Ивбулис В. Я. Литературно-художественное творчество Рабиндраната Тагора. Проблема метода. Рига: Зинатне, 1981. 390 с. [Ivbulis V. YA. Literaturno-hudozhestvennoe tvorchestvo Rabindranata Tagora. Pro-blema metoda. Riga: Zinatne, 1981. 390 s.].
- Скорородова Т. Г. Понимание Востока в общественной мысли Бенгальского Возрождения // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 200–211. [Skorohodova T. G. Ponimanie Vostoka v obshchestvennoj mysli Bengal'skogo Vozrozh-deniya // Voprosy filosofii. 2019. № 11. S. 200–211. DOI: 10.31857/S004287440007364-5.].
- Скорородова Т. Г. Проблема “Восток – Запад” в социальной мысли Бенгальского Возрождения // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 147–158. [Skorohodova T. G. Problema “Vostok – Zapad” v social'noj mysli Bengal'skogo Vozrozhdeniya // Voprosy filosofii. 2017. № 12. S. 147–158.].
- Тагор Рабиндранат. Собрание сочинений в 12 тт. М.: Худож. литература; 1961–1965. [Tagor Rabindranat. Sbranie sochinenij v 12 tt. M.: Hudozhestvennaya literatura; 1961–1965].
- Bayly C. A. Recovering Liberties: Indian Thought in the Age of Liberalism and Empire. Cambridge: University Press, 2012. 383 p.
- Biswas Prasenjit. Self in Tagore's Notion of History: A Project of Liberation? // The Idea of Surplus: Tagore and Contemporary Human Sciences. Ed by Mrinal Miri. New Delhi: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. xiii, 253 p.
- Chaudhuri N.Ch. The Intellectual in India. New Delhi: Association Publ. House, 1967. VII, 80 p.
- Das Gupta Sakti. Tagore's Asian Outlook. Calcutta: Nava Bharati, 1961. XII, 167 p.
- Dasgupta Subrata. Awakening: The Story of the Bengal Renaissance. L., Noida: Random House India, 2011. 484 p.
- Dasgupta Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.

- Flora Guiseppe. The Evolution of Positivism in Bengal: Jogendra Chandra Ghosh, Bankimchandra Chattopadhyay, Benoy Kumar Sarkar. Napoli, 1993. 58 p. (Annali/Institute Universario Orientale. Vol. 55. Fasc. 2. Suppl. № 75)
- Ghose Sankar. The Renaissance to Militant Nationalism in India. Bombay etc.: Allied Publ., 1969.
- Kopf D. British Orientalism and Bengal Renaissance. Berkeley: University of California Press, 1969. 324 p.
- Kripalani K. Rabindranath Tagore. A Biography. New Delhi etc: UBC Publ., 2008. 560 p.
- Panikkar K.N. Colonialism, Culture and Resistance. L.: Anthem Press, 2002.
- Raychaudhuri, Tapan. Europe Reconsidered. Perceptions of the West in the Nineteenth Century Bengal/ New Delhi etc.: Oxford University Press, 1988. 369 p.
- Sarkar Susobhan. Bengal Renaissance and Other Essays. New Delhi: People's Publishing House, 1970. 166 p.
- Tagore Rabindranath. The Message of India's History. Santiniketan: Basu, 1950. 9 p.
- Tagore Rabindranath. Nationalism. L.: Macmillan, 1921. V, 159 p.
- Tagore Rabindranath. Race Conflict and Other Speeches. New Delhi: Rupa; 2008. 170 p.
- Tagore Rabindranath. Religion of Man. New Delhi: Rupa; 2011. 224 p.
- Tagore Rabindranath. Talks in China. Calcutta: Viswa-Bharati, 1925. 157 p.
- Tagore Rabindranath. Towards Universal Man. Bombay etc.: Asia, 1961. IX, 387 p.

Скороходова Татьяна Григорьевна, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет, профессор, кафедра «Теория и практика социальной работы», skorokhod71@mail.ru

Understanding of India's History in Social Philosophy of Rabindranath Tagore

Based on analysis of philosophical works by Rabindranath Tagore, the article presents a reconstruction of his understanding of meanings and processes of India's history. Tagore's approach to native history is determined his striving for discovery of its real content in juxtaposition with other countries and civilizations. Anthropologically, the key historiographical idea by Tagore is an idea of human freedom embodied in history of civilizations in many aspects, therefore, he understands history as an orientation for future. Tagore had created special philosophy of Indian history as history of her social life, spirit and culture. The general understanding of India's history by R. Tagore had united idea of 'Greater India' – ancient civilization with outstanding ability to integrate all peoples and to resolve conflicts, as well as ideas of striving to harmonic 'unity in diversity' in history as its goal and ideal, of political and economic evolution as the background. Cultural and spiritual life ground main heritage and perspective of development of India.

Keywords: Rabindranath Tagore, The Bengal Renaissance, understanding of India's history, philosophy of history, social philosophy, meanings, civilization.

Skorokhodova Tatiana Grigorievna, Doctor of Philosophical science; PhD in Historical sciences, Penza State University, Professor, Department "Theory and Practice of Social Work", skorokhod71@mail.ru

Е.Г. МАРГАРЯН

ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКИХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

За последние полтора века французская историография эллинизма прошла несколько этапов развития, обусловленных, прежде всего, политической конъюнктурой. Первая половина XX в. прошла под лозунгами «благотворного империализма», призванными легитимировать колониальную политику ведущих империй Нового времени. Крушение империй и колониальной системы породило новое отношение к истории эллинизма. Постколониальный дискурс лишил Александра и греко-македонские империи героического ореола и позволил взглянуть на эллинизм с точки зрения коренных жителей Передней и Центральной Азии, а также ориентализированных греков, ставших частью нового для них мира. Новый дискурс открыл новые перспективы для изучения истории эллинизма, но вместе с тем потребовал обогатить исследовательскую палитру новыми методами. В частности – микроисторией, т.к. именно этот метод позволяет наиболее полно осветить историю «безмолствующего большинства» коренного населения, завоеванных македонцами стран.

Ключевые слова: французская историография, эллинистические исследования, концепция «благотворного империализма», школа Анналов, постколониальный дискурс, смена исторической парадигмы.

Французская историография эллинизма между мировыми войнами: эллиоцентризм историографических конструкций. Концепция «благотворного империализма». Французская историография эллинизма имеет полуторавековую историю и прошла несколько этапов, обусловленных политической конъюнктурой. Как и в большинстве европейских стран французская историография эллинизма имела идеологическую направленность. Возникновение понятия эллинизм и активная разработка концепции эллинизма пришлись на эпоху «передела мира» накануне Первой мировой и в период между двумя мировыми войнами. Это не случайно. Большинство стран, вступивших в борьбу за перераспределение колоний, нуждались в легитимации своих империалистических устремлений. Для обоснования политических претензий различные власти, вот уже на протяжении не одного тысячелетия прибегают к истории, как главному источнику легитимации. Дройзеновская концепция истории эллинизма как раз оказалась удобным инструментом для создания архетипического образа «белого спасителя» и «культурного героя», несущего свет западной культуры на Восток, осуществляя тем самым великую цивилизационную миссию. Именно поэтому эпоха Александра Великого, его походы и создание на Востоке новых государств под властью греко-македонских и пришедших им на смену римских завоевателей, вызвали в канун, и в период между двумя мировыми войнами в Европе, такой неподдельный интерес.

В эти годы французская историография эпохи эллинизма продолжала развиваться в русле заложенных во второй половине XIX в. традиций классической немецкой историографии. В работах А. Буше-Леклерка, Ж. Раде, П. Жуге, Р. Коэна, П. Клоше, Л. Омо и др. французских историков первой половины XX в. сквозной идеей оставалась концепция «благотворного империализма». Согласно этой концепции, до походов Александра Великого Восток был варварским и отсталым, а политические институты восточных монархий исчерпали свой ресурс и потеряли всякую эффективность. Поэтому гигантская Ахеменидская империя распалась при первых же столкновениях с греко-македонской военной машиной. Однако утверждалось, что приход греко-македонских завоевателей на Восток, образование здесь эллинских колоний изменили ситуацию, придав новый импульс развитию восточных цивилизаций. Эта концепция имела ярко выраженный политический окрас, так как французские антиковеды, акцентируя мессианство Александра и цивилизующее значение греко-македонского империализма, оправдывали и современный им французский колониализм, по сути, экстраполируя современные им реалии на эллинистическо-римскую эпоху.

До Первой Мировой войны одним из наиболее значимых французских историков, занимавшихся вопросами эллинизма, был Огюст Буше-Леклерк¹, внесший также большой вклад в развитие классической филологии своего времени. Однако, наибольшую популярность история эллинизма получила в послевоенные годы. Это было обусловлено эйфорией от одержанной Антантой победы в Великой войне, и активизацией колониальной политики Франции на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Восточной Азии. Французские колонисты Стран Магриба часто ассоциировали себя с греко-македонскими поселенцами эллинистической эпохи². Повсеместно говорилось о цивилизующей миссии французов в близких и дальних колониях. Это не могло не отразиться на идеологических конструкциях французских антиковедов, экстраполировавших современные им реалии на античность. Французские историки трактовали эллинизм как *одностороннее заимствование*

¹ Bouché-Leclercq 1879-1881 (русск. перевод I т.: Буше-Леклерк А. Из истории культуры. Истолкование чудесного в античном мире, Киев, 1881; Idem. 1913–1914; Idem. 1903–1907; Tome 1: 1903; Tome 2: 1904; Tome 3: 1906; Tome 4: 1907.

² Сама по себе эта идея не нова и зародилась в период формирования Британской империи. Первым историком, легитимировавшим современный ему колониализм через сопоставление с эпохой греко-македонского доминирования на Востоке, стал Уильям Робертсон (1721–1793), репрезентировавший в своих работах Александра Македонского как цивилизующего завоевателя, проложившего торговые пути в Индию. Робертсон рассматривал Империю Александра как прототип, своего рода модель Британской империи, вновь проложившей в XVIII в. торговые и цивилизационные магистрали из Европы в Индию (Briant 2005: 1-9). Образ Александра как цивилизатора-завоевателя разрабатывался в европейской науке задолго до Дройзена французскими философами Вольтером и Монтескье, а также в работах шотландских, английских и немецких просветителей.

и привитие восточным народам культурных достижений Греции. Никто из французских историков не рассматривал восточные народы как самостоятельную силу. Демиургом новой цивилизации на Востоке, главным ее архитектором, был объявлен Александр, который прибыл на Восток с особой миссией, чтобы построить новый мир, основанный на западных ценностях, и тем самым придать Востоку импульс для дальнейшего развития и интеграции в западную цивилизацию.

Так, Жорж Раде в своей работе «Александр Великий»³ (1931, 1950 гг. и еще несколько более поздних изданиях) скрупулезно описывает победы и завоевания македонского царя, которым он безоговорочно восхищался. Египтолог Пьер Жуге также был страстным пропагандистом концепции «благотворного империализма» и часто экстраполировал современные ему реалии на древнюю историю. В своем монографическом исследовании «Македонский колониализм и эллинизация Востока»⁴ он рассматривает колониализм как оправданное и необходимое для естественного хода истории явление, без которого невозможно было бы преодолеть застойность Востока и обеспечить его дальнейшее развитие. Жуге игнорирует тот факт, что в позднеклассический период Эллада очутилась в более глубоком кризисе, чем Восток, и погрузилась в хаос гражданской войны. Более того, в эллинистическую эпоху Греции, в отличие от Востока, не удалось преодолеть охвативший ее кризис, что, в конце концов, привело ее к полной деградации и поглощению Римом. Греческие элиты практически добровольно приняли власть Рима, поскольку не видели путей выхода из этого кризиса.

Эти и ряд других проблем были рассмотрены в фундаментальных работах Робера Коэна⁵, и сегодня не потерявших свою научную ценность. Особой форме экономических отношений, характерных для Государства Птолемеев были посвящены исследования Клер Прео⁶. Значимый вклад в изучение завоевательных походов Александра и политической истории эллинистических государств внес известный исследователь римской истории Лео Омо⁷. Бельгийский историк Франц Кюмон, подробно рассмотрел особенности культа древнего бога Митры⁸, на базе которого зародился римский митраизм, эллинистическая, по своей сути религиозная система, потеснившая древние римские культы. Но, при этом, Кюмон практически не обращается к восточным корням митраизма, игнорируя огромное влияние восточных религиозных систем на римско-эллинистическую действительность. Подобные взгляды характерны были и для исторических школ других стран⁹.

³ Radet 1931.

⁴ Jouquet 1926 (так же, Paris, 1961).

⁵ Cohen 1934; Idem. 1959; Idem. 1949: 187–195.

⁶ Préaux 1939.

⁷ Homo 1951.

⁸ Кюмон 2000.

⁹ Gregor 1940; Lamb 1946.

Историография эллинизма во Франции в годы Славного тридцатилетия. Смена парадигмы. С 1850 по 1950 гг. господствующей в Европе оставалась дройзеновская парадигма эллинизма¹⁰. Франция, естественно, не составляла исключения. Однако, вскоре после Второй Мировой войны, особенно после деколонизации заморских территорий Франции (1945-1962), теория «благотворного империализма» потеряла политическую актуальность и довольно быстро была элиминирована из активного оборота. Изменения в историографической парадигме эллинизма во Франции во многом были связаны со сменой политического режима, образованием Пятой республики, торжеством голлизма и основанных на нем ценностей¹¹. Так, на смену романтизированному образу эллинических завоевателей, несущих дремучим народам Востока свет западной цивилизации, пришло реалистическое восприятие истории, где вопреки установившейся среди античников традиции, не было места для метафизических спекуляций вокруг выспренных рассуждений о величии «греческого духа» (ставшего, кстати, прототипом идеи «римского», а позднее «германского духа»). Однако, лишившись идеологической подоплеки, эллинистические изыскания потеряли привлекательность для европейских исследователей, что не могло не отразиться на количестве и качестве академических исследований истории эллинистического Востока в целом. Лишь получивший широкое распространение в европейской историографии последних де-

¹⁰ Экстраполяция Ахеменидских и эллинистических реалий на европейские реалии Нового времени наблюдается практически во всех работах европейских историков, занимавшихся историей эллинизма. Так Дройзен сопоставлял декаданс Ахеменидской державы и современной ему Оттоманской империи (Briant 2009: 171-188; Hecsel 2004: 147-74. По мнению Дройзена, реновация Востока возможна только с переходом на европейские цивилизационные модели, как это произошло после упадка и гибели Ахеменидской державы. Далеко не все современники Дройзена восприняли его европоцентристскую модель эллинизма. Так, британский историк Джордж Грот в двенадцатом томе своего монументального труда «Истории Греции» (1856), полемизирует с Дройзеном, не соглашаясь с его восприятием эллинистического Востока (Demetriou (ed.) 2014: 329-365). Столетию раньше французский историк Роллин утверждал, что походы Александра проходили относительно легко и бескровно, и, в конце концов, привели не столько к эллинизации Азии, сколько к азианизации Эллады. В Новейшее время лишь такие выдающиеся исследователи эллинистического востока как М. Ростовцев и Э. Бикерман (оба выходцы из Российской империи) в послевоенные годы окончательно отказались от эллиноцентричной парадигмы и стали рассматривать эллинизм, как проявление европейского колониализма на Востоке (Verlag 2015: 13-32). Характерно, что такая смена историографической парадигмы совпала с развалом колониальной империи и формированием на Западе деколониальной парадигмы.

¹¹ Важный импульс в изменение этой парадигмы внесли археологические исследования, особенно многолетняя экспедиция в Дура Европос, руководителем, который на самом ответственном заключительном этапе стал М. Ростовцев. Археологические изыскания показали преемственную связь материальной культуры постахеменидского эллинистического периода с предшествующими эпохами ('Milestones in the Development of Achaemenid Historiography...).

сятилетий постколониальный дискурс вновь сделал актуальным исторические исследования в области предэллинизма и эллинизма.

Изменения парадигмы происходили не сразу. Старая довоенная школа не спешила сдавать свои позиции. Среди историков, занимающихся вопросами истории эллинизма, по-прежнему доминирующим оставался европоцентричный подход. Более того, в работах некоторых из них, хоть и в менее выраженной форме, угадывались цивилизаторские концепции, унаследованные от французской историографии первой половины XX столетия. Характерной чертой работ некоторых историков по-прежнему была абсолютизация образа Александра и убежденность в том, что зарождение эллинистической цивилизации на Востоке является исключительной заслугой его гения, дара providения и негибимой воли. Подобные взгляды особенно выпукло проявились в монографических работах Поля Клоше¹², получивших признание у широкой публики благодаря образному языку и динамичной манере изложения исторического материала. В одной из своих ранних работ Клоше обстоятельно и, вместе с тем, увлекательно и метафорично изложил историю политической борьбы диадохов¹³. Основными причинами успеха или провалов греко-македонских полководцев и властителей он считает их личные качества – ум, решительность, недальновидность, отвагу или просто неудачное стечение обстоятельств¹⁴. Клоше объясняет восхождение Македонии и последующие успехи македонских завоевателей в Элладе и на Востоке преимущественно личными качествами предшественников Александра – таких правителей, как Александр I, Пердикка III, Архелай. Что касается Филиппа II, его роль в стремительном восхождении Македонии он считает преувеличенной, но вместе с тем считает его деятельность «освободительной»¹⁵.

Борьба за власть эпигонов и диадохов в работах Клоше представлена как свара карликов, разгоревшаяся из-за желания овладеть несоизмеримой мантией их великого предводителя, которого они же вероятнее всего и погубили¹⁶. Однако, по мнению французского автора, эта мантия оказалась столь велика, что пришедшие ему на смену политические пигмеи просто запутались в ней и, суетливо побарахтавшись, бесславно сгинули. Даже после победы над своими, менее удачливыми конкурентами, диадохи были вынуждены сражаться, причем абсолютно безуспешно, с тенью своего великого предшественника. Однако, несмотря на популярность монографий и эссе Поля Клоше, в его полудетективных исторических трудах, как и в работах большинства современных ему историков, практически отсутствует теоретический анализ.

¹² Cloché 1953.

¹³ Cloché 1959.

¹⁴ Cloché 1949: 187–195.

¹⁵ Cloché 1939: 155–170. [296]

¹⁶ Он считает вполне вероятной версию заговора завистливых диадохов, приревновавших своего великого вождя к новым восточным адептам его власти.

Вместе с тем, научный аппарат хромает и явно недостаточен для работ такого масштаба.

Однако параллельно с восторженным отношением к Александру как к главному проектировщику и стилизатору эллинизма, призванному перестроить старый мир, в 1950–1960 гг. во Франции начинает формироваться иное отношение к Александру и его преемникам. В работах некоторых исследователей послевоенных лет Александр уже нередко представлен хладнокровным и жестоким завоевателем, не брезговавшим никакими средствами для достижения желанной цели. Среди французских исследователей критическим отношением к Александру отличается известный иранист Пьер Бриан, о чем будет сказано ниже¹⁷.

Отдельным, частным вопросом истории эллинизма посвящен двухтомный труд Марселя Леонея «Исследование эллинистических армий»¹⁸. Эллинистической цивилизации и истории Александрии Египетской посвящены исследования Андре Бернана¹⁹. В послевоенные годы в центре внимания французских историков оказались эллинистические история и культура стран Центральной Азии²⁰, что было трудно представить в период между двумя Мировыми войнами, когда эллинистическими считались только те страны, которые долгое время находились под политической властью македонцев и в орбите влияния греческого мира. В этом смысле характерны замечания Д. Шлюмберже в работе «Эллинизированный Восток»²¹ о культуре постахеменидского Востока.

В послевоенной французской историографии эпохи эллинизма достойное место занимает Поль Пети. В своей общетеоретической монографии «Эллинистическая цивилизация»²², он развивает идею о том, что эта цивилизация не имеет ничего общего с декадансом, и ее нельзя трактовать как переходный и хаотичный период между греческим классицизмом и могуществом Римской империи. Пети определяет границы эллинистического мира от Ирана до Карфагена, от Египта до Италии. Таким образом, он значительно раздвигает рамки распространения эллинистической культуры и образа жизни, включая в них страны, не покоренные македонскими завоевателями и никогда не бывшие под их политическим влиянием. Из чего следует заключить, что эллинизм – не столько политический, сколько цивилизационный феномен.

Определенный интерес представляет объемный труд французского историка и археолога, члена Академии изящных надписей и изящных слов Франсуа Шаму «Эллинистическая цивилизация»²³ (1981), в котором эллинистическая цивилизация, как и у Пети, представлена не

¹⁷ Briant 1974.

¹⁸ Launey 1949–1950. Revised edition 1987.

¹⁹ Bernard 1994; idem. 1995; idem. 1996; idem. 1997: 131–138.

²⁰ Vopearachchi 2004: 349–369.

²¹ Шлюмберже 1985.

²² Petit 1965.

²³ Шаму 2008.

бессмысленным и кровавым периодом межвременья, разделявшим эпохи величия Афин и Рима или серией военных подвигов греко-македонских колонизаторов, изложенных в духе «Илиады» и их культурно-просветительской деятельностью среди «толпы, то дьяволов, то детей...»²⁴, а временем в себе, когда Восток, практически во всем, опережал Запад. Хотя в книге можно найти много элементов из которых традиционно строилась французская историография эллинизма: героика «Илиады» – описание походов по бескрайним просторам Азиатского континента, распри диадохов и эпигонов, предательство, дворцовые интриги и кровосмешение, причем изложено все это по-французски легко и виртуозно и захватывающе, все же, главное для Шаму – показать эллинизм как более сложное явление, нежели его было принято представлять в школьных и вузовских учебниках. Французский автор попытается представить эллинизм как противоречивую эпоху, где существовали новаторство и верность классическим образцам высокой греческой культуры, уважение к восточным традициям и устремленность в будущее, эзотерика и трезвый, иногда заземленный реализм, страстность и холодная рассудочность, блестящая эрудиция и утонченность элиты, увлеченной Эпикуром и восхищающейся Каллимахом, странным образом сочетавшаяся с невежеством и вульгарностью широких масс. Автор с сожалением описывает утраченные культурные достижения той эпохи. И в русле традиции школы Анналов описывает быт и нравы эпохи: благосостояние людей, качество жизни, дух свободы, возможность свободного передвижения, что давало возможность для обмена товарами и идеями. Интеллектуалы могли не только беспрепятственно передвигаться, но и устраиваться на работу по специальности, в которой недостатка не было. Городские и храмовые общины богатели. Каждый город, каждый край имел своих богов. В заключении, чтобы продемонстрировать дух эпохи, Ф. Шаму делает разбор известной фрески, известной под названием Альдобрандинская свадьба, которая является не очень удачной римской копией времен Августа с картины талантливого художника эллинистической эпохи. На фреске изображена невеста со времен Антиоха Сотера и Антигона Одноглазого, ожидающая первой брачной ночи. В этом фрагменте Ф. Шаму проявил себя как талантливый бытописатель.

Постколониальный дискурс. Безансонская школа. Изменения, происшедшие во Франции после краха голлизма не могли не отразиться на мировоззренческих парадигмах французских историков. Это время ознаменовалось поисками новых концептуальных подходов к эллинизму. Большой интерес к эллинистическим исследованиям стали проявлять представители второго и третьего поколения школы Анналов, рассматривающих историю эллинизма сквозь призму *Longue durée* (*the long term*). Главным центром по изучению истории предэллинизма

²⁴ Кишлинг <https://varjag2007su.livejournal.com/6883508.html>

и эллинизма стала Безансонская школа. Если большая часть представителей школы Анналов занимались вопросами французского средневековья, то представители Безансонской школы преимущественно делали акцент на изучение Античности, особенно эпохи эллинизма. Подобно П. Пети, основу эллинистической цивилизации представители этой школы видели не в ее эллинском фасаде, а в базовых элементах древневосточных цивилизаций, остававшихся неизменными и после установления греко-македонского владычества на Востоке. Представители Безансонской школы продвигают идею о том, что эллинистические государства на протяжении всей своей истории оставались древневосточными, и греко-македонское вторжение не затронуло глубинных явлений экономической, политической и культурной жизни на Востоке. Все изменения носили поверхностный и несистемный характер.

Особое место среди исследователей этого направления занимает Пьер Левек (1921–2004). Его перу принадлежит ряд работ, посвященных традиционным вопросам истории Греции классического периода. Самой значительной его работой в этой сфере стала написанная в содружестве с известным историком-эллинистом, филологом, левым общественным деятелем Пьером Видаль-Наке монография «Клисфен Афинский. Эссе о понимании пространства и времени в политической мысли греков от конца VI в. до смерти Платона»²⁵. Однако, несмотря на то, что в историографию Левек пришел через классическую историю и филологию, главным делом его жизни все же стал эллинизм. По этой теме им был написан фундаментальный труд «Эллинистический мир»²⁶. Характерной чертой этой монографии является то, что ее автор не разъединял эллинистическую культуру и общественно-политические структуры, рассматривая их в единстве. Согласно Левеку, особенности эллинистической культуры были обусловлены особенностями экономических и общественно-политических отношений, которые на Востоке имели древнюю историю и составили суть эллинизма. В отличие от многих французских историков Левек не считал, что греко-македонские завоевания имели для народов Востока благотворное влияние. Он утверждал, что все без исключения греко-македонские государства имели «колониальную» суть. Такой критический подход к эллинистическому ангулизму был очевидно обусловлен разложением и развалом английской и французской колониальной систем в 1950–1960-х гг. Кризис колониальной системы для внутренней и внешней жизни Франции вызвал серьезные проблемы, которые неизбежно вызвали разочарование и отторжение колониальной идеологии.

Левек был панегиристом эллинистического города и прекрасным бытописателем городской жизни давно ушедших эпох. Добавим, что, описывая общественно-экономическую структуру эллинистических

²⁵ Левек; Видаль-Наке 1996.

²⁶ Lévêque 1969. См. так же упомянутый русский перевод; Lévêque 1995.

государств, П. Левек не чурался использовать такие термины, как «буржуазия», «капиталист», «пролетариат» и пр. Кроме того, Левек оставил много трудов, посвященных некоторым деятелям эпохи эллинизма, которых, однако, он отнюдь не идеализирует, представляя тщеславными и алчными личностями²⁷.

Признанный авторитет и харизматичный лидер, Левек сыграл решающую роль в формировании известной «Безансонской историографической школы» – неформального объединения французских антиковедов, занимающихся вопросами социальной истории греческого и восточного миров в послеахеменидский период. Среди различных историографических инициатив и проектов, эта школа, пожалуй, самое интересное и перспективное направление в современном французском антиковедении. Будучи многие годы профессором Безансонского университета и деканом *Faculte des Lettres*, а в 1975–1980 гг. – президентом университета, он создал гильдию единомышленников, объединенных вокруг издаваемого в Безансоне альманаха «*Dialogues d'histoire ancienne*». Выход в свет каждого номера этого издания до сих пор не проходит незамеченным. Французское интеллектуальное сообщество проявляет живой интерес и к другому сборнику под названием *Annales littéraires de l'Université de Besançon*, в котором было издано немало интересных исследований, посвященных общетеоретическим и частным вопросам античной истории. П. Левек, наряду с редакторской деятельностью выступал инициатором регулярных симпозиумов и коллоквиумов, посвященных социальным вопросам античного мира.

Пьер Левек отличался активной политической позицией. Молодежь любила его за левые взгляды, он тесно сотрудничал с советскими историками, занимавшимися историей эллинизма, пропагандировал их работы на Западе. Было у него и немало оппонентов, которые не разделяли ни его прокоммунистических взглядов, ни его концептуальных подходов к историческому процессу. По мнению Левека, социально-экономические отношения – это та основа, на которой, в конечном счете, зиждутся все остальные общественные структуры. Поэтому «безансонские историки» уделяли большое внимание таким структурным элементам античного мира как рабовладение и его различные формы. По его инициативе была создана «Международная группа по исследованию рабства в античном мире» (GIREA), которой он посвятил 20 лет своей жизни (1975–1995). В состав этой группы входили и известные советские эллинисты Е.М. Штаерман, Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович и др. Подобное отношение к рабовладению долгое время служило платформой, на которой происходило сближение и сотрудничество Безансонской школы с марксизмом и объясняет симпатию советской марксистской историографии к Левеку и его исследовательскому методу²⁸.

²⁷ Lévêque 1957; idem. 1968/69, 135–56; idem. 1976, 604–10; idem. 1991: 303–7.

²⁸ См.: Левек 1989: 239–249; Lévêque, Vidal-Naquet 1964.

Впрочем, не стоит забывать, что в 1960–1970-е гг. марксизм, как социальная философия, оказал немалое влияние на интеллектуальную мысль Франции в целом. Однако нынешнее поколение молодых «безансонцев» безразлично к марксизму и другим левым идеям предшествующего поколения. Вот уже почти три десятка лет Безансонская школа движется в другом направлении.

Характерная черта Безансонской школы – исследования античной истории в свете социальных отношений. Рупором этих идей стал журнал «Analyses des formations sociales de l' Antiquité – Université de Besançon», созданный в рамках проекта Национального центра научных исследований Франции. Ученые, работавшие по программе этой Группы, издали великолепную серию исследований, посвященных проблемам социальной структуры древних обществ: от Ахеменидского Ирана до поздней Римской империи. Но в наши дни интересы «безансонцев» распространяются не только на общественные отношения. Наметилась явная тенденция к обогащению палитры исторических методов и подходов представителей этой школы. Некоторые воспринимают это как отступление от принципов, разработанных четверть века назад основоположниками школы, другие уверены, что наука не топчется на месте и «Безансонская школа» должна оставаться Меккой для прогрессивных сил, вовлекая в свои ряды, в первую очередь, молодежь, которая лишена догматизма и демонстрирует более гибкие подходы к изучению истории эллинизма и античности в целом.

К тому же «Безансонская школа» распространилась далеко за пределами Франш-Конте. Немало представителей школы, в том числе выпускники университета, сегодня живут и преподают в других городах Европы, от Сены до Рейна. Однако и в наши дни, после смерти Левека, «Безансонскую школу» можно рассматривать как корпорацию единомышленников, своего рода французскую гильдию креативных античников, уже не привязанную к единому центру, каким долгое время был Безансон, но сохранившую многие традиции. Некоторые историографы считают «Безансонскую школу» национальной французской, поскольку здесь успешно применяют методы и принципы традиционной французской школы «Анналов». Однако другие историки считают ее международной, поскольку за последние десятилетия она успела выйти за рамки старой школы «Анналов» и подверглась влиянию других историографических школ. Мы, пожалуй, согласимся с обеими оценками, поскольку «Безансонская школа» успешно совмещает в себе традиционное и новаторское, исконно французское и заимствованное.

Сегодня признанным лидером среди французских историков, занимающихся проблемами эпохи предэллинизма и эллинизма, и уверенно продолжающими традиции Безансонской школы, является профессор Коллеж де Франс Пьер Бриан. За долгие годы взгляды Бриана на эпоху эллинизма эволюционировали. Как и большинство его предше-

ственников, свои исследования эллинизма Бриан начал с биографии Александра. Однако, даже будучи молодым историком, Бриан далек от восторженных оценок македонскому завоевателю. Более того, он иронизирует над теми, кто пытались в Александре разглядеть «поэта», воодушевленного неким провидческим даром, который стремился познать мир и сделать его познаваемым для греков²⁹. Отвергая всякие метафизические толкования мотивов поступков Александра, он считает, что молодой македонский царь был самоуверенным прагматичным юношей, с авантюристическими наклонностями. Бриан был убежден, что Александр не имел долгосрочных стратегических и политических планов, и действовал исходя из обстановки, под диктовку истории, а не наоборот, диктуя истории свою волю.

Вместе с тем, среди преемников Александра, например Евмен³⁰, которому он посвятил несколько статей, Бриан видел более зрелых, здравомыслящих и конструктивных политических деятелей, которые руководствовались определенной политической программой, основанной на рационализме и целесообразности. Для осуществления этих планов и проектов они вели длительные войны, претворяя в жизнь свои замыслы и намерения. Эти идеи и тезисы Бриан изложил в монографии «Антигон Одноглазый. Начало карьеры и проблема македонского народного собрания»³¹. Критическое отношение Бриана к Александру Македонскому нашло свое отражение в статьях, посвященных сопротивлению народов Востока македонским завоевателям. Он восстанавливает подробности попытки контрнаступления сирийцев и персов во время осады македонцами города Тира, заключая, что походы Александра на Восток отнюдь не были триумфальным шествием.

Однако Бриан не ограничивается лишь традиционными для французских эллинистических исследований обсуждением личности Александра и его непосредственного окружения, описанием побед македонских завоевателей на Востоке. В своих отдельных статьях он обращается к вопросам социально-экономической и повседневной истории эллинизма. Так в «Заметках о laoi сельских рабах Малой Азии эллинистического периода»³² он отвергал преобладающие в европейском, и в первую очередь во французском антиковедении, представления о том, что в Ахеменидский и эллинистический периоды на Ближнем Востоке господствовал вполне сформированный феодальный уклад. Бриан был убежден, что такой взгляд на историю региона не обоснован и не подтверждается данными источников. Подобно многим своим французским коллегам с левыми взглядами, Бриан вторил советским историкам-марксистам, утверждая, что в Ахеменидский и эллинистический периоды доминирующей формой отношений было рабовладение.

²⁹ Briant 1996.

³⁰ Briant 1972: 32–73 & 75, 1973: 43–81.

³¹ Briant 1973.

³² Briant 1971 *surl'esclavage*, Paris-Besançon 1973: 93–133.

Однако, уже в 90-е гг. прошлого столетия, он пересмотрел свое отношение к рабовладению на Востоке и занял по этому вопросу более сбалансированную позицию, возможно из-за того, что левые идеи потеряли свою привлекательность не только во Франции, но и в самой России. Думается, немаловажную роль в этом вопросе сыграло сотрудничество с британскими коллегами С. Шервин-Уайт и Э. Кюрт, а также их германским коллегой Х. Крайцигом³³. Правда, сам Бриан считает, что переоценка истинной роли и значения Ахеменидской империи началась с эпохальной работы А. Олмстеда «История Персидской империи», в которой он впервые рассказывает историю с персидской точки зрения, а не с традиционной греческой, и показывает, как наука, литература, язык и древние мифы выросли из смешения многих культур и сыграли определенную роль в становлении собственной цивилизации. Так, по мнению Бриана, благодаря объединенным усилиям археологов, филологов и историков «Ахеменидская Персия восстала из мертвых»³⁴.

Если в ранних работах Бриана мы имеем дело с традиционной оксидентоцентристской схемой, в которой Ахеменидская и Селевкидская державы позиционируются в бинарной оппозиции, то в более поздних своих трудах Бриан перестает рассматривать империю Селевкидов как отдельную цивилизацию, порожденную «гением Александра» и представляет ее в рамках той же парадигмы, что и все предыдущие Переднеазиатские державы. Для Бриана эллинистическая цивилизация – суть старая восточная цивилизация, правда, в новой эллинской упаковке. Поэтому Переднеазиатские державы рассматриваются им с позиций *longue durée*, т.е. как одна сплошная малоподвижная темпоральная структура, часть броделевской «тотальной истории» или «геоистории», измеряемой «временем очень большой длительности». И хотя стержневая концепция работ Бриана перекликается с идеями Эмили Кюрт и Сьюзен Шервин-Уайт, они написаны с использованием методологических схем Броделя и французского географа Видаля де Ла Бланша. Но, так или иначе, обе эти школы сходны: они в равной мере уделяют внимание социально-экономической истории и истории повседневности³⁵.

Такова стержневая идея книги Пьера Бриана «От Кира до Селевкидов» (From Cyrus to Seleukos), в которой он рассматривает историю Ахеменидской державы и Селевкидского царства как часть единой истории Ближнего Востока, по мнению Бриана, охватывающую четыре столетия. Фернан Бродель, введший в оборот этот термин, подразумевал под ним: «организацию, порядок, систему достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами... Это ансамбль, архитектура социальных явлений, но прежде всего – историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени». Исполь-

³³ Крайсиг 1983: 164–167.

³⁴ Olmstead 1948.

³⁵ Ушрацшриш 2018, гл 48:

зую броделевскую категорию «la longue durée», Бриан исследует такие исторические структуры, как материальная культура, повседневная жизнь, «вековые тренды» геоэкономики³⁶.

Бриан демонстрирует тесную преемственную связь между Ахеменидской державой и Империей Александра. По мнению историка, с установлением греко-македонской власти на Ближнем Востоке, существенных изменений в жизни социума не произошло, так как естественная среда (*naturel milieu*) осталась неизменной³⁷. На это указывают вавилонские источники, о чем Бриан пишет в главе от «Набонида до Александра» монографии «От Кира до Александра». В этой части книги рассматриваются в диахронической исторической перспективе два царя – Кир³⁸ и Дарий³⁹. Согласно Бриану, Дарий III постоянно оказывается в чей-то тени – Кира II Великого, Дария I или Александра. Однако, по мнению Бриана, Дарию III удалось преодолеть кризис и закончить преобразования в своей империи, которые, спустя время дали бы результаты и привели к возрождению мощи империи. Плодами преобразований Дария воспользовался Александр. Бриан первым во Франции поддержал идею о том, что эллинистические города, даже самые ранние, несут на себе печать древних восточных цивилизаций, и греко-римский элемент не мог добавить ничего существенного к сформировавшейся в течение тысячелетий системе⁴⁰.

Исследования Бриана замыкают, но не завершают изучение франкоязычной истории эллинизма. На смену третьему и четвертому поколению французских историков-анналистов грядет новое поколение. Однако, новое поколение несет с собой новые тенденции и стили исследования – стремление работать не в команде, под началом метра, харизматичного лидера школы, а в одиночку, без надзора. Авторитарный стиль руководителя научного коллектива все больше расценивается как анахронизм. Размываются консервативно-элитарные традиции исторического цеха. Взаимодействие между историками становится более горизонтальным. Личность историка отходит на задний план. Отсутствие ярких харизматичных лидеров, генерирующих идеи, приводит к анонимности науки. При этом, научные коллективы не исчезают, они начинают строиться по иному принципу: по принципу самоорганизации равных партнеров. При этом объединение происходит не на базе одного университета, тем более одной кафедры, а преимущественно в виртуальном пространстве, как правило вокруг специального журнала или какого-нибудь долгосрочного проекта. Немецкие историки называют такие группы «мастерскими». В результате, сегодня все меньше можно встретить монографических исследований, зато лавинообразно растет

³⁶ Bilde et al. (eds.) 1990: 40-65.

³⁷ Briant 2009: 141-170.

³⁸ Daryaei (ed.) 2013: 1-15.

³⁹ Briant 2018: 135-142.

⁴⁰ Кошеленко 1975.

количество статей по малозначительным, частным проблемам античной истории. Больше ценятся коллективные труды, объединенные общей темой. Возможно, не случайно в таких условиях предпочтение отдается микроистории, как особой области исторических исследований. Объектом исследования становится не "герои", а "история масс". Историки стремятся свести воедино серии цифр и историю повседневности. В то же время, понятие структуры, структурной истории, длинных волн, моделей все больше уходит на задний план.

Антиковедение традиционно считается трудозатратной и консервативно-элитарной дисциплиной, требующей знания иностранных мертвых и современных языков. Это порождает ряд издержек – например рутинерство и несамостоятельность даже немолодых исследователей, однако отсутствие ярких харизматичных лидеров в антиковедении обрекает историографию на дилетантизм и неспособность на прорывные исследования. Так или иначе, во французском антиковедении происходит смена поколений исследователей и, возможно, очередная смена историографической парадигмы эллинизма. Эти изменения могут оказаться сменой декораций или глубокими содержательными изменениями, продиктованными цивилизационными сдвигами в современной Европе. Время покажет, но важно помнить, что при любых обстоятельствах, личность исследователя, его талант и трудолюбие всегда остаются главной движущей силой исторической науки.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кошеленко Г.А. Некоторые основные проблемы истории эллинизма в современной зарубежной литературе // Проблемы эллинизма. XIV Международный конгресс исторических наук. Вып. 6. М., 1975. [Koshelenko G.A. Nekotoryye osnovnyye problemy istorii ellinizma v sovremennoy literature // Problemy ellinizma. XIV Mezhdunarodnyy kongress istoricheskikh nauk. Вып. 6. М., 1975.]
- Крайсиг Х. История эллинизма. Берлин, 1982 // Общественные науки за рубежом. Серия 5. История. 1983. № 5. СС. 164–167. [Kreysig KH. Istoriya ellinizma. Berlin, 1982. Seriya 5. Istoriya. 1983. № 5. SS. 164–167.]
- Кюмон Ф. Мистерии Митры / Пер. с фр. С.О. Цветковой. СПб.: Евразия, 2000. [Kumon F. Tauny mifov / Per. s frants. TAK. Svetkovoi. SPb.: Yevraziya, 2000.]
- Левек П. Эллинистический мир / Пер. с фр. Е.П. Чиковой. Комментарий и послесловие Г.А. Кошеленко. М.: Главная редакция восточной литературы, «Наука», 1989. 252 с. [Levek P. Ellinisticheskiy mir / Per. s frants. E.P. Chikovoy. Kommentarii i usloviya G.A. Koshelenko. М.: Glavnaya redaktsiya Vostochnoi literatury, "Nauka", 1989. 252 s.]
- Шаму Ф. Эллинистическая цивилизация / Пер. Н. Шевченко. М., Екатеринбург: М., У-Фактория; АСТ: 2008. [Shamu F. Ellinisticheskaya tsivilizatsiya / Per. N. Shevchenko. Ser. Velikiye Tsivilizatsii. М., Yekaterinburg: М.: U-Factory; AST, 2008.]
- Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии М.: Искусство, 1985. [Shlyumberzhe D. Linillizirovanny Vostok. Grecheskiy opyt i nasledkiye ego v neverbal'noy Maloy Azii. М.: Opyt, 1985.]
- Bernand A. Alexandrie des Ptolémées. Paris: CNRS éditions, 1995.
- Bernand A. Alexandrie la grande. Paris: Hachette Littérature, 1996.
- Bernand A. Leçon de civilisation. Paris: Fayard, 1994.
- Bernand A. Sur le marbre du Phare d' Alexandrie. aus: Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 118, 1997, 131–138.
- Bilde P. et al. (eds.) Religion and Religious Practices in the Seleucid Kingdom, Aarhus 1990. P. 40-65.

- Ворепараччи О. La politique monétaire de la Bactriane sous les Séleucides // *Topoi Supplement* 6 (2004), 349–369.
- Bouché-Leclercq A. Histoire de la divination dans l'antiquité, tt. I–IV, Paris: Leroux, 1879-1881 (рус. пер. I т.: Буше-Леклерк А. Из истории культуры. Истолкование чудесного в античном мире, Киев, 1881).
- Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides. 4 vols. Paris: Leroux, 1903–1907; T. 1: Les cinq premiers Ptolémées (323-181 avant J.-C.), 1903; T. 2: Décadence et fin de la dynastie (181–30 avant J.C.); Appendice: Chronologie de l'histoire des Lagides, 1904; T. 3: Les institutions de l'Égypte ptolémaïque, 1ère partie, 1906; T. 4: Les institutions de l'Égypte ptolémaïque, suite et fin; Appendice: Les calendriers et les computs dans l'Égypte ptolémaïque, 1907.
- Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides (323–264 a.C.). 2 vols. Paris: Leroux, Culture et Civilisation, 1913–1914.
- Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques. Le cas d' Eumène de Kardia // *Revue des Etudes Anciennes* 74, 1972, 32–73 & 75, 1973, 43–81.
- Briant P. Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne. Paris, 1973.
- Briant P. Remarques sur *laoi* et esclaves ruraux en Asie Mineure hellénistique // dans: Actes du Colloque 1971 sur l'esclavage, Paris-Besançon 1973. P. 93–133.
- Briant P. Alexandre le Grand. Paris: Presses Universitaires de France, 1974.
- Briant P. Alexander the Great: the Heroic Ideal. London: Thames & Hudson, 1996.
- Briant P. 'Alexander the Great and the Enlightenment: William Robertson (1721-1793), the Empire and the road to India', Cromohs, 2005. P. 1-9.
- Briant P. 'The Empire of Darius III in Perspective', in: W. Heckel/L.A. Tritle (eds.), *Alexander the Great. A New History*, Oxford, 2009. P. 141-170.
- Briant P. 'Alexander and the Persian Empire, between "Decline" and "Renovation". History and Historiography', in W.Heckel/L.A. Tritle (eds.), *Alexander the Great. A New History*, Oxford (2009): 171-18).
- Briant P. From Cyrus to Seleukos: Studies in Achaemenid and Hellenistic History. «UCI Jordan Center for Persian Studies» (Ancient Iran Series). 2018.
- Demetriou K. (ed.) 'Grote on Alexander the Great'. in Brill's Companion to George Grote and the Classical Tradition. Leiden-Boston 2014. P. 329-365.
- Verlag F.S. 'Michael Rostovtzeff, Elias J. Bickerman and the "Hellenization of Asia": from Alexander the Great to World War II', in: J.G. Manning (ed.), *Writing History in Time of War*, Michael Rostovtzeff, Elias J. Bickerman and the "Hellenization of Asia", 2015. P. 13-32.
- Cloché P. La Dislocation d'un Empire. Les premiers successeurs d' Alexandre le Grand (323-281/280 avant J.-C.). Paris, 1959.
- Cloché P. Les étapes de l'ambition d'Antigone le Borgne de 323 à 315/15 av. J.C. // *RA*, 29/30, 1949. PP. 187–195.
- Cloché P. Alexandre le Grand et les essais de fusion entre l'occidentgréco-macédonien et l'orient. Neuchatel: H. Messeiller, 1953.
- Cloché P. A propos d'un récent ouvrage sur Philippe II de Macédonie. *Rev. des études anciennes*, v. XVI, 1939, p. 155-170. [296]
- Cohen R. La Grèce et l'hellénisation du monde antique. 8 vo. XLVIII. Paris: Les Presses Universitaires de France, 1934. Idem. La Dislocation d'un Empire. Les premiers successeurs d' Alexandre le Grand (323-281/280 avant J.-C.). Paris, 1959. Idem. Les étapes de l'ambition d'Antigone le Borgne de 323 à 315/15 av. J.C. // *RA*, 29/30, 1949. PP. 187–195.
- Daryae T. (ed.), *Cyrus the Great: An Ancient Iranian King*, Afshar 2013.
- Dunand F., Lévêque P., Livjique P. Les Syncrétismes Dans Les Religions De L'antiquite: Colloque De Besancon 22 23 Octobre 1973.
- Gregor J. *Alexander der Grosse. Die Weltherrschaft einer Idee*. München: R. Piper&Co., 1940.
- Gunter A., Hauser S. (eds.), *Ernst Herzfeld and the Development of Near Eastern Studies 1900-1950*, Leiden-Boston 2005.
- Heckel W. 'Alexander the Great and the "limits of the civilized world"'. In: Waldemar Heckel & Lawrence A. Tritle (edd.). *Crossroads of History. The Age of Alexander*. Claremont, CA: Regina Books, 2004, 147-74. Dawn L. Gilley, *BMCRCR* 2005.03.05.
- Heckel W. 'Alexander the Great and the "limits of the civilized world"'. In: Waldemar Heckel & Lawrence A. Tritle (edd.). *Crossroads of History. The Age of Alexander*. Claremont, CA: Regina Books, 2004, 147-74. Dawn L. Gilley, *BMCRCR* 2005.03.05.
- Homo L. Alexandre le Grand. Les Grandes études historiques. P.: Fayard, 1951.

- Jouquet P. L. L'impérialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. Paris: Bossard, 1926. (так же, Paris, 1961).
- Lamb H. Alexander of Macedon. New York: Doubleday, 1946.
- Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. V. 1–2. Paris, 1949–1950. Revised edition by Yvon Garlan, Philippe Gauthier et Claude Orrieux: Paris, 1987.
- Lévêque P. Pyrrhos. Paris: Boccard, 1957.
- Lévêque P. Le monde hellénistique. Paris: A. Colin, 1969.
- Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. Essai sur la représentation de l'espace et du temps dans la pensée politique grecque de la fin du VIe siècle à la mort de Platon. Publ.: 1 January 1973 by PERSEE Program in Annales Littéraires de l'Université de Besançon Annales Littéraires de l'Université de Besançon, Volume 65; doi:10.3406/ista. 1973. 1202.
- Lévêque P. 'Antigone le Borgne' // Revue des Études Grecques, Jan. 1976, 89, 1976. P. 604–10.
- Lévêque P. 'Le blond Ptolémée, les héros et les dieux.' In: Nicole Fick & Jean-Claude Carrière (edd.). Mélanges Étienne Bernard. Paris: Les Belles Lettres, 1991 (Annales littéraires de l'Université de Besançon 444 / Institut Félix Gaffiot 8). P. 303–7.
- Lévêque P. Le Monde Grec aux Temps Classiques. Tome 1: Le Ve siècle. 1995.
- Margaryan E. From Cyrus to Seleukos: Studies in Achaemenid and Hellenistic History by Pierre Briant. // Iran and Caucasus: Research Papers from the Caucasian Centre for Iranian Studies. Leiden - London - Erevan. 2020. Volume 5.
- Olmstead A. History of the Persian Empire. Achaemenid Period. Hrsg. George G. Cameron. University of Chicago Press, Chicago, Ill. 1948.
- Petit P. La civilization hellénistique. P.: Presses Universitaires de France Vendôme, Impr. De Parution: 1965.
- Préaux C. Le Monde hellénistique : La Grèce et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquête romaine de la Grèce (323-146 avant J.-C.), t. 1, Paris, Presses Universitaires de France, coll. « Nouvelle Clio. L'histoire et ses problèmes », 2003 (1re éd. 1978), 398 p.
- Préaux C. L'économie royale des Lagides. *Bruxelles*: Édition de la Fondation égyptologique reine Élisabeth: 1939.
- Radet G. Alexandre le Grand. Paris: L'Artisan du Livre: 1931.
- Մարգարյան Ե. Հ. Հելլենիզմի պատմագրության ակնարկներ (Իրոյզենից մինչև XX դարավերջը) – Երև.: Պատմության ինստիտուտ, 2018. – 256 էջ:

Մարգարյան Երվանդ Գրանտովիչ, *доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра всемирной истории и зарубежного регионоведения, Российско-Армянский (Славянский) университет; ведущий научный сотрудник, Институт истории НАНА; ervand.margaryan@rau.am*

From the History of French Hellenistic Studies

Over the past century and a half, the French historiography of Hellenism has passed through several stages of development, primarily due to the political situation. The first half of the twentieth century was spent under the slogans of "beneficial imperialism", designed to legitimize the colonial policy of the leading empires of Modern times. The collapse of empires and the colonial system gave rise to a new attitude to the history of Hellenism. Postcolonial discourse deprived Alexander and the Greek-Macedonian empires of the heroic aura and allowed them to look at Hellenism from the point of view of the indigenous inhabitants of the Front and Central Asia, as well as the orientalized Greeks who became part of a new world for them. The new discourse opened up new perspectives for studying the history of Hellenism, but at the same time demanded to enrich the research palette with new methods. In particular, microhistory, because this method allows you to most fully cover the history of the "silent majority" of the indigenous population of the countries conquered by the Macedonians.

Keywords: *Hellenism, French historiography, the concept of "beneficial imperialism", the School of Annals, postcolonial discourse, change of historical paradigm.*

Yervand Margaryan, Dr.Sc. (History), Prof., Head of the Department of World History and Area Studies abroad, Institute for Human Sciences, Russian Armenian University; leading researcher of the Institute of history of ANAS, Yerevan. Address of organization: 123 Hovsep Emin St, Yerevan 0051, Armenia ervand.margaryan@rau.am

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В.И. ГЕРЬЕ: МОТИВАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ¹

В статье рассматриваются особенности восприятия истории Германии выдающимся российским историком конца XIX – начала XX в. В.И. Герье. Охарактеризованы ракурсы его рецепции в современной России и отмечены существующие лакуны, одна из которых – его роль в становлении отечественной исторической германистики. В.И. Герье, будучи по происхождению немцем, имел довольно устойчивые связи с немецкой общиной Москвы, что подтверждают документы НИОР РГБ. Его интерес к истории Германии определили и стажировки в немецких университетах. Неслучайно его диссертация была посвящена Лейбницу, в которой обнаруживаются прекрасные зарисовки по истории Германии и проявляется интерес ученого к религиозному вопросу. В статье много внимания уделено анализу неопубликованных лекций В.И. Герье по истории Реформации, конспектам лекций о древних германцах и становлении Священной римской империи. История Германии нашла отражение в частично неопубликованных публичных лекциях ученого по истории культурных идей. В целом свои размышления о Германии историк вписывал в общей контекст Новой истории, стремясь показать, как были разрушены основания средневековой жизни, какие тенденции возобладали в научном и политическом дискурсах Нового времени и какую роль в этом сыграла Германия.

Ключевые слова: В.И. Герье, история Германии, становление отечественной исторической германистики

Владимир Иванович Герье (1837–1919) – выдающийся историк, педагог, общественный деятель, профессор Московского университета, основатель высших женских курсов в Москве. В постсоветский период наблюдался настоящий ренессанс в изучении наследия ученого. В советское время он был не более чем «фигура второго плана». Как указано в статье Т.И. Ивановой и Г.П. Мягкова, «значимость его научного и педагогического вклада умолчать было невозможно, и потому был избран путь всемерного принижения, фактически – фальсификации реального места ученого в судьбах русской науки и культуры»². Б.Г. Вебер называл Герье продолжателем традиций Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева и относил его к старшему поколению русских либералов и обозначал позиции историка как реакционные³. Лишь на излете советского периода Е.С. Кирсановой⁴ в Томске была защищена кандидатская диссертация об историко-теоретических взглядах В.И. Герье, а в Ленинграде Т.Н. Ивановой – кандидатская диссертация о роли Герье в изучении Французской революции⁵.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Немецкого научно-исследовательского сообщества, проект № 19-48-04112 «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.».

² Иванова, Мягков 2013. Вып. 44: 165-185.

³ Вебер, Герье 1963. Т. 4: 422. О том же писала Т.Н. Иванова. – Иванова 2011.

⁴ Кирсанова 1982.

⁵ Иванова 1984.

В настоящее время ракурсы рецепции наследия В.И. Герье в отечественной историографии поражают разнообразием: Герье в его взаимоотношениях с учениками, его теоретико-методологическое наследие, проблемы истории высшего образования и преподавания истории, изучение профессором истории античности, Средневековья, Нового времени и отдельных исторических проблем. Особое внимание уделяется проблеме «В.И. Герье и Французская революция конца XVIII в.». Неплохо изучен вклад ученого в отечественное славяноведение. История Германии в наследии В.И. Герье является до сих пор «белым пятном». Цель настоящей статьи – заполнить эту лауну и показать не только, какие германские сюжеты привлекали внимание ученого, но и попытаться объяснить мотивацию исследователя при обращении к ним.

В.И. Герье был выходцем из небогатой семьи немецких эмигрантов из Гамбурга. Он родился недалеко от Москвы, рано осиротел, являлся воспитанником училища Петра и Павла в Москве, которое было популярным учебным заведением среди русских немцев, и пансиона Эннеса в Москве. На протяжении своей жизни Герье не забывал своих корней. Так, будучи уже именитым профессором он поддерживал отношения с немецким сообществом Москвы. Когда было создано общество бывших воспитанников училища Петра и Павла, он выступил одним из его основателей и возглавлял с самого основания в течение восьми лет. В фонде Герье НИОР РГБ сохранился документ, свидетельствующий о глубокой признательности этого общества Герье, отмечалось, что Петропавловское училище им гордится: «Вам чувство глубокого уважения и товарищеской благодарности - ныне все мы нижеподписавшиеся исполняем наш священный долг – выразить Вам нашу сердечную благодарность за все труды, положенные Вами на дело первоначальной организации нашего общества...»⁶.

Внимательное изучение фонда В.И. Герье показало, что общение с немцами Москвы, безусловно, было, но не превалировало. Хотя члены этого общества и выражали надежду, обращаясь к Герье, что они будут и «впредь слушать Ваш голос и прислушиваться к Вашим мнениям и указаниям на наших общих собраниях»⁷. Ученый относился к бывшим питомцам Петропавловского училища очень внимательно, но, например, в 1916 г., торжественное заседание по поводу 25-летия общества не посетил, направив письменное приветствие⁸. Происхождение лишь косвенно влияло на его интерес к сюжетам истории Германии.

Alma Mater ученого – Московский университет. Он учился в то время, когда там преподавал Т.Н. Грановский, с чьим именем связано начало преподавания всеобщей истории в России. Еще одна линия биографической связи Герье с Германией – его стажировка в немецких

⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 70, Картон 93. Ед. Хр. 18. Л. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Ед. Хр. 43. Л. 1.

университетах. Более того, профессиональную подготовку для начала преподавания в высшей школе Герье получил во время командировки в немецкие университеты. В плане методики исторического исследования его можно считать учеником Л. Ранке и других представителей его школы, полагала Л.П. Лаптева⁹. Герье был командирован в Германию в 1862 г. и провел там в общей сложности около трех лет. Он изучал не только методы преподавания всеобщей истории, но работал в архивах. Отчеты о его командировке публиковались в журнале Министерства народного просвещения. Л.П. Лаптева подробно осветила этот вопрос на основе анализа публикаций Герье в этом журнале¹⁰.

Как отмечала Лаптева, Герье полагал, что в Берлинском университете изучение всеобщей истории поставлено на очень широких основаниях¹¹. В Гейдельберге он посещал лекции ученика Ф. Шлоссера, и его ученика Л. Гейссера, который обрел известность благодаря своей работе о Реформации; в Галле – лекции философов-гегельянцев, во Фрайбурге – курсы Г. Трейчке. Герье был убежден, что Германия ученая страна «с 28 университетами и добросовестными профессорами»¹². Среди историков, чьи лекции он слушал, представители довольно либеральной Гейдельбергской школы (Шлоссер, Гейссер); «король прусской историографии», создатель Берлинской исторической школы Л. Ранке; будущий методолог И.Г. Дройзен, тяготевший к Гейдельбергской школе, но создававший также работы, восхвалявшие прусскую политику; основатель малогерманской школы Трейчке, к которой в будущем примкнул и Т. Моммзен. Отчасти традиции Ранке проникли и в Московский университет благодаря Т.Н. Грановскому, который также проходил стажировку в Берлине и слушал лекции «короля прусской историографии»¹³. Поэтому, вполне возможно, интерес к придворному прусскому историографу у Герье возник не только во время его пребывания в Германии, но и благодаря общению с Грановским. Л.П. Репина называет Герье «самым выдающимся учеником Грановского»¹⁴.

Вопрос о том, чьим учеником следует считать историка – не тема нашей статьи, но он иллюстрирует хорошее знание им системы немецкого университетского исторического образования и проблематики истории Германии, так как многие семинары и лекции Ранке были ориентированы на ее изучение. Л.П. Лаптева отмечала, что Герье не считал «возможным буквальное перенесение положительных черт из жизни немецких университетов на русскую почву» и видел в «организации учебного процесса, в методике обучения, во взаимоотношениях между членами ученого сословия в университетах Германии ряд отрицатель-

⁹ Лаптева 2013: 225. Об этом также можно прочитать: Иванова, Мягков 2013. 174.

¹⁰ Лаптева 2013: 224-226.

¹¹ Там же: 229.

¹² Цит. по: Там же: 231.

¹³ Репина 2006: 7-8; Кореева 2006: 118-137.

¹⁴ Репина 2006: 19.

ных черт, нежелательных для подражания». Так, лекции немецких профессоров предназначены для начинающих, никто не говорит о различных исторических школах, не читает литературу по истории, без знания которой нельзя приняться за самостоятельные занятия, никто не предлагает критической оценки источников для какого-нибудь более обширного периода¹⁵. Такие оценки русским историком исторического образования в Германии несколько обескураживают, поскольку на протяжении всего XIX века немецкое историческое образование считалось лучшим в Европе, а многочисленные стажировки русских ученых в немецких университетах – показатель высокой оценки этого образования в России. Тем более это выглядит странно, так как интерес Герье к немецкой науке и истории Германии вскоре воплотился в его трудах.

Вопрос о том, к какой школе принадлежит В.И. Герье – еще один из дискуссионных моментов его творчества. Т.Н. Иванова и Г.П. Мягков отмечают, что сегодня не оспаривается существование школы Герье, и, одновременно, принадлежность самого Герье к «русской исторической школе», «московской исторической школе»¹⁶ и уточняют, что «идею всеобщей истории можно считать парадигмой школы Герье»¹⁷.

По мнению автора данной статьи, именно с В.И. Герье связано становление отечественной исторической германистики. История Германии интересовала ученого практически на всем протяжении его карьеры. В 1868 г. он защитил диссертацию «Лейбниц и его век». Первые семь глав – это докторская диссертация ученого. Восьмая глава вышла в 1871 г. отдельной книгой. В 1873 г. эта работа была издана на немецком языке¹⁸. Последний раз эта работа была переиздана в 2008 г.¹⁹ Она до сих пор вызывает большой интерес как в России, так и Германии²⁰.

Герье задачу этого труда сформулировал так: «выяснить вообще значение Лейбница в истории. Не много можно назвать ученых или философов, биография которых представляла бы такой важный исторический интерес. Лейбниц играл видную роль в великом перевороте, совершившемся с XV по XVII в. и отделяющем Новое время от Средних веков, и биография его может много содействовать к пояснению как свойств этого переворота, так и различного характера упомянутых исторических периодов»²¹. Но это больше касается фигуры Лейбница, по поводу его значения для Германии историк писал: «деятельность Лейбница тесно связана с историей Европы, но она имеет еще большее значение для истории его отечества, Германии. Биография его знакомит нас со всеми важными событиями в истории Германии второй полови-

¹⁵ Лаптева Л.П. Там же: 232.

¹⁶ Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Указ. соч: 181.

¹⁷ Там же: 175.

¹⁸ Guerrier 1873.

¹⁹ Герье 2008.

²⁰ Куренной 2004; Pote 2010: 77-95; Kempe 2017: 327-341; Renner 2018: 71-96.

²¹ Герье: 6.

ны XVII в. <...> По биографии его можно проследить постепенное возвышение Ганноверского дома, а в конце ее мы встречаемся с усилением Пруссии, имевшим такое великое значение для судеб Германии»²².

Историка всегда интересовала история идей, конфессионального развития Германии, но он вписывал эти проблемы в цивилизационное и отчасти экуменическое русло. Герье писал:

«После Вестфальского мира этот клерикальный оттенок утрачивается. Место религиозных страстей занимают идеи веротерпимости, которые в некоторых передовых людях выражаются в стремлениях к примирению и объединению церквей. Лейбниц был одним из самых деятельных поборников слияния христианских церквей. Он вносит в политику идеи прогресса и цивилизации. В прежнее время религиозное влияние на политику сильнее всего высказывалось в борьбе с магометанами. Лейбниц с жаром отстаивает необходимость освободить Восток, изгнать турок из Европы, но на первом плане у него стоят при этом интересы цивилизации»²³.

Будучи советником ганноверского герцога, Лейбниц мыслил более широкими категориями, размышляя о судьбе Германии, он выходил на проблемы европейской политики. Герье сквозь призму биографии Лейбница рассматривал более чем полувековую историю Европы. Размышляя об истории Германии, Герье уходил далеко вперед от собственно истории XVII – начала XVIII в. Он явно поддерживал пропрусские настроения и много внимания уделял исторической школе Ранке. Он писал: «Последователи этой школы скоро разнесли по всей Германии новый взгляд, который они называли национальным, противники же их – прусским или готским»²⁴. Историк полагалял: этот взгляд соответствовал потребностям Германии. Значение либеральной программы немецкого Юго-Запада по единению Германии им отвергалось.

Политика Габсбургов Герье воспринималась негативно: он упрекал их в стремлении приращивать свои владения, жертвуя интересами империи, обвинял их в угодничестве папству, упрекал Карла V в поддержке Испании, противодействии Реформации и расколе немецкого народа и объявлял всякое противодействие политике Австрии «национальным делом, и в этом отношении самые важные заслуги оказаны Пруссией, которая уже при Великом курфюрсте явилась представительницей национальных интересов»²⁵. По мнению Герье, после Вестфальского мира «политическая организация империи приняла еще более уродливый вид, ибо независимость князей увеличилась и разнородность князей становилась все ощутимее»²⁶. Герье приветствовал выступление современника Лейбница Пуфендорфа, который заявлял, что Немецкая империя – это не продолжение Римской²⁷. Размышляя о евро-

²² Там же: 7.

²³ Там же.

²⁴ Там же: 82.

²⁵ Там же: 83.

²⁶ Там же: 87.

²⁷ Там же: 89.

пейской политике после Вестфальского мира Герье отмечал: «Во второй половине XVII в. совершается переворот в политике Западной Европы. Два условия определяли в течение 150 лет ход европейской истории – испанская политика и религиозный вопрос»²⁸. Он остро волновал историка, что нашло отражение в чтении его курсов по Новой истории.

В НИОР РГБ в фонде Герье есть неопубликованные лекции о Реформации. Название документа «Новая история (Реформация), лекции, читанные на историко-филологическом факультете». Лекции были подготовлены к изданию комиссией 2 курса, в них довольно много пометок, сделанных рукой Герье. Что интересно, к вопросу Реформации историк подошел с точки зрения филиации важнейших идей, циркулировавших в Германии. Много внимания уделено выяснению особенностей немецкого гуманизма²⁹. Герье писал: «Итальянский гуманизм сговаривался с курией <...> лишь бы гуманисту было дозволено погрузиться в древний мир. Немецкий гуманизм видит в образовании средство для религиозной реформы, которая выясняется довольно рельефно в начале XVI века»³⁰. Почему такое построение курса? Здесь мы уже вторгаемся в лабораторию исследователя. Согласно Герье, «... знание событий есть знание поверхностное, настоящее знание включает в себя знание причин событий и условий, которые направляли события»³¹.

Интересно, что реформационные движения в Европе историк вписывал в события Реформации в Германии. Центральной фигурой, естественно, считал Лютера. Герье писал: «История как бы сосредотачивается в лице одного человека и как бы зависит от него одного, а именно, когда Лютер стоял перед Имперским сеймом и должен был ответить на вопрос, держится ли он твердо своего учения или отрекается от него. Это торжественный момент. Своим мужеством он отстоял свое дело»³².

Не обошел вниманием Герье и Крестьянскую войну, называя ее исключительно Крестьянским восстанием и считая, что Реформация не вызвала его³³. Он даже доказывал, что поначалу Лютер отнесся к нему со снисхождением, так как сам был крестьянином по происхождению. Только после того, как «крестьянское восстание обнаружило характер грабежа и убийства отрекся от него [от своего первоначального воззвания] и выступил с воззванием к князьям, в котором призывал их положить конец безобразиям в Германии». Божье дело теперь по Лютеру – это «восстановление порядка и прекращение несправедливости, убийств и насилия»³⁴.

²⁸ Там же: 94.

²⁹ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 7. Ед. Хр. 7. Л. 38.

³⁰ Там же. Л. 38.

³¹ Там же. Л. 60.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 159. В современной литературе по истории Реформации используется термин «Крестьянская война». См.: *Weltwirkung der Reformation: Wie der Protestantismus unsere Welt verändert hat*. Hrsg. v. U. Die Fabio; J. Schilling. München, 2017: 45.

³⁴ Ф. 70. К. 7. Ед. Хр. 7. Л. 38.

Герье поставил до сих пор дискуссионную проблему о сходстве и различии гуманизма и Реформации в Германии. Он верно отметил, что каждому феномену присуща идея возврата, но заключал, что цель гуманистов – просвещение и светское образование, цель Реформации – нравственное обновление человека, и заключал словами Лютера: «нельзя быть хорошим богословом, не будучи сведущим в гуманистических науках»³⁵. Интересно заметить, что сближающая эти феномены идея индивидуализма ученым не упоминалась.

В фонде Герье сохранились также конспекты лекций по истории Германии и Италии, где рассматривалась история древних германцев по данным Тацита³⁶. Но даже эти краткие конспекты позволяют прояснить его позицию, например, по битве в Тевтобургском лесу. Он называет ее «Varus Schlacht»³⁷ – это показывает, что патриотические новации германской историографии, которая называла ее в конце XIX века уже «Hermannschlacht», ему присущи не были. Как отмечает О.В. Заиченко в начале становления мифа эта битва называлась «Варово побоище» («clades Variana»), как назвали ее римляне, и только после Второй мировой войны в Германии утверждается название Varusschlacht, что названо автором демифологизацией этой битвы³⁸. Герье в своих конспектах выразил взгляд современной германской историографии. Выглядит это несколько удивительно, так как в работе о Лейбнице он отстаивал национальный взгляд на немецкую историю. Но краткость его заметок не позволяют понять его позицию. Скорее всего, он отталкивался от традиции, заложенной римскими историками.

Конспекты по большей части сделаны на немецком языке. Видимо, Герье использовал произведения немецких авторов, но кроме Арнольда, автора «Германской древности»³⁹, ни на кого больше не ссылался. Конспекты обрываются на событиях XVI века. Образование германского государства историк связывал с Оттоном I⁴⁰. «Königtum in Frage» (королевство под вопросом) – именно так охарактеризовано правление Оттона III⁴¹, но и, конечно, много внимания уделялось борьбе германских императоров с папами: отдельные сюжеты о противостоянии Генриха IV и Григория VII⁴², Генриха V и Паскалия II⁴³. В сюжетах о Фридрихе II Штауфене звучат уже современные историку политические оценки: он отмечал либерализм императора во взглядах на

³⁵ Там же. Л. 163.

³⁶ Ф. 70, Картон 12, Ед. Хр. 8. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 5.

³⁸ Заиченко 2016: 96.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 7. Ед. Хр. 7. Л.5.

⁴⁰ Там же. Л. 14.

⁴¹ Там же. Л. 16.

⁴² Там же. Л. 21-22.

⁴³ Там же. Л. 22-23.

науку и образование, а в папах видел «худших деспотов»⁴⁴. Излагая в этих конспектах важнейшие сюжеты средневековой истории Германии, Герье настойчиво подчеркивал пагубность власти пап над ней. Его интересовало соотношение идей всемирной монархии и патриотизма и при изучении раннего периода истории Германии, насколько об этом можно судить по отрывочным фразам и отдельным словам⁴⁵.

В фонде Герье есть также конспекты лекций о Лессинге, Гердере, философии истории Гегеля. Так, материал о Лессинге вписан в ряд публичных лекций по истории культурных идей, которые Герье прочитал на закрытии высших женских курсов (1888–1889). Он сравнивал Лессинга с Вольтером⁴⁶, заявляя, что похожие идеи Лессинг распространял на германской почве, однако подчеркивал: «...то чего Вольтер коснулся слегка и иронической улыбкой, то стало для Лессинга исходной точкой для серьезного систематического исследования и для разрешения проблемы об отношении разума к откровению и философско-исторической начинки этого понятия»⁴⁷. На примере анализа драмы «Натан Мудрый» Герье показал, что религиозная нетерпимость устраняется у Лессинга «признанием общего нравственного призвания религий», каждая из которых «осуществляет свое призвание лишь в исторически унаследованных формах». Поэтому государство видит свою обязанность «поощрять свободное развитие всякой нравственной силы в стране; терпимость из сферы полицейского благочиния переносится в сердце граждан, из пассивной становится активной, основанной на понимании <...> мирового призвания религий и признании исторического закона», что каждая вера осуществляет свое призвание только в своих неотделимых формах⁴⁸. Конечно, этот сюжет уже не в полной мере вписывается в размышления Герье об истории Германии, но очень хорошо проясняет отношение ученого к основным идеям века Просвещения и их укорененности на немецкой почве. В конце своей лекции Герье сделал вывод: «...идея терпимости в форме государственного принципа оставалась бесплодной, пока не превратилась в нравственный принцип и проникла в мир внутренней совести...»⁴⁹. Историк считал, что XVIII век в этом отношении наметил цель, а следующим за ним веком остается стремиться к ее достижению.

Лекции о философии истории Гегеля⁵⁰ лишь косвенно касаются вопроса восприятия Герье истории Германии. Философия истории Гегеля посвящена одна из первых его статей, состоящая из пяти тетрадей, а две тетради утрачены. Эти материалы, скорее, демонстрируют инте-

⁴⁴ Там же. Л. 31.

⁴⁵ Там же. Л. 37.

⁴⁶ Ф. 70, Картон 16, Ед. хр. 4. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 24.

⁴⁸ Там же. Л. 20.

⁴⁹ Там же. Л. 30.

⁵⁰ Ф. 70. Картон 24. Ед. хр. 7 («Философия истории» Гегеля - статья 1860-е гг.).

рес ученого к гегелевской философии истории, проливают свет на поиск, тогда еще молодого ученого, аутентичных ему методов познания всемирной истории и показывают прекрасное знание тенденций английской и французской философии конца XVIII – середины XIX в.⁵¹. Эти архивные материалы уже не представляют большой научной ценности, так как в значительной степени опубликованы в работе Герье «Философия истории от Августина до Гегеля». В архивных записях Герье подчеркивал: «Философия занята только блеском идей, которые отражаются во всемирной истории. Она оставляет без внимания сумму различных страстей...», поскольку главное – это развитие идеи, «идеи свободы, которая состоит в сознании свободы». То, что всемирная история представляет собой это развитие свободы и конкретное осуществление духа среди меняющейся панорамы событий – оправдание бога в истории⁵². Его интерес к ученым, историкам, литераторам, генерирующим идеи, это подтверждает.

Таким образом, В.И. Герье вписывал свои размышления о Германии в общий контекст Новой истории. Ученый стремился показать, как были разрушены основания средневековой жизни, какие тенденции возобладали в научном и политическом дискурсах Нового времени, какую роль в этом играла Германия, которая в Новое время поражала обилием выдающихся мыслителей. В.И. Герье, будучи специалистом по всеобщей истории, стоял у истоков формирования российской исторической германистики.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вебер Б.Г. Герье В.И. // СИЭ. М., 1963. Т. 4. С. 422. [Weber B.G. Gerye V.I. // SIE. Moscow, 1963. T. 4. S. 422].
- Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 2008. [Guerrier W.I. Leybnits i yego vek. Sankt-Petersburg, 2008].
- Заиченко О. В. Битва в Тевтобургском лесу от Clades Variana до Hermannschlacht конструирование исторического мифа // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 95-125. [Zaichenko O.V. Bitva v Teytoburgskom lesu ot clades Variana do Hermannschlacht. Konstruirovaniye natsional'nogo mifa // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 56. S.95-125].
- Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. – начало XX века). Чебоксары, 2011. [Ivanova T.N. Nauchnoye naslediye V.I. Gerye i formirovaniye nauki vseobshchey istorii v Rossii (30-ye gg. – nachalo KHKH veka). Cheboksary, 2011].
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165-185. [Ivanova T.N., Myagkov G.P. Shkola V.I. Gerye: osnovnyye cherty i mesto v nauchnom prostranstve Rossii // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 44. S. 165-185].
- Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой Французской революции в России Автореферат дис. ...к.и.н. Л., 1984. [Ivanova T.N. V.I. Gerye i nachalo izucheniya Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii v Rossii Avtoreferat dis. ...kand. ist. nauk. Leningrad, 1984].
- Кирсанова Е.С. Историко-теоретические взгляды В.И. Герье: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1982. [Kirsanova Ye.S. Istoriko-teoreticheskiye vzglyady V.I. Gerye: Avtoreferat dis. ...kand. ist. nauk. Tomsk, 1982].
- Корева Н.С. Т.Н. Грановский в Берлине (по материалам эпистолярного наследия) // Т.Н. Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 118-137. [Koreyeva N.S.

⁵¹ Там же. Л. 66-70.

⁵² Там же. Л. 72.

- T.N. Granovskiy v Berline (po materialam epistol'nogo naslediya) // T.N. Granovskiy: ideya vseobshchey istorii. Moscow, 2006. S. 118-137].
- Куренной В. Лейбниц и Петровские реформы // Отечественные записки. 2004. № 2/17. [Kurennoy V. Leybnits i Petrovskie reformy // Otechestvennyye zapiski. 2004. № 2/17. URL: <https://strana-oz.ru/2004/2/leybnic-i-petrovskie-reformy#t1>]
- Лаптева Л.П. Герье и его оценка современных университетов Германии // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 223-236. [Lapteva L.P. Gerye i yego otsenka sovremennoogo universitetov Germanii // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 42. S. 223-236.].
- Репина Л.П. Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории: от классики к пост-постмодерну // Т.Н. Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 5-28. [Repina L.P. T.N. Granovskiy i ideya vseobshchey istorii: ot klassiki k post-postmodernu // T.N. Granovskiy: ideya vseobshchey istorii. Moscow, 2006. S. 5-28.].
- Роте Г. Лейбниц и возникновение европейских образов России // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 77-95. [Rote G. Leibniz i vozniknoveniye yevropeyskikh obrazov Rossii // K istorii idey na Zapade: «Russkaya ideya». SPb., 2010. S. 77-95.].
- Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen: eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften. St. Petersburg und Leipzig, 1873.
- Kempe M. In the «Hinterland» of Globalization? Leibniz and the European Expansion // Tercentenary Essays on the Philosophy and Science of Leibniz. Strickland L., Vynckier E., Weckend J. (eds). Cham, 2017. P. 327-341.
- Renner A. Peter der Große und Russlands Fenster nach Asien // Historische Zeitschrift. 2018. Bd. 306. Heft 1. S. 71-96.
- Weltwirkung der Reformation: Wie der Protestantismus unsere Welt verändert hat. Hrsg. v. U. Die Fabio; J. Schilling. München, 2017.

Ростиславлева Наталья Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, кафедры всеобщей истории, Москва, Россия, ranw@mail.ru

Reflections on the history of Germany V.I. Guerrier: A Researcher's motivation

The article considers the peculiarities of the perception of the German history by the outstanding Russian historian of the late 19th - early 20th centuries V.I. Guerrier. The perspectives of its reception in modern Russia are characterized and the existing gaps are noted, one of which is its role in the formation of Russian historical Germanic studies. V.I. Guerrier, being a German by birth, had fairly stable ties with the German community of Moscow, which is confirmed by the documents from the Research Department of Manuscripts of the RSL. His interest in German history was also determined by internships at German universities. This is no coincidence that his dissertation was devoted to Leibniz, which reveals excellent sketches on the history of Germany and shows the scientist's interest in the religious problem. The Author gives one's attention to the analysis of the unpublished lectures of V.I. Guerrier on the history of the Reformation, lecture notes on the ancient Germans and the formation of the Holy Roman Empire. The history of Germany is reflected in the partially unpublished lectures on the history of cultural ideas. In general, the historian introduced his reflections on Germany into the general context of World history, trying to show how the foundations of medieval life were destroyed, what tendencies prevailed in research and political discourses of the new history, and what role Germany played in it.

Key words: V. Guerrier, history of Germany, formation of Russian historical Germanic studies

Natalia V. Rostislavleva, Dr.Sc. (History), professor; Russian State University for Humanities, Moscow, Russia, ranw@mail.ru

**ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЖУЕВ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Н.И. КАРЕЕВА**

Автор реконструирует коммуникативные связи между двумя историками – Павлом Григорьевичем Мижуевым и Николаем Ивановичем Кареевым. Мижуев, ученый второго ряда на фоне мэтра, не являвшийся полноправным членом профессиональной корпорации дореволюционных историков, вошел в нее в качестве преподавателя трех факультетов Петроградского университета после Революции. Мижуев был последователем умеренно-либеральной и позитивистской школы Кареева, еще в дореволюционный период создавший цельную картину разных сторон жизни Великобритании и доминионов в их исторической динамике, колониальной политики Англии, издавший первую в России историю США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. И хотя имя Мижуева не появляется в воспоминаниях Кареева, он, хоть и скромно, но присутствовал в его коммуникативном пространстве, например, приняв участие в проектах, которые курировал Кареев, – в серии книг «История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время», в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, а также публикуясь с ним в одних изданиях и работая в течение пяти лет на одной кафедре и факультете.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, П.Г. Мижуев, научная коммуникация, коммуникативное пространство, популяризация научных знаний, профессиональная корпорация

В 2020 г. научная общественность отметила 170 лет со дня рождения выдающегося российского учёного Николая Ивановича Кареева, а в 2021 г. – двойную дату – 160 лет со дня рождения Павла Григорьевича Мижуева, и одновременно – 90 лет с момента ухода обоих ученых из жизни. Вклад Кареева в развитие исторической науки общепризнан. Его коммуникативные связи в профессиональной среде историков были необозримы. Они все еще нуждаются в дальнейшем изучении. Особенно это касается его коммуникаций с учеными второго плана. Одним из них был Мижуев, место которого в пространстве коммуникаций признанного мэтра попробуем реконструировать, не углубляясь специально в анализ творчества Мижуева (он был выполнен в более ранних публикациях автора¹). На пути поиска попытаемся обнаружить пересечение биографий Мижуева и Кареева, их контакты, выйдя, таким образом, «за пределы традиционных предметных областей, сводящихся, как правило, к изучению институций и концептуальных построений»².

Мижуева трудно назвать членом профессиональной корпорации дореволюционных историков: за его спиной не было учебы в классическом университете, защищенной магистерской и докторской диссертаций. Он готовился к офицерской карьере и закончил Морской кадетский корпус. Однако, как пишет Мижуев в своей автобиографии, хотя учился он очень хорошо, и в числе немногих выпускников был награж-

¹ Чикалова 2017: 314–361; Чикалова 2020: 405–437.

² Мягков 2000: 25.

ден премией, «уже со второго года своего пребывания в нем, понял, что карьера морского офицера меня не удовлетворит». К периоду учебы, – продолжает Мижуев, – относилось «зарождение многих моих интересов, которые я сохранил на всю последующую жизнь»³.

В 1885 г., вскоре после окончания морского Кадетского корпуса, оставив офицерскую службу и выдержав экзамен на право преподавания французского языка, Мижуев поступил работать преподавателем французского языка в Петербургскую шестую гимназию⁴. Кареев же в этом году переехал из Варшавы в С.-Петербург, где получил кафедру сначала в Александровском лицее, а потом в императорском университете: его научно-педагогический багаж включал курс обучения в Московском университете, защиту магистерской и докторской диссертаций, преподавание в Московском (1878–1879) и Варшавском (1879–1884) университетах.

С 1902 г. Кареев, уволенный из университета, начал читать лекции на экономическом отделении Политехнического института, Мижуев же в этот год после семнадцати лет преподавания в гимназии получил должность главного библиотекаря Императорского технологического института. С этого момента, как пишет в своей автобиографии Мижуев, «отстранив себя от какой-либо практической деятельности и отвергнув мысль о какой-либо карьере, я намеревался посвятить себя всецело изучению разных наук. <...> В течение многих лет я занимался одновременно и последовательно французским языком и литературой с точки зрения применения результата таких занятий к преподаванию в средней школе, вопросами школьной организации и педагогическими, всеобщей истории и в особенности историей Америки и Англии; политической экономией, вопросами государственного права, так наз. социальным вопросом и всеми сторонами жизни англосаксонских стран»⁵.

Публиковаться Мижуев стал с 1891 г. на страницах ежемесячной периодики. Среди них – журналы «Образование», «Русская школа», к которым потом добавились «Русское богатство», «Русская мысль», «Журнал министерства народного просвещения», «Трудовая помощь», «Русское экономическое обозрение», «Русская мысль», «Вестник Европы». Многочисленные работы Мижуева, впервые появившиеся на их страницах, выходили затем отдельными изданиями. В фокусе внимания Мижуева находился англо-саксонский мир: политическая история Англии, Соединенных Штатов Америки, Канады, Австралии и Новой Зеландии; государственный строй, парламентаризм и проблема разделения властей, права человека; колониальная политика Англии и становление доминионов; рабочий и женский вопрос, в том числе профессио-

³ РГАЛИ. Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 4.

⁴ Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской шестой гимназии (1862–1912) 1912: 151.

⁵ РГАЛИ. Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 9–10.

нальная самоорганизация рабочих и движение за женское равноправие; социальные аспекты жизни (бедность, минимальная заработная плата, восьмичасовой рабочий день); торговая политика; благотворительность, градостроительство и быт; народное образование от начального до университетского. Он написал первые в России истории США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Исследуемые темы Мижуев во многих случаях раскрывал в нескольких публикациях. Все книги и статьи Мижуева были обращены к самым широким читательским слоям.

Мижуев в силу иного вектора развития биографии не был в близком круге общения Кареева. До 1901 или 1902 г., судя по всему, он вообще не входил в коммуникативное пространство мэтра, которое было огромным «как по субъектам, так и по типам связей (личное знакомство, принадлежность к той или иной профессиональной, научной, общественной, политической или мировоззренческой корпорации, переписка, рецензирование, цитирование и т. д.)»⁶. Но такой случай представился, когда в 1901 г. издательство «Брокгауз и Ефрон» приступило к выпуску коллекции научно-популярных книг «История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время» под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого. Как указывалось в предисловии редакторов серии, всеми ее авторами «будет принято во внимание, что их читателями явятся вообще лица, получившие образование не ниже среднего, но вместе с тем желающие пополнить и расширить свои знания»⁷. И хотя в анонсе имя Мижуева в списке предполагаемых авторов (Г.Е. Афанасьев, В.П. Бузескул, А.С. Вязигин, В.И. Герье, И.М. Гревс, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, Н.Н. Любович, П.Н. Милоков, Н.В. Молчановский, В.А. Мякотин, Д.М. Петрушевский, В.К. Пискорский, С.Ф. Фортунатов, Е.В. Тарле, Ф.И. Успенский)⁸ серии книг не значилось, он вошел в нее тремя работами. Можно сказать, что здесь помог как случай, так и готовность самого Мижуева, уже имевшего первую подготовленную рукопись, ориентированную на широкого читателя, что было как раз в духе программы серии. Что касается случая, из-за которого Мижуев оказался кстати со своими текстами, обратимся к воспоминаниям Кареева. «К сожалению, — отмечает он, — из этой коллекции не вышло того, что должно было выйти: план издания был разработан до мельчайших подробностей, множество сотруди́ков надавало обещаний к таким срокам предоставить рукописи, но обещания большей частью остались обещаниями...»⁹.

Таким образом, открывшаяся «лазейка» позволила Мижуеву представить издательству свою рукопись — «История колониальной империи и колониальной политики Англии». Она вышла в серии в 1902

⁶ Мягков, Филимонов 2009. И. 151. Кн. 2. Ч. 1: 164: 164–173.

⁷ Кареев, Лучицкий 1901: III.

⁸ Там же: IV.

⁹ Кареев 1990: 247.

г.¹⁰, одновременно с книгой Кареева «Политическая история Франции в XIX веке»¹¹, а затем в 1909 г. – и вторым, дополненным изданием¹². Выход в свет этой работы сделал Мижуева первопроходцем в области изучения британского колониализма, в том числе освоения Американского континента, он и сам отмечал это обстоятельство, представляя книгу: это «в русской исторической литературе первый опыт обзора истории английской колонизации»¹³.

Другие рукописи Мижуева – «История великой американской демократии» и «Политическая история Англии в XIX в.» – были изданы в этой серии в 1906 г.¹⁴ и в 1908 г. соответственно¹⁵. И в случае с созданием сводного курса истории США Мижуев тоже оказался первым: фактически все профессионально выполненные объемные публикации по социально-политической истории США, в том числе и двухтомный труд А.В. Бабина «История Северо-Американских Соединенных Штатов», появились в России уже после выхода его работы. Собственно то же можно сказать и в отношении политической истории Англии XIX столетия. Всего в серии, полностью прекратившейся в 1923 г., вышло 34 книги 23 авторов. В ней достойное место заняли книги Мижуева, появление которых не могло состояться без рекомендации Кареева.

Еще одной площадкой для коммуникации ученых стал «Новый энциклопедический словарь», который начал публиковаться в 1911 г. «Брокгаузом и Ефроном»: он должен был охватить тот же круг знаний, что и «Энциклопедический словарь» тех же издателей, но в более компактной и современной обработке. Кареев был приглашен в качестве одного из редакторов его «Исторического раздела». Работа в словаре Мижуеву была предложена не сразу, что показывает внимательное ознакомление со списком сотрудников НЭС, публиковавшимся в каждом томе. В нем имя Мижуева находится только начиная с 16 тома (1914). И лишь однажды оно названо среди авторов наиболее значительных по объему статей. Речь идет о статье «Женский вопрос и женское движение», опубликованной в 17-м томе¹⁶. Она была целиком написана на западном материале. Учитывая, что Кареев симпатизировал идеям женского равноправия, женское движение считал равнозначным по важности с рабочим и социалистическим, а Мижуев был его самым горячим сторонником, несомненно, участие с такой статьей явилось результатом прямой поддержки со стороны Кареева и, не исключено, что и И.М. Гревса, – еще одного редактора исторического раздела, много лет преподававшего на Высших женских (Бестужевских) кур-

¹⁰ Мижуев 1902. 215 с.

¹¹ Кареев 1902. [2], VI, 300 с., 1 л.

¹² Мижуев 1909. 216 с.

¹³ Мижуев: 7.

¹⁴ Мижуев 1906. [4], 276, [3] с.

¹⁵ Мижуев 1908.

¹⁶ Мижуев 1915. Т. 17: 772–784.

сах. Мижуев оставался сотрудником НЭС по последний изданный том – 29 (1916), готовя небольшие словарные статьи.

Можно предположить, что размещение в 26-м томе «Нового энциклопедического словаря» (1916) биографической справки о Мижуеве, подготовленной анонимным составителем, могло быть поддержано Кареевым, знавшим его работы в силу объединявшего их интереса к зарубежной истории и новистике, в частности: «Мижуев Павел Григорьевич – писатель. Родился в 1861 г.; образование получил в Морском училище (ныне Морской кадетский корпус). Главные труды: «Современная школа в Западной Европе и Америке» (М., 1912), «Средняя школа в Англии» (Петроград, 1914), «Средняя школа во Франции» (1902), «Школа и общество в Америке» (1902); «Главные моменты в развитии школы в Западной Европе» (М., 1912), «Политическая история Англии в XIX в.» (1908), «История колониальной империи Англии» (2-е изд., 1909), «История Великой Американской демократии» (1906), «Великий раскол англосаксонской расы» (Американская революция; 1901), «Восьмичасовой рабочий день» (1907), «История одной стачки» (1907), «Парламентаризм» (1906), «Главные федерации современного мира» (1907), «Передовая демократия» (Новая Зеландия, 4-е изд., 1906); «Крестьянское Царство» (Канада, 2-е изд., 1907), «Социологические этюды» (1904), «Счастливая Австралия» (1909), «Сады-города Англии» (1916). Составил ряд учебников французского языка»¹⁷. Судя по всему, текст, если и не был написан самим Мижуевым, то, безусловно, им отредактирован. При этом, удивительно, биографической статьи о самом Карееве в соответствующем, 20-м, томе не было.

Следующей работой, связавшей Кареева и Мижуева общей целью, было приглашение в 1917 г. сразу после свершившейся февральской революции принять участие в сборнике «Свободный государственный строй», инициированном журналом «Научное слово» в память о его покойном редакторе С. Н. Трубецком. Россия стояла перед выбором формы правления, и сборник содержал статьи, «авторы которых, – по словам А. Кизеветтера, – имели в виду дать читателям фактический материал, необходимый для всестороннего обсуждения этого вопроса»¹⁸. В коллективном сборнике Кареев выступил со статьей «Государственный строй современной Франции»¹⁹, Мижуев – «Соединенные штаты Америки»²⁰. Участие в данном издательском проекте проявило общность интересов и либеральных устремлений двух ученых – оба они были многолетними членами партии кадетов с тем отличием, что Кареев даже заседал в Государственной думе Первого созыва, а Мижуев оставался ее рядовым членом.

¹⁷ Брокгауз, Ефрона 1911–1916. Т. 26. 1916. Стб. 455–456.

¹⁸ Кизеветтер 1917: 12.

¹⁹ Кареев 1917: 77–100.

²⁰ Мижуев 1917: 101–145.

В Петербургский, тогда уже Петроградский, университет, в отличие от Кареева, Мижуев пришел работать уже в зрелом, 57-летнем возрасте. Была ли это рекомендация Кареева? Как знать... Резкий отток преподавателей с университетских кафедр, видимо, способствовал получению места. К тому времени Мижуев уже опубликовал свои основные труды. В 1918–1919 гг. в должности приват-доцента он читал лекции на трех факультетах: историко-филологическом («История англосаксонского мира в XIX и XX вв.»), юридическом и восточных языков («История Индии под владычеством англичан») ²¹. В 1921–1923 гг. был профессором факультета общественных наук, где читал «Историю внеевропейских стран» и «Историю народного образования».

В университетских стенах Кареев и Мижуев могли встречаться на протяжении примерно пяти лет: в течение одного семестра в 1918 г. – на кафедре всеобщей истории, с которой Кареев был связан с 1886 г., с 1919 по 1923 г. – на факультете общественных наук. В последний год работы в качестве штатного профессора Кареев опубликовал обзор историографии по истории стран Запада с 1859 по 1914 г. ²² В нем российскую историографию истории внеевропейских стран представляют только книги Мижуева: «В начале нынешнего столетия появилась и русская история Северо-Американских Соединенных Штатов П.Г. Мижуева, который перед этим дал читателям еще историю отделения Штатов от Англии в конце XVIII века» ²³. Можно ли считать подобную рекомендацию большим признанием и комплиментом...

Для обоих ученых переломным стал 1923 год – последний для них в университете. Кареев был отстранен от чтения лекций. Мижуев вышел на пенсию, получив ее как «профессор Ленинградского университета» ²⁴. Несмотря на изменение статуса, он продолжал публиковать работы просветительской направленности: «Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке» ²⁵, «Практика и теория Дальтон-плана в Англии» ²⁶, «Томас Эдисон» ²⁷, «Как другие народы стали грамотными» ²⁸.

Складывается впечатление, что переход на пенсию сблизил двух ученых. В дневнике Кареева, начиная с 1925 г., появляются следующие записи: 23 августа 1925 г., воскресенье – «Вечером поездка в Лесной

²¹ На этот факт, как не имеющий аналогов в истории российских университетов, указывает сам Мижуев в письме академику В.И. Вернадскому от 01.04.1929 г. // Архив РАН. Личный архив академика В.И. Вернадского. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1067. Л. 2.

²² Кареев 1923.

²³ Кареев 1923: 115. Речь идет о книгах Мижуева «История великой американской демократии» (С. Американских соединенных штатов) (СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906) и «Великий раскол англо-саксонской расы. Американская революция» (Преимущественно с точки зрения литературных факторов) (СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1901)

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1337 (Коллекция воспоминаний и дневников). Оп. 4. Д. 26. Л. 3.

²⁵ Мижуев 1925.

²⁶ Мижуев 1926.

²⁷ Мижуев 1926.

²⁸ Мижуев 1925.

(Мижуевы, Меншутины), 9 марта 1925 г., вторник – «Блины у Мижуевых», 31 марта 1926 г., воскресенье – «Ранним вечером у Миж[уевых], 7 февраля 1927 г., понедельник – «Утром Мижуев и прогулка с заходом к Колтоновской», 17 февраля, 1927 г., четверг – «Открытки Мижуеву и Кончалов[скому]», 19 апреля 1927 г., вторник – «Мижуевы», 24 апреля 1927 г., воскресенье – «...открытка Мижуеву», 25 октября 1927 г., вторник – «Утром Мижуев», 26 апреля 1928 г., четверг – «Мижуев», 3 мая 1928 г., четверг – «Мижуев. Гревс. Глазунов. Маляревская», 18 мая 1928 г., среда – «Петров. Мижуев. Бузескулы», 26 мая 1928 г., суббота – «Письмо Мижуеву», 28 мая 1928 г., понедельник – «Мижуев», 17 июня 1928 г., воскресенье – «Письма... Мижуеву», 23 сентября 1928 г., воскресенье – «Мижуев», 18 ноября 1928 г., воскресенье – «У Мижуева», 19 декабря 1928 г., среда – «Миж[уев]», 31 марта 1929 г., воскресенье – «Газета Мижуеву», 19 апреля 1929 г., пятница – «заказн[ая] бан[ероль] Мижуеву», 10 декабря 1929 г., вторник – «Мижуев», 10 марта 1929 г., понедельник – «Мижуев»²⁹. Сохранились три открытки Мижуеву от 17 февраля и 24 апреля 1927 г., 5 мая 1928 г., информация об исходящей заказной бандероли от 19 апреля 1929 г.³⁰

1929 год стал последним, оставившим следы общения двух уже немолодых людей. И этим же годом датируются последние публикации Мижуева – статьи о системах народного образования в зарубежных государствах (отдельно по Германии, Франции, Англии, США и скандинавским странам). Опубликованы они были в «Педагогической энциклопедии»³¹. Тогда же он написал академику В.И. Вернадскому письмо, которое содержало личную просьбу, выполнение которой могло бы улучшить его материальное положение на пенсии. Мижуев просил содействовать зачислению его «в IV разряд научных работников» (всего их было пять), что выразилось бы прибавкой к уже получаемой им академической пенсии в 140 рублей, и сделать это ввиду исключительно научных заслуг: «мною напечатано более 100 научных трудов в форме книг и брошюр, не считая периодической печати и энциклопедий»³². И в этой своей просьбе он нашел поддержку со стороны Кареева, в этот же год избранного почетным академиком Академии наук СССР, и Гревса (в тот же год, что и Кареев потерявшего работу в университете), которые, как можно судить из письма Мижуева В.И. Вернадскому, ранее ходатайствовали за него: «Только об этом и просили в своем совместном заявлении в Секцию научных работников профессора Н.И. Кареев и И.М. Гревс»³³.

²⁹ Долгова 2015: 276, 289, 305, 314, 315, 319, 333, 348, 349, 350, 351, 353, 260, 365, 367, 376, 377, 397, 403.

³⁰ Долгова 2015: 452.

³¹ Мижуев 1929. Т. 3.

³² Архив РАН. Личный архив академика В.И. Вернадского. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1067. Л. 1–2.

³³ Там же. Л. 2.

Неизвестно, была ли удовлетворена просьба Мижуева. В любом случае в новых условиях творчество как маститого Кареева, так и его менее авторитетного коллеги, оказалось не только под прицелом цензурных органов, но и не востребованным. Более того, 18 октября 1930 г. сам Кареев подвергся надуманной «критике» на заседании методологической секции «Общества историков-марксистов». Не выдержав нападок, 18 февраля 1931 г. он ушел из жизни, а 15 марта 1931 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) о работе Комакадемии, определившее направления работы историков. Среди них не было тем, связанных с вопросами внутривосточного развития, парламентаризма, эволюции партийно-политических систем, демократического реформизма и даже образа жизни и повседневности жителей зарубежных стран. Как раз эти темы были в центре дореволюционного творчества Мижуева. 4 июля 1931 г. на фоне происходивших событий не стало и его. Эта дата указана рукой жены Мижуева на последней странице его автобиографии, хранящейся в РГАЛИ³⁴.

«Знаток англо-саксонского мира»³⁵ – такую, пожалуй, самую точную и емкую характеристику дал в свое время Мижуеву Е.В. Тарле. Не имея академической университетской подготовки, Мижуев внес серьезный вклад в развитие российского англоведения – не менее 80 работ³⁶, американистики – более 50 книг, статей и очерков в этой области³⁷. Он создал цельную картину не только разных сторон жизни Великобритании и доминионов в их исторической динамике, а также колониальной политики Англии. Он первым рассмотрел политическую эволюцию переселенческих колоний в Северной Америке, создал однотомную историю США и осветил разнообразные проявления жизни в них в своих многочисленных работах, написал первые в России истории Канады, Австралии, Новой Зеландии. В этом Павел Григорьевич, последователь умеренно-либеральной, позитивистской школы Н.И. Кареева, был безусловным первопроходцем. И хотя имя Мижуева не появляется в воспоминаниях Кареева, он, хоть и скромно, но присутствовал в его коммуникативном пространстве.

Мижуев П.Г. Автобиография // РГАЛИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–12.

Мижуев П.Г. Curriculum vitae проф. П.Г. Мижуева. 11 января 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 1337 (Коллекция воспоминаний и дневников). Оп. 4. Д. 26.

Мижуев П.Г. – академику В.И. Вернадскому от 01.04.1929 г. // Архив РАН. Личный архив академика В.И. Вернадского. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1067. Л. 1–3.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кареев Н., Лучицкий И. Предисловие // Успенский Ф.И. История крестовых походов. СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1901. С. III–IV. [Kareyev N., Luchitskiy I. Predisloviye // Uspenskiy F.I. Istoriya krestovyykh pokhodov. SPb.: «Brogkauz-Yefron», 1901. S. III–IV.].
Кареев Н.И. Политическая история Франции в XIX веке. СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1902.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

³⁵ Тарле 1903. № 1: 74.

³⁶ См.: Чикалова 2017: 314–361.

³⁷ См.: Чикалова 2020: 405–437.

- 300 с. [Kareyev N.I. Politicheskaya istoriya Frantsii v XIX veke. SPb.: «Brokgauz-Yefron», 1902. 300 s.].
- Кареев Н.И. Государственный строй современной Франции // Свободный государственный строй. М.: Научное слово, 1917. С. 77–100. [Kareyev N.I. Gosudarstvennyy stroy sovremennoy Frantsii // Svobodnyy gosudarstvennyy stroy. M.: Nauchnoye slovo, 1917. S. 77–100.].
- Кареев Н.И. Новейшее время от 1859 до 1914 г. Историографические очерки. Пг.: Наука и школа, 1923. 119 с. [Kareyev N.I. Noveysheye vremya ot 1859 do 1914 g. Istoriograficheskiye ocherki. Pg.: Nauka i shkola, 1923. 119 s.].
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, вступ. статья и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с. [Kareyev N.I. Prozhitoye i perezhitoye / Podgotovka teksta, vstup. stat'ya i kommentarii V.P. Zolotareva. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1990. 384 s.].
- Кизеветтер А. Задачи момента // Свободный государственный строй. М.: Научное слово, 1917. С. 3–12. [Kizevetter A. Zadachi momenta // Svobodnyy gosudarstvennyy stroy. M.: Nauchnoye slovo, 1917. S. 3–12.].
- Мизуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб.: «Брокрауз-Ефрон», 1902. 215 с. [Mizhuyev P.G. Istoriya kolonial'noy imperii i kolonial'noy politiki Anglii. SPb.: «Brokgauz-Yefron», 1902. 215 s.].
- Мизуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. Изд. 2-е доп. СПб.: «Брокрауз-Ефрон», 1909. 216 с. [Mizhuyev P.G. Istoriya kolonial'noy imperii i kolonial'noy politiki Anglii. Izd. 2-ye dop. SPb.: «Brokgauz-Yefron», 1909. 216 s.].
- Мизуев П.Г. История великой американской демократии (С. Американских соединенных штатов). СПб.: «Брокрауз-Ефрон», 1906. [4], 276, [3] с. [Mizhuyev P.G. Istoriya velikoy amerikanskoj demokratii (S. Amerikanskikh soyedinennykh shtatov). SPb.: «Brokgauz-Yefron», 1906. [4], 276, [3] s.].
- Мизуев П.Г. Политическая история Англии в XIX в. СПб.: Брокрауз-Ефрон, 1908. 280 с. [Mizhuyev P.G. Politicheskaya istoriya Anglii v XIX v. SPb.: Brokgauz-Yefron, 1908].
- Мизуев П.Г. Женский вопрос и женское движение // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокрауза и И.А. Ефрона. СПб.: Тип. Акц. О-ва «Брокрауз-Ефрон», 1915. Т. 17. С. 772–784. [Mizhuyev P.G. Zhenskiy vopros i zhenskoye dvizheniye // Novyy entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Yefrona. SPb.: Tip. Akts. O-va «Brokgauz-Yefron», 1915. T. 17. S. 772–784.].
- Мизуев П.Г. Соединенные штаты Америки // Свободный государственный строй. М.: Научное слово, 1917. С. 101–145. [Mizhuyev P.G. Soyedinennyye shtaty Ameriki // Svobodnyy gosudarstvennyy stroy. M.: Nauchnoye slovo, 1917. S. 101–145.].
- Мизуев П.Г. Как другие народы стали грамотными. М.: «Долой неграмотность», 1925. 77 с. [Mizhuyev P.G. Kak drugie narody stali gramotnymi. M.: «Doloy negramotnost'», 1925. 77 s.].
- Мизуев Павел Григорьевич // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокрауза и И.А. Ефрона. СПб.: «Брокрауз-Ефрон», 1911–1916. Т. 26. 1916. Стб. 455–456. [Mizhuyev Pavel Grigor'yevich // Novyy entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Yefrona. SPb.: «Brokgauz-Yefron», 1911–1916. T. 26. 1916. Stb. 455–456.].
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с. [Myagkov G.P. Nauchnoye soobshchestvo v istoricheskoy nauke: opyt «russkoy istoricheskoy shkoly». Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2000. 298 s.].
- Мягков Г.П., Филимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2009. 151. Кн. 2. Ч. 1. С.164–173. [Myagkov G.P., Filimonov V.A. Kazanskiye uchenyye v kommunikativnoy prostranstve N.I. Kareyeva // Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. 2009. I. 151. Kn. 2. Ch. 1. S.164–173.].
- Тарле Е.В. [Рецензия]: П.Г. Мизуев. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902 г. // Мир Божий. 1903. № 1. С. 74–75. [Tarle Ye.V. [Retenziya]: P.G. Mizhuyev. Istoriya kolonial'noy imperii i kolonial'noy politiki Anglii. SPb., 1902 g. // Mir Bozhiv. 1903. № 1. S. 74–75.].
- Указатель исходящей корреспонденции Н.И. Кареева / сост. Е.А. Долгова // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2019. С. 127–164.

[Ukazatel' iskhodyashchey korrespondentsii N.I. Kareyeva / sost. Ye.A. Dolgova // Metodologiya istorii: N.I. Kareyev, A.S. Lappo-Danilevskiy, D.M. Petrushevskiy, V.M. Khvostov / pod redaktsiyey T.G. Shchedrinoy, B.I. Pruzhinina. M.: ROSSPEN, 2019. S. 127–164.].

Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / автор-сост. Е.А. Долгова. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 512 с. [Uchenyy v epokhu pere-men: N.I. Kareyev v 1914–1931 gg. Issledovaniya i materialy / avtor-sostavit. Ye.A. Dolgova. M.: Polit. entsiklopediya, 2015. 512 s.].

Чикалова И.Р. Знаток англо-саксонского мира Павел Григорьевич Мижуев // Чикалова И.Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.). СПб.: Алетейя, 2017. С. 314–361 [Chikalova I.R. Znatok anglo-saksonskogo mira Pavel Grigor'yevich Mizhuyev // Chikalova I.R. Velikobritaniya: izucheniye v Rossiyskoy imperii (XIX – nachalo XX v.). SPb.: Aleteyua, 2017. S. 314–361.].

Чикалова И.Р. Основоположник российской американистики Павел Григорьевич Мижуев (1861–1931) // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 12 / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. Курск: Курск. гос. ун-т, 2020. С. 405–437. [Chikalova I.R. Osnovopolozhnik rossiyskoy amerikanistiki Pavel Grigor'yevich Mizhuyev (1861–1931) // Amerikanistika: Aktualnyye podkhody i sovremennyye issledovaniya: Mezhvuz. sb. nauch. trudov. Vyp. 12 / pod red. T.V. Alentyevoy, M.A. Filimonovoy. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2020. S. 405–437.].

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка; ведущий научный сотрудник, Институт истории НАН Беларуси; irina_chikalova@mail.ru

Pavel Grigorievich Mizhuev in the Communicative Space of N. I. Kareev

The author reconstructs the communication links between two historians – Pavel Grigorievich Mizuev and Nikolai Ivanovich Kareev. Mizhuev, a second-tier scientist against the background of the master, who was not a full-fledged member of the professional corporation of pre-revolutionary historians, entered it as a teacher in three faculties of Petrograd University after the Revolution. Mizhuev was a follower of the moderately liberal and positivist school of Kareev, who back in the pre-revolutionary period created an integral picture of different aspects of the life of Great Britain and the dominions in their historical dynamics, the colonial policy of England, and published the first history of the USA, Canada, Australia and New Zealand in Russia. And although the name of Mizuev does not appear in Kareev's memoirs, he, albeit modestly, was present in his communicative space, for example, taking part in projects supervised by Kareev, in the series of books «History of Europe by Era and Countries in the Middle Ages and New time» in the «New Encyclopedic Dictionary» of Brockhaus and Efron, as well as publishing with him in the same editions and working for five years at the same department and faculty.

Key words: *N.I. Kareev, P.G. Mizuev, scientific communication, communication space, popularization of scientific knowledge, professional corporation.*

Irina Chikalova – Dr Hab (History), professor, professor of the Department of General History and Methods of Teaching History of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank / leading researcher at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; irina_chikalova@mail.ru

ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.П. КАРСАВИНА

В статье проанализированы научные статьи и очерки Л.П. Карсавина (1882-1952), как формы презентации исторического знания. Выявляются особенности этих историографических источников по сравнению с видовой моделью. Предложена классификация научных статей и очерков, их периодизация в творчестве Л.П. Карсавина. Анализируются видовые модели научной статьи и очерка и их реализация в трудах Л.П. Карсавина.

Ключевые слова: историографический источник, источниковедение историографии, научная статья, научный очерк, журнал, сборник, Л.П. Карсавин.

Историографический источник – базовое понятие источниковедения историографии. Выделяется два сформировавшихся подхода к определению историографического источника. Первый рассматривает в качестве историографического источника все, откуда можно извлечь информацию, пригодную для конструирования историографического процесса¹; согласно второму подходу, историографические источники – произведения историка, «реализующие функции презентации и позиционирования исторического знания как научного, так и социально ориентированного»². Этот подход реализует Научно-педагогическая школа источниковедения³. Такой подход дает возможность рассматривать историографический источник в качестве продукта культуры, произведения творческой активности человека. Следовательно, современному исследователю, обращающемуся к историографическому источнику, в первую очередь следует выявлять целеполагание его автора, сознательно создававшего произведение, которое должно было выполнять определенную функцию в социуме. Для Научно-педагогической школы источниковедения принципиальное значение имеет классификация историографических источников. Системообразующим основанием классификации является целеполагание автора в контексте исторической культуры, что дает возможность разделить произведения историков на два типа исторического знания: научное знание и социально ориентированное историописание. Если для науки характерен приоритет научной функции над социальной, то в социально ориентированной практике социальные функции преобладают над научными, такое историописание, в отличие от науки, не стремится быть нейтральным и беспристрастным по отношению к прошлому. Принцип целеполагания делает возможным реализовать принятую в источниковедении видовую классификацию исторических источников: «при изучении исследова-

¹ Подробнее: Маловичко 2015: 38-39.

² Там же: 39.

³ Источниковедение.ру

тельской практики и практики историописания того или иного историка важно учитывать, в произведении какого вида и каким образом проявлялись черты этой практики – в монографии (где проводится детальный анализ изучаемой проблемы), научной статье (при анализе которой важно установить специфику журнала или научного сборника), в докладе на конференции (материалы которой могли быть опубликованы до научного мероприятия или, напротив, после него), в национально-государственном нарративе (для которого характерна самопрезентация “своего” – нации-государства), учебном пособии и т. д.)⁴.

В творчестве Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) можно выявить разные виды историографических источников. В данной небольшой работе мы не претендуем на то, чтобы охватить все многочисленные труды этого многогранного, масштабного мыслителя и ограничиваемся только статьями, притом не всеми. Статьи, написанные Л.П. Карсавиным, следует распределить на несколько групп: научная статья (в журнале и в сборнике), очерк, статья в энциклопедии, публицистическая статья, эссе. Цель данной работы – разработать классификацию статей Л.П. Карсавина, выделив статьи, относящиеся к позиционированию научного знания – научные статьи и очерки, выявить особенности этих историографических источников по сравнению с видовой моделью. Прежде чем выявить в трудах ученого эти виды историографических источников, следует сформулировать их определение, целесообразно сопоставить научную статью и очерк.

Статья как вид историографических источников «характеризуется кратким, но достаточным для раскрытия темы изложением научных результатов проведенного автором исследования, ее цель именно в этом – ознакомить профессиональное сообщество с результатами исследования»⁵. Статья не является отдельным изданием; поэтому важно учитывать адресность периодических изданий, особенности научных сборников, в которых статья опубликована, поскольку авторы стремятся определенным образом включить свое исследование в тематический контекст издания. Возможные видовые признаки научной статьи: 1. постановка научной проблемы; 2. историографический анализ данной проблемы; 3. наличие справочного аппарата; 4. научный дискурс.

Охарактеризуем подробнее научные статьи Л.П. Карсавина. Л.П. Карсавин публиковался в следующих научных журналах: «Журнал министерства народного просвещения» (статьи «Из истории духовной культуры падающей Римской империи: политические взгляды Сидония Аполлинария»⁶, «*Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum Perfectionis*, *Scripta Leonis* и *Speculum Лемменса*)»⁷, «*Speculum*

⁴ Маловичко, Румянцева 2017(а): 90.

⁵ Источниковедение 2019: 534.

⁶ Карсавин 1908(а).

⁷ Карсавин 1908(б).

Perfectionis и его источники (Speculum и легенды Челано)»⁸, «Speculum Perfectionis и его источники (Speculum, Actus и Leggenda antica)»⁹, «Римская церковь и папство до половины II века»¹⁰, «Мистика во фландрской агиографии XIII века»¹¹, «Историческое обозрение» (статьи «Вальденсы до 1218 г.»¹², «К вопросу о Speculum Perfectionis (Списки Speculi и Legenda Antique)»¹³, «Научный исторический журнал» («Символизм мышления и идея миропорядка в Средние века»¹⁴). Это были академические издания. Главным редактором «Исторического обозрения» и «Научного исторического журнала» был Н.И. Кареев, который стремился к тому, чтобы его издания стали средством коммуникации исторического сообщества. Аудитория «Научного исторического журнала» – преподаватели истории, начинающие ученые, студенты исторического факультета; исключалась возможность публикации публицистики или беллетристики¹⁵.

Необходимо заметить, что в основу некоторых статей легли рефераты докладов, прочитанные на заседаниях Исторического общества, «Римская церковь и папство до середины VI века» (28 апреля 1910), «Символизм мышления и идея миропорядка в XII-XIII вв. (20 ноября 1913)»¹⁶. Следовательно, можно сделать вывод, что назначение этих статей – ознакомить научное сообщество с результатами проведенных исследований. Статья «Из истории духовной культуры падающей Римской империи: политические взгляды Сидония Аполлинария» (1908) представляет собой часть выпускного сочинения Л.П. Карсавина «Аполлинарий Сидоний как представитель общества падающей Римской империи и как источник для изучения эпохи».

Все эти статьи содержат научно-справочный аппарат – пожалуй, это главный маркер принадлежности данных работ к научному типу. Но они отличаются от видовой модели научной статьи. Так, подробный историографический анализ проблемы содержится лишь в цикле источниковедческих работ об источнике раннего францисканства «Speculum perfectionis». В работе «Римская церковь и папство» такой анализ краток. Л.П. Карсавин, приводя в примечаниях названия некоторых трудов, пишет: «Развитие церковной организации – один из самых сложных и трудных вопросов ранней христианской истории, и противоречивость взглядов отдельных ученых делает бесплодной попытку их систематизировать и искать в ученой литературе опоры для

⁸ Карсавин 1909(a).

⁹ Карсавин 1909(b).

¹⁰ Карсавин 1910(a).

¹¹ Карсавин 1916(a).

¹² Карсавин 1914(c).

¹³ Карсавин 1910(b).

¹⁴ Карсавин 1913(c).

¹⁵ Кареев 1913: 1.

¹⁶ Рефераты... 1915: 203.

постановки вопроса, особенно в применении к более частному вопросу об организации римской церкви». Четкая формулировка цели содержится только в работе «Римская церковь и папство до половины II века»; она, по словам Л.П. Карсавина, состоит в том, чтобы «показать необходимость монархизации управления в римской общине»¹⁷.

Две работы выделяются из этих статей, а именно «Из истории духовной культуры падающей Римской империи» и «Мистика во Фландрской агиографии XIII века». В них не формулируется проблема, отсутствует историографический анализ. Хотя Л.П. Карсавин в первой работе широко ссылается на труды других историков; в частности, пользуется термином «атония» Фюстель де Куланжа¹⁸. Статья «Мистика во Фландрской агиографии XIII века» – работа описательная, целиком построенная на цитатах из источников. Только в самом последнем абзаце Л.П. Карсавин пишет, что «в краткой статье невозможно исчерпать всего богатства фландрской агиографии XIII века, собрать все тонкие и чуткие наблюдения и мысли ее представителей. <...> Полагаю, и сказанного достаточно для того, чтобы понять рассмотренное нами движение в процессе развития средневековой мистики»¹⁹.

Л.П. Карсавин начинает эти две статьи не с постановки проблемы, а с цитирования исторического источника. Так, статья «Из истории духовной культуры падающей Римской империи: политические взгляды Сидония Аполлинария» начинается с очень длинной (на полторы страницы) цитаты, описывающей «хороший день в жизни галло-римских магнатов». Цитирование источника как бы погружает читателя в атмосферу эпохи, что характерно скорее для популярной статьи. Что же позволяет причислить эти работы к научным статьям? Кроме формальных признаков, таких, как наличие ссылок, примечаний, это целеполагание самого автора, который обращается к научным кругам, а не к широкой общественности, хотя напрямую об этом не сообщает. Л.П. Карсавин раскрывает определенную научную проблему, не забывая о том, чтобы ее сформулировать; строит исследование на основании анализа источников и литературы. Карсавин опубликовал также две статьи в академических сборниках; так, в сборнике, посвященном сорокалетию профессорской деятельности Н.И. Кареева была опубликована статья «Античное христианство и средневековье»²⁰. Эта работа содержит все признаки научной статьи: Карсавин подробно описывает проблему (хотя цель не формулирует), обращается к трудам других исследователей. Кроме того, статья содержит ссылки и примечания.

В 1911 г. издается сборник статей, посвященный двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности И.М. Гревса, причем статья Л.П. Карсавина «Магнаты конца римской империи (Быт и религия)»

¹⁷ Карсавин 1910(а): 73.

¹⁸ Карсавин 1914(а): 8.

¹⁹ Карсавин 1913(а): 23-24.

²⁰ Карсавин 1914(а).

(фрагмент выпускного сочинения) открывает этот сборник²¹. И эта работа также содержит все признаки научной статьи.

Сам Л.П. Карсавин называет некоторые из своих статей «этюдами». Среди них – статья о римских магнатах²², а также цикл статей, посвященные анализу «*Speculum perfectionis*»²³. Л.П. Карсавин проводит тщательный научный источниковедческий анализ «*Speculum...*», в каждом «этюде» проводится сравнение «*Speculum...*» с другими источниками. Статьи снабжены системой сносок. Сложенные вместе, эти работы образуют комплексное источниковедческое исследование, которое можно было бы объединить в монографию. Слово «этюды» по отношению к работам Л.П. Карсавина мы находим впервые в рецензии И.М. Гревса на выпускное сочинение: «самый остов работы распадается на четыре главы, представляющие отдельные этюды о Сидонии, как 1) представителе образованности 2) члене церкви, 3) выразителе сознания определенной социальной группы и 4) политике»; при этом указывается, что все вместе главы «хорошо комбинируются между собой и легко могли бы быть слиты в органическое целое»²⁴.

Упоминание «этюда» встречается позднее: так, в журнале «Путь» публикуется «Апологетический этюд»²⁵; статья «Жозеф де Местр» (написана в 1918-1922 гг., опубликована в 1989 г.) названа «этюдой»²⁶. В примечаниях к публикации статья «Жозеф де Местр называется очерком; говорится, что этот очерк предназначался для серии, посвященной выдающимся мыслителям и историческим деятелям России и Западной Европе и запланированной издательством «Огни»²⁷.

Четко провести грань между «этюдом» и «статьей» вряд ли возможно; само слово «этюды» многозначно, оно может означать «упражнение», набросок. Самый распространенный вариант перевода французского *etude* – «исследование». Выскажем предположение, что «этюды» применительно к трудам Л.П. Карсавина может означать главу или часть более масштабного исследования или проекта.

В отдельную группу научных статей следует выделить статьи-полемику: «Ответ Д.Н. Егорову», «Вальденсы до 1218 г». Первая из этих статей представляет собой ответ на замечания Д.Н. Егорова относительно магистерской диссертация Л.П. Карсавина «Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII веков» (1912)²⁸.

²¹ Карсавин 1911. Выпускное сочинение, опубликованное по частям, также было издано отгисками: Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи (Политические взгляды Сидония Аполлинария). СПб., 1908. 54 с.; Карсавин Л.П. Магнаты конца Римской империи (Быт и религия). Б.м., 1910. 62 с.

²² Карсавин 1910(с): 11.

²³ Карсавин 1909(а): 1.

²⁴ Гревс 1906: 142.

²⁵ Карсавин 1926.

²⁶ Карсавин 1989.

²⁷ Там же: 115.

²⁸ Карсавин 1916(b).

А «Вальденсы до 1218 г. (Развитие организации и иерархического принципа в секте по новым исследованиям и источникам)» – совершенно уникальное в творчестве Л.П. Карсавина произведение, которое является «работой над ошибками», допущенными в разделе по истории вальденства «Очерков...», а также содержит полемику с коллегами (И.М. Гревсом, А.Г. Вульфiusом и Д.Н. Егоровым) как по вопросу истории вальденства, так и по ряду источниковедческих и методологических вопросов исторического познания²⁹.

Обратимся теперь к анализу тех работ Л.П. Карсавина, которые можно причислить к очеркам. Очерк – весьма сложный вид историографических источников, «поскольку принадлежит и к научному, и к социально ориентированному типу историописания и к разным историческим культурам как в рамках классического, так и неклассического типов рациональности. Кроме того, очерки – и литературный жанр, и разновидность «текстов-источников» (если использовать терминологию С.С. Дмитриева) периодической печати, а также – как эссеистика входят в группу видов источников личного происхождения»³⁰. Очерки характеризуются более свободным, по сравнению с научным исследованием, стилем изложения, отсутствием репрезентативной источниковой базы, они предназначены для широкой публики.

Такие работы Л.П. Карсавин публиковал в литературных и исторических журналах, а именно: литературно-политическом ежемесячнике «Вестник Европы» (работы «Мистика и ее значение в религиозности средневековья»³¹, «Религиозность и ереси в XII-XIII веках»³²) и «Голос минувшего», издававшегося под редакцией историков, публицистов и общественных деятелей С.П. Мельгунова и В.И. Семевского (очерк «Церковь и религиозные движения XII-XIII веков»³³).

Л.П. Карсавин сотрудничал также с «Ежемесячным Журналом (Журнал для Всех)», который редактировал и издавал В.С. Миролюбов. Л.П. Карсавин публикует в журнале такие работы, как «Святой Франциск и его братство» (1916)³⁴, «Идея единой Германии в первой половине XIX века» (1914)³⁵; в двух частях была опубликована статья «Анджела из Фолиньо и ее откровения» (1918)³⁶.

В этих работах поднимаются масштабные темы – это следует уже из заголовков. Так, очерк «Мистика и ее значение в религиозности средневековья» начинается с фундаментального вопроса – можно ли вообще изучать мистику? И Л.П. Карсавин дает положительный ответ

²⁹ Карсавин 1914(с).

³⁰ Маловичко, Румянцева 2017: 343.

³¹ Карсавин 1913(а).

³² Карсавин 1913(б).

³³ Карсавин 1913(д).

³⁴ Карсавин 1916(с).

³⁵ Карсавин 1914(д).

³⁶ Карсавин 1918.

на этот вопрос: «Человеческая психика так гибка, так богата скрытыми возможностями, что ей доступно переживаемое другими. Вчитываясь в слова мистиков, мы понимаем растворение души в Боге, исчезновение ее в несказанном, сопереживаем, как погружается она в абсолютное бытие, подобно тому, “как капля воды погружается в море, как луч солнца утопает в общей массе света”»³⁷.

Рассмотрим эти очерки подробнее. Работа «Церковь и религиозные движения XII-XIII веков» содержит некоторые признаки научной статьи (например, ссылки на труды других историков). Но в ней нет собственно исследования; Л.П. Карсавин как бы идет к читателю с уже готовыми выводами. Публикация снабжена комментарием редакции следующего содержания: «Редакция дает место статье Л.П. Карсавина, чтобы познакомить читателей с его взглядами на религиозную жизнь средневековья, представляющими несомненный интерес по своей новизне. Редакция с этими взглядами согласиться не может»³⁸.

В этих очерках Л.П. Карсавин излагает свою теорию, используя скорее научный дискурс, вводя специфическую терминологию (так, например, пишет о символическом синтезе³⁹). Можно встретить единичные выражения на латыни; т.е. предполагалось, что читатель владеет этим языком. В этих работах Л.П. Карсавин также высказывал свои взгляды по отношению к важным проблемам исторического познания. Так, в работе «Религиозность и ереси в XII-XIII веках» Л.П. Карсавин пишет: «Всегда ли, однако, можно отыскать связь между отдельными еретическими движениями? Правильно ли резкое обособление религиозности ортодоксальной от религиозности еретической, с необходимостью ведущее к пониманию каждой из них как чего-то самодовлеющего, замкнутого в себе, к их “субстанциализированию”, а потом к установлению связи между искусственными продуктами нашего анализа? Нельзя забывать ни на одну минуту о чисто служебном, вспомогательном значении этого анализа и тех рядов, к которым он приводит. И, если историк не может не быть вивисектором, он не должен забывать о том, что режет живую ткань исторического процесса, громко вопиющего о своем единстве. Ересь – учение, отклоняющееся от учения церкви и ею отвергнутое, – есть проявление религиозности эпохи, внутренне родственное религиозности ортодоксальной»⁴⁰.

Л.П. Карсавин в работе «Мистика и ее значение в религиозности средневековья» привлекает богатый исторический материал, хотя собственно цитат источников в этой работе немного, справочный аппарат отсутствует, а исторический материал обобщен: «Служили особые мессы для предотвращения тех или иных несчастий; молитва, вместе с приношением святых даров, разрывала тяжелые оковы далеких плен-

³⁷ Карсавин 1913(a): 118.

³⁸ Карсавин 1913(d): 61.

³⁹ Там же: 40.

⁴⁰ Карсавин 1913(b): 129.

ников. Томящаяся в муках роженица ждала облегчения от молитвы священника. Беса болезни изгоняли ваннами из святой воды. Сакраментальные молитвы и заклинания священников применялись во всех случаях жизни. Верили, что святой человек обладает какой-то особенной силой, ниспосылаемой Богом, силой почти равняющей его со священником»⁴¹. Л.П. Карсавин характеризует мистику, её связь с культом, соединение с философским творчеством.

В очерке «Святой Франциск и его братство» в сжатой форме, приводя множество цитат, но ни одной ссылки, Л.П. Карсавин излагает не только основные факты, в частности биографии св. Франциска, этапов развития братства, но и излагает свою позицию: «Франциск – один из многих детей этого воодушевленного времени. Он глубже и искреннее, разностороннее своих современников, он – религиозный гений, но гений, рожденный XII веком. Оттого и звучит его слабый голос, как труба архангела, проникая в сокровенную глубь сердца...»⁴².

Таким образом, мы можем сделать вывод, что важная цель этих очерков, которую ставил перед собой Л.П. Карсавин – познакомить читателей со своими теориями.

Следует выделить работы, написанные Л.П. Карсавиным для газет. Газеты выпускались ежедневно, и публикации были связаны с определенным событием. Так, в газете «Речь» была издана статья Л.П. Карсавина, посвященная тридцатилетию научно-педагогической деятельности И.М. Гревса⁴³. 6 апреля 1914 отмечалась Пасха, и в праздничном выпуске газеты «День» был опубликован очерк Л.П. Карсавина «Основные черты религиозности XII–XIII вв.»⁴⁴, представляющий собой краткое изложение теорий автора.

Мы рассмотрели только небольшую часть трудов Л.П. Карсавина, ограничившись статьями, причем не всеми, а только теми, которые можно назвать научными статьями и очерками. Наш анализ позволяет условно наметить периодизацию этих видов историографических источников в творчестве мыслителя. В начале своей деятельности Карсавин писал научные статьи. Но уже с 1913 г. Л.П. Карсавин публикует и работы, которые можно причислить к научным очеркам. Хотя они написаны для широкой публики, нужно сказать, что «легких» текстов Карсавин никогда не создавал, рассчитывая на вдумчивое чтение, на «просвещенную» публику. Одна из целей написания этих очерков – познакомить читателей с позицией автора. После 1916 г. Л.П. Карсавин уже в основном писал статьи на общие темы или создавал публицистические статьи, исследование которых выходит за рамки данной работы.

Анализ творческого наследия Л.П. Карсавина показал многообразие форм презентации исторического знания. Виды источников могут

⁴¹ Карсавин 1913(а): 120.

⁴² Карсавин 1916(с): 315.

⁴³ Карсавин 1914(б).

⁴⁴ Карсавин 1914(е).

пересекаться друг с другом, работа, представляющая один вид, может послужить основой для работы другого вида. Так, «этюды» о *Speculum Perfectionis* можно сложить в монографию. Выскажем предположение, что «этуд» применительно к трудам Л.П. Карсавина может означать главу или часть более масштабного исследования или проекта. В основу ряда научных статей Л.П. Карсавина были положены доклады, сделанные на заседаниях Исторического общества. Выпускная дипломная работа Карсавина также послужила основой двух научных статей.

Необходимо отметить трудности классификации работ Л.П. Карсавина. Так, мы находим признаки очерка в научной работе и признаки научной статьи в очерке, а среди научных статей выделяется отдельно статьи-полюмика. Целеполагание автора позволяет отнести конкретную работу к определенному виду историографических источников.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гревс И.М. Рецензия на работу Л.П. Карсавина «Политические взгляды Сидония Аполлинария» // Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1905 год. СПб., 1906. С. 137-142. [Grevs I.M. Retsenziia na rabotu L.P. Karsavina «Politicheskie vzgliady Sidonii Apollinariia» // Otchet o sostoianii i deiatel'nosti S.-Peterburgskogo universiteta za 1905 god. SPb., 1906. S. 137-142].
- Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 685 с. [Istochnikovedenie: ucheb. posobie / I.N. Danilevskii, D.A. Dobrovolskii, R.B. Kazakov i dr.; otv. red. M.F. Rumiantseva. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. 685 s.].
- Источниковедение.ru [Электронный ресурс]. М., 2010-2020. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный. [Istochnikovedenie.ru [Elektronnyi resurs]. M., 2010-2020. URL: <http://ivid.ucoz.ru/>]
- Кареев Н.И. Задачи «Научного исторического журнала» // Научный исторический журнал. 1913. Т.1. Вып. 1. № 1. [Kareev N.I. Zadachi «Nauchnogo istoricheskogo zhurnala» // Nauchnyi istoricheskii zhurnal. 1913. T.1. Vyp. 1. № 1].
- Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи: политические взгляды Сидония Аполлинария // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1908(а). № 2. С. 285-336. [Karsavin L.P. Iz istorii dukhovnoi kul'tury padaiushchei Rimskoi imperii: politicheskie vzgliady Sidonii Apollinariia // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Novaia seriia. 1908. № 2. S. 285-336].
- Карсавин Л.П. *Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum Perfectionis, Scripta Leonis* и *Speculum Lemmensa*) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1908(б). № 7. С. 103-141. [Karsavin L.P. *Speculum Perfectionis* i ego istochniki (*Speculum Perfectionis, Scripta Leonis i Speculum Lemmensa*) // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Novaia seriia. 1908. № 7. S. 103-141].
- Карсавин Л.П. К вопросу о *Speculum Perfectionis* (Списки *Speculi* и *Legenda Antique*) // Историческое обозрение. 1909(а). 15. Отдел I. С. 1-21. [Karsavin L.P. K voprosu o *Speculum Perfectionis* (*Spiski Speculi i Legenda Antique*) // Istoricheskoe obozrenie. 1909. 15. Otdel I. S. 1-21].
- Карсавин Л.П. *Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum* и легенды Челано) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1909(б). №5. С. 22-56. [Karsavin L.P. *Speculum Perfectionis* i ego istochniki (*Speculum i legendy Chelano*) // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Novaia seriia. 1909. №5. S. 22-56].
- Карсавин Л.П. Римская церковь и папство до половины II века // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1910(а). № 11. С. 73-97. [Karsavin L.P. *Rimskaiia tserkov' i papstvo do poloviny II veka* // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Novaia seriia. 1910. № 11. S. 73-97].
- Карсавин Л.П. *Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum, Actus* и *Leggenda antica*) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1910(б). № 1. С. 92-120.

- [Karsavin L.P. Speculum Perfectionis i ego istochniki (Speculum, Actus i Leggenda antica) // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Novaia serii. 1910. № 1. S. 92-120].
- Карсавин Л.П. Магнаты конца Римской империи (Быт и религия). В.м., 1910(с). 64 с. [Karsavin L.P. Magnaty kontsa Rimskoi imperii (Byt i religiia). V.m., 1910. 64 s.]
- Карсавин Л.П. Магнаты конца римской империи: быт и религия // К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: сборник статей его учеников. СПб., 1911. 1-62. [Karsavin L.P. Magnaty kontsa Rimskoi imperii (Byt i religiia) // K dvadtsatipiatiletiiu ucheno-pedagogicheskoi deiatel'nosti Ivana Mikhailovicha Grevs: sbornik statei ego uchenikov. SPb., 1911. S. 1—62.]
- Карсавин Л.П. Мистика и ее значение в религиозности средневековья // Вестник Европы. 1913(a). № 8. С. 118-135. [Karsavin L.P. Mistika i ee znachenie v religioznosti srednevekov'ia // Vestnik Evropy. 1913(a). № 8. S. 118-135.]
- Карсавин Л.П. Религиозность и ереси в XII–XIII веках // Вестник Европы. 1913(b). № 4. С. 128-145. [Karsavin L.P. Religioznost' i eresi v XIII –XIII vekakh // Vestnik Evropy. 1913. № 4. S. 128-145.]
- Карсавин Л.П. Символизм мышления и идея миропорядка в Средние века // Научный исторический журнал. 1913(с). Т. 1. Вып. 2. № 2. С. 10-28. [Karsavin L.P. Simvolizm myshleniia i ideia miroporiadka v Sredniye veka // Nauchnyi istoricheskii zhurnal. 1913. T. 1. Vyp. 2. № 2. S. 10-28].
- Карсавин Л.П. Церковь и религиозные движения XII–XIII веков // Голос минувшего. 1913(d). № 7. С. 39-61. [Karsavin L.P. Tserkov' i religioznye dvizheniia XII–XIII vekov // Golos minuvshogo. 1913. № 7. S. 39-61].
- Карсавин Л.П. Античное христианство и средневековье // К сорокалетию профессорской деятельности Николая Ивановича Кареева. СПб., 1914(a). С. 98-115. [Karsavin L.P. Antichnoe khristianstvo i srednevekov'e // K sorokaletiiu professorskoi deiatel'nosti Nikolaia Ivanovicha Kareeva. SPb., 1914. S. 98-115].
- Карсавин Л.П. И.М. Гревс // Речь. 14(27) марта 1914(b). № 71(2730). С. 2. [Karsavin L.P. I.M. Grevs // Rech'. 14(27) marta 1914. № 71(2730). S. 2].
- Карсавин Л.П. Вальденсы до 1218 г. (Развитие организации и иерархического принципа в секте по новым исследованиям и источникам) // Историческое обозрение. 1914(с). Т. 19. С. 109-173. [Karsavin L.P. Val'densy do 1218 g. // Istoricheskoe obozrenie. 1914. T. 19. S. 109-173].
- Карсавин Л.П. Идея единой Германии в первой половине XIX века // Ежемесячный журнал. 1914(d). № 10. С. 82-87. [Karsavin L.P. Ideia edinoi Germanii v pervoi polovine XIX veka // Ezhemesiachnyi zhurnal. 1914. № 10. S. 82-87].
- Карсавин Л.П. Основные черты религиозности XII–XIII вв. // День. 6 апреля 1914(e). № 94(536). С. 6. [Karsavin L.P. Osnovnye cherty religioznosti XII–XIII vv. // Den'. 6 apr. 1914. №94(536). S. 6].
- Карсавин Л.П. Мистика во фландрской агиографии XIII века // Журнал министерства народного просвещения. 1916(a). № 9. Ч. LXV. Отд. 2. С. 1-24. [Karsavin L.P. Mistika vo flandrskoj agiografii XIII veka // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1916. № 9. Ch. LXV. Otd. 2. S. 1-24].
- Карсавин Л.П. Ответ Д.Е. Егорову // Исторические известия. 1916(b). № 3-4. С. 139-146. [Karsavin L.P. Otvet D.E. Egorovu // Istoricheskie izvestiia. 1916. № 3-4. S. 139-146].
- Карсавин Л.П. Святой Франциск и его братство // Ежемесячный журнал. 1916(c). № 9-10. С. 315. [Karsavin L.P. Sviatoi Frantsisk i ego bratstvo // Ezhemesiachnyi zhurnal. 1916. № 9-10. S. 315].
- Карсавин Л.П. Анджела из Фолиньо и ее откровения // Ежемесячный журнал. 1918. № 2-3. С. 152-163; № 4-5-6. С. 153-164. [Karsavin L.P. Andzhela iz Folin'o i ee otkroveniia // Ezhemesiachnyi zhurnal. 1918. № 2-3. S. 152-163; № 4-5-6. S. 153-164].
- Карсавин Л.П. Апологетический этюд // Путь. 1926. № 3. С. 29-45. [Karsavin L.P. Apologeticheskii etiud // Put'. 1926. № 3. S. 29-45].
- Карсавин Л.П. Жозеф де Местр // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 93-118. [Karsavin L.P. Zhofez de Mestr // Voprosy filosofii. 1989. № 3. S. 93-118].
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. Вып. 11. С. 77-99. [Malovichko S.I., Rumiantseva

- M.F. Istochnikovedenie istoriografii kak predmetnoe pole intellektual'noi istorii // Mir istorika: istoriograficheskii sbornik. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2017. Вып. 11. S. 77-99].
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия – историк (К юбилею Л.П. Рединой) / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 337-354. [Malovichko S.I., Rumiantseva M.F. Monografiia i ocherk: opyt sravnitel'nogo istochnikovedcheskogo analiza istoriograficheskikh istochnikov // Professii – istorik (K iubileiu L.P. Redinoi) / Otv. red. O.V. Vorob'eva. M.: Akvilon, 2017. S. 337-354].
- Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета. 2015. № 2. С. 36-44. [Malovichko S.I. Problema klassifikatsii istochnikov v predmetnom pole istochnikovedeniia istoriografii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. 2015. № 2. S. 36-44].
- Рефераты, читанные в заседаниях Исторического общества за 1890-1914 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 201-214. [Referaty, chitannye v zasedaniiah Istoricheskogo obshchestva za 1890-1914 gg. // Istoricheskoe obozrenie. 1915. T. 20. S. 201-214].

Шехорина Анна Владимировна, специалист по учебно-методической работе, Московский государственный психолого-педагогический университет; anna_shehorina@mail.ru

Forms of presentation of historical knowledge in the works of L.P. Karsavin

The paper scientific articles and sketches by L.P. Karsavin (1882-1952) are studied. The special aspects of these historiographic sources are revealed in comparison with the species model. The classification of scientific articles and sketches in the works of L.P. Karsavin are presented. the analysis of the specific model of the scientific article and essay and their implementation in the works of L.P. Karsavin is presented.

Keywords: *historiographic source, source studies of historiography, scientific article, scientific essay, journal, collection, L.P. Karsavin*

Shekhorina Anna Vladimirovna, teaching and learning specialist, Moscow State University of Psychology & Education; anna_shehorina@mail.ru

Т. Ф. ХАЙДАРОВ

ОСМЫСЛЕНИЕ «ЧЁРНОЙ СМЕРТИ» И КРУПНЫХ ЭПИДЕМИЧЕСКИХ ВСПЫШЕК ЧУМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются взгляды современных западных исследователей на крупные эпидемические вспышки чумы, происходившие в прошлом. Особое внимание уделено практике работы с косвенными данными, взятыми из палеогенетики, а также теории вероятности, социологии и климатологии. Осмысление полученных данных позволило не только перейти к макрорегиональным исследованиям, но и значительно расширить источниковую базу темы. Полученные таким образом результаты позволили историкам (Н.В. ДеВитт, М. Грин, М.Б.С. Кэмпбелл) решить ряд наиболее спорных вопросов. Главные из них касались: региона происхождения и дат крупных чумных эпидемий; факторов, способствовавших их распространению; хронологических и географических границ изучаемого объекта; основных изменений в социально-экономических и общественно-политических отношениях изучаемых макрорегионов. Речь идет о начале процесса кардинального пересмотра устоявшихся со Средних веков представлений о крупных чумных эпидемиях прошлого.

Ключевые слова: «Черная смерть», «*secunda plague*», «кризис Средних веков», «мальтузианский тупик», климатология, макрорегиональные исследования

В середине 1990-х г. происходит пересмотр устоявшихся догм в западной историографии «Чёрной смерти» и других крупных вспышек чумы в историческом прошлом. Среди наиболее крупных работ этих лет выделяются публикации Д. Хэрлихи и М.Л. Банчи¹. Развивая идеи предшественников², оба автора стремятся усилить естественнонаучную составляющую своих исследований. При этом все оценки событий, произошедших накануне и сразу же после «Чёрной смерти», были даны не в рамках популярной в западной историографии теории «*кризиса Средних веков*», а через идею «мальтузианского тупика»³. Аналогичные оценки в целом были характерны и для работ, опубликованных в начале 2000-х гг.⁴ Среди наиболее популярных в то время точек зрения на природу «Чёрной смерти» фигурировала произошедшая в Средние века ранняя вспышка вируса Эбола, а в качестве одной из причин был обозначен полет кометы. В итоге возникла дискуссия вокруг «истинной природы» и основных причин подобных эпидемических вспы-

¹ Herlihy 1997; Vacci 1998.

² Viraben 1976.; McNeill 1976.

³ Западные историки понимали под «кризисом Средних веков» прежде всего новый циклический кризис экономики, начавшийся в конце XIII – начале XIV вв. и усугубившийся с наступлением «Чёрной смерти». Другой принятой в западной историографии концепции событий конца средневековья является мальтузианский тупик. Он понимался как возникшая к началу XIV в., нехватка ресурсов, вызванная ростом населения Европы. «Чёрная смерть» в этих условиях рассматривалась в качестве фактора, позволившего Западной Европе быстро разрешить эту проблему.

⁴ Bergolt 2000; Cantor 2001.

шек. Лишь после появления в середине 2000-х г. монографии О.Й. Бенедиктова и М.Г.Л. Бэйли вопрос о причине «Чёрной смерти» и Второй пандемии чумы был разрешён в пользу их бактериальной природы⁵.

Среди наиболее важных в развитии темы можно выделить следующий спектр проблем. Во-первых, определение времени и места возникновения опасного для человека штамма чумной бактерии. Во-вторых, уточнение факторов распространения данного простейшего микроорганизма среди человеческих сообществ. В-третьих, выяснение времени и места исхода «Чёрной смерти». В-четвертых, определение основных последствий «Чёрной смерти» и вторичных её вспышек («*secunda pestis*»). Анализ данных проблем потребовал привлечения данных палеогенетических исследований и косвенных методов сбора исторической информации. Эта тенденция проявилась в 2010-х гг.

Наиболее прогрессивным видится внедрение в палеогенетические исследования метода полимеразной цепной реакции (ПЦР). Последний был разработан еще в 1970-е г. норвежским биохимиком Х. Клеппе, но активное его внедрение в исследовательскую практику произошло только в последнее десятилетие. Данные, полученные с помощью этого метода, одной из первых представила исследовательская группа Пекинского института микробиологии и эпидемиологии Ю. Цуя⁶. Они позволили не только определить возможное время и место возникновения бактерии *Y.pestis* (Центральная Азия – Цинхай-Тибетского нагорья – 6409 г. до н.э. – 510 г. н.э.), но и сделать предположение относительно наиболее активных в историческом прошлом штаммов *O.PE1*, *O.PE2*, *O.PE4*, *1.ORI*, *1.ANT* и *2.ANT*. При этом особая роль отводилась идее о предшествовавшем появлению штамма «Чёрной смерти» *большом взрыве* единого геномного древа *Y.pestis*.

Публикация группы Ю. Цуя вызвала в научных кругах широкий резонанс и породила конкуренцию между исследовательскими группами Института истории человека (Йена, Германия) Й. Краузе и университета Копенгагена Э. Виллерслёва⁷. Придерживаясь разных теорий возникновения опасных эпидемических заболеваний (Р. Коха и Л. Пастера), представители указанных научных институций по-разному трактовали полученные результаты. При этом они были едины в оценках ведущей роли человека в распространении чумы.

Анализ достижений группы Й. Краузе показал явное влияние теории Р. Коха⁸. Поэтому основной исследовательский акцент делался на взаимодействии возбудителя эпидемии чумы *Y.pestis* с человеком. Благодаря этому были достигнуты большие успехи в сфере обнаружения на

⁵ Benedictow 2004; Bailie 2006

⁶ Cui Yu., Yu Ch. et al. 2013.

⁷ Вследствие роста в исследованиях международной кооперации имеет смысл использовать в качестве научно-исследовательских единиц исследовательские группы, названные в честь руководителей.

⁸ Spyrou, Tukhbatova 2016; 2018; Spyrou, Keller 2019.

территории Балкан, Прибалтики, поволжско-уральского, северокавказского и кавказского регионов новых чумных захоронений Бронзового и Средних веков. Это позволило не только вписать указанные регионы и местные человеческие общества в общую хронологию распространения эпидемий чумы, но и небезосновательно доказать произошедшую в эпоху бронзы *нулевую пандемию чумы*. Данные выводы в целом подтвердили высказанные ранее отечественными эпидемиологами и историками предположения о возможном существовании в историческом прошлом на территории СНГ крупных эпидемических вспышек чумы и о преобладании здесь легочной формы заболевания.

Несмотря на эти успехи, в статьях группы Й. Краузе присутствует догматизация метода ПЦР, идея распространения одного штамма «Чёрной смерти» и теория мальтузианского тупика. Это наводит на мысль, что все выводы данной исследовательской группы носят спекулятивный характер. С другой стороны, авторы старались учитывать биологическое разнообразие регионов Евразии, наличие природных очагов и множественность штаммов *Y.pestis*, а также роль торговых путей в распространения инфекции. Отчасти некоторые недостатки исследований Й. Краузе выглядят не столь критично, когда затрагивается вопрос о вспышке чумы в Бронзовом веке или же «чумы Юстиниана». Однако относительно «Чёрной смерти», «*secunda pestis*» и третьей пандемии чумы, даже при подтверждении информации о эпидемических вспышках в нарративных источниках, сомнения более обоснованы.

Неоднозначность выводов исследовательской группы Й. Краузе не могла не вызвать критических замечаний, особенно относительно реконструкции эволюции генома *Y.pestis*. Использувавшийся в этих исследованиях метод ПЦР, позволял лишь «увидеть небольшую часть общей мозаики генетической истории *Y.pestis*». К примеру, группа Виллерслёва, стали применять в своих исследованиях более совершенный и дешёвый метод секвенирования генома NGS⁹. Внедрение данного метода позволило, путем сравнения нескольких штаммов чумы из различных географических районов и человеческих захоронений, а также анализа остатков биопленки бактерии *Y.pestis*, полностью восстановить цепочку ДНК древнего штамма *Y.pestis*. Определённый вес выводам группы Э. Виллерслёва придаёт факт учета, согласно теории Л. Пастера, роли окружающей среды и хозяйственной деятельности человека, при построении модели дальнейшего распространения эпидемии в историческом прошлом. В этих условиях наиболее перспективным регионом для исследований является Прикарпатье, где в эпоху неолитической революции (VI–V тыс. до н.э.) на перекрестке торговых трактов возникли крупные поселения трипольцев. Именно в них, согласно взглядам ученых, при ухудшении климата и росте антропогенного влияния на окружающую среду, произошло становление эпидемических очагов.

⁹ Rasmussen, Allentoft 2015; Rascovan, Sjoegren 2019.

Данный процесс стал возможен только когда при взаимодействии трех плазмидов *pCD1*, *pMT1* и *pPCP1* произошло «становление» крайне вирулентных штаммов *Y.pestis* (*O.PE7* и *O.PE2*). Большой приток в трипольские поселения новых переселенцев и их дальнейшее движение привело к последующему «победному» шествию чумы в Центральную Европу, на юг скандинавского полуострова, в Прибалтику, Нижнее Поволжье и Алтай. Таким образом, выводы, представленные группой Виллерслёва, выглядят более репрезентативными, чем у Краузе, а предложенная модель зарождения и распространения эпидемий чумы в районе крупных поселений можно считать базовой для современной науки.

Рост числа публикаций на палеогенетическую тематику, а также последующее нарастание противоречий в трактовках полученных данных в конечном итоге потребовал создания единого банка данных (Enterobase)¹⁰. Это позволило прояснить ряд спорных моментов в эволюции *Y.pestis* и в определении штаммов, виновных в начале той или иной эпидемии (*O.PRE1*, *O.PRE2*, *O.PE8* – чума Бронзового века; *O.ANT4* – чума Юстиниана; *I.PRE1*, *IPRE2*, *IPRE3* – Чёрная смерть). Предложенная в 2020 г. Ч. Чжоу и Н.-Ф. Алиханом новая периодизация крупных эпидемий чумы прошлого учитывает последние достижения в области изучения палеогенетики *Y.pestis*¹¹. Полученные таким образом выводы во многом пересекаются со взглядами современных историков, указавших на крайне спорный критерий оценок определения хронологических границ крупных эпидемий в историческом прошлом¹².

В целом, палеогенетические исследования эволюции чумной бактерии поставили ряд проблем, связанных с определением векторов распространения эпидемий чумы и общего количества погибших во время этих вспышек. Отсутствие письменных источников подтолкнул к переходу на методику обработки косвенных данных. Среди активно применяемых в исследовательской практике последних лет, наибольшую популярность стал набирать байесовский подход, используемый в теории вероятностей и математической статистике. Наиболее полно данный метод был реализован в статьях исследовательской группы Центра экологического и эволюционного синтеза (Осло, Норвегия) Б.В. Шмидта и исследовательской группы Кардиффского университета И.А. Халла¹³. Суммируя данные по многочисленным эпидемическим вспышкам чумы, ученые смогли доказать: вторичная легочная форма заболевания

¹⁰ Zhou, Alikhan 2020.

¹¹ По мнению Ч. Чжоу и Н.-Ф. Алихана крупные локальные эпидемические вспышки чумы Бронзового века датируются 2887 – 1626 гг. до н.э. и 1918 – 1754 гг. до н.э. Особый интерес представляет предложенные авторами статьи хронологические границы для Первой пандемии чумы («чума Юстиниана»)– 217 – 571 г., что в целом значительно расходится с утвердившейся в научной среде точкой зрения (541 – 750 г.). Для Второй («Чёрная смерть») и Третьей пандемии чумы были традиционные оценки хронологических границ: 1348 – 1722 гг. и с 1898 г. по современность.

¹² Ditrich 2017; Roosen, Curtis 2018.

¹³ Katharine, Krauera 2019; Bekker-Nielsen, Finnie 2019.

доминировала в период «Чёрной смерти»; начало «*secunda plague*» определяется в районе 1361 г.; уровень смертности в районе 22–29%.

Ещё одним методом работы с косвенными данными стало использование, распространенной в социологии, акторно-сетевой теории. Согласно ей, человек рассматривается исключительно как один из переносчиков эпидемии чумы, а торговые пути – основные векторы распространения данного заболевания. Наиболее успешно данный подход был реализован в статье испанских исследователей Х.М. Гомес и М. Верду¹⁴. Изучив информацию о торговых и паломнических контактах во время «Чёрной смерти», они смогли определить 19 важнейших городских центров международной торговли, реконструировать всю сеть торговых дорог афро-евразийского пространства того периода и выявить взаимосвязи между уровнем включенности городов в мировую экономическую систему, скоростью распространения эпидемии, а также количеством инфицированных и погибших во время эпидемии.

Ещё одним вектором научной мысли в области работы с косвенными данными последнего десятилетия стало использование методов исторической климатологии (дендрохронологический, изотопный и споро-пыльцевой анализ). Наиболее комплексно эти методы были применены в исследовании группы Швейцарского федерального исследовательского института WSL (Бирменсдорф, Швейцария) У. Бюнтгена¹⁵. В ходе проведенных в 2013–2014 гг. в районе Каракумского хребта прокси-климатических исследований осадочных пород и дендрохронологического анализа растительности была выявлена происходившая между 1347 и 1837 гг. последовательность колебаний климата в Центральной Азии и крупных южнорусских и европейских вспышек средневековой чумы. По мнению авторов статьи, крупные эпидемические вспышки на Нижней Волге фиксировались через каждые 16–20 лет, а в Западной Европе через 30 лет после крупных природно-эпидемических изменений в Средней Азии. Так, например, крупные среднеазиатские вспышки 1330/31, 1393/94, 1741 и 1747 гг. становились предтечей последующих нижеволжских чумных эпидемий в 1346, 1408/09, 1757 и 1763 гг. Дальнейшее распространение чумы в Западной Европе во многом было связано именно с Нижней Волгой. Исходя из этой оценки, исследователи стали рассматривать процесс распространения «Чёрной смерти» не как проявление единой масштабной эпидемии, а как серию хронологически последовательных небольших локальных вспышек.

Развивая дальше свою концепцию, У. Бюнтген смог не только определить негативную роль наступившего около 1430 г. резкого похолодания (минимум Шперера). Он также смог очертить для затронувшего вторую половину XIII – XVII в. «кризиса Средних веков» 31-летние

¹⁴ Cómez, Verdú 2017.

¹⁵ Schmid, Buentgen, et al. 2015.

экономические и 50-летние демографические циклы¹⁶. Таким образом, для Бюнтгена «Чёрная смерть» и вторичные вспышки средневековой чумы «*secunda plague*» являлись важными трекерами этих циклов¹⁷.

Накопленный за счёт внедрения в научные исследования методов секвенирования генома (ПЦР и NGS) и работы с косвенными данными материал позволил исследователям сделать шаг вперед в комплексном понимании природы «Чёрной смерти» и масштабных изменений, произошедших после нее. Среди крупнейших современных западных историков, осветивших в своих исследованиях тему «Фактора второй пандемии чумы в историческом прошлом», можно выделить антрополога университета Южной Каролины Ш.Н. ДеВитт¹⁸. ДеВитт, продолжив развивать идеи «мальтузианского тупика» и Д. Хёрлихи, а также приняв к сведению данные палеогенетических исследований *Y.pestis*, смогла сформулировать оригинальные выводы при анализе антропологических коллекций приходских кладбищ в Ист-Смитфилд, Сент-Мэри-Спитал, Сент-Мэри Грейс, Гилдхолл-Ярд (Лондон), церкви Святого Альбани (Оденс, Дания) и церкви Святого Миккеля (Виборг, Дания). Это касалось как определения генетики штамма «Чёрной смерти», так и оценки последствий для социально-экономических отношений, произошедших после эпидемий чумы. Пожалуй, главными из выделяемых американским антропологом последствий можно считать голодный период 1314–1320 гг., («Великий голод» 1315–1317 гг. и «Великий мор коро» 1319–1320 гг.). Другим достижением Ш.Н. ДеВитт стало представление широкой публике своего видения хронологии Второй пандемии чумы¹⁹.

Роль климатических изменений, солнечной активности, масштабных голодных периодов была подчеркнута в монографии профессора Белфастского университета Б.М.С Кэмпбелла²⁰. В отличие от ДеВитт, Кэмпбелл исходил при определении основных этапов Второй пандемии чумы из пиков климатических изменений. Поэтому собственно протекание «Чёрной смерти» было привязано к наступлению малого ледникового периода (1282–1342), а проявления «*secunda plague*» пришло

¹⁶ Camenisch, Keller et al. 2016; Lingqvist, Tegel, Büntgen et al. 2018.

¹⁷ У. Бюнтген указал, что 31-летние экономические циклы «кризиса Средних веков» попадали на 1255–1285, 1286–1316, 1317–1347, 1348–1378, 1379–1409, 1587–1617, 1618–1648, 1649–1679 гг. В свою очередь, 50-летние демографические циклы – 1250–1299; 1300–1349; 1350–1399; 1400–1449; 1450–1499; 1500–1549; 1550–1599; 1600–1649; 1650–1699 гг.

¹⁸ DeWitte 2008; 2014a; 2014b; 2015; 2016; 2017.

¹⁹ Исходя из возможного проявления после «чумы Юстиниана» в X–XIV вв. локальных вспышек чумы и продолжение «Чёрной смерти» в виде вторичных вспышек чумы «*secunda plague*», Ш.Н. ДеВитт предположила следующую хронологию. Первый этап II пандемии чумы, был обозначен американским исследователем – ранние локальные вспышки чумы в межэпидемический период и пришлось на 1000–1200 гг. Второй этап – поздние локальные вспышки чумы в межэпидемический период – 1200–1250 гг. Третий этап – «Чёрная смерть», – 1250 по 1350 гг. Четвертый этап – «*secunda plague*» – 1361 – 1540 гг.

²⁰ Campbell 2016.

на второй пик климатических изменений (1416–1534). Положение осложнялось тем, что параллельно проходил период солнечного минимума (1270–1480). Среди наиболее важных последствий «Чёрной смерти», по мнению Кэмпбелла, являлось обострение политических и экономических кризисов. Подобная оценка событий указывает на то, что в основе теоретической базы Кэмпбелла лежат взгляды Л. Пастера, А.Л. Чижевского и сторонников теории «кризиса Средних веков». Именно поэтому «Чёрная смерть» рассматривается как фактор, который одновременно усугубил начавшийся около 1320 г. экономический кризис и одновременно ускорил процесс его преодоления.

Еще один крупный историк, затронувший в 2010-х гг. тему «Чёрной смерти» и уделивший пристальное внимание филогенетическому анализу происхождения бактерии *Y.pestis*, профессор Аризонского университета М. Грин²¹. В отличие от Кэмпбелла, американский историк рассматривает в качестве одного из важнейших факторов эпидемического подъема масштабные извержения вулканов (535, 1257, 1340 гг.). Причем это не был мгновенный эпидемический взрыв, а, скорее всего, постепенное попадание и накопление во временных эпидемических очагах в Западной Европе данного болезнетворного микроорганизма. Проведённые палеогенетические исследования последнего десятилетия, по мнению М. Грин, позволили определить временной промежуток возникновения штамма «Чёрной смерти» между 4394 г. до н.э. – 510 г. н.э., а также появление во время второй пандемии чумы по крайней мере четырех локальных штаммов чумы. Последние возникли вследствие «большого взрыва» в районе 1268 г. единого генетического древа *Y.pestis*, произошедшего в районе Цинхай-тибетского плато, Синьзянь-Уйгурского автономного округа КНР и Кыргызстана. Исходными точками для первой ветви средневековой чумы («Чёрная смерть» – *1.ANT*), как и штамма «*secunda plague*» (*1B*) с большой степенью вероятности стали расположенные в нижеволжском регионе эпидемические очаги. Вторая ветвь (*2.ANT*) зародилась в регионе Кавказ-Северный Иран и распространилась по транспортным путям Средней Азии в Тибет, Непал и большую часть Китая. Третья и четвертая ветви (*3.ANT* и *4.ANT*), имевшие более локальный характер, проявились в Ганьсу, Монголии, юг Сибири и Манчжурии. Исходя из этого высказывания, можно заключить, что М. Грин склоняется к точке зрения многовекторности эпидемического процесса в Средние века. Именно поэтому от региона к региону будут отличаться данные по общему количеству умерших.

В последние годы исходя из общности распространения определённых штаммов чумы, природно-климатических условий, социально-экономического развития и пищевого рациона населения, проявилась тенденция перехода от анализа ситуации в конкретной стране к обобщению на макрорегиональном уровне. Среди исследуемых макрореги-

²¹ Green 2018.

онов последних лет выделяются: северо-западноевропейский (Англия, Голландия, Северная Германия, Дания и Скандинавия), средиземноморский (Франция и Италия), Африка, Северная Евразия (Россия и СНГ), Османская империя и Ближний Восток. Из предложенных историками выводов по указанным макрорегионам можно выделить следующие:

1) Регионами исхода чумной эпидемии являются горные районы, расположенные на уровне 800 метров и выше над уровнем моря²²;

2) «Чёрная смерть» смогла пережить зиму 1347–1348 гг. при помощи распространенной на севере Италии популяции черных крыс²³;

3) длительность протекания одной эпидемической волны равнялась 25 годам и была связана с активной хозяйственной деятельностью одного поколения²⁴;

4) сельскохозяйственная «технологическая революция» на Ближнем Востоке началась на несколько десятилетий раньше, чем в Западной Европе²⁵.

5) «Чёрная смерть» явилась точкой бифуркации, которая ускорила переход политического и экономического лидерства от Золотой Орды к Московскому государству, и стала ключевым фактором в последующей территориальной экспансии русских в Сибирь²⁶.

Итак, к середине 2000-х гг. в западной историографии по теме «Чёрной смерти» был исчерпан лимит интерпретаций информации из введенных ранее в научный оборот нарративных источников. Активное внедрение в научный оборот данных полученных с помощью естественнонаучных направлений (палеогенетики) привело к пересмотру установившихся догм. Параллельно с этим начали привлекаться методы работы с косвенными данными (байесовский подход, акторно-сетевая теория, дендрохронологический, изотопный и споропыльцевой анализ). Результатом расширения источниковой базы явился качественный скачок в осмыслении темы, учитывавший поливариантное происхождение и распространение *Y.pestis*, роль в этом процессе человека и длительность протекания эпидемий чумы, переход от изучения отдельных стран к макрорегионам. Фактически мы наблюдаем начало процесса кардинального пересмотра устоявшихся догм и представлений о крупных чумных эпидемиях, что позволит вывести понимание эпидемических процессов в историческом прошлом на более высокий уровень.

REFERENCES

- Achman M., Morelli G. et al. Microevolution and history of the plague bacillus, *Yersinia pestis* // PNAS. 2004. Vol. 101. № 51. pp. 17837–17842.
Alfani G. Plague in Seventeenth Century Europe and the Decline of Italy: An Epidemiological Hypothesis. // *European Review of Economic History*. 2013. Vol. 17. № 3. pp. 408–430.

²² Varlik 2015: 184.

²³ Cesana, Benedictow, Bianucci 2017a.

²⁴ Alfani 2013b.

²⁵ Pamuk, Shatzmiller 2014.

²⁶ Belich 2016: 102.

- Bacci M.L. La popolazione nella storia D'Europa. Roma-Bari, 1998. 306 p.
- Bailie M.G.L. New Light on the Black Death: the Cosmic Connection. *Tempus*, 2006. 224 p.
- Bekker-Nielsen D.M, Finnie T.J.R. et al. Methods for calculating credible intervals for ratios of beta distributions with application to relative risks of death during the second plague pandemic // *PLoS ONE*. 2019. 14(2): e0211633. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211633>
- Belich J. The Black Death an the Spear of Europe / The prospects of global history. Oxford, 2016. pp. 93–107.
- Benedictow O.J. The Black Death 1346 – 1352: the complete history. Woodbrige, 2004. 433 p.
- Bergolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. München: C.H. Beck, 2000. 268 S.
- Biraben J.-N. Les homes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranées. Tome I: La peste dans l'histoire. Tome II: Les homes face à la peste. Paris-La haye, Mouton, 1976. 455 p.
- Campbell B.M.S. The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 463 p.
- Camenisch Ch., Keller K.M. et al. The 1430s: a cold period of extraordinary of extraordinary internal climate variability during the early Spörer Minimum with social and economic impacts in north-western and central Europe // *Climate of the Past*. 2016. Vol. 12. № 11. pp. 2107–2126.
- Cantor N.F. In the wake of the Plague: The Black Death and the World it Made. N.Y., 2001. 256 p.
- Cesana D., Benedictow O.J, Bianucci R. The origin and early spread of the Black Death in Italy: first evidence of plague victims from 14th-century Liguria (northern Italy) // *The Anthropological Society of Nippon*. 2017. Vol. 125. pp. 15–24.
- Cómez J.M., Verdú M. Network theory may explain the vulnerability of medieval human settlements to the Black Death pandemics // *Scientific Reports*. 2017. Vol. 7. pp. 1–7.
- Cui Yu., Yu Ch. et al. Historical variations in mutation rate in an epidemic pathogen, *Yersinia pestis* // *PNAS*. 2013. Vol. 110 (2). pp. 577 – 582.
- DeWitte Sh.N. Wood J.W. Selectivity of Black Death mortality with respect to preexisting health // *PNAS*. 2008. vol. 105 (5). pp. 1436–1441.
- DeWitte Sh.N. Mortality Risk and Survival in the Aftermath of the Medieval Black Death // *PLOS ONE*. 2014a. Vol. 9.
- DeWitte S.N. Health in post-black death London (1350– 1538): Age patterns of periosteal new bone formation in a postepidemic population // *American Journal of Physical Anthropology*. 2014b. Vol. 155. pp. 260–267.
- DeWitte S.N. Setting the stage for medieval plague: Preblack death trends in survival and mortality // *American Journal of Physical Anthropology*. 2015. Vol. 158. pp. 441–451.
- DeWitte, S.N. Archaeological evidence of epidemics can inform future epidemics // *Annual Review of Anthropology*. 2016. Vol. 45. pp. 63– 77.
- DeWitte Sh.N. Stress, sex, and plague: Patterns of developmental stress and survival in pre- and post-Black Death London // *American Journal of Human Biology*. 2017. Vol. 30. p.e23073.
- Ditrich H. The transmission of the Black Death to western Europe: a critical review of the existing evidence // *Mediterranean Historical Review*. 2017. pp. 25–39.
- Green M.H. Climate and Disease in Medial Eurasia / *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. Oxford, 2018.
- Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. Cambringe: MA, 1997. 117 p.
- Katharine R.D., Krauera F. et al. Human ectoparasites and the spread of plague in Europe during the Second Pandemic // *PNAS*. 2019. Vol. 115 (6). pp. 1304–1309.
- Lingqvist F.Ch., Tegel W., Büntgen U. et al. Liking European building activity with plague history // *Journal of Archaeological Science*. 2018. Vol. 98. pp. 81–92.
- McNeill Plagues and Peoples. New York, 1976. 368 p.
- Pamuk Ş., Shatzmiller M. Plague, Wages, and Economics Change in Islamic Middle Easte, 700 – 1500 // *The Journal of Economic History*. 2014. Vol. 74. No. 1. pp. 196–229.
- Rasmussen S., Allentoft M.E. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // *Cell*. 2015. Vol. 163. pp. 571–582.
- Rascovan N., Sjoegren K.-G. et al. Emergence and Spread of Basal Lineages of *Yersinia pestis* during the Neolithic Decline // *Cell*. 2019. Vol. 176. pp. 1–11.
- Roosen J., Curtis D.R. Dangers of Noncritical Use of Historical Plague // *Historical Review*. 2018. Vol. 24. pp. 103–110.

- Schmid B.V., Buentgen U., et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe // PNSA. 2015. Vol. 112 (10). pp. 3020–3025.
- Spyrou M.A., Tukhbatova R.I. et al. Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. 2016. Vol. 19. pp. 874–881.
- Spyrou M.A., Tukhbatova R.I. et al. Analysis of 3800-year-old *Yersinia pestis* genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague // Nature Communications. 2018. Vol. 9. № 2234.
- Spyrou M.A., Keller R. A phylogeography of the second plague pandemic 1 revealed through 2 the analysis of historical *Y. pestis* genomes // Nat. Commun. 2019. Vol. 10 (1). p. 4470.
- Varlik N. Plague and Empire in Early Modern Mediterranean World. The Ottoman Experience, 1347 – 1600. New-York, 2015a. 336 p.
- Zhou Z., Alikhan N.-F. The user's guide to comparative genomics with Enterobase. Three case studies: micro-clades within *Salmonella enterica* serovar Agama, ancient and modern populations of *Yersinia pestis*, and core genomic diversity of all *Escherichia* // Genomes Res. 2020. Vol. 30 (1). pp. 138–152.

Хайдаров Тимур Фаритович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН), ИМО, К(П)ФУ: timkh2000@yandex.ru

Understanding the "Black death" and major epidemic outbreaks of plague in modern Western historiography

The article analyzes views of Western researchers on major epidemic outbreaks of plague that occurred in the historical past. Special attention is paid to the practice of work with indirect data taken from paleogenetics, as well as probability theory, sociology and climatology. Understanding the data obtained allowed us not only to move to macro-regional studies, but also to significantly expand the source base of the topic. The results obtained in this way allowed historians (N.V. Devitt, M. Green, M.B.S. Campbell) to resolve a number of the most controversial questions. The main ones concerned: the region of origin and date of major plague epidemics; factors that contributed to the spread of these disasters; chronological and geographical boundaries; the main changes in the socio-economic and socio-political relations of the studied macro-regions. In fact, we are talking about the beginning of a process of radical revision of the dogmas and ideas that have been established since the Middle ages about major plague epidemics in the historical past.

Keywords: "Black Death", "secunda plague", "crisis of the Middle Ages", "Malthusian impasse", network theory, climatology, macroregional studies

Timuor Khaydarov, Ph.D. in History, Associate Professor, Department of historical and social science education (based on the Institute of General history, Russian Academy of Sciences), Institute of international relations, Kazan Federal University.

Н.Ю. ГРЕБЕННИКОВ

ОБРАЗ ТАТАР И САМОСОЗНАНИЕ КНИЖНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ИВАНА III

В статье представлен анализ известных сводов северо-восточной летописной традиции, которые составлялись при жизни Ивана III. Сведения, содержащиеся в них, предоставляют прекрасную возможность понять, как древнерусские книжники воспринимали «разных» татар и предположить возможные истоки соответствующего отношения. Более того, четкое разграничение на «русь»/«татары», которое проводят летописцы в текстах, позволяет определить главные «составляющие» самосознания книжников и выстроить их в некую иерархию в зависимости от значимости каждой.

Ключевые слова: северо-восточные летописные своды, образ «Другого», древнерусское самосознание, Московская Русь, Иван III, русско-татарские взаимоотношения

Московское княжество в период правления великого князя Ивана III представляло собой наиболее сильное государственное образование Северо-Восточной Руси. Кроме того, Московская Русь при его жизни вошла в ряд наиболее могущественных государств Европы¹, а также окончательно освободилась от золотоордынской зависимости. Однако к моменту восшествия князя на престол улус Джучи уже не являлся единым государственным образованием. Вместо этого Московскому княжеству приходилось взаимодействовать с «осколками» Золотой Орды, которые возникли к середине XV в. К ним следует отнести Крымское ханство, Казанское ханство и Большую Орду. Во внутренней политике князю приходилось считаться и с вассальным Касимовским ханством², расположенным в Мещере, ханы которого представляли определенную значимость для внешнеполитических действий Ивана III.

Целью настоящего исследования является анализ летописного образа представителей каждого из обозначенных выше ханств – наиболее частых участников межкультурного и межэтнического взаимодействия с Московской Русью, а также выявление специфичных черт и отличий друг от друга образа «разных» татар. Кроме того, осмысление семантики описательных конструкций, которыми сопровождаются упоминания татар, позволит установить преобладающие «составляющие» самосознания летописцев в контексте модели «русь» – «татары».

Основными источниками выступают летописи Северо-Восточной Руси, причем задействованы не только своды московской великокняжеской традиции, но и памятники «провинциального» летописания³.

¹ Внешнеполитические достижения Ивана III вызвали волну бурных обсуждений в Западной Европе. Впрочем, объектом внимания европейцев стало не только набирающее мощь государство, но и сама личность великого князя. См.: Mund 2006.

² Рахимзянов 2006 (a); 2016 (d): 180-188; Martin 1992.

³ См.: Насонов 1969: 346.

Наиболее ранней летописью, которая отразила московскую великокняжескую традицию периода княжения Ивана III, является Никаноровская летопись (далее – Никан.). Ее протографом считается московский свод 1472 г.⁴ В 1479 г. при великокняжеском дворе был составлен новый свод. В некоторых рукописях свод 1479 г. продолжен записями до начала 1490-х гг. Его текст не опубликован в «чистом» виде, а издан вместе с летописным отрывком, который продолжает текст свода за 1480-е – 1490-е гг. В историографии эта летопись получила название Московский летописный свод конца XV в. (далее – МЛС)⁵.

Сокращенный летописный свод 1490-х гг. сохранился в трех видах⁶, два из которых на данный момент опубликованы – это Погодинский (далее – Пог.) и Мазуринский (далее – Маз.) виды. Первый из них доводит повествование до 1493 г., Мазуринский – до 1495 г. В основу начальной части этих сводов положен свод, который составлялся в стенах Кирилло-Белозерского монастыря, однако текст за середину 1470-х – 1490-е гг. отражает великокняжеское московское летописание⁷.

Еще один важный для настоящего исследования свод – «Летописец от 72-х язык» (далее – свод 1497 г.)⁸. Его первая и вторая части текста располагают близкими чтениями с известиями Ермолинской летописи и сводом 1479 г., но фрагмент от 1417 г. и до 1479 г. восходит к редакции, предшествующей своду 1479 г. Как следствие, «Летописец» располагает чтениями промежуточной редакции московской летописи, которая была составлена в 1477 г. Последняя часть с 1479 г. до 1497 г., где оканчивается текст летописи, близка с Типографской летописью⁹.

Последним сводом московской традиции за конец XV в. является Вологодско-Пермская летопись (далее – ВП) в ее ранней редакции, составленной в 1499 г.¹⁰ Работа над составлением ВП производилась при дворе пермского епископа, но основу свода формирует московское летописание. Тексты ВП и Никан. идентичны в части с 1315 г. по 1471 г. в силу общего протографа летописей, которым был московский свод

⁴ Лурье 1976 (а): 127-129, 139, 146, 147; Лурье 1994 (d): 16.

⁵ Клосс 2004 (а): V-VI; Лурье 1976 (а): 155-157, 161, 160-166; Насонов 1969: 249-259; Шахматов 1938: 264, 357-360. Текст Симеоновской летописи в части от 6918 по 7002 гг. располагает близкими чтениями с известиями за эти же годы в МЛС и Мазуринском виде «Летописца от 72-х язык». См.: Лурье 1976 (а): 243-249. По этой причине можно оставить данный свод за рамками данной работы.

⁶ Определение дано Я. С. Лурье. См.: Лурье 1976 (а): 243; Лурье 1989 (с): 34.

⁷ Лурье 1976 (а): 243-250; Лурье 1989 (с): 34-36.

⁸ См.: Лурье 1976 (а): 140. Как и сокращенный свод 1490-х гг., «Летописец» известен в трех видах, но в данной работе привлекается его общедоступный второй вид. По мнению О.Л. Новиковой, свод 1488 г., т. е. первый вид «Летописца», создавался в Москве при книжной мастерской Благовещенского собора, а уже позже попал в кирилловское рукописное собрание. Однако, уже над составлением текста «Летописца» в Москве принимали участия и книжники из Кирилло-Белозерского монастыря. См.: Новикова 2010: 270-272.

⁹ Сербина 1963 (а): 3-4; Лурье 1976 (а): 139-141, 174-177, 221-223.

¹⁰ Лурье 1976 (а): 125.

1472 г. Но при составлении ВП он подвергался сличению с каким-то московским сводом, доведенным до 1528 г.¹¹

Местное же, ростовское и кирилло-белозерское независимое летописание отразилось в Типографской (далее – Тип.) и Ермолинской (далее – Ерм.) летописях. Первая сохранилась в двух редакциях¹². Одним из ее источников является погодно ведущая ростовская летопись при дворе архиепископа, работа над которой прекратилась в 1484 г.¹³ После 1484 г. текст Тип. пополнен известиями из свода 1497 года, которые были расширены на основании Троицкой общерусской летописи начала XVI в.¹⁴ Ерм., в свою очередь, нельзя назвать местной летописью в полном смысле этого слова, так как основу ее текста до 1417 г. составляет сокращенная версия московского свода 1479 г.¹⁵ Но в той части текста, где освещается вторая и третья четверти XV в., составитель Ерм. демонстрирует интерес к областям Ростово-Суздальской земли, в т.ч. и Заволжью, белозерско-верейским князьям, выходцам из Кирилло-Белозерского монастыря, и располагает «независимыми суждениями о политике великого князя»¹⁶. Все это позволило Я.С. Лурье говорить о неофициальном своде 1470-х гг., который был составлен в стенах Кирилло-Белозерского монастыря¹⁷. Он нашел отражение в Пог. и Маз., но по сравнению с текстом Ерм. читается в них в сокращенном виде¹⁸.

Для начала разберем описание, выдержанные в нейтральных тонах по отношению к татарам. Таковы все упоминания касимовских татар. Касимовское ханство занимало положение «буферного государства»¹⁹ между Москвой и Казанским ханством, а его правители находились в ближайшем окружении Ивана III, так как являлись возможными претендентами на казанский и крымский престолы²⁰. Согласно московским летописям, своим правом на занятие казанского престола воспользовался в 1467 г. правитель Мещерского юрта Касим, самостоятельно

¹¹ Шахматов 1938: 346-351.

¹² Первая редакция доводит текст до 1528 г., а вторая оканчивается известием за 1558 г. См.: Насонов 1969: 389-394, 402-409; Сербина 1991 (b): 174, 175.

¹³ Лурье 1976 (a): 210-223; Насонов 1969: 376-378, 389-394, 402-409; Шахматов 1938: 285, 286, 292, 293-297.

¹⁴ Сербина 1991 (b): 178-187.

¹⁵ Насонов 1969: 260-268; 341-345.

¹⁶ Лурье 1976 (a): 209.

¹⁷ Там же: 161, 162.

¹⁸ Лурье 1976 (a): 200-209. По мнению М.А. Шибаева, свод, отразившийся в статьях Ерм. после 6924 г., не был создан в стенах Кирилло-Белозерского монастыря, а скорее принадлежал московской традиции. Однако автор оставил в стороне исчерпывающие текстологические доказательства, которые подкрепили бы высказанное им предположение. См.: Шибаев 2010: 275-277.

¹⁹ Версия о независимости ханства от московского князя, которая преобладает в литературе, поставлена под сомнение А.В. Беляковым: Беляков 2011: 269-278.

²⁰ Рахимзянов (b): 61. История выезда Чингизидов и представителей татарской знати на Русь берет свое начало с кон. XIII в.: Стрельников 2009: 63-68. Тенденция постепенно усиливалась на протяжении XIV–XV вв. – Кузьмин 2009; Беляков 2011: 50-79.

выступив в поход на Казань: «Ходил царивечь Касимъ к Казани, а с нимъ великого князя воеводы... А посланъ бысть царевичъ от князеи казанскихъ... на царство лествю»²¹. Инициатором похода выступает сам касимовский царевич, которого пригласила оппозиционная группа казанской знати на престол²². Такой вариант текста представлен в великокняжеском летописании Никан., МЛС²³, в своде 1497 г.²⁴ и в ВП²⁵.

В Тип., Ерм., Пог. и Маз. встречаем другую версию рассказа. В Тип. летописец указывает: «...поиде великий князь Иванъ Васильевичъ въ Володимерь и отпоусти изъ Володимеря царевича Каисима с татари... на безбожных агарян»²⁶, а в Ерм. кратко сообщается: «Князь велики Иванъ Васильевичъ посылать на Казань ратью, на царя Обреима, Каисыма царевича»²⁷. Отметим, что в Тип. начало похода 1467 г. передано иначе, несмотря на то что ее текст с 1423 г. преимущественно основывается на московском материале²⁸. Следовательно, текст известия не принадлежит к великокняжескому официальному летописанию. Независимое же летописание, которое отразилось в Тип., отводило Касиму второстепенную роль при организации похода – действительно, едва ли вассальный правитель мог самовольничать без одобрения своего сюзерена – Ивана III²⁹. Московские книжники, в свою очередь, следовали в фарватере княжеской политики благосклонного отношения к служилым Чингизидам³⁰.

В Ерм. рассказ о походе Касима короче по сравнению с версией, изложенной в Тип. Возможно, в сухости изложения проявляется стиль, который характерен для книжников Кирилло-Белозерского монастыря. Противоположную картину можно наблюдать в Пог. и Маз., где начало рассказа частично совпадает с версией Ерм., и в то же время располагает уникальным упоминанием о подвиге постельничего великого князя Айдара Карповича Григорьева³¹. Книжники проводили между людьми великого князя и татарами касимовского хана границу, но она не выстраивалась по принципу «христиане» - «иноверцы»/«поганые». В тексте того же известия Тип. книжник противопоставляет «татар» Касима и «воеводъ своихъ» великого князя. Он проводит линию не столько на

²¹ ПСРЛ 1962: 124.

²² Худяков 1923: 29-34.

²³ ПСРЛ 1949: 279.

²⁴ ПСРЛ 1963:117.

²⁵ ПСРЛ 1959: 222, 223.

²⁶ ПСРЛ 1921: 186.

²⁷ ПСРЛ 1910: 158. Стилистически похожее начало известия мы встречаем в Пог. и Маз. См.: ПСРЛ 1962: 276, 350.

²⁸ Шахматов 1938: 285-290.

²⁹ В то же время следует признать, что касимовские ханы обладали определенной независимостью во внутренних делах ханства, а также являлись частыми участниками церемониальных ритуалов, осуществляемых при дворе великого князя. См.: Рахимзянов 2016 (d): 183-186; Беляков 2011: 115-128.

³⁰ Котляров 2011: 246-259; Рахимзянов 2016 (d): 35-56.

³¹ ПСРЛ 1962: 276, 350.

конфессиональном или этническом уровне, сколько обозначает кому подчиняются две группы – воеводы и татары из Касимовского ханства. Причем дальше рассказывается о занятии устья р. Свияги «нашими», т. е. воеводами князя и касимовскими татарами, которые противопоставлены «безбожным агарянам» – казанцам³². Здесь можно говорить и о религиозном подтексте, который передает местоимение «наш»: в домонгольских текстах оно нередко появлялось в контексте борьбы князей с внешними врагами, придерживавшихся нехристианского вероисповедания. Однако, данное местоимение может отражать различные аспекты групповой самоидентификации³³. В разбираемом известии религиозная сторона вопроса отходит на задний план, уступая место социальному статусу. Так, летописец к «нашим» причисляет находящихся на службе у Ивана III татар Касима, которые выступают за одно с княжеским войском против татар казанского хана. Синонимичный подтекст встречаем и в записи под 1472 г.: принимавшие участие в обороне берегов р. Оки касимовские татары в Пог. и Маз. отмечены как «татары..., которы князю великому служить»³⁴.

Отношение книжников к касимовским татарам раскрывают и походы на Новгород в 1471 и 1478 г. Во время первого конфликта с новгородцами, вызванного якобы в силу желания новгородцев перейти в «латинскую ересь», Иван III отправляется в поход из Москвы с «царевичи Даниярь и прочии вои великого князя... и воеводы с мноюю силою, вооружившя на противныя, яко же преже прадед его... на безбожнаго Мамая и на богомерское то воинство татарское, тако же и сеи... Иванъ на сих отсупникъ»³⁵. Касимовские татары были мусульманами, а религиозная элита в ханстве занимала устойчивую позицию в иерархии власти³⁶, но летописец не заостряет на этом внимания. Противопоставляются не татары русским или христианам, а московские войска с касимовскими – новгородцам, отступникам от душеспасительной веры. Татары – «наши», если они пребывают в княжеском войске³⁷.

Теперь перейдем к описательному образу крымских татар, с которыми великий князь находился в союзнических взаимоотношениях на протяжении второй половины XV века³⁸.

Многие известия носят нейтрально-официальный характер³⁹. Из них выделяется одно. В 1465 г. крымский хан Хаджи-Гирей разбил

³² ПСРЛ 1921: 186.

³³ Ведюшкина 1994: 5-8; Вилкул 2003: 316.

³⁴ ПСРЛ 1962: 279, 353.

³⁵ ПСРЛ 1949: 187; ПСРЛ 1959: 235; ПСРЛ 1962: 132; ПСРЛ 1963: 125. В Тип. это место опущено. В Ерм., Пог. и Маз. пространный рассказ носит характер краткой записи. См.: ПСРЛ 1910: 161; ПСРЛ 1962: 277, 351.

³⁶ Рахимзянов 2009 (b): С. 71-75; 2012 (с): 65. Многочисленные случаи крещения Чингизидов характерны для XVI–XVII вв. – Беляков 2011: 82-91, 105-115.

³⁷ Принадлежность к «христианству» иногда рассматривалась летописцами как подданство христианскому правителю. См.: Лаушкин 2019: 47-50, 61-64.

³⁸ Базилевич 2001: 58-60, 94-178 и т. д.; Хорошкевич 2001: 88-162.

«царя» Большой Орды Махмута, ставившего своей целью разорение Москвы⁴⁰: «Поиде безбожный царь Махмутъ на Русскую землю со всей Ордою и бысть на Доноу; Божию же милостию и пречистые Матери прииде на него царь Азигирей и би его и Орду взя, и начаша воевати промежь себе. И тако Богъ избави Рускоюю землю отъ поганых»⁴¹. В противостоянии двух «поганых» «царей» действия Хаджи-Гирея представлены книжником как чудо, Божье заступничество за Русскую землю, защитником которой внезапно выступает крымский хан⁴². Более того, Хаджи-Гирей выступает как инструмент в руках Бога⁴³, который вместе со своей ордой пришел не разорить и покорить ее за грехи, как это обычно представлялось летописцами, к примеру, в XIII в.⁴⁴, а ограждать Русь от поганых, на что указывает фраза в конце известия.

В ином свете крымские татары представлены в известии за 1483 г., которое повествует о взятии Киева Менгли-Гиреем⁴⁵. В Тип. книжнике проявляет сочувствие к бесчисленным жертвам христианского населения во время похода крымских татар: «В лѣто 6991. Взять бысть Киевъ... грехъ ради нашихъ. Зажгоша градъ с двоу странъ и люди столпилися, инии выбѣгоша... Сиа же злоба бысть месяца сентября»⁴⁶. Более детально известие представлено в ВП:

«В лѣто 6991. Грѣх ради наших не пошадя образа своего и святых таин, и попусти Богъ безбожнаго царя Минли-Герѣя, Ачи Гирѣва сына, со многими силами совокупився, и поиде на Литовскую землю къ славному граду Киеву. Во граде же тогда намѣстник и воевода Иван Хотькович. Прииде к нему вѣсть за 4 дни, что царь идет ис Перекопи на Киевъ. Он же осаду осадил, и збегошася во град многие люди; из манастиря ис Печерского изыде игумен со всѣми старцы во град и казну Пречистая, и сосуды священные во град же снеси. И прииде царь под град на Семен день лѣтопроводца, в первый час дни, изряди полки и приступи ко граду, и оступи град круг. И Божиим гнѣвом, нимало не побився, град зажже, и погорѣша людие вси и казны. И мало тѣхъ, кои из града выбегоша, и тѣх поимаша, а посад пожгоша и ближние села. По далним же вою не розпушаше и прочь поиде во свою Орду»⁴⁷.

³⁹ По большей части в известиях сообщается об обмене посольствами, текст которых выстроен максимально нейтрально.

⁴⁰ Горский 2000 (b): 154, 155.

⁴¹ ПСРЛ 1921: 186. Использование уничижительного эпитета «безбожный», видимо, говорит о том, что редакция в записи производилась в 1470-х гг., а именно – после победы русских войск под Алексином в 1472 г. См.: Горский 2000 (b): 167.

⁴² Указание на Божий промысел в борьбе с внешними врагами Руси является распространенным топомосом в летописании XIII–XV вв. См.: Лаушкин 2019: 112–127.

⁴³ ПСРЛ 1921: 186

⁴⁴ Рудаков 2003 (a): 49–61; Рудаков 2009 (b): 86–102, 105, 106.

⁴⁵ В разных источниках дата похода колеблется между 1481 и 1484 гг. Со своей стороны, отметим, что отсчет будет производиться от значимого события – женитьбы Ивана Молодого и Елены Волошанки, датированной 12 января 1483 г. Таким образом, если брать за основу сентябрьский стиль, то разорение Киева выпадает на сентябрь этого же года.

⁴⁶ ПСРЛ 1921: 202.

⁴⁷ ПСРЛ 1959: 274, 275.

Приведенные рассказы – одни из многочисленных источников, повествующих о взятии Киева в 1483 г.⁴⁸ Указание на точный день события, время и уникальные подробности рассказа о разорении Киева говорят о том, что рассказ был записан через короткое время после татарского похода⁴⁹. Я. Пеленский предположил, что известие было записано в московском монастыре, связанного с Пермским епископством, со слов духовного лица, который был выходцем из Киевской земли⁵⁰.

По-другому это же известие представлено в МЛС, где хан разорил Киев «по слову великого князя Ивана Васильевича ... за неисправление королевское, что приведе царя Ахмута Большая Орды ... на великого князя Ивана Васильевича, а хотячи разорити христианство, православную вѣру»⁵¹. По мнению Я. В. Пилипчука, московские книжники преувеличивают авторитет Ивана III, утверждая, что Менгли-Гирей разорил Киев только по воле великого князя⁵². Однако имеются сведения о переписке великого князя с крымским ханом, где отмечается подготовка к походу со стороны последнего⁵³. Менгли-Гирей руководствовался обязательствами русско-крымского союза, предпринимая поход на владения Казимира IV⁵⁴.

В рассказах Тип. и ВП книжник возвращается к концепции, в которой татары отождествлялись с гневом Божьим, обрушившимся на христиан за их грехи⁵⁵. В версии ВП даже своего рода плач по Киевской земле. И это не должно вызывать удивления – начиная с XIV в. Киев мыслился северо-восточными книжниками как наиболее значи-

⁴⁸ Они собраны и проанализированы в статье: Пилипчук 2015: 314-316.

⁴⁹ Pelenski 1979-1980 (b): 642, 643. Указание Львовской и Софийской II летописей о том, что крымский хан прислал Ивану III потир и дискос из Софии Киевской, вызывает сомнение. Во-первых, не ясно по какой причине оно не отразилось в подробном рассказе ВП, который был составлен со слов выходца из Киевской земли. Во-вторых, оппозиционный характер этих сводов заставляет задуматься в подлинности этой записи. Если принять во внимание, что без данной церковной утвари невозможно отправлять литургию, то можно говорить, что автору известия не составляло труда додумать эту деталь. В-третьих, причина похода на Киев, которая представлена в версии Софийской II и Львовской летописях, не совпадает с хронологией событий. В известии сообщается, что он был организован в следствие отказа Казимира IV пропустить послов Ивана III, направлявшихся к Стефану Великому с целью договора о свадьбе между его дочерью Еленой и сыном великого князя Иваном Молодым. Однако к моменту похода Менгли-Гирей свадьба уже состоялась (12 января 1483 г.), а молодые супруги жили в согласии около 8 месяцев. Таким образом, остается неясным, почему Иван III так долго держал в памяти этот поступок Казимира IV и использовал крымского хана для отправления своей мести уже по факту совершившегося бракосочетания. Более основательной выглядит иная причина похода – заключенный ранее союз между польским королем и ханом Ахматом.

⁵⁰ Там же: 643.

⁵¹ ПСРЛ 1949: 330; ПСРЛ 1962: 286, 357; ПСРЛ 1963: 152.

⁵² Пилипчук 2015: 316.

⁵³ Pelenski 1979-1980 (b): 638, 639.

⁵⁴ См.: Хорошкевич 2001: 113-141.

⁵⁵ Гальперин 2012: 38, 46, 51, 61; Лаушкин 2019: 75, 76, 96-112.

мый культурный и религиозный центр домонгольской Руси. Именно восприятие Киевской земли как времени культурного расцвета и торжества истинной веры стало основой для концепции континуитета, которая заключалась в «трансляции» из Киева в Москву этих ценностей⁵⁶. Следовательно, эпитет «славный», который сопровождает упоминание Киева в тексте, помещен вовсе неслучайно.

Для лиц, которые работали над составление Тип. и ВП, в 1483 г. погиб не просто город, а был осквернен крупный центр православия от рук язычников. При этом летописцы избегают прямых выпадов в адрес великого князя. Виновником трагедии выставлен перекопский «безбожный царь». Наконец, текст рассказов ВП и Тип. пронизан состраданием не только к судьбе самого города, но и к руси, хотя и проживавшей на территории Великого княжества Литовского. В этом следует видеть осознание религиозного единства между православным населением Московского княжества и Литвы на момент второй пол. XV века.

В известии же МЛС представлена официальная точка зрения. Московскому книжнику, наоборот, важно показать, кто является подлинным «заказчиком» похода⁵⁷, в то время как осквернение крупнейшего культурно-религиозного центра – Киева – отступает для него на задний план. Киев, расположенный на территории Великого княжества Литовского, заслуженно расплачивается за «грехи» своего короля, который представлен ответственным за приход Большой Орды на Русь в 1480 г. во главе с Ахматом. Политическая оценка в московской традиции, таким образом, превалирует над сознанием религиозной и этнокультурной общности руси северо-восточной и киевской.

Московско-казанские взаимоотношения освещаются летописцами более подробно и чаще по сравнению с упоминаниями о контактах с другими татарскими протогосударствами⁵⁸.

Отличительная черта образа казанцев по сравнению с крымскими или касимовскими татарами – книжные негативные описательные конструкции. Летописец Тип. называет этих татар во время похода войск Ивана III на Казань в 1467 г. «безбожными агарьянами»⁵⁹. В московских сводах отмечается начало кампании в день Воздвижения Креста Господня⁶⁰, что свидетельствует о скрытом религиозном подтексте известия: праздник Крестовоздвижения «был символом борьбы с нечести-

⁵⁶ Halperin 1980: 312-321; Pelenski 1977 (a): 37-52.

⁵⁷ Лурье 1976 (a): 244.

⁵⁸ Летописные упоминания о русско-казанских отношениях разбирались в исследовании А.В. Аксанова. См.: Аксанов 2016: 50-86.

⁵⁹ ПСРЛ 1921: 186. Сравнение казанских татар с нечестивым библейским народом сохранилось только в Тип. Здесь же отметим, что текст, возможно, был зафиксирован ростовским книжником в тот момент, когда мир между Москвой и Казанью еще не был заключен, и больше не подвергался правкам, т. е. запись произведена до сентября 1469 г., когда было заключено перемирие. См.: ПСРЛ 1921: 158.

⁶⁰ ПСРЛ 1949: 279; ПСРЛ 1959: 222; ПСРЛ 1962: 124; ПСРЛ 1963: 118.

выми иноверцами»⁶¹. Сам же Касим был приглашен «на царство лествью», что со времен походов Батые на Русь признавалось книжниками проявлением нечестивого поведения иноязычных народов⁶².

Этнические различия между русью и татарами осознавались как первичные и естественные. Это видно, например, в следующем известии: «В лѣто 6978. ... князь Юрьи Васильевич прииде подь Казань со всеми силами... Татарове же выѣхавше из града и побихешя мало, и побѣгоша в градъ, а русь погониша ихъ и стаха подь городомъ...», – пишет о сентябрьском походе 1469 г. составитель Ерм.⁶³ Здесь «русь» для летописца восточные славяне, а татары – другой «язык».

Одновременно с этническим «показателем» самосознания книжника в контексте описания московско-казанских контактов в текстах отмечается и его религиозная «составляющая», что можно наблюдать в рассказе о походе, который состоялся весной 1469 г. Завершение боевых действий на р. Волга сопровождалось отступлением русских войск на о. Звенечев, где воины остановились, чтобы отслужить обедню в местной церкви, но подверглись в это время нападению татар. Русские войска одержали победу, в которой «одолеша христиане татаромъ; они же бежаша к берегу, и иде же конная рать их бяше»⁶⁴. Татары представлены как иноверцы.

Иногда казанские татары выступают антиподом христианской руси. Так, в силу того, что замыслы по нападению на Казань весной 1469 года стали известны татарам, Иван III предоставил служилым людям, собранных в Нижнем Новгороде с целью похода, возможность выбора: по собственному желанию «воевати Казаньские мѣста» или возвратиться обратно. Воевода Константин Беззубцев, которому была передана грамота с княжескими указаниями, поделился волей Ивана III с участниками похода, на что ему отвечали: «Вси хотим итти на оканых татаръ за святые церкви и за своего осподаря... и за православное христианство»⁶⁵. Книжник видит «отражение» православия в церквях, которые являются символом и олицетворением веры. Княжеские воины, в свою очередь, стремятся к победе над носителями порочных верований и считают своим долгом защитить православие от посягательств со стороны казанских татар. Далее летописец повествует о том, как войска подошли к посадам Казани, в котором татары содержали «полон христианьской»: «псковьской, рязанской, литовской, вятской, оустюжской и пермской и иныхъ продчихъ градов»⁶⁶. Для летописца

⁶¹ Аксанов 2016: 66.

⁶² Рудаков 2003 (а): 51.

⁶³ ПСРЛ 1910: 159.

⁶⁴ ПСРЛ 1962: 128.

⁶⁵ Там же. В МЛС, ВП и своде 1497 г. перед псковским «полоном» вставлено указание на пребывание в плену выходцев из Московского княжества. См.: ПСРЛ 1949: 282; ПСРЛ 1959: 227; ПСРЛ 1963: 120.

⁶⁶ ПСРЛ 1962: 128.

все пленники, независимо от своего этнического происхождения – христиане из разных уголков Руси, захваченные неверными. Русские воины освободили узников и подожгли посады города, в которых заживо сгорели как взрослые мужчины, так и их жены с детьми. Книжник объясняет причину этой трагедии не кровожадностью и жестокостью русских христиан: «Мнози же бесермяни и татары, не хотящи ся дати в руки христианом, а болшии, желяще по мнозем богатстве своем, и запирающе над своим добром во всех храмах своих и со всем, что у них есть, и тако изгорѣша»⁶⁷. Как можно заметить, летописец иронично подмечает, что материальные богатства татары оценивают выше собственных жизней, что является проявлением алчности – одной из негативных характеристик, которыми наделялись «нечистые» народы⁶⁸.

Контакты формирующегося Русского государства с татарами Большой Орды книжники второй половины XV в. не могли обойти стороной. Их относительно немного – наиболее интересные носят характер пространственных повестей. «Цари» этой Орды в отличие от других татарских ханов именуется «безбожными»⁶⁹, «злочестивыми»⁷⁰, «злыми-именными»⁷¹, «окаянными»⁷², но все ругательные эпитеты применяются исключительно к личности хана Ахмата. Так, уже в известии о походе сыновей Ахмата, наследовавших власть в Орде после смерти отца, на крымского хана Менгли-Гирея в 1491 г. их характеристика выглядит вполне нейтральной⁷³. Вероятно, ответ кроется в замыслах Ахмата, который, по мнению книжников, в 1472 г. и 1480 г. хотел покорить всю Русскую землю и уничтожить православное христианство.

В целом «царями» летописцы называли легитимных монгольских ханов с середины XIII в.⁷⁴, предполагая, что его носитель обладает властью от самого Бога⁷⁵. По этой причине сакральность ханской власти и зависимость Руси от Монгольской империи/Золотой Орды долгое время рассматривались современниками как богоугодное решение⁷⁶. Появление же негативных коннотаций, которыми сопровождается титул Ахмата во время его походов в 1472 и 1480 г., стоит связывать с «беззаконными» действиями. Речь идет не столько о «мести» за погром вятчанами

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Рудаков 2009 (b): 115.

⁶⁹ ПСРЛ 1921: 186, 192; ПСРЛ 1949: 326; ПСРЛ 1959: 262, 263, 264, 265, 266, 273; ПСРЛ 1962: 278, 282, 352, 355, 356.

⁷⁰ ПСРЛ 1949: 297; ПСРЛ 1959: 249; ПСРЛ 1963: 133.

⁷¹ ПСРЛ 1949: 327.

⁷² ПСРЛ 1962: 283.

⁷³ ПСРЛ 1949: 332.

⁷⁴ Его применение по отношению к ханам связано с заполнением лакуны в мировосприятии восточных славян после походов Батые на Русь. К тому моменту уже произошло падение «царства» – Константинополя под ударами крестоносцев в 1204 г., оно было сменено «новым» – Монгольской империей. – Горский 1996 (a): 134, 135.

⁷⁵ Cherniavsky 1959: 465-476; Uspensky, Zhivov 2012: 10-20.

⁷⁶ Лаушкин 2019: 165-170, 175, 179 и след.

в 1471 г. столицы Орды – Сарая⁷⁷, а о новом пленении всей Русской земли и искоренении православия в принципе. В известии от 1472 г. встречаем, что «царь ординский Ахмут подвижеса на Русскую землю со многими силами». «Русская земля», видимо, осмысляется как место, населенное христианами, на что указывает следующий момент: жители Алексина, не желая быть плененными «иноплеменниками», предпочли добровольную смерть в огне⁷⁸. При форсировании же татарами р. Оки сопротивление оказывают малочисленные отряды Петра Челядина и Семена Беклемишева, и только после прибытия дополнительных сил «начаша одолѣти христианѣ татаромѣ»⁷⁹.

Отчетливее момент конфессионального противопоставления «русь» – «татары» проявляется в пространной Повести о стоянии на Угре: «Того же лѣта. Злоименный царь Ахмат Большая Орды по совѣту братья великого князя, князя Андрѣя и князя Бориса, поиде на православное христьянство, на Русь, на святые церкви и на великого князя, похваляся разорити святые церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же при Батыи бѣше»⁸⁰. Здесь понятие «русь» раскрывается в религиозных категориях. Оно насыщается исключительно духовным смыслом, представляется книжником как земля христиан, обитель православия. Образ князя же воплощает собой представление о христианском правителе, причем упоминание титула великого князя «вплетено» в систему градации: православие – святые церкви – князь. Очевидно, что вера и ее олицетворение, выражаемое в святых церквях, ставятся на первое место, в то время как реальной, земной власти, воплощаемой князем, отводится второстепенное. Нельзя не отметить, что за «пленением» веры наступает и «пленение» великого князя. Видимо, летописец намекает на то, что независимое существование христианского князя в контексте угнетения веры просто невозможно.

Неотъемлемой частью повествования о походах хана Ахмата на Русь являются эпизоды небесного покровительства Русской земле и Божьей помощи ее воинам при борьбе с иноплеменниками, а также моменты обращения самого князя к молитвам. Так, во время осады Алексина, ордынский хан долго ожидал помощи от своего союзника – короля Казимира IV, однако «Богъ и его Мати пречистая Богородица

⁷⁷ Горский 2000 (b): 157, 158.

⁷⁸ ПСРЛ 1921: 193. Ерм. вместо «иноплеменников», как окрестил татар книжник Тип., ордынцы названы «погаными»: «...и людие же градстии изволиша огнемъ згорѣти, нежели предатися в рудѣ поганыхъ». См.: ПСРЛ 1910: 161.

⁷⁹ ПСРЛ 1949: 297.

⁸⁰ Там же: 327. В Тип. представлена текстологически более ранняя версия Повести, которая частично сохранилась и в своде 1497 г., где книжники выставляют виновным великого князя литовского и короля польского Казимира IV: «царь Ахматъ идет со всею Ордою..., еще же и с королемъ во единой думѣ и с Казмиромъ, король бо и подвель его на великого князя, хотя разорити хрестьянство». См.: ПСРЛ 1921: 199; ПСРЛ 1963: 149. Текстологические разыскания по поводу времени создания рассказа. См.: Клосс, Назаров 1984; Лурье 1994 (d): 171, 174, 177, 178, 179.

разори и съвѣты и доумы ихъ, королю бо свои оусобици быша в то время, и не посла царю помочи»⁸¹. В МЛС летописец дополняет картину происходящего: после отступления татар, которые «побеже гоним гнѣвом Божиим»⁸², «всемиловитвыи челоувѣколюбець Богъ, милуя род христиански, посла и смертную язву на татар»⁸³. Летописец завершает известие, адресуя чудесное избавление Русской земли Богородице, святым русским чудотворцам и архангелам-заступникам:

«Сиче бысть милосердие господа нашего Иисуса Христа на нас грѣшных, а толика побѣда на противных сыродцевъ, молитвами и молением пресвятыя Матери его владычица... и заступлениемъ честных небесных сил бесплотных и всѣх святых и святых чудотворецъ русских... И как пришла вѣсть великому князю..., и тако благодарив господа Бога и пречистую Матерь его скорую помощницу в бедах, и заступник наших архангела Михаила и Гавриила и прочих небесных сил..., и их же молитвами избави господь род христианскы от нахожения безбожных агорень».

Результат конфликта оценивается как «избавление» от татар, что стало возможно только благодаря молитвам, воздаваемых русскими святыми и другими небесными покровителями Русской земли за ее спасение.

На основе анализа текста летописных известий можно говорить о «многоуровневом» самосознании книжников конца XV века. Их оценки исходят из религиозных принципов, этнических и территориальных разделений.

1. Религиозная «составляющая» самосознания книжников является превалирующей, что следует связывать со статусной особенностью тех лиц, которые принимали участие в составлении сводов. Как правило, ими все еще являлись представители белого и черного духовенства.

2. Этническая и политическая «составляющие» часто всего встречаются при описании контактов «руси» с касимовскими и крымскими татарами, образ которых в летописании можно назвать нейтрально-положительным.

3. Отрицательное восприятие со стороны летописцев соответствует упоминаниям казанских татар и татар Большой Орды. Оно характерно только в контексте их столкновений с «русью», в то время как известия о дипломатических сношениях между ханами и великим князем выдержаны в нейтральных тонах. Отрицательный образ не переходит границы 1480-1481 гг.

⁸¹ ПСРЛ 1921: 193.

⁸² Татары трижды бегут в описании известия за 1472 г. редакции МЛС. См.: ПСРЛ 1949: 297, 298. В Тип. прибавлено «никымъ не гонимъ», что можно интерпретировать как «описание бегства людей «нечестивых», не соблюдавших Божии заповеди». См.: Рудаков 2012 (с): 56. В своде 1497 г. страх татар обусловлен вмешательством со стороны Богородицы. См.: ПСРЛ 1963: 150.

⁸³ ПСРЛ 1949: 298.

4. Порицание книжниками этих татар включает в себя уничижительные и ругательные эпитеты, которые отсылают к противопоставлению «христиане» – «погибель христиан» / «поганые»;

5. В контексте постоянной угрозы, исходящей от действий казанцев или татар Большой Орды, борьба с ними сопровождается призывами защиты веры. По этой причине на стороне русских воинов выступают не только земные силы, но и небесные: святые, Богородица, архангелы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Международные отношения в контексте герменевтического исследования / Отв. ред. И.М. Миргалев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. [Aksanov A.V. Kazanskoe hanstvo i Moskovskaya Rus': Mezhdunarodnye otnosheniya v kontekste germenevticheskogo issledovaniya / Otv. red. I.M. Mirgalev. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2016].
- Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). 2-е изд. М.: Территория, 2001. [Bazilevich K.V. Vneshnyaya politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva (vtoraya polovina XV veka). M.: Territoriya, 2001].
- Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII вв.: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. [Belyakov A.V. Chingizidy v Rossii XV–XVII vv.: prosopograficheskoe issledovanie. Ryazan': Ryazan' Mir, 2011].
- Ведошкина И.В. «Чувство-Мы» в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей: VI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 5-8 [Vedyushkina I.V. «Chuvstvo-Myu» v Povesti vremennykh let // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Drevnyaya Rus' v sisteme etnopoliticheskikh i kul'turnykh svyazey: VI Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto / Otv. red. A.P. Novosel'cev. M.: Institut Rossijskoj istorii RAN, 1994. S. 5-8].
- Вишкул Т.Л. О проявлении местного патриотизма («наши» в летописании XI–XIII вв.) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003: Круг. С. 311-320. [Vilkul T.L. O proyavlenii mestnogo patriotizma («nashi» v letopisanii XI–XIII vv.) // Obrazy proshlogo i kolektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni / Pod. red. L.P. Repinoy. M., 2003: Krug. S. 311-320].
- Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 26. [Vologodsko-Permskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisej / Otv. red. M.N. Tihomirov. M., L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. T. 26].
- Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России / Пер. с англ. М.Е. Копылова; под ред. Ю.В. Селезнева. Воронеж., 2012. [Gal'perin CH. Tatarskoe igo. Obraz mongolov v srednevekovoj Rossii / Per. s angl. M.E. Kopylova; pod red. YU.V. Selezneva. Voronezh., 2012].
- Гимон Т.В. Как велась Новгородская погодная летопись в XII веке // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Вост. лит., 2005. С. 319-352. [Gimon T.V. Kak velas' Novgorodskaya pogodnaya letopis' v XII veke // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2003: Mnimye real'nosti v antichnykh i srednevekovykh tekstah / Otv. red. T.N. Dzhakson. M.: Vost. lit., 2005. S. 319-352].
- Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. (а) С. 205-212 [Gorskij A.A. O titule «car» v srednevekovoj Rusi (do serediny XVI v.) // Odisej. Chelovek v istorii. 1996. M., 1996. (a) S. 205-212].
- Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000 (b). [Gorskij A.A. Moskva i Orda. M.: Nauka, 2000 (b)].
- Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей / Под ред. А.А. Шахматова, П.Н. Шеффера. М.: Типография М.А. Александрова, 1910. Т. 23. [Ermolinskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisej / Pod red. A.A. SHahmatova, P.N. SHEffera. M.:

- Типografiya M.A. Aleksandrova, 1910. Т. 23].
- Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. XIV-XV вв. [M., 1984] [Kloss B.M., Nazarov V.D. Rasskazy o likvidacii ordynskogo iga na Rusi v letopisanii konca XV v. // Drevnerusskoe iskusstvo. XIV-XV vv. [M., 1984] URL: <http://annales.info/rus/small/ugra15.htm>]
- Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2004 г. // Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. 2-е изд. М.: Языки славянских культур, 2004. Т. 25. (а) IV-VI. [Kloss B.M. Predislovie k izdaniyu 2004 g. // Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka // Polnoe sobranie russkikh letopisej. 2-e izd. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004. Т. 25. (а) IV-VI].
- Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2007 г. // Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. // Полное собрание русских летописей. 2-е изд. М., 2007: Языки славянских культур, Т. 27 (b). V-IX [Kloss B. M. (c) Predislovie k izdaniyu 2007 g. // Nikanorovskaya letopis'. Sokrashchennye svody konca XV v. // Polnoe sobranie russkikh letopisej. 2-e izd. M., 2007: Yazyki slavyanskikh kul'tur, Т. 27 (b). V-IX].
- Котляров Д.А. О кормлениях служилых татарских ханов на Руси во второй половине XV – первой половине XVI века // Русские древности: к 75-летию профессора И.А. Фроянова: сборник науч. трудов / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Исторического факультета СПбГУ, 2011. Т. 6. С. 246-259. [Kotlyarov D.A. O kormleniyah sluzhilyh tatarskikh hanov na Rusi vo vtoroj polovine XV – pervoj polovine XVI veka // Russkie drevnosti: k 75-letiyu professora I.A. Froyanova: sbornik nauch. trudov / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. SPb.: Izd-vo Istoricheskogo fakul'teta SPbGU, 2011. Т. 6. S. 246-259].
- Кузьмин А.В. Крещенные татары на службе в Москве: К истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века // Древняя Русь: Вопросы медиевистики, 2002. № 3. С. 5-23. [Kuz'min A.V. Kreshchennnye tatory na sluzhbe v Moskve: K istorii Telebuginyh i Myachkovyh v XIV – pervoj polovine XV veka // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki, 2002. № 3. S. 5-23].
- Лаушкин А.В. Русь и соседи: История этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.: Университет Дмитрия Пожарского. Российский фонд содействия образования и науке, 2019. [Laushkin A.V. Rus' i sosedi: Istoriya etnokonfessional'nyh predstavlenij v drevnerusskoj knizhnosti XI–XIII vv. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo. Rossijskij fond sodejstvija obrazovaniya i nauke, 2019].
- Летописный свод 1497. Летописный свод 1518 // Полное собрание русских летописей / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 28. [Letopisnyj svod 1497. Letopisnyj svod 1518 // Polnoe sobranie russkikh letopisej / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., Л.: Изд-во Akademii nauk SSSR, 1963. Т. 28].
- Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1976 (а). [Lur'e YA.S. Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv. / Отв. ред. D.S. Lihachev. L.: Nauka, 1976 (а)].
- Лурье Я.С. Две истории Руси 15 века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 1994 (b). [Lur'e YA.S. Dve istorii Rusi 15 veka. Rannie i pozdnie, nezavisimye i oficial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva. SPb.: Izd. Dmitriya Bulanina, 1994 (b)].
- Лурье Я.С. Летописный свод Сокращенный // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI вв., Ч. 2: Л-Я (с). С. 34-36. [Lur'e YA.S. Letopisnyj svod Sokrashchennyj // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi / Отв. ред. D.S. Lihachev. L., 1989. Vyp. 2: Vtoraya polovina XIV–XVI vv., CH. 2: L-YA (с). S. 34-36].
- Лурье Я.С. Летопись Вологодско-Пермская // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI вв., Ч. 2: Л-Я (d). С. 37-39. [Lur'e YA. S. Letopis' Vologodsko-Permskaya // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi / Отв. ред. D.S. Lihachev. L., 1989. Vyp. 2: Vtoraya polovina XIV–XVI vv., CH. 2: L-YA (d). S. 37-39].
- Московский свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 25. [Moskovskij svod konca XV v. // Polnoe sobranie russkikh letopisej / Pod red. M.N. Tihomirova. M., L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949. Т. 25].
- Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. [Nasonov A.N. Istoriya russkogo

- letopisaniya XI-nachala XVIII veka. Oчерki i issledovaniya / Отв. ред. В.А. Рыбаков. М.: Nauka, 1969].
- Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. // Полное собрание русских летописей / Отв. ред. А.Н. Насонов. М., Л.: Изд. АН СССР, 1962. Т. 27. [Nikanorovskaya letopis'. Sokrashchennyye letopisnyye svody konca XV v. // Polnoe sobranie russkikh letopisej / Отв. ред. А.Н. Насонов. М., Л.: Изд. Академии наук СССР, 1962. Т. 27].
- Новикова О.Л. Лихачевский «Летописец от 72-х языку»: К истории создания и бытования // Летописи и хроники: Новые исследования. 2009-2010 / Отв. ред. О.Л. Новикова. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 237-273. [Novikova O. L. Lihachevskij «Letopisec ot 72-h yazyku»: K istorii sozdaniya i bytovaniya // Letopisi i hroniki: Novyye issledovaniya. 2009-2010 / Отв. ред. О. Л. Новикова. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 237-273].
- Пилипчук Я.В. Татарская политика Казимира IV, 1480-1492 // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2015. № 8. С. 312-327. [Pilipchuk YA.V. Tatarskaya politika Kazimira IV, 1480-1492 // Zolotoordynskaya civilizaciya. Kazan', 2015. № 8. S. 312-327].
- Рахимзянов Б.Р. Русские княжества и наследники Золотой Орды в XV в.: Начальная история Касимовского ханства // Rossica Antiqua: Исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006 (а). С. 360-387. [Rahimzyanov B.R. Russkie knyazhestva i nasledniki Zolotoj Ordy v XV v.: Nachal'naya istoriya Kasimovskogo hanstva // Rossica Antiqua: Issledovaniya i materialy / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006 (а). S. 360-387].
- Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009 (b). [Rahimzyanov B.R. Kasimovskoe hanstvo (1445–1552 gg.). Oчерki istorii. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 2009 (b)].
- Рахимзянов Б.Р. Прибытие первых джучидов в Московское Великое княжество: Начало трансформации империи // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2012. № 1 (с). С. 62-72. [Rahimzyanov B.R. (с) Pribytie pervyh dzhuchidov v Moskovskoe Velikoe knyazhestvo: Nachalo transformacii imperii // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. M., 2012. № 1 (с). S. 62-72].
- Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: Сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016: Евразия (d). [Rahimzyanov B.R. Moskva i tatarskij mir: Sotrudnichestvo i protivostoyanie v epohu peremen, XV–XVI vv. SPb., 2016: Evraziya (d)].
- Рудаков В.Н. Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. 2003. М., 2003 (а). С. 49-61. [Rudakov V.N. YAzyk Biblii v rannih rasskazah russkikh letopisej o mongolo-tatarskom nashestvii // Odissej. Chelovek v istorii. 2003. M., 2003 (a). S. 49-61].
- Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. / Отв. ред. И. Н. Данилевский. М.: Квадрига, 2009 (b). [Rudakov V. N. Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov sereдины XIII–XV vv. / Отв. ред. I. N. Danilevskij. M.: Kvadriga, 2009 (b)].
- Рудаков В.Н. Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2012. № 1 (с). С. 52-61. [Rudakov V.N. Drevnerusskie knizhniki o begstve knyazej ot tatar // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. M., 2012. № 1 (с). S. 52-61].
- Сербина К.Н. Предисловие // Летописный свод 1497. Летописный свод 1518 // Полное собрание русских летописей / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 28. (а) С. 3-8. [Serbina K. N. Predislovie // Letopisnyj svod 1497. Letopisnyj svod 1518 // Polnoe sobranie russkikh letopisej / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 28. (а). S. 3-8].
- Сербина К.Н. Типографская летопись 1528 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. 22. (б) С. 164-187. [Serbina K.N. Tipografskaya letopis' 1528 g. // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. L., 1991. T. 22. (b). S. 164-187].
- Стрельников С.В. Землевание в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М., СПб.: Альянс-Архео, 2009. [Strel'nikov S.V. Zemlevladienie v Rostovskom krae v XIV – pervoj treti XVII veka. M., SPb.: Al'yans-Arheo, 2009]
- Типографская летопись // Полное собрание русских летописей / Под ред. А.А. Шахматова. П.: 2-я Государственная типография, 1921. Т. 24. [Tipografskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisej / Pod red. A.A. SHahmatova. P.: 2-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1921. T. 24]
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. / Отв. ред. А.М. Некрасов. М., 2001: Эдиториал УРСС. [Horoshkevich A. L. Rus' i Krym:

- Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konec XV – nachalo XVI v. / Otv. red. A. M. Nekrasov. M., 2001: Editorial URSS].
- Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / Оtv. ред. А.С. Орлов, Б.Д. Греков. М., Л: Изд-во Академии наук СССР, 1938. [Shahmatov A.A. Obobzrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. / Otv. red. A.S. Orlov, B.D. Grekov. M., L: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1938].
- Шибяев М.А. К вопросу о летописных текстах в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря в XV в. // Летописи и хроники: Новые исследования. 2009–2010 / Оtv. ред. О.Л. Новикова. М., СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 273-281. [Shibaev M.A. K voprosu o letopisnykh tekstah v biblioteke Kirillo-Belozerskogo monastyrya v XV v. // Letopisi i hroniki: Novye issledovaniya. 2009–2010 / Otv. red. O.L. Novikova. M., SPb.: Al'yans-Arheo, 2010. S. 273-281].
- Cherniavsky M. Khan or basileus: An aspect of Russia medieval political theory // Journal of the History of Ideas. 1959. Vol. 20, No. 4. P. 459-476.
- Halperin C.J. Kiev and Moscow: An Aspect of Early Muscovite Thought // Russian History, Vol. 7, No. 3: Studies on Kievan History. 1980. P. 312-321.
- Martin J. Muscovite frontier policy: The case of the Khanate of Kasimov // Russian History. 1992. Vol. 19, No. 1 / 4. P. 169-179.
- Mund S. Ivan III, a man and a ruler in early Modern Western European writings (Late 15th – early 16th century) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / Оtv. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2006. С. 59-76.
- Pelenski J. The Origins of the Official Muscovite Claims to the “Kievan Inheritance” // Harvard Ukrainian Studies. 1977. Vol. 1, No. 1 (a). P. 29-52.
- Pelenski J. The Sack of Kiev of 1482 in Contemporary Muscovite Chronicle Writing // Harvard Ukrainian Studies, Vol. 3/4, Part 2. 1979-1980 (b). P. 638-649
- Uspensky B.A., Zhivov V.M. “Tsar and God” and other essays in Russian cultural semiotics. Boston. 2012.

Гребенников Никита Юрьевич, магистр ОП «Медиевистика», Факультет гуманитарных наук, НИУ «ВШЭ» (г. Москва, Россия); grebennikov97@list.ru

The Tatars' Image and Self-consciousness of the North-Eastern Rus' Bookmen During Ivan the Great's Reign

The paper focuses on scrutinizing some chronicle reports of the North-Eastern chronicles, were being composed during Ivan the Great's life. The evidences which they contain are significantly important for understanding the perception of bookmen towards the different groups of the Tatars and further reconstructing of their images as well. Moreover, the strictly distinguishing between the Tatars and Rus', which is drawn by Old-Russian chroniclers in chronicle texts, allows to reveal the primary elements of bookmen' self-consciousness and to ascertain place for each of them in the hierarchy, crucial for Rus' self-consciousness.

Key words: *Old-Russian literature, chronicles of the North-Eastern tradition, image of the «Otherness», Old-Russian self-consciousness, Muscovite Russia, Ivan III the Great, the Rus'–Tatars relationship.*

Grebennikov Nikita Yurievich, Master's degree; Master's Program “Medieval Studies”; Faculty of Humanities of Higher School of Economics (Moscow); grebennikov97@list.ru

КАРТОГРАФИРУЯ ГРАНИЦУ МЕЖДУ МОСКОВИЕЙ И РУСЬЮ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ «МОСКОВСКОГО НАРОДА» В КАРТОГРАФИИ И ТОПОНИМИКЕ XVI–XVII ВВ.¹

В статье рассмотрены репрезентации «Московии» и «Белой Руси» на картах XVI в. и развитие этих ренессансных хоронимов в картографии XVII–XVIII вв., а также изучена «московская» топонимика на землях Великого княжества Литовского и Короны Польской. Московия и населяющие ее москвиты возникли на картах в 1500–1540-е гг. на малоизвестных землях, которые не рассматривались до середины XVI в. как единое политическое целое, однако и позднее ограничивались в своем господствующем статусе благодаря ряду картографических приемов.

Ключевые слова: Московия, Белая Русь, ренессансная картография, московская топонимика.

Топонимика и гидронимика ренессансных карт и письменных источников XV–XVIII вв. показывают территорию и ареал распространения московского народа. Эти источники особенно важно рассматривать во взаимной связи, поскольку каждый народ на ренессансных картах имеет место основного обитания, но за пределами этого места топонимика должна отразить присутствие особей, ушедших из этого основного места. Следовательно, ученые карты с обозначением Московии и москвитов должны зонировать народ, а появление московской топонимики, чаще всего вне таких карт, но в современных им источниках, покажет присутствие москвитов в мире. Границы и точки выходы за них взаимосвязаны и являются одной взаимной структурой легитимации народа. С точки зрения самих жителей Московии развитие науки об их территории и границах в Европе конце XV – середине XVIII в. было почти стерильным и самодостаточным процессом. В России первой половины XVI в. знали карты “Europa Regina”, а в середине XVII в. перевели атласы А. Ортелия, Меркатора-Хондия, Я. В. Блау, знали уже во второй половине XVI в. хронику М. Бельского, в Посольском приказе читали космографию Шеделя². Выходцы из Московии содействовали европейским картографам в создании их карт и описаний. Однако все это не отозвалось ни в каком постоянном обмене знаниями и не предполагало согласия в том, как в Европе и в России видели границы, административные единицы и народы Московии.

Мы рассмотрим появление и развитие границ «московской» топонимики на европейских картах и в географическом кругозоре и деловой практике жителей Короны Польской и Великого княжества Литовского. Особое внимание будет уделено картам, на которых маркируется граница между Московией и Белой Русью, а также топонимике с названиями *Москва*, *Москвичи*, *Москали*, *Московка* и т. п. Лишь бегло нами будут затронуты карты XVII–XVIII в., главным образом как источник по истории бытования понятия *Московия*.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ (грант № 19–48–04112).

² Барандеев 1990; Бахтурина 2000; Шамин 2019; Болдырева 2020.

Картографы рубежа XV–XVI вв. редко описывали регион с политической точки зрения, а обращали внимание прежде всего на крупные общности античного типа (близкие к ареалам обитания народов). Границы также нетипичны для картографии этого периода. Обычно ими служат естественные пределы, которыми в Восточной Европе на всех картах до открытий М. Меховского, отраженных на картах Б. Ваповского, С. Мюнстера и А. Вида, были леса, реки и так называемые Рифейские горы (существование которых не было удостоверено, но они воспроизводились вслед за традицией, идущей от Птолемея). Понятие “Moscovia” (название города или региона) и образованные от него обозначения народа выступают не в роли политического маркера, а в одном ряду с такими территориальными обозначениями, как “Tartaria”, “Russia”, “Podolia” и т. д. Для определения политико-географического значения символа «Московия» и родственных ему на ренессансных картах в истории картографии принято обращать внимание на сопровождающие легенды и хорографические описания к картам. О том, что у народа московитов свой государь, столица его владений – Москва, находящаяся в устье рек Москвы и Неглинной, знали еще М. Кочио (Сабеллико), Р. Волатерран, К. Бомховер, Х. Шедель, А. Кранц и др.³

При этом Московии нет, например, на португальской морской карте 1501–1504 гг. На ее месте Amasones и Tartaria, а к западу – Russia alba⁴. Топоним «Белая Россия» к началу XVI в. иногда отождествлялся с Московией или распространялся на ее территорию, как это прямо заявлено на карте М. Беневентано в его издании «Географии» Птолемея (1507–1508 гг.): Russia alba sive Moscovia (напротив двух рек, предположительно, Припяти и Березины). Впрочем, севернее от этого обозначения за Днепром, между р. Рубон (Rubon fl., вероятно – Западной Двиной) и Рифейскими горами, в Герцинском лесу на карте еще одно подобное: Ducat[us] Moscovie⁵. Сходным образом раздвоение «Московии» отразилось на карте в издании «Географии» Птолемея, подготовленном С. Мюнстером в 1513 г.⁶

В науке предпринимались попытки установить причины отождествления Белой Руси с Московией. А. Белы считал, что определяющим моментом в этом процессе было завоевание Новгорода Москвой в 1471–1478 гг.⁷ О. Латышенок оспорил этот тезис, отметив: «Нет, однако же, никаких указаний на то, что новгородцы знали западноевропейское название «Белая Русь» как определение своего государства»⁸. Появление этого названия в московской письменности второй половины XV в. О. Латышенок связывает с выбором независимого от Константинополя митрополита Феодисия

³ Фоменко 2008: 41–56, 134–163; Doronin 2015; Кудрявцев 2020.

⁴ Кудрявцев 2020: 89–90.

⁵ Alexandrowicz 1989. Repr. 3.

⁶ Багров 2005: 77–79; Кудрявцев 2020: 96–97, 266–269. Вклейки между с. 96 и 97, с. 266–267. О.Ф. Кудрявцев считает удвоение Московии на этой карте результатом «недоразумения». Можно предположить, впрочем, что оно произошло не от тождества Белой Руси и Московии в сознании картографа, а от его неосведомленности относительно принадлежности территории к северу от Крымской орды. Этим объясняется появление союза “sive”. Сейчас это было бы «или», перед которым не следует ставить запятую.

⁷ Белы 2000: 68–69.

⁸ Łatyszonek 2006: 64.

в 1461 г. и браком Ивана III с Зоей Палеолог. Брак был инициирован с целью создания антитурецкой коалиции Рима и Москвы, под влиянием греческого унийного кардинала Виссарiona, одного из создателей Римской Академии и знатока европейской географии Ю.-П. Лето. Во время миссий Дж.-Б. делла Вольпе и послов из Москвы в Святом Престоле Иван III назывался государем «Великой Белой Руси», причем это определение звучит в записях только европейских авторов. В государстве Ивана III и Василия III такое самоназвание никогда не звучало⁹. Единственный автохтонный случай использования этого гапачка в современной кириллической книжности обнаружен во вставке Кормчей книги 1493 г. (в списке устава новгородского князя Всеволода), где понятием «Белая Русь» определен Киев и Русская земля в период княгини Ольги и князя Владимира Крестителя¹⁰.

Расположение Белой Руси на карте Беневентано к северу от Черного моря и к востоку от Подолья отражает представления, сложившиеся в окружении П. Лето и выраженные, например, Ф. Буонакорси (Каллимахом) в его «Речи о турецкой войне» (1490 г.). Польские современники Каллимаха великого князя московского и всех москвитов нередко в своей итальянской дипломатии считали «белыми русинами». В состав одного из посольств в 1507 г. входил историк и географ Б. Ваповский, который и помог Беневентано при составлении карты для издания труда Птолемея¹¹.

Более поздние примеры отождествления Белой Руси с Московией, относящиеся к концу XVI – началу XVII в., доказывают только то, что московские дискурсы испытывали к тому времени все большее влияние европейской мысли. Не говорит ни о какой Белой Руси кн. А.М. Курбский, но он не знает и Московии. Из эмигрантов Белой Русью называет свое покинутое отечество сын боярский Г. Сафонов (Сафонович), рассказывая о своей жизни в жалобе на Житомирском градском суде в 1609 г.¹²

Это положение дел изменилось уже на карте О. Магнуса 1539 г. и в переиздании «Географии» 1540 г. У Магнуса Московия (*Moscovie pars*) отделена от Белой Руси (*Russia Alba*). Граница между ними проходит по р. Нарва. Петит обоих названий одинаковый и подобен тому, которым набраны названий всех европейских регионов к югу от господствующей на карте Скандинавии (*Scandia*) от *Hollandie pars* и *Frisia* и до двух Ливоний (*Livonia Australis* и *Livonia Aquilonaris*) и Черной Руси (*Russia Regalis Nigra*). На льду Финского залива изображено столкновение между московским и шведским войсками, а справа от Чудского оз. изображен великий князь москвитов с подписью *Magnus Princeps Moscovitarum*¹³.

⁹ Łatyszonek 2006: 64–65.

¹⁰ Łatyszonek 2006: 66–67. Здесь же доказано позднее происхождение определения кн. Дмитрия Константиновича Вяземского как сына князя Константина из Белой Руси (акт обнаружен в начале XVII в. униатским митрополитом киевским И. Потеем). Названная Кормчая книга – компиляция в списке РНБ Солов. собр. № 858/968, относящемся к 1493 г. Здесь о легендарном первом митрополите киевском Михаиле говорится, что он приехал «от земля Трапизоньская к Белой Руси х граду» (Киеву). См.: Древнерусские княжеские уставы: 154.

¹¹ Łatyszonek 2006: 76–78.

¹² ЖКЛВ. Т. 2: 296–300 (27 августа 1609 г.).

¹³ Багров 2005: 113–116; Фоменко 2008: 319. Tab. 04/5; Границы Литвы: 34–35. № 7.

В издании Птолемея 1540 г. «Московия» отделена от «Белой Руси» р. Десной (Desna fl.), а между ними на слиянии Сейма и Десны расположен таинственный город Suuest, который О.Ф. Кудрявцев принимает за Новгород-Северский¹⁴. Впрочем, в действительности этот город располагается выше по течению Десны, тогда как отсутствие других обозначений на карте для Чернигова позволяет предположить, что Suuest – название Чернигов. К этому выводу подталкивает и то, что прямо над г. Suuest на карте 1540 г. расположена Roroa hoga – т. е. Попова гора, координаты которой 53°00' с.ш. 31°36' в.д. Долгота Чернигова (31°18' в.д.) гораздо лучше подходит к Поповой горе, чем долгота Новгород-Северского (33°16' в.д.).

Город Suuest приведен как крупный центр по Десне и на карте Дж. Гастальди в венецианском издании «Географии» Птолемея 1548 г.¹⁵ О.Ф. Кудрявцев вновь предполагает, что, «возможно, имелся в виду Новгород-Северский»¹⁶. В данном случае предположение исследователя представляется еще менее вероятным, поскольку на уточненных и дополненных картах Гастальди в издании «Записок» С. Герберштейна 1550 г. и в венецианском издании 1562 г. появляются все новые обозначения в провинции Severa (Sevvera)¹⁷. Среди них в издании 1550 г. – Czernigo около устья Десны. Это, безусловно, Чернигов, причем г. Suuest на этой карте исчез, а Новгород-Северский обозначен как Nouogradeck (к северо-востоку от г. Staradub, т. е. от Стародуба)¹⁸. Еще более подробная карта 1562 г. знает по Десне (Desna f.) три особых города: Чернигов (Zernio), Suuest и Новгород-Северский (Nouogord). Из них Чернигов и Новгород достаточно точно расположены по отношению к устью Сейма. Это заставляет полагать, что к 1562 г. сохранил значение особый центр, который картограф не путал ни с Новгородом, ни с Черниговом. Недалеко от слияния Десны и Сейма находится древний городок Сосница, в 1503–1618 гг. принадлежавший Москве. Пожалуй, только это поселение могло быть известно картографии в той точке, где располагался Suuest на карте 1562 г. Однако нельзя исключать, что его появление на этой карте вызвано собственно картографической и хорографической традицией описания Северы, восходящей к изданию 1540 г.

Карта Гастальди 1564 г. близка своими условными обозначениями к карте 1550 г. Здесь также вдоль Десны указаны Чернигов, Стародуб, а условно к северо-востоку от него – Новгород-Северский. Только на этой

¹⁴ Кудрявцев 2020: 272–273.

¹⁵ Багров 2005: 126–134; Фоменко 2008: 146–147, 321. Tab. 05/5.

¹⁶ Кудрявцев 2020: 312–313.

¹⁷ О.Ф. Кудрявцев указывает, что карта 1550 г. развивает и уточняет карту из издания «Записок» С. Герберштейна 1549 г., и пишет, что венецианское издание Дж. Ручелли относится к 1561 г., и приводит копию карты 1548 г. «в увеличенном формате» (Кудрявцев 2020: 305–306). Впрочем, карту 1562 г. (или 1561 г., по О.Ф. Кудрявцеву) следовало бы считать не только измененной в формате копией, но во многом уточненной картой по сравнению с картой 1548 г. Изданий Гастальди, выходящих за середину XVI в., исследователь в своей монографии не рассматривает и при анализе условных обозначений на более ранних картах не учитывает.

¹⁸ На карте «Лесной Московии» С. Герберштейна (изд. И. Опорин, гравер А. Хиршфогель) в Базельском издании 1556 г. в данном регионе указаны только Чернигов (Czernigo) и Стародуб (Starodub). См.: Фоменко 2008: 371. Tab. 13/6.

карте (экземпляр Французской Национальной библиотеки) жирно разными цветами маркированы границы, отделяющие Московию, Ливонию, ВКЛ, Куманию, Черкессию, Чагатайскую Орду и Пятигорию. Эти границы привнесены, и несложно выяснить, в какой исторический период. Такого региона, как Севера, на данной карте нет вовсе, а граница между Московией и ВКЛ на юге проведена по истокам правых притоков Днепра к югу от Десны. Сама Десна разделена границей по Стародубу, оставляя на стороне Литвы Чернигов, и уходит на север, рассекая северные притоки Днепра. Смоленск на карте оставлен за ВКЛ. Это позволяет полагать, что границы карты прочерчены после Деулинского договора 1618 г. и, наиболее вероятно, до Андрусовского договора 1667 г.

Идентичная карта с Гастальди 1564 г. издана Ф. Бертелли в Венеции в 1566 г., и на ней нет никаких цветовых маркировок. Город Suuest оказался в этом издании граничным между Московией и Белой Русью, что позволяет видеть в самой границе между этими топонимами определившийся к тому времени рубеж между владениями Московского государства и ВКЛ. Впрочем, карта 1540 г. была последним картографическим памятником, отразившим границу между «Московией» и «Белой Русью» по Десне. Позднее в XVI в. (особенно с карт Гастальди 1550 и 1564 гг.) и вплоть до перемен, вызванных Смутой и Деулинским договором между Россией и Речью Посполитой, Севера фиксируется на картах как особая «провинция», сопоставимая по своему наборному петиту с Московией. Чья именно провинция? Этот вопрос не может решаться однозначно, поскольку прямым указаний на то, что данный регион принадлежит Московии, на картах нет, а петит, которым передано название Северы у Гастальди на картах 1550, 1562 и 1564 гг., сопоставим не только с названием *Moscovia* на тех же картах, но и с обозначениями провинций *Russia*, *Moldavia*, *Podolia*, *Samogesthia*, *Cumania*, *Gazaria* и др., которые московскому монарху никак не могли принадлежать, какими бы фантастическими ни были представления картографов.

На карте Э. Дженкинсона 1562 г. между Киевом и Смоленском изображена только река Сож, название которой очень напоминает указанный выше топоним: *Sost. fl.* Справа от этой реки указан город Стародуб (*Stara dowbe*)¹⁹. На Соже находится Гомель, который у Дженкинсона никак не обозначен. Впрочем, на картах Птолемея и Гастальди г. *Suuest* указан по р. Десне. На компилятивной карте Я. и Л. Дутекумов (до 1572 г.), основанной на Дженкинсоне, Герберштейне и др., название *Swest* расположено слева – к западу – от р. Сейм сверху вниз между Стародубом (*Starodub*) и Черниговом (*Szerniho*)²⁰.

Карты позволяют понять, насколько московиты в географическом воображении ренессансных авторов были частью обитаемого мира, где было их основное «место расселения» и куда им предстояло вернуться в случае, если они временно оказывались не у себя дома (в том числе в эмиграции).

¹⁹ Фоменко 2008: 152–153. Tab. 14/3.

²⁰ Фоменко: 156–157. Tab. 17/3.

Одна из первых визуальных репрезентаций их ареала – карта “Еурога Регина” Й. Путча (1-е изд. – Париж, 1537 г.)²¹. На этой карте Европа представлена в образе королевы, голова которой, увенчанная короной, – Испания, а различные континенты, острова, народы и страны обозначены несходным петитом. В самой ранней версии данной карты (и в переизданиях, среди них – в кёльнском 1587 г.) Московии нет, справа у подола платья под Ливонией расположена Alba Russia и еще ниже за Рифейскими горами – Малая Татария и Херсонская Таврика. Лишь позднее Белая Русь исчезает и на ее месте возникают Россия (или две) и Московия. Крупнее других от пояса до подола ее платье Hungaria, Albania, Graecia, Bulgaria, Livonia и дважды приведенное под названием Ливонии – Russia (один раз с точкой). К северо-востоку от этих двух Русей (Россий) – Moscovia. Впрочем, название «Московии» расположено мельче всех названных топонимов, между горами сверху, рекой Дон (Tanais) и морем (Черным – на более поздней версии карты – «Королевы»: Pontus Eux[inus]). В одном ряду с Московией в Европе такие регионы, как Sarmatia, Lithuania, Walachia, Transsylvania, Prussia, Pomerania, Polonia, Illyricum или Bohemia²². В космографии С. Мюнстера 1545, 1588 гг. и др. карта «Королева» приведена в новой редакции, и подол Королевы занят уже иными топонимами. Двойная Russia исчезает. Наборный петит приравнивает к центральноевропейским государствам Ungaria, Dania или Polonia (заметно крупнее – Germania, Gallia или Hispania) такие регионы, как Sclavonia, Macedo[nia], Morea, Graecia, Bulgaria, Lithuania, Livonia. За угольным обозначением леса еще ниже справа между реками Днепр (Borysthen) и Дон (Tanais) находятся Moscovia и южнее от нее, ближе к Черному морю, Scythia. За Доном – Tartaria²³.

Обозначение Скифии было общепринятым в Европе на всем протяжении XVI в. и позже и отражалось на названии местных народов, прежде всего казаков, в делопроизводстве Короны Польской и ВКЛ. Московия, таким образом, окружена на карте равновеликими с ней Болгарией, Литвой, Ливонией, Скифией и Татарией.

Набирающая ход в картографии презумпция, согласно которой на месте восточнорусских земель располагается Московия, не была в XVI в. общепринятой. И это не было вопросом точности знаний о государственной территории Российского государства, а как раз наоборот – существование единого герцогства, княжества или просто Московской земли было неприемлемо с точки зрения большинства европейских картографов, которые не могли признать более низкий статус Великого Новгорода, Пскова, Рязани, Ярославля, недавно вошедших в состав России ее северо-восточных окраин, татарских орд, а тем более земель, которые в XVI-XVII вв. не признавали за Москвой в Короне Польской и ВКЛ²⁴.

²¹ Meurer 2008.

²² Кудрявцев 2020: 93–94. Вклейка между с. 84 и 85. Первый и самый ранний из названных типов карты с Белой Русью автор почему-то никак не учитывает.

²³ Фоменко 2008: 137. Tab. 06/3.

²⁴ Ср.: Кудрявцев 2020: 155.

Это касается уже «Морской карты» М. Вальдземюллера (изг. в 1516 г. на основе карты Н. де Каверио 1514 г.)²⁵. Московии как государства на этой карте нет. На ее месте – Russia. Этот топоним вписан к северу от Белого озера (Lacus Albus). И ее пределы тянутся далеко на юго-запад вплоть до Красной Руси и Подолии. Вальдземюллер, видимо, со слов сторонников Москвы, относил к владениям «великого князя и императора Руси и Московии» также эти владения, входившие тогда под власть Сигизмунда I. Впрочем, Новгород Великий изображен обособленно от Москвы как сопоставимо крупный город. Московский император, помимо своего народа (Mosciter), правит только как “Podolie ac Plescorie rex”, т. е. является «королем» в Подолии и Пскове. По всей видимости, Подолия здесь названа по ошибке вместо Новгорода, что было бы логично, учитывая взаимосвязь между Новгородом и Псковом и первое место Новгородской республики в этом двуединстве. Города Московского государства набраны выразительно более мелким петитом на этой карте, чем названия северных русских земель, Перми (Peremitschen -yland), Югры (Ugritschen -yland), независимых и полунезависимых поволжских и заволжских государств и племен.

Серия географических открытий первой половины XVI в. в регионе «Московия» была осуществлена трудами М. Меховского, Ф. Авкупарио, Б. Аньезе, Б. Ваповского, С. Герберштейна и А. Вида. Участие в этих открытиях самих московитов не вызывает сомнений. Об истоках Дона в Рязанском княжестве Меховский узнал, по его словам, от «нескольких пленников-москвитов» (1517–1518 гг.)²⁶. П. Йовий (Джовио) беседовал с посланником в Рим Д. Герасимовым, и по мотивом этих рассказов возникла карта Б. Аньезе (1525 г.)²⁷. Карта А. Вида (1537–1542 гг.) составлялась при участии московских эмигрантов И.В. Ляцкого (и, предположительно, кн. С.Ф. Бельского)²⁸. С. Герберштейн беседовал в Москве и в Европе со многими московитами – среди них с кн. Семеном Курбским и знатными заложниками «Великой» битвы (между 1517 и 1549 гг.).

Особый регион, определившийся ко времени этих преобразований в географической ментальности, получил название «Московия». Ее пределы вызвали разногласия и не были определены в привычном для политической географии режиме сплошного лимеса. На территории этой «Московии» выделялись и независимые политические образования, и различные центры, сопоставимые по масштабам с Москвой и ее подвластными окру-

²⁵ Фоменко 2008: 138–139. Tab. 07/3; Doronin 2015: 96–97; Кудрявцев 2020: 105–115. Репродукция карты на с. 106 (рис. 4).

²⁶ Кудрявцев 2020: 129–130. Ссылка на пленников могла быть и риторической фигурой. Как отметил О.Ф. Кудрявцев, первые новации по восточноевропейской гидронимике принесли лекции Ю.-П. Лето, изданные впервые в 1487 и 1490 гг. Впрочем, как затем указал сам же исследователь, Лето не делал столь смелых и решительных выводов, как Меховский, который специально проверял и опровергал предположения античной географии об истоках Днепра, Двины и Волги и Рифейских и Гиперборейских горах. Помощь пленников, по всей видимости, образованных и знатных, к 1519 г. могла исходить прежде всего от узников «Великой» битвы 1514 г.

²⁷ Кудрявцев 2020: 188–189.

²⁸ Ерусалимский 2018: 63–66.

гами. Карта А. Вида воспроизводит круг представлений знатных московских перебежчиков о регионе «Московия» и объединяет ренессансную хорографию с амбициями московских и восточных русских элит на начало правления Ивана IV. Великий Новгород обозначен на карте Вида крупнее, чем Москва, Рязанское княжество выделено как полунезависимый регион.

Неполный разрыв между Московией и Белой Русью сохраняется в «Описании Европейской Сарматии» А. Гваньини (а точнее в данном случае – М. Стрыйковского) и в «Хронике» Стрыйковского. Хронисты говорят о пахотных работах, разделяя белых русинов и москвитов (“Rutenos albos et Moschovitas”), при этом белые русины в их воображении граничат с черными со столицей во Львове и с Великим княжеством Литовским. Позднее, в польском переводе «Описания» 1611 г. Львов уже столица Червонной Руси, тогда как Белая Русь вновь сместилась в Москву и к Белоозеру. Столицей Белой Руси Гваньини и Стрыйковский называют Москву, а в «Хронике» москвиты выступают как «народ нынешней Белой Руси», русские князья нередко указаны как правители Белой и Черной Руси. По мысли этих авторов, белые русаки смешались с москвитами, а следовательно, первоначально были особым народом. Причем новгородцы, псковичи и литовские белорусы попадают в категорию белых русаков, тогда как к Московскому государству три эти территории хронисты, конечно, не относят²⁹. О. Латышенок комментирует также ряд заимствований в русской книжности Короны и Литвы XVII в. из «Хроники» Стрыйковского, в которых «московские и белорусские народы» поселены в Сарматии «недалеко от мора albo озера Невского, в которое Дон впадает», и отмечает, что и понятие «белорусские народы» получает развитие в формах “Bielorussacy” и “белорусци” в книжности именно благодаря «Хронике» и ее русским переводам (в России эта форма получила распространение благодаря вернувшемуся из плена в 1619 г. патриарху Филарету)³⁰.

Влияние Стрыйковского и Гваньини на польско-литовскую и российскую историческую мысль было в XVII – первой половине XVIII в. всеохватным, и их географические представления прямо и подспудно оговаривались учеными, определяя гипотезы о возникновении местных народов и об их исторических правах.

На европейских картах конца XVI – середины XVIII в. название «Московия» устойчиво сохраняло позиции. У Г. Меркатора на карте Литвы (1595 г.) название Magnus Ducatus Lithuaniae набрано крупнее, чем Moscoviae pars. По размеру литеры в названии Московии явно ближе к названиям регионов Короны Польской: Russia, Volhinia, Podolia³¹. На более

²⁹ Łatyszzonek 2006: 90-96.

³⁰ Łatyszzonek 2006: 131–132, 151–153. См. также здесь дискуссию с И. Марзалюком и А. Белым, которые отстаивали тезис о заложенной в этнониме «белорусец» конфессиональной принадлежности к «белорусской вере» – т. е. подразумеваемых им только православных русинов Речи Посполитой (здесь же обсуждение московских значений этого понятия): Łatyszzonek 2006: 159–162. О церковной реформе патриарха Филарета в связи с проблемой крещения и перекрещивания «белорусцев» см.: Опарина, Орленко 2005.

³¹ Границы Литвы: 38–39. № 9. Карта раскрашена с использованием цветowych маркеров по границам регионов (в особый регион выделена при этом Подолия, еще один отдельный – Волинь и Россия в Короне Польской).

поздней карте Меркатора (1628 г.) соотношение в размерах между названиями сохраняется примерно тем же, но в излучинах Десны и Сейма появляется название *Ducatus Severiensis*, чуть меньше по петиту, чем название Московии, но сопоставимое с названиями регионов *Polesia* и *Podolia* на западе³². На картах Г. Герритса (1613 и 1614 гг.) центральная часть того региона, где обычно находили Московию, разделена двумя равновеликими названиями: *Wolodimera* и *Severa*, с которыми идентичны по петиту на севере *Carelia* и *Vaga*, а на востоке – *Mordwa*³³.

На карте ВКЛ М.-К. Радзивилла (1613 г.) Московия обозначена в правом верхнем углу к востоку от Ливонии как владения великого князя московского *Magni Ducis Moscoviae confinia*. При этом в правом нижнем углу к востоку от литовских и коронных владений обозначена отдельно Северская земля (*Ducatus Severiensis pars*). Карта Радзивилла в исполнении Т. Маковского публиковалась также в 1631, 1635, 1637 гг. и позднее, ее переработка П. Шенком и Г. Валком с сохранением основной номенклатуры относится к 1750 г.³⁴

На карте В. Блау (1630 г.), многократно переизданной в XVII в., крупное название *Russia* по территории Российского государства сопоставимо по петиту с названиями *Barbaria* на Севере Африки и *Europa* в медальоне карты. Однако ближе к границам с Литвой приведена подпись *Moscovia*, более мелко, тем же петитом, которым набраны названия европейских государств от *Hispania* до *Lituania*. Название *Moscovia* является, по всей видимости, более ранним в замысле и более соответствующим масштабу территории в сравнении с европейскими странами. При этом Северское княжество, как и на картах середины XVI в., выделено в отдельный регион (*Ducatus Severie[n]sis*)³⁵. Выразительно отделены друг от друга сходным петитом *Moscovia* и *Severia* на карте «Московия или Великая Россия» Я. Сандарта (ок. 1670 г.). Название «Севера» напечатано даже крупнее, чем «Московия»³⁶.

На многочисленных европейских картах второй половины XVII–XVIII в. неизменно отводится место для “*Moscovie*” (карта Ливонии Н. С. д’Аввиля, 1665 г.)³⁷, “*Frontières des Estats du Czar de Moscovie*” или “*Frontières des Etats de Moscovie*” (карта Польского Королевства и ВКЛ Н. Сансона д’Аввиля 1679 г., карта Польши Н. Гудвиля 1714 г., карта России А. Шателена 1714 г.)³⁸, “*Russia-Moscovia*”, “*Russie-Moscovie*” (карта Польши и Литвы Х. Вейгеля, 1720 г.)³⁹, “*Imperium Moscoviticum*” (карта

³² Границы Литвы: 42. № 13. Карта раскрашена таким образом, что Северщина и Смоленск в границах Московии, а Ливония, ВКЛ (вместе с воеводствами, отошедшими в 1569 г. к Короне Польской, но без Подолии) и Крымская орда – за ее пределами.

³³ Багров 2005: 252–261, 266–269; Фоменко 2008: 168–169. Tab. 22/3.

³⁴ Alexandrowicz 1965: 38–40, 49, Рys. 2; Фоменко 2008: 169; Границы Литвы: 41. № 12; 43. № 14.

³⁵ Границы Литвы: 36–37. № 8. Раскраска карты с использованием разноцветных маркеров границ анахронична с военно-дипломатическими реалиями 1630 г.

³⁶ Фоменко 2008: 372–373. Tab. 14/6.

³⁷ Границы Литвы: 46. № 17.

³⁸ Границы Литвы. С. 44. № 15; С. 51. № 22; Фоменко 2008: 194–195. Tab. 34/3.

³⁹ Границы Литвы: 50 (№ 21), 52 (№ 23).

России И.-Б. Хоманна, 1725 г.)⁴⁰, “Moscovia” (как «европейская» часть Российской империи на картах М. Зойтера 1741 г. и К. Т. Лоттера третьей четверти XVIII в.)⁴¹, “Moscoviae Pars” (карта ВКЛ Лоттера, 1778 г.)⁴² и т.п. Пограничные Княжество Смоленское, Княжество Новгород-Северское и Княжество Черниговское выведены на картах, относящихся ко времени после Андрусовского договора, за пределы Речи Посполитой, однако обозначены нередко как особые образования под властью России (так на карте д’Аббвилье 1679 г.). И только лишь с середины XVIII в. к востоку от ВКЛ появляется “Imperii Russici pars” (карта Я. Непрецкого, уточненная Т. Майером, 1749 г.)⁴³, “Russie” (карта Польши Л. Бриона де ла Тура, 1766 г.)⁴⁴ или “Russland” (карта ВКЛ Ф. Рейли, 1792 г.; карта третьего раздела Речи Посполитой согласно Конвенции от 24 октября 1795 г.)⁴⁵.

Идея речных границ между Россией и Европой звучала в XVII–XVIII вв. и продолжала географические поиски предшествующих столетий. У И. Массы в 1633 г. и на карте Н. Висшера в начале XVIII в. граница между Москвией и Литвой проведена по реке Угре, хотя Масса прямо отмечает, что рубежом между двумя государствами эта река служила «раньше»⁴⁶. Картография первой половины XVI в. освоила иную версию, помещая точку разрыва в место слияния Сейма и Десны и ниже по Десне.

Не меньше, чем в картографии, москвиты как из метрополии, так и в широком ареале своего расселения оставляли по себе топонимические следы. Появление «московской» топонимики может свидетельствовать о том, что данная территория в момент появления этих топонимов в состав России не входила. В его составе вплоть до первой половины XVII в. названия поселений, связанные с москвичами, образовывались при помощи местной урбонимики: «да деревня Москвичи» (так в источнике 1559 г.)⁴⁷. В то же время в ВКЛ и Короне Польской названия имели местный колорит и обозначали поселения, первоначально связанные не столько с жителями Москвы, сколько с бывшими подданными московской власти. Имение Москалевка и Волчковцы в Кременецком повете свояк сразу двух москвитов В. Пудловский сначала заложил, а затем получил обратно от Ф. Сенюты-Ляховецкого за 700 коп гр.⁴⁸ В волости Лужосейской Витебского повета, на Двине («за Двиною»), в правление Сигизмунда I Старого и/или

⁴⁰ Фоменко 2008: 200–201. Tab. 36/3.

⁴¹ Фоменко 2008: 236–237. Tab. 55/3; 262–263. Tab. 70/3; 276–277. Tab. 03/4.

⁴² Границы Литвы: 64. № 34.

⁴³ Границы Литвы: 54. № 25.

⁴⁴ Границы Литвы: 55. № 26.

⁴⁵ Границы Литвы: 60 (№ 31), 76 (№ 36).

⁴⁶ Фоменко 2008: 188, 436–437. Tab. 53/6; 438–439. Tab. 54-1/6; 650–651. Tab. 28/10.

⁴⁷ Архив Строева: 433 (1559 г.).

⁴⁸ КГК-18. Арк. 52–55 зв. (датировка записи не читается из-за повреждения бумаги, перед ней сложены листы с записями от 14 и 26 апреля 1575 г., после – сохранилась датировка записи на л. 57: 23 апреля 1575 г.), 65–66 зв. (11 мая 1575 г.); КГК-21. Арк. 225–227 зв. (12 июня 1583 г.); КГК-24. Арк. 21–21 зв. (1 июня 1585 г.), 22 зв. –23 (5 июня 1585 г.); КЗК-6. Арк. 98–99 (9 октября 1578 г. Акт поврежден); КЗК-7. Арк. 53–56 (20 июня 1579 г.); КГЛ-34. Арк. 501–504 (5 июня 1585 г.).

Сигизмунда II Августа московитам принадлежала пустошь («земля пустовская») Панковщина, «в которой было чотыри печища Моськвитино Микульчино а Ходосьчино»⁴⁹. В Белозорецкой волости Кременецкого повета в собственности кн. К. В. Збаражского было с. Москалевка, которое он заложил 1000 зл. (400 коп гр.) С. Лонскому⁵⁰. Это как раз – поселение королевских московитов. С. Шарапович (Шарапов) давал показания в Кременецком градском суде в сентябре 1582 г., представившись как «земенин его милости князя воеводы троцкого з Москалевки»⁵¹. В августе 1597 г. его закладывает Я. Тишецкому войская кременецкая К. Ляховицкая⁵².

В других поветах подобные топонимы также нередки. Селище Москалева Гора описано И.Г. Аничковым в Полоцком повете в 1569–1570 гг.⁵³ Там же в Покровской волости находилась деревня Москалев⁵⁴. В Белзском повете в 1570-е годы одно из сел носило название “villa Moskow” (oppidum Varaż). Возможно, речь в данном случае идет не о «московской» топонимике, а лишь об омонимичной ей, однако уже следующая выплата за село Хатовице (“villa Hatovicze”) открывается строкой с налогом с пани с прозвищем «Московская» (“D. Moskowska”)⁵⁵. В Витебском воеводстве во времена Сигизмунда III Вазы передавалось местным боярам имение, которое еще в правление Сигизмунда II Августа было описано словами «чотыри печища Москвитино назвиском Леикульчино а Ходошино»⁵⁶. В 1629 г. в окрестностях Богуслава на правом берегу Днепра подымное было заплачено с 10 дымов в с. Москаленки⁵⁷. В Минском повете к 1640 г. С. Неборовский и его жена К. Градовская владели имением Москалевщина Иванец⁵⁸.

В конце XVII–XVIII вв. переселенцы-старообрядцы принесли на земли Речи Посполитой топонимы с элементом *Москали* (*Moskale*). Так, на территории Сейненского повета Белостоцкого воеводства фиксируются старообрядческие села Глушин-Москали (*Głuszyn-Moskale*) и Будзишко-Москали, или Буда-Руска (*Budzisko-Moskale*)⁵⁹. В Августовском повете здесь же в 1870-е гг. было с. Пявно Московское (*Piawno Moskiewskie*), позднее называвшееся Пиявне Руские (*Pi jawne Ruskie*)⁶⁰. Один из приходов

⁴⁹ ЛМ-58. Л. 103 об.–105, то же: ЛМ-61. Л. 9–10 (28 ноября 1576 г.), цит. здесь и ниже в примечании ЛМ-58, л. 104. В другом случае местность названа: «чотыри печища Моськвитиново Микульчино а Ходостино».

⁵⁰ КГК-25. Арк. 105–107 зв. (2 июля 1588 г.).

⁵¹ ЖКЛВ. Т. 2: 121–123 (8 сентября 1582 г.).

⁵² КГК-34. Арк. 18–18 зв. (20 августа 1597 г.). В 1603–1604 гг. за село вели борьбу Сенюты Ляховицкие. См.: КЗК-13. Арк. 621–626, 632–635 (Два акта от 12 июля 1603 г.); КЗК-14. Арк. 410–414 (20 февраля 1604 г.).

⁵³ ЛМ-573. Л. 210.

⁵⁴ ЛМ-573. Л. 243.

⁵⁵ АСК-І. № 36. К. 311-311v (Реестр налогов с Белзского воеводства, 1573 г.), 607 (Реестр налогов 1578 г.), 675 (Реестр 1579 г.), 749 (Реестр 1580 г.).

⁵⁶ ЛМ-73. Л. 484 об. – 485 об., здесь л. 485, то же: ЛМ-74. Л. 366–367, здесь л. 366 об. (5.11.1588 г.).

⁵⁷ Баранович 1950: 208.

⁵⁸ КГМн-3. Арк. 153–154 адв. (7 августа 1640 г.).

⁵⁹ Iwaniec 1977: 79.

⁶⁰ Iwaniec 1977: 99.

церкви в с. Лучае (Łuczaie) Ошмянского повета носил в 1682 г. название *Moskalik*⁶¹. Неясно, к какому времени относятся дополнения *Москали*, *Москалик* и *Московские* в местных названиях, однако они не противоречат местной традиции маркировать гнездовые поселения москвитов, уходящей корнями еще в XVI в.

Среди гидронимов украинских земель Речи Посполитой встречаются Московки. Это, согласно дневнику Э. Лассоты, 2 левых притока Днепра («они втекают в Днепр с татарской стороны») ⁶². В инвентаре Кричевского староства 1747 г. в описании села Макеевичи говорится о границе ВКЛ по р. Москвака. Этот гидроним сохранился – это приток р. Ипуль ⁶³.

Как можно видеть, картографический образ Московия в Европе конца XV–XVIII в. не вытеснил какой-то определенный народ или территорию, он, согласно представлениям картографов и издателей первой половины XVI в., появился в районе Рифейских гор в Герцинском лесу, несмотря на то что этнические истоки этого народа вызывали множественные вопросы и дискуссии. Исчезновение с карт этого леса и гор после трудов М. Меховского, Б. Ваповского, С. Герберштейна, А. Вида и др. не повлекло за собой пересмотра ареалов расселения москвитов. Им уже было отведено место, которое они заняли к северо-востоку от Руси, к востоку от ВКЛ, на юго-восток от Ливонии и на юг от Скандинавии, на запад и на север от татарских улусов. В изданиях «Географии» Птолемея начала XVI в., на морской карте М. Вальдземюллера, на ряде карт 1530–1540-х гг. наборным петитом Московия не выделяется из ряда восточных русских земель и европейских провинций второго ряда, а политический статус самого понятия «Московия» может вызывать вопросы, учитывава петит и территориальный охват, которым обозначались владения окружавших Москву улусов, земель и княжеств. Немалая трудность возникла у картографов при отделении Московии от Руси. Как было известно европейским политикам и интеллектуалам еще к началу XVI в., московский великий князь претендует быть главой всех русских и москвитов. Восходящий к итальянской мысли второй половины XV в. хороним «Белая Русь» в версиях карты “Eugora Regina”, в изданиях Птолемея с 1540 г., на картах Дж. Гастальди в 1540–1560-е гг. и Э. Дженкинсона и его последователей претерпел переосмысление как территория, отчасти принадлежащая Московии. Возникшие на его месте картографические обозначения Северной земли подчеркивали ее полунезависимый статус на картах второй половины XVI–XVIII в., а само образование Северной земли или Северского княжества на месте, которое было занято пограничными землями «Московии или Белой Руси» позволяет предположить, что картографы стремились сохранить на всем протяжении борьбы между Россией и ВКЛ (а позднее – Речью Посполитой) открытым вопрос о русско-московских противоречиях. «Московская» топонимика на землях Великого княжества Литовского и Короны Польской подтверждает присутствие в XVI–XVIII вв. москвитов как представителей особого народа, который признан, картографирован и может выходить

⁶¹ Візити уніяцкіх цэркваў: 24–25, 57–58.

⁶² Habsburgs and Zaporozhian Cossacks: 97 (запись от 4 июля 1594 г.).

⁶³ Мядельскі 2010: 204.

за пределы своего ареала, оставляя по себе следы своего существования на чужих для него европейских землях.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив П.М. Строева / под ред. С.Ф. Платонова, М.Г. Курдюмова. Пг., 1915. Т. 1. [Arkhip P.M. Strojeva / pod red. S.F. Platonova, M.G. Kurdiunova. Pg., 1915. T. 1.]
- Баргов Л. История русской картографии / пер. с англ. Е.В. Ламановой. М., 2005. [Bargrov L. Istoriia russkoi kartografii / per. s angl. Je.V. Lamanovoi. M., 2005.]
- Барандеев А.В. Русские космографии XVI–XVII вв.: история и перспективы изучения // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 3. С. 111–121. [Barandejev A.V. Russkije kosmografii XVI-XVII vv.: istoriia i perspektivy izucheniia // Izvestiia AN SSSR. Ser. geogr. 1990. № 3. S. 111–121.]
- Баранович А.И. Население предстепной Украины в XVI в. // Исторические записки. М., 1950. Т. 32. С. 198–232. [Baranovich A.I. Naselenije predstepnoi Ukrainy v XVI v. // Istoricheskie zapiski. M., 1950. T. 32. S. 198–232.]
- Бахтурина Р.В. Космография русской редакции XVI в. (источники и состав) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 366–383. [Bakhturina R.V. Kosmografiia russkoi redaktsii XVI v. (istochniki i sostav) // Germenevtika drevnerusskoi literatury. M., 2000. Sb. 10. S. 366–383.]
- Белы А. Хроніка Беларусі. Chronicon Russiae Albae. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000. [Bely A. Khronika Belaï Rusi. Chronicon Russiae Albae. Narys historyi adnoi heahrafichnai nazvy. Minsk, 2000.]
- Болдырева Н.А. Историко-топографический трактат Уильяма Кемдена «Британия» в русских переводах XVII в. Дисс. канд. ист. наук. М., 2020. [Boldyreva N.A. Istoriko-topograficheskii traktat Uil'ïama Kemdena «Britaniia» v russkikh perevodakh XVII v. Diss. kand. ist. nauk. M., 2020.]
- Візіты уніятскіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: Зборнік дакументаў / апрацаваў і выдаў Д.В. Лісейчыкаў. Мінск, 2009. [Vizity uniatstskikh tserkvaŭ Minskaha i Navahrudskaha saboraŭ 1680–1682 hh.: Zbornik dokumentaŭ / apratsavaŭ i vydaŭ D.V. Liseičykaŭ. Minsk, 2009.]
- Границы Литвы. Тысячелетняя история / текст З. Куметайтис, Ч. Лауринавичюс, З. Медисхаускене, Р. Шмигельските-Стукене; пер. с лит. Б. Синочкиной. Vilnius, 2010. [Granitsy Litvy. Tysiacheletniaia istoriia / tekst Z. Kumetaitis, Ch. Laurinavichius, Z. Medishauskene, R. Shmigel'skite-Stukene; per. s lit. B. Sinochkinoi. Vilnius, 2010.]
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я.Н. Шапов; отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. [Drevnerusskije kniazheskije ustavy XI–XV vv. / izd. podg. Ia.N. Shchapov; otv. red. L.V. Cherepnin. M., 1976.]
- Ерусалимский К.Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. [Jerusalimskii K.Iu. Na sluzhbe korolia i Rechi Pospolitoi. M.; SPb., 2018.]
- ЖКЛВ – Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни / подг. Н.Д. Иванисhev. Киев, 1849. Т. 1–2. [Zhizn' Kniazia Andreia Mikhailovicha Kurbskogo v Litve i na Volyni / podg. N.D. Ivanishev. Kijev, 1849. T. 1–2.]
- КГК – Книга гродская кременецкая (- и номер единицы хранения): Центральный державный историчный архив України у м. Києві. Ф. 21 (Кременецкий гродский суд). Оп. 1. [Kniga grodskaia kremenetskaia: Tsentral'nyi derzhavnyi istorychnyi arkhiv Ukraïny u m. Kyievi. F. 21 (Kremenets'kyi grods'kyi sud). Op. 1.]
- КГЛ – Книга гродская лутцкая (- и номер ед. хр.): ЦДІАУК. Ф. 25 (Луцкий гродский суд). Оп. 1. [KHL – Kniga grodskaia lutskaia: TsDIAUK. F. 25 (Luts'kyi grods'kyi sud). Op. 1.]
- КГМн – Книга гродская минская (- и номер ед. хр.): Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1727 (Минский гродский суд). Оп. 1. [Kniga grodskaia minkaia: Natsyianal'ny historychny arkhiv Belarusi. F. 1727 (Minskii hrods'kii sud). Op. 1.]
- КЗК – Книга земская кременецкая (- и номер ед. хр.): ЦДІАУ-К. Ф. 22 (Кременецкий земский суд). Оп. 1. [Kniga zemskaia kremenetskaia: TsDIAU-K. F. 22 (Kremenets'kii zems'kii sud). Op. 1.]
- Кудрявцев О.Ф. Русские земли в западноевропейской космографии первой половины XVI века. М., 2020. [Kudriavtsev O.F. Russkije zemli v zapadnoevropeiskoi kosmografii pervoi poloviny XVI veka. M., 2020.]
- ЛМ – Литовская Метрика (- и номер ед. хр.): Российский государственный архив древних

- актов. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. [Litovskaia Metrika: Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. F. 389 (Litovskaia Metrika). Op. 1.]
- Мицельскі А.А. Мсціслаўскае княства і вывадства ў XII–XVIII стст. Мінск, 2010. [Miatsel'ski A.A. Mstislaŭskaje kniastva i vyviodstva ŭ XII–XVIII stst. Minsk, 2010.]
- Опарина Т.А., Орленко С.П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещенных иноземцев» // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39. [Oparina T.A., Orlenko S.P. Ukazy 1627 i 1652 godov protiv «nekreshchennykh inozemtsev» // Otechestvennaia istoriia. 2005. № 1. S. 22–39.]
- Фоменко И.К. Скифия – Тартария – Московия – Россия – взгляд из Европы. Россия на старинных картах. М., 2008. [Fomenko I.K. Skifiia – Tartariia – Moskoviia – Rossiia – vzgliad iz Evropy. Rossiia na starinnykh kartakh. M., 2008.]
- Шамин С.М. “Europa regina” и “Европейской страны короли”: карта времен императора Максимилиана I в Московском государстве рубежа XV–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (70). С. 145–148. [Shamin S.M. “Europa regina” i “Jevropeiskoi strany koroli”: karta vremen imperatora Maksimiliana I v Moskovskom gosudarstve rubezha XV–XVI v. // Drevniaia Rus'. Voprosy medijevistiki. 2019. № 1 (70). S. 145–148.]
- Alexandrowicz S. Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego Tomasza Makowskiego z 1613 r. tzw. “radziwiłowska”, jako źródło do dziejów Litwy i Białorusi // Studia źródłoznawcze. 1965. T. 10. S. 33–67.
- Alexandrowicz S. Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku. Mapy i plany. Poznań, 1989.
- ASK – Архив Королевский Казны Варшавского Главного архива древних актов (- номер описи внутри фонда): Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. I.
- Doronin A.V. Das Bild der Russen bzw. Moscoviter auf der historischen und kognitiven Landkarte der deutschen Humanisten 1490-1530 // Orbis terrarum: Internationale Zeitschrift für Historische Geographie der Alten Welt. 2015. № 13. S. 83-101.
- Habsburgs and Zaporozhian Cossacks. The Diary of Erich Lassota von Steblau 1594 / ed. and with an Introduction by L.R. Wynar; transl. by O. Subtelny. Littleton, Colo., 1975.
- Iwaniec E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII-XX w. Warszawa, 1977.
- Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006.
- Meurer P.H. Europa Regina. 16th Century Maps of Europe in Form of a Queen // Belgeo. Revue belge de géographie. 2008. № 3–4. P. 1–16.

Ерусалимский Константин Юрьевич, д.и.н., доц., главный научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет kerusalismki@mail.ru

Mapping the Borders of Muscovy and Rus': Representations of the Western Borders of the “Muscovite People” in the Central- and East-European Cartography and Toponymy of the 16 - 18th Centuries

The article deals with the representations of „Muscovy“ and „Alba Russia“ on the 16th century maps and developments of these Renaissance choronyms in the 17 - 18th centuries, and „Muscovite“ toponymy on the lands of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish Crown. The Muscovy and populating her Muscovites emerged on the maps ca. 1500-1540s as cartographic symbols on the understudied lands, which were not considered as political unit until the mid-16th century, and later were also limited in their domineering status in these lands by special cartographic means.

Keywords: *Muscovy, Alba Russia, Renaissance cartography, Muscovite toponymy.*

Konstantin Erusalimskiy, Dr.Sc. (History), doc., head researcher, Russian State University for the Humanities, kerusalimski@mail.ru.

Е.Ю. ВАНИНА

МУСУЛЬМАНЕ ДОКОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Статья рассматривает исторические нарративы Делийского султаната и Могольской империи в контексте самоидентификации мусульман. Если ранние хроники утверждали единственную идентичность мусульман – конфессиональную, требовавшую борьбы с «неверными», то в процессе территориально-культурной адаптации часть их стала позиционировать себя как жителей Индии, имеющих общую родину, культуру и историческое прошлое с местными индусами. В эпоху Моголов мусульманские и индусские авторы сконструировали общеимперский исторический дискурс, подчеркивающий лояльность власти как надконфессиональную ценность. Вместе с тем, тенденция чисто конфессиональной, неиндийской самоидентификации сохранилась и в колониальные времена стала основой мусульманского национализма.

Ключевые слова: исторический нарратив, идентичность, мусульмане, индусы, Индия, Делийский султанат, империя Великих Моголов, мусульманский национализм

Изучая те или иные аспекты исторической культуры, отечественные и зарубежные исследователи неоднократно подчеркивали нераздельность исторического сознания и идентичности¹. По сути, никакая идентичность – семейная, клановая, общинная, территориальная, корпоративная, национальная, конфессиональная, этнокультурная – невозможна без нарративов о «коллективном прошлом», которое становится основой для «коллективного настоящего» и «коллективного будущего». Согласно П. Сейкрасу, «общее прошлое, сохраняемое посредством институтов, традиций и символов, является критически важным инструментом – и, возможно, главным, – в создании коллективных идентичностей в настоящем. Вера в общее прошлое открывает возможности для коллективных действий в будущем»². Известный тезис Э. Хобсбаума «прошлое и **есть** то, что создает нацию»³ можно без особого риска распространить и на иные виды сообществ. Исторические нарративы реконструируют, интерпретируют и транслируют последующим поколениям прошлое, из которого общество, а вернее – его отдельные группы, прежде всего элита, «выбирают» то, что соответствует потребностям и ценностям настоящего, а также проектам будущего, «забывая» все, что указанным задачам и воззрениям противоречит.

Изучая исторические нарративы, исследователь обращается к источникам, повествующим, в частности, о формировании тех или иных идентичностей, о том, как создается «эмоциональная и другая приверженность человека определенной этнической общности (культурной нации или этнонации) или стране (политической, гражданской нации)»⁴

¹ См., например, Репина 2011: 451–520; Rüsen 2004: 71–79; 2005: 11.

² Seixas 2004: 5–6.

³ Хобсбаум 1996: 255; выделено в оригинале.

⁴ Тишков 2003: 498–499.

– к упомянутым В.А. Тишковым идентичностям можно добавить и другие, в том числе конфессиональную, региональную и т.д.

Приверженцы ислама являются вторым по численности религиозным сообществом в Индии; они же составляют абсолютное большинство в Пакистане и Бангладеш, до 1947 г. входивших в Индию⁵, а также на Мальдивах. Согласно переписи 2011 г., мусульмане в Индии составляли около 14% населения;⁶ в неразделенной Индии их насчитывалось 20–25%. Мусульманское сообщество в Индии и других странах Южной Азии состоит из двух неравных частей: точное цифровое соотношение между ними высчитать невозможно. Меньшая часть – потомки мигрантов эпохи средневековья и начала нового времени. Доколониальная Индия пережила три волны «мусульманских»⁷ завоеваний. В VII в. Арабский халифат захватил Синд и часть прилегающих территорий (современный Пакистан). В конце XII – начале XIII в. набеги разноплеменных орд с территории современного Афганистана (империи Газневидов и Гуридов) установили в Северной Индии государство под названием Делийский султанат, постепенно распространившее свою власть почти на всю территорию Индии, за исключением крайнего юга. В конце XIV в. султанат распался на множество индусских и мусульманских государств, которые в XVI в. были объединены правителем Ферганы Бабуром (чингизидом по матери, тимуридом по отцу) и основанной им династией в мощную империю Великих Моголов, просуществовавшую реально до середины XVIII в., а формально – до 1857 г. Прямые потомки завоевателей, а также выходцы из многих народов Среднего и Ближнего Востока, переселившиеся в Индию в поисках безопасности⁸, богатств и карьеры, составили основу мусульманской элиты субконтинента (их потомки до сих пор именуют себя *аираф* – «благородные»)⁹. Вторую часть южноазиатских мусульман – большинство – образуют, однако, потомки местных жителей, обращенных в ислам, причем не столько мечом завоевателей, сколько энергичной, последовательной и креативной деятельностью мусульманских проповедников, прежде всего – из числа суфиев. Принадлежа, в основном, к низким кастам и племенам, новообращенные составили «низы» мусульманских общин (*аджлаф* – «низкородные»). Приняв новую веру, они сохранили языковые и культурные связи с индусским населением своих регионов.

Предмет моего исследования – исторические нарративы, реконструировавшие изменения самоидентификации тех, кого теперь назы-

⁵ В 1971 г. Восточный Пакистан объявил о независимости и создании Республики Бангладеш.

⁶ <https://www.censusindia.gov.in/2011census/C-01.html>.

⁷ Этническая принадлежность завоевателей была пестрой: тюркоязычные и фарсиязычные выходцы из Центральной Азии, пуштуны, иранцы, арабы.

⁸ Монгольское завоевание Средней Азии, Ирана и части арабских территорий вызвало массовую миграцию в Индию, главным образом богатых и образованных людей.

⁹ См. подробнее: Ванина 2015.

вают индийскими мусульманами. Теоретически, главная для мусульманина – принадлежность к единой, трансграничной и внегосударственной общине единоверцев – *умме*, по отношению к ней все прочие идентичности считались вторичными¹⁰. Средневековый мусульманин должен быть верным подданным государя, если последний исповедовал ту же религию. Мировое пространство делилось на *дар ул-ислам* («места/страны ислама») и *дар ул-харб* («враждебные места/страны») мусульманам надлежало либо мигрировать из «враждебной страны», либо осуществить против нее *джихад* и обратить ее в «страну ислама»¹¹. Такое восприятие не могли не отразить исторические нарративы.

«Мусульманские эпос завоевания»

Первые историки Делийского султаната сами были участниками военных походов на Индию, и их сочинения по праву оценены исследователями как «мусульманский эпос завоевания»¹². Они писали историю (в основном, на фарси) триумфа ислама и «уничуждения неверных», как того требовали, даже для создания «всемирных» историй, каноны уже вполне сложившейся к тому времени мусульманской историографии. Вполне естественно, что эти сочинения были, прежде всего, нарративом о завоевании Индии «друзьями Аллаха» и поражении «неверных идолопоклонников (*кафиров*)»: они уже в силу своей «ложной» религии подлежали или уничтожению, или обращению в ислам. Идея джихада оказалась в подобных нарративах господствующей; «друзья Аллаха» вступали в Индию как в пустыню, где вся предшествующая история и цивилизация рассматривались как «темное время невежества» (*джахилийя*) – точно так же, как доисламская история Аравии.¹³ История Индии, таким образом, вписывалась в историю исламского мира. Данный подход сохранялся в качестве канона мусульманской хронистики Индии до последних десятилетий XVI в., если не позже: любой военный конфликт с участием «воинов ислама» и «неверных» рассматривался и фиксировался как *джихад*, каковы бы ни были его истинные причины и цели¹⁴.

Аналогичным образом мыслили историки Делийского султаната и тогда, когда власть его правителей укрепилась на большей части территории Индостана. Ярким примером является правление султана Фирузшаха Тулгакана (прав. 1351–1388). Этот монарх много воевал и много строил (в число туристических объектов Дели входят завершенная им 74-метровая триумфальная башня Кутуб-минар и водохранилище Хаузхас с комплексом мечетей, парков и мавзолеев), отменял «недозволенные» налоги и амнистировал осужденных.¹⁵ История его правления,

¹⁰ Кудряшова 2010: 30.

¹¹ Masud 2001: 29 – 49.

¹² Ahmad 1963: 470 – 472; Sreenivasan 2002: 274 – 296.

¹³ Винк 1999: 327 – 328; Alam 2004: 31 – 46; Mukhia 2001: 248 – 249.

¹⁴ Zilli 2007: 55 – 61.

¹⁵ Jackson 2003: 296 – 320.

равно как и предшествующие события, отражена в двух хрониках с одинаковым названием «История Фируз-шаха» (*Tarikh-i Firuz Shahi*): автором одной являлся Зия уд-дин Барани, а другой – Шамс-и Сирадж Афиф.¹⁶ Помимо этого, султан пожелал оставить потомкам собственноручно написанный «отчет о проделанной работе», скромно озаглавленный им «Победы Фируз-шаха» (*Futuh-i Firuz Shahi*), где, без хронологии, он поведал о «милостях Бога», позволивших ему осуществить то или иное действие во благо государства¹⁷.

Во всех этих трех нарративах Делийский султанат, существовавший уже более полутора столетия, обрисован как крепость «истинной веры», окруженная землями «неверных». Даже на охоту в расположенные недалеко от Дели места султан отправляется как в «земли неверных»; все его поступки диктуются одной лишь целью – прославление ислама и уничтожение его врагов.¹⁸ В собственной столице султану приходится постоянно и жестко реагировать на злонамеренные вылазки врагов – «неправильных» мусульман (шиитов, последователей ряда неортодоксальных сект) и, главное, индусов. В «Победах Фируз-шаха» правитель с гордостью отчитывался о разрушении храмов «идолопоклонников» (не существовавших издревле, а вновь построенных, что запрещалось шариатом).¹⁹ Делийский султанат на протяжении всей своей истории существовал как государство мусульман и для мусульман (причем не просто мусульман, а именно суннитов), построенное по образцу Арабского халифата, жившее исключительно по шариату и проводившее в отношении индусского большинства политику вынужденной толерантности: уплачивая определенный налог (*джизия*), отказавшись от строительства новых храмов, паломничеств и публичных праздников, «неверные» могли исповедовать свою «ложную» религию и жить по собственным обычаям.

И хотя Фируз-шах родился в Индии, от матери-раджпутки²⁰, более чем через столетие после завоевания, он ощущал себя мусульманином-суннитом и более никем, без сколько-нибудь заметной территориальной и культурной идентификации. Точно так же были настроены и его историографы. Более того, среди «милостей Бога» султан особо упоминает свою борьбу с индусским влиянием на быт и культуру мусульманской знати. Одним из результатов такого влияния оказался «обычай рисовать фигуры на одежде, и эту одежду подносили в знак милости при дворе. Кроме того, рисунками покрывали седла, уздечки и упряжь, кадельницы с алоэ, сосуды для питья, чаши, кувшины, кубки, зонты, шатры, ширмы, троны и прочее, а также многие имели у себя картины.

¹⁶ Barani 1974; Jauhari 2003.

¹⁷ Firuz Shah 1954.

¹⁸ Barani 1974: 6-7, 155; Jauhari 2003: 251 – 265.

¹⁹ Firuz Shah 1954: 8 – 10.

²⁰ Раджпуты – военно-феодалное сословие Северной, Западной и Центральной Индии.

Божьей милостью мы повелели, чтобы все рисованные фигуры были уничтожены, и чтобы изготавливались только такие предметы, которые не противоречат исламу. Мы повелели также разрушить все фигуры, вырезанные из камня на стенах зданий»²¹. С неподдельным гневом и ужасом султан писал о том, что «безбожные» мусульмане принимали участие в индуских праздниках и ездили вместе с «неверными» на поклонение храмам, расположенным у священного водоема в предместье столицы: он приказал немедленно пресечь «распространение заразы», разрушить храмы и возвести на их месте мечети²².

Борьба делийских султанов (Фируз-шах не одинок на этом поприще) с индийским влиянием на мусульман, которое понималось как индуское, приносила лишь временные «победы». Мусульманская община пополнялась за счет новообращенных индусов, не спешивших отказываться от старых традиций и успешно совмещавших их с исламом. Проводниками «заразы» становились не только принявшие новую веру индусы, но и высокообразованные суфии: они активно изучали местные языки и даже санскрит, использовали в своих проповедях и литературных произведениях образы из индуского фольклора и литературы,²³ принимали «неверных» в число своих учеников. В индийской литературе на фарси возникла и стала развиваться тенденция, связанная с самовосприятием мусульман как индийцев – на уровне всего «Хиндустана» и, даже в большей степени, на уровне того или иного региона.

Эта тенденция изначально встречала в своем развитии многочисленные препятствия, и религиозные различия – лишь одно из них. Важно отметить, что идентифицировать себя как индийцев представителям мусульманской элиты было гораздо сложнее, чем выходцам из просто-народа, среди которых большинство составляли новообращенные индусы. Крестьянин, торговец или ремесленник, даже являвшийся потомком завоевателей первой или второй волны, ощущал связь с исламом вне Индии только через молитвы и ритуалы, рассказы паломников, устную традицию о деяниях Пророка, халифов и святых. Напротив, для образованного мусульманина-аристократа главная религиозная святость находилась в Хиджазе, все культурные образцы – поэзии, искусства, эстетики, изящных манер, наук, литературного языка – в Иране (Исфахан, Тебриз, Йезд) и другие иранские города являлись для образованных индийских мусульман тем же, чем для русских дворян Париж) и в Средней Азии (Самарканде, Бухаре, Хиве). Несмотря на общность веры, различия между *тирафами* и *аджлафами* были весьма ощутимыми, и для значительной мусульманской элиты подчеркивать свою «индийскость» означало почти то же, что ассоциировать себя с плебсом.

²¹ Там же: 11.

²² Там же: 9–10.

²³ Alam 1989.

Общая страна – общая история

Насколько сложно и противоречиво шел процесс адаптации мусульман в Индии можно судить по творчеству величайшего поэта эпохи, Амира Хусрава²⁴ Дехлави (1252–1325), делийца, старшего современника султана Фируз-шаха. Сын тюркского феодала, мигранта из Средней Азии, и дочери обращенного в ислам индуса, он в многочисленных поэмах строго следовал канонам мусульманской историографии и описывал завоевательные походы делийских султанов, не жалея хвалебных эпитетов для доблестных тюрок и уничижительно-оскорбительных – для их индусских противников, трусливых и слабых «неверных»²⁵. И он же одним из первых фарсиязычных поэтов Индии увлекся местным фольклором, стал писать лирические стихи на «хиндави»²⁶, даже экспериментируя с рифмовкой строк на этом языке и персидском. В 1318 г. Амир Хусрав завершил поэму «Девять небесных сфер» (*Nuh Sipihir*), в которой воспел Индию как «рай на земле»,²⁷ восхвалив ее климат, флору (особенно манго, тамаринд, банан) и фауну, изящество и сладкозвучие ее языков, особенно санскрита, и население – прежде всего брахманов, столь ненавидимых и преследуемых ортодоксальными мусульманами. Они, по мнению поэта, ни в коей мере не являются идолопоклонниками, ибо, «поклоняются камням, животным, солнцу и растениям, но говорят, что в них – творение господне» и верят в единого Бога²⁸. Поэт осыпает восторженными эпитетами ученость брахманов (они «знаниями и мудростью превосходят „Канон“ Аристотеля»; у них учились арабские философы), талант индийских музыкантов, достижения Индии в литературе и математике, изобретение шахмат; особо отмечает гостеприимство и разум народа...²⁹ Но главное в этом панегирике – признание Индии родной для поэта страной; себя он называет «индийским тюром» и утверждает, что является не «персидским соловьем», а «индийским попугаем»³⁰.

Тенденция «индизации» мусульман, столь ярко отраженная Амиром Хусравом, усилилась после распада Делийского султаната, который формально не прекратил существования и неоднократно пытался вернуть утраченные земли. Мусульманские династии возникших на обломках султаната государств стали нуждаться в легитимации своей власти. В стремлении сделать собственное правление как можно более законным, «почвенным», они вступали в союз с местной индусской знатью, пытались представить себя неотъемлемой частью региональной

²⁴ В отечественной литературе часто – Хосров.

²⁵ Gabbay 2010: 73 – 78.

²⁶ Так в фарсиязычной литературе называли различные языки Северной Индии, в данном случае – брадж, распространенный в междуречье Ганги и Ямуны. На этом языке в средние века возникла богатейшая литература.

²⁷ Amir Khusrau 1949: 151.

²⁸ Там же: 165; Nath and Gwaliari 1981: 56.

²⁹ Amir Khusrau 1949: 161 – 164; Nath and Gwaliari 1981: 55 – 56.

³⁰ Amir Khusrau 1949: 179; Nath and Gwaliari 1981: 17 – 18.

государственности и культуры. Таким образом, мусульманские хронисты «открыли» для себя доисламскую историю своих регионов. В Кашмире, по приказу дальновидного султана Зайн ул-Абидина (1420 – 1470) была дописана завершенная в 1147/8 г. санскритская хроника «Река царей» (*Rajatarangini*): новый вариант представил единую, общую для мусульман и индусов историю региона³¹.

«Общую историю» индусов и мусульман стали особенно активно создавать в империи Великих Моголов, особенно при третьем императоре этой династии, Акбаре (прав. 1556–1605), прославившемся завоеваниями, реформами и уникальной религиозной политикой, объявившей все религии равно истинными и избавившей индусское население от дискриминации. Вместо «уничтожения неверных» падишах сделал основой своей власти союз с индусской военной аристократией – раджпутами, заложив традицию династических браков могольских императоров и принцев с раджпутскими князьями³². Такая политика, безусловно, требовала новых подходов к прошлому, что и конструировали исторические нарративы.

Абу-л Фазл Аллами, министр, верный друг, идеолог реформ и биограф падишаха Акбара, стал автором «Книги Акбара» (*Akbar-Namah*) – хроники правления своего венценосного покровителя (завершена в 1581 г.). Согласно канону мусульманского летописания, текст начинается от Адама (автор с бесстрашием ученого излагает бытующие в различных религиях версии мифа о Творении), но затем совершает чудовищное нарушение традиции: пропустив рождение Пророка (главное событие мусульманской версии всемирной истории!), переходит сразу к чингизидам и тимуридам, а потом – рождению Акбара и изложению главных событий его правления.³³ Составной частью хроники является трактат «Установления Акбара» (*Ain-i Akbari*), который включает данные о дворцовом хозяйстве, административной системе, аграрных отношениях (с налоговой статистикой по годам) и двенадцати (к концу правления Акбара их стало пятнадцать) провинциях империи.

Характеризуя каждую из провинций, Абу-л Фазл представил ее словесную карту (описание границ и географических объектов), сведения о городах и сельской местности (со статистическими данными), основных видах производства и товарах, поставляемых на общеимперский рынок, а также местах, отмеченных природной красотой, полезными ресурсами и святостью. Почти для каждой провинции автор предоставил краткий обзор ее истории, с самых древних, доисламских времен, причем история индусов и мусульман везде рассматривается как общее прошлое данного народа.³⁴ В третьем томе трактата Абу-л Фазл обратился к Индии как к целому и поведал о мифологии, филосо-

³¹ Zutshi 2013.

³² См. подробнее: Ванина 1993: 33– 45.

³³ См. анализ: Mukhia 2001: 250 – 251.

³⁴ Abu-l Fazl Allami 1978, II.

фии, астрономии и астрологии, естествознании, литературе, музыке и иных элементах индусской культуры. Обо всем этом он рассказал с объективным бесстрашием, нередко критически, не как мусульманин, повествующий о воззрениях «неверных», а как рационалист, подвергающий сомнению все, что не соответствует разуму и науке – аналогичным было его отношение и к исламу. Главное, что, по мнению автора, подвигло его к написанию тома – это «любовь к моей родной земле»³⁵.

Таким образом, для Абу-л Фазла, его единомышленников, объединенных в приближенный к падишаху кружок «просвещенных философов»³⁶, и для значительной части образованных мусульман, Индия являлась «родной землей», а индусы – соотечественниками, хотя и исповедующими другую религию. Подобная тенденция сохранялась и впоследствии, что отразили исторические нарративы. Даже когда могольские авторы писали «всемирные истории» (в них нашлось место и для событий в соседних странах Азии, а также для европейцев), они включали домусульманскую историю Индии как часть общего для индусов и мусульман прошлого³⁷. Аналогичная тенденция характерна и для региональных мусульманских хроник, в том числе и в период распада империи. Например, гуджаратский историк Али Мухаммад-хан Бахадур начал свою историю родного региона «Зерцало Ахмада» (*Mirat-i Ahmadi*) с древних, домусульманских времен: его взгляд на прошлое сфокусирован на территории, где «индусский» и «мусульманский» периоды истории выступали просто последовательными этапами, а все завоеватели, кем бы они ни были, в равной мере чужаками³⁸.

Могольское государство создало свой тип исторического нарратива, который может быть назван «имперским». Значительная его часть создавалась на фарси, и, что представляет особый интерес, в нем, наряду с мусульманами, участвовали и авторы-индусы, как правило, служившие в столичном или провинциальном административном аппарате. Эти люди не только в совершенстве владели официальным языком империи, но и писали исторические сочинения, повествуя о событиях как убежденные лоялисты: для них созданное мусульманскими завоевателями государство ощущалось как «свое», а те, кто ему служил, оценивались с точки зрения верности падишаху, способностей и моральных качеств, а не конфессиональной принадлежности. Такие сочинения исследователи связывают с развитием и укреплением в империи могущественной социальной силы – чиновничества, среди которого индусы составляли большинство³⁹. Однако для моей темы важен их вклад в развитие имперского исторического нарратива, общего для элиты обеих конфессий. Как и мусульманские хронисты могольской эпохи,

³⁵ Abu-l Fazl Allami 1978, III: 1.

³⁶ См. подробнее: Ванина 1993: 56 – 63.

³⁷ Subrahmanyam 2005: 36 – 40.

³⁸ Ali Muhammad Khan: 1927.

³⁹ Alam and Subrahmanyam 2010.

персоязычные авторы-индусы также писали общую историю, рассматривая мусульманские завоевания как приход одной «своей» династии на смену другой⁴⁰. В колониальный период английских ориенталистов, переведивших на английский язык и изучавших фрагменты из persoязычных хроник, поражало, что тексты, созданные индусами, не отражали естественной, по его мнению, ненависти авторов к мусульманским завоевателям и не отличались в трактовке событий от хронистом-мусульман – это, по их мнению, свидетельствовало о рабской и испорченной природе индусов, желавших лишь «польстить тщеславию высокомерного мусульманского патрона»⁴¹.

На самом деле, речь шла о формировании имперского исторического дискурса, в котором участвовала как мусульманская, так и индусская элита. Помимо хроник, этот дискурс был темой обширной биографической литературы могольских времен. Биографии «столпов империи» – государственных деятелей, полководцев, поэтов, ученых, часто в форме сборников-энциклопедий, представлявших жизнеописания в алфавитном порядке – пользовались огромной популярностью, изучались в школах и медресе. Литература такого рода, с полным основанием относимая к историческим нарративам, «персональным историям»,⁴² создавалась авторами-мусульманами в дидактических целях как «жизнь замечательных людей». При этом характерно, что «биографические энциклопедии» государственных мужей включали, как правило, мусульман и индусов на равных, и в оценке той или иной персоны авторы исходили не из конфессиональной принадлежности, а из моральных качеств и достижений деятеля, его верности монарху и успехов на службе империи.⁴³ Помимо исторических нарративов, обретение мусульманами индийской почвенности отражали и конструировали литературные произведения различных жанров. Известно немало мусульманских поэтов и прозаиков могольской эпохи, творивших на «хиндави» и других местных языках, причем сюжетики и образность их текстов насыщены индийскими реалиями и символами, так что иногда сложно определить, разве что по датировке от хиджры, что автор данного сочинения – мусульманин. Параллельно и в литературе на фарси возник и развился так называемый «индийский стиль».⁴⁴

Мусульманин «вообще» или индийский мусульманин?

Индологи давно заметили, что в Индии никогда ничего не исчезает, и новое не замещает старое, а сосуществует с ним. Процесс адаптации мусульман и выработки у них индийской идентичности оставался одной из тенденций самовосприятия приверженцев ислама, а отражавшие и конструировавшие этот процесс нарративы играли важную роль

⁴⁰ Kinra 2015: 97.

⁴¹ Elliot and Dawson, I: xxi – xxii.

⁴² Репина 2011: 287 – 324; Zaman 2011.

⁴³ Например, Shaikh Farid Bhakkari 1993: 53–54, 101.

⁴⁴ Naik 1966: 228 – 231; Пригарина 1999.

в литературе и историческом дискурсе, но не доминировали абсолютно. Стремление определенной части мусульманской элиты идентифицировать себя только с *уммой*, вне государственных и этнокультурных границ, и максимально дистанцироваться от «неверных» характерно и для могольского периода, а также для колониальной эпохи. Ярким его выразителем был, например, страстный оппонент религиозной политики Акбара, крупный религиозный деятель Шейх Ахмад Сирхинди. В рассылаемых повсюду письмах-памфлетах он обвинял падишаха в отступничестве от ислама и призывал мусульман к вооруженной борьбе против него. «Кто уважает кафилов, унижает мусульман, – писал он. – Кафилов нужно держать в отдалении, как собак, и истинно мусульманские чувства диктуют, что лучше вообще покинуть этот мир, чем вести дела в общении с неверными».⁴⁵ Соответственно, подобный подход конструировали и исторические нарративы, в числе которых – главная «оппозиционная» хроника правления Акбара, «Избранные даты» (*Muntakhab ut-tawarikh*) Абд ал-Кадира Бадауни.⁴⁶ Они, пусть и в несколько видоизмененном тоне, продолжали традицию «эпоса завоевания».

После Акбара, особенно при его правнучке Аурангзебе (прав. 1658/9 – 1707) начался отход от политики союза с индусской элитой и усиление тех, кто стремился придать империи чисто исламский характер, ратуя за «уничтожение неверных»: это вновь громко зазвучало в исторических нарративах. Падишах Аурангзев являлся фанатичным мусульманином, и его главный духовный подвиг современный летописец видел в том, что снова стали разрушаться храмы, снова стал взиматься отмененный Акбаром особый налог на «неверных» (*джизия*) и «никогда прежде еще индусы не были так унижены».⁴⁷ И хотя большинство мусульманских государств, возникших на обломках империи Моголов, придерживалось политики союза с индусской знатью, что отразили и местные истории, практика самоидентификации части мусульманской элиты в качестве «неиндийцев» сохранилась и получила новый стимул в колониальную эпоху.

Европейские, прежде всего британские, ориенталисты приходили в Индию с готовыми концепциями; затем, обладая властью над побежденной страной, осуществляли их на практике, «подгоняя» реалии под собственную теорию и игнорируя все, что ей противоречило⁴⁸. Одна из таких концепций – представление о том, что индусы в Индии составляют одну «нацию», а мусульмане – другую. Региональные, этнокультурные, социальные и лингвистические различия внутри воображаемой «мусульманской нации», вследствие которых каждый индийский мусульманин по языку, образу жизни и культуре ближе к индусам своего

⁴⁵ Цит. по: Rizvi 1965: 207.

⁴⁶ См. подробнее: Aноoshahr 2006; Truschke 2016: 205 – 209.

⁴⁷ Sarkar 1947:313—318.

⁴⁸ Как специфику колониально-ориенталистского мышления это справедливо отметил Э. Саид. – Said 2003: 52.

региона, чем к единоверцам из других районов Индии или иных стран ислама, в расчет не принимались. Через систему английского образования (без него индиец не мог достичь сколько-нибудь значимого социального статуса) ориенталистские теории транслировались как индусской, так и мусульманской элите⁴⁹. Так образованные мусульмане учили со школьных лет, что они представляют единую «нацию», отдельную от индусской «нации», к которой, прочитав те же учебники, причисляли себя их индусские одноклассники.

Такое представление усиливало позиции тех, кто всегда ассоциировал себя больше с «миром ислама», чем с Индией. Образованные «мусульманские джентльмены», как правило, не опускались до прямых антииндусских выпадов: призывы к «уничтожению неверных» они оставляли фанатичным муллам. Но в речах мусульманских лидеров, публицистов и поэтов все громче звучали тезисы о «нации» и даже «расе» мусульман, включавшей индийских единоверцев наряду с последователями ислама из других частей мира. Так, например, выдающийся поэт конца XIX – первой половины XX в., Мухаммад Икбал (1879 – 1938) начинал как сторонник общеиндийского патриотизма: его песня «Гимн Индии» до сих пор известна каждому индийцу и, по своему содержанию, выглядит индийским аналогом «Широка страна моя родная», прославляющим Индию как дивный сад, в котором индусы и мусульмане – соловьи, равно воспевающие общую родину. Семь лет спустя Икбал написал новый гимн, на этот раз адресованный уже не Индии, а мусульманской «нации» (*миллат*). Он провозглашал, что «мы – мусульмане, и весь мир – наша родина», взывая к тем временам, когда под властью ислама находились «сады Андалусии» и «волны Тигра», а Индия являлась лишь частью «нации ислама»⁵⁰.

Самоидентификация мусульман вне Индии стала краеугольным камнем идеологии мусульманского национализма, набравшего силу к конца XIX века. В его рамках сложился собственный тип исторического нарратива, охватившего два сюжетных направления. Одно из них прославляло правителей Делийского султаната и Могольской империи как «воинов ислама», защищавши веру и шариат от внутренних врагов: важнейшей темой стало возвеличивание Аурангзеба как «идеального мусульманского государя» и поношение Акбара как «вероотступника». Второе направление ставило целью ознакомление мусульманской публики с историей и героями ислама вне Индии: читателю был представлен ряд романов в духе Вальтера Скотта, но «с обратным знаком», воспевавших мусульман и их борьбу против крестоносцев. В других произведениях герои – индийские мусульмане отправлялись за пределы субконтинента бороться за «дело ислама», например, на русско-турецкие войны. Здесь уже шла речь об общем прошлом – но не с индусами

⁴⁹ См. подробнее: Ванина 2019: 711 – 717.

⁵⁰ Пригарина 2012: 16.

в Индии, а с мусульманами вне ее. Из представлений об отдельной мусульманской нации логически вытекало требование национального государства – «страны чистых», Пакистана⁵¹. Это требование осуществилось в 1947 году в результате кровавого раздела Индии. Идеология «мусульманской нации» стала в новом государстве официальной.

За проповедниками «мусульманской нации» шли миллионы, но не меньше сторонников было и остается у тех, кто, будучи мусульманином, ассоциирует себя с Индией, кто обращается к прошлому за примерами, подобными Амиру Хусраву и Акбару. В числе национальных героев современной Индии – Маулана Абул Калам Азад, крупнейший мусульманский лидер эпохи борьбы за независимость и первый министр образования в правительстве суверенной Индии (1888–1958). Самоидентификацию своих единоверцев он видел следующим образом:

«Как мусульманин, я ассоциирую себя со своей религией и культурой и не потерплю никакого вторжения в эти сферы. Но, наряду этими чувствами, я испытываю еще одно, столь же глубокое, порожденное всем моим жизненным опытом, и оно не ослабляется, а лишь усиливается духом ислама. Я в равной мере горжусь тем, что я индиец, что я существенная часть неразделимого единства индийской нации, жизненно важный элемент ее конструкции, без которой это благородное строение будет незаконченным... Уже одиннадцать веков ислам имеет столь же законное право считать эту землю своей, сколь и индуизм... И точно так же, как индус может с законной гордостью назвать себя индийцем, исповедующий индуизм, мусульманин может сказать, что он индиец, исповедующий ислам»⁵².

Так и сейчас ощущают себя миллионы единоверцев Азада. Но немало и тех, кто мыслит по-иному. Вопрос «кто я?» остается для индийских мусульман актуальным, и единого ответа на него нет до сих пор.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ванина Е.Ю. Идеи и общество в Индии XVI-XVIII вв. М.: Восточная литература, 1993. 230 с. [Vanina E. Yu. Idei i obshchestvo v Indii XVI – XVIII vv. Moscow: Vostochnaya literature, 1993. 230 p.]
- Ванина Е. Ю. Мусульманский фактор: продвижение и укоренение // Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигмы мобильности и поиски смыслов за пределами статичности / Глушкова И. П. (руководитель проекта), Сидорова С. Е. (отв. ред.). М.: Наука – Восточная литература, 2015, С. 87 – 122 [Vanina E.Yu. Musulmanskiy factor: prodvizheniye i ukoreneniye // Pod nebom Yuzhnoi Azii. Dvizheniye i prostranstvo: paradigmmy mobilnosti i poiski smyslov za predelami statichnosti /Ed. by I.P. Glushkova, S.E Sidorova. Moscow: Nauka – Vostochnaya literature, 2015. Pp. 87 – 122].
- Ванина Е.Ю. От «общинь» к «нации»: индийские мусульмане в концепциях британских ориенталистов //Minbar. Islamic Studies, 2019, 12 (3). С. 703-725 [Vanina E. Yu. On “obschchiny” k “natsii”: indiijskiye musulmane v konseptsiiyah britanskikh orientalistov. Minbar. Islamic Studies, 2019, 12 (3). P. 703-725].]
- Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Наука, Восточная литература, 2014. 328 с. [Vanina E.Yu. Indiya: istoriya v istorii. Moscow: Nauka-Vostochnaya literature, 2014. 328 p.]
- Кудряшова И.В. Пан-нации и нации-государства в мусульманском мире: Конкуренция воображаемых сообществ // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин: Сб. науч. тр. / Гл. ред. М.В. Ильин. М.: РАН. ИНИОН, 2010. Вып.1: Альтернативные модели формирования наций. С. 30–53 [Kudryashova I.V. Pan-natsii i natsii-gosudarstva v musulmanskom mire: konkurentsiya voobrazheamykh soobshchestv //

⁵¹ См. подробнее: Ванина 2014: 172 – 189.

⁵² Azad 2007: 79 – 80.

- METHOD: *Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshestvennikh disciplin* / Ed. by M.B. Ilyin. Moscow: INION RAN, 2010, P. 30–53].
- Пригарина Н.И. Индийский стиль и его место в персидской литературе. М.: Восточная литература, 1999. 327 с. [Prigarina N.I. *Indiiskiy stil i ego mesto v persidskoi literature*. Moscow: Vostochnaya literature, 1999. 327 p.]
- Пригарина Н.И. Мир поэта – мир поэзии. Статьи и эссе. М.: ИВ РАН, 2012. 351 с. [Prigarina N.I. *Mir poeta – mir poezii. Statyi i esse*. Moscow: IV RAN, 2012. 351 p.]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. М.: Кругъ, 2011 [Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv*. Moscow: Krug, 2011]. 560 p.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 566 с. [Tishkov V.A. *Requiem po etnosu. Issledovaniya po sotsialno-kulturnoi antropologii*. Moscow: Nauka, 2003. 566 p.]
- Abu-l Fazl Allami. *Ā'in-i Akbarī*, Vol. I, translated by H. Blochmann, Vols. II & III, translated by H.S. Jarrett. Delhi: Munshiram Manoharlal (reprint), 1977 – 8. 802 p. (Vol. I), 432 p. (Vol. II), 540 p. (Vol. III).
- Ahmad A. Epic and Counter-Epic in Medieval India // *Journal of American Oriental Society*, 1963, 83 (4). P. 470–476.
- Alam M. Competition and Coexistence: Indo-Islamic Interaction in Medieval North India // *Itinerario*, 1989, 13 (1). P. 36–59.
- Alam M. *The Languages of Political Islam in India c. 1200-1800*. Delhi: Permanent Black, 2004. 244 p.
- Alam M. and Subrahmanyam S. Witnesses and Agents of Empire: Eighteenth-Century Historiography and the World of the Mughal Munshī // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 2010, 53 (1/2). P. 393–423.
- Ali Muhammad Khan. *Mir'āt-i Aḥmadī*. Edited by Syed Nawab Ali. Vol. I. Calcutta: Asiatic Society, 1927. 484 p.
- [Amir Khusrau Dehlevi]. *The Nuh Sipīhr of Amir Khusrau*. Persian Text (with Introduction, Notes, Index, etc.) edited by Mohammad Wahid Mirza. London etc.: George Cumberlege, Oxford University Press, 1949. 490 p.
- Anooshahr A. (2006). Mughal Historians and the Memory of the Islamic Conquest of India// *Indian Economic and Social History Review*, 2006, 43 (3), p. 275 – 300.
- Azad M.A.K. *Selected Speeches and Writings*. Hyderabad: Abul Kalam Azad Research Institute, 2007. 154 p.
- Barani Ziya ud-din. *Tarikh-i Firuz Shahi*/ Tr. by H.M. Elliott. Lahore: Sind Sagar Academy, 1974. 196 p.
- [Elliot H.M. and Dawson J.J.]. *The History of India as Told by Its Own Historians. The Muhammadan Period*. Edited from the posthumous papers of the late Sir H. M. Elliot, K. C. B., East India Company's Bengal Civil Service, by Professor John Dowson, M. R. A. S., Staff College, Sandhurst. Vol. I. London: Trübner, 1867. 532 p.
- [Firuz Shah]. *Futuh-at-i Firuz Shahi of Sultan Firuz Shah*. Ed. by Shaikh Abdur Rashid. Aligarh: Aligarh Muslim University, 1954. 23 p.
- Gabbay A. *Islamic Tolerance: Amir Khusraw and Pluralism*. London and New York: Routledge, 2010. 160 p.
- Hobsbawm E. J. *Ethnicity and Nationalism in Europe Today* // *Mapping the Nation*/ Ed. by Gopal Balakrishnan and Introduced by Benedict Anderson. L.: Verso, 1996. P. 265 – 266.
- Jackson P. *The Delhi Sultanate. A Political and Military History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 392 p.
- Jauhri R.C. *Medieval India in Transition – Tarikh-i Firuz Shahi. A First Hand Account*. Delhi: Sundeep Prakashan, 2001. 293 p.
- Kinra R. *Writing Self, Writing Empire. Chandar Bhan Brahman and the Cultural World of Indo-Persian State Secretary*. Okland: University of California Press, 2015. 394 p.
- Masud M.K. *The obligation to migrate: the doctrine of hijra in Islamic law* // *Muslim Travellers. Pilgrimage, Migration, and Religious Imagination* / Ed. Dale F. Eickelman and James Piscatori. London: Routledge, 2001. P. 29–49.
- Mukhia H. *Time, Chronology and History: the Indian Case* // *Making Sense of Global History*. Ed. by Sølvi Sogner. Oslo: Universitetsforlaget, 2001. P. 247–253.
- Naik C.R. *Abdul Rahim Khani-Khanan and His Literary Circle*. Ahmadabad: Gujarat University, 1966. 583 p.
- Nath R. and Gwaliari F. *India as Seen by Amir Khusrau*. Jaipur: HRD, 1981. 142 p.

- Rizvi S.A.A. Muslim Revivalist Movements in Northern India in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Agra: Agra University, 1965. 497 p.
- Rüsen J. Historical Consciousness: Narrative Structure, Moral Function, and Ontogenetic Development // *Theorizing Historical Consciousness*/ Ed. by Peter Seixas. Toronto: University of Toronto Press, 2004. P. 63–85.
- Rüsen J. *History: Narration, Interpretation, Orientation*. Oxford; N.Y.: Berghahn Books, 2005. 222 p.
- Sarkar J. (tr.). *Maasir-i Alamgiri: a History of the Emperor Aurangzib-Alamgir (reign 1658 – 1707)*. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1947. 359 p.
- Said E. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*. London: Penguin, 2003. 379 p.
- Seixas P. Introduction // *Theorizing Historical Consciousness*/ Ed. by Peter Seixas. Toronto: University of Toronto Press, 2004. P. 3–24.
- [Shaikh Farid Bhakkari] *The Dhakhirat ul-khawarin of Shaikh Farid Bhakkari: a biographical dictionary of Mughal noblemen / translated from the Persian by Ziyaud-Din A. Desai*. Delhi: Idara-i Adabiyat i-Delhi, 1993. 249 p.
- Sreenivasan R. *Alauddin Khalji Remembered: Conquest, Gender and Community in Medieval Rajput Narratives // Studies in History*, 2002, XVIII (2). P. 275 – 296.
- Subrahmanyam S. *On World Historians in the Sixteenth Century// Representations*, 2005, 91(1). P. 25–57.
- Truschke A. *Culture of Encounters: Sanskrit at the Mughal Court*. New York: Columbia University Press, 2016. 384 p.
- Wink A. *Al-Hind. The Making of the Indo-Islamic World. Vol. II. The Slave Kings and the Islamic Conquest 11th-13th Centuries*. Delhi: Oxford University Press, 1999. 427 p.
- Zaman T. *Instructive Memory: An Analysis of Auto/Biographical Writing in Early Mughal India // Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 2010, 54 (5). P. 677 – 700.
- Zilli I. A. (ed., tr.). *The Mughal State and Culture 1556 – 1598. Selected Letters and Documents from Munshaat-i Namakin*. Delhi: Manohar, 2007. 540 p.
- Zutshi C. *Past as tradition, past as history: The Rajatarangini narratives in Kashmir's Persian historical tradition // The Indian Economic and Social History Review*, 2013, 50 (2). P. 201–219.

Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, eug.vanina@gmail.com

The Muslims of Pre-colonial India: Historical Narratives and Self-Identification

The paper discusses historical narratives of the Delhi sultanate and Mughal empire vis-à-vis Muslim self-identification. While the early chronicles established exclusively confessional identity of Muslims and glorified struggle against the ‘infidels’, the process of adaptation made a considerable part of Muslims position themselves as inhabitants of India sharing homeland, culture and, importantly, historical past, with local Hindus. In the Mughal epoch, Muslim and Hindu authors jointly constructed an imperial historical discourse highlighting loyalism as supra-communal value. At the same time, the tendency towards communal ‘un-Indian’ self-identification of Muslims has also been in force, to become, in colonial times, the basis for Muslim nationalism.

Keywords: *historical narrative, identity, Muslims, Hindus, India, Delhi sultanate, Mughal empire, Muslim nationalism.*

Eugenia Vanina, Dr. Sc. (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, eug.vanina@gmail.com

И.М. БАСОВ

ОТ НАРОДА К ГРАЖДАНСТВУ ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛЬСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В XVIII-XIX ВЕКАХ

Статья рассматривает процесс трансформации этногенетических и сословных категорий в современные национальные на примере польского Просвещения и романтического национализма. Прочтение исторических источников XVI-XVII вв., на которые ориентировались творцы польского национального проекта, обнаруживает несоответствие фундаментальных понятий. Однако несоответствие остается незамеченным на протяжении всего XIX в. Это повод задаться вопросами: почему конструирование исторического нарратива не встретило препятствия в лице исторических источников, и как национальному нарративу удалось примирить сословное прошлое с эгалитарной идеей гражданской нации?

Ключевые слова: *согражданство, культура памяти, польский романтический национализм, исторический нарратив, национальная идентичность, образы прошлого*

Польский национальный проект с самого своего рождения в идеях Просвещения имел интерес к прочтению исторических источников Средневековья и «золотого века» Речи Посполитой. В XIX в. на территориях бывшей Речи Посполитой возникает большое число как подпольных, так и официальных издательств, большую часть тиража которых занимает печать исторических источников, а также научных и художественных сочинений, вдохновленных национальной историей. В 1802 г. в Варшаве начинает выходить книжная серия «Собрание лучших польских писателей» под редакцией Т. Мостовского, а к 1820—1830 гг. мы видим уже десятки схожих изданий, печатающих исторические источники («Национальная библиотека» Ф. Дмоховского, «Карманная библиотека польских классиков» Я. Бобровича и др.).

В 1830-е гг. издательскую деятельность начинает выдающийся польский публицист и книгоиздатель Казимир Владислав Вуйцицкий (1807—1879). Возникают периодические издания меньшего формата (журналы, альманахи), также публикующие исторические сочинения. В 1841 г. начинает издаваться крупнейшее литературно-научное издание Царства Польского «Варшавская библиотека», на страницах которого печатаются исторические сочинения. Популярная печатная продукция такого рода имела прямое влияние на процесс польского нацистроительства, и одновременно являлась его следствием. Изучение этого пласта печатного наследия с позиций исторической эпистемологии и *memory studies* способно дать представление о механизмах трансформации исторических образов в национально-романтические. Апелляции к образам исторических источников оказались слепы к несоответствию базовых категорий национального дискурса XIX в. (нация, поляк, Польша и т.д.) с лексически сходными понятиями предшествующих истори-

ческих периодов. Цель данной статьи – сравнить эти категории и, таким образом, попытаться увидеть источники глазами читателя XIX в.

Вопрос эволюции категорий национального в культуре польского романтического национализма поднимается с 1980-х гг. Одним из первых эту исследовательскую проблему обозначил А. Валицкий в работе «Философия и романтический национализм: польский случай» (Оксфорд, 1982). Тема несоответствия категорий XVI–XVII вв. с категориями XIX в. фигурирует в библиографии другого недавно скончавшегося классика историографии – Я. Тазбира. Наиболее детально конфликт категорий изучается профессором Варшавского университета Т. Кизвальтером. Кроме того, стоит отметить работы М. Круля, М. Яновского, Б. Портера и др. историков, внесших неоценимый вклад в исследование полемики вокруг польской истории в XIX в. Вопрос перцепции истории на польском примере кажется хорошо изученным, однако нам в этой статье представляется важным взглянуть на него под другим углом: во-первых, обратить внимание исследователей на то, как легко национализация польского социального пространства совершила трансформацию одного рода идентичности в другой (сам факт этой трансформации недостаточно на наш взгляд отрефлексирован в историографии); во-вторых, продемонстрировать выборочность внимания творцов польского национального проекта в XIX в. к историческому материалу, а также конкретные различия двух социальных проектов – шляхетского сословного и польского гражданского.

В 1855 г. книгоиздатель К.Ю. Туровский переиздает «Жизнь и смерть Яна Гарновского» выдающегося польского публициста XVI в. Станислава Ожеховского (1513–1566), вместо предисловия помещая размышления польского поэта и драматурга Франтишка Богомольца (1720–1784) об этом сочинении. Издатель нашел строки Богомольца подходящими произведению, хотя в других случаях предпочитал использовать введение за собственным авторством. Можно предположить, что Туровскому понравился патриотический посыл Богомольца, увидевшего в произведении Ожеховского в первую очередь биографию известного поляка: «Потому охотней читаем жизнеописание славнейших греков и римлян, чем их историю, что узнаем человека лучше в отрыве от народа. И ежели их биографии имеют такую власть над нашими сердцами и умами, то что уж и говорить о жизнеописаниях славнейших наших поляков?»¹. Вероятно, выбор данного произведения Ожеховского к публикации был продиктован не только интересом читателей к автору, но и интересом к объекту повествования – фигуре великого гетмана коронного – чей образ в «Жизни и смерти...» был воспринят современниками как образец героического поляка². Читатель

¹ Orzechowski 1855: 6.

² Ossoliński 1851: 177.

видел свою преемственность от рыцаря Тарновского и других ярких личностей, оживающих на страницах исторических сочинений; одновременно тот же читатель уже не видел родства между шляхтичем и римским патрицием, хотя это родство казалось самоочевидным обывателю XVI века³. Ожеховский в своих «Хрониках» польскую культуру и ментальность возводит к античной Греции («черты их, как плохие, так и хорошие, наследуем»); именно греков он называет «предками»⁴.

Здесь польскому читателю резонно почувствовать себя потомком не только старопольской шляхты, но и эллинов, однако такая смелая претензия не соответствует внутренней логике национализма: она пренебрегает веками, разделяющими общества, но крайне редко – территориями и языками. В то же время территория и язык – это два фактора, не играющих никакой роли в саморепрезентации шляхты XVI–XVII вв. Свидетельством преемственности от античных цивилизаций служили шляхетские добродетели. Доблесть, умеренность, ораторское мастерство – вот что, по мнению Ожеховского, объединяет поляка и античного грека. Заимствуя идею о четырех кардинальных добродетелях у Амвросия Медиоланского, Шимон Старовольский (1588–1656) называет благоразумие, справедливость, умеренность и мужество неотъемлемыми свойствами сармата⁵. Выдающийся политический философ XVI в. Анжей Фрыч Моджевский (1503–1572), как и большинство его современников, видит традицию республиканского управления связующей нитью между Польшей и Древним Римом⁶. Территория и язык на тот момент не являлись составляющими идентификации, поскольку отсутствовали необходимые для развития современного национализма факторы этнического сознания и социальной демократизации⁷. Шляхту не интересовало, на каком языке говорят простолюдины. Представители польской знати редко разбирались в региональных диалектах, порой не признавая в народном говоре не только разновидность польского языка, но и членораздельную речь⁸. На фоне этого неудивительно, что публикуемые в «Библиотеке Польской» полемические труды XVI–XVII в. никоим образом не касаются вопросов языка. Моджевский, в сочинении «De republica emendanda» подробно описывающий модель республики во множестве частных аспектов, ничего не говорит о языке. Освещения этого вопроса мы не увидим и в «Сеймовых проповедях» надворного проповедника Петра Скарги (1536–1612), несмотря на то что основной задачей полемического труда была консолидация шляхетских депутатов под сенью польской короны⁹, и язык – *lingua franca* шляхты – тео-

³ Лескинен 2002: 52.

⁴ Orzechowski 1855: 12-13.

⁵ Starowski 1859: 124.

⁶ Modrzewski 1857: 12-13.

⁷ Kizwalter 1999: 85.

⁸ Kot 1987: 108.

⁹ Аржакова 2017: 270-272.

ретически мог быть использован как аргумент в пользу единства. Не использовался он так потому, вероятно, что воспринимался сугубо инструментально – как язык правящего класса, привязанный к политике (*Staatssprache*), но не к территории¹⁰.

С эпохи Просвещения мы наблюдаем фундаментально иное восприятие языка – он начинает восприниматься как составляющая нации. Польский публицист Франтишек Салезий Йезерский (1740–1791), бывший во многих аспектах продолжателем идей Моджевского, становится, тем не менее, одним из первых, кто порывает с традиционным шляхетским пониманием народа: народ Йезерский определяет как «собрание людей, имеющих один язык, обычаи и нравы, объединенное единым и общим законодательством для всех граждан»¹¹. Появление такого характерного смешения областей культурного и политического действия (здесь уместно вспомнить геллнеровское определение национализма) мы обнаруживаем у многих польских интеллектуалов конца XVIII в. К примеру, в 1789 г. будущий лидер польских повстанцев Тадеуш Костюшко в письме М. Залевскому так высказывается по актуальному на тот момент «русинскому вопросу»: «Их нужно приучить к польскому языку, пусть на польском все их молитвы будут. Со временем дух польский в них войдет. За неприятеля потом считать будут того, кто не знает национального языка»¹². Как человек модерна, к тому же побывавший на фронтах гражданской войны в Америке, Костюшко видит в распространении языка залог успешной ассимиляции. Нация в тот период активно приватизирует язык, и настольной книгой приверженца национальных воззрений в XIX в. становится словарь¹³. После разделов Речи Посполитой польский язык в глазах ряда интеллектуалов коммеморативно воплощает в себе память о прежней государственности и единстве нации¹⁴. В условиях ограничения печати и образования на польском языке интеллектуалы вынуждены записывать в польскую нацию всех носителей языка. Язык становится единственным универсальным критерием разграничения «свой-чужой» – сравним это с богатством эксклюзивных критериев, призванных в XVI–XVII вв. обособить польскую шляхту от иных социальных групп (принадлежность к гербовой семье, вероисповедание, моральные качества и др.).

Как и язык, территория Речи Посполитой в сознании поляка XVI–XVII вв. не была национализирована. Она служила – ни много ни мало – подтверждением доблести шляхты, установившей на столь обширных территориях республику. С точки зрения религиозной традиции, размах

¹⁰ Tazbir 2011: 8.

¹¹ Jezierski 1952: 217

¹² Tazbir 2011: 10

¹³ Андерсон 2001: 93.

¹⁴ Zieliński 1969: 69

территорий воспринимался как свидетельство Божьей милости: «Блаженны те, кому Господь Бог в отчизне сохранил [короля, господина, алтарь]; эта мать [отчизна] собрала вам в едином теле Речи Посполитой такие обширные и достойные народы, распространила территории свои от моря до моря, и соседей вам страшных поставила...»¹⁵. Божья милость выступает высшим свидетельством значимости шляхетских добродетелей, и потому существование Речи Посполитой напрямую связывается с моральным обликом шляхты: «Велико счастье Республики, когда люди добродетельны и богобоязненны»¹⁶; «потому давайте любить согласие и древнюю честность, господа поляки, если хотим отчизну нашу сохранить в целости»¹⁷.

Просвещение и – в большей степени – романтизм национализировали польские территории (сделали собственно польскими и абсолютизировали их значение). Принадлежность к политической нации в новых реалиях должна была совпадать с опцией территориального польского происхождения, чего в предшествующие эпохи не всегда наблюдалось даже в среде дворянства. В полемике о восстановлении польской государственности в XIX в. периодически мелькала цифра в 20 млн. населения¹⁸, что отдаленно соответствует демографическим показателям заката Речи Посполитой с учетом всех «кресов». Однако не существовало консенсуса, какие территории считать собственно польскими – границы прежней Речи Посполитой, Варшавского герцогства или границы этнографического расселения. В каждом из перечисленных способов картографирования польские границы проводились исходя из представлений о территориальном распространении польской нации. Таким образом, границы, как и язык, воплощают собой нацию – такой идеи мы не обнаруживаем в источниках XVI–XVII вв. Идея «естественных границ» Речи Посполитой, получившая распространение в 1830-е годы¹⁹, также не имеет своих аналогов в категориях XVI–XVII вв. Тем не менее, стремление восстановить государственность зачастую было проникнуто пафосом реставрации: достаточно вспомнить заверение публициста и пламенного революционера Мауриция Мохнацкого (1803–1834) в том, что «мы не импровизируем новую Польшу, но из гроба призываем Отчизну»²⁰. В литературе романтизма образ будущей Речи Посполитой так же калькирует прежнюю республику как государство многих наций и конфессий, соединенных в первую очередь лояльностью к государственной власти²¹.

¹⁵ Skarga 1857: 19.

¹⁶ Ibid: 62.

¹⁷ Starowolski 1859: 23.

¹⁸ Bilenky 2012: 18.

¹⁹ Ibid: 21.

²⁰ Kizwalter 2018: 501

²¹ Dybel 2012.

Легкость в национализации истории Речи Посполитой обеспечило единство ключевой лексики: слово «народ», как и этноним «поляк», орфографически осталось прежним, что сделало возможным трансформацию смысла без трансформации формы. Часто встречаемое в источниках слово «отчизна» не потеряло своей этногенетической коннотации, а только усилило ее. *Państwo*, понимаемое в Раннее Новое время как некоторая политически автономная территория²², окончательно превратилось в XIX в. в «государство» (ср. с лирическими «край» и «земля», также используемыми для определения родины²³). Сравнив область применения понятий в XVI-XVII и в XIX в., мы найдем существенные отличия семантики слов, поскольку различна социальная реальность сравниваемых периодов. Так, в XVI в. шляхта начинает представлять себя как обособленный от простолюдинов «народ». О твердом закреплении такого понимания свидетельствует выделение «простого народа» и «шляхетского народа» в привилее Сигизмунда Августа²⁴. К 70-м гг. XVI в. слово «народ» и вовсе стало синонимом слова «шляхта», поскольку мещанство было отстранено от выборов короля²⁵. В результате обширный корпус памятников истории Речи Посполитой XVI-XVII вв. подразумевает под «польским народом» исключительно шляхту. Патриотически настроенный польский читатель XIX в., воспринимавший текст этих сочинений как национальный нарратив, видел понятие соответственно своему времени: с этноязыковых или гражданских позиций, но не из сословных. В связи с этим вся оптика сочинения менялась согласно новому пониманию базовых категорий. Где-то здесь рождается образ поляков Первой Речи Посполитой как государства-нации. Тем удивительнее, как могли не нарушать современных представлений читателя эпизоды, явно говорящие о сословном характере «народа»: например, возмущение Старовольского тем, что поляки «не ведают, что за достоинство от рождения имеют, и с хлопями пиво пьют»²⁶.

В преддверии разделов Речи Посполитой политическая мысль в Польше поднимала вопрос диссонанса между шляхетским и польским гражданским проектами. В 1790 г. анонимный публицист писал: «Любые особые монопольные привилегии принижают всеобщий закон, поэтому было отменено дворянство во Франции. Мы бы еще большее

²² Так и Речь Посполитая - не государство, но структура политического управления - содержала в себе несколько панств; например, территории Литвы выделялись в языке как *państwo* ввиду особой их юрисдикции. См. Kowalski 2013: 183-190. В то же время лексема *państwo* в исторической ретроспективе имело обилие других семантических значений. См. Legomska 2010.

²³ Bilenky 2012: 17.

²⁴ Grzybowski 1970: 69.

²⁵ Лескинен 2002: 53.

²⁶ Starowolski 1859: 150.

одобрение заслужили в глазах Европы, если бы отменили все сословия, и установили одно для всех граждан сословие – шляхетское»²⁷. Воплощением эгалитарных чаяний сторонников польской политической нации стала деятельность Гуго Коллонтая (1750-1812) и принятие Конституции 3 мая 1791 г. В этот период мы наблюдаем характерную полемику о соотношении нации и прежних сословий – полемику, неизменно возникавшую в процессе распространения идеи нации в обществах с жесткой социальной стратификацией. Мало- и безземельная шляхта, недовольная своим положением и тоскующая по шляхетскому равенству XVI-XVII вв., зачастую рассматривала национальный проект как возможность противостоять тенденции проведения иерархии внутри дворянства, наметившейся в XVIII в.²⁸ Их эксклюзивной интерпретации нации, включавшей в сообщество обобщенную шляхту, противостояла инклюзивная. Расширительное понимание польской нации как лояльности Речи Посполитой находим в публицистическом наследии М. Мохнацкого²⁹. Историк Иоахим Лелевель (1786-1861) включал в польскую нацию всех жителей Польши, выводя эту идею из теорий о «древней польской республике» и «древнем славянском коммунизме», которые он развивал в своих трактатах³⁰. В XIX в. вокруг идеи польской нации мы наблюдаем дискуссию, так или иначе привлекающую и интерпретирующую исторические образы. Однако дискуссия эта, будучи посвященной современным процессам, не расширилась до спора об эксклюзивности самой польской истории. Poleмика о соотношении нации и сословий не привела ни к критике истории за ее сословный характер (как это было, например, после революции во Франции), ни к превознесению шляхетского духа в терминах XVI-XVII вв. Конфликт источников с идеей нации будто бы не замечается идеологами романтизма. Если мы обратим внимание на перцепцию исторического нарратива в этот период, то обнаружим любопытный консенсус, идентичный тому, о котором писал вышеупомянутый анонимный публицист. История Речи Посполитой, представленная сочинениями шляхтичей и истолкованная со шляхетских позиций, в XIX в. воспринимается как польская национальная история. В этот период мы не находим ремарок по поводу того, что исторические памятники дают представление об истории шляхты, но не об истории Польши и поляков. Происходит неформальное приобщение всей гражданской польской нации к дворянскому нарративу. В литературе романтизма мы находим образы польского шляхтича как воплотителя духа всей Польши (например, в творчестве Ю. И. Крашевского³¹), а в политической мысли Польского демократического общества – проходящую рефреном идею о том, что

²⁷ Rostworowski 1985: 136.

²⁸ Walicki 1982: 30.

²⁹ Mochnacki 1957: 358.

³⁰ Walicki 1982: 32.

³¹ Bilenky 2012: 26.

простолюдин и дворянин в равной степени представляют польскую нацию³². Культура романтического национализма отказывает во внимании шляхетскому представлению о национальном, в то же время предпринимая попытки ревизии шляхетского же представления о политическом устройстве. Ян Непомук Яновский (1803–1888), чья публицистическая мысль отличается последовательным антиэлитизмом, не видит в истории этнокультурного противопоставления шляхты и неблагородных сословий, сводя противоречие до вопроса доступа к власти. Исходя из этого, Яновский – в пику романтикам, стремящимся возродить «старопольскую республику» – заключает, что Речь Посполитая не была подлинной республикой, так как республиканская идея предполагает включение всех слоев населения в политическую жизнь³³. Форма политического устройства, завязанная на шляхетской идентичности, так же как и сама идентичность, оказывается неприменимой к реалиям XIX в. без должной адаптации.

Способы и формы нациестроительства тесно связаны с социальной стратификацией исследуемых обществ. Если пути исторического развития Западной Европы предопределили ведущую роль «среднего класса» в формировании там национальных идентичностей³⁴, то на территории Центрально-Восточной Европы эту роль в Новое Время играло дворянство³⁵. Поэтому в историографии истории стран данного региона встречаются такие понятия как «дворянский национализм» или «дворянская нация». В 2005 г. И. Глассхайм в монографии «Дворянские националисты: трансформация богемской аристократии» предпринял попытку проанализировать превращение социальных традиций чешских дворян в чешские национальные традиции в XIX–XX вв.³⁶ На польском материале мы также видим пример того, как дворяне, ввиду своего значимого положения в обществе, сыграли ключевую роль в нациестроительстве. Несмотря на продемонстрированную нами выше разницу базовых категорий, польский национализм унаследовал именно шляхетский исторический нарратив. И потому было бы ошибкой заключить, что романтический национализм сконструировал польскую нацию без опоры на исторический материал. В таком случае, как писал Э. Смит, «изобретённая» нация не смогла бы «затронуть такие потаённые струны, вызывая при этом столь долгий отзвук»³⁷. В польском национальном проекте XIX в. всё же существовали такие элементы, которые объединяли его со шляхетским дискурсом XVI–XVII вв., обес-

³² Kizwalter 1999: 230-258.

³³ Walicki 1982: 35.

³⁴ Flora 1999: 135-147.

³⁵ Wandycz 2005: 128.

³⁶ Glassheim 2005.

³⁷ Смит 2002: 256.

печивая тем самым видимую преемственность. Обязанность соответствовать определенному моральному стандарту, стоявшая перед шляхтичем Раннего Нового времени, и пробуждавшаяся не только религиозной, но и светской мотивацией в форме «шляхетского долга»³⁸, в модерную эпоху была прочитана не иначе как представление о гражданском долге. К тому же романтический национализм в лице его политических проводников активно пытался использовать тот демократический потенциал, который содержался в шляхетском проекте (когда даже король – не более чем *primus inter pares*, «первый среди равных»).

Т. Кизвальтер не зря называет Речь Посполитую «республикой, созданной шляхтой для шляхты»³⁹ – шляхетский республиканский проект от польского национального на уровне деклараций отличает элитизм и замкнутость. Но в реальности и проект польской нации долгое время оставался элитистским, поскольку на протяжении XIX века сохранялась пропасть между дворянством и крестьянством. Мобилизовать этничность среди крестьян удавалось редко, поскольку те воспринимали национальные лозунги как лозунги шляхты⁴⁰. В конце концов, национальный проект не предполагал превращения всех поляков в дворян, и простолюдин на деле оставался простолюдином, а шляхтич – шляхтичем, с зачастую сопутствующим этому имущественным расслоением. В результате к 1870 г. только 30-35% польскоговорящего населения территорий бывшей Речи Посполитой идентифицировало себя как поляков⁴¹. Как писал П. Вандыч, «крестьянину потребовалось время, чтобы начать идентифицировать себя с дворянином и обнаружить узы национальной солидарности, связывающие их вместе»⁴².

Говоря о формировании современных наций на фундаменте современных сообществ, нельзя не вспомнить о концепции этно-символизма. Специфика рассматриваемой проблемы в том, что польский национальный и шляхетский сословный проекты не соотносятся друг с другом как нации и предшествующие им «этнии». Шляхта в терминах Э. Смита – это, безусловно, не «этния», а нация, важным условием которой является равенство прав и обязанностей её членов⁴³. В таком случае, в XVIII-XIX вв. на польских территориях произошло не конструирование новой нации, а переформатирование старой, синтезирование культуры из элементов. Польский романтизм взял от шляхетской идеи исторический нарратив; одновременно с этим, польское искусство XIX в. активно заимствовало образы из фольклора, обогатив ими визуальный ряд польского национального мифа.

³⁸ Лескинен 2002: 78.

³⁹ Kizwalter 2019: 2.

⁴⁰ Ibid: 5.

⁴¹ Łepkowski 1967: 508.

⁴² Wandycz 2005: 127.

⁴³ Smith 1991: 14.

Таким образом, опыт польского нациестроительства в XIX в. ценен как пример переформатирования нарративов одного социального проекта (шляхетского сословного) в другой (польский национальный) с выборочным использованием исторического материала. Польский романтический национализм от той репрезентации Речи Посполитой, которая выстраивалась источниками XVI-XVII вв., взял лишь то, что соответствовало запросам XIX в. Это иллюстрирует как особенности национального конструирования истории, так и в целом феномен селективного восприятия реальности. Результатом работы польского романтизма с историей Речи Посполитой стало выстраивание континуитета между модерной идентичностью и идентичностями предшествующих веков (вплоть до постановки знака равенства между ними).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2001. 288 с. [Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni natsionalizma / Per. s angl. V. Nikolaeva; Vstup. st. S. Ban'kovskoj. M.: «KANON-press-TS», 2001. 288 s.].
- Аржакова Л. М. «Сеймовые проповеди» (1597) Петра Скарги: актуальные проблемы и варианты их решения // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб, 2017. С. 267-272. [Arzhakova L. M. «Seimovye propovedi» (1597) Petra Skargi: aktual'nye problemy i varianty ikh resheniya // Tavricheskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. SPb, 2017. S. 267-272.].
- Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / Под ред. Л. А. Софроновой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с. [Leskinen M. V. Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noj ideologii Rechi Pospolitoj / Pod red. L. A. Sofronovoj. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2002. 178 s.].
- Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох; Пер. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. Серия «Новая наука политики». М.: Практикс, 2002. 416 с. [Smit E. Natsionalizm i istoriki // Natsii i natsionalizm / B. Anderson, O. Bauer, M. Hroh; Per. L. E. Pereyaslavtsevoj, M. S. Panina, M. B. Gnedovskogo. Seriya «Novaya nauka politiki». M.: Praksis, 2002. 416 s.].
- Bilenky S. Romantic Nationalism in Eastern Europe: Russian, Polish, and Ukrainian Political Imaginations. Stanford: Stanford University Press, 2012. 389 p.
- Dybel P. The Roots of Polish National Identity. 2012. URL: <http://info-poland.icm.edu.pl/classroom/roots.html>
- Flora P., Kuhnle S., Urwin D. State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan. Based on his collected works. Oxford: O.U.P., 1999. 422 p.
- Glassheim E. Noble Nationalists: The Transformation Of The Bohemian Aristocracy. Camb. (Mass.): Harvard University Press, 2005. 299 p.
- Grzybowski K. Ojczyzna, naród, państwo. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1970. 220 s.
- Jezierski F. S. Niektóre wyrazy porządkiem abecadła zebrane i stosownymi do rzeczy uwagami objaśnione (1791) // Jezierski F. S. Wybór pism / oprac. Z. Skwarczyński, J. Ziomek. Warszawa: Państwowe Instytut Wydawniczy, 1952. 351 s.
- Kizwalter T. Nowoczesny naród, nowoczesna religijność – przypadek Polski // XX Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Lublin, 2019.
- Kizwalter T. O nowoczesności narodu. Przypadek Polski. Warszawa: Wydawnictwo naukowe Semper, 1999. 331 s.
- Kizwalter T. Pozagrobowy żywot Rzeczypospolitej // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CXXXV. № 2. 2018. S. 499-505.

- Kot S. Polska złotego wieku a Europa. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987. 914 s.
- Kowalski M. Księstwa Rzeczypospolitej: państwo magnackie jako region polityczny. Warszawa: Instytut Geografii i i Przestrzennego Zagospodarowania PAN, 2013. 396 s.
- Legomska J. Państwo, naród, ojczyzna w dawnej polszczyźnie. Leksykalno-semantyczny opis pojęć. Katowice: Wydawnictwo Uniwersitetu Śląskiego, 2010. 179 s.
- Łepkowski T. Polska – narodziny nowoczesnego narodu, 1764-870. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967. 540 s.
- Mochnacki M. Pisma wybrane. Warszawa: Książka i Wiedza, 1957. 496 s.
- Modrzewski A. F. O poprawie Rzeczypospolitej / Red. K. J. Turowski. Przemyśl: Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, 1857. 360 s.
- Orzechowski St. Żywot i śmierć Jana Tarnowskiego / Red. K. J. Turowski. Sanok: Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, 1855. 148 s.
- Ossoliński J. Żywot i sprawy Stanisława Orzechowskiego. Część I. Kraków, 1851. 506 s.
- Rostworowski E. Popioły i korzenie. Szkice historyczne i rodzinne. Kraków: Wydawnictwo „Znak”, 1985. 568 s.
- Skarga P. Kazanie sejmowe, także wzywianie do pokuty obywatelów Korony Polskiej / Red. K. J. Turowski. Kraków: Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, 1857. 160 s.
- Smith A. D. National Identity. London: Penguin Books, 1991. 226 p.
- Starowolski Sz. Reformacja obyczajów polskich / Red. K. J. Turowski. Kraków: Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, 1859. 361 s.
- Tazbir J. Język polski a tożsamość narodowa // Nauka. № 2. 2011. S. 7-16.
- Walicki A. Philosophy and Romantic Nationalism: The Case of Poland. Oxford: The Clarendon Press, 1982. 415 p.
- Wandycz P. The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present. 2nd edition. London – New York: Routledge, 2005. 309 p.
- Zieliński A. Naród a narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815-1831. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1969. 280 s.

Басов Иван Михайлович, аспирант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет; vbim17@yandex.ru

From the People to Citizenship: the Problem of Constructing Polish Historical Narrative in the 18th-19th Centuries

The article considers the process of transformation of ethnogenetic and estate categories into modern national ones using the example of the Polish Enlightenment and romantic nationalism. Reading the historical sources of the 16th–17th centuries, which ideologists of the Polish national project were guided by, reveals an inconsistency in the framing of fundamental concepts. However, the inconsistency remained unnoticed by the masterminds of the national project in the 19th century. This is a reason to ask the question: why was the construction of a historical narrative not hindered by historical sources, and how did the national narrative manage to reconcile the estate past with the egalitarian idea of a civil nation?

Keywords: fellow citizenship, cultural memory, Polish romantic nationalism, historical narrative, national identity, images of the past

Ivan Basov, graduate student, Saint Petersburg State University, Institute of History; vbim17@yandex.ru

Г.Ю. АРТИУХ, Е.А. ЧИГЛИНЦЕВ, Д.В. ШМЕЛЁВ

АНТИЧНОСТЬ И ЕЁ НАСЛЕДИЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ УЗНИКА ОСТРОВА СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

В статье исследуется проблема личностного отношения Наполеона Бонапарта к античности. В центре внимания авторов находятся различные аспекты восприятия античности в имперскую эпоху, создававшие социальный и культурный фон. Применительно к Наполеону авторы обращаются ко времени пребывания его на острове Святой Елены. Основным источником являются мемуары графа Лас-Каза, а также личные записи Наполеона. Из них следует, что на острове Наполеон не раз обращается к античности, к её наследию, которое во многом повлияло на его мировоззрение, став для него своего рода ориентиром, источником знаний и опыта. Рассуждения о древней государственности, политических и военных деятелях античности, оценки и анализ исторических событий позволяют определить специфику отношения Наполеона к античной истории. Обращение к античности позволяет Наполеону и в изоляции остаться одним из выдающихся интеллектуалов своего времени.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, античность, Империя, Консульство, Лас-Каз, реценция

В огромном поле мирового наполеоноведения львиная доля работ посвящена международным отношениям эпохи, военной истории, в том числе и русско-французским войнам, внутривосточному развитию Франции и эволюции системы власти. В последние десятилетия специалисты обратили внимание на роль националистических интересов ряда народов в общеевропейской игре Наполеона (польский фактор, литовский фактор). И, конечно, историков не перестает интриговать личность Наполеона Бонапарта, продолжающего оставаться одной из самых привлекательных фигур мировой истории, независимо от того, с каким знаком – «плюс» или «минус» – она оценивается. Написанные в разные годы в СССР Е.В. Тарле¹ и А.З. Манфредом² биографии Наполеона, стали достоянием не только науки, но фактом массового интереса к личности, неординарной для русской исторической памяти³.

Отдельное направление – культурная миссия Наполеона, который способствовал развитию наук и искусств, права и образования в Европе в целом. Вот почему в современном наполеоноведении начинает активно звучать тема рецепции античности.

Проблема взаимоотношений наполеоновской эпохи с античностью на первый взгляд достаточно простая. В историографии много писали об античных образах в творчестве Ж.-Л. Давида или А. Канова («самый выдающийся скульптор со времен Фидия», «итальянский Пракситель»), влиянии восточных мотивов после египетской экспеди-

¹ Тарле 1992.

² Манфред 1973.

³ Wesling 2001; Муравьева 2005; Дмитриева, Иванова 2016.

ции, реализации положений римского права в Гражданском кодексе, символике власти (например, орлы, легионы, сами понятия «Консулат» и «Империя»), стиле ампир и невероятном количестве реминисценций античности в архитектурном облике Парижа⁴.

Вместе с тем, проблема сосуществования новой эпохи и античности более глубокая и ее исследование раскрывает несколько важных пластов, лежащих в политическом и культурном контексте XVIII века.

Во-первых, необходимо отметить, что поколение, оказавшееся у власти в период Консульства и Империи, сформировалось в годы Старого режима. Античность была частью его культурной социализации. Неоклассицизм в культуре и повседневной жизни аристократических и буржуазных кругов, постоянное обращение к античным мотивам в культуре и преподавании, раскопки Геркуланума и Помпей (вызвавшие интерес к римскому наследию), возникновение археологических музеев и частных коллекций, путешествия на восток и многое другое – все это становится маркером образованной дореволюционной элиты. Но в последующие революционные десятилетия культурный престиж античности останется важным для наполеоновской политической и административной элиты. Эти люди обучались в коллежах Старого режима, учили латынь, читали Плутарха, Тита Ливия и других авторов, мечтали стать героями, наподобие античных. Из античности XVIII века был унаследован миф о республике, основанной на добродетелях граждан, равно как и восприятие Римской империи как периода упадка и тиранической власти. Культурный уровень революционной элиты отмечен неоклассическим вкусом. Литература, живопись, скульптура, декор интерьера, мебель, мода – все это, что их окружало в повседневной жизни, так или иначе находилось под знаком античности⁵. В политическом контексте, античность связана с процессом формирования французской нации. При Старом режиме ее истоки и черты ищут в исторических сочинениях античных авторов. Эти искания обретут политическую почву в годы Революции и Империи. Тогда нация будет провозглашена обладателем суверенитета, а из античности будут востребованы модели для воспитания граждан или отсылки к государственному качеству, важные для формирования новой политической культуры⁶.

Во-вторых, можно констатировать определенный разрыв, который демонстрирует наполеоновская эпоха с периодом Революции и Старого режима в восприятии античности. Героическая, дидактическая, морализаторская античность уступает место другой. Если якобинцы ассоциировались со спартанской простотой, обращением к демократическому опыту греков или ранних римлян, то Консулат подобен позднему Риму. Новый режим выбирает римскую терминологию (консулы, префекты,

⁴ См., например: Mossé 1989; Герман 1964; Федотова 2002.

⁵ Dousset-Seiden 2005: 65.

⁶ Dousset-Seiden 2005: 59-60. См. также: Nicolet 2003.

орден почетного легиона и т.п.), римские политические традиции (персонализация власти Первого Консула, победоносного генерала, стремящегося к миру после военной победы). Бонапарт уподобляется Цезарю (завоевавшему и Францию, и Италию), Консулат – триумvirату, гражданская власть первенствует над военной, начинается кодификация законов, строительство дорог и инфраструктуры. В конечном итоге, в политической культуре Консулата «Рим заменил Спарту»⁷.

С созданием Империи прослеживается еще один разрыв, уже «внутри Рима». Наследие античного Рима не является объединяющим, напротив, оно есть источник различий и противостояния внутри нации. В самом деле, можно ли примирить право северных и южных областей страны, подчас имевших разную юридическую традицию и культуру? Гражданский кодекс символизирует «сделку» между французским и римским правом. Наполеона, ставшего императором, сравнивают теперь уже не с Цезарем, а с Августом. В 1804 г. Бонапарт провозглашен «императором французов» Сенатом и народом, как и Август. Рим по-прежнему в почете, но это уже имперский Рим. Более того, эта эволюция имеет ряд признаков, которые проходят под знаком формирования нации: отказ от отождествления Спарты и Афин со свободой и равенством и отсылка к реальности античного рабства, отказ от мифологизации и героизации греческой античности и республики (например, у Вольнея), внимание к более глубоким историческим истокам (кельтам и галлам) и возникновение «кельтомании», наконец, на смену Августу приходит образ Карла Великого (в какой-то мере это символизирует картина Ж.-Л. Давида «Бонапарт на перевале Сан-Бернар», где на камнях выгравированы имена Бонапарта, Ганнибала и Карла Великого)⁸.

В-третьих, повседневность также символизирует укоренение античности в годы Консульства и Империи⁹. В старых аристократических и новых имперских кругах античность, по сути, одна – галантная и легкомысленная. Можно отметить навязчивость и принудительность моды на античный манер, присутствие антично ангажированных артистов (например, Тальма), имитацию в одежде и образе жизни (мода на римские туники, праздники). Дома теперь строятся и декорируются на греко-римский лад. Возникает мода на «парки настроения» (с дикой природой со скалами, шумными водопадами, мрачными пещерами и т.п.). Наполеон окружает себя обстановкой римских императоров. Даже спальня императора в Мальмезоне стилизована под походную палатку римского центуриона. Приемы и салоны проводятся в пышной торжественности. Аскетичный «Век Перикла», на который ориентировалась Революция, уступает пышному «веку Августа» с перестройкой Парижа, предпочтению римским классическим формам, монументальностью

⁷ Dousset-Seiden 2005: 65.

⁸ Dousset-Seiden 2005: 66-67, 69-73. См. также: Bonnet 2004.

⁹ Tulard 1983.

(арка Карусель, Триумфальная арка, Вандомская колонна со статуей императора, облаченного в римскую тогу, церковь Мадлен, античные галереи). «Рим» теперь не в Риме, а в Париже, а Франция – наследник славы и культуры Рима¹⁰.

В этом контексте остается не изученной проблема личностного отношения Наполеона Бонапарта к античности: в каких случаях он обращается к этой эпохе, как сквозь призму античности просматриваются его ценностные ориентиры и представления о себе и о мире, об исторических персонажах и сюжетах древности. Хотя античным наследием и античной историей Наполеон интересовался на протяжении всей жизни, самый крупный массив материалов, обращенных к этой эпохе, отложился от времени его пребывания на острове Св. Елены.

Именно потому основным нашим источником являются мемуары графа Лас-Каза «Мемориал святой Елены»¹¹. Граф Лас-Каз в годы революции вынужден был эмигрировать в Англию, но уже в 1802 г. вернулся во Францию. В 1809 г. получил должность камергера. В 1815 г., когда Наполеон был вынужден покинуть Францию, Лас-Каз решил отправиться в изгнание вместе с ним и на протяжении полутора лет, став его личным секретарём, тщательно записывал свои разговоры с императором. Дидьё Лё Галль в специальной работе, посвященной анализу этих записей¹², показывает Лас-Каза как редактора и первого читателя мемуаров, который активно «участвует в построении сюжета как инструмента мобилизации общественного мнения», Лё Галль называет это стратегией «письма в четыре руки», направленной на поддержку политической деятельности Наполеона¹³.

Нами используются также личные записи Наполеона «Максимы и мысли узника Святой Елены»¹⁴ и «Египетский поход»¹⁵. Они объединены тем, что были написаны во время ссылки Наполеона, т.е. в его размышлениях предпринимается явная попытка некоторого осмысления своего пути и своего места в истории. В качестве своеобразной «призмы» интеллектуальной и политической самоидентификации узника острова Св. Елены и выступает античность. На основании высказываний, оценок, предпочтений и примеров можно составить его представление об этой эпохе человеческой истории. Это прежде всего:

1. Определённый круг людей, личностей ярких, знаковых – здесь и военные деятели, и политики, и деятели культуры (Александр Македонский, Цезарь, Гомер, Цицерон).

2. Политическая история Греции и Рима в древности – прежде всего военная (греко-персидские войны, пунические войны, граждан-

¹⁰ Буровский 2010; Rowell, 2012; Постникова 2015; Шистеров 2015.

¹¹ Лас-Каз 2014.

¹² Le Gall 2003.

¹³ Charpey 2004.

¹⁴ Бонапарт 2015.

¹⁵ Бонапарт 2011.

ская война в Риме, походы Александра Македонского), а также отдельные оценки политических реалий тех или иных государств древности.

3. Античное наследие (очень сильно его привлекают древние артефакты). Их получению способствовали и научные экспедиции, организованные Наполеоном, например, в Египет. «Это был сильный рычаг для развития науки великой страны, обладающей огромным интеллектуальным потенциалом и большими знаниями...»¹⁶.

Античность сопровождала Наполеона ещё с рождения. По легенде, 15 августа 1769 г. его мать не успела после мессы добраться до кровати и родила Наполеона на ковре, на котором были изображения героев какой-то старинной легенды, возможно, «Илиады»¹⁷.

Еще будучи учеником в военной школе в Бриенне, семилетний Наполеон, как свидетельствует Бурьенн (сокурсник Наполеона), «Бежал в библиотеку, где с жадностью читал книги, в особенности Полибия и Плутарха». А старший брат Наполеона Жозеф свидетельствует, что дорожный сундук Наполеона был наполнен книгами – сочинениями Плутарха и Платона, Цицерона, Корнелия Непота, Тита Ливия, Тацита¹⁸. Таким образом, у Наполеона ещё с юности был неподдельный интерес к истории античности. Главным чтением и тогда, и позже были все-таки биографии Плутарха¹⁹. О восемнадцатилетнем Наполеоне аббат Рейналь (директор школы в Бриенне) говорил: «этот молодой человек воспитан по античному образцу. Он – один из героев Плутарха»²⁰.

К античным авторам Наполеон постоянно обращается и находясь на острове Св. Елены. В детстве он читал источники, а став взрослым, способствовал их изданию. 22 сентября 1816 года Лас-Каз записывает, что Наполеон дал ему просмотреть книгу «древнегреческого географа и историка Страбона; сборник был издан по распоряжению императора. Он с одобрением отозвался о тщательности, с которой издан этот сборник, и сказал, что у него было намерение издать, со временем, все работы древних авторов, официальным распоряжением возложив эту обязанность на Институт». О работе над античными источниками Лас-Каз пишет и дальше: «В течение нескольких последних дней император работал с большим усердием, каждое утро посвящая изучению Египта по работам античных авторов. Мы вместе просматривали работы Геродота, Плиния, Страбона и др., без какого-либо перерыва...»²¹. Наполеон использует источники только в переводе на французский язык, так как ни по-гречески, ни по-латыни он не читал. Он весьма иронично по этому поводу замечает: «Я вижу, что вы такой же грамотей, как и я», – говорит Наполеон Лас-Казу в связи с тем, что ни тот, ни другой не мо-

¹⁶ Лас-Каз 2014. Кн. II: 276.

¹⁷ Лас-Каз 2014. Кн. I: 85.

¹⁸ Манфред 1973: 26-27.

¹⁹ Boudon 2014: 35.

²⁰ Лас-Каз 2014. Кн. I: 92.

²¹ Лас-Каз 2014. Кн. II: 495; 511.

гут перевести греческий текст, написанный на одной из его многочисленных табакерок²². Таким образом, на острове Св. Елены античность окружает Наполеона, как минимум, на уровне повседневности. Лас-Каз описывает личные вещи своего компаньона из его саквояжа. Там он находит «коробочки с изображением императора Августа и историка Ливия, обе чрезвычайно ценные; изображение сцены “Воздержание Сципиона” на табакерке... и другие табакерки, которыми ежедневно (! – *авт.*) пользовался император, с медальонами Цезаря, Александра Македонского, Суллы и т.д.»²³.

Присутствие античности в жизни окружения Наполеона на острове выглядит абсолютно обыденно. Так он даёт близким к нему людям новые имена, имеющие античные корни. Как замечает Лас-Каз, «наш хозяин в “Бриарах” стал нашим *Амфитрионом*; его сосед, майор, ростом под два метра, – *Геркулесом*», а бедную девушку, живущую по соседству, он окрестил «*Нашей нимфой*»²⁴. Он, не задумываясь, в беседе мог привести очень точные примеры из античной литературы, истории или мифологии. Характерный эпизод со своим участием приводит мемуарист. «Возможно, мой дорогой Лас-Каз, вам не терпится спросить подобно тому, как министр Пирра спросил своего господина: “и, в конце концов, ради чего всё это?”»²⁵. Здесь упоминается эпизод, описанный Плутархом, когда известный оратор, достойный ученик Демосфена, служивший при дворе Пирра, Киней поинтересовался у царя, ради чего он начинает войну в Италии, если всё, о чём он мечтает уже достигнуто без дополнительных жертв и кровопролития (Plut. Pirr. 14). Или упоминание Наполеоном о своей ране, полученной в Тулоне: «рана, как он сказал, была похожа на ту, которую получил Одиссей и благодаря которой его узнала старая няня»²⁶. Речь идет об известном эпизоде «Одиссеи», когда Еврикля, ощупав ногу странника во время мытья, по ране узнала своё «золотое дитя» (Hom. Od. XIX. 465-471).

«Одиссея» была постоянным чтением. «Все наши вечера посвящаются “Одиссеи”, от которой мы получаем настоящее наслаждение. Полифем, Тирезий и сирены просто очаровали нас»²⁷. Упомянув эпизод, где описывается драка Улисса с Иром на пороге Дворца (Hom. Od. XVIII. 1-59), Наполеон подчёркивает, что может представить себя на месте Улисса и понять страх монарха или генерала быть поверженным жалким нищим». Из этого эпизода Наполеон делает вывод, что в наши дни таких героев нет, и сила не играет уже определяющей роли во власти²⁸. Постоянным чтением была и «Илиада», которую Наполеон назы-

²² Лас-Каз 2014. Кн. I: 177.

²³ Лас-Каз 2014. Кн. I: 184-185.

²⁴ Лас-Каз 2014. Кн. I: 337.

²⁵ Лас-Каз 2014. Кн. II: 658.

²⁶ Лас-Каз 2014. Кн. II: 331.

²⁷ Лас-Каз 2014. Кн. II: 489; 496; 513.

²⁸ Лас-Каз 2014. Кн. II: 542.

вает символом своего века «Подобно Библии Моисея». Он постоянно обращается к ней, Лас-Каз пишет «Император прочёл несколько песен из неё, останавливаясь на различных местах, чтобы, по его словам, вдоволь насладиться ими. Его замечания были детальны и оригинальны»²⁹. В другом случае Лас-Каз пишет: «Этот вечер, как и два предыдущих был поделён между Карлом Великим и Гомером, о последнем император сказал, что он читает его ради улучшения настроения»³⁰.

Постоянным чтением об античности, еще со времен юности, были и книги Шарля Роллена³¹, к которому Наполеон обращается и во время изгнания. «Император часто листает работы Роллена, которого считает излишне многословным и поверхностным»³². У Роллена и у Цезаря (Bell. Gall., 1, 2-29) Наполеон обнаружил неясности при описании Галльской войны. «Ему совершенно не ясно, каким образом осуществлялось вторжение гельветов...: какой дорогой они шли, к какой цели стремились, сколько времени потратили на переправу через Сону». Он-Наполеон критически оценивает описание Ролленом походов Александра Македонского, считает, что изложение не даёт чёткого представления о грандиозных замыслах Александра Македонского. «Император выразил пожелание лично заняться описанием похода Александра»³³.

Наполеон любил сравнения современников с античными персонажами и с удовольствием упоминал случаи, когда его сравнивали с античными героями³⁴. Античные образы используются Наполеоном при формулировке назидательных и поучительных примеров в беседах со своей свитой. Так, например, при чтении Дидро он вдруг обращается к теме спасения от опасности: «кто не знает, что единственное спасение от любви заключается в бегстве от неё? Когда Менстор хочет спасти Телемаха от любви, он отправляет его в море. Когда Одиссей стремится спастись от сирен, он заставляет себя ускорить движение своего корабля, залепив воском уши своих спутников»³⁵. Наполеон рассуждает и о национальном характере французов, подчёркивая, что сегодняшние французы недалеко ушли от своих предков галлов: «мы по-прежнему сохраняем то же самое легкомыслие, то же самое непостоянство и, прежде всего, то же самое тщеславие»³⁶.

Наполеон использует античность для разного рода метафорических замечаний. Он неоднократно упоминает о «яде Митридата»: в одном случае он говорит, что «клевета действует только подобно яду Митридата», а в другом – что яд «уже не действует на Митридатов»³⁷.

²⁹ Лас-Каз 2014. Кн. II: 469.

³⁰ Лас-Каз 2014. Кн. II: 483.

³¹ Boudon 2014: 36.

³² Лас-Каз 2014. Кн. I: 367.

³³ Лас-Каз 2014. Кн. I: 467; 496-497.

³⁴ Лас-Каз 2014. Кн. II: 74.

³⁵ Лас-Каз 2014. Кн. II: 250.

³⁶ Лас-Каз 2014. Кн. I: 240.

³⁷ Лас-Каз 2014. Кн. I: 329; 132.

Античность дает ему материал для характеристики современных политических деятелей. «Жирондисты, словно пылкие юноши, были полны грёз о величественной античности, о Древних Афинах и Древнем Риме»³⁸. Наконец, обращаясь к оценке архитектурного наследия античности, он показывает значение некоторых городов и перспективы их восстановления. «Император заявил, что если бы Рим оставался под его властью, то древний город вновь возродился бы из своих руин. Он очистил бы его от всего хлама и восстановил во всей красе, насколько это возможно. ...подобную работу он осуществил бы и в окрестностях Рима. Она могла коснуться также и Геркуланума с Помпеей»³⁹. Наполеон выделяет Александрию. Как город, по его мнению, она могла бы стать столицей мира. Возможно, это дань уважения Александру Македонскому, великому основателю этого города. Также он говорит, что Александрия – давняя житница сначала Рима, а затем Константинополя⁴⁰, в очередной раз, подчёркивая ее историческую важность.

Заклучение на острове св. Елены обернулось для Наполеона большими лишениями (стеснение личной свободы, низкое качество пищи, оскорбительное отношение местной администрации), в результате он приходит к размышлениям над своей судьбой, над миром, над своим местом в этом мире, погружается в философские рассуждения. Независимо от самочувствия, обстоятельств в которых находился Наполеон, по свидетельству Лас-Каз, его окружения постоянно чувствовало неподдельный его интерес к собственной деятельности. «Он анализирует планы и поведение монархов, сравнивает их с собственными планами и поведением, оценивает и говорит о своём правлении и о своих деяниях», одним словом, они видят в нём «истинного» Наполеона⁴¹.

Одна из тем, к которым Наполеон постоянно обращается в своих размышлениях, это тема предательства. Надо сказать, что об этом он говорит часто, так как периодически с этим сталкивался. Здесь и предательство маршала Нея в битве при Ватерлоо, предательство маршала Мюрата (который был назначен командующим остатками «русской» армии, однако ради сохранения своей власти в Неаполитанском королевстве бросил её), предательство многих бывших генералов, которые перешли на сторону Бурбонов. Во время одной из прогулок Наполеон рассказал историю об одном из своих соратников, которого объявил предателем на заседании государственного совета, пояснив, что этот человек, находившийся на службе с самого момента начала управления государством, «стал первым, кто предал меня»⁴². В этом вопросе он связывает себя с деятелями предыдущих эпох. Ближе к нему по времени граф Тюренн, а далее – Фемистокл. Отражением этих рассуждений

³⁸ Лас-Каз 2014. Кн. II: 64.

³⁹ Лас-Каз 2014. Кн. I: 459.

⁴⁰ Бонапарт 2011: 63.

⁴¹ Лас-Каз 2014. Кн. I: 487.

⁴² Лас-Каз 2014. Кн. I: 201.

становится письмо императора к королю Англии. В этом письме Наполеон сравнивает себя с Фемистоклом: «Я, подобно Фемистоклу пришёл к очагу английского народа»⁴³. Здесь возникает вопрос уже к самому Наполеону, поскольку он резко критиковал действия графа Тюрэнна, говоря, что он совершил величайшее преступление, когда воспользовался услугами испанцев (т.е. врагов Франции) против своей родины, а здесь Наполеон сравнивает себя с тем, кто бежал к персам, кого греки обвинили в предательстве. У Наполеона можно заметить сходство между его представлениями о предательстве и представлениями об этом греков. Но здесь же есть место и противоречию в его словах, не ясно, либо это просто красивое сравнение со ссылкой на античность, либо здесь просто отражены двойные стандарты. Судя по рассказу одного из адъютантов, переданному Лас-Казом, Наполеон думал о предательстве и о Фемистокле практически постоянно⁴⁴.

Оценки исторических личностей античности даются вместе с анализом их деяний и деяний самого Наполеона. Обратившись в воспоминаниях к своей первой итальянской компании 1796-1797 гг., по его словам, он ещё тогда создал образ того, кем должен был стать. «Моё поведение должно было быть безупречным и примерным... Я оказался кем-то вроде Катона Старшего. В глазах всех я должен был производить впечатление именно такого человека»⁴⁵. Здесь имеется в виду идеал республиканца, презирующего роскошь, более того, такой человек для него «безупречный», этот образ выставлен им в качестве идеала ещё тогда, когда он лишь играл эту роль, но еще не был таковым.

Удалившись от дел и обратившись в изгнании к анализу собственного полководческого пути, Наполеон не мог миновать рассуждений о древних и современных приёмах ведения войны. Обобщая опыт античных полководцев, он сказал: «Ни одно великое дело не является результатом лишь случая и удачи, оно всегда – итог размышлений и действий гения. ...Посмотрите на Александра Македонского, Цезаря, Ганнибала... – они всегда добивались успеха. Разве они великие только потому, что им сопутствовала удача? Нет, они стали великими людьми, потому что, обладали искусством покорять удачу. Если исследовать причины их успеха, то с удивлением обнаруживаешь: они делали всё для того, чтобы добиться его». В качестве примеров Наполеон рассматривает карьеры самых известных полководцев древности⁴⁶. Александр Македонский не просто выдающийся полководец, но ещё и политик, и законодатель. По мнению Наполеона, он «ещё в ранней юности, всего лишь с горсткой храбрых войск, завоевал четверть Земного шара», что

⁴³ Лас-Каз 2014. Кн. I: 31.

⁴⁴ Лас-Каз 2014. Кн. II: 695.

⁴⁵ Лас-Каз 2014. Кн. I: 98.

⁴⁶ Один из них стал героем очередной максимы: «Победу одерживают не числом. Александр победил триста тысяч персов во главе двадцати тысяч македонян. Дерзкие предприятия и мне особенно удавались». (Бонапарт 2015. LVII).

не может быть неожиданным. Правда, Наполеон подчёркивает, что когда Македонский достиг «зенита славы, от всего этого у него голова пошла кругом, а сердце ожесточилось. Он начал свою карьеру с головой Траяна, а закончил её с сердцем Нерона и нравами Гелиогабала». Что касается Цезаря, которого Наполеон считал «одной из самых привлекательных личностей в истории», узник острова Св. Елены обратил внимание, что в противовес Александру Македонскому он начал карьеру в довольно зрелом возрасте, но «в конце концов ему удалось проявить своё весьма активное и выдающееся мышление», однако, «его великие военные достижения нельзя приписывать только случаю и удаче». Ганнибал, по мнению Наполеона, «является наиболее удивительной из них личностью». Он пожертвовал половиной своей армии, чтобы всего лишь обрести поле сражения, затем шестнадцать лет «правил» Италией и лишь когда римляне воспользовались его же уроками и отправились на территорию Карфагена, чтобы там дать ему бой, он «оставил в покое свою жертву». Разве это «всего лишь результат случая и милость судьбы?»⁴⁷. «Все эти полководцы Древнего мира, – продолжал Наполеон, – а также те, кто в современном мире успешно следуют по их стопам, добиваются больших успехов только благодаря тому, что они подчиняются правилам и принципам военного искусства...» Что же касается собственных современников, то Наполеон предлагает им «тщательно подражать» античным предшественникам: «Таким образом, они стали нашими лучшими образцами, и, только тщательно подражая им, мы можем надеяться, что приблизимся к ним»⁴⁸. Здесь он буквально следует аристотелевой теории мимесиса в самом широком антропологическом ее толковании.

Одновременно в его словах есть и сомнение в достоверности рассказов о великих армиях древности. Так, например, Наполеон не верит в бесчисленные армии карфагенян в Сицилии в период войн с Римом, он говорит, что подобная масса войск «была бы бесполезной в такой незначительной военной компании, и если Карфаген был способен собрать такую мощную армию, как объяснить то, что в военном походе Ганнибала, имевшем гораздо большее значение, участвовало не более сорока или пятидесяти тысяч человек?»⁴⁹. В данном случае речь идёт о первой Пунической войне, о её начале. В самом деле, нам известно, что на Сицилии были задействованы Карфагеном около 100 тысяч наёмников, и это не считая регулярных частей. Наполеон делает вполне справедливое замечание, что поход Ганнибала играл намного большее значение, и вопрос стоит о том, почему в Альпы были посланы гораздо меньшие силы. Что же касается вопроса о преувеличении потерь, то это вполне нормальная практика для античности. Так, по греческим источ-

⁴⁷ Лас-Каз 2014. Кн. II: 723-724.

⁴⁸ Лас-Каз 2014. Кн. II: 725.

⁴⁹ Лас-Каз 2014. Кн. I: 208.

никам, персидская армия во время битвы при Марафоне по размеру оценивается у Лисия (Lys. II, 21) в 500 тысяч человек, у Юстина – в 700 тысяч (Just. II, 10, 18), когда же речь заходит о потерях, то по Геродоту, то со стороны греков погибло 192 человека, а со стороны персов – 6400 (Hdt. VI, 117). Нужно отметить также и то, что сам Наполеон в своих прокламациях к солдатам, или бюллетенях во Францию зачастую преуменьшает свои потери и преувеличивает вражеские, впрочем, это абсолютно нормальная практика и для других эпох.

Наполеон также сомневается в некоторых событиях, как, например, в заговоре Катилины: «император не может понять причины заговора в том виде, в каком он описан. “Каким бы Катилина ни был злодеем, ...он должен был иметь какую-то цель, и она не могла заключаться в том, чтобы стать правителем Рима, поскольку его обвиняли в намерении поджечь четыре квартала города”»⁵⁰. Наполеон считал более вероятным, что Катилина стоял во главе некой антиримской фракции, подобной тем, что были организованы Марием и Суллой. Наполеон сравнивает это событие с деятельностью братьев Гракхов. «История... представляет этих Гракхов как мятежников, как противников существовавших государственных порядков и как преступников», однако Наполеон сомневается в таком утверждении, считая, что это историки, «раболепствовавшие перед победившей стороной, передали новым поколениям характеристику этих личностей в том духе, который устраивал тогдашний правящий деспотичный режим. Во времена древнеримских императоров было необходимо придерживаться оценки братьев Гракхов в прежнем виде...»⁵¹, а более современные к нему историки (Роллен и Кретье), просто переняли от древних историков эту информацию.

Наполеон критикует историков, порицает их за то, что он называет «историческими глупостями», он упрекает их за преувеличение того, что не заслуживает особого внимания. «Подобные случаи, прежде всего доказывают, ... что историки формируют ошибочное мнение о людях и обстоятельствах. Например, они не правы, когда чрезмерно восхищаются половым воздержанием римского полководца Сципиона или когда их охватывает иступлённый восторг от хладнокровия Александра Македонского, Юлия Цезаря...»⁵². Что касается воздержания Сципиона, то имеется ввиду описанный Титом Ливием (Liv. XXVI, 50) эпизод, когда Сципион передал пленную девушку её жениху, а выкуп, который предлагали её родители, передал в качестве приданного. Совершенно иную трактовку этого исторического прецедента Наполеон даёт в другом месте. Он рассказывает о некой ирландской девушке, которую к нему подслали с совершенно определёнными намерениями, он узнал о тайном замысле и велел отправить её домой. Он пишет о

⁵⁰ Лас-Каз 2014. Кн. I: 463.

⁵¹ Лас-Каз 2014. Кн. I: 464-465.

⁵² Лас-Каз 2014. Кн. I: 466.

себе: «Это был акт воздержания, которым я мог бы, возможно, гордиться с гораздо большим основанием, чем знаменитый Сципион», а вывод Наполеон делает следующий: «Таким образом и пишется история»⁵³. Среди мелких деталей, на которые обращал внимание Наполеон при описании истории античных полководцев, то, что они (Цезарь и Александр Македонский) могли спать «накануне сражения»⁵⁴.

Рассуждая о лучших воинах в ответ на вопрос госпожи де Монтлон он подчеркнул: «Солдаты также своенравны и непостоянны, как и вы, женщины, лучшими воинами были карфагеняне во главе с Ганнибалом, римляне под командованием Сципионов, македонцы, когда их вёл Александр Македонский и пруссаки при Фридрихе Великом», но «французские войска, по сравнению с другими, были лучшими»⁵⁵.

Оценка политического наследия древности у Наполеона теснейшим образом связана с современностью. «Демократия может быть неистовой, но у неё есть сердце, и её можно растрогать. Что же касается аристократии, то она всегда равнодушна и неумолима»⁵⁶. Вообще рассуждения Наполеона о прошлом всегда имеют актуальную политическую направленность. В частности, он рассуждает и об освобождении Греции от турецкого владычества. «Греция ждёт освободителя! Это будет блестящая корона славы! Освободитель Греции навечно впишет своё имя в летопись истории наряду с именами Гомера, Платона и Эпаминонда!.. Я, вероятно, был недалёк от этого, когда во время военной кампании в Италии вышел на берега Адриатического моря и написал Директории, что перед моими глазами находится царство Александра Македонского!..»⁵⁷.

Став невольным историком собственной жизни, сопоставляя исторические реалии прошлого и настоящего, Наполеон задумывается над важнейшим вопросом, а что собой представляет правда истории? Он видит в этом вопросе две стороны: явные факты и моральные намерения; и в том, и в другом случае мы имеем дело с отсутствием единства в оценках. Эти размышления о правде истории интересуют Наполеона, прежде всего, в связи с тем, какой образ в истории останется от него. «Люди будут отдавать мне должное за глубину и проницательность в событиях, которые, вероятно, сами по себе были весьма простыми». И продолжает: «То небольшое, что они знали, зачастую было только частью великого целого, которого они не ведали. Они видели только ту сторону призмы, которая касалась их, – и даже тогда, хорошо ли они видели её? Была ли она полностью доступна им? Разве не была она уже разбита?»⁵⁸. Наш источник сообщает и об исследовательском методе

⁵³ Лас-Каз 2014. Кн. II: 144.

⁵⁴ Лас-Каз 2014. Кн. I: 466.

⁵⁵ Лас-Каз 2014. Кн. II: 381.

⁵⁶ Лас-Каз 2014. Кн. II: 682.

⁵⁷ Лас-Каз 2014. Кн. I: 440.

⁵⁸ Лас-Каз 2014. Кн. II: 764-765; 766-767.

Наполеона. Приведа большой рассказ императора об истории древнего Рима, связанный с именами Суллы, Ганнибала, Фламиния, Мария, основанный на тех знаниях, которые Наполеон получил на протяжении своей жизни, и, сочтя это повествование прекрасным «своей правдивостью, манерой выражения и, прежде всего, своей исторической ценностью», Лас-Каз восхищается методом его работы над историческим материалом. «Император всегда диктует без малейшей подготовки. Я никогда не видел, чтобы он занимался изучением материалов, касающихся нашей истории или истории любой другой страны; и тем не менее, ни один человек никогда не цитировал по памяти факты истории более, верно, более кстати и более часто. Можно предположить, что император знает историю только благодаря цитатам и что эти цитаты приходят ему на ум словно по вдохновению. ... Дело в том, что Наполеон, кажется, обладает запасом информации по различным проблемам, который хранится в его памяти, так сказать, в резерве, для того чтобы с блеском вырваться наружу в подходящих случаях...»⁵⁹.

Своеобразным итогом многочисленных размышлений Наполеона об истории стал вопрос о собственном месте в истории. В связи с этим он упоминает несколько своих проектов. «Целью одного из моих великих планов было воссоединение наций, которые были разъединены на части революцией и политикой»⁶⁰. Ж.-О. Будон полагает, что Греция представлялась Наполеону моделью единой Европы⁶¹. Он мечтал о «прекрасном идеале цивилизации»: «Было бы благородным делом войти в историю благодаря такому достижению... Я чувствовал себя достойным такой славы!». И в качестве примера предлагается использовать опыт американского Конгресса и греческой амфиктионии для существования в «великой европейской семье», в которой «проявилась бы перспектива единой силы, величия, счастья и процветания»⁶².

Таким образом, античность не была для Наполеона просто частью истории человечества, это был и объект рассуждений, источник знаний и опыта, пример и ориентир. Обращаясь к политической самоидентификации, т.е. определяя самые значимые свои политические ориентации, выстраивая собственные установки и поведение, Наполеон рассуждает о древней государственности, политических и военных деятелях античности. Даже находясь вдали от Европы, зная, что он уже не вернётся в её противоречивый мир, Наполеон не перестаёт рассуждать о её идеальном будущем. А идеалом выступает греческая амфиктиония, главными принципами которой были равенство участников, улаживание споров в едином суде и взаимопомощь в военной области. Говоря о военном искусстве в мировой истории, он большое внимание уделяет не только детальной оценке событий, но и личностям военных предво-

⁵⁹ Лас-Каз 2014. Кн. II: 524-525.

⁶⁰ Лас-Каз 2014. Кн. II: 686.

⁶¹ Boudon 2014: 45-48.

⁶² Лас-Каз 2014. Кн. II: 687.

дителей и из античности, и из более ему близких эпох. Рисуя образы Цезаря, Ганнибала и Александра Македонского, он сравнивает не только их между собой, но и себя с ними, тем самым сознательно стремясь внести себя в их плеяду.

Интеллектуальные и духовные ориентиры Наполеон в полной мере выражает в своем отношении к античности и ее наследию, например, читая Гомера «для улучшения настроения» или же Плутарха, которым он зачитывался с юности, а здесь практически цитирует его наизусть. Он оригинально сравнивает современную ему литературу с литературой античной, выделяя в классической драматургии «замечательные и совершенные места». Он не деградирует вдалеке от дел и от центров цивилизации, напротив, он остаётся одним из выдающихся интеллектуалов своего времени.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бонапарт Н. Египетский поход / Пер. с фр. В.Я. Голанта. М.: РИМИС, 2011. 304 с. [Bonapart N. Egiptskij pohod / Per. s fr. V.Я. Golanta. M.: RIMIS, 2011. 304 s.]
- Бонапарт Н. Максимумы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Казы / Пер. с фр. С.Н. Исколь. М.: РИМИС; 2015. 180 с. [Bonapart N. Maksimy i mysli uznika Svyatoj Eleny. Rukopis', najdenная v bumagah Las Kaza / Per. s fr. S.N. Iskyl'. M.: RIMIS; 2015. 180 s.]
- Буровский А.М. Семантика архитектуры эпохи Наполеона: возможности сравнительного анализа // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. № 2 (4). С. 160-168. [Burovskij A.M. Semantika arhitektury epohi Napoleona: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza // Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii. 2010. № 2 (4). S. 160-168.]
- Герман М.Ю. Давид. М.: Молодая гвардия, 1964. 304 с. [German M.YU. David. M.: Molodaya gvardiya, 1964. 304 s.]
- Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года: дискуссии на страницах российских журналов в 1912 году // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 42-50. [Dmitrieva O.O., Ivanova T.N. 100-letnij jubilej Otechestvennoj vojny 1812 goda: diskussii na stranicah rossijskih zhurnalov v 1912 godu // Vestnik SChuvashskogo universiteta. 2016. № 2. S. 42-50.]
- Лас-Каз граф. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. М.: «Захаров», 2014. Кн. I – 704 с.; Кн. II. 816 с. [Las-Kaz graf. Memorial Svyatoj Eleny, ili Vospominaniya ob imperatore Napo-leone: v 2 kn. M.: «Zaharov», 2014. Kn. I – 704 s.; Kn. II. 816 s.]
- Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973. 775 с. [Manfred A.Z. Napoleon Bonapart. M.: Mysl', 1973. 775 s.]
- Муравьева М.Г. [Rec.: Wesling M.W. Napoleon in Russian Cultural Mythology. N.Y.: Peter Lang, 2001] // Ab Imperio. 2005. № 1. С. 389-398. [Murav'eva M.G. [Rec.: Wesling M.W. Napoleon in Russian Cultural Mythology. N.Y.: Peter Lang, 2001] // Ab Imperio. 2005. № 1. S. 389-398.]
- Постникова А.А. Наполеоновская эпоха в «местах памяти» Парижа: репрезентация власти в архитектуре // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 201-206. [Postnikova A.A. Napoleonovskaya epoha v «mestah pamyati» Parizha: reprezentaciya vlasti v arhitekture // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1. S. 201-206.]
- Тарле Е.В. Наполеон. М.: Пресса, 1992. 640 с. [Tarle E.V. Napoleon. M.: Pressa, 1992. 640 s.]
- Федотова Е.Д. Канова. Художник и его эпоха. М.: Республика, 2002. 528 с. [Fedotova E.D. Kanova. Hudozhnik i ego epoha. M.: Respublika, 2002. 528 s.]
- Шистеров М.В. «Рим больше не в Риме, он весь в Париже» // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 264-269. [SHisterov M.V. «Rim bol'she ne v Rime, on ves' v Parizhe» // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. С. 264-269.]
- Bonnet J.-C. (dir.) L'Empire des Muses. Napoléon, les Arts et les Lettres. P.: Belin, 2004. 485 p.

- Boudon J-O. Napoléon et l'hellénisme // *Anabases*. 2014. № 20. P. 33-48.
- Chappey J-L. Napoléon et le Mémorial de Sainte-Hélène. Analyse d'un discours. // *Annales historique de la Révolution française*. 2004. № 338. P. 184-186.
- Dousset-Seiden Ch. La Nation française et l'Antiquité à l'époque napoléonienne // *Anabases*. 2005. №1. P. 57-74.
- Le Gall D. Napoléon et le Mémorial de Sainte-Hélène. Analyse d'un discours. P.: Editions Kume, 2003. 387 p.
- Mossé C. L'Antiquité dans la Révolution française. P.: A. Michel, 1989. 173 p.
- Nicolet C. La fabrique d'une nation. La France entre Rome et les Germains. P.: Perrin, 2003. 361 p.
- Rowell D. Paris: The 'New Rome' of Napoleon I. London: Bloomsbury, 2012. 237 p.
- Tulard J. La Vie quotidienne des Français sous Napoléon. P.: Le Livre de Poche, 1983. 314 p.
- Wesling M.W. Napoleon in Russian Cultural Mythology. N.Y.: Peter Lang, 2001. 256 p.

Артиух Глеб Юрьевич, студент, кафедра всеобщей истории, Казанский федеральный университет; gleb.artyuh@yandex.ru

Чиглинцев Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Казанский федеральный университет

Шмелёв Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Казанский федеральный университет; dmitryShmelev@mail.ru

Antiquity and its heritage in intellectual and political self-identification by the prisoner of island of Saint Helena

The article examined the problem of the personal attitude of Napoleon Bonaparte to antiquity. The authors focus on various aspects of the perception of antiquity in the imperial epoch, creating a social and cultural background. In relation to Napoleon, the authors turn to the time of his stay on the island of St. Helena. The main source is the memoirs of Count Las Cases, as well as personal records of Napoleon. It follows from them that on the island Napoleon more than once turns to antiquity, to its heritage, which in many respects influenced his worldview, becoming for him a kind of landmark, a source of knowledge and experience. Discussions about ancient statehood, political and military figures of antiquity, assessment and analysis of historical events allow us to determine the specifics of Napoleon's attitude to ancient history. The authors of the article conclude that Napoleon, being far from the centers of civilization, remains one of the outstanding intellectuals of his time.

Keywords: *Napoleon Bonaparte, antiquity, Empire, Consulate, Las Cases, reception*

Artiukh Gleb, Student, Department of General History, Kazan Federal University; gleb.artyuh@yandex.ru

Chiglintsev Evgeniy, Doctor of Science (History), professor, Department of General History, Kazan Federal University

Shmelev Dmitry, Doctor of Science (History), professor, Department of General History, Kazan Federal University; dmitryShmelev@mail.ru

М.В. КИРЧАНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ИРАНЕ, 1925–1979 «ВООБРАЖЕНИЕ» ПРОШЛОГО И «ИЗОБРЕТЕНИЕ» ИСТОРИИ КАК ФОРМА «ИЗОБРЕТЕНИЯ ТРАДИЦИЙ»

Автор анализирует формы политически мотивированных манипуляций историей как часть национализма и политики памяти в Иране периода Пехлеви. Предполагается, что политика памяти зависела от динамики модернизации. Элиты использовали историю и прошлое как символические ресурсы для легитимации режима, а политика памяти стала формой иранского националистического воображения. Элиты были также активны в попытках актуализировать и визуализировать зороастрийское и доисламское наследие, интегрируя его в культурные пространства и контексты Ирана. Автор анализирует коммеморативные мероприятия, включая празднование 2500-летия персидской монархии. Предполагается, что политика памяти в Иране имитировала культурные практики западного национализма.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, Иран, национализм, модернизация, политизация истории, изобретение традиций

Утверждения, что современные элиты активно занимаются историческими манипуляциями в научной литературе и политической публицистике успели стать общим местом в столь значительной степени, что за этими многочисленными утверждениями нередко начинается эрозия понятийного аппарата историографии, так как практически все попытки элит и государств влиять на восприятие фактов и событий прошлого интерпретируются как проявления и формы того явления, которое в академической литературе определяется как «историческая политика». Между тем, само понятие «историческая политика» возникло относительно недавно (в 1980-е гг.) и вошло в активный академической оборот только в 1990-е, будучи призванным описать те процессы манипуляции с исторической памятью, которые имели место в странах Центральной и Восточной Европы в рамках т.н. политического транзита от авторитаризма к демократии.

Историки, вовлеченные в изучение исторической политики, нередко вынуждены анализировать опыт политизации и идеологизации историографии, ее адаптацию к нормам и вызовам того или иного политического (лево- или правоавторитарного, светского или религиозно-центричного) дискурса, интеграцию исторического знания в санкционируемый политическими элитами канон гуманитарных наук, особенности личных биографий и судеб, академических и персональных траекторий тех или иных историков, которые в силу определенных причин оказывались в сфере пристального внимания и интереса со стороны государства в целом или отдельных его ведомств, призванных формировать такие коллективные представления о прошлом, которые соотносились бы с актуальной для элит политической конъюнктурой и идео-

логической повесткой дня. В целом, все эти процессы периодически описываются как элементы исторической политики.

Цель данной статьи – анализ проявлений и форм исторической политики как политики памяти, основанной на политически и идеологически мотивированных интерпретациях и использованиях прошлого в Иране 1920–1970-х гг. Задачами статьи являются: 1) анализ особенностей политики памяти и идеологизации дискурса исторической памяти до Исламской революции 1979 года, 2) изучение особенностей политизации памяти в Иране анализируемого периода, 3) выявление общих и особенных черт в различных версиях «проработки прошлого» со стороны иранских элит в изучаемый период.

Под исторической политикой понимается не только «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие»¹, но и склонность элит, используя мемориальные (юбилеи, годовщины) и коммеморативные (парады, торжества) практики и стратегии, визуализируя результаты академического изучения прошлого (создание музеев и музеификация археологических объектов) не только зафиксировать желаемые и узнаваемые образы истории в обыденности (использование исторических и археологических образов, прочитываемых обществом, в дизайне наград, банкнот, в рекламе), но продвинуть, предлагаемый ими или выработанный по их политическому заказу, канон национальной истории, унифицированный и кодифицированный до уровня изобретённый традиции.

Исторической политике и политике памяти посвящена значительная литература, но большинство исследований по данной проблематике обладает некоторыми особенностями, а именно: часть текстов сфокусирована на теоретических проблемах функционирования памяти как культурного явления; другие работы актуализируют связь исторической политики и различных форм национализма; подавляющее большинство подобных работ сфокусированы на европейском опыте идеологически мотивированных «проработок прошлого»². В этой ситуации число исследований об исторической политике за пределами Европы³, в т.ч. в Иране, не столь значительно, но практически все они трансплантируют в иранские контексты выводы, ранее сформулированные при изучении политики памяти в европейских государствах. В целом, признавая, что историческая политика основана на восприятии прошлого как символического политического ресурса, иранисты переносят эти ее проявления в иранские контексты, что отражает сложившуюся ситуацию лишь частично. В этом случае в историографии доминирует

¹ Миллер 2009

² Nasrallah 2005.

³ Koczanowicz 2007.

склонность редуцировать историческую политику до упомянутых выше форм, хотя фактически она может включать в себя большее число интеллектуальных стратегий и тактик, связанных как с политизацией истории, так и с актуализацией присутствия прошлого в политических пространствах. Поэтому немногочисленные статьи, посвященные исторической политике в Иране⁴, отличаются сфокусированностью на связи исторических исследований и политической конъюнктуры, анализе религиозного фактора, изучением формальных, институализированных особенностей манипуляций с историей, в то время как многочисленные другие факторы оказываются вне сферы внимания исследователей.

Историческая политика в Иране 1920–1930-х годов. В 1925 г. в Иране к власти пришел Реза-шах⁵, еще ранее назначенный военным министром и премьер-министром⁶. Бывший правитель Ахмед-шах Каджар был вынужден эмигрировать, а новые власти приступили к легитимации своего нового статуса, что требовало от них определенных интервенций в историю и манипуляций с фактами прошлого.

Реза-шах предпринял ряд шагов, ставших фактически началом политически мотивированной «проработки прошлого» в Иране. Во-первых, он провозгласил начало новой династии, приняв фамилию Пехлеви, что было символической отсылкой к династии Карин-Пехлевидов VI – IX веков. Реза-шах настаивал на том, что новый правитель генетически связан с историческими Карин-Пехлевидами, что было откровенной манипуляцией историей, так как предки Реза-шаха имели тюркские (азербайджанские) корни. Выбор именно Карин-Пехлевидов в качестве официальных почётных предков нового шаха не был случайным, преследуя несколько политических задач, включая 1) доказательство преемственности с историческими и государственными предшественниками, 2) подчеркивание разрыва с предыдущей династией Каджаров, которая имела тюркское происхождение, 3) актуализация континуитета именно с персидской (арийской) династией, что было особенно важно на фоне азербайджанских корней самого Реза-шаха.

К актуализации преемственности с более ранними иранскими династиями относятся и попытки Реза-шаха утвердить новые государственные и династические символы Ирана. В 1925 г. он озаботился ритуальным компонентом в легитимации новой династии, инициировав изготовление новой короны, которая должна была заменить т.н. «корону Кияни», которая использовалась Каджарами как символический и сакрально значимый атрибут власти. Автором проекта новой короны, имитировавшей стиль династии Сасанидов, стал Хаджа Сираджеддин. Корона играла второстепенную роль в исторической политике, но стала важным элементом изобретённых политических традиций, хотя ис-

⁴ Merhavy 2019.

⁵ Cronin 2003.

⁶ Keddie 1999; Ghani 2001.

пользовалась только дважды – в 1925 и 1967 гг. при коронации Реза-шаха и его сына – Мухаммеда Реза Пехлеви. При этом изображение короны в Иране до 1979 г. актуализировалось и визуализировалось на государственной символике и государственных наградах, став элементом того проекта идентичности и памяти, который стимулировался и продвигался в период правления Пехлеви. Корона как элемент национальной и политической памяти в Иране актуализировала свое значение только однажды – в 1976 г. были выпущены памятная монета достоинством 10 пехлеви и памятная медаль, приуроченные к 50-летию династии и содержавшие изображение короны на реверсе.

Во-вторых, Реза-шах не ограничился декларированием своих воображаемых корней с великими предками, но и предпринял попытку радикальной ревизии представления о стране, переименовав в 1935 г. Персию в Иран. Это решение, в целом, вписывалось в аналогичную модель легитимации, которой Реза-шах руководствовался, актуализируя свое родство с Карин-Пахлевидами. С одной стороны, переименование должно было восприниматься как возвращение к этническим, арийским, корням, а, с другой, оно вписывалось в логику задуманной политики модернизации⁷, что требовало как секуляризации, так и разрыва с религиозным шиитским прошлым, с которым в большей степени и ассоциировался термин «Персия». Переименование Персии в Иран в целом вписывалось в логику развития национализма как модернистского проекта в силу того, что «объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности»⁸. В случае со сменой официального наименования страны власти Ирана стремились порвать как с каджарским наследием, так и с наиболее радикальными проявлениями шиитского фактора. Официально Иран с 1935 г. назывался *Dowlaté Shâhanshâhiye Irân*, т.е. Шахиншахское Государство Иран или Имперское Государство Иран, что обозначало его преемственность и континуитет с более ранними формами государственности.

В-третьих, стремясь ослабить оппозицию модернистским реформам со стороны шиитского духовенства⁹, Реза-шах сделал ставку на визуализацию и актуализацию доисламского иранского культурного и исторического наследия. Эта актуализация имела разные формы, включая в себя: 1) проведение археологических раскопок и предоставление разрешений на них иностранным археологам, которые фактически открыли, «вообразили», «изобрели», древнюю иранскую историю; 2) начало актуализации и визуализации зороастрийского наследия; 3) стимулирование и развитие собственно иранской академической историографии древней истории, воображаемой как национальная и как неотъ-

⁷ Abrahamian 1982.

⁸ Friedman 1992.

⁹ Amini 2003.

емлемый элемент в непрерывной линии иранской культурной и этнической истории от древних ариев до современности.

Подобные мероприятия предусматривали музеефикацию иранского культурного и исторического наследия, что неизбежно влекло и унификацию официального канона восприятия прошлого. Важными акторами «политики памяти» в этом направлении стали музеи. Например, в 1934 г. Реза-шах инициировал создание Музея Древнего Ирана (Muzeye Irān bāstān)¹⁰, что стало одним из шагов в институализации нескольких политических мифов – от арийского мифа до мифологизированной идеи государственной непрерывности – и их превращении в «изобретенные традиции». Музей стал важным фактором в развитии иранской этничности как модерной «изобретенной традиции». Музей Древнего Ирана фактически стал попыткой конструирования материальной иранской истории доисламского периода как национальной, что содействовало сокращению роли ислама в сравнении с культивируемым светским и этническим национализмом.

Если первое и третье упомянутые направления исторической политики в большей степени соотносились с академической историографией, а их выводы для исторической политики использовались только когда их можно было интегрировать в официальный идеологический канон, то визуализация зороастрийского наследия стала эффективным инструментом в тех политически мотивированных экспансиях в историю, которые режим Пехлеви начал проводить уже во второй половине 1920-х гг., и одной из первых стало учреждение в 1927 г. Памятного знака «Третьего эсфапада», который использовался для награждения участников захвата Тегерана в 1921 г. под командованием Реза-шаха. С одной стороны, эта награда была призвана стимулировать развитие официального политически санкционированного канона памяти о приходе новой династии к власти, мемориализируя (локализуя и закрепляя в исторической памяти) и коммеморативируя (вынуждая периодически вспоминать в политически ритуальных целях) его. С другой стороны, сам дизайн памятного знака фактически стал разрывом с более ранними военно-наградными традициями, актуализируя не исламские, но зороастрийские мотивы. Памятный знак представлял металлическую накладку в виде Фаравахара (крылатого человекоподобного божества и восходящего солнца), которая крепилась на вертикальный прямоугольник чёрного цвета с тремя тонкими красными полосками (две по краям и одна в центре). Военные и династические награды Ирана периода Пехлеви¹¹ оказались интегрированными в историческую политику в качестве одного из ее символических механизмов¹², содействуя как визуализации новой версии идентичности, так и продвижению доминирова-

¹⁰ Isenstadt, Rizvi 2011.

¹¹ Agili 1386.

¹² Hoseyni 1395.

вшего исторического нарратива, актуализируя символику, основанную как на разрыве с наследием Каджаров, так и на актуализации древней и средневековой иранской истории.

Спустя несколько лет после учреждения Памятного знака «Третьего эсфахада», власти Ирана предприняли еще один шаг в сфере «политики памяти», построив в 1934 г. зороастрийский храм в Йезде, украшенный зороастрийской символикой, включая изображение Фравахара, которое в Иране, фактически шиитской стране, начиная со второй половины 1930-х превращалось в «изобретенную традицию», визуализированную в значительном числе символических и реальных пространств – от архитектуры до рекламы, от военной до государственной символики некоторых служб и ведомств. В целом, династия Пехлеви¹³, несмотря на свою непродолжительную историю, была активна в попытках интегрировать прошлое в качестве символического ресурса в используемый политический инструментарий.

В 1930-е годы (и позднее) режим продолжил использовать историю и историческое наследие в политических целях, проявлением чего стали мемориально-коммеморативные мероприятия, связанные с актуализацией памяти о Фирдоуси¹⁴. Эти мероприятия имели в значительной степени двойственный характер. Фирдоуси был персом, шиитом и автором, писавшим на фарси. Эти факторы формально не должны были обострить отношения шаха с шиитским духовенством, которое встречало его реформы без особого воодушевления. В 1934 г. в Тегеране был проведен международный научный конгресс, посвященный наследию поэта, что актуализировало новые тенденции в исторической политике, которая предусматривает возможность внешнего восприятия и прочтения иранской истории. Реза-шах эти факторы в определенной степени учел и в период активных коммеморативных мероприятий 1934 года внимание уделялось именно вкладу Фирдоуси в персыязычную литературу, хотя его этничность для шиитской оппозиции особого значения не имела – больше раздражения с ее стороны вызывала форма монументальной и пространственной коммеморации вклада Фирдоуси – Гробница Фирдоуси (*Āgāmāḡāhe Ferdowsi*), построенная в Тусе (провинция Хорасан-Резави) была возведена в противоречии с канонами мусульманской архитектуры, воспроизводя и имитируя домусульманские архитектурные памятники. Более того, создатели гробницы намеренно придали ей сходство с усыпальницей Кира Великого, что стало попыткой актуализировать в исторической памяти континуитет между зороастрийской и формально мусульманской культурой. Кроме этого, стены гробницы были украшены изображениями фаравахаров, что фактически имитировало зороастрийское искусство, свидетельствуя о решимости элит реинтегрировать образы последнего в культурные и визу-

¹³ Afifi 1374.

¹⁴ Riyāhi 1375; Šahbāzi 1390.

альные пространства Ирана. Если подобные культурные практики и стратегии исторических манипуляций и идеологически мотивированных проработок прошлого вполне вписывались в логику светского иранского национализма, который начал идею континуитета превращать в «изобретенную традицию», то шиитские радикалы подобные интерпретации воспринимали как попытку ревизии религиозного канона, чреватую потерей религиозного примата шиизма. Так в период правления Реза-шаха Пехлеви были заложены основы исторической политики Ирана, что превратило историю, а также политически и идеологически мотивированные визуализации прошлого через его интеграцию в различные контексты современности в эффективный механизм манипуляций и форму легитимации режима.

Мемориальные стратегии и коммеморативные тактики 2500-летия основания Имперского государства Иран. Коммеморативные практики и стратегии визуализации прошлого на государственном уровне занимали одно из центральных мест в исторической политике шахского Ирана и Исламской Республики Иран, хотя как подходы к организации подобных мероприятий, так и их идеологическое содержание и политическое послание были радикально отличными. Ряд мероприятий мемориальной направленности, оказавших большое влияние на развитие иранской идентичности, были проведены до 1979 г. и, вероятно, самым значительным стало празднование 2500-летия Персидской империи (*Jašnhāye 2,500 sāleye šāhanšāhiye Irān*) или, как позиционировалось на официальном уровне – празднование 2500-летия основания Имперского государства Иран (*Dohezāro pānsadomin sāleye bonuyāngožāri šāhanšāhi Irān*), состоявшееся между 12 по 16 октября 1971 г.¹⁵

Мероприятия, подготовка к которым началась в конце 1960-х гг., преследовали несколько политических целей и среди них особая роль отводилась как подчеркиванию континуитета и непрерывности в развитии и истории иранской политической и государственной традиции, так и формирования и продвижения позитивного образа Ирана в мире. Празднования должны были стать и еще одним поводом для актуализации активно поддерживаемого и продвигаемого иранского национализма, в частности – арийской компоненты в националистическом воображении потому, что юбилей государственности воспринимался как повод актуализировать не только политическое, но также этническое измерение иранской государственности. В рамках подготовки к торжествам иранские власти предприняли ряд шагов, направленных на визуализацию исторического и археологического наследия, его большей видимости и формального присутствия в культурных пространствах Ирана начала 1970-х гг. Поэтому, были приведены в порядок археологические памятники, призванные подчеркнуть развитие государственных традиций Ирана.

¹⁵ Steele 2021.

В качестве территории проведения мероприятий были выбраны Персеполь, как столица Ахеменидов, и Пасаргады, где находится усыпальница царя Кира. Празднование 2500-летия Персидской империи прошло в соответствии с заранее выработанным сценарием и фактически стало шагом к утверждению новой изобретенной традиции иранского национализма, связанной с проработкой прошлого и исторической памяти в контекстах государственных мероприятий. 12 октября 1971 г., в день открытия торжеств, шахиншах Мохаммед Реза Пехлеви и шахбану Фарах Пехлеви почтили память Кира Великого, посетив его усыпальницу, что в значительной степени носило символический характер, актуализируя преемственность между различными иранскими государственно-политическими традициями. Этот визит был задуман как политический ритуал, имевший две цели – визуализировать историческое наследие Персии и подчеркнуть неразрывную связь между различными историческими формами иранской государственности.

Решению этих задач была подчинена и та речь, которую Его Императорское Величество Шахиншах («царь царей») Арьямехр («свет ариев») Мохаммед Реза Пехлеви произнес над могилой Кира:

«О Кир, великий царь, царь царей, император Ахеменидов, монарх земли Ирана. Я, шахиншах Ирана, передаю Вам приветы от меня лично и от нашей нации... Мы должны здесь приветствовать Кира Великого, бессмертного человека Ирана, основателя самой древней империи мира; восхвалить Кира, великого освободителя людей в мировой истории; и объявить, что он был одним из самых благородных сыновей Человечества... Кир, мы собираемся сегодня вокруг могилы, в которой Вы вечно отдыхаете, чтобы сказать Вам: отдыхайте в мире, поскольку мы хорошо бодрствуем и мы всегда будем на страже, чтобы сохранить ваше гордое наследство»¹⁶.

В этой относительно краткой речи важны несколько моментов политически и идеологически мотивированного использования истории и инструментализации прошлого для нужд режима. Во-первых, и Кир, и сам шахиншах позиционировались как правители именно Ирана, что было попыткой актуализации государственного и этнического континитета. Во-вторых, шахиншах говорил от имени «нации» перед Киrom, что, с одной стороны, превращало их обоих в отцов-основателей иранской нации, а с другой легитимировало фигуру шахиншаха как наследника Кира. В-третьих, шахиншах позиционировал империю Кира как наиболее древнюю, что в целом свидетельствует о склонности элит использовать инструменты исторической политики для решения собственных задач, связанных с формированием привлекательного образа режима и актуализации его чрезвычайно долгой государственной генеалогии. В-четвертых, шахиншах формировал в своей речи позитивный образ Кира, проецируя на его политическую активность те ценности, о которых сам Кир, вряд ли, имел представление, но которые были принципиально важны для режима, заинтересованного в прове-

¹⁶ Kadivar 2002.

дении политики модернизации в рамках западной модели. В-пятых, утверждение шахиншаха о «сохранении наследства» было еще одной попыткой актуализации политической и этнической непрерывности и преемственности в развитии иранской государственности.

В целом же короткая речь шахиншаха указывала на амбиции режима использовать историю как один из инструментов для собственной легитимации. Эта речь не была первым обращением шаха к фигуре Кира – на него он обратил внимание еще в 1960-е гг., когда понял важность исторических манипуляций для проведения в стране политики модернизации, использующей местные культурные модели. Реза Пехлеви обратился к т.н. Манифесту Киру, определив его как едва ли не первую в истории Декларацию прав человека¹⁷, подчеркивая преемственность своей политики с «либеральными» экспериментами своего исторического предшественника. Изображение цилиндра с оригинальной клинописной надписью нашло свое место и на официальном символе 2500-летия Персидской империи.

В рамках празднования был организован и проведен «исторический» парад иранской армии, который был призван подчеркнуть как героизм и славу древних и средневековых воинов, так и неразрывность военно-исторической компоненты в проекте иранской государственности. В параде участвовали не только военнослужащие, которые не брили бороды в течение нескольких месяцев, чтобы визуально быть более похожими на своих древних предков, но и копии исторических судов, на которых персы пытались захватить Грецию, передвигавшиеся на военных тягачах, задекорированных под море. Примечательно и то, что на торжествах в качестве гостя присутствовала греческая королева Мария, что воспринималось как форма исторического примирения между персами и греками. В этом контексте примечательно и то, что торжества продвигали почти исключительно образы иранской самости, игнорируя потенциал формирования визуализированных концептов Другого. Транслируемый по телевидению парад стал попыткой продвижения именно желательного для элит и удобного для них образа прошлого, что позднее будет использоваться европейскими политиками в их собственных идеологически мотивированных «проработках прошлого».

Помимо прочего, участникам мероприятий была вручена бронзовая Памятная медаль в ознаменование 2500-летия основания Персидской империи. На аверсе медаль несла изображение шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви, на реверсе – Цилиндра Кира и надпись на языке

¹⁷ Вероятно, Мохаммед Реза Пехлеви имел в виду следующий фрагмент: «до Ашшура и Суз [...] до пределов страны Кути, городов [по ту сторону] Тигра, жилища которых были основаны в глубокой древности, богов, живших в них, я вернул на их места и устроил их вечные жилища. Я собрал всех их людей и вернул в их селения. И богов Шумера и Аккада, которых Набонид [...] перенёс в Вавилон, по приказанию бога Мардука [...] благополучно поместил в их чертоги, жилище радости сердца». См.: Šahbāzi 1349; Daryāyi 1392.

фарси и французском языках: «25 веков основания империи Ирана Киrom Великим» с пояснением следующего содержания: «Цилиндр Кира Великого, первая декларация свобод народов». Известна и другая версия медали, с надписью на реверсе «В память 2500-летия основания Иранской империи». На ленту медали голубого цвета крепилось металлическое изображение короны Пехлеви. В целом, медаль была призвана продвигать идею преемственности в развитии иранской государственности, а также ее приверженности ценностям прав человека.

Монументализация памяти в исторической политике Ирана в 1970-е гг. Существует стереотип, что академические сообщества отличаются значительной степенью консерватизма. Австрийский историк Р. Линднер подчеркивал, что «только в исключительных случаях истории вновь будут учиться своему ремеслу»¹⁸. Исключительная ситуация в Иране после Исламской революции вынудила интеллектуалов адаптироваться к новым условиям, примириться с новыми манипуляторными стратегиями использования исторической памяти. Элементом иранской исторической политики 1970-х гг. стало возведение в Тегеране архитектурного сооружения, которое после Исламской революции получила свое современное название Башня Свободы (Borje Āzādi)¹⁹.

16 октября 1971 г. шахиншах Мохаммед Реза Пехлеви открыл Башню памяти Шахов (Borje Šahyād), что стало финальным эпизодом празднования 2500-летия Персидской империи²⁰. Кроме этого рассматривался историко-этнически мотивированный вариант названия – Borje Šahyād Āryāmehr, то есть Башня памяти Шахов Арийского Света. Изначально предполагалась, что объект будет называться Врата Кира (Darvāzeye Kuroš), хотя позднее было решено выбрать другой, менее исторически мотивированный, но более политически лояльный вариант – «Врата Шахов» (Darvāzeye Šāhanšāhi)²¹. Башня памяти Шахов стала важным символическим ресурсом, который до 1979 г. использовался как для формирования позитивного образа Ирана²², так и для большей инструментализации прошлого путем его интеграции и визуализации в урбанистическом пространстве Тегерана²³. В частности, именно изображение Башни украсило рекламные буклеты IranAir – крупнейшего авиаперевозчика Ирана до 1979 г., а логотип самой компании был явной отсылкой к зороастрийской культуре.

Башня была чужда исламским традициям, так как в большей степени визуализировала элементы архитектуры Ахеменидов и Сасанидов, т.е. доисламского Ирана, с одной стороны, и современной иранской архитектуры, подверженной западным влияниям, с другой. Башня была

¹⁸ Lindner 2002.

¹⁹ Grigor 2003.

²⁰ Grigor 1998; Grigor 2005.

²¹ Hemmati 2013.

²² Grigor 2009.

²³ Grigor 2013; Grigor 2015.

задумана как культурно-просветительный проект и потому включала в себя музей, стены которого украшены доисламскими миниатюрами. Изначально в Музее должны были быть представлены памятники, связанные с зороастризмом, так как проект в значительной степени апеллировал к этническим и арийским корням, а его появление вписывалось в историческую политику актуализации ценностей этнического национализма. В качестве экспоната в Музей была помещена и копия Цилиндра Кира, которая сопровождалась переводом его содержания на фарси. В этом контексте Музей стал важным инструментом в исторической политике, основанной на идее преемственности современных иранцев с их ранними арийскими и зороастрийскими предками.

Поздняя «политика памяти» периода Пехлеви, 1972–1979.

В 1974 г. был открыт Музей истории и культуры зороастризма (Muzeue tāriḫo farhange zartoštiyān) в городе Йезд, что стало еще одной попыткой визуализации зороастрийского наследия в иранской истории и непрерывности связанной с ним культурной традиции. Появление этого музея продолжило линию в исторической политике, направленную на актуализацию зороастрийского фактора в иранской истории – например, в 1960 г. Зороастрийский Музей (Muzeue zartoštiyān) был открыт в Кермане. Зороастрийская символика благодаря «историческим проработкам» доисламского прошлого, которые были мотивированы идеологически, вошла в число неформальных символов Ирана, используя, например, в символике и атрибутике футбольного клуба «Персеполис» до 1979 г. Спустя пять лет после празднования 2500-летия Иран предпринял попытку вернуться к практике коммеморативно-памятных мероприятий как форме проработки прошлого, что выразилось в организации в 1976 г. торжеств, посвященных 50-летию пребывания у власти династии Пехлеви. По поводу 50-летия династии была выпущена памятная медаль, на аверсе которой было размещено изображение династического ордена Пехлеви и погрудные профили шахиншаха и его сына. В качестве года выпуска на медали был указан 2535 год шахиншахской эры, хотя на медали был указан 1304 год, т.е. 1925 год – год прихода к власти Реза-хана. Наличие этих двух дат, фактически связанных с разными системами летоисчисления, стал попыткой политически мотивированного использования истории как символического ресурса консолидации. Риторика торжеств 1976 г. в определенной степени была близка к той, что доминировала и пятью годами ранее с той лишь разницей, что использование и интерпретации истории стали более политически и идеологически мотивированными, а сама история превратилась в символический ресурс, используемый для легитимации режима и формирования его позитивного образа.

Выводы. Подводя итоги, следует принять во внимание ряд факторов, которые существенным образом влияли на формы и проявления исторической политики как политики памяти в Иране до Исламской

Революции. Историческая политика или политика памяти в Иране не тождественна иранской историографии и соотносится с ней только в том смысле, что профессиональные историки до Исламской революции 1979 года могли быть вынужденными или добровольными участниками контролируемых и направляемых государством кампаний по ревизии истории, ее последовательной политизации и идеологизации, интеграции в канон исторической памяти, санкционированный правящими элитами. В этой ситуации академическая историография нередко утрачивала свои позиции, оказываясь зависимой от политической конъюнктуры, а ремесло историка мигрировало в сферу выполнения политического заказа на формирование того или иного санкционированного образа прошлого или его компромиссного канона с возможностью его дальнейшего продвижения в массы при помощи системы среднего и высшего образования и государственно контролируемых СМИ.

В Иране, как политика в целом, так и стратегии проработки прошлого, в частности, в значительной мере зависели от политического режима и связанных с ним идеологических предпочтений элит, которые условно могут быть редуцированы до политического иранского национализма в качестве его центрального элемента. Поэтому историческая политика до 1979 г. так или иначе соотносилась с продвигаемым элитами иранским национализмом и политикой модернизации, соответствующим образом интерпретируя факты иранской истории и визуализируя их в общественных и культурных пространствах.

В этом контексте политика прошлого в Иране реализовала свою функцию как источника новых смыслов и ревизии старых интерпретаций и значений, которые могли тем или иным событиям приписываться ранее. До 1979 г. два с половиной тысячелетия иранской истории воспринимались в категориях этнического и романтического национализма, визуализируясь и модернизируясь в современных культурных пространствах, т.е. активно используя для политических манипуляций, сводивших историю до уровня одного из механизмов политической мобилизации и последующей легитимации. До 1979 г. в результате политически и идеологически мотивированных проработок прошлого изобреталась иранская нация с искусственно трансплантируемыми и переносимыми на нее западными категориями политики и прав человека.

Вместе с тем, историческая политика в Иране генерировала различные изобретенные традиции – от флага и герба до проведения военных парадов – которые, в зависимости от политической и идеологической конъюнктуры и повестки дня, в общественных пространствах массового потребления генерировали противоположные прочтения иранского исторического опыта. Политика памяти была именно политикой проработки прошлого, воображения истории и изобретения прошлого, дублируя или дополняя академическую историографию, хотя в Иране, как и в других странах, историческая политика функционирует за счет

ассимиляции результатов академической исторической науки, маргинализируя идеологически непригодные и корректные, с точки зрения элит, и, наоборот, продвигая и массово визуализируя те, которые соотносятся с санкционированным канонем восприятия прошлого.

В целом, за более чем столетия проведения собственной исторической политики, в значительной степени сфокусированной на продвижении национализма, актуализации этнического и государственного континуитета, маргинализации религиозного фактора Иран, с одной стороны, получил уникальный опыт политизации и идеологизации прошлого в националистической системе координат. С другой стороны, такая модель политики памяти оказалась чрезмерно радикальной, вступив в противоречия с традиционалистскими предпочтениями религиозно настроенной части общества, что привело не только к Исламской революции, но и радикальной ревизии восприятия истории как символического ресурса, выразившейся в вытеснении ценностей политической и этнической нации принципами уммы, что привело к институционализации качественно и содержательно других моделей исторической политики, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Миллер А.И. Россия: Власть и история // *Pro et Contra*. 2009. № 3–4. С. 6–23 [Miller A.I. Rossiya: Vlast' i istoriya // *Pro et Contra*. 2009. № 3–4. S. 6–23].
- Abrahamian E. *Iran Between Two Revolutions*. Princeton: Princeton U.P., 1982. 561 p.
- Afifi R. *Asātir o farhange Irān dar nevestehāye Pahluye*. Tehrān: Entešārāte Tus, 1374.
- Agili B. *Rezāsāh o qošune mottahedolšekl*, Tehrān: Namak, 1386.
- Amini D. *Cālešhāye rowhāniyat bā Rezāsāh: barresiye elale cālešhāye sonnatgerāyi bā nowgerāyiye asre Rezāsāh*. Tehrān: Sepas Publishing, 2003. 284 p.
- Cronin St. *The Making of Modern Iran: State and Society Under Riza Shah, 1921–1941*. L.; N.Y.: Routledge, Curzon, 2003. 308 p.
- Friedman J. Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*. 1992. V. VII. No. 2. P. 194–210.
- Ghani C. *Iran and the Rise of the Reza Shah: From Qajar Collapse to Pahlavi Power*. L.: I.B. Tauris, 2001. 304 p.
- Grigor T. *Building Iran: Modernism, Architecture, and National Heritage Under the Pahlavi Monarchs*. N.Y.: Periscope. Prestel, 2009.
- Grigor T. *Construction of History: Mohammad-Reza Shah Revivalism, Nationalism, and Monumental Architecture of Tehran 1951–1979*. MA thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1998.
- Grigor T. *Cultivat(ing) Modernities: The Society for National Heritage, Political Propaganda and Public Architecture in Twentieth-Century Iran*. PhD diss., Massachusetts Institute of Technology, 2005.
- Grigor T. *Kingship Hybridized, Kingship Homogenized: Revivalism under the Qajar and the Pahlavi Dynasties // Persian Kingship and Architecture: Strategies of Power in Iran from the Achaemenids to the Pahlavis / ed. S. Babaei, T. Grigor*. L.: I.B. Tauris, 2015. P. 219–255.
- Grigor T. *Of Metamorphosis Meaning on Iranian Terms // Third Text*. 2003. Vol. 17. No. 3. P. 207–225.
- Grigor T. *The King's White Walls: Modernism and Bourgeois Architecture // Culture and Cultural Politics Under Reza Shah: The Pahlavi State, New Bourgeoisie and the Creation of a Modern Society in Iran / ed. B. Devos, Ch. Werner*. N.Y.: Routledge, 2013. P. 95–118.
- Hemmati Kh. *A Monument of Destiny: Envisioning A Nation's Past, Present, and Future Through Shahyad / Azadi*. Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in the Department of History Faculty of Arts and Social Sciences. Simon Fraser University, 2013. 190 p.

- Hoseyni Š, Akbar A. Nešānhā, medālḥāv o yādbudhāye Irān dowrāne Pahluyē (1304 – 1357 š). Tehrān: Azen, 1395.
- Isenstadt S., Rizvi K. Modernism and the Middle East: Architecture and Politics in the Twentieth Century. Studies in Modernity and National Identity. Washington: University of Washington Press, 2011.
- Kadivar C. We are awake: 2,500-year celebrations revisited // Iranian.com. 2002. January 25. URL.: <http://iranian.com/CyrusKadivar/2002/January/2500/>
- Keddie N. Qajar Iran and the Rise of Reza Khan, 1796-1925. Costa Mesa, California: Mazda Publishers, 1999. 134 p.
- Koczanowicz L. Memory of Politics and Politics of Memory. Reflections on the Construction of the Past in Post-Totalitarian Poland // Studies in East European Thought. 1997. V. 49. No. 4. P. 259–270.
- Kuroš e bozorg: pādšāhe bāstāni-ye Irān / virāstār Turaje Daryāyi. Tehran: Entesārāte Tus, 1392.
- Lindner R. Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weissrussland im 19. und 20. Jahrhundert // Slavic Review. 2002. Vol. 60. No 1. S. 173.
- Merhavy M. National Symbols in Modern Iran: Identity, Ethnicity, and Collective Memory. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2019. 260 p.
- Nasrallah L. The Politics of Memory // Harvard Divinity Bulletin. 2005. Vol. 33. No 2. URL.: <https://bulletin-archive.hds.harvard.edu/articles/autumn2005/politics-memory>
- Riyāhi M. Ferdowsi: zendegi, andiševo še're u. Tehrān: Tarhe now, 1375.
- Šahbāzi A. Zendegināmeje tahliliye Ferdowsi. Tehrān: Hermes, 1390.
- Šahbāzi A.Š. Kuroš e bozorg: zendegiyo jahāndāri bonyādgozāre šāhanšāhiye Irān. Tehran: Entesārāte dānešgāhe Pahluyē, 1349.
- Steele R. The Shah's Imperial Celebrations of 1971: Nationalism, Culture and Politics in Late Pahlavi Iran. L.: I.B. Tauris, 2021. 146 p.

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Воронежский государственный университет; maksymkyrchanoff@gmail.com

Historical Politics of Memory in Iran, 1925–1979 ("Imagination" of the Past and "Invention" of History as a Form of "Invention of Traditions")

The author analyzes the forms of politically motivated historical manipulations as part of nationalism and memory politics in Iran during the Pahlavi period. It is assumed that the politics of memory depended on the dynamics of modernization. The author believes that the elites used history and the past as symbolic resources in their attempts to legitimize the regime, and the politics of memory became a form of Iranian nationalist imagination. The author believes that the elites actualized and visualized the Zoroastrian and pre-Islamic heritage, integrating it into the cultural spaces and contexts of Iran. The author analyzes the commemorative events, including the celebration of the 2500th anniversary of the Persian monarchy. It is assumed that the politics of memory in Iran imitated the cultural practices of Western nationalism.

Key words: *politics of memory, historical memory, Iran, nationalism, modernization, politicization of history, invention of traditions, invention of the past*

Maksym W. Kyrchanoff, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Voronezh State University; maksymkyrchanoff@gmail.com

А.В. ГОРДОН

МАРШРУТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЕ ФРАНЦИИ

Историко-философская бинарность Восток/Запад рассматривается в аспекте современной трансграничной миграции. Предмет анализа – китайская диаспора Франции. Автор отвергает «эссенциалистский» подход, противопоставляющий «азиатчину» «европейским ценностям» как две монолитные и неизменные духовные субстанции. На материале полевых исследований среди китайских иммигрантов во Франции раскрывается многообразие коллективной и индивидуальной идентичности в пространстве взаимодействия китайских и французских культурных моделей.

Ключевые слова: Восток/Запад, трансграничная миграция, Китай и Франция, диалог культур, диаспороведение, идентичность.

*Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,
Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat;
But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth,
When two strong men stand face to face, though they come from the ends of the earth!*¹
Kipling

Ярчайшим выражением современной глобализации сделалась трансграничная миграция с Востока на Запад (с Юга на Север) и образование устойчивых сообществ выходцев из Азии, Африки, Южной и Центральной Америки в Европе и Северной Америке². В этом процессе Китай, самая населенная страна мира, представляет и самую многочисленную, около 50 млн человек, мировую диаспору. Традиционный ареал ее расселения - Юго-Восточная Азия, однако в последнее время мигранты из Китая все больше ориентируются на Северную Америку и Европу: за 2009–2019 гг. в Америке (главным образом США и Канада) их число выросло в 1,5 раза, достигнув 10 млн, в Европе увеличилось вдвое, значительно превысив 2 млн³. Самое крупное сообщество 700–800 тыс. прижилось во Франции, единственной европейской стране, где численность иммигрантов из Китая превышает 1% населения⁴.

В бытии китайской диаспоры в Европе актуализовалась старинная контрверза Восток/Запад. Несколько веков назад во взаимовосприятии Франции и Китая возник своеобразный «синдром зеркальности»⁵. Олицетворявшая европейскую цивилизацию Нового времени (Модерность) Франция как бы примеряла свое развитие, вглядываясь в классическую

¹ О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда, / Пока будут Небо с Землей таковы, какими их Бог создал. / Но Запада нет и Востока нет, нет наций, родов, преград, / Когда двое сильных и смелых мужчин друг другу в глаза глядят! (Пер. К. Филатова <https://stihi.ru/2000/12/31-390>)

² Цивилизационные вызовы. 2018.

³ Number of overseas Chinese people 2020.

⁴ О предыстории китайской иммиграции во Франции см. Гордон 2021.

⁵ Замечание Франклина Енсена в подборке мнений о французском восприятии Китая. — URL <https://www.quora.com/What-is-Frances-view-of-China>

цивилизацию Азии. В XVIII в. Франция стала центром европейской синологии, чему предшествовали переводы китайской классики и увлечение изделиями китайских ремесленников, парковым искусством, стилем дворцовых интерьеров при Людовике XIV. Искусство управления тысячелетней империей осмысливалось Вольтером и Монтескье.

Затем наступил черед Китаю взглянуть во Францию. В фокусе цивилизационных скрещений и с этой стороны оказалось Просвещение, его классиков изучали идеологи модернизации страны. Особо популярен в Китае в XX в. стал Руссо с его апологией национальной консолидации и сильной централизованной власти⁶. «Зеркальное» отражение принципов гражданской религии из «Общественного договора» можно обнаружить в современном политическом неоконфуцианстве⁷.

Углублению духовной связи с Францией способствовала образовательная иммиграция китайской молодежи, начало ей было положено в 1920-х гг. основателями современной китайской государственности. Первый пароход отправился в 1920 г., и на нем почти две тысячи китайских юношей, жаждавших обретения знаний в «отечестве свободы», как назвал Францию один из них – Чжоу Эньлай. В группе были будущие руководители Китая: кроме самого Чжоу, многолетнего премьера КНР, Дэн Сяопин, маршал Чэнь И, Ли Лисань и еще несколько десятков деятелей Китайской революции. Что ими двигало в этом рискованном предприятии? По словам дочери Дэн Сяопина, «любовь к Родине и желание спасти ее»: «Они вырвались из феодальной тюрьмы во внешний мир, чтобы обрести истину»⁸. Процесс обретения был довольно своеобразным, приводя в конечном счете многих «абитуриентов» на революционно-коммунистический путь. Тем не менее пребывание во Франции не прошло ни для них, ни для коммунистического Китая даром: именно Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин противостояли изоляционизму времен Мао и «культурной революции». А Дэн, пробывший во Франции дольше всех (1920–1925), стал крупнейшим в новейшей истории страны реформатором, зодчим политики «реформ и открытости».

Открытие возможности масштабной иммиграции привело к образованию во Франции значительной китайской диаспоры. Изучение ее идентичности наталкивается на трудности, имеющие как эпистемологический, так и источниковедческий характер. Закономерно преобладающий в изучении диаспор социально-антропологический подход чреват «эссенциализацией» проблемы, сведением ее к архетипическим характеристикам народа диаспоры в соотнесении их с т.н. европейскими ценностями, тоже предстающими нередко в стандартном и лишенном исторической динамики наборе⁹. Альтернативой «антропологизации» проблемы диаспор выступает ее политизация. И здесь, на мой

⁶ Борхс 2001: 74–97.

⁷ Гордон 2017: 37.

⁸ Мао Мао 1995: 68.

⁹ Butler 2001; Кондратьева 2010; Антропология диаспоры 2014.

взгляд, таится еще больше подводных камней. Особенно, когда политизация принимает модную геополитическую направленность. На первый план выходит место диаспор на политической карте мира, их значение в сфере влияния тех или иных великих держав. В таком случае одни ангажированные авторы отводят диаспорам роль «пятой колонны», другие отчаянно выявляют их стремление слиться с «матерью-родиной» в рамках того или иного трансграничного «мира»¹⁰.

Проблема диаспор остается в междисциплинарной развилке. Для востоковедов (китаистов, индологов, арабистов) соответствующие диаспоры на Западе – «западоведение», которое требует основательного знания истории и современного положения стран, принимающих диаспоры. А американистам, англоведам или франковедам не хватает знания языка и культуры восточных народов. Сказывается замкнутость диаспор, трудность проведения полевых исследований в этой среде для «иногородца»¹¹. Отчасти лакуны заполняют работы ученых восточного происхождения при том, что среди них замечается вполне понятное тяготение к эмоционально-негативному освещению положения диаспор (дискриминация, унижения, психические расстройства и т.п.).

Едва ли не самыми закрытыми среди диаспор традиционно считаются зарубежные сообщества выходцев из Поднебесной, хотя утаенность их внутренней жизни от посторонних не стоит считать следствием неких запретов. Наблюдатели справедливо обращают внимание на высокую степень самоорганизации китайской диаспоры и дисциплинированность ее членов. Китайцы-иммигранты во Франции до поры стремились решать возникавшие проблемы самостоятельно, избегая конфликтов с представителями других общин и не вынося их в публичную сферу, за что снискали наименование «молчаливого меньшинства»¹². Однако грабительские нападения молодежных банд афро-магрибинского происхождения вынудили китайцев выйти на демонстрации, первая из которых с требованиями обеспечения безопасности состоялась в 2010 г. За ней последовали масштабные акции с идентичными требованиями в 2011, 2016, 2017 гг. Наблюдатели констатировали: китайская диаспора «вышла из тени»¹³. В исследовательском плане возникли новые перспективы, поскольку активисты этих выступлений постарались донести свою позицию до общественного мнения Франции. Проявившая инициативу в организации протестных выступлений Ассоциация китайской молодежи Франции (АКМФ)¹⁴ в декларации о своем создании (2009) выдвинула задачей «утвердить свою идентичность... во французском мультикультурном обществе», достичь того, чтобы фран-

¹⁰ Антропология диаспоры 2014.

¹¹ Характерно обращение французских психоаналитиков к социологу китайского происхождения: «Помогите нам понять ваших китайцев» (Wang Simeng 2016).

¹² Rouillon 2014: 15.

¹³ Aw Tash 2019.

¹⁴ L'Association des jeunes chinois de France, заметим, не во Франции.

цузское общество «углубило понимание китайской культуры и ее представителей во Франции»¹⁵. Вопреки бытующим истолкованиям «азиатчины» или «китайщины» как чего-то извечно неизменного и обезличенного¹⁶ исследователям предстала сложная многоуровневая структура идентичности в ее динамике. Первый уровень – самоопределение китайской диаспоры в целом, то, что объединяет ее членов или их большинство. Далее – особенности самосознания различающихся своим происхождением общин ее составляющих. Наконец, индивидуальные стратегии обретения идентичности.

Мнение, что основой идентичности для людей диаспоры служит ощущение связи с «исторической родиной», исключительно распространено, а при упомянутом геополитическом подходе еще и утрируется. Типичен вопрос, каким задается журнал Стратегического исследовательского центра Военно-морских сил Франции: «В какой мере влияние китайской диаспоры, если оно все-таки имеет место, используется Китаем для укрепления своего могущества?». Характеризуя «каналы влияния», автор статьи (Университет Париж-1 Сорбонна) рассматривает многообразные формы сотрудничества двух стран, показывая, что любые из них от инвестиций до Институтов Конфуция можно оценивать, как ресурс «китайского влияния»¹⁷.

Подобные геополитические построения оставляют в стороне вопрос о самоопределении собственно иммигрантов. Акцентирование фактора связи с родиной может стать лишь отправным пунктом исследования их идентичности. Какая это связь и как ощущается иммигрантами? Называя себя на европейский манер «китайцами», с кем или с чем они себя отождествляют? С Китайской Народной Республикой, с ханьским этническим большинством страны? Или с исторической Поднебесной и ее тысячелетней культурной традицией?

Обратим внимание, что, именуя себя *танжэнь*, (букв. «танские люди»), а кварталы диаспоры *Tángrénjiē* («улицы людей Тан») ¹⁸, иммигрантское сообщество подчеркивает свою символическую связь не с КНР, а с эпохой легендарного процветания Поднебесной при правлении династии Тан (618–907). Иначе говоря – с историческим Китаем.

Отношение к современной китайской государственности у иммигрантов, мягко говоря, «неоднозначное». Успехи китайской экономики в общем идут им на пользу, если учитывать ее экспортную ориентацию. Особенно это касается наиболее многочисленной в диаспоре торговой общины «вэньчжоусцев» (уроженцев уезда Вэньчжоу в провин-

¹⁵ Qui-sommes-nous 2009.

¹⁶ К сожалению, типично обывательское представление распространено и в интеллигентной среде. Во время моей учебы на истфаке Ленинградского университета (1954–59) на курсе было 30 студентов из Китая. Для моей однокашницы все они были «на одно лицо и одну фамилию».

¹⁷ Rouillon 2014.

¹⁸ Why is Chinatown in Chinese called...

ции Чжэцзян), которым импорт дешевого китайского ширпотреба позволил создать своего рода факторию его распространения по Франции и соседним странам. Заметим, что по сути это деловые, взаимовыгодные связи торговых партнеров. Мало что добавляют к идентичности с КНР и интенсивные контакты «вэньчжоусцев» с «малой родиной», откуда идет постоянное пополнение общины за счет родственников и земляков. Природа таких связей локальная, семейно-клановая.

Что же касается другой общины, образованной беженцами из Южного Вьетнама и Камбоджи, с которой в конце 1970-х гг. собственно началось формирование китайской диаспоры, то у этой, «индокитайской» общины по определению нет идентичности с современным Китаем. Ничего не связывает их и со странами «исхода», кроме тяжелых воспоминаний. Тем не менее они предпочитают называть себя «вьетнамцами» и «камбоджийцами», а не «китайцами», явно не желая, чтобы их отождествляли с «материковым Китаем» или даже с «вэньчжоусцами», прибывшими «оттуда». Очевидно, вопреки распространенным представлениям диаспора в целом не чувствует себя продолжением Китайской Народной Республики и не идентифицирует себя в категориях лояльности современному китайскому государству.

Зато фиксируется возмущение среди диаспоры, особенно у молодого поколения, когда их отождествляют с последним. Вопрос этот для сформировавшейся во Франции молодежи крайне болезненный. Для многих из них сознание своей идентичности начиналось с дистанцирования от КНР, в значительной мере опосредованного реакцией французского общества на «возвышение Китая», символом чего сделалось проведение Олимпийских игр в Пекине (2008) – с присущим подобным режимам блеском и устрашающим патриотическим подъемом, опиравшимся на баснословные достижения в экономической сфере¹⁹. Летисия, чьи родители бежали из Камбоджи, в интервью, которое было записано спустя 10 лет после Олимпиады (тогда она была 15-летним подростком), вспоминала: «Возвышение Китая стало очень сложным для нас. До этого никто по существу не замечал людей из Азии – мы были будто невидимками. Вдруг я услышала открыто расистские выражения... Особенно тяжелым было время Пекинской олимпиады (2008-2009), когда неожиданно из прошлого была извлечена “желтая опасность”, и слух этот стал повсеместно распространяться. Все это время газеты пестрели заголовками: “Китай завоевывает мир”»²⁰.

Политический антагонизм соединялся с неприятием на бытовом уровне китайской культуры, кулинарии, медицины, наконец, физических черт, и это не могло не затронуть тех, кто подобно Летисии чув-

¹⁹ 2008 г. стал переломным в соотношении сил в мировой экономике: для Франции и Запада в целом год ознаменовался глубоким экономическим кризисом, от которого французская экономика так и не смогла полноценно оправиться, тогда как Китай наращивал темпы экономического роста.

²⁰ Aw Tash 2019.

ствовал себя полноправными гражданами Франции, ассоциировал себя с ее культурой. Проявления местного расизма на антропологическом уровне затронули их особенно болезненно.

Молодежь никак не желала ощущать свою сопричастность с преследованием диссидентов, репрессиями в Тибете или Синьцзяне, лагерями трудового перевоспитания и иными массовыми нарушениями прав человека, в которых Франция как исторический поборник этих прав особенно рьяно обвиняла КНР. Один из создателей АКМФ Ван Жюй возмущался, что во французских СМИ всех китайцев считают «людьми одного сорта... скроенными по образцу членов Коммунистической партии»²¹. Несправедливость таких обобщений была одним из мотивов создания АКМФ. Казалось бы, парадокс. Диаспоре следовало гордиться достижениями Китая в ходе реформ, его возвышением на мировой арене после векового унижения. Между тем становление идентичности политически сознательной части молодежи диаспоры включало формирование мировоззрения, чуждого авторитарно-партократическому порядку. Характерна подвижка сознания, которая выявлялась среди студентов, приехавших из КНР и надлежащим образом индоктринированных. Главным источником информации для них вначале оставалась пресса КНР. Но по мере овладения французским языком у наиболее продвинутой части происходил подлинный катарсис. Поражал сам политический лексикон. «Приехав во Францию, – рассказывала в интервью одна из студенток, – я услышала слова, которых не знала в Китае, “забастовка”, “демонстрация”. Французы шутят, что они или на демонстрации, или собираются на нее. Меня приводит в восхищение эта ирония свободного народа; ничего подобного нельзя вообразить в нынешнем Китае. Даже произнеся *юсин* (*шестствие*), можно привлечь подозрительные взгляды, не говоря уже о *shiwēi* (*демонстрировать*)»²².

Впервые многие узнавали о массовых выступлениях за демократизацию режима и об их жестоком подавлении на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г. Обилие информации на острые темы, ее разнообразие побуждали сделать личный выбор, и зачастую он был не в пользу возвращения в КНР²³. А тех, кто укоренился во Франции, восприятие политических свобод и признание прав личности на самоопределение побудило к активному участию в протестных акциях. Политическая культура общества, в которое они вливались, столь разительно отличная от конфуцианской морали подчинения власти, становилась орга-

²¹ Ibidem.

²² Интервью Chunlin (Wang Simeng 2017). Как отражение автократических тенденций число табуированных слов и выражений в политическом лексиконе КНР постоянно возрастает: вместе с недавним обнулением сроков пребывания у власти руководителя страны в «черный список» цензуры попали «политическая реформа», «я против», «не согласен» и т.п. (Семенов 2018: 143).

²³ Учебная виза – один из распространенных способов легализовать пребывание во Франции.

ничной частью идентичности молодого поколения китайской диаспоры Франции. «Поколение, которое поднимает голову», – назвали выросшую во Франции молодежь в «Ле Монд»²⁴.

Исследователи отмечали контраст между демонстрацией 2010 г. и последующими. Первая была организована признанными и поддерживаемые посольством КНР ассоциациями, которые представляли старшее поколение. Требования были выражены в иероглифах, замечены были и флаги КНР. Во второй демонстрации задали тон молодежные объединения. Лозунги были исключительно на французском, их лексика воспроизводила республиканские ценности, протестующие размахивали трехцветными флажками и следовали традиционным маршрутом парижских манифестаций от площади Республики, где состоялся многотысячный митинг, к площади Нации. Так, по выражению Чжуан Яхань, посвятившей докторскую диссертацию в Сорбонне китайской иммиграции, «китайцы в Париже» превращались в «*китайцев-парижан (Chinois de Paris)*»²⁵.

Однако это не означало разрыва с культурной традицией Поднебесной. По мнению ряда аналитиков, именно осознание принадлежности к ней придает китайцам «ощущение единства, чувство гордости за свою нацию и уверенность в себе», а также, что касается конфуцианства, «подкрепляет идеологически семейную форму бизнеса и иерархические отношения в сообществе», становясь одним из слагаемых экономического успеха²⁶. Не все специалисты выделяют учение Конфуция, между тем роль собственно культурной традиции в консолидации зарубежных китайских сообществ видится общепризнанной.

В сущности, само формирование китайских кварталов, превращавшихся в знаменитые «чайнатауны», больше сотни которых существует сейчас в разных странах мира, можно считать актом верности культурной традиции Китая. В Париже это 13-й округ, где сконцентрировалась «индокитайская община», и Бельвиль в 19-ом округе, где размещается «вэньчжоуская община» (впрочем, последняя рассредоточена также в парижских пригородах, Лионе, Марселе).

Среди мотивов образования китайских кварталов на первый план выходят производственные связи, трудовая кооперация в том или ином «этническом бизнесе», национальная специфика общественного питания и сферы услуг в целом. Стоит притом обратить внимание на многообразные потребности культурной идентификации. При слабом знании французского языка у старшего поколения и особенностях диалектов у выходцев из различных регионов Китая иероглифические вывески, разумеется, имеют прежде всего информационное значение, облегчая пространственную ориентацию. А большие красные фонари, узорчатая

²⁴ Branciard 2017.

²⁵ Chuang Ya-Han 2013

²⁶ См.: Ларин 2013: 197.

графика надписей, обильно украшенные символикой порталы «входов» обозначают духовную связь с исторической родиной. Это нечто вроде ее зрительного замещения («lieux d'origine de substitution», по Эмманюэлю Ма Муну²⁷). Ярко выражают культурную идентификацию ритуалы, прежде всего главный из них – торжественная встреча Нового Года по лунному календарю, знаменуемая треском петард, маскарадом, явлением Дракона, «шествием льва» и другими театрализованными представлениями в кварталах диаспоры. Традиционным общегородским центром становится Бельвиль, в котором недавно торжественно в присутствии официальных лиц во главе с мэром Парижа были открыты символические врата китайского «града». А «индокитайская община» проявила себя осенними обрядами бракосочетания. В ноябре 1999 г. неоднократно наблюдал по выходным дням шествие брачующихся пар в центральном парижском парке Монсо²⁸. Знаменательно это событие было еще своеобразным культурным синтезом – древний китайский ритуал исполнялся в стиле какой-нибудь «бель эпок» с пышными белыми кринолинами невест и строгими черными костюмами женихов.

Итак, новообретенной идентичностью для представителей китайской диаспоры становится «быть французом и китайцем», по выражению малайзийского писателя китайского происхождения, проживающего в Англии, Оу Дасюя. Он и исследует проблему, скажу так, «совмещенной» идентичности в беседах с молодежью диаспоры. «Совмещенная идентичность» оказывается открытым пространством, в котором запечатлелись разнообразные индивидуальные маршруты, изобилующие крутыми поворотами.

Для представителей «индокитайской общины» особенно характерно стремление к ассимиляции в крайней форме отречения от исходной идентичности – стать «французами из французов». Стремление «офранцузиться» после столкновения с расистскими проявлениями во французском обществе сменялось порой столь же утрированным желанием «вернуться к корням», обрести воображаемую китайскую идентичность. Происходила та самая духовная метаморфоза, что была еще в начале 1950-х описана на психоаналитическом уровне Ф. Фаноном в знаменитом произведении «Черная кожа, белые маски». Начиная со стремления слиться со средой, чернокожий интеллигент из французских колоний реагировал на расизм негритюдом, обращаясь к обычаям предков и воспевая свою «негритянскость»²⁹. Признавая творческий потенциал подобного поворота, например в поэзии, Фанон подчеркивал его ограниченность в политике, как «антирасистского расизма»³⁰, обо-

²⁷ Ma Mung 2009.

²⁸ Монсо – живописный и уютный парк. Зная изощренный вкус в китайской традиции к парковому искусству, можно полагать выбор был отнюдь не случайным.

²⁹ Fanon 1952.

³⁰ Fanon 1961: 88. См. подробнее Гордон, 1977.

рачивающегося апофеозом насилия. При этом идеолог антиколониальной борьбы алжирского народа допускал неизбежность насилия в условиях «колониальной ситуации». Рассматривая дилемму Гегеля об эмансипации угнетенного самосознания (диалектика отношений «раба и господина» в «Феноменологии духа»), Фанон доказывал, что она невозможна в материальном производстве для колонизованных: «Раб тут ничуть не похож на того, который слившись с объектом, находит в труде источник своего освобождения»³¹.

Извращая суть современного порядка вещей, радикальные идеологические течения уподобляют положение мусульман в мире «колониальной ситуации». К сожалению, их влияние сказывается на настроениях маргинализованной части мужской молодежи в африканских и арабо-мусульманской общинах Франции³², ищущей путь самореализации в насилии – хулиганство, бандитизм, акции вандалистского характера, а в политической перспективе участие в террористических организациях. В противоположность деструктивному поведению, усугубляющему отчуждение от французского общества, молодежь китайской диаспоры в своей самореализации ориентирована на интеграцию в нем. Часть этой молодежи, столкнувшись с проявлениями антикитайского расизма, вступила в активную борьбу за избавление французского общества от всех видов расизма, находя интеллектуальный ресурс в республиканских ценностях и чем дальше, тем больше – политическую поддержку муниципальных властей, национальных партий, СМИ.

Многозначительно, что расистские проявления, способствуя консолидации китайской диаспоры, усиливают тенденцию французской идентичности в ее политически активной части. Тань Суньлай (38 лет), муниципальный советник в парижском пригороде Митри-Мори, опубликовавший петицию к президенту с требованием положить конец нападениям молодежных банд на китайцев и призвавший к демонстрации протеста в связи с убийством портного-китайца во время одного из таких нападений в соседнем Обервилье, мотивировал свой поступок осознанием, что «как французу ему пора реагировать»³³.

Так поиск идентичности оборачивался позитивной устремленностью к благотворным переменам в воспринявшем диаспору обществе. Подобный шанс предоставляла, как были убеждены активисты, политическая культура Франции. «Быть китайцем-французом, – говорил Ван Жюй, – не то же самое, что быть китайцем в Италии или китайцем в Испании»³⁴. Там думают, что не смогут полностью интегрироваться, и вероятно через 10 лет они возвратятся в Китай. Мы же думаем, что на-

³¹ Fanon 1952. P.199.

³² О факторах маргинализации см. Гордон 2019.

³³ Le racisme anti asiatique.

³⁴ Знаменательно, что его родители, получив вид на жительство в Италии, переехали во Францию, где несколько лет жили нелегально и владели существование париев.

ши дети и внуки смогут жить нормальной жизнью в этой стране, а для этого нужно изменить положение вещей. Рассуждая так, я чувствую себя французом: я верю, что правительство всегда, всегда можно изменить. Я верю в возможность изменить нашу жизнь революционным путем»³⁵. Но политизация и радикально-активистский образ мышления свойственны далеко не всем французским китайцам. Самый распространенный способ самореализации среди них – эмансипация по Гегелю – через труд. Летисия полагает, что среди ее соплеменников, «французов из китайских семей, прибывших из Юго-Восточной Азии», вряд ли многие «озабочены правом выйти на улицу», т.е. участвовать в протестных акциях. «Мы не разделяем позицию, что “правительство должно сделать для меня все”». И если Ван Жюй отметил, что французская революционность порой становится болезнью, Летисия развивает тему.

«Интеллектуально», как французенка («в конце концов я французенка»), она понимает борьбу «желтых жилетов» за улучшение своего материального положения. Но эмоционально, думая о родителях, бежавших из Камбоджи, спасаясь от геноцида и бросив все нажитое, она не скрывает презрения к навязчивым усилиям обеспечить себе «возможность посещать рестораны и иметь дополнительный выходной». У нее вызывает недоумение склонность французов устраивать массовые беспорядки ради получения экономической поддержки от государства. Летисия гордится тем, что китайцы во Франции не ждут помощи от государства и добиваются материального благосостояния своим упорным трудом без положенных выходных и социальных пособий, которыми широко пользуются «коренные» французы и выходцы с Африканского континента. «Двух поколений в статусе граждан Франции»³⁶ оказалось недостаточно, чтобы изменить укорененную ментальность полагаться на самих себя (*mentality of self-sufficiency*)), – констатирует молодая французенка китайского происхождения.

Добиться преуспевания, хотя бы относительного, во французском обществе означало обрести в этом успехе идентичность с последним. Для ремесленников, мелких торговцев, работников транспорта и сферы услуг производственную самореализацию можно считать самым распространенным маршрутом. Иначе говоря, французская идентичность обреталась «по-китайски», ибо именно культуру труда большинство французских китайцев признает своей отличительной чертой.

Самосознание трудового человека преобладает и в их осуждении бандитских нападений. Характерно возмущение в словах Натана Ху:

³⁵ Aw Tash 2019.

³⁶ Во время этого массового исхода китайского меньшинства по данным ООН погибло около 200 тыс. человек, пытавшихся на лодках достичь Гонконга или соседних стран Юго-Восточной Азии. Общественное мнение Франции – редкий случай – единодушно потребовало присвоения им прав беженцев. И они с момента прибытия – конец 1970-х годов – становились полноправными гражданами страны.

«Эти безмозглые варвары думают, что мы все богачи. Так же, как они, мы бежали от нищеты... То, что отличает нас от них, – мы с утра до вечера работаем как одержимые»³⁷. В общественном мнении Франции – от ультраправых до ультралевых – китайцев называют «работягами», причем не всем их успешность нравится, становясь многим из обывателей, независимо от происхождения – африканского или европейского – поводом для злопыхательства, одним из мотивов «ресентимента»³⁸. Да и в китайской диаспоре установка на напряженный интенсивный труд порой с минимальной отдачей приветствуется далеко не всеми из молодого поколения³⁹. Но никто не подвергает сомнению укорененность самой установки в китайской ментальности, воспроизводимой в их новообретенной во Франции идентичности.

Трудовая самореализация раскрывает фактор «внушенной идентичности». Внушение происходит двояким образом. С одной стороны, это репродуцирование в самосознании индивидов их восприятия окружающей средой, с другой – традиционализм старшего поколения диаспоры. Как «образцовое меньшинство» (*model minority* по терминологии, заимствованной из американской социологии) иммигранты-китайцы, добивающиеся преуспевания, не обременяя материальными требованиями государство и не навязывая французскому обществу свои религиозные претензии, противопоставляются другим этническим общинам.

Интересное сопоставление с иммигрантами с Африканского континента содержится в отклике на статью об интеграции китайцев (с характерным «ником» *Germanicus*): «У китайцев тоже сильная этническая и культурная идентичность, но они не навязывают ее. Проблема арабов в частности в том, что они чувствуют себя выше европейцев в культурном и особенно религиозном отношении, а в социальном отношении очень часто оказываются приниженными... Китайцы ведут себя скромно; они – работяги, их цель прежде всего материальное преуспевание»⁴⁰.

«Скромность» поддерживается старшим поколением, требующим от молодежи повиновения родителям и заботы о них, согласно конфуцианской морали. Летисия слышала постоянные упреки от родителей: «ты стала слишком французенкой», что означало «грубое, вызывающее поведение», основанное, как они считали, на приверженности «западным ценностям» в противоположность ценностям «гармонии в семье и обществе»⁴¹.

Особенно заметен родительский диктат, замечает Чжуан Яхань, в предпринимательской среде «Вэньчжоуской общины». Именно он

³⁷ Le racisme anti asiatique...

³⁸ Об истоках антикитайского «ресентимента», сближающих его с антисемитизмом, см.: Гордон 2021; Pérez 2019.

³⁹ Но К.К.

⁴⁰ Jorion 2016.

⁴¹ Aw Tash 2019.

создает барьеры на пути «офранцузивания» последней, которое отчетливо слабее, чем у «индокитайцев»⁴². Старшее поколение использует детей, овладевших французским языком и адаптировавшихся к среде, в коммерческих интересах, желая, чтобы они сохраняли преданность традиционным ценностям и прежде всего заботились о семейном бизнесе. Это вызывает сопротивление молодого поколения: «Моему поколению, – заявляет Ван Жуй, – необходимо освободиться от диктата родителей, если оно хочет развиваться. Мы хотим сами решать, с кем вступать в брак, как себя вести, чем заниматься»⁴³. Так, выстраивается еще один маршрут идентичности: протест молодежи против подобного семейного диктата ускоряет ее культурную интеграцию во французском обществе.

В полной мере трудовая установка, а с нею описанный выбор идентичности реализуется в сфере образования. Не зря китайское меньшинство в США назвали «сверхобразованным». Типично это и для Франции, особенно у «индокитайской общины». В отличие от этнических вьетнамцев, вьетнамские китайцы знанием собственно французского при прибытии не могли похвастаться, заметно уступая в этом выходцам из французских колоний в Африке. Однако, как показало сравнительное обследование этнических меньшинств Франции, это не помешало их достижениям в сфере образования. 48% детей иммигрантов из Индокитая получили диплом о высшем образовании, значительно превзойдя соответствующие показатели большинства других иммигрантских общин, включая европейские: алжирская – 20%, Марокко-Тунис – 31%, Сахель – 25%, Экваториальная Африка – 41%, Португалия – 28%, Испания-Италия – 26%. Превзошли они своими достижениями и коренное население («population majoritaire») – 34 %⁴⁴.

Как отмечают наблюдатели, именно дисциплина труда и перфекционизм позволяют представителям китайской диаспоры добиваться заметных успехов в рамках французской системы образования, что, в свою очередь, дает им возможность занять социальные позиции, требующие высокой квалификации. А вместе с этим, по словам бельгийского антрополога и эссеиста Поля Жориона, «уже во втором поколении успешно интегрироваться во французском обществе»⁴⁵.

Это подтверждает пример 19-летней Эммы, студентки Института политических исследований (Sciences Po) с обеспеченными родителями из «вэньчжоусцев». Столкнувшись с антикитайским расизмом и усвоив родительское поучение о том, что ты такая, какой тебя видит окружение, она поступает в образовательное учреждение, готовящее кадры французской политической элиты. По контрасту с социально ориенти-

⁴² A killing in Paris 2016.

⁴³ Branciard 2017.

⁴⁴ Trajectoires et origines 2010. P. 44.

⁴⁵ Jorion 2016

рованным обретением французской идентичности у Ван Жюя – это индивидуалистический и «буржуазный», как признает сама Эмма, способ интеграции в политическую культуру страны. Она лишь сожалеет, что в подобных привилегированных учреждениях Франции, в отличие от США, еще мало представителей китайской диаспоры.

Более радикальные претензии к французской системе образования у 27-летнего Даниеля. По его словам, он представляет меньшинство, которому комфортно совмещать французскую и китайскую идентичности, а большинство, встретив проявления расизма, отрекается от китайской идентичности. Задавшись вопросом, почему французские китайцы гораздо легче порывают с ней, чем магрибинцы со своей арабо-мусульманской, Даниэль задается приходит к выводу, что виной забвение китайского прошлого у старшего поколения, незаметность китайской диаспоры в общественно-политической и культурной жизни страны (в отличие от магрибинцев или выходцев из Тропической Африки), наконец, школьное образование, прежде всего преподавание истории. Оно, замечает Даниэль, важнейший предмет в школьном образовании. Действительно, история Франции очень богата и познавательна. Но это повествование исключительно о «французских героях» – Жанне д'Арк, Карле Великом, Хлодвиге. «Мы не находим себя» в такой версии истории, а между тем она навязывается всем гражданам Франции, независимо от их происхождения, как «собственная история». Школьная программа исторического образования должна включать историю тех стран, представители коих обрели во Франции вторую родину, считает французский интеллигент китайского происхождения⁴⁶.

Даже такие вполне интегрированные во французском обществе представители диаспоры, как Летисия и Даниель (имена говорят сами за себя), ставят вопрос о пороках государственной политики культурного унитаризма, доминирующего во французской системе образования со времен Третьей республики. Они обращают внимание на то, что игнорирование этнокультурных различий искажает реально сложившееся многообразие страны. А это создает питательную почву для проявлений «культурного расизма» со стороны фанатичных защитников республиканского унитаризма, в одном случае, и фундаменталистских тенденций прежде всего в мусульманской общине – в другом⁴⁷.

В период ассимиляционной эйфории африканцы, арабы или вьетнамцы во французских колониях усваивали из школьных учебников «наши предки – галлы». Эйфория канула в лету вместе с политической деколонизацией, но сопровождавшая последнюю оборотную сторону. Был утрачен пафос цивилизаторского движения Франции на Восток. Между тем духовное присутствие Франции в Азии сохраняется. Вспоминается

⁴⁶ Aw Tash 2019.

⁴⁷ Гордон 2019.

храм на центральной площади Ханоя, уменьшенная копия Собора Парижской Богоматери, французские издания XIX в. на книжных развалах в Сайгоне (Хошимине), совсем как на набережной Сены. Да еще вьетнамка, хозяйка магазина предметов искусства в том же Хошимине, которая в ответ на мой вопрос с гордостью заявила «Я – католичка», притронувшись к шейному крестику. Вспоминается и театрализованное представление в базилике Св. Дионисия, которое перед особо почитаемым во Франции алтарем давала вьетнамская община.

Собственно, в предпочтении французского направления при иммиграции в Европу пietet к Франции среди китайцев очевиден. Не случайны и пребывание во Франции самой значительной в Европе когорты китайских студентов и внушительный поток туристов из Поднебесной (до пандемии два млн ежегодно). В то же время во Франции сохраняются интерес и уважение к китайской культуре, о чем свидетельствует рост числа учащихся лицеев, выбирающих курс «Китайская цивилизация». Увеличивается число студентов коллегей и университетов, обучающихся китайскому языку⁴⁸.

Ныне происходит актуализация синдрома зеркальности с новой стороны: люди с Востока, поселившиеся во Франции, возвращают стране преданную забвению историческую память, обогащая в поисках своей идентичности французскую культурную традицию.

Поиски гражданского и этнокультурного самоопределения в китайской диаспоре Франции, думается, выводят к классической парадигматике Восток/Запад. Запад продолжает колонизовать *не-Запад*, прежде всего Восток, представленный трансграничными диаспорами из стран Азии и Африки. В основе такой колонизации уже не политическое господство, а духовная, идейная и культурно-нравственная гегемония («гегемония без господства», по примечательному определению постколониальной ситуации⁴⁹). Иммигранты-китайцы адаптируются к правопорядку принявшей их страны, усваивают образ жизни, нормы обыденности, язык, республиканские принципы и гуманистические ценности французской (европейской) культуры. Притом у большинства представителей китайской диаспоры ассимиляции не происходит. Не прогнозируя итоги, я бы я обозначил главное направление текущего процесса как «интеграция при сохранении культурной идентичности». Есть основания у тех, кто утверждает, что современные трансграничные миграции – это колонизация Запада Востоком. Будучи далеким от алармизма, порожденного апокалиптическим воображением («мечеть Нотр-Дам де Пари», полумесяц над Эйфелевой башней, верховенство

⁴⁸ Лапина 2012: 182.

⁴⁹ Предложив такую формулировку, К. Прадт (см. Антропология диаспоры 2014) «перевернул», по своему выражению формулировку индийского социолога Ранаджита Гухи для колониального режима (Guha 1997)

шариата с заменой Декларации прав человека и гражданина сурами Корана), рискуя предположить, что республиканскому унитаризму суждено серьезно потесниться. Как выразился один комментатор в Сети, характеризуя китайскую диаспору и указывая на успехи ее выходцев в экономической и образовательной сфере, это «коммюнитаризм, но он хорошо работает»⁵⁰.

Китайцы органично входят в социальную ткань французского общества, сохраняя верность тысячелетней культурной традиции и обогащая последнюю взаимодействием с культурными ценностями Франции. Допустимо сказать и по-другому: в своих поисках идентичности китайская диаспора обогащает французскую культуру взаимодействием ее со своей древней традицией.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антропология диаспоры: культурные механизмы конструирования идентичности // Новое литературное обозрение (НЛО) 2014. № 3 [Antropologiya diaspori: kul'turnye mekhanizmy konsruirovaniya identichnosti // Novoye literaturnoye obozreniye 2014 N 3].
- Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / С.А. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016. 304 с. [Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnyye migracii i diaspori /S.A.Panarin. SPb: Nestor-Istorija, 2016. 304 s.].
- Гордон А.В. Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. М. Вост. лит., 1977. 240 с. [Gordon A.V. Problemy nacional'no-osvoboditel'noj bor'by v tvorchestve Franca Fanona. M. Vost. lit, 1977. 240 s.].
- Гордон А.В. Китай в мировой истории и международной политике: Модернизм-традиционализм-глобализм. М.: ИНИОН, 2017. 85 с. [Gordon A.V. Kitaj v mirovoj istorii i istoriografii: modernizm, tradicionalizm, globalizm. M.: INION, 2017. 85 s].
- Гордон А.В. Ислам во Франции: опыт интеграции // Востокведение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 5-53 [Gordon A.V. Islam vo Francii: opyt integracii // Vostokovedeniye i afrikanistika: Referativnuy zhurnal. 2019 N 3. P. 5-53].
- Гордон А.В. Трансграничная миграция и образование диаспор: китайцы во Франции // Востокведение и африканистика: Информационно-аналитический журнал. 2021. № 2 [Gordon A.V. Transgranichnaya migraciya i obrazovaniye diaspor: kitaicy vo Francii // Vostokovedeniye i afrikanistika: Informacionno-analiticheskij zhurnal. 2021. N. 2].
- Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. Фонд исторической перспективы. 2010. [Kondrat'eva T.S. Diaspori v sovremennom mire: evoluciya yavleniya i ponyatiya // Perspektivy. Fond istoricheskoy perspektiviy. 2010. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886>].
- Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX-XX веков. М.: Вост. лит., 2001. 247 с. [Konfucianstvo i evropejskaya mysl' na rubezhe XIX-XX vekov. M.: Vostlit, 2001. 247 s.].
- Лапина Н.Ю. Образ России во Франции в начале XXI века: Взгляд социолога // Образ современной России во Франции / Ред. Н.Ю.Лапина. М.: ИНИОН, 2012. С. 99-193 [Lapina N.Ju. Obraz Rossii vo Francii v nachale XXI veka : Vzgljad sociologa // Obraz sovremennoj Rossii vo Francii / Red. N.Ju Lapina. M.:INION,2012. S. 99-193].
- Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. 18 / ред. Е.И. Софронова. М.: ИДВ РАН. 2013. С. 193-222 [Larin A.G. Mirovaya kitaiskaya diaspora i novaya migracionnaya koncepciya Rossii // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike /Red. E.I. Sofronova. Vyp. 18. M.: IDV RAN,2013. S. 193-222].
- Ларин А.Г. Усиление Китая и возвышение мировой китайской диаспоры // Общество и государство в Китае. Т. 44 № 1. М.: ИВРАН, 2014. С. 232-242 [Larin A.G. Usilenie Kitaya i vozvysheniye mirovoj kitajskoj diaspori // Obschestvo i gosudarstvo v Kitaye. T. 44. № 1. M.: IVRAN, 2014. S. 232-242].

⁵⁰ Комментарий. Rocaube (Jorion 2016).

- Мао Мао. Мой отец Дэн Сяопин / пер. с кит. М.: РУССЛИТ, 1995. 560 с. [Мао Мао. Мой отец Den Sjaopin. М.: RUSSLIT, 1995. 560 s.].
- Рубинский Ю.И. Китайская диаспора во Франции // Современная Европа. 2014. № 3. С. 127-132 [Rubinskii Ju.I. Kitayskaya diaspora vo Francii // Sovremennaya Evropa. 2014. No. 3. S. 127-132].
- Семенов А.А. Анализ трансформации политической системы КНР // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 115-144 [Semenov A.A. Analiz transformacii politicheskoy sistemy KNR // Novaya epoha: Kitaj posle XIX s'yezda KPK. M.: IDV RAN, 2018. S.115-144].
- Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. Колл. монография. Под общ. ред. О.В. Воробьевой. М.: Аквилон, 2018. 680 с. [Civilizionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoy perspective / Red. O.V.Vorob'eva. M.: Akvilon, 2018. 680 s.].
- Agression anti-asiatique : Lettre au Président de la République et au Gouvernement. – URL : <https://www.change.org/p/agression-anti-asiatique-lettre-au-pr%C3%A9sident-de-la-r%C3%A9publique>
- Aw Tash. Coming out of shadow: On Being French and Chinese. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/26/what-you-hear-about-chinese-people-in-france-feeling-scared-its-true>
- Branciard J. Jeunes Chinois de France : la génération qui « relève la tête » // Le Monde. 2017. 27 janvier.
- Butler K.D. Defining Diaspora, Refining a Discourse // Diaspora. 2001. № 10 (2). P. 189-219.
- Chuang Ya-Han. Les manifestations des Chinois de Belleville :Négociation et apprentissage de l'intégration // La vie des idées . 2013. 15 juillet.
- Fanon F. Peau noire, masques blancs. Paris: Éditions du Seuil, 1952. 222 p.
- Fanon F. Les damnés de la terre. Paris: Maspéro, 1961. 242 c.
- Guerassimoff-Pina C. Migrantes, femmes, mères chinoises: Des « nouveaux » oiseaux de passage en Europe ? //Espace, populations, sociétés. Lille, 2009. N. 3 P.471-484.
- Guha R. Dominance without Hegemony. History and Power in Colonial India. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 245 c.
- Ho K.K. Les millennials ont bousculé le mythe de la minorité modèle. - URL: <https://www.refinery29.com/fr-fr/mythe-minorite-modele-millennials>
- Jorion P. De l'intégration: des Chinois de France, par DD et DH /Blog de Paul Jorion. - URL: <https://www.pauljorion.com/blog/2016/10/04/de-lintegration-les-chinois-de-france-par-dd-et-dh/>
- Ma Mung K-E. Diaspora et migrations chinoises // L'enjeu mondial /C. Jaffrelot, C. Lequesne eds. Paris: Presses de Sciences Po «Annuels», 2009, p. 235-244.
- Number of overseas Chinese people 2009-2019, by continent / Publ. by C. Textor, Nov 6 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/632850/chinese-nationals-number-overseas-by-continent/>
- Pérez A. Asiatiques de France : la « race » invisible? – URL: <https://france.attac.org/nos-publications/les-possibles/numero-21-ete-2019/dossier-le-racisme/article/asiatiques-de-france-la-race-invisible>
- Ponniah K. A killing in Paris: Why French Chinese are in uproar. // BBC News. Paris 26 October 2016. – URL:<https://www.bbc.com/news/world-europe-37720780>
- Qui-sommes-nous. – URL: <https://www.lajcf.fr/qui-sommes-nous>
- Racisme anti asiatique est devenu plus banal. Il y a une jalousie. – URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/hashtag/le-racisme-anti-asiatique-est-devenu-plus-banal-il-y-une-jalousie>
- Rouillon P. La Chine d'outre-mer : une diaspora d'influence? // Cargo Marine /Centre d'études stratégiques de la marine. Paris, 2014. N. 4. P. 5-26.
- Trajectoires et origines : Enquête sur la diversité des populations en France / documents de travail168. Par l'équipe TeO Coordonnée par Cris Beauchemin, Christelle Hamel et Patrick Simon. Premiers résultats Octobre 2010. Paris, INED, 2011.
- Wang Simeng. “Aidez-nous à comprendre vos Chinois !”: Conditions de possibilités de la légitimation du sociologue en milieu psychiatrique. Genèses, 2016. N° 105. P. 141-156.
- Wang Simeng. La resocialisation politique de migrants internationaux et leurs prises de parole politiques: le cas de jeunes Chinois qualifiés à Paris // Participations 2017/1 (N°17). P. 155–176.

What is the "model minority", and why might the term be harmful for Asian Americans? - URL: <https://quizlet.com/23259850/what-is-the-model-minority-and-why-might-the-term-be-harmful-for-asian-americans-flash-cards/>

Why is Chinatown in Chinese called 唐人街 (Táng rén jiē), not 漢人街 (Hàn rén jiē)? – URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%94%90%E4%BA%BA%E8%A1%97>

Гордон Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам. Российская академия наук. gordon_aleksandr@mail.ru

Identity trajectories in the Chinese diaspora of France

East/West historical and philosophical duality is analyzed in review of modern cross-border migration. The main subject of analysis is the Chinese diaspora in France. The author rejects the “essentialist” approach, which opposes “Asianism” to “European values” as two monolithic and unchanging spiritual substances. Reviewing materials of field researches of Chinese immigrants in France, the article reveals a diversity of collective and individual identity in the space of interaction between Chinese and French cultural models.

Keywords: *East/West, cross-border migration, China and France, dialog of cultures, diasporas studies, identity*

Alexander Gordon, Dr. Sc. (History). Principal Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. gordon_aleksandr@mail.ru

Н.Д. КЛЁНЫШЕВА

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ В РИМСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматривается «последний поцелуй» в римском похоронном обряде. В латинском языке имелось три слова, означающих поцелуй (*osculum*, *basium*, *savium*), которые во время Поздней Республики и Ранней Империи были синонимами, но *osculum* считалось «литературным», а «*basium*» просторечным. Специального термина «последний поцелуй» у античных авторов нет, они использовали разные выражения, хотя почти всегда со словом *osculum*. «Последний поцелуй» был не религиозным, а светским необязательным ритуалом, желательным одобряемым поведением, проявлением всего спектра социальных отношений. Он мог быть выражением не только горя, но и социального статуса или демонстрацией политических пристрастий. Древние авторы упоминают, что кто-то из близких стремился поймать душу умирающего ртом (*animam ore legere/excipere*), но это лишь поэтически возвышенное описание «последнего поцелуя», а не элемент похоронного обряда.

Ключевые слова: древний Рим, римская религия, частные культы (*sacra privata*), погребальный обряд, последний поцелуй

«Последний поцелуй», входящий в древнеримскую погребальную практику, нередко встречается в трудах исследователей прошлого. Это касается не только научно-популярных работ, но также и собственно научных¹. Так, Д. Штербенк-Эркер отмечает, что он был задачей женщин, именно они его выполняли, хотя это могли делать и мужчины². Возникает вопрос: что это за явление?

1. Проблема термина «поцелуй»: *osculum*, *basium*, *s(u)avium*.

Прежде чем обратиться, собственно, к последнему поцелую в ритуале, необходимо разобраться, что такое римский поцелуй вообще, и что мы называем «ритуальным поцелуем». В латинском языке три слова обозначают понятие «поцелуй»: *osculum*, *basium*, *savium*. Сразу следует оговорить, что источниковой базой исследования стали труды авторов Поздней республики и Ранней империи, т.к. они лучше передают соответствующую реальность по указанному вопросу. При том необходимо учитывать, что многие из них представляют художественную традицию со всеми вытекающими отсюда особенностями. Более того, сторонники современного критицизма полагают, что описания ритуалов у античных поэтов – это и вовсе «литературные топосы», которые не отражали реальную жизнь, хотя и были рассчитаны на то, чтобы читатели их принимали³. Что касается авторов поздней античности, то

¹ См., например: Сергеевко 2000: 201–202; Hope 2009; Šterbenc Erker 2011: 40–60; *Studies on Roman Death* 2011; Яковлев 2019: 60–90.

² Šterbenc Erker 2011: 40–60.

³ Houghton 2011: 61–77.

они находились в иных культурно-исторических условиях, поэтому их сообщениям о прошлом можно доверять с большими оговорками. А с IV в. позднеантичная традиция начала предлагать «специализацию» поцелуев, и эта тенденция со временем стала всё более явной из-за влияния христианских ценностей. Так, Элий Донат (320–380 гг.) в комментариях к Теренцию перечисляет три вида поцелуев (*osculum*, *basium*, *savium*) и объясняет, что *oscula* – это поцелуи вежливости, *basia* – целомудренной любви (чувств), *savia* – похоти или любви⁴. Сервий (конец IV в.), комментатор поэм Вергилия, сообщает, что *osculum* – это поцелуй благочестия, *savium* – наслаждения, дочери дают *osculum*, жене – *basium*, а любовнику (любовнице) – *savium*⁵. Указанная традиция продолжилась и далее, к ней присоединились ещё более поздние авторы. Сообщения такого рода чрезвычайно заманчивы: мы получаем готовую классификацию, которая, казалось бы, снимает массу вопросов терминологического характера. Однако у энциклопедиста Варрона (116–27 до н.э.) только и сказано⁶: «И поэтому «поцелуй» (*osculum*) называется от (слова) «рот» (*ab ore*), а не от «удовольствия» (*a suavitate*), от которого подобное этому (слово) «*savium*». Однако античная традиция весьма разнопланова (от эпиграмм Марциала до трудов Тита Ливия), и различается хронологически (от Плавта до авторов III в. н.э.). К тому же античные авторы, особенно поэты, при выборе слов руководствовались художественными задачами, в частности размером стиха. Марциал (40–104 н.э.) в одной эпиграмме он мог использовать оба слова⁷. Намёк на смысловую разницу дают строки: *Я на глазах у тебя целоваться буду игриво (dabit basia)*⁸ // *С юным слугой, все равно будет он мой или твой. // Будешь обедать со мной, на таком расстоянии, однако, // Что и одежда моя не прикоснётся к твоей. // Изредка только меня поцелуешь (oscula rara), и то с разрешенья, // 14 Да и не так, как жена, а как почтенная мать. // (Mart. XI. 23. 9–14, пер. Ф.А. Петровского).*

Однако в другой эпиграмме это впечатление теряется: *Сколько раз тебя в Риме поцелуют (dat Roma basiorum)*⁹, // *Лишь туда чрез пятна-*

⁴ Donat. Ad Ter. Eun. III. 2.56: Meum savium tria sunt: osculum, basium, savium. Oscula officiorum sunt, basia pudicorum affectuum, savia libidinum vel amorum. – Meum savium cum oscularetur dixit

⁵ Serv. In Aen. P.256 L: oscula libavit leviter tetigi. Et sciendum osculum, religionis esse; suavium voluptatis: *quamvis quidam osculum filii dari, uxori basium, scorto suavium dicant.*

⁶ Varro. De vita Populi Romani. I. 37 (ap. Non. 424M): Osculum: ideoque hoc ab ore dicitur osculum, non a suavitate, unde, quod simile sit, savium.

⁷ См. также: Mart. XII.59. 1–5; XI. 23; XII. 93.

⁸ Mart. XI. 23. 9 te spectante dabit nobis lasciva minister **basia**, / 10 sive meus sive erit ille tuus. / 11 Ad cenam venies, sed sic divisa recumbes / 12 ut non tangantur pallia nostra tuis. / 13 **Oscula** rara dabis nobis et non dabis ultro, / 14 nec quasi nupta dabis sed quasi mater anus.

⁹ Mart. XII. 59. 1: Tantum dat tibi Roma **basiorum** / 2 Post annos modo quindecim reverso, / 3 Quantum Lesbia non dedit Catullo. / 4 Te vicinia tota, te pilosus / 5 Hircoso

дцать лет вернёшься, // Не сочли бы и Лесбия с Катуллом! // Чмокнет каждый сосед, косматый мызник // 5 С поцелуем (*osculo*) к тебе козлиным лезет, // Тут насядут ткачи, а там – валяльщик, // Тут сапожник, что с кожей целовался (*pelle basiata*), // Подбородка паршивого владельца... (Mart. XII.59. 1–7, пер. Ф. А. Петровского).

Когда Цицерон из Помпейской усадьбы в письме другу Титу Помпонию Аттику (в Рим) передаёт привет его восьмилетней дочери и говорит, что хотел бы её поцеловать (*suavitari*), никакой речи о страсти здесь нет¹⁰.

Вопросом различия между этими тремя терминами интересовались и филологи, и историки. Первую попытку разобраться с филологической точки зрения в разнице между *osculum*, *basium* и *suaviūm* предпринял Филипп Моро¹¹. Исследование он начал с этимологии и пришёл к выводу, что она мало помогает разрешить затруднение с этими терминами. Слово *osculum* происходит от «ротик», корень *s(u)aviūm* указывает на ощущение («приятный») и этому явлению нет параллелей в других западных языках. Этимология слова *basium* основывается лишь на предположениях и не даёт чёткого представления о его первоначальном смысле. Исходя из этого, Моро предложил обратить внимание на хронологию появления этих слов. У Плавта (254–184 до н.э.) и Теренция (195/185–159 до н.э.) встречается *osculum* и однокоренные с ним, а также *saviūm*, причём *osculum* – это поцелуй «приличный», а *saviūm* – «вульгарный», и употребляется он в эротическом контексте. Цицерон (106–43 до н.э.) использует их как равнозначные, хотя некоторые авторы его времени их противопоставляли. Слово *basium* впервые появляется у Катуллы (87–54 до н.э.). Согласно Ф. Моро, следует разделить всех авторов после Катуллы на две группы. К первой он отнёс поэтов эпического, лирического, элегического и трагического жанров, а также прозаиков (историков, риторов) «высокой литературы». Они никогда не используют слишком вульгарное *basium*, очень редко *saviūm* и однокоренное с ним *saviōr* («я целую») ¹². Во вторую Моро отнёс авторов вроде Марциала и Петрония, т.е. «лёгкого» жанра. С течением времени слова *saviūm* и *basium* стали сближаться по смыслу, т.е. означать поцелуи эротические, неофициальные, чувственные в противоположность *osculum*. Иными словами, оппозиция смыслов с течением времени стиралась и зависела от жанра, в котором писал тот или иной автор.

Выводы Ф. Моро встретили ряд возражений. Майкл Пенн, исследуя поцелуи в раннехристианском ритуале, проанализировал около 600 случаев использования этих слов. Он отметил, что предложение Моро

premit *osculo* colonus; / 6 Hinc instat tibi textor, inde fullo, / 7 Hinc sutor modo pelle *basiata*, / 8 Hinc menti dominus periculosi...

¹⁰ Cic. Att. XVI. 3: Atticam nostram cupio absentem *suaviari*. Также см.: Cic. Att. XII. 1: atque utinam continuo ad complexum meae Tulliae, ad *osculum* Atticae possim currere!

¹¹ Moreau 1978. № 52: 87–97.

¹² Ibid: 93–94.

разделить всех авторов на две группы дискусионно, но даже для них не подтверждается жёсткое деление терминов. Пенн тоже пришёл к выводу, что в римской дохристианской литературной традиции нет жёсткого различия в употреблении этих слов. Авторы-моралисты стремились показать не реальность, а то, что должно быть, с их точки зрения, как проявление *mos maiorum* (нравов предков) или что-то в этом роде¹³.

Традиция «специализировать» указанные термины и добавлять новое понимание с течением времени закрепились, ей следовали поэты XVI в. Она также встречается в комментариях к античным авторам¹⁴. Д. Баратта в небольшой статье¹⁵ исследует поцелуи в римском мире, желая установить их смысл. Она привлекла не только письменные источники, но также изображения на вазах и фресках. В отношении письменной традиции она присоединяется к выводам Ф. Моро, но отмечает, что хотя у древних авторов семантика этих слов варьируется в зависимости от контекста и хронологии, у комментаторов, начиная с Доната и Сервия, чётко видна их «специализация». Со временем она лишь упрочилась: *osculum* стал церемониальным и дружеским поцелуем, знаком мира (*signum pacis*) и богопочитания (*di pietas*). *Savium* превратился в поцелуй страсти, знак Венеры, он связан с либидо, его заслуживали женщины лёгкого поведения. *Vasium* – поцелуй, предназначенный для жён, знак супружеской любви и уважительного отношения. П.А. Перотти¹⁶ относительно употребления *osculum*, *basium*, *savium* и их влияния на романские языки, пришёл к аналогичному выводу: это не были специализированные термины, как предлагали считать поздние авторы. *Vasium* и его дериваты – диалектизм из северной Италии, поэтому он и отсутствует у многих авторов, но в то же время он имел широкое значение, и его использовали как замену для *osculum*. Оба слова, в принципе, равнозначны, хотя *osculum* – это слово «чистой» латыни, свободное «варварских» наслоений, а *basium* с равным успехом применялось для любых поцелуев, но было просторечным, «народным», именно его позаимствовали романские языки. Перотти заметил также, что древние авторы, особенно поэты, подбирая слово руководствовались ещё и размером. Что касается *s(u)vium*, то оно используется преимущественно в эротическом контексте и чаще всего наблюдается у Плавта.

Вопрос о смысле римского поцелуя поставили также авторы социологического направления. Кристофер Джонс обратил внимание на социальный контекст использования этих слов¹⁷. Он предположил, что «социальные поцелуи» – при встречах, расставаниях, благодарности и т.д. – были распространены в римском мире так же, как сейчас в исламском. Он отметил, что в классическую эпоху *osculum* обычно имело

¹³ Penn 2005: 10–42; 130.

¹⁴ Czapla 2004: 234–235.

¹⁵ Baratta 2003. Vol. XLII: 183–195.

¹⁶ Perotti 2018. Núm. 34: 81–97.

¹⁷ Jones 2002.

социальный оттенок, хотя употреблялось и в эротическом контексте. Как бы то ни было, К. Джонс отметил социальную и публичную значимость неэротических поцелуев: они могли выражать социальный статус и весь спектр социально-политических отношений.

Обобщая сказанное, акцентируем: во времена Поздней республики и Ранней империи слова *osculum* и *basium* не были отдельными терминами для разных видов поцелуев, оппозицией между «дружеским» и «эротическим». Это были синонимы, пусть первое и рассматривалось как «более латинское», «литературное» слово. Отметим, что в римском праве известно *jus osculi* (а не *basii*), т.е. оно использует первый вариант, а не второй, так как сами источники являются официальными и формальными. Ритуальный поцелуй, в отличие от любовного и дружеского, был нормой социального взаимодействия. Он указывал, в каких социальных отношениях находятся участники: кто из них более высокого статуса, кто низкого; кто патрон, а кто клиент. Это одновременно было и открытое выражение своих политических предпочтений.

II. Последний поцелуй

Итак, что такое «последний поцелуй» в римской культуре? Что это был за ритуал? Имел ли он религиозное значение? В чём заключалась его символика? Прежде чем начать отвечать на эти вопросы, следует определиться с понятиями «обряд» и «ритуал». Эти термины кажутся настолько очевидными русскоязычному читателю, что как будто бы и не нужно пояснять их значение. Обычно в отечественных работах, посвящённых римской религии, оба они используются по умолчанию как ясные для автора и читателя¹⁸. Однако для данной статьи чёткое определение указанных терминов очень важно. В российской научной литературе наблюдается как минимум три группы определений ритуала и обряда, которые так или иначе восходят к трудам зарубежных исследователей¹⁹. Автор статьи считает наиболее удачным социологический подход и присоединяется к трактовке ритуала, предложенной К.С. Бондыревым и Д.В. Колесовым. Ритуал – это чётко определенная и неизменяемая последовательность действий (или единичное действие) символического характера, причём их строгое постоянство имеет самостоятельную ценность. Они могут быть религиозными или иметь сакральный характер, а также и полностью светскими. При помощи ритуала его участники выражают отношение к некоей ситуации, акцентируют её значимость. Это явление общественной жизни, его задача – упорядочи-

¹⁸ См., например: Сморчков 2012: 89, 107, 120, 122–125 и далее.

¹⁹ Первая группа: обряд и ритуал отождествляются, они имеют религиозный характер (Тэрнер В. 1983; Гриль 2008; Большая российская энциклопедия 2015–2017). Вторая группа: ритуал и обряд – это синонимы, но не обязательно религиозное явление (Байбурин 1993; Доброниченко 2013). Третья группа: обряд и ритуал разделены, они не всегда имеют религиозный характер (Чернявская 1998; Гидденс 2005; Бондырева, Колесов 2007; Вульф 2010; Пивоваров 2011). Обзор социологических подходов и постановка новых научных проблем см.: Bell 2009.

вать её; более того, ритуал – фактор сплочения общества. Обряд – это совокупность ритуалов, где из нескольких символических действий складывается единое целое. Любой обряд фиксирует наиболее важные перемены в жизни, переход из одного состояния в другое²⁰. Обряды и ритуалы могут быть и светскими, и религиозными.

Для всех без исключения народов мира характерны обряды и ритуалы, которые А. ван Геннеп ещё в XIX в. обозначил как «обряды перехода». Точка зрения А. ван Геннепа в его время популярной не была, она стала краеугольным камнем в исследованиях религиозных обрядов и ритуалов позже, в XX в. Его концепция вкратце заключается в следующем: «обряды перехода» фиксируют трансформацию одного социально-религиозного положения (статуса) в другое. Рождение, взросление, вступление в брак, смерть – все эти события обязательно маркируются и акцентируются, причём традиции очень живучи, хотя с течением времени смысл их может потеряться. В таком случае появляется объяснение: «так надо». Концепцию А. ван Геннепа используют и антиковеды, с разным успехом применяя её к древнеримской религии. В частности, неоднократно и с разных точек зрения изучался погребальный обряд в древнем Риме – его религиозное, социальное и экономическое значение. Суть погребального обряда можно обозначить как стремление во всех смыслах достойно оформить переход из мира живых в мир мёртвых и с религиозной, и с социальной стороны. Ведь представления о загробном мире радикально отличались от современных: умершие родные после смерти возвращались в семью в виде доброжелательных богов-манов, которые, однако, требовали почитания. Иными словами, умерший не уходил навсегда, он незримо присутствовал здесь и сейчас. Погребальные ритуалы были направлены и на покойника, и на его семью, и на участников процессии и погребального пира. Отдельные элементы похоронного обряда, казалось бы, детально разобраны, однако о последнем поцелуе упоминается вскользь²¹. Показательна весьма содержательная монография В. Хоуп, где не уделяется специального внимания последнему поцелую²².

Необходимо сразу оговорить: хотя у современных исследователей есть на вооружении концепция А. ван Геннепа, применять её к таким деталям, как последний поцелуй, проблематично. Относился ли этот элемент к прелиминарному или лиминарному ритуалу, сказать трудно. Даже обращение к особенностям той или иной культуры не может здесь помочь. Например, в исламе и христианстве целовать покойников допустимо, а в иудаизме категорически запрещено, но вопрос «почему в данной культуре происходит именно так?» остаётся без ответа.

²⁰ Бондырева, Колесов 2007: 61–67; 81–85.

²¹ См., например: Toynbee 1971; Kyle 1998; Schrumph 2006; Erasmo 2008; Hope 2009; Studies on Roman Death 2011.

²² Hope 2009: 50, 65, 71, 126 ff.

В римском мире наблюдается двойное отношение к смерти и всему, что с ней связано. С одной стороны, она рассматривалась как скверна, поскольку требовала специальных маркеров и очистительных обрядов. Сигналом того, что в доме кто-то умер, была ветка кипариса или сосны²³. По Сервию, жрецам и магистратам было нежелательно встречать погребальную процессию²⁴. Семья девять дней носила траур, с момента погребения и до поминального пира (*sepa novendialis*), что выражалось и в одежде, которая отличалась от повседневной. Необходимы были очистительные обряды: после кремации участников обряда трижды окропляли веткой оливы и водой, а затем им следовало переступить через огонь²⁵. Дом, из которого вынесли покойника, требовалось подмести специальной метлой, причём для «выметальщика» наличествовал специальный термин²⁶.

Показателен пассаж Плутарха о том, что царь Нума Помпилий научил понтификов не считать похороны скверной (миасмой) и, более того, предписал им чтить подземных богов²⁷. С другой стороны, сам покойник, кажется, не рассматривался на-столько скверным, чтобы к нему нельзя было прикоснуться во время церемонии прощания и тем более поцеловать его, но это могло быть связано с какими-то особыми условиями, о чём будет сказано ниже.

В римской традиции времён Республики и Ранней империи последний поцелуй упоминается неоднократно. Слово *osculum* в таком смысле употребляется и самостоятельно (учтём отлагольные формы)²⁸, и с прилагательными *supremus* (последний, предсмертный)²⁹, *extremus* (конечный, последний)³⁰ и *ultimus* (последний, крайний)³¹. Прилагательное *supremus* нередко встречается, когда речь идёт о гибе-

²³ *Fest*: 56L.; *Plin.* NH. XVI. 40: *Picea montes amat atque frigora, feralis arbor et funebri indicio ad fores posita ac rogis virens, iam tamen et in domos recepta tonsili facilitate.*

²⁴ *Serv.* Ad Aen. XI. 143: *sed apud Romanos moris fuit ut noctis tempore efferrentur ad funalia – unde etiam funus dictum est – quia in religiosa civitate cavebant, ne aut magistratibus occurrerent aut sacerdotibus...*

²⁵ *Verg.* Aen. VI. 228-231; *Fest*: 3L, s.v. *aqua et igni*: *itaque funus prosecuti redeuntes ignem supergradiebantue aqua aspersi; quod purgationis genus vocabant suffitionem.*

²⁶ *Fest*: 68L, s.v. *everriator*: *everriator vocatur, qui iure accepta hereditate iusta facere defuncto debet; qui si non fecerit, seu quid in ea re turbaverit, sua capite luat. Id nomen dictum a verendo. Nam exverriae sunt purgation quaedam domus, ex qua mortuus ad sepulchram ferendus est, quae fit per everriatorem certo genere scoparum adhibito, ab extra verendo dictarum.*

²⁷ *Plut.* Numa. 12: *Οι δε Ποντίφικες και τα περι τας ταφάς πάτρια τους χρήζουσιν αφηγούνται, Νουμά διδάξαντος μηδέν ηγεισθαι μίασμα των τοιούτων...*

²⁸ *Ovid.* Fast. V. 411; *Heroid.* XI. 115–117; *Lucan.* De Bello vel Phars. III. 739; *Tac.* Anali. IV. 63 (*osculantium*).

²⁹ *Tibull.* I. 62; *Ovid.* Fast. IV. 851; *Met.* VI. 277; *Stat.* Theb. XII. 707; *Sen.* Phoen. 486–487; *Lucan.* III. 745; *Tac.* Hist. IV. 46.3.

³⁰ *Sen.* Med. 289.

³¹ *Sen.* Ad Mart. III. 2; *Stat.* Theb. XII. 416–417

ли, смерти, погребении, последней воле и т.д.³² Однокоренное с ним *extremus* в таком контексте встречается значительно реже (*extremus vitae dies*), и то же можно сказать об *ultimus*. Как бы то ни было, нельзя говорить о каком-то устоявшемся общепринятом религиозном термине. Это особенно заметно в сравнении с другими религиозными понятиями с однозначным смыслом вроде *mola salsa* – мука с солью, которую использовали для жертвоприношений. Наиболее часто встречается употребление *osculum supremum*. Интересно, что у Сенеки (Младшего) и Стация (40–96 н.э.) употребляются все три варианта, о чём ниже.

Проанализируем ситуации, когда авторы пишут о последнем поцелуе. У Овидия (43 до н.э.–17 н.э.) в «Фастах» Ромул, убив Рема, распорядается похоронить его и, рыдая, целует брата (*Ovid. Fast. IV. 851*). Ниоба, увидев своих погибших сыновей, горестно рыдает и целует их (*Ovid. Met. VI. 277*). Ахилл оплакивает Хирона, сжимает руки умирающего и целует его (*Ovid. Fast. V. 410–412*). Канака, потеряв новорождённого сына, горестно восклицает, что не сможет поцеловать его тело (*Ovid. Heroid. XI. 115–117*). У Стация (40–96 н.э.) нянька Гипсипила оплакивает погибшего младенца Архемора, царского сына, словно своё родное дитя (*Stat. Theb. V. 594–598*). Сенека (4 г. до н.э. – 65 н.э.) в «Диалогах» говорит, что мать Друза так и не услышала его последнее слово и не дала ему последний поцелуй, поскольку находилась тогда далеко от него (*Sen. Ad Mart. III. 2*). Медея умоляет Креонта, чтобы до её изгнания он разрешил ей дать последние поцелуи детям, как если бы она умирала (*Sen. Med. 289*).³³ Иокаста молит своих сыновей (Этеокла и Полиника), чтобы они прекратили войну, и обращается к Этеоклу, чтобы тот дал ей возможность дать первый или последний поцелуй вернувшемуся из изгнания Полинику (*Sen. Phoen. 484–487*).

Лукан (39–65 н.э.), описывает сцену, когда отец видит гибель сына, пронзённого копьём, бросается к нему, а умирающий сын просит о поцелуе, но отец не даёт его в надежде на выживание сына (*Lucan. III. 739–745*). Тацит (сер. 50-х – 120 н.э.), рассказывает (события 70 г., янв. – июль.) о том, что в германской армии едва не начался мятеж, и солдаты Вителлия в страхе, что их убьют, с мольбами бросались к своим товарищам и просили у них последних поцелуев (*Tac. Hist. IV. 46. 3*).

³² См., например: *Cic. Pro Mur. 75, Pro Mil. 86, Filipp. I. 34–35, IX. 16–17, De fin. II.95, Tusc. I. 117, III. 57; Propert. II.13. 29; Ovid. Amor. I. 15. 41, Epist. II. 97, Met. II. 620, III.137, Fast. II. 852, Trist. I. 8. 24, III. 3. 43, 87, IV. 3. 43, Epist. I. 7. 27, II. 3. 4; Ps.-Ov. Consol. 95, 249; Sen. Troad. 374, Phaedr.1113, Octav. 393, De Benef. V. 17. 4. 3; Lucan BC. I. 73, II. 334, VI. 358, X. 41; Mart. I. 80, X. 5. 10; Stat. Theb. III. 167, VIII. 737–8, XII. 707, Silv. II. 1. 224; 2. 128; Tac. De Agr. 43. 3. 1, Hist. III. 25, IV. 21, V. 2, Ann. I. 6, 53, III.16; Verg. Aen. II. 11, III. 65, XI. 61.*

³³ *Sen. Med. 285 Per ego auspicatos regii thalami toros, / per spes futuras perque regnorum status, / Fortuna varia dubia quos agitat vice, / precor: brevem largire fugienti moram, / dum extrema natis mater infigo oscula, / fortasse moriens.*

Чрезвычайно важен контекст, в котором встречаются поцелуи. Во всех этих случаях они упоминаются в ситуации сильного горя или могучих эмоций, которые возникают в чрезвычайных ситуациях. Убийство брата, гибель детей или родителей, страх смерти – вечные трагические темы. Основой для сюжетов (кроме сообщения Тацита) послужили мифы, когда, кроме прочего, подчёркивается ещё и бессилие человека перед страстями и высшими силами.

Стоит отдельно сказать о том, как поэты показали моменты обретения тел погибших родных и друзей. Близкие находят мёртвых, залитых кровью, со страшными ранами, и все детали акцентированы, как и стенания по умершим. Встречаются сцены братоубийства и нечаянного убийства родных и любимых. Приведу два примера: 594 *...лишь горькие множит лобзанья // и, обнимая дитя, души живое биенье // жаждет найти. Но ни лик, ни грудь не остались целы, // содрана кожа, видны некрепкие кости, суставы // детская кровь залила, младенец – рана сплошная* // (Stat. Theb. V. 594–598, пер. Ю.А. Шичалина). Здесь няня Гипсипила оплакивает погибшего младенца Архемира, сына царя: *Тело пронзило оно [копьё] благородному юноше Аргу // Там, где желудок в кишки переходит и, падая наземь, // Раненый весом своим ещё глубже копьё загоняет* // (Lucan. III. 723–725, пер. Л. Е. Остроумова). Эти сцены полны сильных чувств и предназначены вызывать такие же у читателя. Пафос – вот что все их характеризует. Кончина здесь внезапна, она – нечто неожиданное и потому особенно фатальное; преждевременная смерть со всеми её ужасами и горем. Когда человек умирает от болезни или старости, его смерть не является «вдруг», она – логичное и, главное, *ожидаемое* завершение жизненного пути, поэтому требует как бы меньшего проявления горя. Не случайно в римском мире встречается термин «умерший до срока», «преждевременно умерший»³⁴.

Обращает на себя внимание то, что последний поцелуй в подавляющем большинстве встречается не собственно в погребальном обряде, а как очень эмоциональный элемент непосредственно после смерти, и это ощущение усиливается сценами вроде указанных выше. Так прощаются с умершими их родные и друзья. В таком случае последний поцелуй не несёт религиозной окраски, а подчёркивает всю тяжесть горя от гибели, которая произошла раньше срока, и то, как она повлияла на окружающих. Но не исключался последний поцелуй и во время погребения, о чём говорит, к примеру, Валерий Максим³⁵.

Общей особенностью кажется то, что последний поцелуй как-то отличается от обычного, и здесь показательны пассажи из Лукана и

³⁴ Verg. Aen. VI. 429; Juvenal. XI. 44; Sen. Ep. 123; Dial. IX. 7; Serv. Ad Aen. XI. 143

³⁵ Val. Max. IV. 6. 3: Eiusdem ut nominis, ita amoris quoque M. Plautius: nam cum imperio senatus classem sociorum sexaginta nauium in Asiam reduceret Tarentumque appulisset, atque ibi uxor eius Orestilla, quae illuc eum prosecuta fuerat, morbo <op>pressa decessisset, funerata ea et in rogam inposita inter officium unguendi et osculandi stricto ferro incubuit.

Тацита, где сам умирающий или же человек в преддверии смерти хочет получить посмертное лобзание. У Лукана умирающий Арг «*tacito tantum petit oscula voltu*» («лицом молча лобзания просит»), а у Тацита солдаты «просят последних поцелуев» (*suprema oscula petere*). Однако подробностей нет, и что конкретно имели в виду античные авторы, прояснить трудно. У Тацита (*Tac. Hist. IV. 46. 3*), Сенеки (*Sen. Med. 289.*) и Стация (40–96 н.э.) отражена очень интересная особенность (*Stat. Theb. XII. 640, 707*): герои просят о последнем поцелуе перед *возможной* смертью. Или сами они хотят его получить, или дать близким.

Саму идею предсмертных и посмертных поцелуев можно отчасти объяснить одной из особенностей магического мышления: «однажды в контакте – всегда в контакте». Т.е. если было одноразовое прикосновение одного предмета (субъекта) к другому, то между ними возникает связь, которая не теряется со временем невзирая на расстояние – если не проведён обряд «освобождения». В таком случае прикосновение к умершему как бы устанавливает непосредственную связь между ним и живым, хотя согласно римским представлениям, умершие и после смерти оставались рядом, в семье и общине в целом. Однако не стоит недооценивать и психологическую составляющую: желание как бы «сохранить» последнее прикосновение к близкому человеку и дать то, что он «возьмёт с собой» на тот свет, нечто и материальное, и нематериальное одновременно.

В собственно *погребальном* контексте последний поцелуй встречается гораздо реже, чем в ситуации внезапной потери. Уникальны слова вольноотпущенника Тримальхиона (*Petr. Sat. LXXXIV. 4*), который на пиру заявляет, что не желает, чтобы жена поцеловала его мёртвого (*nolo me mortuum basiet*) – из-за глагола, который использовал автор. Как показано выше, слова *basium* и *osculum* и однокоренные с ними вовсе не были оппозицией друг другу во времена Петрония (14–66 н.э.), так что автор вложил в уста Тримальхиону просторечное выражение вместо литературного. Тибулл (55–19 до н.э.) просит Делию, когда пробьёт его час, оплакать его на погребальном ложе и поцеловать (*Tib. I. 62: oscula mixta*). У Стация Аргия (вдова Полиника) и Антигона (сестра Полиника), найдя на поле брани его тело, хоронят его, а перед сожжением целуют в последний раз (*ultima oscula*). У Овидия Ромул целует во время погребального обряда своего брата (*oscula suprema*).

Первые два примера схожие: поцелуй при погребении родного человека. Третий радикально отличается: похороны Рема устраивает не просто родственник, а родной брат-убийца, основатель города! Это публичное действо, призванное, несмотря на трагизм, объединить народ через уважение к погибшему, участие в похоронах и траур. У Овидия в этом эпизоде сделан акцент не столько на родственные чувства, сколько на социальную сторону: смерть Рема не должна расколоть общество, она должна его сплотить.

Но мог ли этот ритуал иметь под собой какое-то религиозное основание, связанное с представлением о сверхъестественных силах? На первый взгляд кажется, что да: известно, что родственники стремятся «принять устами последний выдох» либо «принять душу устами»³⁶. Сообщения, в которых прямо говорится об этом, находим у Цицерона, Вергилия, Овидия, Псевдо-Овидия, Стация, а также у комментаторов Доната и Сервия³⁷. В частности, Цицерон в речи против Верреса говорит: «*Несчастные матери проводили ночи у её (тюрьмы. – Н.К.) дверей, лишённые возможности в последний раз увидеть своих детей. Они молили только о позволении принять своими устами последний вздох своих сыновей*» (пер. В. О. Горенштейна)³⁸. У Вергилия Анна над телом Дидоны восклицает³⁹: «*Дайте, влагой рану омою // И, коль осталось у ней дыханье в груди, я устами // Вздох последний приму*» (пер. С. Ошерова). Обращает на себя внимание, что таких сообщений не так уж и много и что авторы используют разные выражения. Цицерон говорит о *spiritus* (дыхание, душа, жизнь), Вергилий – о *halitus* (дыхание), Овидий и Стаций – об *anima* (душа, дыхание, жизнь). Все они сходятся в одном: последний вдох следует принять ртом, а не, к примеру, рукой, сетью или каким-нибудь сосудом.

Комментаторы этих строк Элий Донат и Сервий поясняют указанные строки Вергилия и Цицерона. По мнению Доната, считается, что можно собрать вдох самого дорогого человека⁴⁰, а Сервий указывает, что это «по-женски»⁴¹. У Овидия в «Метаморфозах» Кефал говорит об умирающей на его руках любимой жене Прокриде, которую сам же он по ошибке поразил копьём: «*Может доколе смотреть, на меня все смотрит и тут же // Прямо ко мне на уста выдыхает скорбящую душу*» // (пер. С. В. Шервинского)⁴². В «Фиваиде» у Стация Аргия оплакивает своего мужа: «*В горе не может пролить ни слезы, и тут же, всем телом // К мужу прижавшись, его лобызает, отшедшую душу //*

³⁶ Т.С. Дункан в небольшом обзоре приводит все сообщения традиции об этом обычае, отмечая, что их на удивление мало: Duncan 1929: 230–234.

³⁷ Cic. In Ver. V. 45. 188; Verg. Aen. IV. 684–685; Ovid. Met. VII. 860–861; Stat. Theb. XII. 318–320; Serv. Ad Aen. IV. 685; Donat. Ad Aen. IV. 419.

³⁸ Cic. In Ver. V. 45. 188: *matersque miserae pernoctabant ad ostium carceris, ab extreme conspectu liberum exclusae; quae nihil aliud orabant, nisi ut filiorum suorum postremum spiritum ore excipere liceret.*

³⁹ Verg. Aen. IV. 684–685: *extremus si quis super halitus errat, / ore legam.*

⁴⁰ Donat. Ad Aen. IV. 419: «*et, extremus siquis super halitus errat, ore legam*»: *observare enim volo 685 exeuntem spiritum: ideo hoc dixit, quia hunc carissimi colligere se posse arbitrantur, licet teneri non possit. «ore legam» dubium est utrum ore suo an ore morientis: 420 quolibet genere fiat, fit in cassum, quia quod incorporale est nec excipi potest nec teneri.*

⁴¹ Serv. Ad Aen. IV. 685: «*ore legam*» *muliebriter, tamquam possit animam sororis excipere et in se transferre. sic Cicero in Verrinis «ut extremum filiorum spiritum ore excipere liceret».*

⁴² Ovid. Met. VII. 860–861: *dumque aliquid spectare potest, me spectat et in me / infelicem animam nostroque exhalat in ore.*

Ищет и стёкиуюся с одежд и волос собирает // Кровь, чтоб её сохранишь» (пер. Ю. А. Шичалина)⁴³. Полик убил своего брата Этеокла, но тот успел смертельно ранить его.

Особенный интерес вызывают эти сообщения потому, что те же авторы выше или ниже писали о последних поцелуях. Но значит ли это, что речь и вправду идёт о стремлении поймать душу близкого человека? Аналогичный пассаж – о том, что душу принимают устами – встречается у Псевдо-Овидия в «Утешении Ливии»⁴⁴, и там же говорится, что мать не собрала последние поцелуи сына. Овидий, находясь на чужбине, пишет жене и горестно восклицает: «*Пусть бы дух этот ушёл бы в отчие небеса с твоей помощью*» (*Ovid. Trist. IV. 3. 41*)⁴⁵, имея в виду, что рядом нет близких, которые могли бы побыть с ним в момент смерти. Авторы используют следующие выражения:

Цицерон (*Cic. In Verr. V. 45*): *nisi ut filiorum suorum postremum spiritum ore excipere liceret*, т.е. «последнее дыхание ртом принять».

Вергилий (*Verg. Aen. IV. 684–685*): *extremus si quis super halitus errat, / ore legam*, т.е. «последнее дыхание ртом соберу».

Овидий (*Ovid. Met. VII. 860–861*): *me spectat et in me / infelicem animam nostoque exhalat in ore*, т.е. «душу выдыхает во рту».

Стаций (*Stat. Theb. XII. 318–320*): *tum corpore toto / sternitur in vultus animamque per oscula quaerit / absentem*, т.е. «душу поцелуями ищет».

Псевдо-Овидий (*Ps.-Ovid. Consol. 157–1*): *tu mea condas / lumina et excipias hanc animam ore pio*, т.е. «ты прими душу ртом».

Особняком стоит следующий пассаж Овидия (*Ovid. Trist. IV. 3. 41*): *spiritus hic per te patrias exisset in auras*, т.е. «дыхание пусть уйдёт к твоей помощи».

Думается, что все эти пассажи – не указание на некий ритуал, а скорее аллегория последних поцелуев, возвышенное их описание, тем более что исходят они лишь от четырёх авторов (Псевдо-Овидий следует в точности Овидию), которые в тех же произведениях говорили именно о поцелуях. На практике соответствующий жест очень похож на поцелуй. Кроме того, трудно обнаружить параллели в этнографических данных. Насколько мне известно, есть только один схожий пример, который привёл в «Первобытной культуре» Э. Тейлор: в случае смерти роженицы в родах индейцы-семинолы во Флориде подносили к её лицу ребёнка, чтобы он принял в себя её душу и приобрёл силу и

⁴³ *Stat. Theb. XII. 318–320: tum corpore toto / sternitur in vultus animamque per oscula quaerit / absentem, pressumque comis ac ueste cruorem / seruatura legit.*

⁴⁴ *Ps.-Ovid. Consol. 157–158: sospite te saltem moriar, Nero: tu mea condas / lumina et excipias hanc animam ore pio.*

⁴⁵ *Ovid. Trist. IV. 3. 41: spiritus hic per te patrias exisset in auras, / sparsissent lacrimae pectora nostra piaae, / supremoque die notum spectantia caelum / texissent digiti lumina nostra tui, / et cinis in tumulo positus iacuisset avito, / tactaque nascenti corpus haberet humus;*

мудрость в будущем. Однако с Тейлором трудно согласиться: скорее уж умирающая мать как бы отдаёт жизнь своему новорождённому, чтобы тот не погиб, и тем самым даёт шанс на выживание. Она выступает как спасительница. Э. Тейлор продолжает: «Эти индейцы вполне поняли бы, почему при смертном одре древнего римлянина ближайший родственник наклонялся над умирающим, чтобы вдохнуть в себя последний вдох его»⁴⁶. Но римские описания отличаются – ни о каком продлении жизни, передаче опыта речь не идёт. «Ловить душу» нет смысла: она и без того присоединяется к манам.

III. Заключение

Какой же можно сделать вывод? Последний поцелуй не был обязательной частью похоронного обряда. Он мог выражать всю широту и личных, и социально-политических отношений между умершим, его семьёй и обществом. Древнеримская культура создала образ идеальной смерти: умереть в кругу семьи, без особенных мучений, в родном доме, окружённым любящими домочадцами или, во всяком случае, рядом с супругом или супругой. Такова смерть Августа в описании Светония: он умер неожиданно, смерть его была легкой, как он и хотел, и умер он «в тот момент, когда Ливия его целовала»⁴⁷. Понятно, что в реальности такое благостное окончание жизненного пути встречалось не так уж и часто. Последний поцелуй, который человек хотел получить на смертном одре, а близкие могли дать, – это желаемая традиция, дань уважения и любви. Это был ритуал не религиозный, а всё же светский.

Необходимо иметь в виду, что в римском мире была велика разница между публичным погребением лиц высокого статуса (особенно политиков) и похоронами «простых людей». По отношению к политику или патрону последний поцелуй мог быть не только выражением искреннего сожаления о потере, но и демонстрацией соответствующих взглядов и убеждений. В таком контексте он также был не проявлением представлений о сверхъестественном, его адресовали участникам погребальной процессии.

Таким образом, исходя из литературных источников, нельзя говорить о последнем поцелуе как необходимом религиозном ритуале в ходе погребального обряда. Это было не обязательное поведение, а скорее желательное и одобряемое. Этим последний поцелуй отличался от прочих элементов погребального обряда – соответствующей правильной подготовки тела, одежды, жертвоприношений и поминок. Аналогичная традиция – целовать покойника в ходе погребального обряда – весьма распространена и наблюдается у многих народов древности и современности.

⁴⁶ Тейлор 1989: 216.

⁴⁷ *Suet.* Aug. 99: Omnibus deinde dimissis, dum advenientes ab urbe de Drusi filia aegra interrogat, repente in osculis Liviae et in hac voce defecit...

- Cicero, Marcus Tullius. The Verrine Orations I: Against Caecilius. Against Verres, Part I; Part II, Books 1-2. Cambr. (Mass.); L., 1928.
- Donatus Aelius. With an Engl. transl. by J.C. Rolfe. Cambr. (Mass.); L., 1921
- Iuvenalis, Decimus Iunius. Iuvenal and Persius. Works. With an Engl. transl. by G. G. Ramsay. Cambr. (Mass.); L., 1940.
- Horatius, Flaccus Quintus. Horace. The odes and epodes. With an Engl. transl. by C. E. Bennett. Cambr. (Mass.); L., 1978.
- Idem. Fasti. With an Engl. transl. by J. C. Frazer. Cambr. (Mass.); L., 1976.
- Idem. Letters to Atticus. With an Engl. transl. by E. O. Winsted. In 3 vol. Cambr. (Mass.); L., 1928-1945 (vol. 2 – L.; New-York).
- Lucan, Marcus Annaeus. The Civil War (Pharsalia). With an English Translation by J.D. Duff. Cambr. (Mass.); L., 1969.
- Martialis, Marcus Valerius. Martial. Epigrams. With an Engl. transl. by W. G. A. Ker. In 2 vol. Cambr. (Mass.); L., 1978-1979.
- Ovidius, Naso Publius. Ovid. Metamorphoses. With an Engl. transl. by F. J. I. Miller. In 2 vol. Cambr. (Mass.); L., 1976-1977.
- Plautus, Titus Maccius. Works. With an Engl. transl. by P. Nixon. In 5 vol. Cambr. (Mass.); L., 1930-1944.
- Plutarchus Chaeronensis. Plutarch's Lives. With an Engl. transl. by B. Perrin. In 11 vol. Cambr. (Mass.); L., 1917-1967.
- Propertius. Sexti Propertii Elegiarum libri IV. Ed. M. Schuster. Lipsiae, 1958.
- Seneca, Lucius Annaeus. Tragedies. Hercules. Trojan Women. Phoenician Women. Medea. Phaedra. Oedipus. Agamemnon. Thyestes. Hercules on Oeta. Octavia. With an Engl. transl. by J.G. Fitch. In 2 vol. Cambr. (Mass.); L., 2018.
- Servius. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. Rec. G. Thilo et H. Hagen. In 3 vol. Lipsiae, 1878-1887.
- Statius, Publius Papinius. Thebaid. With an Engl. transl. by J. H. Mozley. In 2 vol. Cambr. (Mass.); L., 1955.
- Suetonius, Caius Tranquillus. Works. With an Engl. transl. by J. C. Rolfe. In 2 vol. Cambridge (Mass.); L., 1950-1951.
- Tacitus, Cornelius. The Histories. With an Engl. transl. by C. H. Moore. Anna With an Engl. transl. by J. Jackson. In 4 vol. Cambr. (Mass.); L., 1956.
- Tibullus, Albius. Catullus, Tibullus and Pervigilium Veneris. Cambr. (Mass.); L., 1976.
- Valerius Maximus. Valerii Maximi factorum et dictorum memorabilium libri IX. Rec. C. Kempf. Lipsiae, 1888.
- Varro, Marcus Terentius. On the Latin language. With an Engl. transl. by R. G. Kent. In 2 vol. Cambr. (Mass.); L., 1977-1979.
- Vergilius, Publius Maro. Virgil: In 2 vol. With an Engl. transl. by H. R. Fairclough. Cambr. (Mass.); L., 1978.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. [Bajburin A. K. Ritual in tradicionnoj kul'ture. SPb., 1993.]
- Бондырева К.С., Колесов Д.В. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества. М., Воронеж, 2007. [Bondyreva K.S., Kolesov D.V. Tradicii: stabil'nost' i preemstvennost' v zhizni obshchestva. M., Voronezh, 2007.]
- Большая российская энциклопедия <https://bigenc.ru/ethnology/text/2674911> [Bol'shaya rossijskaja enciklopediya <https://bigenc.ru/ethnology/text/2674911>].
- Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 3. С. 24–25. [Vul'f K. Proizvodstvo social'nogo: ritual, emocii, vospominaniya // ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. 2010. T. 13. № 3. S. 24–25.]
- Доброниченко Е.В. Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий. // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. №6 (81) 2013. С. 7–12. [Dobronichenko E.V. Funkcional'no-semanticheskie granicy ritual'nogo prostranstva: k vorpusu ob opredelenii ponyatij. // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. №6 (81) 2013. S. 7–12.]
- Гидденс Э. Социология. М., 2005. [Giddens E. Sociologia. M., 2005.]
- Пивоваров Д.В. Религиозный культ: операциональные модификации // Вестник уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2011. № 2. № 2.

- C. 65–71. [Pivovarov D.V. Religioznyj kult: operacional'nye modifikacii // Vestnik ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. Ekaterinburg, 2011. № 2. S. 65–71.]
- Руднев В.А. Обряды народные и обряды церковные. Л., 1982. [Rudnev V.A. Obryady narodnye i obryady cerkovnyje. L., 1982.]
- Сергеенко М.Е. Жизнь в Древнем Риме. СПб, 2000. [Sergeenko M.E. Zhizn' v Drevnem Rime. SPb, 2000.]
- Сморчков А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012. [Smorchkov A.M. Religiya i vlast' v Rimskoj respublike: magistraty, zhrecy, hramy. M., 2012.]
- Тейлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. [Tejlor E.B. Pervobytnaya kul'tura. M., 1989.]
- Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. [Tokarev S.A. Rannie formy religii. M., 1990.]
- Триль Ю.Н. Ритуал в традиционной культуре // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена / Под ред. проф. Х.М. Казанова. 2008. Вып. 61. С. 263–268. [Tril' YU.N. Ritual v tradicionnoj kul'ture // Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena / Pod red. prof. H.M. Ka-zanova. 2008. Vyp. 61. S. 263–268.]
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. [Termer V. Simvol i ritual. M., 1983.]
- Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции. Минск, 1998. [CHernyavskaya YU. Narodnaya kul'tura i nacional'nye tradicii. Minsk, 1998.]
- Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции. Минск, 1998. [CHernyavskaya YU. Narodnaya kul'tura i nacional'nye tradicii. Minsk, 1998.]
- Шайд Д. Религия римлян. М., 2006. [SHajd D. Religiya rimlyan. M., 2006.]
- Яковлев В.О. Римская некрополистика и эпиграфика новозаветного времени: кенотаф центуриона Марка Целия, погибшего в битве в Тевтобургском лесу // Труды и переводы. 2019, СПб. № 1(2). С.60-90. [Yakovlev V.O. Rimskaya nekropolistika i epigrafika novozavetnogo vremeni: keno-taf centuriona Marka Celiya, pogibshego v bitve v Tevtoburgskom lesu // Tруды i perevody. 2019, SPb. № 1(2). S.60-90.]
- Baratta G. “Basiolu mi / da domine” (Mayer 1999, p. 505): un approccio alla rappresentazione del bacio nell'antichità romana // “Conimbriga”. 2003. Vol. XLII. P. 183–195.
- Bell C. Ritual Theory, Ritual Practice. Oxford, 2009.
- Duncan T. S. The Transfer of the Soul at Death // CJ. 1929. Vol. 25. № 3. P. 230–234.
- Erasmus M. Reading Death in Ancient Rome. Ohio State University Press, 2008.
- Hope V.M. Roman Death: The Dying and the Dead in Ancient Rome. London, 2009.
- Houghton Luke B. T. Death Ritual and Burial Practice in the Latin Love Elegists // Memory and Mourning in Ancient Rome. Oxbow, 2011. P. 61–77.
- Huskinson J. Memory and Mourning: Studies on Roman Death. Oxford, Oakville, 2011.
- Johannes Secundus und die römische Liebeslyrik / Hrs. von Eckart Schäfer. Tübingen, 2004.
- Jones C.P. Ancient Kissing // The following is the text of a paper read at Columbia University in January, 2002.
- Kyle D. G. Spectacles of Death in Ancient Rome. London, 1998.
- Moreau P. Osculum, Basium, Savium // Revue de Philologie. № 52. 1978. P. 87–97.
- Penn M. P. Kissing Christians: Ritual and Community in the Late Ancient Church. Philadelphia, 2005. P.10–42.
- Perotti P.A. Baci romani: basium, osculum, savium // Ítaca. Quaderns Catalans de Cultura Clàssica. 2018. Núm. 34. P. 81–97.
- Schrumpf S. Bestattung und Bestattungswesen im Römischen Reich. Ablauf, soziale Dimension und ökonomische Bedeutung der Totenfürsorge im lateinischen Westen. Göttingen, 2006.
- Šterbenc Erker D. Der römische Totenkult und die Argei-Feier bei Ovid und Dionysios von Halikarnass // Bestattungsrituale und Totenkult/Rites funéraires et culte des morts: Regional differences, translocal exchange, imperial trends. Stuttgart, 2010. S. 9–21.
- Idem. Gender and Roman funeral ritual // Memory and Mourning in Ancient Rome, Oxford, Oakville, 2011. P. 40–60.
- Idem. Women's tears in Ancient Roman Ritual // Tears in the Graeco-Roman World. Berlin, New York, 2009. P 135–160.
- Studies on Roman Death / Ed. by V. M. Hope, J. Huskinson. Oxford, Oakville, 2011.
- Toynbee J.M.S. Death and Burial in the Roman World. London, 1971.

Клёнышева Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра Лингвистики и межкультурной коммуникации, институт филологии, ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Natalyacer1@yandex.ru

Last kiss in Roman funeral practice

The article analyzes the "last kiss" in a Roman funeral rite. In Latin there were three words meaning a kiss (*osculum*, *basium*, *savium*), which were synonymous during the Late Republic and the Early Empire, although *osculum* was considered to be "literary" and "*basium*" was a colloquial word. The ancient authors did not have a special term for "last kiss", they used different terms, and in most cases the word *osculum* was used. The "last kiss" was not a religious but a secular, non-obligatory ritual, a desirable approved behaviour, a manifestation of the whole spectrum of social relations. It could be not only a manifestation of grief, but also of social status, as well as a demonstration of political affiliations. Ancient authors mention that someone close to him or her tried to catch the soul of a dying person with his or her mouth (*animam ore legere / excipere*), but this is just a poetically sublime description of the "last kiss", not an element of the funeral rite.

Keywords: *ancient Rome, Roman religion, private cults (sacra privata), funeral rites, last kiss (osculum supremum)*

Natalia Klenysheva, PhD (History), Lipetsk State Pedagogical University.

АСТРОЛОГО-АСТРОНОМИЧЕСКИЙ СБОРНИК НАЧАЛА XVI ВЕКА ИЗ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Статья вводит в научный оборот ранее неизвестный астролого-астрономический сборник начала XVI века из Научной библиотеки Томского государственного университета. Помимо общего описания рукописи, в статье предпринята попытка показать ее место в контексте истории знания эпохи европейского Возрождения.

Ключевые слова: астрономия, астрология, интеллектуальная история эпохи Возрождения, Иоанн Сакробоско, гелиоцентризм и геоцентризм, Фома Аквинский.

Современному человеку это может показаться странным, но до середины XVII столетия астрономия была фактически неотделима от астрологии². Подразумевалось, что те, кто профессионально занимается изучением небесных сфер, разбирается в математической стороне вопроса и способен найти практическое применение сложным вычислениям, прежде всего для предсказания будущих событий (но также и, например, для точного расчета времени). Было бы ошибкой считать, что единство астрономии и астрологии – пережиток средневековой культуры, которую, несмотря на некоторые замечательные работы, вышедшие в последние годы и разоблачающие множество стереотипов, по-прежнему нередко называют темной и суеверной³. С одной стороны, двухчастная система знаний о небе, в рамках которой астрология воспринималась как естественное приложение к астрономии, была сформулирована еще в Античности, в частности в трудах Клавдия Птолемея (ок. 100–170), бывшего не только главным теоретиком геоцентризма, но и крупнейшим и авторитетнейшим астрологом древности⁴. С другой стороны, несмотря на участвовавшие с конца XV века нападки на астрологию, едва ли не все «отцы» так называемой научной революции⁵, трудившиеся на поприще космологии, были практикующими астрологами. Разумеется, астрологические альманахи и личные гороскопы для сильных мира сего могли служить хорошим источником заработка, но

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–78–20011).

² Из общих работ в первую очередь заслуживают внимания Pompeo Faracovi 1996; Lerner 1996–1997; Tester 1999; Boudet 2006; Dooley 2014; Rutkin 2019.

³ См., прежде всего: Воскобойников 2015.

⁴ Эта идея высказана во введении к Tolomeo 1985. К сожалению, качественного русскоязычного издания «Четверокнижия» пока нет. Об античной астрологии см. прежде всего Barton 1994.

⁵ Целесообразность использования термина «научная революция» стала основанием для академических дискуссий. Если одноименная книга Стивена Шейпина, несмотря на свое название, призывает отказаться от этого понятия, то Дэвид Вуттон, напротив, выступает против этой тенденции: Shapin 1996; Wootton 2015.

считать, что приверженность ведущих интеллектуалов того времени астрологии сводится к их меркантильным интересам, было бы слишком наивно⁶. Так, Тихо Браге (1546–1601) и Иоганн Кеплер (1571–1630) с разной степенью вовлеченности и усердия стремились примирить астрологические спекуляции с новейшими астрономическими открытиями⁷. Галилео Галилей (1564–1642), в свою очередь, оказался астрологом-неудачником: однажды к нему, знатоку небесных материй и ученому общеевропейского масштаба, обратилась жена его патрона, великого герцога Тосканского, с просьбой составить гороскоп ее заболевшего мужа, дабы удостовериться, что здоровью герцога ничто не угрожает. Как и должно искусному придворному, Галилей выполнил просьбу в полном соответствии с пожеланием заказчика и пообещал, что герцога ждут еще долгие годы счастливого правления. К сожалению для Галилея, через несколько дней правитель Тосканы скончался, а такой конфуз впредь отвратил великого ученого от предсказательных практик⁸. Единственным, чье увлечение астрологией пока так и не нашло точного подтверждения, остается Николай Коперник (1473–1543). Вместе с тем точно известно, что его учитель в Болонском университете, Доменико Мария Новара (1454–1504), считался прославленным астрологом, как и единственный преданный ученик Коперника, издатель его труда «О вращении небесных сфер» Георг Иоахим Ретик (1514–1574). Р. Уэстман справедливо замечает, что поскольку интеллектуальные и университетские круги начала XVI в. были буквально пропитаны интересом к астрологии, взращенный в этой атмосфере и со всех сторон окруженный профессиональными астрологами Коперник вряд ли был к ней совершенно непричастен. Более того, Уэстман считает, что сам коперниканский переворот в астрономии мог быть в действительности вызван всё более осознаваемой на рубеже XV – начала XVI в. необходимостью модернизировать астрологию и скорректировать устаревшие математические расчеты для их более точного использования на практике⁹. Хотя отдельные положения фундаментального исследования Уэстмана подверглись критике¹⁰, оно, вкупе с рядом других работ, полностью опровергает традиционное представление, будто публикация «О вращении небесных сфер» ознаменовала собой смену научной па-

⁶ См. Grafton 2001; Azzolini 2013; Vanden Broecke 2014.

⁷ Thoren 1990; Westman 2011; Boner 2013; Almási 2013.

⁸ О том, что составление гороскопов для Галилея было придворной обязанностью, а его академические занятия отражают социальный статус ученого при дворе влиятельных патронов, см. знаменитую книгу Biagioli 1993: 120–149. Кроме того, об астрологии у Галилея см. Westman 2011: 434–484; Rutkin 2005. Наиболее подробная и качественная биография Галилея Neilbron 2010.

⁹ Westman 2011: 25–105; 2013. О том, какие факторы оказали решающее влияние на формирование Коперника как ученого и мыслителя, и о его обучении см. Goddu 2010. О дискуссиях о гелиоцентризме после 1543 г. см.: Omodeo 2014.

¹⁰ Neilbron 2012; Swerdlow 2012. Ответ Уэстмана критикам в Westman 2013.

радигмы, с аристотелевско-птолемеевской и астрологической на астрономическую¹¹. Таким образом, концепция Т. Куна, в течение второй половины XX в. считавшаяся практически общепризнанной, не проходит проверку текстами второй половины XVI и XVII столетий¹². Хотя на протяжении раннего Нового времени астрология неоднократно оказывалась под огнем критики, она продолжала сосуществовать с астрономией как единое целое, а окончательное отделение астрономии – легитимной, признанной, математической науки о небе – от суеверной и лишенной каких-либо оснований астрологии произошло лишь во второй половине XVII века. Аргументов против бурно развивающейся математизации науки, вдохновленной Декартом (1596–1650), а затем и против физики Ньютона (1642–1727), у астрологов не нашлось¹³.

Если на опровержение астрологических спекуляций «высокая культура» потратила не одно десятилетие, то не стоит удивляться, что среди представителей городской среды – основных потребителей альманахов и прочей предсказательной литературы малых форм – популярность астрологии также долгое время оставалась достаточно высокой. В этой статье на примере рукописи В-3691 из собрания Научной библиотеки Томского государственного университета мы проанализируем, как астрономия и астрология сочетались не в сложных философских и теологических построениях ренессансных мыслителей, а служили интересам городского сообщества¹⁴. В этой связи показателен состав рукописи, включающей, как мы увидим ниже, два типа стандартных сочинений астролого-астрономического характера. Если некоторые тексты, в частности «О сфере» Иоанна Сакробоско (ок. 1195–1256) или краткое «О суждениях по звездам» Фомы Аквинского (1225–1274), выполняли роль доступного введения в астрономию или постулировали возможную пользу астрологии, то прочие имели сугубо практическое применение, например, помогая горожанам верно определить интервал

¹¹ См. также Westman 1994, где суммированы основные претензии к теории Куна.

¹² Kuhn 1995; 1996.

¹³ Vermij 2002; 2014; Vermij, Hirai 2017.

¹⁴ Сборник состоит из следующих сочинений: «О сфере» Иоанна Сакробоско (1r–67v); фрагмент (ответ на второе возражение из второго раздела 44-го вопроса третьей части) из «Суммы теологии» Фомы Аквинского (68r); повествование о страстях Христовых (68v–70v); «Пасхалия» Петра из Кракова (76r–85r); наставление о том, как использовать руки в качестве солнечных часов (86v); небольшой трактат об устройстве солнечных часов (87r–91r); «О суждениях по звездам» Фомы Аквинского (91v–93v); описание астролябии и инструкция к ее применению (95r–101v); инструкция по изготовлению посоха Иакова – астрономического инструмента, использовавшегося, преимущественно в навигации, для измерения углов (102r–102v); концентрическая фигура для определения планетарных часов (102v); таблица для определения интервала между Рождеством и воскресеньем, предшествующим Пепельной среде (103r–103v). Как становится очевидным из этого списка, некоторые листы оставлены пустыми. Библиографическое описание всего собрания, включая рукопись В-3691: Портных 2021.

между Рождеством и Великим постом. Созданная в германских землях между 1501 и 1504 годами, то есть когда астрономы прилагали все усилия, чтобы исправить становившиеся очевидными недостатки птолемеевой системы мироздания, и через несколько лет после публикации самого масштабного анти-астрологического трактата эпохи Возрождения, «Рассуждений против прорицательной астрологии» Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494)¹⁵ – серьезно пошатнувшего, но не разрушившего веру в астрологию среди интеллектуалов, – рукопись из Научной библиотеки Томского университета совершенно не отражает происходивших в тот момент фундаментальных изменений в области изучения неба. Именно эта «стандартность» парадоксальным образом делает ее важным и ценным документом эпохи, проливающим свет на то, чего от астрономии/астрологии ожидало «молчаливое большинство», и почему астрономическим новациям потребовалось немало лет, чтобы окончательно сместить более раннюю традицию.

Рукопись В-3691 была выполнена в Магдебурге и Лейпциге. На ее форзаце указано, что манускрипт включает в себя книгу Иоанна Сакробоско «О сфере», переписанную неким Кетиллом Хузе в Магдебурге в 1502 году¹⁶. И если эта отметка с большой долей вероятности могла быть добавлена позже, то колофон на листе 67v, следующем сразу после трактата «О сфере», снимает какие-либо сомнения о датировке и происхождении основной части рукописи: в нем сам Хузе утверждает, что переписал текст Сакробоско в Магдебурге в 1502 году «от воплощения Христова» и даже сообщает время окончания своей работы: на «мартовские иды, примерно в полдень»¹⁷. Поскольку из 103 листов «О сфере» занимает 66, а остальные тексты выступают дополнительным материалом к этому астрономическому учебнику, неудивительно, что рукопись ассоциируется в первую очередь с сочинением Сакробоско. Помимо этого, согласно колофону (85v) в конце другого текста, не рукописного, а печатного – «Пасхалии» Петра из Кракова, – он был выполнен в Лейпциге в том же 1502 году¹⁸, а затем добавлен в сборник. Два других сочинения датируются 1501 и 1504 годами соответственно (101v; 91r). В первом из них (95r-101v) «взрослые» рассказывают «ученикам», что из себя представляет «инструмент» для определения времени дня и ночи, то есть астрология, и как ею пользоваться. Во втором же приводится описание разных типов солнечных часов (87r-91r). Та-

¹⁵ Акопян 2018.

¹⁶ «Johannis de Sacro Busco Opus Sphaericum ms. Scriptum per Ketillum Husen. Magdeburgi 1502».

¹⁷ «Sphaericum opusculum Iohannis de Sacrabusto. Per me Ketillum Husem in Magdeborch collectum et feliciter determinatum Cristi sub incarnationis anno Millesimoquingentesimosecundo septimo idus mensis Martias hora quasi duodecima».

¹⁸ «Impressum Liptzk per Iacobum Thanner anno novi seculi millesimo quingentesimo secundo».

ким образом, сборник состоит из разрозненных, на первый взгляд, фрагментов, объединенных тем не менее одной целью – создать комpendиум практической астрономии/астрологии. Впоследствии интересующая нас антология попала в городскую библиотеку Любека, где находилась до 1946 г., пока, наряду с прочими документами, не была вывезена из Германии в Ленинград в качестве трофейного груза. На территории СССР она поначалу хранилась в собрании Государственной публичной библиотеки Ленинграда, о чем свидетельствуют соответствующие печати¹⁹. Каким образом рукопись оказалась в Библиотеке Томского государственного университета, понятно не до конца. Принято считать, что часть трофейных ценностей была передана Томскому университету в 1980 г. в качестве подарка к столетию этого единственного высшего учебного заведения, основанного в Сибири еще при «проклятом царизме». Однако никаких убедительных подтверждений этому объяснению пока не найдено. Как бы то ни было, сам сборник, его состав, назначение и специфика в контексте истории знания и науки XV–XVI вв до сего момента оставались вне внимания исследователей.

Как уже было сказано, основное содержание манускрипта составляют трактат «О сфере» Иоанна Сакробоско и несколько дополняющих его коротких текстов по астрономии и хронологии. Значение «О сфере» для интеллектуальной культуры Средневековья и раннего Нового времени сложно переоценить. Проект под руководством Маттео Валлериани при Институте истории науки имени Макса Планка доказывает, что это был один из немногих текстов нерелигиозного содержания, стоявших у истоков формирования общеевропейской учености²⁰. По нему изучались базовые принципы астрономии на всем пространстве от Португалии до Московского государства, как в централизованных учебных заведениях (в частности университетах), так и приватным образом. Поэтому нет ничего удивительного, что количество копий «О сфере» исчисляется сотнями. Правда, единственный до сей поры идентифицированный манускрипт, достигший пределов Московского государства, до нас, к сожалению, не дошел: описанный еще в 1903 году А. И. Соболевским в его знаменитой книге о переводной литературе Древней Руси, он не пережил революционные годы. Однако фрагменты перевода, приведенные Соболевским и позже дополнительно проанализированные В. П. Зубовым, указывают, что с большой долей вероятности появление русской версии «О сфере» можно отнести к рубежу XV и XVI веков²¹. Как бы то ни было, проникновение текста Сакробоско на Русь, в то время все еще слабо подверженную влиянию западноевропейских интеллектуальных течений, лишь доказывает его популярность.

¹⁹ Мазурицкий 2000: 95–110.

²⁰ Valleriani 2020.

²¹ Соболевский 1903: 409–412; Зубов 1962.

Причину того, что трактат «О сфере» оставался настольной книгой для астрономов на протяжении четырех столетий, найти не так сложно: науку о небе преподавали на втором уровне средневековой системы образования, в составе квадривия²². Важно еще раз подчеркнуть, что поскольку разделения на астрономию и астрологию еще не произошло, астрологические теории свободно обсуждались в университетской аудитории наравне с сугубо астрономическими проблемами²³. Но прежде, чем перейти к частностям, ученикам предстояло ознакомиться с основными законами аристотелевско-птолемеевской космологии. «Альмагест» Птолемея и доступные комментарии к нему едва ли подходили для этой цели ввиду их сложности, поэтому для того, чтобы облегчить жизнь студентов, были составлены «учебники», где в сокращенном и доступном виде излагались базовые положения птолемеевской системы. Автором самого популярного из таких учебников стал профессор Парижского университета Иоанн Сакробоско, вероятно англичанин по происхождению. Сочинение Сакробоско отвечает всем требованиям, которые могут быть предъявлены справочной литературе: оно кратко рассказывает о строении звездного неба и количестве сфер (7r–9v), проясняет законы движения планет и звезд (10r–12r), указывает на то, как меняется местоположение небесных тел относительно знаков Зодиака (26v–30v), перечисляет климатические зоны (36r–38r; 57v–62v) и так далее. Простота изложения и понятная, нетривиальная визуализация текста способствовали тому, что позиции «О сфере» как главного введения в астрономические тонкости оставались незыблемыми вплоть до середины XVII века. Это тем более удивительно, что к тому времени альтернативные, не-птолемеевские космологические модели, включая гелиоцентризм и гео-гелиоцентризм Тихо Браге, уже обрели значительный вес, и, казалось бы, новые астрономические веяния должны были полностью дискредитировать устаревшие описания Сакробоско. Однако этого не произошло: с одной стороны, трактат Сакробоско продолжали использовать для решения чисто прикладных задач, например, в навигации; с другой стороны, если для сливок астрономического общества данные, изложенные в «О сфере», давно перестали быть релевантными, то для более широких слоев они оставались не только доступными и достаточно ценными. К тому же до 1689 г., т.е. до того момента, когда Исаак Ньютон опубликовал «Математические начала натуральной философии», поставив тем самым точку в борьбе разных космологий и подтвердив гелиоцентрическую теорию, среди ученых не существовало консенсуса по поводу того, какую из астрономических

²² Здесь и далее сведения о трактате и его назначении взяты из Thorndike 1949. См. также недавнюю русскоязычную публикацию первой главы «О сфере» и предваряющие ее описание текста и биографию автора в Долгополов 2020; Сакробоско 2020.

²³ Помимо исследований, указанных в сноске 1, см. также Federici Vescovini 1998.

моделей следует признать верной²⁴. Более того, гео-гелиоцентризм Браге, где в центре мироздания по-прежнему находится Земля, вокруг нее обращается Солнце, вокруг которого, в свою очередь, вращаются все прочие планеты, была куда популярнее «чистого» гелиоцентризма Коперника и Галилея. В такой ситуации неопределенности привязанность к традиционному источнику знания, коим оказалась «Сфера» Сакробоско, легко объяснима. Показательно, что резкое сокращение числа печатных копий «О сфере» произошло ко второй половине XVII века²⁵, то есть параллельно с распространением картезианства и в преддверии выхода в свет «Математических начал». Таким образом, никакие конкурирующие астрономические учебники, вроде «О сфере» псевдо-Прокля²⁶, не смогли поколебать статуса трактата Иоанна Сакробоско. С точки зрения современного человека, к началу XVII века это сочинение должно было бы давно устареть ввиду многочисленных астрономических погрешностей, но оно уходит на второй план лишь вместе с окончательным упадком прежней интеллектуальной парадигмы, пережив публикацию и «О вращении небесных сфер» Коперника, и «Диалога о двух главнейших системах мира» Галилея.

Как и в случае со «Сферой» Сакробоско, рукопись В-3691 воспроизводит еще один традиционный подход к астрономическим расчетам, на этот раз в области хронологии и расчета пасхалий. Как недавно блестяще показал в своей книге Филипп Нотафт, постепенное и неуклонное накопление ошибок при определении дат ключевых церковных праздников стало одним из факторов, приведших к кризису старой космологической модели и к постоянным попыткам ее реформировать²⁷. В этом отношении аристотелевско-птолемеевская система выступает не как нечто статичное и не подверженное изменению, но, напротив, как проблемное поле; решением противоречий в рамках этого поля занимались многие прославленные умы прошлого. Среди таких можно назвать, к примеру, Георга Пурбаха (1423–1461) и его ученика Иоганна Мюллера, более известного как Региомонтан (1436–1476), которые стремились привести астрономические таблицы в соответствие с новыми, более точными данными²⁸. Эти попытки и создание сборника из Научной библиотеки Томского университета разделяют около пятидесяти лет – достаточное время, чтобы веяния времени добрались до Лейпцига. Однако никаких следов модифицированных исчислений Пасхи в сборнике нет: печатный *Computus* (от латинского

²⁴ О разных космологических моделях, бытовавших в то время, и о том, как «Математические начала натуральной философии» положили конец «средневековому космосу», см. Grant 1996.

²⁵ Valleriani 2020: 21.

²⁶ Todd 1993; Biank 2019.

²⁷ Nothaft 2018.

²⁸ Rigo 1991; Shank 2017; Shank 2020.

computo, то есть «вычислять»); в средневековой традиции этот термин использовался для обозначения пасхалии) Петра из Кракова (76r–85r) и короткие тексты, об определении интервала между Рождеством и воскресеньем, предшествующим Пепельной среде, то есть началу Великого поста (103r–103v), об использовании руки в качестве солнечных часов (86v) и об устройстве солнечных часов разных типов (87r–91r), имеют практическую направленность и более чем традиционны. Даже обращение к жанру *computi* намекает на консервативный характер выборки: в то время, как на рубеже XV и XVI веков европейские гуманисты начали медленно готовить почву для последующего превращения хронологии в одну из вспомогательных исторических дисциплин, что столетием спустя зафиксировали труды Иосифа Юста Скалигера (1540–1609) и Исаака Касаубона (1559–1614)²⁹, заказчик и составитель сборника В-3691 отдают предпочтение жанру, глубоко укорененному в раннесредневековой традиции, и тексту, заглавие которого для начала XVI века выглядит некоторым анахронизмом.

Вторую группу заслуживающих внимания элементов манускрипта образуют два коротких текста Фомы Аквинского («О суждениях по звездам» и фрагмент из «Суммы теологии») (91v–93v; 68r) и концентрическая фигура для определения планетарных часов (102v). В отличие от первого блока, куда входили сочинения по астрономии и хронологии, здесь мы имеем дело с астрологической тематикой. Вероятно, упоминание имени одного из величайших теологов католической традиции в связи с астрологией может выглядеть странным. Однако, как будет показано далее, начиная с XIII века воззрения Фомы о пользе и допустимости предсказательных практик вызвали жаркие дискуссии.

Когда в XII и XIII веках в Западную Европу, преимущественно через Испанию и южную Италию, то есть территории максимального соприкосновения с исламской культурой, проникло множество ранее неизвестных текстов, в их числе, помимо трудов Аристотеля (ок. 384–322 до н. э.) и его исламских комментаторов, прежде всего Ибн Рушда (Аверроэса) (1126–1198), оказались магические, алхимические и астрологические сочинения³⁰. И если некоторые из них действительно были составлены признанными авторитетами – так, например, на латинском Западе появилось знаменитое «Четверокнижие» Птолемея, астрологическая сумма отца геоцентрической системы³¹, – то другие были приписаны таковым ошибочно. Под именем того же Птолемея распространялся так называемый «Стослов», который, как считалось, представлял

²⁹ Важнейшее исследование по истории хронологии в эпоху Возрождения следует считать Grafton 1983–1993. См. также Grafton 1994, особ. главы 3–5 (76–161).

³⁰ Литература по этой теме огромна. Классическое исследование, несколько не утратившее своих значения и актуальности, – Haskins 1927. Для общей ориентации см. также Pingree 1987; D'Alverno 1994; Burnett 1996; Hübner 2014; Saif 2015.

³¹ Tolomeo 1985.

собой краткую выжимку из «Четверокнижия». «Стослов», не имевший никакого отношения к наследию александрийского ученого и составленный в конце IX либо в начале X века Ахмадом ибн Юсуфом ал-Мишри (835–912), имел фантастический успех – только в XII веке его перевели на латынь шесть раз, а сохранившихся рукописей «Стослова» насчитывается около двух сотен³². Нечто подобное произошло и с Аристотелем. В результате разного рода недоразумений Стагириту было вменено авторство ряда нескольких чрезвычайно популярных магико-астрологических текстов, среди которых были «Тайная тайных» и «Книга о причинах»³³. По замечанию одного исследователя, примерно две трети произведений, циркулировавших тогда на территории Западной Европы под именем Аристотеля, были в действительности написаны не им³⁴. Но эта путаница позволила поднять статус магических спекуляций, включая астрологию, на чрезвычайную высоту: освященные авторитетом величайшего философа древности, занятия «окультным», то есть скрытым от глаз профанов, но будто бы раскрывающим неизведанные до сих пор секреты природы, вошли в моду. Средневековая христианская ученость постаралась адаптировать новообретенное знание, предположив, что окультные дисциплины помогают расшифровать знаки божественного присутствия в этом мире и, соответственно, приблизиться к тайне устройства мироздания³⁵.

Представление о том, что окультное – неотъемлемая часть познания природного порядка – может быть полезным для теологических изысканий, нашла поддержку среди ведущих средневековых мыслителей: достаточно упомянуть Альберта Великого (ок. 1200–1280), Роджера Бэкона (ок. 1220–1292), кардинала Петра из Айи (ок. 1350–1420)³⁶. Астрология стала одним из наиболее привлекательных занятий. Она не только сулила точные предсказания будущего, основываясь на рассуждениях и вычислениях (псевдо-)Аристотеля, (псевдо-)Птолемея и их последователей, но и претендовала на богословскую ценность. Весьма популярной в Средние века стала теория о «гороскопе Христа», соглас-

³² Ptolemaeus 1952; Lemay 1976; Hübner 2014: 19.

³³ О популярности, значении и рецепции этих текстов в Средние века и эпоху Возрождения см. Magnard, Boulnois 1990; Bächli-Hinz 2003; Calma 2019–2021; Ryan, Schmitt 1982; Williams 2003. Древнерусская версия «Тайной тайных» издана в Taube, Ryan 2019. О других текстах псевдо-Аристотеля см. также Kraue, Ryan, Schmitt 1986.

³⁴ Де Либера 2004: 217–218.

³⁵ Разумеется, христианская теология далеко не всегда воспринимала астрологию и прочие окультные дисциплины столь толерантно. Наиболее известный критик астрологии среди Отцов Церкви Августин обрушился на нее в пятой Книге своего знаменитого трактата «О Граде Божьем». Поэтому когда в XII–XIII веках западноевропейские мыслители стали интересоваться астрологией, им приходилось искать возможность усидеть сразу на двух стульях: не отказываться от своего нового увлечения и одновременно не идти вразрез с авторитетнейшим мнением Августина.

³⁶ Ackermann Smoller 1994; Boudet 2006: 214–227, 234–239; Collins 2010.

но которой волхвы (они же маги, т.е. астрологи) распознали исключительное, общемировое значение Рождества Христова, проанализировав картину звездного неба, и потому направились в Вифлеем³⁷. Разумеется, такая «христианизированная астрология» нередко встречала отпор: например, можно назвать Парижское осуждение 1277 г., содержавшее несколько тезисов против предсказательных практик, или труды Николая Орема (ок. 1325–1382)³⁸. В ситуации, когда сторонники и противники астрологии стремились перетянуть чашу весов на свою сторону, позиция наиболее влиятельного схоластического доктора приобретала особое значение. Как назло, она была амбивалентна³⁹. На это указывают именно тексты, вошедшие в состав сборника В-3691.

В «О суждениях» (небольшом письме-рекомендации – как христианам следует относиться к астрологии) Фома, с одной стороны, повторяет ключевые аргументы против предсказательных практик, изложенные еще Августином (354–430) и заключающиеся в несовместимости астрологии с христианским учением о свободе воли и границах человеческого познания божественной воли. С другой стороны, Фома допускает, что звезды могут оказывать влияние на события подлунного мира и даже естественным способом подталкивать людей к тем или иным действиям, пусть и не детерминируя их решения. Фома воспроизводит традиционную триаду областей знания, в рамках которых астрологические данные могут оказаться полезными: сельское хозяйство, мореплавание и медицина. По его мнению, во избежание возможных неприятностей морякам следует внимательно выбирать дни для своих путешествий, земледельцам – начинать посадку урожая сообразно благоприятному положению светил, а медикам – сверять критические дни болезни с движением Солнца и Луны. Фома развил это представление о «натуральной астрологии» в «Сумме теологии» (в особенности в 115-м вопросе первой части). По-прежнему всецело отрицая какую-либо жесткую обусловленность человеческого характера и поведения воздействием звезд, он тем не менее полагает, что при должном усердии и

³⁷ Об этой теории, которая была весьма популярна в Средние века и эпоху Возрождения, см. Pompeo Fagocovi 1999. Кроме кардинала Петра из Айи, о «гороскопе Христа» писали такие крупные ренессансные мыслители, как Марсилио Фичино (1433–1499), первый переводчик Платона и Плотина на латинский язык, и медик, астролог и математик Джироламо Кардано (1501–1576).

³⁸ Об Ореме см. Caroti 1979. Критическое издание Парижского осуждения 1277 года см. в Riché 1999. Лучшим исследованием об этом ключевом событии средневековой интеллектуальной жизни, приведшем к обособлению философии от теологии и, в конечном счете, возникновению науки как независимой области знания, можно считать Vianchi 1990. О критике астрологии см. Boudet 2006: 239–278.

³⁹ О том, как Фома воспринимал науку о небе и отделял полезную и легитимную «натуральную астрологию» от демонической и антихристианской предсказательной астрологии, см. Litt 1963; Boudet 2006: 228–234; Tarrant 2020. Мой анализ «О суждениях» и фрагментов из «Суммы теологии» опирается на эти исследования.

точности вычислений астрологи обладают большими возможностями для корректного предсказания природных явлений. Они не могут предугадать случайные, внезапные события – таковые остаются в ведении божественного провидения, – но с регулярно наблюдаемыми и повторяющимися событиями дело обстоит много лучше.

Включенный в сборник фрагмент из «Суммы теологии» – ответ на второе возражение из второго раздела 44-го вопроса третьей части – прекрасно иллюстрирует, где для Фомы проходит граница между этими двумя типами явлений. В указанном тексте он отвечает на вопрос, творил ли Христос чудеса, изменившие движение небесных тел и подмеченные людьми. По мнению Фомы, приводимые им примеры, в особенности относительно Распятия, доказывают, что «звездочеты и предвещатели по новолуниям» (во втором возражении из второго раздела 44-го вопроса третьей части Фома прямо цитирует Книгу пророка Исаии) не обнаружили нарушений естественного природного порядка, то есть чудес, но таковые тем не менее произошли, и, следовательно, их причиной могла быть лишь находящаяся вне человеческого ведения божественная воля. «Астрономы» (но в данном контексте Фома в действительности подразумевает астрологов, что типично для словоупотребления того времени) оказались не способны разглядеть какие-либо небесные знаки, указывающие на чудесные события, имевшие место в подлунном мире. Следовательно идеи, подобные «гороскопам Христа», в системе Фомы попросту невозможны, поскольку только божественное вмешательство привносит в мир чудесное и случайное, а «натуральная астрология» ограничена ожидаемым и предугадываемым. Получается, что «натуральная астрология» в интерпретации Фомы близка еще одному ответвлению средневековой философии природы – метеорологии; последняя в эпоху Возрождения постепенно избавлялась от астрологических элементов, которыми изобиливали ренессансные комментарии к «Метеорологике» Аристотеля, и к XVII–XVIII векам превратилась в дисциплину с развитым естественно-научным аппаратом⁴⁰. Что же касается томистской интерпретации астрологии, то ее двойственность имела далеко идущие последствия. Астрологи восприняли ее как практически безусловное одобрение своей доктрины; для противников астрологии, напротив, первостепенной задачей стало доказать, что «ангельский доктор» в самом деле был яростным противником предсказаний по звездам⁴¹. Когда в XVI веке, в ответ на кризис, вызванный Реформацией, католическая Церковь занялась тщательной кодификацией своего учения, проблема отношения Фомы к астрологии была поднята вновь. Это совпало с попытками Церкви выработать единое решение относительно легитимности предсказательных практик в

⁴⁰ Martin 2011.

⁴¹ Таково было мнение Джованни Пико делла Мирандола: Акопян 2018: 95–109.

целом, результатом чего стала знаменитая булла 1586 *Coeli et terrae*, принятая при Сиксте V (1521–1590; годы понтификата – 1585–1590). И в то же время кардинал Беллармин (1542–1621), незадолго до того назначенный главой Конгрегации Индекса запрещенных книг, поставил точку в вопросе астрологических воззрений Фомы Аквинского: «ангельский доктор» был признан противником астрологии⁴².

Вместе с тем очевидно, что для составителей и заказчиков рукописи В-3691 Фома таковым не был. Об этом свидетельствует не только отбор текстов, как будто подтверждающих ценность астрологических предсказаний, но и тот факт, что «О суждениях» сопровождается обильными межстрочными и маргинальными комментариями, часть которых представляет собой парафразы мыслей двух крупнейших астрологов – Птолемея и Абу Машара ал-Балхи (известного на Западе как Альбумазар) (787–886)⁴³. Кроме того, в рукопись был включен (102v) еще один элемент астрологического назначения – фигура для определения планетарных часов. Она должна была подсказать интересующимся наиболее подходящее время для совершения какого-либо действия или помочь при составлении гороскопа. Фигура разделена на семь подсекций сообразно дням недели, каждому из которых в свою очередь соответствует отдельная планета, знак Зодиака и/или астрологический дом. В центральной части, которая, возможно, вращалась, приведены числа от 1 до 24, распределенные таким образом, что через каждые семь часов управляющая данным часом планета повторяется. Так, например, вторым днем недели управляет Луна (считавшаяся в то время отдельной планетой), соответствующий планете знак Зодиака – Рак, а контролируемые ею часы – 2, 9, 16 и 23. На краях фигуры добавлены краткие тексты о том, какими качествами обладают люди, родившиеся в тот или иной день. Это не слишком замысловатое устройство, популярное среди практикующих астрологов, лишний раз подчеркивает общий принцип, по которому отбирались тексты и изображения для рукописи В-3691: все они имеют ярко выраженный прикладной характер. Вместе с тем, в полном соответствии с принятой тогда классификацией наук, никакого разделения между астрономией и астрологией не существует: они суть одна и та же дисциплина, что объясняет появление под одной обложкой источников, которые, на наш современный взгляд, могут показаться трудно совместимыми.

⁴² Tarrant 2020. Помимо прочего, Таррант также убедительно доказывает, что Беллармин был хорошо знаком с «Рассуждениями» Пико и использовал его аргументы своего предшественника, когда выносил решение о статусе астрологии в трудах Фомы.

⁴³ О значительной роли трудов Абу Машара в истории средневековой учености и о том, как они способствовали тому, что астрология стала восприниматься как перипатетическая дисциплина, см. Lemay 1962; Burnett 2002; Adamson 2002.

Общее содержание сборника вынуждает задаться вопросом: кто мог выступить заказчиком такой рукописи и с какой целью она была составлена? Очевидно, что кем бы ни был заказчик, его мало интересовали астрономо-астрологические нововведения второй половины XV – начала XVI века и старания Пурбаха, Региомонтана и их коллег, делавших все возможное, чтобы предотвратить дальнейшее накопление ошибок в рамках традиционной аристотелевско-птолемеевской космологии. Манускрипт также лишен каких-либо признаков того, что его заказчик и переписчик были осведомлены об ожесточенных спорах о сущности и пользе астрологии, развернувшихся сперва в Италии, а затем и за пределами Аппенинского полуострова после выхода в свет «Рассуждений против прорицательной астрологии» Джованни Пико делла Мирандола⁴⁴. Из этого следует, что составители сборника попросту не ставили перед собой задачи зафиксировать последние тенденции в области науки о небе; их целью было подготовить максимально доступный справочник, где были бы собраны основные практические наставления, касающиеся астрономии/астрологии: что собой представляет, в общих чертах, звездное небо, как вычислить точную дату главных церковных праздников, как верно составить гороскоп, как изучение астрономических законов и предсказательные практики сочетаются с христианским учением. Можно предположить, что именно эти весьма жизненные вопросы, а не сложные астрономические модели, разработке которых посвящали себя известные астрономы/астрологи той поры, занимали обывателя, жившего в германских землях XVI века (и, осмелюсь заметить, не только там и не только тогда). Далекий от «игрищ ума» интеллектуалов обыватель, в данном случае скорее всего городской житель, хотел извлечь максимальную пользу из своего знания о небе, и такая рукопись должна была полностью удовлетворять его требования. При этом, не исключая полностью возможности того, что манускрипт В-3691 мог быть заказан частным лицом, более вероятным видится централизованный городской заказ, особенно в связи с несомненным общественным значением церковной хронологии. Таким образом, рукопись В-3691 из собрания Научной библиотеки Томского государственного университета демонстрирует, чем в действительности астрономия/астрология привлекала тот срез общества эпохи Возрождения, о котором мы зачастую забываем, концентрируясь на деятельности его наиболее выдающихся представителей.

⁴⁴ Vanden Broecke 2003; Акоюн 2018: 153–229. Один из важных тезисов Westman 2011 заключается в том, что все астрономические нововведения XVI века были в самом деле попыткой ответить на критику астрологии Пико. Показательно, что Коперник приехал в Болонью в 1496 году – ровно тогда, когда там же впервые были напечатаны «Рассуждения против прорицательной астрологии».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акопян О.Л. Волки в овечьих шкурах: «Рассуждения против прорицательной астрологии» и ренессансная мысль Италии конца XV – начала XVI века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018 [Akopyan O.L. Volki v ovch'ikh shkurakh: «Rassuzhdeniya protiv proritsatel'noj astrologii» i renessansnaya mysl' Itali kontsa XV–nachala XVI veka. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnikh initsiativ, 2018].
- Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М.: НЛЮ, 2015 [Voskoboynikov O. S. Tisyacheletnee tsarstvo (300–1300). Ocherk khristianskoj kul'turi Zapada. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015].
- Де Либера А. Средневековое мышление / Пер. О.В. Головой и А.М. Руткевича. М.: Практис, 2004 [De Libera A. Srednevekovoe mishlenie / Trans. O.V. Golova and A.M. Rutkevich. Moscow: Praxis, 2004].
- Долгополов В. Г. Иоанн де Сакробоско и его трактат «О сфере»: к изданию перевода // Средние века. Т. 81. № 3. 2020. С. 51–68 [Dolgopolov V. G. Ioann de Sacrobosko i ego traktat «O sfere»: k izdaniyu perevoda / Srednie veka. Vol. 81. № 3. 2020. P. 51–68].
- Зубов В.П. Неизвестный русский перевод 'Трактата о сфере Иоанна Сакробоско' // Историко-астрономические исследования / Под ред. П. Г. Куликовского. М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1962. С. 209–221 [Zubov V.P. Neizvestnij russkij perevod 'Traktata o sfere Ioanna Sacrobosko' // Istoriko-astroномические исследования / Ed. P.G. Kulikovskij. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoy literatury, 1962. P. 209–221].
- Мазурицкий А.М. Книжные собрания России и Германии в контексте реституционных процессов: монография. М.: МГУКИ, 2000 [Mazuritskij A.M. Knizhnie sobraniya Rossii i Germanii v kontekste restitutsionnikh protsessov: monografiya. Moscow: MGUKI, 2000].
- Сакробоско И. де. О сфере (1 глава) / Пер. И.И. Аникьева, А.О. Денисова и В.Г. Долгополова // Средние века. Т. 81. № 3. 2020. С. 69–80 [Sacrobosko I. de. O sfere (1 glava) / Trans. I.I. Anik'ev, A.O. Denisov and V.G. Dolgopolov / Srednie veka. Vol. 81. № 3. 2020. P. 69–80].
- Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1903 [Sobolevskij A.I. Perevodnaya literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vekov. Bibliograficheskie materialy. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1903].
- Средневековые рукописи и документы из немецких собраний в библиотеке Томского государственного университета = Mittelalterliche Handschriften und Urkunden aus deutschen Beständen in der Bibliothek der Staatlichen Universität Toms / Под ред. В.Л. Портных. Любек, 2021 [Srednevekovie rukopisi i dokumenty iz nemetskikh sobranij v biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta / Ed. V.L. Portnikh. Lübeck, 2021].
- A Companion to Astrology in the Renaissance / Ed. B. Dooley. Leiden; Boston: Brill, 2014.
- Rutkin H.D. Sapiaentia Astrologica: Astrology, Magic and Natural Knowledge, ca. 1250–1800. Vol. I: Medieval Structures (1250–1500): Conceptual, Institutional, Socio-Political, Theologic-Religious and Cultural. Dordrecht: Springer, 2019.
- Ackermann Smoller L. History, Prophecy, and the Stars: the Christian Astrology of Pierre d'Ailly (1350–1420). Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Adamson P. Abū Ma'šār, al-Kindī and the Philosophical Defense of Astrology // Recherches de théologie et philosophie médiévales. Vol. 69. № 2. 2002. P. 245–270.
- Almási G. Tycho Brahe and the Separation of Astronomy from Astrology: The Making of a New Scientific Discourse // Science in Context. Vol. 26. № 1. 2013. P. 3–30.
- Azzolini M. The Duke and the Stars: Astrology and Politics in Renaissance Milan. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2013.
- Bächli-Hinz A. Monotheismus und neuplatonische Philosophie. Eine Untersuchung zum pseudo-aristotelischen 'Liber de causis' und dessen Rezeption durch Albert den Großen. Frankfurt: Academia, 2003.
- Barton T. Ancient Astrology. London; New York: Routledge, 1994.
- Biagioli M. Galileo, Courtier. The Practice of Science in the Culture of Absolutism. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993.
- Bianchi L. Il vescovo e i filosofi. La condanna parigina del 1277 e l'evoluzione dell'aristotelismo scolastico. Bergamo: Lubrina, 1990.

- Biank J. Pseudo-Proklos' Sphaera. Die Sphaera-Gattung im 16. Jahrhundert. Berlin: Edition Open Access, 2019.
- Boner P. Kepler's Cosmological Synthesis: Astrology, Mechanism and the Soul. Leiden; Boston: Brill, 2013.
- Boudet J.-P. Entre science et nigromance. Astrologie, divination et magie dans l'Occident médiéval (XII–XV siècle). Paris: Éditions de la Sorbonne, 2006.
- Burnett C. Magic and Divination in the Middle Ages: Texts and Techniques in the Islamic and Christian Worlds. Aldershot: Ashgate, 1996.
- Burnett C. The Certitude of Astrology: The Scientific Methodology of al-Qabīṣī and Abū Ma'shar // *Early Science and Medicine*. Vol. 7. № 3. 2002. P. 198–213.
- Caroti S. La critica contro l'astrologia di Nicole Oresme e la sua influenza nel Medioevo e nel Rinascimento // *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei*. Vol. 23. № 6. 1979. P. 545–685.
- Collins D. J. Albertus, Magnus or Magus? Magic, Natural Philosophy, and Religious Reform in the Late Middle Ages // *Renaissance Quarterly*. Vol. 63. № 1. 2010. P. 1–44.
- D'Alverny M.-T. La connaissance de l'Islam dans l'occident médiéval / Ed. C. Burnett. Aldershot: Ashgate, 1994.
- De sphaera of Johannes de Sacrobosco in the Early Modern Period. The Authors of the Commentaries / Ed. M. Valleriani. Cham: Springer, 2020.
- Federici Vescovini G. I programmi degli insegnamenti del Collegio di medicina, filosofia e astrologia, dello statuto dell'Università di Bologna // *Roma, magistra mundi: itineraria culturae mediaevalis. Mélanges offerts au Père L. E. Boyle à l'occasion de son 75e anniversaire* / Éd. par J. Hamesse. Leuven: Brepols, 1998. P. 193–223.
- Goddu A. Copernicus and the Aristotelian Tradition. Education, Reading, and Philosophy in Copernicus's Path to Heliocentrism. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Grafton A. Cardano's Cosmos. The Worlds and Works of a Renaissance Astrologer. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1999.
- Grafton A. Defenders of the Text. The Traditions of Scholarship in an Age of Science, 1450–1800. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1994.
- Grafton A. Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship. 2 vols. Oxford: Oxford University Press, 1983–1993.
- Grant E. Planets, Stars, and Orbs. The Medieval Cosmos, 1200–1687. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Haskins C. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, MA: Harvard U.P., 1927.
- Heilbron J. Galileo. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Heilbron J. Robert Westman on Galileo and Related Matters // *Perspectives on Science*. Vol. 20. № 3. 2012. P. 379–388.
- Hübner W. The Culture of Astrology from Ancient to Renaissance // *A Companion to Astrology in the Renaissance* / Ed. B. Dooley. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 17–58.
- Kuhn T. The Copernican Revolution. Planetary Astronomy in the Development of Western Thought. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1995.
- Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1996.
- La condamnation parisienne de 1277 / Texte latin, traduction, introduction et commentaire par D. Piché. Paris: Vrin, 1999.
- La demeure de l'être. Autour d'un anonyme. Etude et traduction du Liber de Causis / Éd. par P. Magnard, O. Boulnois et al. Paris: Vrin, 1990.
- Lemay R. Abu Ma'shar and Latin Aristotelianism in the Twelfth Century: The Recovery of Aristotle's Natural Philosophy through Arabic Astrology. Beirut: American University of Beirut, 1962.
- Lemay R. Origin and Success of the Kitab Thamara of Abu Ja'far ibn Yusuf ibn Ibrahim: From the Tenth to the Seventeenth Century in the World of Islam and the Latin West // *Proceedings of the First International Symposium for the History of Arabic Science*. 2 vols. Aleppo: Institute for the History of Arabic Science, 1976. Vol. 2. P. 91–107.
- Lerner M.-P. Le monde des sphères. 2 vols. Paris: Les Belles Lettres, 1996–1997.
- Litt T. Les corps célestes dans l'univers de Saint Thomas d'Aquin. Louvain: Publications Universitaires, 1963.
- Marginalization of Astrology / Ed. R. Vermij and H. Hirai // *Early Science and Medicine*. Vol. 22. № 5–6. 2017.

- Martin C. Renaissance Meteorology: Pomponazzi to Descartes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011.
- Nothaft P. E. Scandalous Error: Calendar Reform and Calendrical Astronomy in Medieval Europe. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Omodeo P. D. Copernicus in the Cultural Debates of the Renaissance: Reception, Legacy, Transformation. Leiden; Boston: Brill, 2014.
- Pingree D. The Diffusion of Arabic Magical Texts in Western Europe // La diffusione delle scienze islamiche nel Medio evo europeo / A cura di B. Scarcia Amoretti. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1987. P. 57–98.
- Pompeo Faracovi O. Gli oroscopi di Cristo. Venezia: Marsilio, 1999.
- Pompeo Faracovi O. Scritto negli astri. L'astrologia nella cultura dell'Occidente. Venezia: Marsilio, 1996.
- Pseudo-Aristotle in the Middle Ages: The Theology and Other Texts / Ed. J. Kraye, W. F. Ryan and C. B. Schmitt. London: The Warburg Institute, 1986.
- Pseudo-Aristotle, the 'Secret of Secrets': Sources and Influences / Ed. W. F. Ryan and C. B. Schmitt. London: The Warburg Institute, 1982.
- Ptolemaeus. *Κατά Πτολεμαίου Ἐπιφανέως Πνευματικῆς Ἐπιτομὴ* // Idem. Opera quae exstant omnia / Ed. J. L. Heiberg. 3 vols. Leipzig: Teubner, 1952. Vol. 3. P. 37–61.
- Reading Proclus and the Book of Causes / Ed. D. Calma. 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2019–2021.
- Rigo A. Bessarione, Giovanni Regiomontano e i loro studi su Tolomeo a Venezia e Roma (1462–1464) // Studi veneziani. Vol. 21. 1991. P. 49–110.
- Rutkin H. D. Galileo Astrologer: Astrology and Mathematical Practice in the Late-Sixteenth and Early-Seventeenth Centuries // Galilaeana. № 2. 2005. P. 107–143.
- Saif L. The Arabic Influences on Early Modern Philosophy. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2015.
- Shank M. H. Regiomontanus and Astronomical Controversy in the Background of Copernicus // Before Copernicus. The Cultures and Contexts of Scientific Learning in the Fifteenth Century / Ed. R. Feldhay and F. J. Ragep. Montreal & Kingston; London; Chicago: McGill-Queen's University Press, 2017. P. 79–109.
- Shank M.H. Regiomontanus versus George of Trebizond on Planetary Order, Distances, and Orbs (Almagest 9.1) // Ptolemy's Science of the Stars in the Middle Ages / Ed. D. Juste, B. van Dalen, D. N. Hasse and C. Burnett. Turnhout: Brepols, 2020. P. 345–426.
- Shapin S. The Scientific Revolution. Chicago; London: University of Chicago Press, 1996.
- Swerdlow N.M. Copernicus and Astrology, with an Appendix of Translations of Primary Sources // Perspectives on Science. Vol. 20. № 3. 2012. P. 353–378.
- Tarrant N. Reconstructing Thomist Astrology: Robert Bellarmine and the Papal Bull Coeli et terrae // Annals of Science. Vol. 77. № 1 (The Inquisition and the Censorship of Science in Early Modern Europe / Ed. F. Malta Romeiras). 2020. P. 26–49.
- Tester J. A History of Western Astrology. London: Boydell & Brewer, 1999.
- The Secret of Secrets: The East Slavic Version / Ed. W. F. Ryan and M. Taube. L.: The Warburg Institute, 2019.
- Thoren V. E. The Lord of Uraniborg: A Biography of Tycho Brahe. Cambridge: C.U.P., 1990.
- Thorndike L. The Sphere of Sacrobosco and its Commentators. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
- Todd R. The Manuscripts of the Pseudo-Proclan Sphaera // Revue d'histoire des textes. Vol. 23. 1993. P. 57–71.
- Tolomeo C. Le previsioni astrologiche (Tetrabiblos) / A cura di S. Feraboli. Milano: Mondadori, 1985.
- Vanden Broecke S. Astrology and Politics // A Companion to Astrology in the Renaissance / Ed. B. Dooley. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 193–232.
- Vanden Broecke S. The Limits of Influence: Pico, Louvain, and the Crisis of Renaissance Astrology. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Vermij R. The Calvinist Copernicans. The Reception of the New Astronomy in the Dutch Republic, 1575–1750. Amsterdam: Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, 2002.
- Vermij R. The Marginalization of Astrology among Dutch Astronomers in the First Half of the 17th Century // History of Science. Vol. 52. № 2. 2014. P. 153–177.

- Westman R. S. Copernicus and the Astrologers (Dibner Library Lecture, December 12, 2013). Washington, D.C.: Smithsonian Libraries, 2013.
- Westman R. S. The Copernican Question Revisited: A Reply to Noel Swerdlow and John Heilbron // *Perspectives on Science*. Vol. 21. № 1. 2013. P. 100–136.
- Westman R. S. *The Copernican Question: Prognostication, Skepticism, and Celestial Order*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2011.
- Westman R. S. Two Cultures or One? A Second Look at Kuhn's The Copernican Revolution // *Isis*. Vol. 85. № 1. 1994. P. 79–115.
- Williams S. J. *The 'Secret of Secrets': The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Middle Ages*. Ann Arbor: University of Michigan, 2003.
- Wootton D. *The Invention of Science. A New History of the Scientific Revolution*. New York: Harper Collins, 2015.

Ованес Львович Акопян, кандидат исторических наук, Ph.D., Новосибирский государственный университет; *o.akopyan@outlook.com*

An Early Sixteenth-century Astrologico-astronomical Collection from the Library of Tomsk State University: Structure, Purpose, Features

The essay uncovers a previously unknown early sixteenth-century astrologico-astronomical manuscript from the Library of Tomsk State University. Alongside a general description of the manuscript, this article contextualises it within the history of knowledge of the European Renaissance.

Key words: Astronomy, astrology, intellectual history of the Renaissance, Johannes Sacrobosco, heliocentrism and geocentrism, Thomas Aquinas

Ovanes Akopyan, Candidate of Sciences, Ph.D., Novosibirsk State University. *o.akopyan@outlook.com*

А.В. ЯКУБ

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И ФИЛАТЕЛИЯ В РАННЕСОВЕТСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ, ИЛИ КАК БОРОЛИСЬ С ПОЧТОВОЙ ФАЛЬШЬЮ И ФАНТАСТИКОЙ¹

Рассматривается политика советского руководства в области защиты государственного интереса в сфере почты и филателии как внутри страны, так и за рубежом, связанного с увеличением количества фальшивых и фантастических знаков почтовой оплаты. Выделяются два основных периода в этой деятельности: «оборонительный» (1917–1921) и «контрнаступательный» (1922–1925). Характеризуются основные механизмы, методы и средства в борьбе с изготовлением фальшивых почтовых марок с целью защиты политико-экономических интересов страны, особенно за рубежом, и интересов отдельных коллекционеров.

Ключевые слова: филателия, почтовая марка, фальсификат, фантастический выпуск, РСФСР/СССР

Почта, знак почтовой оплаты и филателия являются единым целым, в котором каждый из субъектов играет свою роль. Почта выполняет функцию коммуникации, используя знаки почтовой оплаты, которые одновременно формируют финансовую составляющую внутреннего и внешнего обмена разного рода корреспонденцией. Сам знак почтовой оплаты представляет собой художественно-графическую миниатюру, интегрирующую в себе множественность смыслов, от эстетического до пропагандистского и агитационного. Филателия как способ коллекционирования знаков почтовой оплаты формирует разные интересы, от экономических, и нередко связанных с ним спекулятивных, до форм идеологического, пропагандистского, воспитательного, образовательного и художественно-эстетического освоения действительности.

В переломные периоды истории, особенно когда все перечисленные компоненты переживали серьезные потрясения, центральная часть триады – знак почтовой оплаты – превращался в важный элемент противостояния прошлого и будущего, общества уходящего и общества, создаваемого в горниле революционных преобразований. Это в полной мере относится к истории почты, знаков почтовой оплаты и филателии рубежа 1910–1920-х гг., где в стране, охваченной Гражданской войной и строительством нового советского государства, появилось огромное количество торговцев и фальсификаторов, стремившихся сыграть на интересе прежде всего зарубежных филателистов к почтовым маркам, курсировавшим в пределах бывшей Российской империи².

Распространение фальшивых знаков почтовой оплаты как внутри страны, так и за рубежом начало наносить серьезный ущерб не только деятельности почтового ведомства, но и стремлению руководства Со-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00153.

² Раевский 1923: 31-32.

ветской России сформировать новый социально-политический имидж страны. Знак почтовой оплаты в качестве средства трансляции образа страны вовне превращался в один из инструментов мягкой силы, который должен был использоваться в борьбе за колеблющихся с целью их привлечения на свою сторону. Вследствие этого любая деятельность как внутри Советской России, так и за её пределами, связанная с фальсификацией отечественных знаков почтовой оплаты, требовала быстрой и адекватной реакции со стороны советского руководства.

Государство повернулось лицом к филателии во многом вынужденно. Это было напрямую связано с разразившимся в Советской России в 1921–1922 гг. голодом. Главным государственным органом в области коллекционирования была созданная при ЦК Помгол в начале 1922 г. специальная Организация Уполномоченного по марочным пожертвованиям в России и за границей. Уже 2 апреля 1922 г. при этой организации было создано специальное Экспертное Бюро; одна из его задач – «определение подлинности бон, марок, цельных вещей, надпечаток, перфорации и штемпелей погашения»³. Именно Экспертное Бюро было «тем решетом, которое просеивает заграничные отправления, не допуская обращения фальсификатов и не позволяя уплывать русским маркам за границу в количествах сверх нормы»⁴. Одним из наиболее распространенных видов фальши на зарубежных филателистических рынках в 1921–1923 гг. стали т.н. «фантастические выпуски», т.е. сфабрикованные «знаки почтовой оплаты», которые никогда в Советской России не выпускались и в почтовом обращении не находились. Они изготавливались исключительно для зарубежных филателистов и сбывались, в т.ч. крупными торговыми фирмами, в ущерб коллекционерам⁵. Напрямую экономического вреда для советской почтовой системы они не наносили, но подрывали имидж РСФСР как страны, неспособной противостоять разразившемуся голоду.

Первым из таких выпусков стала появившаяся в 1922 г. серия марок «Одесского Помгола». Данный выпуск был продуктом итальянской фирмы «Товарищество Итальянской Филателии» из Венеции. Серия из 7 номиналов с оригинальными рисунками стала активно предлагаться филателистам в европейских странах в качестве специального выпуска, целью которого якобы был сбор дополнительных денежных средств на нужды голодающих в Советской России. Практически сразу в том же 1922 г. в адрес Организации Уполномоченного ЦК Последгол при ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей поступил официальный запрос от Центрального Бюро Марок Востока Межрабпомгола, расположенного в г. Мангейме, Германия, по вопросу о подлинности данного выпуска знаков почтовой оплаты. По распоряжению руководителя организации Ф.Г. Чучина в адрес Народного комиссариата

³ Положение об Экспертном Бюро 1923: 44.

⁴ Москвич 1923: 15.

⁵ Розенбладт 1924; 417-421; Вовин 1972: 3-7.

та почт и телеграфов был отправлен официальный запрос, на который поступил официальный ответ от НКПиТ за № 5121 о том, что никаких марок в пользу голодающих в Одесском округе выпущено не было. Напечатанное на русском и немецком языках извещение о фальшивом характере данного выпуска «знаков почтовой оплаты» на страницах официального филателистического журнала «Советский филателист», должно было служить официальным предупреждением всем коллекционерам как в Советской России, так и за рубежом об опасности появления подобной продукции⁶. Вскоре в борьбу с фальсификаторами включились сами зарубежные филателистические торговые фирмы. Пионерами стали фирмы США, которые приобрели большие запасы фантастического «Одесского Помгола» и в итоге понесли большие убытки при попытках реализовать их коллекционерам. Они предъявили через американского консула в Венеции иск итальянской фирме Марио Фонтано, однако итальянские правоохранительные органы, хотя и арестовали мошенников и конфисковали запасы фальшивых марок, дальше этого не пошли, а суд оправдал мошенников⁷.

Поток фальши, связанной с интересом среди зарубежных коллекционеров к Советской России, только увеличился. В том же 1922 г. появляется серия «почтовых марок», посвященная вождям русской революции В.И. Ленину, Л. Троцкому, В. Зиновьеву и символам победившей революции – гербу РСФСР, рабочему, крестьянину, красноармейцу. Судя по стилистике изображений, этот выпуск тоже был продуктом фирмы Марио Фонтано. Вновь инициатором выявления подлинности данной серии марок выступило ЦБМВ, руководство которого обратилось в октябре 1922 года в Организацию Уполномоченного с просьбой подтвердить или опровергнуть подлинность появившейся у торговцев на Западе этой серии марок. Руководство Организации Уполномоченного через НКИД уведомило ЦБМВ о фантастическом характере данных «знаков почтовой оплаты» и попросило уведомить об этом западную филателистическую печать, представителей торговых филателистических фирм и отдельных коллекционеров⁸. Оценивая деятельность Организации Уполномоченного в 1922–1923 гг. один из активных деятелей государственной филателии Б. Раевский писал: «И в данном случае Организация... сослужила огромную службу для филателии... Легализовав филателию, Организация не могла не обратить внимание и на работу фальсификаторов. Она приняла широкие и действительные меры к ликвидации их работы и – надо сказать – успешно выполнила свою задачу. Этим она подняла за границей доверие к русской марке»⁹.

1922 год стал переломным годом в развитии отечественной филателии. 21 сентября 1922 г. появляется Постановление ВЦИК И СНК

⁶ Чучин Спекуляция 1922 Октябрь: 18-19; Новости. Фальшивые марки 1922: 20-21.

⁷ Иностранное обозрение. Сами признают 1925: 12.

⁸ Чучин Спекуляция 1922 Ноябрь: 19-22.

⁹ Раевский 1923: 8.

РСФСР по филателии. Этот государственный акт впервые соединил представление о филателии как индивидуальном виде коллекционирования с укреплением регулятивных позиций в области использования накопленных филателистических запасов со стороны государства¹⁰.

Одним из ключевых моментов документа была окончательная фиксация государственной трактовки филателии в качестве одного из инструментов внешнеэкономической деятельности советского правительства при сохранении государственной монополии внешней торговли, для чего предполагалось отменить «...все вышедшие до сих пор постановления и распоряжения в связи с филателией, находящиеся в противоречии настоящему». Постановление подтверждало необходимость всем государственным и общественным организациям оказывать поддержку ЦК Последгол при ВЦИК РСФСР и согласовывать с последним всю свою деятельность в отношении филателии. Более того, ещё одним новшеством, которое должно было усилить позиции и контроль государства в области филателии, было прямое требование о полной координации деятельности в этой области между ЦК Последгол при ВЦИК, Народным комиссариатом почт и телеграфов и Народным комиссариатом внешней торговли, которым было предписано разработать соответствующие межведомственные инструкции (п.4-6)¹¹.

Данное постановление не только окончательно вводило всю зарубежную торговлю филателистическими материалами в русло общей монополии внешней торговли, установленной в РСФСР, но и позволяло установить контроль за международным обменом знаками почтовой оплаты отечественных коллекционеров. С одной стороны, впервые официально государство заявляло о праве отдельных коллекционеров – филателистов вести индивидуальный заграничный обмен со своими зарубежными коллегами по увлечению. Это было существенной новацией, но и здесь государство не забывало своего экономического интереса, поскольку, с другой стороны, данный обмен должен был осуществляться исключительно под контролем государственных структур, количество марок в обменных почтовых отправлениях строго регламентировалось экземплярами и размером общей стоимости вложенного филателистического материала. Для каждого международного письма устанавливался специальный фискальный (так называемый, разрешительный) сбор, который взимался в пользу государства. Кроме того, для регулирования и контроля за заграничным обменом ЦК Последгол получил право выпустить специальные разрешительные марки, которые наклеивались на всю международную филателистическую корреспонденцию «...в пределах установленной нормы и стоимости» (п. 2-3)¹².

¹⁰ Постановление 1922: 9-10; Якуб 2020: 75-78.

¹¹ Постановление 1922: 9-10.

¹² Постановление 1922: 9-10; Инструкция 1922: 12-13; Анкета 1922: 13; Заграничный обмен 1922: 11; Об издании 1922: 14; Разрешительные марки 1922: 20; Якуб 2018: 167-171.

Подобная практика государственного контроля за международным обменом филателистическим материалом принесла свои положительные результаты, в том числе и в борьбе с потоком фантастических выпусков и прямых фальсификатов знаков почтовой оплаты, которые некоторые филателисты пытались переправлять через государственную границу. Б. Раевский указывал, что «...взяв в свои руки марочную монополию, организация дала в то же время возможность коллекционерам пополнить свои коллекции путем заграничного обмена под своим контролем... Этот контроль оказал лишь помощь и помощь весьма существенную: контролируя отправляемые за границу марки, организация не пропускала туда фальсификатов, чем, конечно, подымала доверие зарубежных коллекционеров к получаемым путем обмена из России маркам. Контроль упразднил ненормальное положение, когда при обилии фальсификатов и «тонкости» их работы, немало коллекционеров, совершенно невольно, по относительной неопытности, могли служить и служили распространителями фальши за границей. В то же время Организация не пропускала фальши и из заграницы, а находя таковую в письмах, отсылала их обратно отправителям, разоблачая вместе с тем на страницах своего журнала работу иностранных фальсификаторов»¹³.

Тогда же, в сентябре 1922 г. у отечественных филателистов появляется свой государственный печатный орган. Новый журнал должен был взять на себя функции организатора и идейного сопровождения советского филателистического движения. Его главной особенностью, в отличие от частных коллекционерских изданий, была установившаяся изначально прямая связь с внутренней и внешней политикой государства. Окончательно партийно-государственный статус нового журнала для широкой коллекционерской общественности закрепится в октябре 1922 г., когда на обложке второго номера появится лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Редактор Ф.Г. Чучин был журналистом, обладавшим широким диапазоном интересов, быстрой реакцией на все происходящие события, умением органически связать текущие процессы в советском обществе с филателией, руководителем, весьма заботившимся о подборе кадров в редколлекцию журнала и способствовавшим качественному формированию редакционного портфеля¹⁴.

В первом номере была изложена программа развития не только самого журнала, но и всего советского филателистического движения. Она предполагала очищение филателии от спекулятивных начал, приписываемых прежним, буржуазным коллекционерам; постепенное превращение филателии в специальную науку, имеющую прикладное значение в научном, педагогическом, эстетическом и экономическом отношении; использование филателии в пропагандистских целях, соорганизацию «идейных» филателистов вокруг специализированного жур-

¹³ Раевский 1923: 9.

¹⁴ Немчинова 1975: 25-27; Якуб, Якуб 2020

нала; содействие в поддержке государственной монополии внешней торговли¹⁵. С целью размещения оперативной информации о несуществующих официальных знаках почтовой оплаты Советской России на страницах «Советского филателиста» в конце 1922 г. появляется специальная рубрика «Фальсификаты». В редакционной заметке по этому поводу была сформулирована основная задача, которую преследовала редакция журнала: «... Мы намерены практически осуществить намеченную нами в самом начале задачу – беспощадной и решительной борьбы со спекуляцией и фальсификацией филателистического материала, дабы очистить наши коллекции от всей той дряни, которая никогда не была в действительности выпущена на территории России»¹⁶.

Однако к рубежу 1922–1923 гг. можно говорить о распространении, особенно за рубежом, такой категории фальши как «фантастические выпуски», которые фабриковались прежде всего в ущерб коллекционерам. Это отмечали даже сами зарубежные специализированные филателистические журналы, в основном публиковавшие сообщения о подобных подделках для немецкоязычных коллекционеров. Редактора некоторых из них уже прямо призывали к сотрудничеству с Организацией Уполномоченного в данном вопросе, особенно когда речь заходила о международном обмене¹⁷. Еще одним способом введения в заблуждение зарубежных филателистов относительно советских знаков почтовой оплаты было опубликование заведомо ложной информации. Так, например, на страницах испанского филателистического журнала в 1922 г. появилась информация о выпуске в РСФСР специальных авиапочтовых марок для обслуживания воздушной корреспонденции по маршруту Москва – Берлин. Ввиду этого, советская филателистическая пресса оперативно была вынуждена официально опровергнуть данную информацию¹⁸. Можно предположить, что вслед за такой публикацией на страницах испанского специализированного журнала вполне могла появиться якобы «советская серия» знаков почтовой оплаты, которая к государственному почтовому ведомству Советской России не имела бы никакого отношения.

В производстве фактически фантастических марок не отставали некоторые российские коллекционеры, особенно те, которые имели для этого определенный административный ресурс. Наиболее известным таким «знаком почтовой оплаты» стала надпечатка на 7-копеечной до-reволюционной почтовой марке текста, «Филателия – детям», как якобы выпущенной в рамках официальной серии почтовых марок, посвященных Дню Филателии, состоявшегося в Москве 19 августа 1922 г. Фальшь-фантастика была изготовлена исключительно по инициативе одного из организаторов этого мероприятия и редактора 1 номера «Со-

¹⁵ Наши задачи 1922: 3-4.

¹⁶ Фальсификаты 1922: 19.

¹⁷ Наблюдатель 1923: 14-15.

¹⁸ Смесь 1922: 28.

ветского филателиста» В.Л. Санчова, который осуществил выпуск этого номинала без согласования с НКПиТ. Итогом этой авантюры стал арест Санчова и предъявление ему обвинения по ст. 187 «Мошенничество» Уголовного Кодекса РСФСР¹⁹. В дальнейшем количество статей Уголовного кодекса, вменявшихся Санчову было увеличено²⁰. Окончательный итог «делу Санчова» подвел Московский губернский суд, который 15 мая 1923 г. прекратил производство по соответствующим статьям Уголовного Кодекса, приняв во внимание, что «произведенной медицинской экспертизой Санчов признан неизлечимо душевнобольным». Суд принял решение настоящее дело производством прекратить, «...оставив душевнобольного в одной из психиатрических больниц для постоянного содержания, как неизлечимого»²¹. Определенный интерес к «делу Санчова» проявила и зарубежная пресса²².

Тем не менее, попытки легализовать среди зарубежных филателистов 7-копеечную марку из серии «Филателия – детям», изготовленную Санчовым, продолжались при помощи зарубежной филателистической прессы вплоть до конца 1923 г. Об этом свидетельствует публикация в немецком филателистическом журнале «Briefmarken Rundschau» статьи бывшего редактора и издателя российского филателистического журнала «Северная корреспонденция» С. Иевлева о марках Советской России 1922 г., в которой тот фактически признает «санчовскую марку» официальным выпуском²³. Советская государственная пресса в лице редакции «Советского филателиста» крайне негативно отнеслась к данной публикации, что заставило Иевлева обратиться в редакцию «Советского филателиста» с просьбой опубликовать опровержение на появившуюся в немецком журнале статью, которая, якобы, была напечатана без его ведома²⁴. Однако вплоть до июня 1924 г. репутация Иевлева оставалась подмоченной, пока, наконец, немецкий журнал, напечатавший данную статью, в специальном письме в редакцию «Советского филателиста» признал этот факт досадным недоразумением, а саму 7-копеечную марку частной подделкой Санчова²⁵. Кроме того, поскольку данная серия, в силу небольшого тиража официальных марок, вызвала повышенный спрос как среди отечественных, так и зарубежных коллекционеров, это привело к тому, что так называемая «санчовская марка», сама фактически принадлежавшая к фантастическому выпуску, начала активно подделываться (фальшь породила фальшь). Такая ситу-

¹⁹ «День Филателии» 1922: 20-21; Чучин 1922: 14; РСФСР. Фальшивая марка 1922: 25; Чучин 1922: 27; Н.Донской (Ломтев) 1922: 29; От Редакции 1922: 29; Филателистическая хроника 1922: 30.

²⁰ Филателистическая хроника 1923: 40.

²¹ Филателистическая хроника 1923: 37.

²² Филателистическая хроника 1923: 43.

²³ Иностранное обозрение 1924: 12.

²⁴ Письмо в редакцию 1924: 27.

²⁵ Иностранное обозрение 1924: 13.

ация заставила включиться в борьбу против её распространения государственные правоохранительные органы в лице ГПУ²⁶.

К сожалению, распространению фальсификатов знаков почтовой оплаты как внутри РСФСР/СССР, так и за её пределами во многом потворствовали сами филателисты-коллекционеры. Эта ситуация определялась руководством государственной филателии в стране как крайне негативная и нежелательная с точки зрения формирования новой коммунистической морали. Поэтому руководство Организации Уполномоченного активно содействовало правоохранительным органам в искоренении этого явления. Ф. Чучин в начале 1923 года указывал: «За последнее время надлежащими органами при нашем содействии раскрыты в разных городах СССР и за границей целые организации фальсификаторов филателистического материала и устанавливаются их сообщники в распространении фальсификатов. Причем имена большинства из них заранее давно были известны многим коллекционерам, которые, однако, в большинстве молчали, страдая материально от них сами, и только наиболее честные и смелые из них решались помогать нам бороться с этим огромным общественным и филателистическим злом»²⁷.

Органами ГПУ была раскрыта подпольная организация, которая занималась фальсификацией почтовых марок, надпечатывая марку номиналом 250 руб. из 2-го советского выпуска текстом «тыс.»²⁸. Более того, в апреле 1924 года в Москве начался судебный процесс над группой марочных фальсификаторов, получивший большой резонанс в филателистической прессе²⁹.

В начале 1924 г. на страницах журнала «Советский филателист» редакция приступила к классификации появившихся к тому времени фальшивых марок РСФСР с описанием признаков, которые отличали их от подлинных выпусков³⁰. В апреле 1924 г. появляется специальное обращение к зарубежным коллекционерам от лица советской государственной организации в области филателии и советской филателистической общественности с призывом присоединиться к борьбе со всей «почтовой» фальшью, получившей распространение за рубежом во многом благодаря филателистическим фирмам и издателям каталогов почтовых марок³¹. В зарубежной филателистической прессе публикация этих списков встретила довольно благожелательный отклик³².

²⁶ Филателистическая хроника 1922: 26.

²⁷ Чучин 1923: 4.

²⁸ Филателистическая хроника 1922: 26.

²⁹ Хроника 1924: Фальсификаты 1924: 24-26; Эйхфус 1924: 26-28; Милютин 1924: 28-30; Дело 1924: 26-27.

³⁰ Раевский 1924: 11-12.

³¹ К филателистам всего мира! 1924: 1-3. Была опубликована сводная таблица фальшей, мошеннических и неофициальных выпусков, имевших хождение за рубежом. Список 1924: 4-7. См. также: To the philatelists 1924: 1-2; List 1924: 3-5; Aux philatelists 1924: 5-6; La liste 1924: 7-10; An die philatelisten 1924: 1-3; Verzeichniss 1924: 3-6.

³² Иностранное обозрение 1924: 11-12.

Объяснялось появление подобных списков тем, что зарубежные фальсификаторы сменили тактику. Теперь вместо фантастических марок они приступили к изготовлению по-настоящему фальшивых марок, т.е. тех знаков почтовой оплаты, которые находились в почтовом обращении. Это уже был не только удар по имиджу Советской России, но и прямое посягательство на почтовую монополию советского государства. Одним из первых опытов стали довольно удачно фальсифицированные марки «Юго-Восток – голодающим». Их было крайне сложно отличить от подлинных марок³³. Интерес именно к этим маркам среди зарубежных фальсификаторов, возможно, был вызван их неопределенным статусом с точки зрения официального характера выпуска в почтовый оборот на территории РСФСР. Еще одними излюбленными для зарубежных фальсификаторов знаками почтовой оплаты стали введенные в почтовый оборот в январе 1924 г. выпуски т.н. «траурной серии», посвященной кончине В.И. Ленина. Фальсификаты зарубежного производства появляются практически сразу, что тотчас же фиксируется в специальной филателистической прессе, прежде всего французской³⁴.

Не отставали и фальсификаторы на территории новых союзных республик, вошедших в состав СССР. Причем, подделки знаков почтовой оплаты были характерны и для более ранних периодов. Наибольшим количеством подделок отличались марки и провизории Украины³⁵, а также закавказских государств – Азербайджана³⁶ и Грузии³⁷.

Руководство советской филателии в распространении фальшивых и фантастических выпусков за пределами страны прямо обвиняло зарубежные торговые фирмы, особенно те, которые издавали каталоги знаков почтовой оплаты и пользовались популярностью среди филателистов во всем мире. Объяснялось это тем, что у этих фирм было накоплено большое количество почтовых и псевдо-почтовых суррогатов, которые необходимо было сбыть на филателистическом рынке, чтобы вернуть денежные средства, вложенные в их приобретение³⁸.

В связи с этим, в середине 1923 г. на страницах официального журнала «Советский филателист» появляется обращение к зарубежным фирмам, торгующим за пределами СССР, прекратить продажу разного рода фальсификатов знаков почтовой оплаты и просто фантастических выпусков. Автор заметки Б. Раевский подчеркивал, что подобная практика наносит ущерб не только экономическим интересам Советской России, но и серьезно подрывает имидж самих крупных торговых филателистических фирм, продающих своим потребителям заведомо фальшивые вещи. Б. Раевский вновь предлагал таким фирмам вступать

³³ Фальшивые марки 1923: 26.

³⁴ Миллотин 1924: 21; Иностранное обозрение 1925: 12.

³⁵ Кренке 1923: 26-31; 1923: 24-26; Бабицкий 1925: 10.

³⁶ Кузовкин 1923: 19-23; Раевский 1923: 31-32.

³⁷ Фегчин 1923: 24-26; Фальшивые 1923: 26; Кривцов 1923: 21-30; Миллотин 1924: 19.

³⁸ Чучин 1923: 1-6.

в более тесные связи с Организацией Уполномоченного, которая может предоставить зарубежным коллекционерам и издателям филателистической литературы полную информацию о всех подлинных знаках почтовой оплаты РСФСР/СССР³⁹.

Еще одной формой борьбы с фальсификацией должно было стать создание первого отечественного каталога российских знаков почтовой оплаты, как дореволюционных, так и советских. Данная задача преследовала две цели: систематизировать все выпуски знаков почтовой оплаты, появившихся в пределах Российской Империи – РСФСР, с определением их рыночной стоимости, как основы для осуществления, в том числе внешнеторговых, операций, а с другой, с целью исключить из перечня знаков почтовой оплаты все фальшивые и фантастические выпуски, которые по разным причинам попали на страницы ведущих мировых каталогов почтовых марок. Именно с этой целью в конце 1922 года при Организации Уполномоченного в рамках Экспертного Бюро была начата работа по каталогизации российских знаков почтовой оплаты⁴⁰. В 1923 г. первый советский каталог отечественных знаков почтовой оплаты был подготовлен и вышел из печати. В обращении к читателю главный редактор Ф.Г. Чучин писал: « Приступая к изданию российского каталога почтовых марок в золотой валюте, в котором давно ощущается нужда среди коллекционеров, не знающих иного, кроме русского, языка, мы преследовали две основных цели: а) сделать филателию более доступной массам трудящихся и освободить её от крепостной зависимости заграницы; б) заполнить пробел в мировой филателистической литературе о марках России и содействовать более правильному о нас представлению за границей». В каталоге впервые официально были указаны все фальсификаты советских знаков почтовой оплаты, выявленные на тот момент в ущерб почте⁴¹.

Важным способом борьбы с фальсификациями знаков почтовой оплаты должно было стать активное вовлечение в нее филателистической общественности Советской России. Такая задача изначально ставилась перед организаторами создаваемого в 1923 г. Всероссийского Общества Филателистов: «По отношению к филателистам главной задачей Общества, кроме объединения по возможности всех разбросанных в России кружков и отдельных филателистов, является беспощадная борьба с фальсификаторами путем разоблачения их на страницах филателистической прессы». Для этой цели предлагалось также создать при Обществе коллекцию фальшивых почтовых марок, которая могла бы использоваться для экспертизы и для целей просветительской работы с молодыми и начинающими коллекционерами⁴².

³⁹ Раевский 1923: 31-32.

⁴⁰ К русским коллекционерам 1922: 28.

⁴¹ Каталог 1923: 3, 12-20.

⁴² Раевский 1923: 28, 29.

Создание Устава нового общества, однако, затянулось, напрямую отражая разные взгляды на характер этой общественной организации. Первый вариант Устава Всероссийского Общества Филателистов, утвержденный Административным Отделом НКВД на основании обращения в отдел от 23 марта 1923 г. № 2837/2, предполагал, что одной из задач ВОФ является «...содействие членам Общества вести обмен с коллекционерами и защиту их от неисправных корреспондентов и фирм». Кроме того, обязательным условием членства в ВОФ являлся тот факт, что члены Общества не должны быть ограничены в правах по суду и не обвинены в подделках предметов коллекционирования⁴³.

Новый вариант Устава Всероссийского Общества Филателистов, утвержденный 22 сентября 1923 г. Центральным Административным Управлением НКВД, более четко конкретизировал задачи Общества в области борьбы с фальсификаторами знаков почтовой оплаты: «Борьба с фальсификацией знаков почтовой оплаты и бон и содействие выявлению фальсификаторов» (пар.2, д); «Наблюдение за доброкачественностью ввозимого и вывозимого из РСФСР и всех Советских Республик филателистических материалов и бон» (пар.2, л). Кроме того, за ВОФ сохранялось право «оказывать всемерное содействие членам Общества вести обмен с коллекционерами всего мира и защиту от неисправных корреспондентов и фирм» (пар. 3, з). В члены Общества не могли быть приняты лица, «...обличенные в подделках предметов коллекционирования» (пар. 7, прим. I, г)⁴⁴. Аналогичные положения были внесены в Типовой устав Отдела ВОФ, в части основной цели и конкретных задач этого структурного подразделения⁴⁵. Окончательная редакция Устава ВОФ была утверждена в начале 1924 года и в частях, касавшихся борьбы с фальсификаторами и марочными спекулянтами, как отечественными, так и зарубежными, повторяла многие формулировки сентябрьского варианта⁴⁶. Кроме того, аналогично Экспертному Бюро при Организации Уполномоченного по филателии и бонам в СССР при ВОФ было создано своё Центральное Экспертное Бюро, одной из задач которого было «определение подлинности марок, цельных вещей, надпечаток, перфораций, штемпелей погашения, бон и монет» (пар. 2, д)⁴⁷. Уже спустя год после создания ВОФ констатировалось, что его деятельность совместно с государственными органами по филателии способствовала дальнейшей борьбе с фальсификацией знаков почтовой оплаты и их распространением как внутри страны, так и за рубежом⁴⁸. I Всесоюзный Съезд Всероссийского Общества Филателистов, состоявшийся 25-29 декабря 1924 года, также обратил внимание на важность

⁴³ Устав 1923: 30-31.

⁴⁴ Устав 2 1923: 39-40.

⁴⁵ Типовой устав 1923: 34.

⁴⁶ Устав 1924:1-2.

⁴⁷ Положение 1924: 28.

⁴⁸ Фегчин 1924: 10-11.

совместных действий государственной и общественной организаций по филателии в борьбе с фальсификацией знаков почтовой оплаты⁴⁹.

Одновременно со съездом ВОФ была проведена первая в Советском Союзе всесоюзная выставка по филателии, бонистике и нумизматике. Ей также отводилась роль не только популяризации разных видов коллекционирования, но и активного участника в борьбе с разного рода фальсификациями и мошенническими выпусками. Для этой цели на выставке был представлен специальный стенд, посвященный подобным фальсификатам и фантастическим выпускам, который, по мнению организаторов выставки, должен был показать «врага лицом». Экспонат был подготовлен государственной Организацией уполномоченного по филателии и бонам в СССР, Московским отделом ВОФ и Московской Секцией юных коллекционеров. В качестве наглядного материала была также представлена «Мастерская фальсификатора», содержащая в себе инструменты, используемые для изготовления поддельных знаков почтовой оплаты (от бутылочной пробки до подпольной цинкографии)⁵⁰. По итогам выставки её организаторы констатировали: «Обширная коллекция фальсификатов почтовых марок, выставляемая Гос. Организацией ЦОО ВОФ (24 рамы), вочию показывает, как много было попыток спекулировать на доверчивости коллекционеров и как велико значение организованности русских филателистов, благодаря этой организованности сумевших выявить все фальсификаты»⁵¹. В отзывах посетителей выставки наличие стенда встретило полную поддержку⁵².

Еще одной площадкой для борьбы с международными фальсификаторами знаков почтовой оплаты должна была стать новая международная филателистическая организация – Филателистический Интернационал (Филинтерн). В июне 1924 г. было создано специальное Инициативное Бюро, которое практически сразу обратилось к идейным филателистам в Советской России и за рубежом с призывом к объединению, сформулировав в качестве одной из задач Филинтерна «международную организованную борьбу с спекулянтами и фальсификаторами почтовых марок и бон и спекулятивных выпусков, рассчитанных на обирательство коллекционеров»⁵³. Учредительный съезд Филинтерна прошёл в дни работы I Съезда ВОФ в декабре 1924 г.⁵⁴

Следует отметить, что весьма своеобразной формой борьбы с фальсификаторами почтовых марок в стране стала сатира. Так, летом 1923 г., вслед за раскрытием в СССР группы фальсификаторов почтовых марок и почтовых отправок, среди которых были совсем еще молодые люди, появляется небольшая заметка, в которой описывается

⁴⁹ 1-й Всесоюзный 1925: 6.

⁵⁰ Эйхфус 1924: 2-3; 1-я Всесоюзная 1925: 162, 167-169.

⁵¹ Розов 1924: 4-5.

⁵² Чучин 1925: 3.

⁵³ Филателисты 1924: 2-3; Розов 1924: 3-4; Якуб 2017: 219-223.

⁵⁴ Резолюция 1925: 13; Якуб 2017: 219-223.

молодой фальсификатор под характерным прозвищем «Родилфальшь». Основное негодование автора заметки вызывает то, что молодой человек прикрывался личиной «идейного филателиста», что, вне всякого сомнения, подрывало имидж не только филателии как занятия, но и тех политико-воспитательных задач, которые ставились перед организованной филателией в области воспитания подрастающего поколения⁵⁵.

Однако, все более и более становилось очевидным, что кроме мер общественного порицания и полемики на страницах официальной филателистической прессы для противостояния растущему валу фальшивых и фантастических выпусков требовалось ужесточение правовых норм и правоприменительной практики в этой области. Впервые соответствующая статья, карающая за подделку знаков почтовой оплаты (марок), была внесена в Уголовный Кодекс РСФСР в 1922 г. (ст. 85). Она предусматривала достаточно суровое наказание за данное деяние, вплоть до высшей меры наказания, если преступление совершалось по предварительному соглашению между группой лиц и в виде промысла, под которым понимались деяния, имеющие повторный или длящийся характер. Если подобного сговора или промысла не было, то наказание устанавливалось сроком до двух лет «со строгой изоляцией и конфискацией имущества». В июле 1923 г. появилась новая редакция статьи 85, из текста которой был исключен факт возможного отсутствия предварительного сговора. Теперь, мера ответственности была одинакова и в случае, когда сговор был, и когда сговор отсутствовал.

Наконец, с целью усиления борьбы с фальсификацией денежных знаков и знаков почтовой оплаты в первой половине 1924 г. Малый Совнарком РСФСР признал необходимым внести новые изменения в данную статью Уголовного Кодекса РСФСР. В итоге в новой редакции Уголовного Кодекса в части статьи 85, касающейся фальсификации знаков почтовой оплаты, были сохранены прежние нормы наказания⁵⁶.

Параллельно с этим, руководство страны начало наступление на материально-техническую базу незаконного производства фальшивых знаков почтовой оплаты, прежде всего в ущерб почтовому ведомству. 29 мая 1924 г. СТО СССР было утверждено специальное постановление, вступившее в силу с 15 июня того же года. Данное постановление полностью запрещало изготовление клише для печатания почтовых марок, за исключением государственных фабрик изготовления государственных знаков. Согласно постановлению, нарушение данного предписания каралось согласно соответствующим статьям уголовных кодексов, действовавших во всех союзных республиках, квалифицируясь как нарушение «правил открытия и пользования типографскими заведениями и подделка почтовых марок». Надзорные функции за исполнением данного постановления закреплялись за народными комиссари-

⁵⁵ Зубцова 1923: 43.

⁵⁶ Уголовный кодекс 1925: 128, 366; Борьба 1924: 26.

атами внутренних дел союзных республик. Им же предписывалось разработать соответствующие «правила по применению настоящего постановления»⁵⁷.

Таким образом, к середине 1920-х гг. политика советского руководства в области защиты интересов почтового ведомства и филателии как внутри страны, так и за рубежом укладывается в два основных периода, рубежом между которыми является 1922 год. Первый период (1917-1921 гг.) можно определить как «оборонительный». Он характеризовался ситуацией, когда первых подлинных советских марок за рубежом было ничтожно малое количество, а спрос среди западных коллекционеров на любые советские выпуски огромен. Такое положение дел привело к появлению разного рода прежде всего мошеннических, фантастических выпусков, которые к Советской России отношения вообще не имели. Деятельность марочных фирм, которые пытались реализовать подобные «знаки почтовой оплаты» зарубежным коллекционерам, сопровождалась активной рекламой этих выпусков. Для Советской России их деятельность в основном не затрагивала коммерческих интересов страны в рамках как реализации монополии внешней торговли, так и нарушения почтовой монополии, а затрагивала главным образом процесс формирования имиджа нового государства.

Однако ситуация коренным образом меняется на рубеже 1921-1922 гг., когда разразившийся в Советской России голод неожиданно превратил филателию в важное орудие государственной политики. Создание специальной Организации Уполномоченного по филателии и выход её за пределы Советской России прервал эту идиллию. Первоначально преследуя чисто экономические интересы в области монополии реализации филателистических запасов за рубежом с целью пополнения золотовалютных запасов, необходимых для приобретения продуктов продовольствия для голодающих, Организация Уполномоченного постепенно берет на себя главные функции в борьбе с филателистической фальшью при помощи установления монополии в области внешней торговли филателистическими материалами и созданием сита для филателистов – мошенников и контрабандистов посредством системы государственного заграничного обмена. Советская государственная филателия от обороны переходит в контраступление. Первоначально зарубежные торговцы, накопившие огромные количества фальши и фантастических выпусков, предпринимали активные шаги с целью не допустить подлинных советские марки на зарубежные рынки. Однако вскоре наиболее дальновидная их часть начинает поиски компромисса с Организацией Уполномоченного, стремясь с выгодой для себя интегрироваться в систему все более укреплявшейся государственной монополии в сфере филателистической торговли. В свою очередь, внутри Советской России активно нарабатываются механизмы

⁵⁷ Собрание Узаконений Ст.649. 1924: 827.

противостояния вероятному потоку фальшивых знаков почтовой оплаты. Вместе с государством, в этот процесс вовлекаются созданные общественные организации в области коллекционирования, прежде всего Всероссийское Общество Филателистов, активно используется потенциал государственных печатных органов, в том числе специализированных, используются возможности выставочной деятельности, усиливается активность законодательной и судебной-исполнительной системы. В итоге, экономические, политические, идеологические, воспитательные и художественно-культурные сегменты филателии в своем противостоянии зарубежной и внутренней фальши начинают сливаться воедино, все более превращая почтовую марку, по образному выражению Г. Димитрова, в визитную карточку страны.

Источники

- Анкета для филателистов, имеющих свои коллекции и желающих вести заграничный обмен филателистическими материалами // Советский филателист. 1922. № 2. Окт. С. 13.
- День Филателии» // Советский филателист. 1922. № 1. Сентябрь. С. 17.
- 1-й Всесоюзный Съезд Всероссийского Общества Филателистов // Советский коллекционер. 1925. № 1(29). Январь. С.4-9.
- 1-я Всесоюзная выставка по филателии, бонистике и нумизматике. 14/ХП 1924 г.-I/П 1925 г. Москва. Исторический Музей. Под ред. Ф.Г.Чучина. М.: Издание Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1925. 215 с.
- Бабицкий Б. Украина гр. Свенсона // Советский коллекционер. 1925. № 9(37). Май. С.10.
- Борьба с подделкой денежных знаков и марок // Советский филателист. 1924. № 6(22). Июнь. С. 26.
- Буткевич П. Филателия и монополия // Советский филателист. 1923. № 9-10. Сентябрь - октябрь. С.35-36.
- Дело марочных фальсификаторов // Советский филателист. 1924. № 6(22). Июнь. С. 26-27.
- Заграничный обмен // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 11.
- Зубовка. Марочные типы. Из молодых да ранний // Советский филателист. 1923. № 7-8. Июль - август. С. 43.
- Иностранное обозрение. Отклики на наше обращение // Советский филателист. 1924. № 10(26). Октябрь. С. 11-12.
- Иностранное обозрение. Реабилитация // Советский филателист. 1924. № 10(26). Октябрь. С. 13.
- Иностранное обозрение. Сам признают. Несправедливость буржуазного суда // Советский коллекционер. 1925. № 9(37). Май. С. 12.
- Иностранное обозрение. Санчовец // Советский филателист. 1924. № 2(18). Февраль. С. 12.
- Иностранное обозрение. Фальсификат // Советский коллекционер. 1925. № 9(37). Май. С. 12.
- Инструкция для заграничного обмена // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 12-13.
- К русским коллекционерам // Советский филателист. 1922. № 3-4. Ноябрь-декабрь. С. 28.
- К филателистам всего мира! (О почтовых марках России) // Советский филателист. 1924. № 4(20). Апрель. С.1-3.
- Каталог почтовых марок РСФСР. Издание первое. Выпуск I. Под ред. Ф.Г.Чучина. М.: Без изд-ва. 1923. 28 с.
- Кренке В. Фальшивые марки Украины (гербы) // Советский филателист. 1923. № 5-6. Май-июнь. С. 24-26.
- Кренке В.В. Фальшивые марки Украины (гербы) // Советский филателист. 1923. № 1-2. Январь-февраль. С. 26-31.
- Кривцов Б. Фальсификация марок Батума // Советский филателист. 1923. № 7-8. Июль-август. С. 21-30.
- Кузовкин С.И. «Occupation Azerbaidjan» // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С. 19-23.

- Милютин Ю. Иностранное обозрение. О фальсификаторах // Советский филателист. 1924. № 4(20). Апрель. С. 19.
- Милютин Ю. Иностранное обозрение. Фальсификат // Советский филателист. 1924. № 7(23). Июль. С. 21.
- Милютин Ю. Фальсификаторы перед судом. (Впечатления) // Советский филателист. 1924. № 5(21). Май. С. 28-30.
- Москвич. Муравьиная работа // Советский филателист. 1923. № 9-10. Сентябрь-октябрь. С. 14-16.
- Н. Донской (Ломтев). Письмо в редакцию // Советский филателист. 1922. № 3-4. Ноябрь-декабрь. С. 29.
- Наблюдатель. Иностранная печать о России // Советский филателист. 1923. № 5-6. Май-июнь. С. 14-15.
- Наши задачи – Unsere Aufgaben // Советский филателист. 1922. № 1. Сентябрь. С. 3-4.
- Новости. Фальшивые марки // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 20-21.
- Об издании специальной разрешительной марки // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 14.
- От Редакции «Советского Филателиста» // Советский филателист. 1922. № 3-4. Ноябрь-декабрь. С. 29.
- Письмо в редакцию // Советский филателист. 1924. № 3(19). Март. С. 27.
- Положение об Экспертном Бюро Уполномоченного ЦКПГ ВЦИК по филателии и бонам // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С.44-45.
- Положение о Центральном Экспертном Бюро при Всероссийском Обществе Филателистов // Советский филателист. 1924. № 10(26). Октябрь. С. 28-29.
- Постановление ВЦИК и СНК по филателии // Советский Филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 9-10.
- Раевский Б. Задачи Общества Филателистов // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С. 27-29.
- Раевский Б. К годовщине советской филателии // Советский филателист. 1923. № 9-10. Сентябрь - октябрь. С. 7-10.
- Раевский Б. Новая заграничная фальшь // Советский филателист. 1923. № 7-8. Июль-август. С. 31-32.
- Раевский Б. Фальшивые марки РСФСР // Советский филателист. 1924. № 3(19). Март. С. 11-12.
- Разрешительные марки // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 20.
- Резолюция по докладу о Филлингерне и о вхождении в него Общества // Советский коллекционер. 1925. № 4 (32). С. 13.
- Розенбладт Е.А. Краткое руководство по коллекционированию почтовых марок // Спутник филателисты и бониста. Справочная записная книжка – календарь на 1924–1925 гг. Первый год издания. М., Издание Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1924. С. 397-431.
- Розов Б. Весоюзная выставка // Советский филателист. 1924. № 11-12(27-28). Ноябрь-декабрь. С. 4-5.
- Розов Б. О советской филателистической прессе. (В дискуссионном порядке) // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С. 36-37.
- Розов Б. Филателистический Интернационал // Советский филателист. 1924. № 6(22). Июнь. С. 3-4.
- РСФСР. Фальшивая марка // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 25.
- Смесь – Verschiedene // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 28.
- Список фальшей, мошеннических и неофициальных выпусков, фигурирующих на заграничном филателистическом рынке под видом почтовых марок России // Советский филателист. 1924. № 4(20). Апрель. С. 4-7.
- Ст. 649. Постановление Совета Труда и Оборона. О мерах борьбы с фальсификацией зна-ков почтовой оплаты // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 30 августа 1924 г. № 65. Отдел первый. С. 827.
- Типовой устав Отдела Всероссийского Общества Филателистов // Советский филателист. 1923. № 11-12. Ноябрь-декабрь. С. 34-38.
- Уголовный Кодекс. Практический комментарий. С дополн. и изменен. на 1 июня 1925 г. Под ред. М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. М.: Изд-во «Право и жизнь», 1925. 460 с.

- Устав Всероссийского Общества Филателистов // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С. 30-33.
- Устав Всероссийского Общества Филателистов // Советский филателист. 1923. № 9-10. Сентябрь-октябрь. С. 39-44.
- Устав Всероссийского Общества Филателистов, утвержденный Народным Комиссариатом Внутренних Дел 29 января 1924 г. и зарегистрированный в Административном Отделе Центрального Административного Отдела НКВД того же числа за № 43. М.: Издание Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1924. 41 с.
- Фальсификаты. От редакции // Советский филателист. 1922. № 3-4. Ноябрь-декабрь. С. 19.
- Фальшивые марки «Юго-восток – голодающим» // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С. 26.
- Фегчин Я. Первая годовщина ВОФ // Советский филателист. 1924. № 5(21). Май. С. 6-11.
- Фегчин Я. Фальшивые марки Батума // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С. 24-26.
- Фененко А.В. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // Международные процессы. 2020. Том 18. № 1(60). Январь – март. С. 40-71.
- Филателистическая хроника. Заграница о деле Санчова // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С. 43.
- Филателистическая хроника. Новое в деле гр. Санчова // Советский филателист. 1923. № 1-2. Январь-февраль. С. 40.
- Филателистическая хроника. Новый Хлестаков // Советский филателист. 1922. № 3-4. Ноябрь-декабрь. С. 30.
- Филателистическая хроника. Фальсификаторы не дремлют // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 26.
- Филателистическая хроника. Чем кончилось дело Санчова // Советский филателист. 1923. № 9-10. Сентябрь-октябрь. С. 37.
- Филателисты всех стран, соединитесь! // Советский филателист. 1924. № 6(22). Июнь. С. 2-3.
- Хроника. Дело марочных фальсификаторов // Советский филателист. 1924. № 4(20). Апрель. С. 27.
- Чучин В. Филателия и торговля // Советский филателист. 1923. № 11-12. Ноябрь-декабрь. С. 1-6.
- Чучин Ф. Коллекционирование и этика // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март-апрель. С. 1-5.
- Чучин Ф. Отчет о «Дне Филателии» // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 14.
- Чучин Ф. Спекуляция на голоде РСФСР // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 18-19.
- Чучин Ф. Спекуляция на революции РСФСР // Советский филателист. 1922. № 3-4. Ноябрь-декабрь. С. 19-22.
- Чучин Ф.Г. К читателям «Советского Филателиста» (Вынужденное объяснение) // Советский филателист. 1922. № 2. Октябрь. С. 27.
- Чучин Ф.Г. Первые итоги выставки // Советский коллекционер. 1925. № 3(31). Февраль. С. 2-4.
- Эйхфус Л. Накануне выставки // Советский филателист. 1924. № 11-12(27-28). Ноябрь – декабрь. С. 1-3.
- Эйхфус Л. Помощники фальсификаторов // Советский филателист. 1924. № 5(21). Май. С. 26-28.
- An die philatelisten aller Welt. (Die Briefmarken Russlands betreffend) // Советский филателист. 1924. № 7(23). Июль. С. 1-3.
- Aux philatelistes de tout l'univers! (Concernant les timbres-poste de la Russie) // Советский филателист. 1924. № 6(22). Июнь. С. 5-6.
- La liste des falsifications, des émissions frauduleuses et non officielles qui figurent sur le marché étranger philatélique comme timbres-poste de la Russie // Советский филателист. 1924. № 6(22). Июнь. С. 7-10. [Sovetskij filatelist. 1924. № 6(22). Iyun'. S. 7-10].
- List of false, fraudulent and unofficial issues figuring in the philatelic market of Europe postage-stamps of different parts of Russia // Советский филателист. 1924. № 5(21). Май. С. 3-5. [Sovetskij filatelist. 1924. № 5(21). Maj. S. 3-5.]
- To the philatelists of the world! (About the postage stamps of Russia) // Советский филателист. 1924. № 5(21). Май. С. 1-2.

Verzeichniss von Falschungen, Schwindel und Unoffiziellen Ausgaben, welche auf dem ausländischen Briefmarkenmarkt unter der Flagge Russischer Briefmarken feilgeboten werden // Советский филателист. 1924. № 7(23). Июль. С. 3-6. [Sovetskij filatelist. 1924. № 7(23). Ijul'. S. 3-6.]

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вовин Я.М. Справочник по экспертизе советских почтовых марок. М.: Изд-во «Связь», 1972. 88 с. [Vovin Ya.M. Spravochnik po ekspertize sovetskikh pochtovykh marok. M.: Izd-vo «Svyaz'», 1972. 88 s.]
- Немчинова З. У истоков советской филателии // Филателия СССР. 1975. № 6. С. 25-28. [Nemchinova Z. U istokov sovetskoj filatelii // Filateliya SSSR. 1975. № 6. S.25-28.]
- Якуб А.В. Государство и филателия в Советской России начала 1920-х гг.: нормативно-правовая база // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 75-78. [Yakub A.V. Gosudarstvo i filateliya v Sovetskoj Rossii nachala 1920-h gg.: normativno-pravovaya baza // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2020. № 66. S. 75-78.]
- Якуб А.В. Монополия внешней торговли в политике РСФСР в 1917-1922 гг. и борьба тенденций в организации международной филателии // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2018. № 1(17). С. 167-171. [Yakub A.V. Monopoliya vneshnej trgovli v politike RSFSR v 1917-1922 gg. i bor'ba tendencij v organizacii mezhdunarodnoj filatelii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki. 2018. № 1(17). S. 167-171.]
- Якуб А.В. Филателистический интернационал как элемент «мягкой силы» в дипломатии СССР: 1924 год, начало // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2017. № 3(15). С.219-223. [Yakub A.V. Filatelisticheskij internacional kak element «myagkoj sily» v diplomatii SSSR: 1924 god, nachalo // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki. 2017. № 3(15). S.219-223.]
- Якуб А.В., Якуб Н.В. Коллекционерская и филателистическая пресса в РСФСР/СССР в первой половине 1920-х гг.: от плюрализма к монополизму // Ученые записки Казанского университета. 2020. Т.162. Кн.6. С.210-226. [Yakub A.V., Yakub N.V. Kollektionerskaya i filatelisticheskaya pressa v RSFSR/SSSR v pervoj polovine 1920-h gg.: ot pliyuralizma k monopolizmu // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2020. T.162. Kn.6. S. 210-226.]

Якуб Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, заведующий, кафедра истории и теории международных отношений; avy59@mail.ru

The State, Society and Philately in the Soviet Reality of the First Half of the 1920s, or How they Fought Against Postal Fraud and Fiction

The article considers the policy of the Soviet leadership in the field of protecting the state interest in the field of mail and philately both at home and abroad, associated with an increase in the number of fake and fantastic postage stamps. There are two main periods in this activity: "defensive" (1917-1921) and "counter-offensive" (1922-1925). The main mechanisms, methods and means in the fight against the production of counterfeit postage stamps in order to protect the political and economic interests of the country, especially abroad, and the interests of individual collectors are characterized.

Keywords: *philately, postage stamp, counterfeit, fantastic issue, RSFSR / USSR.*

The reported study was founded by RFBR, project number 20-09-00153

Alexey V. Yakub, Doctor of Sciences (History), Professor, Omsk State University named after F. M.Dostoevsky, Head of the Department of History and Theory of International Relations; avy59@mail.ru

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

С.А. ЕРЕМЕЕВА

НОВАЯ ИСТОРИЯ СЛОВА/НОВОЕ СЛОВО В ИСТОРИИ: FORENSIC

Forensic turn остался невидимым для российских гуманитарных исследований. Можно предположить наличие внешних и внутренних причин для этого. Первые – политические: подобные исследования не приветствуются государством. Вторые – академические: такие исследования выходят за привычные рамки гуманитарных наук. Они предполагают сотрудничество исследователей с активистами, журналистами, художниками. Примеров реализации такого опыта у нас нет. Тем не менее запрос на подобный подход существует, и возможно он будет реализован позднее.

Ключевые слова: forensic turn, массовое насилие, эксгумация, права человека

«Эпоху свидетелей» принято отсчитывать от суда над Адольфом Эйхманом в Иерусалиме 1961 г. – именно в ходе этого процесса при реконструкции событий были использованы многочисленные свидетельские показания (Нюрнбергский процесс основывался на документах). В течение еще четверти века такой способ работы с недавним прошлым представлялся приоритетным. «Когда литературный критик Шошана Фелман и психоаналитик Дори Лауб определили последние десятилетия XX века как «эпоху живого свидетельства», а историк Аннет Вивьерка назвала это «эпохой свидетелей», они пытались описать период, когда письменные, фиксированные, снятые на видео и предъявленные свидетельства о Холокосте структурировали понимание проблем настоящего. В культуре постмодерна Холокост, trauma и memory studies превратили свидетельства в значимую силу. Заинтересованность в свидетельстве оставила след в литературе, документальном кино и изобразительном искусстве. В политическом плане свидетельство получило видимое присутствие в разных контекстах: комиссий по установлению истины, теории прав человека и гуманитарной работы¹. Но спустя несколько десятилетий пришло время прислушаться к известному выражению Примо Леви: настоящие свидетели – это не те, кто выжил.

В поисках следа

По мере накопления показаний очевидцев стала видна не только их сила, но и слабость. Не только уход свидетелей в силу естественных причин, но и ставшая со временем очевидной ненадежность человеческой памяти привели специалистов к поиску новых способов «раскопок» произошедшего, претендующих на достоверность.

Эксгумация и идентификация нацистского доктора Йозефа Менгеле в 1985 г., по мнению авторов книги «Череп Менгеле»² Томаса Ки-

¹ Era of the Witness/Lexicon 2014: 744.

² Keenan, Weizman 2012.

нана и Эяля Вайцмана, предложила новый способ выспрашивания прошлого, который авторы обозначили как *forensic shift*³, изменивший логику расследования военных преступлений: главную роль теперь играл не живой свидетель, а судебная экспертиза, практикующая современные методы идентификации останков и использующая их в качестве доказательств. Обращаться за ответами на вопросы стали не только к живым, но и к мертвым, не только к людям, но и к неодушевленным предметам, не только к участникам событий, но и к окружающей среде. Так возник по-новому определяемый интерес к *Forensics* – казалось бы, сугубо техническое понятие «судебной медицины» получило гуманитарное измерение.

Французский врач и юрист, основатель первой в мире полицейской лаборатории доктор Эдмонд Локар (1877–1966) известен своей классической формулировкой принципа судебной экспертизы: «каждый контакт оставляет след»⁴. Он утверждал, что любое взаимодействие тел и объектов, материалов и сред, объемов и пространств неизбежно производит изменения, которые могут быть зафиксированы и расшифрованы. Внимание при расследовании должно быть сосредоточено на изменениях, а не на вещах, и связывать изменения между собой. В современных *Forensic*-исследованиях этот принцип максимально расширен (у Локара он относится к локальному, непосредственному взаимодействию) и во времени (исследование прошлого), и в пространстве (исследование загрязнения окружающей среды и антропогенного изменения климата). Ландшафт стал пониматься не только как случайное место, но и как сцена (и таким образом – необходимый участник) самого преступления; он хранит следы не только преступления, но и стирания следов и при этом часто противостоит этому стиранию. Изумрудный цвет травы Аушвица-Биркенау отсылает к тому, что происходило здесь 80 лет назад. Трава выступает как сенсор и агент.

У понятия *forensic* пока, к сожалению, нет «понимающего» русского эквивалента. Перевод как «судебно-медицинский» делает акцент на вспомогательном, техническом характере такого подхода; слово «криминалистический» имеет в русском языке слишком однозначную связь с юридической практикой; «экспертный» слишком широко по своему применению; возможный вариант – «доказательный», по аналогии с доказательной медициной, но такое значение еще само не слишком укоренено в русском языке. В любом случае при переводе утрачивается явная в романских языках отсылка к латинскому прилагательному *forense*, которое первоначально означало «относящийся к форуму». Форум был и местом встреч, и рынком, и местом суда, т.е. местом

³ Теперь чаще говорят не о сдвиге (*shift*), а о повороте (*turn*), но основная проблема относится к слову *forensic*, поскольку дословный перевод уводит, скорее, в сторону.

⁴ О «локаровском принципе обмена» см.: Макдермид 2016. Интересно, что в оригинале книга начиналась с того самого слова (*“Forensics: The Anatomy of Crime”*), эквивалент которого отсутствует в русском языке, поэтому его просто упразднили.

обсуждения и убеждения. Как утверждает Вайцман, английский язык только в XVII веке усвоил этот латинский термин в смысле «судебной экспертизы», но первоначальный смысл – относящееся к форуму или суду – присутствовал до начала XIX в., и только в середине века, во время бурного развития науки, термин *forensic* стал использоваться для конкретного обозначения юридически-научного расследования (т.е. криминалистики). Для того, что сегодня называется *Forensic turn*, все это имеет принципиальное значение, поскольку речь идет не только об инкорпорации всего набора криминалистического инструментария в гуманитарное доказательство, но и выведение результатов этих доказательств в общественное поле, часто – проведение экспертизы в присутствии аудитории, а также использование современных медиатехнологий для бесконечного (как по охвату новых аудиторий, так и по времени) расширения этого форума.

Forensic-подход, связанный с интересами индивида и защитой прав человека, может выражать открытый политический интерес и реализоваться в областях, связанных с государственным насилием, военными конфликтами и изменением климата. Он имеет свою, вполне определенную и одновременно динамическую повестку, определяемую форумом, т.е. ориентируется на те события, которые имеют социальное звучание. Новые форумы в этом случае, как правило, собираются вокруг требований справедливости и расширяются по мере накопления доказательств. Расширению форума способствует создание сетей – реальных и виртуальных – для общения и распространения информации.

Масштаб и предмет исследований может быть разным: тело, здание, территория, цифровые отражения их. Метод, в общих чертах, может быть сформулирован так: извлечение информации из неодушевленных вещей. Он предполагает более пристальный взгляд на казавшиеся прежде безжизненными вещи и на связи между ними и людьми, а также свидетельствует сам по себе о появлении новой чувствительности и фокусировки взгляда (новой внимательности) – на иных, чем прежде, предметах. Исследования происходят, как правило, в зонах, находящихся вне эффективного контроля государства – с неясной юрисдикцией, с временными правилами, и часто представляют собой работу на «пределе различимости» (это выражение Вайцман вынес в заголовок одной из своих книг)⁵. Форум становится местом понимания/разоблачения, а также местом контроля информации: дигитальная практика (в результате многочисленных перепостов, например) порождает свидетелей *n*-ого уровня и требует критического анализа данных. Часто такие исследования – независимые и волонтерские (и почти всегда плохо финансируемые). *Forensic*-команды сложно устроены и как правило включают в себя как ученых, так и активистов, журналистов и представителей искусства (ищущих формы коммуникации на форуме и спосо-

⁵ Weizman 2017.

бы репрезентации нового знания). Формула работы подобных команд: технологии + медиа + публичные акции. Такую практику сложно соотносить с чем-то существующим в России, поскольку у нас даже не всеми принимаемая междисциплинарность в перспективе стирает границы между академическими полями, но никак не выходит за рамки науки.

Повышенная эстетическая чувствительность оказывается другой стороной новой чувствительности, о которой шла речь. В отличие от тонких методов исследований, художественные акции могут отличаться радикальностью. В 2015 г. Берлинская группа ZPS (*Zentrum für politische Schönheit* / Центр политической красоты), стремясь привлечь внимание к миграционной катастрофе, обратилась с призывом к немецким гражданам эксгумировать и перевезти в Берлин тысячи тел утонувших эмигрантов для нормальных похорон. Акция называлась «Мертвые приходят». Одно такое захоронение на мусульманском кладбище было совершено, задокументировано и распространено через сети, но наиболее ярким событием стало создание импровизированного кладбища (с имитацией могил) рядом с Бундестагом с табличками «просто человек», «неизвестный мигрант», «убитый границами». Посыл был тот же, что и у исследований: «Акция превращает горы трупов в конкретных людей, приговоренных к смерти. Она превращает беженцев в людей»⁶.

Подготавливающий признание нового подхода процесс шел несколько десятилетий. Область применения доказательных методов за это время сильно расширилась, это случаи расследования самых разных катастроф: от массового насилия и нарушения прав человека до экологических катаклизмов. В какой-то момент стала заметна некоторая общность подходов/взглядов в казавшихся прежде разнородными исследованиями, затем появилась потребность и саму эту общность сформулировать. «В отличие от многих туземных космологий, иудео-христианская этика безусловно ограничена горизонтом человеческого опыта; западные этические системы, порожденные эпохой Просвещения и составляющие основу западного права, не придают большого значения событиям за пределами этого горизонта – событиям, которые невозможно заметить без сложного технического посредничества. Чтобы обеспечить себя альтернативным этико-правовым рассуждением, должен быть устроен новый вид эстетического и эпистемологического пространства. Эта преходящее ограничение других способов понимания требует стиля мышления, который более внимателен к меняющимся местам проверки, вопросам восприятия и понятности»⁷.

Гуманитаризация судебной антропологии

Зона моих интересов в этом огромном поле определяется работой с захоронениями, ибо *forensic turn* создает новое место в политике и культуре для мертвых: с одной стороны, у мертвых появляется возмож-

⁶ Сайт группы ZPS <https://politicalbeauty.de/die-toten-kommen.html>

⁷ Lahoud 2014.

ность возвращения и индивидуации, с другой, мертвые тела все чаще инициируют воображение и воздействуют на политику памяти.

С середины 1980-х криминалистика стала значимой (а иногда и определяющей) частью исследований конкретных случаев массового насилия; это изменение связано с именем американского судебного антрополога Клайда Сноу (1928–2014), диапазон исторических расследований которого простирается от Тутанхамона до Джона Ф. Кеннеди и Йозефа Менгеле. В США судебная экспертиза (*forensic work*) признана специальностью антропологии с 1972 г., но именно Сноу в 1980-е соединил (если не сказать – поставил на службу) криминалистическую экспертизу с вопросами прав человека. Работа с правозащитными группами впервые вышла на первый план в Аргентине, где Сноу провел пять лет в поисках тайных могил «исчезнувших» во времена диктатуры и в одновременном обучении Аргентинской группы судебной антропологии (*Equipo Argentino de Antropología Forense, EAAF*), набранной из студентов в 1984 г. Именно в Аргентине начали использовать методы судебной медицины для расследования нарушений прав человека – это была своего рода революция в данной области. Теперь такая практика стала нормой. Эксгумации в Аргентине положили начало новому гуманитарному пониманию криминалистических технологий.

Аргентинская ситуация представляла собой довольно сложную политическую, государственную и этическую коллизию: речь шла о войне, которую вели профессиональные военные, но которая при этом не просто не была объявлена, но скрывалась как факт; уничтожение ее следов было отдельной военной задачей, от решения которой, как минимум, зависела степень психологического давления на население: «люди не могут оплакивать свои потери тогда, когда другие отрицают, что эти потери были»⁸. Подобную цель можно рассматривать как тактическую, стратегически же на кону стояло больше: «В таких случаях трупы изымаются не только для того, чтобы лишить близких возможности скорбеть, но и в попытке стереть само существование жертв»⁹.

Поиски «исчезнувших» (в случае успеха доказывающие смерть человека, изменяя, таким образом, его онтологический и юридический статусы) приводят к смене фокуса внимания в целом: места насилия начинают рассматриваться как места преступлений. К эмоциональной составляющей (она была основной для «эпохи живых свидетельств» и определяла рамки восприятия захоронений) все чаще добавлялась исследовательская, когнитивная. «Массовые захоронения с этого времени превратились из мест поминовения в эпистемологические ресурсы, на основании которых можно было восстановить точные детали военных преступлений и ввести их в сферу судебного процесса»¹⁰.

⁸ Robben 2005: 120-164, 127.

⁹ Anstett 2018: 177-188, 182.

¹⁰ Weizman 2011: 109.

Экспертные заключения в Аргентине считаются связанными с демократическим транзитом власти, определившим то, что прошлое становится вопросом политики, поскольку «пока конкретные правовые процессы зависят от криминалистического (forensic) анализа жертв и мест преступлений, само создание рамок для этих процессов и их ограничения являются политическими вопросами»¹¹. В ситуации массового насилия «судебная экспертиза вовсе не отдельная научная или судебная практика, [она] тесно связана с политикой и работой памяти и управляется прагматизмом и меняющимися политическими задачами»¹².

Аргентинская команда из 12 человек под руководством Клайда Сноу работала более чем в 30 странах; их работа оказалась важна не только конкретными результатами расследований, но и теми медленными подвижками в сознании окружающих, которые она незаметно производила. Успех аргентинской истории привел к созданию Гватемальской группы судебной антропологии (1991). Аргументы и доказательства судебной медицины использовались в специальных судах Сьерра-Леоне (1996), Восточного Тимора (1999), Камбоджи (2003), Ирака (2003), Международном трибунале по бывшей Югославии.

Одно из главных следствий перехода от «эры свидетелей» ко времени вещественных доказательств – это поворот от этической оценки к рефлексии и исследованию; происходит сдвиг акцентов от осуждения к обсуждению – вынесение мнений и обсуждений на форум, встреча свидетельств и истории. Живое свидетельство при этом не отменяется и не подменяется, оно дополняется.

Не только Аргентина

Э. Вайцман определяет forensic как критическую практику одновременно исследуемого поля и форума, которому исследование предоставляется; такая практика может иметь политический, юридический, институциональный и неформальный характер. «Forensic turn», по его мнению, вызван повышением чувствительности к материальным останкам не только у специалистов – это общее повышение чувствительности к правам человека. Поэтому неизбежна совместная работа ученых, активистов и художников – помимо прочего, каждая такая группа имеет свой форум и аудиторию. «Криминалистика (forensics) используется здесь как оперативная концепция критической практики, направленной на расследование действий государств и корпораций, а также на критическое осмысление условий, с помощью которых современные доказательные расследования – в масштабах тел, зданий, территорий – и их цифровое представление в настоящее время осуществляются»¹³.

Профессиональный архитектор Вайцман создал команду Forensic Architecture, которая стремилась «перевернуть криминалистический

¹¹ Bøndergaard 2017: 8.

¹² Ibid: 10.

¹³ Weizman 2014: 9.

взгляд, найти способы превратить судебную экспертизу в контргегемонистскую практику, способную изменить отношения между людьми и государством, бросить вызов государственному и корпоративному насилию и противостоять тирании их правды»¹⁴. По Вайцману, профессия архитектора способствует анализу отношений между людьми и не-людьми, происходящих в пространстве. «Forensic превращает архитектуру в следственную практику, как доказательный способ исследования настоящего через его пространственную материализацию»¹⁵.

Необходимость «раскопок» даже, казалось бы, очевидных случаев поясняется сравнением с исследованием фундаментов при оценке состояния здания: самые значительные трансформации происходят ниже зоны видимости, они очень медленные и имеют множество неочевидных причин. Вайцман говорит даже о «методологическом фетишизме» – опоре на микрофизический анализ, в котором часть или деталь становится точкой входа, из которой можно реконструировать более крупные процессы, события и социальные отношения; той точкой, через которую можно увидеть сочетания акторов и практик, структур и технологий. Такой подход позволяет говорить об агентности неодушевленного в описании патологий современного мира. Forensic существует в поле, представляющем собой «плотную ткань неявных отношений, ассоциаций и цепочек влияний между материальными вещами, объектом окружением, отдельными людьми и коллективными действиями»¹⁶.

Forensic Architecture¹⁷, независимое исследовательское агентство и одна из самых активных forensic-команд, было создано в Голдсмит-колледже университета Лондона в 2010 г. Предыстория его возникновения не сводится только к аргентинскому опыту. Параллельно с ним в Восточной Европе возник интерес к материальным следам прошлого, относящегося к 1930–1940-м гг. В 1990-е гг. возобновились расследования могил польских (в основном) жертв НКВД: Харьков, Катынь, Медное (1991–1996) и Быковня (2001–2011, в границах Киева). Начался поиск тайных могил жертв социализма в Польше и Чехии.

Кроме этого, в Европе была своя почти столетняя традиция, как правило, проводимых военными, эксгумаций могил Первой мировой. Следующий этап был связан с исследованиями в нацистских лагерях. Современные раскопки здесь начались поздно, возможно, как отмечают исследователи, в связи с галахическим запретом тревожить мертвых, но сразу после освобождения такие работы проводились всеми союзными силами: искали “своих” погибших для перезахоронений (Британия исследовала более 150 могил, Франция в общей сложности выявила и перезахоронила около 7 тысяч тел). Археологические работы закончились в конце 1950-х, как только еврейские организации набрали силы, они

¹⁴ Ibid: 11.

¹⁵ Weizman 2017: 12.

¹⁶ Ibid: 27.

¹⁷ См.: <https://forensic-architecture.org>

начали протестовать против раскопок. Сейчас «археология Холокоста» существует, и роль археолога здесь та же – найти, идентифицировать и интерпретировать следы. «Это как раз случай Коллз (Кэрлайн Стерди Коллз – автор книги “Археология Холокоста”), с ее центральной предпосылкой, что “Холокост [...] был и остается преступлением, так же как и историческим событием”. В “Археологии Холокоста” она регулярно повторяет, почти как мантру, что “места Холокоста также являются местами совершения преступлений”. Именно по этой причине раскопки массовых или индивидуальных могил – это не только поиск человеческих останков, но, скорее, осмотр места преступления”¹⁸.

Однако нынешний аргентинский опыт имеет для современных исследований Холокоста не только сугубо инструментальное значение. Они связаны глубже и дольше: Forensic turn как встреча технологий и гуманитарного понимания человека во многом является результатом развития повышенной чувствительности к правам человека, и именно Холокост в 1960-х гг. был одним из основных источников формирования такой политической идеи. На территории установления достоверных фактов о Холокосте вырабатывались некоторые принципы новой доказательности, которые сейчас входят в сферу Forensic. С 1978 года, когда историк Роберт Фориссон нашел противоречия в свидетельствах очевидцев и отправился в Аушвиц изучать документальные материалы и искать доказательства того, что газовых камер не было, началось ревизионистское движение под лозунгом «no holes, no Holocaust» («нет отверстий – нет Холокоста»: речь о наличии /отсутствии дыр в крыше взорванного крематория в Аушвиц-Биркенау, через которые Циклон-Б мог поступать в газовые камеры). Анализ всевозможных материальных свидетельств и экспертизы различных специалистов стали одной из важных линий защиты против отрицателей. В 2000 г. в дебатах вокруг устройства газовых камер принял участие историк архитектуры Роберт Ян ван Пельт, собравший 700 страниц доказательств по поводу отверстий для Циклона Б. Закрыть вопрос не удастся, но каждый новый судебный процесс способствует все более изобретательному поиску аргументов защиты. Продолжающаяся ревизионистская история Холокоста является иллюстрацией того, что ни один из способов криминалистической экспертизы не самодостаточен; в истории с использованием Циклона Б это только один уровень доказательств, второй связан с лабораторными анализами химических следов в почве или останках.

Живое и неживое

Двусоставность (неслиянность и нераздельность) живого и неживого, неокончателность границы между ними нигде не проявляется так четко, как в мертвом человеческом теле. И именно по отношению к нему скорее всего может быть преодолен разрыв между техническим и гуманитарным отношением к криминальным исследованиям. Смерть

¹⁸ Domanska 2017: 84.

превращает человеческое тело в объект, цель эксгумации – вернуть ему субъектность: этот субъект еще не договорил. Со ссылкой на Кроссланд и Джойс, Зузанна Дзюбан пишет о том, как человеческие кости могут беспокоить живых, заставляя их действовать. Останки делают это «благодаря своим материальным качествам; через призраки, сны и другие формы присутствия; а также через политические запросы и вызовы, зачастую артикулируемые вокруг них»¹⁹. Амбивалентный и лиминальный статус мертвых тел порождает многослойную онтологию, в пространстве которой выявляется невозможность различий «между прошлым /настоящим, настоящим /отсутствующим, одушевленным /неодушевленным, природой/культурой, человеком/животным, человеком/предметом; последнее оказалось особенно заметным в построении теорий о власти мертвых над живыми (особенно когда встреча происходит физически) и в преодолении эмоционального воздействия, которое они оказывают, вызывая эмоции от страха или отвращения до желания заботы и защиты»²⁰.

Все это совершенно по-новому формулирует проблемы и искушения, стоящие перед исследователями. С одной стороны, сдвиг акцента с показаний свидетелей на доказательства ведет к «криминализации» исследований, когда умершие становятся уликами. С другой – опасность дегуманизации преодолевается новыми способами. Три задачи оказываются связаны неразрывно: юридическая (расследование преступлений), историческая (реконструкция событий) и гуманитарная (опознание и достойное захоронение).

Поворот к материальности свидетельств не является просто техническим обращением к судебной медицине: для Международного уголовного трибунала нет нужды в идентификации 8 тысяч убитых в Сребренице, это требование находится как бы в другом измерении. Нужно постоянно отдавать себе отчет в наличии разных (и иногда разнонаправленных) интересов: юридических – социальных – политических – семейных. Официальные документы Совета по правам человека пытаются представить сбалансированную позицию, учесть интересы всех заинтересованных лиц: «Помня о том, что этические вопросы, возникающие в результате стремительного прогресса науки и ее технологических применений, должны рассматриваться не только в свете должного уважения к человеческому достоинству, но и с точки зрения соблюдения прав человека и основных свобод... [Совет] призывает государства рассмотреть возможность использования судебно-медицинской генетики для содействия идентификации останков жертв серьезных нарушений прав человека и международного гуманитарного права, а также для решения проблемы безнаказанности»²¹.

¹⁹ Crossland, Joyce 2015: 12.

²⁰ Dziuban 2017: 267.

²¹ Human Rights Council. Resolution 10/26. Forensic genetics and human rights 2009.

Участники процесса, менее обремененные необходимостью соблюдать дипломатический баланс и более нацеленные на конкретные результаты, формулируют смысл и последствия своей работы вполне определенно: «[F]orensic антропология *исправляет* порядок вещей, *восстанавливая* идентичности, уничтоженные практикой насильственных исчезновений, *извлекая* останки исчезнувших и *возвращая* их родственникам. И хотя невозможно *вернуться* во время прежде их исчезновения и/или убийства, обнаружение и опознание их тел, по крайней мере, позволяет переживать их смерть на той территории, где боль более терпима» (курсив автора. – С.Е.)²². Возникает новая система доказательств.

«Я предлагаю определить такое понятие доказательства, которого, как я утверждаю, не хватает. [...] Концепций живого свидетельства и авторитета было достаточно: они были даже избыточно вездесущими, выступая как основа для старого средневекового вида вероятности, которая была характерной чертой судебного решения. Живое свидетельство подтверждалось свидетелями, а авторитет определялся древней ученостью. Люди обеспечивали доказательства свидетельства и авторитета. Чего не хватало, так это доказательств, предоставленных вещами. Доказательства вещей не следует путать с чувственными данными, которые в большей части современной эпистемологии считаются основой всех доказательств. [...] Доказательства вещей отличаются от показаний участников, очевидцев и авторитетов. [...] Ренессанс изменил ход вещей. Живые свидетельства и авторитет были первичными, и вещи могли считаться доказательствами только постольку, поскольку они соответствовали живым свидетельствам и авторитету книг. Наш вариант различия между этими двумя видами доказательства через свидетельство и доказательство вещей появилась совсем недавно (Ян Хакинг)»²³.

Кости не лгут?

Однако переход к материальным/вещественным свидетельствам имеет свои сложности. В некрологе Клайду Сноу в *The Washington Post* цитируется его известная эффектная фраза: «Кости могут быть загадкой, но они никогда не лгут и не воняют»²⁴. В профессиональной литературе это высказывание также встречается, но дополняется апокрифическим окончанием: «Потому что они не говорят». За них говорят другие – и проблема интерпретаций существует всегда. Новые способы поиска доказательств создают «новые связи и напряжения между наукой, религией, индивидуальными и коллективными практиками памяти»²⁵. Выйти из-под устойчивого обаяния эмоциональных свидетельств очевидцев совсем не просто; это проблемы не столько когнитивные, сколько психологические: «...сейчас ясно то, что не только эпистемологическая ценность судебных доказательств делает их мощным инструментом в создании памяти, но также их дискурсивные, перформа-

²² Gatti 2014: 59.

²³ Evidence of Things/ Lexicon // Forensis: 744.

²⁴ https://www.washingtonpost.com/local/obituaries/clyde-snow-famed-forensic-anthropologist-dies-called-grave-digging-detective/2014/05/16/f93778a4-dd44-11e3-bda1-9b46b2066796_story.html

²⁵ Dziuban 2017: 23.

тивные и аффективные качества: способность материализовать и “аутифицировать” прошлое, и предлагать отдельным людям и сообществам эмоционально, практически и интерпретативно относиться к прошлому, которое они воплощают»²⁶.

Возвращение мертвых может оказаться неудобным. В 1941 г. оккупировавшие Винницу фашисты вскрыли массовые захоронения НКВД. В эксгумации принимали участие международные комиссии и ученые; тщательно составлялись и подписывались протоколы, которые затем предавались гласности – публикация материалов еще продолжалась, когда Совинформбюро объявило захороненных евреями, расстрелянными немцами. Этому вопросу после окончания войны даже были посвящены слушания в конгрессе США, официальная же российская позиция до сих пор неизвестна. Власти Винницы в 1996 г. считали, что это могилы убитых фашистами, а в 1999 – жертв НКВД²⁷.

Похожая история разворачивается сейчас в белорусских Куропатах на окраине Минска: захоронение обнаружено только в 1988 г., оценки в числе захороненных разнятся в 10 раз (от 25 до 250 тысяч). Специальное расследование прокуратуры (включающее две эксгумации), проведенное по инициативе президента Лукашенко в 90-х, подтвердило довоенные даты расстрелов. Однако власти только в 2018 г. поставили мемориальный памятник «Жертвам политических репрессий 30-40-х годов XX столетия», и уже сама эта задекларированная невнятность датировки расстрелов привела к тому, что в изменившихся политических обстоятельствах силовики пытаются объявить расстрелянных жертвами фашистов. Поистине, «вопрос о том, кто “владеет” мертвыми, – это не просто вопрос власти распоряжаться останками, он неразрывно связан с понятием “кто владеет” прошлым»²⁸. Процесс не является ни уникальным, ни неожиданным для исследователей: «Политизированные сообщества, организации и даже государства почти неизбежно будут включать своих мертвых в свою политическую культуру и тем самым использовать их для подтверждения ключевых позиций политических идеологий или политических действий. В таких контекстах смерть становится «деиндивидуализированной»; она переосмыслена в рамках сконструированного коллективного понимания ее значения»²⁹.

Некрополитика превращает тела в объекты политических действий. Но это та политика, которая может иметь своего рода «распределенный» характер: Каких мертвых мы признаем мертвыми, а какие остаются исключены, невидимы? Разные группы могут давать разные ответы, и возвращение прежде невидимых мертвых может менять политику живых. Вопрос в том, как не использовать мертвых, а вступить с ними в диалог? Обретенные останки выступают как медиум и обозна-

²⁶ Ibid: 26

²⁷ Paperno 2001. Vol. 75. №1: 89-118.

²⁸ McEvoy 2004. Vol. 31. №4: 545.

²⁹ Ibid: 561.

чают пространство для спора и интерпретаций. За права мертвых приходится бороться так же, как за права живых. «Доказательства – это как раз то, что не самоочевидно. Это становится очевидным только в ушах и глазах окружающих. Это не ответ, а вопрос: он требует решения, чтения или интерпретации, он просит объяснить, что он говорит. Сказать, что что-то является “вопросом доказательства”, значит говорить избыточно: доказательства – это всегда вопрос»³⁰.

Завершить горе и наказать виновных – две разные задачи, которые требуют разных действий, разных акторов, разных законодательных актов и разных форумов, в конце концов. Динамика развития доказательных исследований связана с изменением научных стандартов, международного понимания прав человека, принятием новых законов, изменениями в отношении людей к самой идее насилия, развитием новых медиа. Но в любом случае, новый способ обращения с прошлым (а значит, с настоящим и с будущим) сейчас становится все более признанным. Ирина Паперно писала о неизбежности такого развития событий два десятка лет назад: «Альтернативой, похоже, является культура признания прошлого, основанная на “фактах”, то есть на правовой и историографической беспристрастности, вне чувства вины, стыда, ужаса и других эмоций, сопутствующих чувству причастности»³¹.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Макдермид В. Анатомия преступления: что могут рассказать насекомые, отпечатки пальцев и ДНК. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016 [Makdermid V. Anatomiya prestupleniya: chto mogut rasskazat' nasekomye, otpechatki pal'cev i DNK. M.: Al'pina Non-fikshn, 2016].
- Anstett É. What is a mass grave? Toward an Anthropology of Human Remains Treatment in Contemporary Contexts of Mass Violence // A Companion to the Anthropology of Death / Ed. by Antonius C.G., M. Robben. 2018, John Wiley & Sons. P. 177-188.
- Bøndergaard J.H. Forensic Memory: Literature after Testimony. Glasgow: Palgrave Macmillan, 2017. 249 p.
- Clyde Snow, forensic anthropologist who identified crime victims, dies at 86 https://www.washingtonpost.com/local/obituaries/clyde-snow-famed-forensic-anthropologist-dies-called-grave-digging-detective/2014/05/16/f93778a4-dd44-11e3-bda1-9b46b2066796_story.html
- Crossland Z., Joyce R.A. Introduction//Disturbing Bodies: Perspectives on Forensic Anthropology/ed. by Zoë Crossland and Rosemary A. Joyce. Santa Fe, New Mexico: School for Advanced Research Press, 2015. Pp. 3-21.
- Domanska E. Dehumanisation Through Decomposition. The Force of Law // Mapping the «Forensic Turn»: Engagements with Materialities of Mass Death in Holocaust Studies and Beyond / Z. Dziuban (Ed.) VWI zur Holocaustforschung; V. 5. Vienna: New Academic Press, 2017. Pp. 83-98.
- Dziuban Z. Between Subjectification and Objectification. Theorising Ashes // Mapping the «Forensic Turn»: Engagements with Materialities of Mass Death in Holocaust Studies and Beyond / Z. Dziuban (Ed.) VWI zur Holocaustforschung; V. 5. Vienna: New Academic Press, 2017. Pp. 261-288.
- Dziuban Z. Introduction. Forensics in the Expanded Field // Mapping the «Forensic Turn» Engagements with Materialities of Mass Death in Holocaust Studies and Beyond / Z. Dziuban (Ed.) VWI zur Holocaustforschung; Vol. 5. Vienna: New Academic Press, 2017. Pp. 7-38.

³⁰ Keenan 2014: 45.

³¹ Паперно I: 109-110.

- Era of the Witness/Lexicon // Forensis: The Architecture of Public Truth, Berlin: Sternberg Press, 2014. Pp. 743-753.
- Evidence of Things / Lexicon // Forensis: The Architecture of Public Truth, Berlin: Sternberg Press, 2014. P.743-753.
- Forensic Architecture [website] <https://forensic-architecture.org>
- Gatti G. Surviving Forced Disappearance in Argentina and Uruguay. Identity and Meaning. New York, 2014. 202 p.
- Human Rights Council. Resolution 10/26. Forensic genetics and human rights 2009 https://ap.ohchr.org/documents/E/HRC/resolutions/A_HRC_RES_10_26.pdf
- Keenan T. Getting the dead to tell me what happened: Justice, prosopopoeia, and forensic after-lives// Forensis: The Architecture of Public Truth, Berlin: Sternberg Press, 2014. P.35-55.
- Keenan T., Weizman E. Mengele's Skull: The Advent of a Forensic Aesthetics. Sternberg Press, 2012. 88 p.
- Lahoud A. Floating Bodies // Forensis: The Architecture of Public Truth. Berlin: Sternberg Press, 2014. Pp. 495-518.
- McEvoy K., Conway H. The Dead, the Law, and the Politics of the Past//Journal of Law and Society. 2004.Vol. 31, №4. Pp. 539-562.
- Paperno I. Exhuming the Bodies of Soviet Terror // Representations. 2001. Vol. 75. №1. Pp. 89-118.
- Robben A.C. G. M. How Traumatized Societies Remember: The Aftermath of Argentina's Dirty War // Cultural Critique. 2005, № 59. Pp. 120-164.
- Weizman E. Forensic architecture: violence at the threshold of detectability. Brooklyn, NY: Zone Books, 2017. 357 p.
- Weizman E. Introduction: Forensis // Forensis. The Architecture of Public Truth. Berlin: Sternberg Press, 2014. Pp. 9-32.
- Weizman E. The Least of All Possible Evils. Humanitarian Violence from Arendt to Gaza. London; N.Y., 2011. 208 p.
- ZPS (Zentrum für politische Schönheit) [website] <https://politicalbeauty.de/die-toten-kommen.html>

Еремеева Светлана Анатольевна, кандидат культурологии, кафедра культурологии и социальной коммуникации, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, u5020@yandex.ru

The New Story of the Word / A New Word in History: Forensic

The forensic turn went unnoticed in Russian humanitarian studies. It can be assumed that there are both external and internal reasons for this. The former is political: such studies are not approved of by the authorities now. The latter is academic: such studies go beyond the frames of habitual humanities research. It presupposes collaboration of researchers with activists, journalists and artists. We have no examples of such experience. Nevertheless, there is a request for the approach, and it is possible that it will be implemented in the future in Russia.

Key words: *forensics, forensic turn, mass violence, exhumation, human rights*

Eremeeva Svetlana A., Candidate of Culturology (PhD), Department of Cultural Studies and Social Communications, School of Advanced Studies in the Humanities, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, u5020@yandex.ru

М.В. МЕДОВАРОВ

А.Ф. ФИЛИППОВ: ПУТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА И АВАНТЮРИСТА В ПОЛЕ МНОЖЕСТВЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Статья посвящена анализу биографии Алексея Филиппова (1869–1936), журналиста, мыслителя, авантюриста и государственного деятеля. Продемонстрирована закономерность идейной эволюции Филиппова в контексте его социального происхождения и связей на разных этапах жизни – в Могилеве, Москве, Петербурге, Новороссийске и других городах, на различных должностях. Переход от правых монархических взглядов к национал-демократической и левой социально-экономической программе позволил ему успешно построить свою карьеру как до, так и после Октябрьской революции. Уникальность и типичность как два аспекта жизненного пути Филиппова ставят важные вопросы перед исторической биографистикой.

Ключевые слова: *Алексей Филиппов, русский консерватизм, славянофильство, национал-демократы, российская журналистика, национал-большевизм.*

Историческая биография как жанр исследования претерпела за минувшее столетие серьезные трансформации. Л.П. Карсавин ставил вопрос о таких биографических трудах, в которых через призму жизни их героев были бы выявлены особенности контекста эпохи, в которую они жили¹. На современном этапе к «новой биографической истории» выдвигаются требования комплексного использования разнообразных источников, понимания героя биографии как «Другого», внимания к интеллектуальным биографиям, рисующим становление взглядов той или иной личности². Некоторые методологические вопросы историко-биографических исследований вызывают споры, а подчас и недоумение у современных историков³. Однако ряд авторов сходятся во мнении, что оптимальным подходом является взаимное дополнение акцентов как на уникальности рассматриваемой личности, так и на типическом, что делает эту личность репрезентативной для своего времени. В частности, Д.А. Жуйков говорил об этом как о «совместимости микро- и макроанализа», Т.Н. Иванова и Г.П. Мягков – о взаимодополняемости «экзистенциального и социоисторического подходов», С.В. Настусевич – о синтезе исследований индивидуальности и ее социокультурной среды⁴. Итог этих дискуссий резюмирует Л.П. Репина: «Несмотря на все свои естественные ограничения и на наличие серьезных эпистемологических трудностей, обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным»⁵.

¹ Карсавин 1993: 86.

² Настусевич 2019: 57–82.

³ Александров 2008; Соколов 2005; Репина 2013.

⁴ Жуйков 2012: 135; Иванова, Мягков 2012: 169–172; Настусевич 2019: 66.

⁵ Репина 2011: 297.

Особенную популярность в России снискали биографии «деятели второго плана»⁶. При этом само понятие «человек второго плана» понимается довольно широко и, как правило, по-разному, в зависимости от целей конкретного исследования⁷.

Высказанные методологические соображения позволяют обосновать значимость изучения биографии Алексея Фроловича Филиппова (1869–1936) – деятеля отнюдь не рядового, близкого к правителям и ключевым государственным фигурам России конца XIX – первой четверти XX в., но незаслуженно обойденного вниманием историков. Он сам предчувствовал это и писал: «Не рассчитываю быть знаменитостью, письма и бумаги которой усердно разыскиваются и исследуются так называемыми литературными деятелями. <...> Биографы – эти жуки-могильщики, которые принимают за глотать остатки трупа, когда душа отлетела от него – это такие опасные люди, что из-за них стоило бы сокращать переписку до минимума»⁸. Отсутствие личного архивного фонда Филиппова затрудняет разыскания источников о его жизни. До нас все-таки дошло около двух сотен его писем и публицистических произведений разных лет, документы связанных с ним цензурных и уголовных дел, но не все периоды жизненного пути А.Ф. Филиппова в равной мере поддаются детализации. Дополнительной трудностью при работе с его текстами является патологическая лживость, а также забывчивость и фантазерство Филиппова. Сведения из его текстов приходится всегда воспринимать критически и проверять при помощи других источников, что, к сожалению, не всегда возможно.

За последние полвека немало историков затрагивали отдельные эпизоды биографии Филиппова⁹, не ставя задачи рассмотреть его жизнь и деятельность в контексте истории России последней трети XIX – первой трети XX в. Постараемся в рамках данной статьи очертить основные проблемы, которые ставит перед историками изучение его судьбы.

Алексей Фролович Филиппов родился 12 февраля 1869 г.¹⁰ в Могилеве – губернском центре, население которого наполовину состояло из иудеев, при наличии также заметного польского и немецкого меньшинства. Филиппов (по документам – мещанин) был сыном русской кухарки и крещеного еврея-кантониста, который после отставки из Преображенского полка работал швейцаром в гимназии. На протяжении жизни Алексей Фролович будет апеллировать к своему происхождению, когда это будет выгодно, а в иных случаях – скрывать его и на-

⁶ Человек второго плана 2004–2011; В тени великих 2010.

⁷ Лубский 2015; Репина 2011: 314–319.

⁸ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 102. Л. 103–103об.

⁹ Лобанов 1967; Владимирцев 1978; Тарасова 1982: 242–243, 257–259; Боханов 1984: 109–117, 140, 168; Ицков 1996; Лебедев 1998; Антонов, Карпов 2003: 6, 18–26; Анянчик 2006: 200–203; Кривошеева 2009: 83–95; Фатеев 2013: 272–280; Коняев 2014: 275–283; Антонов 2017: 41–49; Капчинский 2017: 162–163; Лизунов 2018; Галкина 2019; Чемакин 2018: 442–445; 2018а: 154–155.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 103. Л. 153.

зывать себя крестьянином. Его воспитателем был немец Юрген фон Гюнтер, ненавидевший всё русское¹¹, а по праздникам молодой Алексей часами просиживал в синагоге и костёле, приобщаясь к разным культурам¹². Всё это, как и многонациональный состав его соучеников по гимназии, затем по университету, способствовало формированию своеобразного имперского надэтнического патриотизма у любознательного юноши. В Могилевской гимназии он, как и все сверстники, прошел через увлечение радикальным народничеством¹³, но на юридическом факультете Московского университета в 1889–1896 гг. постепенно перешел к более правым и монархическим взглядам.

Весьма любопытный воспоминания Филиппова о своих университетских годах, опубликованные им уже в возрасте 28 лет¹⁴. Несмотря на блестящие научные успехи (его историко-юридические работы были удостоены нескольких медалей), его учеба затянулась почти на семь лет и закончилась неудачей на экзаменах, не позволившей ему сделать карьеру ученого, как это произошло, например, с его однокурсником и другом, известным экономистом И.Х. Озеровым.

Будучи воспитанником лучших профессоров, Филиппов вошел в кружок Н.Ф. Федорова и занимался с ним в Румянцевской библиотеке. Именно он впервые опубликовал сведения о Федорове в прессе, чего наставник не простил и впредь относился к своему ученику враждебно. Вскоре Филиппов нашел себе новых покровителей, прежде всего, генерала А.А. Киреева, лидера поздних славянофилов, который в феврале 1895 г. провел беседы с московскими студентами, оценил Филиппова как «молодого восторженного славянофила» и стал ему помогать¹⁵. Киреев и его сестра О.А. Новикова свели Филиппова с такими консерваторами, как Л.А. Тихомиров, В.В. Розанов, А.А. Александров, В.А. Грингмут. Герой нашего исследования стал помощником присяжного поверенного и одновременно подрабатывал в «Русском обозрении», «Русском слове», «Московских ведомостях» и других периодических изданиях. Общение с Тихомировым и Киреевым сделало из Филиппова сторонника своеобразно понимаемых православия и самодержавия в сочетании с широким демократизмом. Однако тогда он еще не успел прославиться как публицист. Его главным достижением 1897 года стал перевод книги английского путешественника Тревор-Бетти об острове Колгуев¹⁶.

По мере того, как становилась очевидной финансовая и организаторская несостоятельность А.А. Александрова как редактора-издателя «Русского обозрения», Филиппов, войдя к нему в доверие, стал интри-

¹¹ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 106. Л. 48об–49.

¹² ОР РГБ. Ф. 135. Р. II. К. 35. Д. 35. Л. 4об–5.

¹³ РГАЛИ. Ф. 1185. Д. 797. Л. 2.

¹⁴ Филиппов 1897.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 634. Д. 101. Л. 48–49.

¹⁶ Тревор-Бетти 1897.

говать с целью поссорить между собой коллектив журнала и захватить его в свои руки¹⁷. Все чаще он ездил в Петербург к верившим ему савонникам М.П. Соловьеву и К.П. Победоносцеву и вел переговоры о дальнейшей судьбе журнала¹⁸. Пользуясь случаем, он привлек в столицу и своих братьев (прежде всего, Михаила, публициста и чиновника).

Между тем Александров, к маю 1898 г. передав «Русское слово» И.Д. Сытину, в августе выпустил последний уменьшенный номер «Русского обозрения» (№ 5, за май месяц). Прекращение «Русского обозрения» и конфликт с редактором «Московских ведомостей» В.А. Грингмутом вынудили Филиппова искать более прибыльное занятие, нежели прозябание рядовым сотрудником периодических изданий или помощником адвоката. В 1898 г. он пробовал силы в экспедиции на Холмщину в целях поддержки там православной миссии¹⁹, два года безуспешно боролся за право издавать собственную газету «Колокол» с приоритетным вниманием к церковным вопросам²⁰. Надоедая своими письмами и запросами С.А. Рачинскому, К.П. Победоносцеву, М.П. Соловьеву, он также пытался добиться издания своего учебника (книги для чтения) по истории России, предназначенной для церковно-приходских школ и основанной на нестандартном подходе к преподаванию²¹.

Все эти попытки к весне 1899 г. провалились, однако одновременно Филиппова ждал успех на пути овладения прекращенным «Русским обозрением». Он приобрел права на его издание на аукционе за 7 руб., несмотря на противодействие А.А. Александрова. Прикрываясь вначале фиктивным редактором В.Н. Семеновичем, с ноября 1899 г. Филиппов сам стал редактором-издателем «несуществующего журнала» на долгих шесть лет²². Ежегодно добиваясь продления разрешения на издание, он сумел, однако, за этот период издать лишь два номера.

Филиппову удалось собрать представительный коллектив авторов. Он желал изменить крайне консервативный характер «Русского обозрения» времен А.А. Александрова и вернуть журналу облик консервативного, но надпартийного журнала времен редакции Д.Н. Цертелева (1890–1892), в котором могли бы печататься и либеральные авторы. Филиппов пригласил к сотрудничеству, в частности, Л.Н. Майкова, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, В.Г. Короленко, Д.Л. Мордовцева, А.Н. Пыпина, В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского, епископа Антония (Храповицкого). Однако на этом пути новоявленного редактора постоянно поджидали неудачи. После смерти спонсора А.И. Урусова и нескольких ключевых авторов (В.С. Соловьева, Л.Н. Майкова) пришлось искать новые источники доходов. Серьезный урон нанесла Филиппову его

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 727. Л. 38–47об.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765. Л. 1–4.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 631. Д. 102. Л. 35–36об.

²⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193.

²¹ Медоваров 2020.

²² РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 576. Л. 109–135.

длительная тяжба с Н.Н. Черногобувым по поводу прав на публикацию писем известных русских писателей и выплат за них²³. В довершение всего, в октябре 1900 г. Филиппов проиграл судебный процесс девице В.Н. Пирамидовой, родившей от него ребенка, и был вынужден выплачивать алименты²⁴. Это дело широко и злорадно освещалось в прессе и имело также политический оттенок в силу участия в нем В.А. Грингмута, стремившегося нанести удар «Русскому обозрению» как журналу-конкуренту. Именно тогда, познакомившись с Филипповым поближе, Лев Тихомиров дал ему следующую меткую характеристику: «Он вообще нелепый человек. <...> Ведь очень неглуп и даже блестящ, но до того нелеп... до того верит в силу лжи и объегоривания! Уж даже глупо. Настоящий мошенник никогда не дойдет до такой веры в силу интриги. А этот скорее *любит мошенничество*, чем способен к нему. Потому он и сам не знает, что он врет, что вправду чувствует»²⁵.

После всех этих скандалов большинство ожидаемых сотрудников филипповского журнала разорвали с ним связи и отозвали свои статьи. Филиппову пришлось искать новых авторов и средства. К всеобщему удивлению, он справился с этой задачей и в июне 1901 года выпустил первый номер возобновленного «Русского обозрения» с таким содержанием и заявленной программой, которые повергли в недоумение и консерваторов, и либералов, и социалистов²⁶. Особые споры вызвали высказывания Филиппова по национальному вопросу, призывы осуществлять программу строительства величия России руками, прежде всего, нерусских как имеющих лучшие организаторские способности (великорусов он еще с молодых лет считал неспособными защищать собственные интересы)²⁷. Филиппов разработал и воплотил в жизнь оригинальную эстетическую концепцию первого выпуска возобновленного журнала, подхватив веяния стиля модерн и декадентства. Он сочетал разные жанры и стили текстов с вкрапленными в них нотами, строками на иностранных языках, «осенней» окраской обложки. Настоящий шок вызвало появление статьи Филиппова об истории «Русского обозрения», в которой он восхвалял своего предшественника Александра²⁸. Большим своеобразием отличалась статья «Буревестник», совпавшая по времени с появлением «Песни о Буревестнике» Максима Горького. В ней неизвестный автор (либо сам Филиппов, либо Арсений Введенский) впервые сравнил самого писателя с этой морской птицей²⁹.

После выхода первого номера «Русского обозрения» Филиппова продолжали преследовать неудачи: кульминация скандала с Черного-

²³ ОР РГБ. Ф. 328. К. 3. Д. 38; К. 6. Д. 12; К. 6. Д. 13.

²⁴ Медоваров 2016.

²⁵ ГАРФ. Ф. 634. Д. 9. Л. 69.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 135. Р. II. К. 35. Д. 35. Л. 10.

²⁷ Из писем читателей 1901; Филиппов 1901a: 259–265.

²⁸ Филиппов 1901.

²⁹ Медоваров 2018.

бовым, отказ Николая II в выдаче субсидии «Русскому обозрению»³⁰, попытки договориться с Александровым о смене состава редакции³¹. К 1902 г. Филиппов набрал гранки еще двух номеров журнала, но не нашел денег на их печать, и эти бесценные материалы погибли³².

В 1903 г. основное внимание Филиппов уделит другому проекту, начав вместе с архитекторами Л.П. Бетелевым и В.М. Бориным издавать журнал «Искусство строительное и декоративное» – единственный в своем роде социально-эстетический проект, богато иллюстрированный, оформленный в несколько декадентском псевдорусском стиле и жестко критиковавший зодчих стиля модерн и живописцев «Мира искусства»³³. Политическая ориентация нового журнала совпадала с программой «Русского обозрения»³⁴. Однако за полгода свет увидели лишь три выпуска, после чего Филиппов передал права на его издание Борину, который без особого успеха попытался продолжить его под названием «Свободное искусство»³⁵. Одновременно Филиппов пробовал продать «Русское обозрение» Леониду Андрееву и другим лицам из окружения Максима Горького³⁶, но этот замысел сорвался, и в ноябре 1903 г. наш герой неожиданно издал свой второй номер «Русского обозрения», объемом чуть более ста страниц. В предисловии к нему Филиппов вновь выражал желание «дать русскому обществу действительно русский орган, независимый от кружков и партий»³⁷. Однако критика обошла вниманием новый выпуск журнала. Это было связано с тем, что по мере обострения социально-политического кризиса в России компромиссная, по существу «национал-демократическая» программа Филиппова не имела шанса завоевать популярность. Преждевременная в условиях поляризации политических сил, она была отвергнута всеми идейными лагерями, еще неготовыми принять сочетание монархизма и демократизма, патриотизма и равноправия национальностей. Именно этим, в первую очередь, объясняется то, что на протяжении шести лет Филиппов пребывал в странном статусе издателя-редактора двух почти несуществующих журналов. В те годы находилась в кризисе вся русская консервативная журналистика, независимо от личных качеств ее представителей. Поэтому очевидный авантюризм Филиппова, подчас переходивший в лицемерие на грани мошенничества, не может считаться основным фактором неудачи его издательских проектов.

Столкнувшись с крахом своих печатных органов, Филиппов после пятнадцатилетнего пребывания в Москве в 1904 г. переехал в Петер-

³⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 34. Л. 23–26об.

³¹ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765. Л. 9–16об.

³² РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 576. Л. 169–170.

³³ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1560.

³⁴ Филиппов 1903.

³⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1323. Л. 24–32.

³⁶ Переписка Горького и Андреева (1889–1916): 86.

³⁷ Филиппов 1903а: I.

бург, где заводит знакомство с А.С. Сувориным³⁸, затем с С.Ю. Витте, пытается приблизиться к царскому двору и получить работу в Финляндии³⁹. Характер его работы на Витте пока не вполне ясен. Известно, что вскоре, не довольствуясь службой в телеграфном агентстве, Филиппов сыграл достаточно противоречивую, едва ли не провокационную роль в действиях о. Георгия Гапона и «кровавом воскресеньи», после чего был вынужден срочно покинуть столицу⁴⁰. Опыт издания газеты «Балтийские отголоски» в Ревеле оказался неудачным: из-за революционной агитации газета была закрыта после второго номера.

В этот момент благодаря действиям своего брата Михаила, основавшего первую независимую газету на Кубани, Алексей Фролович на шесть с лишним лет обретает новое поле для своей бурной деятельности. В кратчайшие сроки он положил начало профессиональной журналистике в Екатеринодаре и Новороссийске, добившись популярности своих газет («Кубань», «Привольный край», «Черноморское побережье») за счет резких колебаний политического курса, раздувания сенсаций и вовлеченности в местные финансовые спекуляции. В 1905–1911 гг. на юге России Филиппов продемонстрировал способность противостоять любому давлению властей и цензурным запретам, вновь и вновь возобновляя свое дело, невзирая на постоянные штрафы и уголовные процессы. Ему удалось дойти до императорского двора и правительства и получить помилование от Николая II. Филиппов предпринял серьезную попытку вовлечь именитых и состоятельных сановников в инициативу по освоению Черноморского побережья Кавказа⁴¹.

В конечном счете, работа в Екатеринодаре и Новороссийске трамплином для повторного карьерного прыжка Филиппова в Петербург, случившегося в 1912 г. при помощи И.Х. Озерова. На протяжении двух лет он развернул кипучую деятельность в сфере банковского и биржевого дела, партийной политики, финансовой прессы и дворцовых интриг. Филиппов, работая на банкиров А.И. Зейдмана, И.М. Эн-Янкова, З.П. Жданова, издавал многочисленные газеты и журналы: «Банки и биржа (Банковая и биржевая жизнь)», «Биржевой день», «Биржа», «Малый финансист», «Биржа в Петербурге», «Деньги», «Биржевой ежемесячник». Методы их работы сложно назвать честными: в зависимости от публикуемых сведений, благоприятных или неблагоприятных для курсов ценных бумаг банков-конкурентов, Филиппов и его соратники вымогали у тех деньги и охотно спекулировали на разнице курсов.

Одновременно Филиппов вмешался в политическую жизнь столицы. Не найдя понимания у Всероссийского Национального Союза, он основал еженедельник «Дым Отечества» (с А.Л. Гарязиным, с ноября 1912 г.) и взял в свои руки «Новый журнал для всех» (с июня 1913 г.).

³⁸ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4428. Л. 1–8.

³⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 576. Л. 179–180.

⁴⁰ Филиппов 1913.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4428. Л. 9–12.

Филиппов встал у истоков формирования партии национал-демократов, хотя в официальном оформлении партии в 1914 г. он уже не будет принимать участия). Его программные статьи с острейшей критикой правых и либеральных партий, правительства (особенно министерств иностранных и внутренних дел, финансов), Св. Синода были беспрецедентно острыми. По вопросам внешней политики Филиппов поддерживал курс национал-демократов на подготовку войны против Германии и Австро-Венгрии, а касательно ситуации в церкви решительно высказывался в защиту афонских имяславцев и восстановления патриаршества. Всё это вызывало постоянные цензурные преследования. С 1905 по 1914 г. за свою журналистскую деятельность Филиппов был 124 раза приговорен судами к различным срокам заключения, обычно заменявшимся штрафами, хотя приходилось ему бывать и под арестом.

Определенная непотопляемость «Дыма Отечества» была обусловлена близкой дружбой Филиппова с Григорием Распутиным. Встретившись случайно в 1912 г., они стали верными товарищами на всю жизнь. Филиппов развернул газетную кампанию в защиту Распутина. Статьи старца также появлялись в «Дыме Отечества» (эпизод, абсолютно неверно показанный в популярном сериале «Григорий Р.» 2014 г.). Бесценным источником являются протоколы позднейшего допроса Филиппова Чрезвычайной следственной комиссией по делу Распутина⁴². Разногласия со старцем по славянскому вопросу, трения с его окружением, полицейская провокация с обыском на квартире Филиппова в апреле 1915 г. – всё это не помешало ему издать со своим предисловием распутинскую книгу «Мои мысли и размышления»⁴³ и остаться верным Распутину до конца и даже после его убийства.

К 1914 г. квартира Филиппова на Садовой, 18 (ныне здание Российской национальной библиотеки) превратилась в штаб нескольких экономических, журналистских, политических организаций. Даже банкротство банкирского дома «А.И. Зейдман и К^о» летом 1914 г. оказалось на руку Филиппову: он возглавил терпящее крушение предприятие с выгодой для себя и получил на годы вперед доступ к довольно прибыльному делу⁴⁴. В начале Первой мировой войны он, прекратив издание газет и журналов, принял участие в нескольких новых коммерческих предприятиях, крайне сомнительных с точки зрения закона.

После Февральской революции для Филиппова как бывшего монархиста и «распутинца» наступили непростые времена. Октябрьскую революцию он встретил с облегчением, быстро увлекся Лениным и уже в декабре 1917 г. принял важнейшее решение в своей жизни. Он связался с А.В. Луначарским и Ф.Э. Дзержинским и начал служить в только что основанной ВЧК, став ее четвертым сотрудником на правах секретного агента-осведомителя. Вращаясь в кругах банкиров и правых

⁴² Радзинский 2011: 204–205, 217, 230–237, 248–250, 258–272, 304–305, 342–346, 463.

⁴³ Распутин 1915: 3–9.

⁴⁴ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 276. Л. 11–62.

партий, он предоставлял новой власти сведения о готовящихся заговорах и покушениях, помогал раскрывать махинации банков во время их национализации, одновременно осведомляя и своих прежних партнеров о планах Совнаркома. В марте-апреле 1918 г. Филиппов стал первым советским разведчиком, под оперативным псевдонимом «товарищ Арский», блестяще справившись с миссией в Финляндии. Благодаря его действиям удалось вывести оттуда корабли Балтийского флота, предотвратив их захват немцами, а также предпринять шаги по урегулированию вопроса с российскими правами на леса Финляндии⁴⁵.

По возвращении в Петроград, а с мая 1918 г. в Москву, Филиппов вел успешные переговоры с официальными представителями Франции (Морис Верстрат) и США (Раймонд Робинс), делавшими ставку на союз с Советской Россией⁴⁶. Вместе с оружейным магнатом А.А. Битковым он планировал издание газеты «Великая Россия», которая занималась бы апологией политики большевиков с патриотической и имперской точки зрения⁴⁷. Тем самым Филиппов одним из первых встал на позиции «национал-большевизма», в терминологии М.С. Агурского. Он искренне считал, что отныне путь к возрождению великой многонациональной, экономически могущественной Российской империи может быть проложен только руками большевиков, если удастся сдерживать их деструктивные тенденции (например, по поспешной национализации предприятий) и направлять их энергию в патриотическое русло. Это не мешало Филиппову попутно заботиться о личных интересах, но в политическом плане он верно служил Советской власти. С апреля 1918 г. он был прикомандирован к Президиуму ВЧК⁴⁸, активно расследовал дело о судьбах Русско-Балтийского судостроительного завода, бывших акционеров которого требовалось разыскать, получил чрезвычайные полномочия как от Дзержинского, так и от ВСНХ.

Карьера чекиста Филиппова была внезапно прервана его арестом 8 июля 1918 г. в здании ВЧК на Лубянке. Он был немедленно доставлен в Петроград, где, к своему удивлению, узнал, что обвиняется в причастности к делу контрреволюционных организаций «Каморра народной расправы» и «Союз спасения Родины». Среди других обвиняемых оказались его бывшие соратники А.Л. Гарязин и З.П. Жданов, а организатором «Каморры» объявлен художник-монархист Л.Т. Злотников, с которым Филиппов ранее пересекался всего пару раз в жизни. В действительности всё дело было сфабриковано по указанию М.С. Урицкого, желавшего расправиться с видными представителями бывших правых партий и с Филипповым как ставленником Дзержинского, который летом 1918 г. после мятежа левых эсеров был временно отстранен от

⁴⁵ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-93201. Т. 5. Л. 80–81об, 116.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 1–3, 35; Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-93201. Т. 5. Л. 118–123об.

⁴⁷ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-93201. Т. 5. Л. 86–86об, 114–115.

⁴⁸ ЦА ФСБ. Ф. 1ос. Оп. 2. Д. 1. Л. 62–63.

руководства ВЧК. По инициативе Я.Х. Петерса Партийный комитет ВЧК обвинил Филиппова в том, что он был близок левым эсерам (что неправда)⁴⁹, а следователь С.А. Байковский по указанию Урицкого навешивал на Алексея Фроловича обвинения в антисемитской пропаганде. Филиппов в ответ напоминал, что он сам имеет еврейское происхождение и всегда защищал равноправие евреев как своих партнеров по бизнесу перед лицом старого режима⁵⁰.

Находясь в заключении и переживая за разорение своей квартиры и крах финансовых дел, Филиппов избрал тактику постоянных писем Урицкому и Дзержинскому, в которых требовал допросить его, организовать очную ставку, дать возможность доказать свою невиновность. Он набивал себе цену, уверяя советское руководство, что без него не удастся завершить расследование по начатым им до ареста делам. При этом он не оклеветал, не выдал и не усложнил положение никого из обвиняемых по делу «Каморры народной расправы», напротив, всячески подчеркивал малозначимость всех этих лиц и их неспособность к политическому заговору. Тем не менее, после убийства Урицкого и начала «красного террора» шестеро обвиняемых по этому сфабрикованному делу, включая Гарязина и Злотникова, были расстреляны. Филиппов и Жданов были оправданы и освобождены.

Уже через год Филиппов снова появился в окружении Дзержинского и, не будучи больше сотрудником ВЧК, стал посредником между ней и Русской православной церковью. Филипповым двигало искреннее стремление прекратить гонения Советской власти на религию, примирить их, дать возможность духовенству отречься от белого движения и успешно встроиться в новый режим⁵¹. В сентябре 1919 г. он создал и возглавил Исполнительный комитет по делам духовенства (Исполкомдух), сблизился с патриархом Тихоном и, заручившись его доверием, составил основной текст патриаршего послания от 8 октября, ознаменовавшего перелом в политической ориентации церкви и курс на лояльность к новой власти. Это послание с комментариями самого Филиппова и по его инициативе было напечатано в ста тысячах экземпляров и разослано по всей стране, в т.ч. на контролируемые белогвардейцами территории⁵². Через Исполкомдух Филиппов спас тысячи священников от преследований. Интересным документом данного периода является изданная в апреле 1920 г. брошюра, сочетавшая религиозные (не только православные) материалы со статьями Филиппова о революции и о том, что «Советская власть всеми признаваема за государственную народную и простонародную русскую»⁵³.

⁴⁹ Капчинский 2017: 162.

⁵⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-93201. Т. 5. Л. 106, 109об.

⁵¹ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 5. Д. 232. Л. 1–11.

⁵² Филиппов 1919.

⁵³ Филиппов 1920: 18.

Антирелигиозные силы в Наркомате юстиции и в самой ВЧК все-таки добились закрытия Исполкомдуха и возбуждения нового уголовного дела против Филиппова за то, что он, «притворяясь сторонником советских мероприятий, в то же время делал всё для защиты церкви и церковников»⁵⁴. Но после вмешательства Дзержинского он был вновь оправдан и освобожден в феврале 1921 г.⁵⁵ К этому времени Филиппов женился на родной сестре «железного Феликса» Ядвиге Кушелевской. Он продолжил работу в ГПУ по церковному направлению, но ввязался в сомнительные спекуляции периода нэпа и выманивал деньги с ходатаев, хвалясь связями с Дзержинским. В конце концов, председатель ОГПУ не вытерпел и инициировал очередное дело против Филиппова⁵⁶. В марте 1924 г. Филиппов был выслан на три года в Иркутск.

По возвращении в Москву он снова пытался начать активную общественную деятельность, писал и посещал старых знакомых, желая выступить в роли ценного мемуариста и издателя писем тех великих людей, с кем ему посчастливилось быть знакомым в молодости. Теперь Филиппов откровенно признавался, что тот социальный идеал, который он искал до 1917 г. в Николае II, Победоносцеве, Тихомирове, Галоне, Распутине, в итоге он обрел в Ленине и большевиках (в партию он, впрочем, никогда не вступал)⁵⁷. Правда, из этих проектов 1930–1932 гг. ничего не вышло. Большинство данных говорят в пользу того, что Филиппов скончался от сердечного приступа в октябре 1936 г. Он окончил свою жизнь, по-видимому, довольно счастливо и даже – на фоне большинства его бывших соратников, коллег и современников – своевременно, не став жертвой репрессий или голодных военных лет.

Пожалуй, можно согласиться с Ю.В. Лучинским: «Ударов судьбы, выпавших на долю Алексея Филиппова, с лихвой хватило бы на несколько биографий и даже на парочку детективных сериалов. Он постоянно оказывался в центре бурных политических событий, оставаясь при этом в тени. Начинал всё сначала, отчаянно цепляясь за выпавший шанс. Слом эпох словно подталкивал его к невероятным поступкам»⁵⁸. Разумеется, можно его упрекнуть в неоднократно проявляемом двуличии и лживости (чередовавшейся, впрочем, с приступами откровенности и необузданной фантазии), и следует удивляться, почему большинство современников, включая видных мыслителей и государственных деятелей, годами верили Филиппову и охотно сотрудничали с ним.

Соотношение уникального и типичного в жизни и деятельности Филиппова – та проблема, решение которой имеет значение, далеко выходящее за рамки его индивидуальности и важное для осмысления всей социальной истории России последней трети XIX – первой трети

⁵⁴ Кривошеева 2009: 81.

⁵⁵ Кривошеева 2009: 82, 95–97.

⁵⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2. Л. 17, 60–62.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1185. Д. 797. Л. 3.

⁵⁸ Лучинский 2013.

XX века. Эта эпоха была богата на авантюристов и двойных агентов, но, как правило, все они мелькали в истории России на короткое время и бесславно погибали. В этом отношении фигура Филиппова, который занимал пусть второстепенные, но достойные и ответственные посты при разных политических режимах на протяжении тридцати лет, все-таки выглядит скорее исключением. Вместе с тем успех Филиппова был по-своему закономерен. Ровесник Николая II, Распутина и Ленина, он не стеснялся сопоставлений между ними и стал своеобразным зеркалом их эпохи. Он был плодом конкретных социальных условий пореформенной России, когда прежняя простота социального статуса людей ушла в прошлое. Он определял себя через несколько различных идентичностей, не всегда согласующихся друг с другом: как русского, еврея и просто имперского патриота; как православного активиста, оппозиционного журналиста и агента-чекиста; как монархиста, национал-демократа и союзника большевиков. Ученик Федорова, Киреева, Победоносцева, друг Распутина и зять Дзержинского – все эти роли и множественные идентичности каким-то образом уживались в Филиппове.

Конечно, он далеко не единственный из тех бывших приверженцев монархических и православных взглядов, кто проделал эволюцию в сторону народного демократизма и затем признания революции и сотрудничества с Советской властью в форме своеобразного «национал-большевизма». Детальное рассмотрение биографии Филиппова – уроженца многонациональной окраины Российской империи, выходяца из низших социальных слоев, своим умом пробившего себе дорогу к высшим руководителям страны, позволяет лучше понять мотивы многих других специалистов среднего звена, сделавших аналогичный выбор, о жизни которых сохранилось меньше сведений. Изучение деятельности Филиппова помогает постичь чаяния его поколения, определившего облик страны начала XX в. и осуществившего революцию 1917 г.

Тем самым подтверждается правота Л.П. Карсавина, задавшего ориентиры для историко-биографического подхода: «Личность индивидуализирует тенденции эпохи, национальности, культуры: она для них “показательна”, символична, характерна. Она часто “типична”, потому что тип и есть яркая индивидуализация стяженно-всеединого. Она типична или в личном своеобразии ее или в отдельных, особенно ясно выражаемых ею качествах». Причем, по мысли философа, биография «тем более переходит в историю, чем более личность “поставлена в связь” с движениями ее среды, времени, культуры и с общими проблемами человеческого духа»⁵⁹. Именно это происходит в рассмотренном случае. В действиях А.Ф. Филиппова подчас, как в капле воды, в концентрированной, даже гипертрофированной форме отражаются многие тенденции, которые были характерны для общества той эпохи и для его современников в целом.

⁵⁹ Карсавин 1993: 86.

- Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-93201. Т. 5.
 ГАРФ. Ф. А353. Оп. 5. Д. 232.
 ГАРФ. Ф. 634. Д. 9; Д. 101.
 ОР РГБ. Ф. 135. Р. II. К. 35. Д. 35.
 ОР РГБ. Ф. 328. К. 3. Д. 38; К. 6. Д. 12; Д. 13.
 ОР РНБ. Ф. 631. Д. 102; Д. 103; Д. 106.
 РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765.
 РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 727.
 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4428.
 РГАЛИ. Ф. 1185. Д. 797.
 РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 17.
 РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 276.
 РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 34; Оп. 8. Д. 576; Д. 1193; Д. 1323; Д. 1560.
 ЦА ФСБ. Ф. 10с. Оп. 2. Д. 1.
 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Александров Е.П. Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса // Ученые записки РГСУ. 2008. № 4. С. 223–227. [Aleksandrov E.P. Istoricheskaya biografiya kak istoriograficheskaya problema: k izucheniyu voprosa // Uchenye zapiski RGSU. 2008. No 4. Pp. 223–227.]
- Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М.: РОССПЭН, 2006. 293 с. [Anan'ich B.V. Bankirskie doma v Rossii 1860–1914 gg. Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva. M.: ROSSPEN, 2006. 293 p.]
- Антонов В.С. Сто великих разведчиков России. М.: Вече, 2017. 415 с. [Antonov V.S. Sto velikikh razvedchikov Rossii. M.: Veche, 2017. 415 p.]
- Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. Т. 2. М.: Олма-Пресс Образование, 2003. 415 с. [Antonov V.S., Karpov V.N. Tainye informatory Kremlya-2. S nikh nachinalas' razvedka. Vol. 2. M.: Olma-Press Obrazovanie, 2003. 415 p.]
- Боханов А.Н. Буржуазная пресса в России и крупный капитал. М.: Наука, 1984. 152 с. [Bokhanov A.N. Burzhuaznaya pressa v Rossii i krupnyi kapital. M.: Nauka, 1984. 152 p.]
- В тени великих: образы и судьбы: сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя, 2010. 399 с. [V teni velikikh: obrazy i sud'by: sbornik nauchnykh statei. Seriya «Chelovek vtorogo plana v istorii» / отв. red. L.P. Repina. St. Petersburg: Aleteia, 2010. 399 p.]
- Владимирцев В.П. Кто и когда назвал Горького буревестником? // М. Горький и вопросы литературных жанров. Межвузовский сборник. Горький: ГГУ, 1978. С. 129–140. [Vladimirtsev V.P. Kto i kogda nazval Gor'kogo burevestnikom? // M. Gor'kii i voprosy literaturnykh zhanrov. Mezhvuzovskii sbornik. Gor'kii: GGU, 1978. Pp. 129–140.]
- Галкина Ю.М. Французский банкир Морис Верстрат в большевистской России (1917–1918) // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы в археографии, источниковедении, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2019». М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 88–91. [Galkina Yu.M. Frantsuzskii bankir Moris Verstrat v bol'shevistskoi Rossii (1917–1918) // Levye ideologii, dvizheniya i organizatsii v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktualnye problemy v arkhеографии, istochnikovedenii, rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni: Sbornik materialov Devyatoi mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov «Clio-2019». M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2019. Pp. 88–91.]
- Жуйков Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 133–136. [Zhuikov D.A. Osnovnye metodologicheskie problemy biograficheskogo issledovaniya v sovremennoi istoriografii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstv. universiteta. 2012. No. 25 (279). Istoriya. Iss. 52. Pp. 133–136.]
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева. М., 2012. С. 167–176. [Ivanova T.N., My-

- agkov G.P. *Novye aspekty biografiki v sovremennykh istoriograficheskikh issledovaniyakh // Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv. / ed. O.V. Vorob'eva. M., 2012. Pp. 167–176.*
- Из писем читателей // Русское обозрение. 1901. №1. С. 257–259. [Iz pisem chitatelei // Russkoe obozrenie. 1901. No. 1. Pp. 257–259.]
- Ицков А.Н. «Банкир» из ВЧК // Очерки истории российской внешней разведки в 6 т. Т. 2. 1917–1933. М.: Международные отношения, 1996. С. 19–24. [Itskov A.N. «Bankir» iz VChK // Ocherki istorii rossiiskoi vneshnei razvedki v 6 t. Vol. 2. 1917–1933. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1996. Pp. 19–24.]
- Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М.: Крафт+, 2017. 416 с. [Karchinskii O.I. Gvardeitsy Lenina. Tsentral'nyi apparat VChK: struktura i kadry. M.: Kraft+, 2017. 416 p.]
- Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год. М.: Вече, 2014. 509 с. [Konyaev N.M. Gibel' krasnykh Moiseev. Nachalo terrora. 1918 g. M.: Veche, 2014. 509 p.]
- Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 351 с. [Karsavin L.P. Filosofiya istorii. St. Petersburg: AO «Komplekt», 1993. 351 p.]
- Кривошеева Н.А. «Всесоело приспособление к духу времени». Первый советский разведчик А.Ф. Филиппов // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 3 (32). С. 70–98. [Krivoshcheva N.A. «Vsetseelo prispособlenie k dukhu vremeni». Pervyi sovetskii razvedchik A.F. Filippov // Vestnik PSTGU. II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2009. Iss. 3 (32). Pp. 70–98.]
- Лебедев С.К. Алексей Фролович Филиппов: литератор, банкир и чекист // Из глубины времен. СПб., 1998. № 10. С. 153–171. [Lebedev S.K. Aleksei Frolovich Filippov: literator, bankir i chekist // Iz glubiny vremen. SPb., 1998. No. 10. Pp. 153–171.]
- Лизунов П.В. Крах банковского дома «А.И. Зейдман и К^о» в Петербурге // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов IV международной конференции. Н.Новгород: ИП Якушов Ю.И., 2018. С. 432–439. [Lizunov P.V. Krakh bankirskogo doma «A.I. Zeidman i K^o» v Peterburge // Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv. Sbornik materialov IV mezhdunarodnoi konferentsii. Nizhny Novgorod: IP Yakushov Yu.I., 2018. Pp. 432–439.]
- Лобанов А. Секретное поручение // Чекисты. Л.: Лениздат, 1967. С. 28–32. [Lobanov A. Sekretnoe poruchenie // Chekisty. Leningrad: Lenizdat, 1967. Pp. 28–32.]
- Лубский А.В. Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) // Ейдос. 2014–2015. Вып. 8. С. 67–84. [Lubskii A.V. Chelovek vtorigo plana: metodologicheskie problemy «novogo biografizma» («igra v biser» ili narrativnaya strategiya istoriko-biograficheskogo issledovaniya) // Eidos. 2014–2015. Iss. 8. Pp. 67–84.]
- Лучинский Ю. Ни веры, ни неверия. 150 лет кубанской журналистике // Московский комсомолец – Краснодар. 28.08.2013. [Luchinskii Yu. Ni very, ni neveriya. 150 let kubanskoi zhurnalistike // Moskovskii komsomolets – Krasnodar. 28.08.2013. URL: <http://kuban.mk.ru/article/2013/08/28/906208-ni-veryi-ni-neveryiya.html>].
- Медоваров М.В. Попытки возобновления издания журнала «Русское обозрение» глазами Льва Тихомирова и «дело Пирамидовой» // Вестник Пермского университета. Серия История. 2016. №3 (34). С. 42–51. [Medovarov M.V. Popytki vozobnovleniya izdaniya zhurnala «Russkoe obozrenie» glazami L'va Tikhomirova i «delo Piramidovoi» // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya. 2016. No. 3 (34). Pp. 42–51.]
- Медоваров М.В. Исчезнувший учебник Алексея Филиппова по истории России // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. №4. С. 365–373. [Medovarov M.V. Ischeznuvshii uchebnik Aleksey Filippova po istorii Rossii // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki». 2020. Vol. 6. No. 4. Pp. 365–373.]
- Медоваров М.В. К вопросу об авторстве и обстоятельствах появления статьи Н. Осокина «Буревестник» // Мировое значение творчества М. Горького. Горьковские чтения-2018: Материалы XXXVIII Международной научной конференции. Н.Новгород: ООО «БегемотНН», 2018. С. 15–20. [Medovarov M.V. K voprosu ob avtorstve i obstoyatel'stvakh po'yavleniya stat'i N. Osokina «Burevestnik» // Mirovye znachenie tvorchestva M. Gor'kogo. Gor'kovskie chteniya-2018: Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. N.Novgorod: OOO «BegemotNN», 2018. S. 15–20.]

- Настусевич С.В. Генезис концепции «новой биографической истории» в современной русскоязычной историографии (вторая половина 1980-х гг. – первая четверть XXI в.). Маг. дисс. Минск, 2019. 104 с. [Nastusevich S.V. Genезis kontseptsii «novoi biograficheskoi istorii» v sovremennoi russkoyazychnoi istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh gg. – pervaya chetvert' XXI v.). Mag. diss. Minsk, 2019. 104 p.]
- Переписка Горького и Андреева (1889–1916) / комм. В.Н. Чунакова // Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 63–360. [Perepiska Gor'kogo i Andreeva (1889–1916) / komm. V.N. Chunaikova // Literaturnoe nasledstvo. Vol. 72. Gor'kii i Leonid Andreev. Neizdannaya perepiska. M.: Nauka, 1965. Pp. 63–360.]
- Радзинский Э.С. Распутин. М.: АСТ: Астрель, 2011. 576 с. [Radzinskii E.S. Rasputin. M.: AST: Astrel', 2011. 576 p.]
- Распутин Г.Е. Мои мысли и размышления: краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам. Ч. 1. Пг.: типография В.Д. Смирнова, 1915. 55 с. [Rasputin G.E. Moi mysl'i i razmyshleniya: kratkoe opisaniye puteshestviya po svyatym mestam i vyzvannye im razmyshleniya po religioznom voprosam. Ch. 1. Pg.: tipografiya V.D. Smirnova, 1915. 55 p.]
- Репина Л.П. Биографические исследования в современной российской историографии // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань: Изд-во «Яз». 2013. С. 229–232. [Repina L.P. Biograficheskie issledovaniya v sovremennoi rossiiskoi istoriografii // Istorik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni: Materialy Mezhdunarodnogo foruma, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.S. Shofmana. Kazan': Izd-vo «Yaz». 2013. Pp. 229–232.]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круть, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 p.]
- Соколов А.С. Биография в истории: проблемы и перспективы // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2005. С. 4–11. [Sokolov A.S. Biografiya v istorii: problemy i perspektivy // Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovatelei. 2005. Pp. 4–11.]
- Тарасова А.А. Реакционно-охранительная журналистика // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX век. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 234–260. [Tarasova A.A. Reaktsionno-okhranitel'naya zhurnalistika // Literaturnyi protsess i russkaya zhurnalistika kontsa XIX – nachala XX vek. 1890–1904. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya. M.: Nauka, 1982. Pp. 234–260.]
- Тревор-Бетти О. Во льдах и снегах (Путешествие на остров Колгуев) / пер. с англ. А. Филиппова (с 13 рисунками и картой). СПб.: типография П.П. Сойкина, 1897. 212 с. [Trevor-Betti O. Vo l'dakh i snegakh (Puteshestvie na ostrov Kolguev) / per. s angl. A. Filippova (s 13 risunkami i kartoi). St. Petersburg: tipografiya P.P. Soikina, 1897. 212 p.]
- Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: «Пушкинский Дом», 2013. 1056 с. [Fateev V.A. Zhizneopisanie Vasilija Rozanova. SPb.: «Pushkinskii Dom», 2013. 1056 p.]
- Филиппов А.Ф. Вместо предисловия // Искусство строительное и декоративное. 1903. № 1–2. С. 6–7. [Filippov A.F. Vmesto predisloviya // Iskusstvo stroitel'noe i dekorativnoe. 1903. No. 1–2. Pp. 6–7.]
- Филиппов А.Ф. Из истории журнала // Русское обозрение. 1901. №1. С. IV–XXIV. [Filippov A.F. Iz istorii zhurnala // Russkoe obozrenie. 1901. No. 1. Pp. IV–XXIV.]
- Филиппов А.Ф. Московские ведомости // Дум Отечества. 1913а. № 40. 3 октября. С. 6–8. [Filippov A.F. Moskovskie vedomosti // Dum Otechestva. 1913a. No. 40. 3 October. S. 6–8.]
- Филиппов А.Ф. Московское студенчество. 1889–1895 (Из записной книжки) // Русское обозрение. 1897. № 2. С. 947–976; № 3. С. 365–393; № 4. С. 876–889; № 5. С. 382–399; № 10. С. 801–832; № 12. С. 685–727. [Filippov A.F. Moskovskoe studenchestvo. 1889–1895 (Iz zapisnoi knizhki) // Russkoe obozrenie. 1897. No. 2. Pp. 947–976; No. 3. Pp. 365–393; No. 4. Pp. 876–889; No. 5. Pp. 382–399; No. 10. Pp. 801–832; No. 12. Pp. 685–727.]
- Филиппов А.Ф. От редакции // Русское обозрение. 1903а. Вып. 1–3. С. I–II. [Filippov A.F. Ot redaktsii // Russkoe obozrenie. 1903a. No. 1–3. Pp. I–II.]
- Филиппов А.Ф. Ответ редактора // Русское обозрение. 1901а. № 1. С. 259–265. [Filippov A.F. Otvet redaktora // Russkoe obozrenie. 1901a. No. 1. Pp. 259–265.]

- Филиппов А.Ф. Послание патриарха Тихона к духовенству от 25 сентября / 8 октября 1919 г. М.: Комитет по делам духовенства всея России, 1920. 16 с. [Filippov A.F. Poslanie patriarkha Tikhona k dukhovenstvu ot 25 sentyabrya / 8 oktyabrya 1919 g. M.: Komitet po delam dukhovenstva vseya Rossii, 1920. 16 p.]
- Филиппов А.Ф. Сарафанная культура // Дым Отечества. 1913b. № 41. 10 октября. С. 3–5. [Filippov A.F. Sarafannaya kul'tura // Dum Otechestva. 1913b. No. 41. 10 October. Pp. 3–5].
- Филиппов А.Ф. Святцы и трудовой календарь на 1920 год. Перечень имен и дней, памятных для жизни Советской России / сост. А. Филиппов. М.: Комитет по делам духовенства всея России, 1920. 32 с. [Filippov A.F. Svyatcy i trudovoi kalendar' na 1920 god. Perechen' imen i dnei, pamyatnykh dlya zhizni Sovetskoi Rossii / sost. A. Filippov. M.: Komitet po delam dukhovenstva vseya Rossii, 1920. 32 p.]
- Филиппов А.Ф. Странички минувшего. I. О Гапоне. СПб.: издатель А.Л. Гарязин, типография т-ва «Наш век», 1913. 36 с. [Filippov A.F. Stranichki minuvshogo. I. O Garone. St. Petersburg: izdatel' A.L. Garyazin, tipografiya t-va «Nash vek», 1913. 36 p.]
- Человек второго плана в истории: сборник научных статей / отв. ред. Н.А. Мининков. Вып. 1–7. Ростов-н/Д.: DSM, 2004–2011. [Chelovek vtorogo plana v istorii: sbornik nauchnykh statei / ed. N.A. Mininkov. Iss. 1–7. Rostov-on-Don: DSM, 2004–2011.]
- Чемакин А.А. Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с. [Chemakin A.A. Istoki russkoi natsional-demokratii: 1896–1914 gody. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 651 p.]
- Чемакин А.А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с. [Chemakin A.A. Russkie natsional-demokraty v epokhu potryasenii: 1914 – nachalo 1920 godov. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 606 p.]

Медоваров Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент; кафедра информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; mmedovarov@yandex.ru

A.F. Filippov: the Path of an Intellectual and an Adventurer in the Field of Multiple Identities

The article is devoted to the analysis of the biography of Alexey Filippov (1869–1936) as a journalist, thinker, adventurer and statesman. The article demonstrates the regularity of Filippov's ideological evolution in the context of his social origin and connections at various stages of his life in Mogilev, Moscow, St. Petersburg, Novorossiysk and other cities, in various positions. The thinker's transition from right-wing monarchical views to a national-democratic and left-wing socio-economic program allowed him to build his career successfully both before and after the October Revolution. Uniqueness and typicality as two aspects of Filippov's life raise important questions for historical biographistics.

Key words: *Alexey Filippov, Russian Conservatism, Slavophilism, National Democrats, Russian Journalism, National Bolshevism.*

Maksim Medovarov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; mmedovarov@yandex.ru

ПРОТОИЕРЕЙ МИХАИЛ ЧЕЛЬЦОВ В ГОДЫ УЧАСТИЯ В ЦЕРКОВНО-РЕФОРМАТОРСКОМ ДВИЖЕНИИ

Протоиерей Михаил Чельцов считается одним из лидеров церковно-реформаторского движения 1905–1907 гг. Среди его научных трудов, богословских статей и педагогических брошюр – книга, систематизировавшая принципы дореволюционного обновленчества, между тем нет аналитических описаний реформаторского периода его жизни. Что привело его в ряды лево-реформаторов и каковы были его личные взгляды на церковное обновление? Эти вопросы впервые рассматриваются на материале эпистолярного наследия священномученика М.П. Чельцова. Автор приходит к выводу, что, веря в то, что Закон Божий – это душа русского народа, протоиерей Михаил следовал своей мысли о том, что православие должно вступить в тесный контакт с общественной жизнью.

Ключевые слова: Михаил Павлович Чельцов, церковное реформаторство, «оживление» православия, церковное обновление

Путь, пройденный протоиереем Михаилом Чельцовым от православного миссионера до церковного реформатора во многом характерен для молодого священства Русской Церкви конца XIX в., в начале XX в. обратившегося к вопросу о том, как оживить религиозное сознание общества. В рядах движения были те, кто в годы большевистских гонений на Церковь приняли смерть за Христа, и те, кто в 1920 гг. поддерживали обновленческие реформы. Священномученик М.П. Чельцов¹ примкнул к реформаторам Русской Церкви, после Февральской революции 1917 г. вошел в организованный будущим обновленческим «первоиерархом» А.И. Введенским «Союз прогрессивного петроградского духовенства», а через полгода разошелся с послереволюционными обновленцами и стал активным сторонником курса, проводимого Поместным собором Православной Российской Церкви (1917–1918) во главе с патриархом Тихоном. Пройдя через аресты в 1918, 1922 и 1930 гг., Чельцов был расстрелян в 1931 г. Каким было направление его личного интеллектуального поиска в начале XX в.? В чем выразилось его участие в церковно-реформаторском движении?

Немногие историки обращались к изучению жизнедеятельности участников церковно-реформаторского движения². С.Л. Фирсов рассмотрел епископа Канадского Михаила (П.В. Семенова)³, Д.А. Головушкин назвал имена ведущих участников движения, собрал значительную информацию об истории феномена обновленчества в России⁴. Ю.Л. Ореханов, опубликовал список «Братства ревнителей церковного

¹ Русская Православная Церковь в 2005 г. включила протоиерея М.П. Чельцова в Собор новомучеников Российских XX века.

² Ореханов 2002, Фирсов 2002, Зосима (Давыдов) 2005.

³ Фирсов 1999: 322–332.

⁴ Головушкин, 2002.

обновления»: ему принадлежит термин «церковно-реформаторское движение», вслед за В.А. Цыпиным⁵, он высказал предположение о влиянии церковного реформаторства на обновленческий раскол 1920-х, предупредив, что исследование этого вопроса упирается в исповедничество ряда участников движения. В 2008 г. мы описали влияние на церковное реформаторство «неохристиан» и Петербургских религиозно-философских собраний (1901–1903), а в 2019 г. разделили церковное реформаторство на лево-радикалов и умеренных в зависимости от поддержки ими того или иного комплекса реформ. Затем вышли статьи о реформаторстве Михаила (Семенова), священника Г.С. Петрова⁶. Последние восемь лет лидерами движения занимается Ю.В. Балакшина. Опубликованная ею корреспонденция К.М. Аггеева показала зарождение группы «32-х» петербургских священников, в 1905 г. положивших начало церковно-реформаторскому движению: она описала взгляды на церковное обновление священников И.Ф. Егорова, К.М. Аггеева, П.М. Кремлевского в 1917 г.⁷ В ее работах прослеживается желание оградить реформаторское движение от самой мысли о том, что у его деятелей могла быть идеология. Пока не появилось научных работ с системным подходом к жизнедеятельности протоиерея Чельцова. Источниками нашего исследования стало эпистолярное наследие Чельцова (из его фонда в НИОР РГБ привлечены рукописи статей 1890–1910-х гг.), статьи конца XIX в. и 1900-х гг., воспоминания⁸, книга «Сущность церковного обновления» (1907); корреспонденция его друга К.М. Аггеева⁹.

Михаил Павлович Чельцов (1870–1931) родился в семье священника, в д. Кикино Рязанской губернии, в 1890 г. окончил Рязанскую семинарию и поступил в Казанскую духовную академию. Несколько лет он преподавал обличительное богословие в Калужской семинарии, а конце 1898 г. был назначен на должность противораскольнического миссионера С.-Петербургской епархии. Представляя его как нового члена редакции, «Миссионерское обозрение» писало, что он четыре года вел беседования с раскольниками в Калужской епархии, с 1896 г. был преподавателем на организованных им миссионерских курсах. Его калужские курсы представляли собой первую попытку такого рода миссионерских учреждений. После доклада Чельцова на Казанском епархиальном съезде, съезд рекомендовал «заведение подобных курсов как общую полезную меру»¹⁰. Епархиальное начальство поощряло Чельцова за инициативу и творческую «жилку». В 1898 г. он защитил в СПбДА диссертацию («Церковь королевства Сербского») и три года служил при канцелярии обер-прокурора Св. Синода.

⁵ Цыпин 1995.

⁶ Воронцова, 2008; 2019; 2012; 2018.

⁷ Балакшина 2014; Балакшина 2019: 207–225.

⁸ Чельцов 1997.

⁹ Балакшина 2014: 393, 399, 405.

¹⁰ Миссионерское обозрение 1899: 185.

Свою профессиональную деятельность Чельцов начал, когда в обществе наблюдалась внутренняя растерянность из-за переоценки прежних и недостатка новых идеалов. Влияние этой атмосферы испытал он сам, искавший спасительные «идеалы» для своего поколения. Рукопись его статьи 1890-х гг. показывает, как остро он переживал кризис религиозного сознания среднего класса, не стремившегося к духовности, и интеллигенции, не знавшей на что опереться в атмосфере пореформенной России. Написанная живо и эмоционально, статья открывает отсутствие у автора ясных представлений о том, что предложить образованному классу и молодежи 1890-х, чтобы спасти их от подступившей «скуки жизни» (Чельцов), и избавить от волны самоубийств:

«Наши идеалы!?! При одной мысли о них невольно останавливаешься; сомнения и вопросы о самом существовании их бессознательно для самого себя овладевают тобой и мучают тебя. Да, полно, есть ли у нас “наши идеалы”? Где же они. В чем же они проявляются и чем отражаются на нашей личной и общественной жизни? Мы их как будто бы и не видим и не примечаем; жизнь ими как будто бы не одухотворяется. <...> Отсюда безыдейность жизни, скука в богатстве, бессмыслица даже и существования. Все эти самоубийцы из-за того, что “не нашли они смысла жизни”...»¹¹.

Канун XX в. обострил эсхатологические ожидания в русском обществе, весной 1899 г. вышли «Три разговора» В.С. Соловьева, где в повести об Антихристе философ придал пророчеству апостола Иоанна исторические черты. Тогда же был напечатан 1-й том книги профессора А.Д. Беляева «О безбожии и антихристе», и Чельцов написал на него рецензию, обратив внимание на трактовку Беляевым религиозной темы «отступление» («проф. Беляев уклоняется от отеческого его толкования»¹²). Рецензия показывает, что эта тема волновала Чельцова так же, как и многих его современников. Публикации в «Миссионерском обозрении» конца 1890-х говорят о нем, как о профессионале своего дела, миссионере и ортодоксе, обладавшем научным складом ума и литературным слогом: он писал по проблемам внутренней миссии¹³. Чельцова также интересовало текущее состояние дел: ему принадлежало значительное число заметок раздела хроники (рубрика «Миссионерство, секты и раскол») и библиографии, удивляет количество прочитанных им книг, отзывы о которых печатались в журнале.

В 1902 г. Чельцов был произведен в надворные советники. Осенью 1903 г. состоялось рукоположение, и 33-летний Михаил Чельцов был назначен настоятелем домового церкви Священномученика Симеона при Институте гражданских инженеров. В эти годы гремела слава церковного писателя и священника Г.С. Петрова, и православные миссионеры знакомились с его «литературной проповедью»: он широко использовал примеры из художественной литературы, а сущностью

¹¹ НИ ОР РГБ. Ф. 868. Л. 1–1 об.

¹² Чельцов 1899, июль–август: 287.

¹³ «О мощах святых угодников Божиих. По поводу кощунств и клевет раскольнической газеты “Слова правды”», «В ответ» и др.

христианства показывал его социальное значение. Миссионеры «старой школы» осудили умаление догматики в книгах Г.С. Петрова, но среди молодых священников началось подражание. В 1901–1903 гг. работали Петербургские религиозно-философские собрания (ПРФС), на которых интеллигенция излагала иерархам и ученому монашеству Русской Церкви суть своих исканий. Собрания посещали священники, часть из них в 1905 г. составили и опубликовали записку о необходимости перемен в Русской Церкви. Как чиновник канцелярии обер-прокурора Чельцов должен был посещать ПРФС, но его имени нет среди выступавших. В 1904 г. он знакомится с законоучительским кружком молодого и энергичного священника К.М. Аггеева и перестает печататься в консервативном «Миссионерском обозрении», а в 1905 г. становится участником церковно-реформаторского движения.

1905–1907 годы. Реформаторство

Тенденция «выразить жизненность православия», в годы Первой русской революции получила место среди общественно-политических проблем. А.В. Карташев писал: «Многие пастыри вышли из народа, сочувствуют ему, и по долгу службы стоят близко к народу, и потому почували предел его терпения и молчания», «при закрытых дверях» начали собираться «экстренные пастырские собрания», обсуждать «ненормальности общего государственного характера»¹⁴. В «Руси», отмечал он, пишут, что духовенство стонет от несправности, священник Чельцов пишет о том, что речи Церкви к голодному о терпении вызовут только злобу, а священник Аггеев ошибкой иерархии считает псевдоаскетический взгляд на политику¹⁵. «До первых лет XX столетия питерское духовенство молчаливо волновалось, горячилось и спорило в домашнем... кругу... а как только условия... нашей русской жизни представили возможность... оно заговорило»¹⁶, – вспоминал Чельцов.

В 1905 г. в группе пастырей, организовавших «Союз ревнителей церковного обновления», протоиерей Михаил представлял «правое крыло». Было еще и «левое», лидером которого был радикал В.Я. Колачев, и «середка» – сам К.М. Аггеев и И.Ф. Егоров. Этот расклад подкреплялся их сторонниками: известны священники П.М. Кремлевский, Р.И. Медведь, Х.А. Белков, П.В. Раевский (обновленец 1920-х), Фомин¹⁷, Н.С. Рудинский, С.А. Соллертинский. Реформаторский настрой был присущ К.М. Аггееву и В.Я. Колачеву с 1904 г. – оба выступили в «Христианском содружестве учащейся молодежи» с критичным отношением к старчеству, Колачев произнес речь о необходимости догматического развития. Этим темам нет в архивных документах и статьях Чельцова. К его «правому крылу» следует отнести единоверческого священника, издателя «Правды православия» С.И. Шлеева, профессо-

¹⁴ Уральский 1905: 449.

¹⁵ Там же: 452.

¹⁶ Чельцов 1997.

¹⁷ Возможно, Мелетий Фомин, в 1924 г. обновленческий епископ Старобельский.

ров А.П. Рождественского и Д.П. Миртова (с 1906 г. редактор «Церковного вестника»), Н.П. Аксакова. Потрудившийся для защиты диссертации в академии СПбДА и оставленный в епархии за профессиональные успехи, послуживший при канцелярии обер-прокурора, кандидат богословия Чельцов обладал *большим* опытом по сравнению с попавшим в С.-Петербург по протекции начальницы Александровского института благородных девиц выпускником КДА Аггеевым. Случайно ли Чельцов всегда выступал первым или в числе первых на «анти-митингах», на встрече реформаторов с митрополитом Антонием (Вадковским)? То, что он был миссионером среди людей, по-разному относившихся к господствующей Церкви, – раскольников и сектантов, и преподавал Закон Божий студентам, выбравшим область технических знаний (он написал специальные богословские лекции для студентов¹⁸), говорит о его умении аналитически мыслить и навыке оценивать позицию собеседника согласно православной церковной традиции. Сведений о ведущей роли Чельцова в кружке законоучителей и «Союзе» мы не встретили, но его имя упоминается в письмах Аггеева (его участие в «анти-митинге» 1905 г. в Доме трудолюбия). С апреля 1905 г. протоиерей Михаил входил в совет «Союза ревнителей церковного обновления», был занят обязанностями настоятеля церкви, членством в епархиальном совете и правлении С.-Петербургской духовной семинарии, преподавательской и миссионерской работой, заботой о многодетной семье.

Популярность реформаторов выросла осенью 1905 г., когда они опубликовали в «Церковном вестнике» информацию о своей деятельности. И тогда же началось разделение на левых и умеренных. «Церковный голос», где публиковались умеренные реформаторы, в начале 1906 г. отмежевался от лево-реформаторов¹⁹; они стали печататься в «Церковном вестнике». Здесь в 1906–1907 гг. прошли статьи В.Я. Колачева о «новой формуле спасения». В 1906 г. начал выходить журнал «Правда православия», на первых порах печатавший и левых, и умеренных реформаторов, редактор, член «Братства» П.С. Аксенов, сделал журнал площадкой для высказывания священнослужителей по острым вопросам. Редакция ставила цель способствовать «выработке церковного сознания единства в ожидании Собора»²⁰, считая, что православие должно выяснить свое общественное и государственное назначение. В 1906 г. здесь печатались Чельцов, Егоров, Аггеев. Протоиерей Михаил опубликовал статьи о понятии «православие», истории единоверия («Из истории ходатайств единоверцев об епископате своем»), проблеме веротерпимости, о том, как следует изучать сектантство в России.

Первая статья, видимо, была вызвана выступлением в Предсоборном присутствии (1906) профессора С.С. Голубева, упрекнувшего лево-реформаторов в уклоне в протестантизм. Чельцов занял научную пози-

¹⁸ Чельцов 1906, Чельцов 1910.

¹⁹ Церковный голос 1906: 1342–1343.

²⁰ Правда православия 1906: 4–6.

цию и показал, что «православие» – термин, употребляемый в разных религиях для обозначения ортодоксии, «характерного признака у этого названия нет»²¹. Мысль автора должна была получить развитие, но обещанного продолжения не последовало. В статье «О веротерпимости» Чельцов сопоставил мнения Л.Н. Толстого и архиепископа Волынского Антония (Храповицкого), желая показать парадоксальность ситуации, когда и отлученный от Церкви писатель, и церковный епископ – уверены, что Русская Церковь не одобрит введение веротерпимости. Толстой высказался о том, что самостоятельной Церкви в России нет, а есть только служанка правящих классов, а архиепископ Волынский Антоний в выступлении в Предсоборном присутствии заявил, что если правительство пожелает стать вне вероисповедания, то пусть прежде «возвратит народу заарендованное у него вероисповеданное сознание». «Итак, – писал Чельцов, – народная совесть в руках правительства», разрешить веротерпимость – “равносильно отказу от народной веры, от владычества [над] его совестью. Но где же... Церковь?” ...Ее место занимает государство», живая вера заменяется «духовно-государственной политикой»²². Для Чельцова проблема свободы вероисповедания – это проблема духовной свободы, она ограничена государством, по природе своей не имеющим к ней никакого отношения. И то, что столь разные люди «согласно» выступили по проблеме веротерпимости в России, по Чельцову, было «поворотным пунктом». Статья заканчивалась предложением «порвать аренду», стать свободными в «религиозно-церковном определении» и следовать за «незаарендованным» архиепископом Антонием, его «горячим призывом» к пастырской работе во славу Церкви.

В 1906 г. архиепископ Антоний руководил VI отделом Предсоборного присутствия, в работе которого принимал участие Чельцов, и в отзыве об архиепископе видно его расположение к архипастырю. В воспоминаниях о встречах лидеров группы «32-х» С.-Петербургским митрополитом Антонием (Вадковским), у протоиерея Чельцова также осталось лишь желание «засвидетельствовать... о своей полной пастырско-сыновней лояльности по отношению к митрополиту Антонию и вообще всему епископату»; он писал, что «кружок “32”» стремился к «обновлению церковной жизни... в согласии и подчинении своему епископату»²³. Но это была позиция самого Чельцова. Для церковно-реформаторского движения было характерно стремление к расширению власти в Церкви белого духовенства, а следующие записки «32-х» и статьи в периодике показали их оппозиционность Синоду и С.-Петербургскому митрополиту.

В «Правде православия» Чельцов также напечатал статью «Причины появления и развития нашего сектантства», в которой подчеркнул свой профессиональный принцип: искать причину уклонения от цер-

²¹ Чельцов 1906, № 7: 11.

²² Чельцов 1906: 10.

²³ Чельцов 1997.

ковного православия в мировосприятии человека. Он писал, что судит не со слов исследователей сект, а по отзывам самих сектантов о причинах их ухода из Церкви. Врачевание сектантства Чельцов связал с социальным благоустройством России и с повышением нравственного уровня духовенства. Вся история русского народа, писал он, – свидетельство ношения им в своем сердце Бога, сочетающееся с сильным стремлением в жизни личной и общественной видеть осуществление этого идеала. Это стремление привело к ересям стригольников и жидовствующих, и оно же создало крайности аскетизма. Человек начала XX в. тоже хочет «жить по Евангелию. Несоответствие действительности этому требованию, создает сектантство»²⁴. По Чельцову, у сектантов сильная, но «неопределенная вера в Царство Божие здесь на земле, как провозвещенное Спасителем и имевшее воплощение в общине иерусалимских христиан». Сектантство – явление «сколько религиозное, сколько и социал-экономическое»²⁵, догматические вопросы волнуют его «главным образом со стороны сопоставления их с общественно-бытовым и социально-экономическим строем современной нам жизни». Примечательно, что и для самих реформаторов идеалом была иерусалимская община первых христиан, у которых было «одно сердце» и общее имущество, жизнь по Евангелию. Потому и «церковное обновление» для него – это «возрождение Церкви к проявлению Христа... не только через святых, но и чрез все общество людское, к обожествлению его, к водворению и на земле Царства Божия»²⁶.

В 1905–1906 гг. Чельцов верил, что «наступает время, когда все русские граждане... будут участвовать в государственных делах и влиять на ход жизни своего отечества»²⁷. Политические взгляды о. Михаила просматриваются и по его председательству 8 января в 1907 г. на совещании петербургского духовенства и мирян по вопросу о партиях, которых нужно поддержать на выборах в Государственную думу. После реферата профессора А.И. Введенского, приглашавшего собравшихся в Партию мирного обновления, продолжительных рассуждений «за» и «против», приоритет в голосовании (под руководством председательствующего Чельцова) оставили за Партией мирного обновления.

В 1907 г. П.М. Кремлевский, С.А. Соллертинский и К.М. Агтеев издали свои пособия по христианскому катехизису. Петербургский священник А. Петровский раскритиковал учебник Агтеева («каждая страница... вызывает недоумения», начиная с «рассуждения о свойствах Божиих» и заканчивая «путаницей» в утверждениях о том, можно или нет познать Бога по отражению в мире²⁸). Вероучительная четкость формулировок, присущая «Пространному Христианскому Катехизису»

²⁴ Чельцов 1906, № 2: 9.

²⁵ Чельцов 1906, № 13: 8.

²⁶ Чельцов 1907: 15.

²⁷ Чельцов 1906: 22.

²⁸ Петровский 1907: 222.

митрополита Филарета (Дроздова) у Аггеева нарушена, связь между догматическими истинами и нравственным учением христианства туманна, анализ текста Евангелия отсутствовал, а основные вероучительные понятия (искупительная жертва на Кресте, грехопадение и др.) изложены так, что учащийся должен был додумывать их значение²⁹. Чельцов, опубликовал в «Тамбовских епархиальных ведомостях» статью в поддержку новаторов-законоучителей³⁰. Ее разместили сразу после статьи безымянного автора о мерах к «оздоровлению духовной школы», который ставил вопросы: «Как заинтересовать новые поколения в пастырском служении? Как сделать занятия по Закону Божьему интересными для молодежи, где взять такие учебники?» Чельцов, как всегда, подошел системно, собрав особенности всех трех пособий (из-за малого объема книги Соллертинского речь шла о двух). Главным в статье было слово «новые»: «Само собой понятно, что и в самое изложение содержания новейших катехизисов должно было войти кое-что новое», у Кремлевского он выделил непротиворечие веры науке, а у Аггеева – то, что вера представлена в ее нравственных основаниях. Оба пособия показаны как следовавшие задаче дать представление о «жизни по вере»³¹. Факт повторной публикации (краткого варианта статьи) говорит о том, что лево-реформаторам важно было заявить о новых катехизисах. Лекции по новой методике читали священники К.М. Аггеев и И.Ф. Егоров, Г.С. Петров с 1904 г. Законоучители следовали принципам изгнать схоластику, излагать религиозные истины, опираясь на образы из обыденной жизни, истории, философии, литературы, иногда даже политики и географии (напр., Егоров). При всей занимательности такого изложения Закона Божия, предмет изучения изымался из его естественной, религиозной среды, хотя и приобретал связь с окружающей жизнью. Для Чельцова было важно, что «с введением книжек о.о. Аггеева и Кремлевского в школьный законоучительский обиход... дети сознательнее будут познавать веру Христову», в 1907 г. он считал, что «это хотя и первая, но самая надежная и многообещающая ступень к водружению противовеса неверию»³². Вместе с тем Чельцов оставил в своем отклике указание критика на то, что К.М. Аггеев не останавливает внимание на спасительном подвиге Христа. Он писал, что нужно отнестись к новым пособиям как первым опытам «отрешения от традиционной постановки дела изучения истин веры».

С годами Чельцов изменил свое мнение: в 1914 г. он издал пособие «В помощь законоучителю», в значительной мере построенную на его ранних статьях в консервативном «Миссионерском обозрении». В разделе «Краткое обозрение учебных руководств по Закону Божь-

²⁹ Книга не только не вводит «в дух евангельского и апостольского учения, но даже и не уясняет его в самой малой степени». Петровский 1907: 221–222.

³⁰ Чельцов 1907, № 3–5: 1841.

³¹ Чельцов 1907, № 3–5: 1842.

³² Чельцов 1907, № 3–5: 1846.

му» среди девяти пособий, вышедших с 1907 по 1913 гг. и рекомендованных Чельцовым, не было упоминания о катехизисах Аггеева, Кремлевского и Соллертинского. Что заставило его в 1907 г. поддержать первый и неудачный опыт Аггеева? По-видимому, это было общее для законоучительского кружка убеждение, что христианская вера выражается в мировидении (пособие Чельцова 1917 г. будет названо «Христианское мирозерцание»). Мировоззрение, ставящее в основу функционирования социума практическое следование христианским истинам, считалось лево-реформаторами единственно верным и православным.

Книга «Сущность церковного обновления»

В 1906 г. лево-реформаторов начали методично критиковать их союзники по движению за церковную реформу – религиозная интеллигенция. Теоретики «нового религиозного сознания» (НРС) к 1904 г. сформулировали свою доктрину церковного обновления (включала: освящение культуры, развитие старых догматов и создание новых, напр., о признании «плоти мира» святой по причине Боговоплощения). Д.В. Философов упрекал их за увлечение освободительным движением в ущерб религиозной задаче; «метафизические корни» у них – те же, что и у старой Церкви, если они займутся выяснением «своих религиозных основ», начнется жуткая «какофония», писал он. Выбрав тактику «мирного обновления», они надеются остаться своими и для Синода, и присоединиться к революционерам. К.М. Аггеев эмоционально отреагировал на статью, ответив, что Философов социал-демократам еще более чужд, чем реформаторы; если освободительное движение – результат «длинного процесса русской жизни», в нем «найдется хотя бы самая незначительная доля участия для тех, которых так... третирует» Философов. Карташев тоже заметил, что реформаторы отделились от «религиозного вопроса», а С.Н. Булгаков высказал в «Веке» надежду на то, что их «профессиональное» движение займется разработкой «религиозного зерна». Вероятно, в таких обстоятельствах и возник прецедент поручения Чельцову развернутого и обстоятельного ответа.

В 1905 г., несмотря на одобрение 19 октября собранием «Союза ревнителей церковного обновления» проекта церковных реформ, идеология лево-реформаторов не имела четких форм. («У нас были только единичные разговоры, не отливавшиеся ни в какую отчетливость и требовательность...»³³). Сборник «К церковному собору» состоял из пропущенных цензурой статей 1905 г., когда движение еще не разделилось на умеренных и лево-реформаторов. Порывистая натура Аггеева заставляла его колебаться в кругу религиозных задач, он писал в частном письме, что не знает, по какую сторону окажется после полемики с Карташевым³⁴; к тому же, Аггеев был занят написанием диссертации и книги «Исторический грех», и возможно, протоиерея Михаила вы-

³³ Чельцов 1997: 420.

³⁴ Балакшина 2014: 404.

брали как знающего взгляды каждого члена кружка, и как профессионала, который не напишет ничего, что не пропустила бы цензура.

Книга «Сущность церковного обновления», о которой Чельцов написал через 25-лет, что она была подготовлена по поручению «Братства ревнителей церковного обновления»³⁵, могла быть поручена советом «Братства», куда входили К.М. Аггеев, В.Я. Колачев, П.М. Кремлевский, Н.П. Аксаков, и, конечно, должна была выразить взгляды и Чельцова, и поручителей. В итоге в ней получили место и утверждение, что их движение стремится к церковному обновлению «на основе полной церковной каноничности», и реформаторская проблематика, и скорректированный «религиозный вопрос». Очевидно, сам Чельцов или не разделял лево-реформаторской идеи применения принципа халкидонского догмата для обоснования христианства как «общественной религии», или не считал возможным богословствовать на эту тему, и потому, когда речь заходила религиозной реформе, живая речь автора книги становилась невнятной и многословной.

В книге Чельцов написал, что движение за церковное обновление «еще не определилось ни в своей внутренней сущности, ни в целях, ни со стороны средств своих», и представляет собой конгломерат различающихся сил и течений. «Церковным обновленцем мнит себя, бранящий... по личным своим счетам, своего архиерея и восстающий против епархиальной бюрократии, но во взглядах своих на христианство и на задачи пастырства не простирающийся далее откровений “Колокола”... и тот, кто почти... безразличен к делу церковной реформы, не придает ей значения, а все свое внимание сосредотачивает... на полном раскрытии³⁶ христианства»³⁷, т.е. Чельцов показывал, что неверно считать «обновленцами» традиционалистов, недовольных синодальным управлением Церковью, тех, кто занят философскими размышлениями о религии и читателей консервативного «Колокола»³⁸. Чельцов показал, что Русская Церковь в тупике из-за сложившегося в ней отношения к общественной жизни. «Наше время – время переоценки всех ценностей, пересмотра всех основ человеческого бытия и делания... мысль человеческая невольно обращается к метафизике и к религии, в которых она хочет найти для себя точку опоры и исхода», но обратившиеся за разъяснениями к Церкви христиане «натолкнулись на стену молчания»³⁹

³⁵ Чельцов 1997: 420.

³⁶ Согласно церковному учению, в Церкви содержится вся полнота христианской истины.

³⁷ Чельцов 1907: 2.

³⁸ Газета «Колокол» начала издаваться в 1905 г. Слабая в профессиональном плане, в первые годы она часто перепечатывала статьи из других изданий. Став на непримиримые позиции по отношению к любой критике Русской Церкви, и поддерживая курс правительственных реформ, она обрела свое лицо. Ее читателями были люди, убежденные, что церковно-государственные реформы не должны проходить без опоры на начала вселенского православия и русского самодержавия

³⁹ Чельцов 1907: 7.

Цель Церкви – «раскрытие, выяснение христианства как абсолютной и универсальной религии, как веры, проникающей, просвещающей все взаимоотношения общественные, творящей здесь, на земле... Царство Божие»⁴⁰, писал он. Неужели, вопрошал автор, христианство «всецело выражается в аскетизме»?⁴¹ Игнорирование Церковью этих вопросов заставило пастырей задуматься, нормально ли это, появилась ли необходимость «осмотреть церковное христианство, выяснить его... подлинную сущность, его отношение к государственной, экономической, общественной жизни, к политике и культуре общечеловеческой», так появилось церковное обновление⁴².

Трудно сказать, почему из целей Церкви здесь исчезли образ Царства Небесного и задача борьбы христиан за стяжание Святого Духа. Возможно, ответ в причине написания книги, – ответе реформаторов на «жесткую, ядовитую, но далеко не справедливую критику» (Чельцов) религиозной интеллигенции. Чельцов сам указал на «статьи за декабрь 1906 г. в “Стране” и в “Товарище”»⁴³. В «Товарище» прошла статья Философова, написавшего, что у реформаторов нет *социального* идеала, а в «Стране» была напечатана статья Карташева «Путаница церковного сознания». А.В. Карташев писал, что православие «есть религия индивидуалистическая, социально бесплотная», потому все «глубоко и беззаветно отданные служению земной культуре и общественности должны оставить историческую Церковь... и искать независимых путей для осуществления своего нового религиозно-общественного идеала»⁴⁴. Лево-реформаторы не хотели покидать историческую Церковь. Чельцов в книге выводил свой «социальный» идеал, им была церковная общественность соборного типа, когда каждый шел индивидуальным путем спасения, являясь при этом частью Тела Христова.

Лозунг церковного обновления «Христианская общественность. Царство Божие и на земле»⁴⁵ не был чужд религиозной интеллигенции. И Чельцов не мог не отметить: «В этих пунктах церковные обновленцы близко подходят к так называемым новым христианам», а «дальше пути расходятся», потому что «неохристиане» хотели новых открытий. «Обновленцы», писал Чельцов, новых открытий не ждут, «староцерковны», и верят, что в Церкви дана вся полнота божественного учения. При этом ими признавалось, что сущность христианства не проявлена, историческая Церковь «отяжелела» под массой «несродных ей наслоений», утратила «приложимость общечеловеческую», и это не позволяет ей в полную меру проявлять благодать Св. Духа⁴⁶. Лево-реформаторы

⁴⁰ Там же: 9.

⁴¹ Там же: 8.

⁴² Там же: 9.

⁴³ Там же: 4.

⁴⁴ Карташев 1906: 1–2.

⁴⁵ Чельцов 1907: 9; Аггеев 1907: 4, 5, 11.

⁴⁶ Там же: 10.

считали, что в «корнях» христианства заложено религиозное отношение к миру, земле, общественной жизни, «церковное обновление» в их понимании должно было «размочить почву», чтобы эти корни начали развиваться. (Обновление «должно быть глубоким и всесторонним, чтобы коснуться самых корней», оно «требует коренных реформ», хотя и «чурается реформации, как явления другого порядка»⁴⁷).

Но что считалось «несродными» Церкви историческими наслоениями? – «Византийство» (в комплексе: аскетическая традиция, симфония Церкви и самодержавия) и «предания старцев»⁴⁸, т.е. то, что является частью православной церковной традиции. К ним справедливо были отнесены сложившиеся в петровскую эпоху отношения Церкви с государством. Церковь, считали реформаторы, должна быть абсолютно свободна от государства, а обновление ее «во взаимоотношениях людских... должно указать полную приложимость и всецелую осуществимость евангельских принципов братства, равенства и свободы» в социуме, для чего нужно «выявить их христианскую физиономию и подлинность... добиваться реформирования и церковного управления, церковной жизни на основах соборности и единства»⁴⁹. Традиционный образ «Царства Божьего на земле» – это Церковь, общество спасаемых, освящаемых в церковных Таинствах. И христианские «братство и равенство» – это единство и равенство верующих *во Христе*. В книге Чельцова нет уточнений о том, как «равенство во Христе» предполагали трансформировать в социально-политический вариант.

В вопросах тактики планировалась литературная работа по раскрытию и проведению «в сознании всего христианского общества» «истинного понятия о том, что такое христианство в его внутренней сущности, каково его отношение к земле и небу», какое место в нем занимает культура, вопросы социальные и экономические»⁵⁰. За литературной «обработкой» должно бы следовать «внедрение в самую гущу жизни идей обновления путем рефератов, публичных лекций, народных собеседований»⁵¹. Содействие церковному обновлению позиционировалось как героизм, как борьба со злом. Автор, отвергавший реформацию, отмечал, что «средства к осуществлению задач церковного обновления должны быть радикальные». Параметры реформы (свобода от «архиерейского гнета», «цезарепапизма», демократизм во внутрицерковных отношениях, восстановление патриаршества) не играли главной роли⁵². Главным была христианизация жизни, «хотя бы достигать этого пришлось с большим ущербом для духовенства»⁵³.

⁴⁷ Чельцов 1907: 5.

⁴⁸ Там же: 10.

⁴⁹ Там же: 14.

⁵⁰ Чельцов 1907: 13.

⁵¹ Там же: 15.

⁵² Там же: 11.

⁵³ В чем «ущерб» для духовенства, не разъяснено.

С одной стороны, реформаторы писали, что как все русское духовенство ожидают каноничных реформ Церкви, с другой, что «во взгляде на сущность и цель реформы расходятся со многими из белого и со всеми из черного духовенства и тем более с архиерейством»⁵⁴, что для них безразлично, будет ли во главе Церкви патриарх, важна реформа «коренная», дающая свободу человеческой личности и христианизации жизни⁵⁵. «Таково церковное обновление в его теоретической, идейной постановке, как мы ее разумеем»⁵⁶, – резюмировал Чельцов.

Чельцов и «религия» Д.С. Мережковского

Как и интеллигенция НРС, лево-реформаторы считали, что догмат о соединении в Богочеловеке двух природ имеет отношение к сочетанию в этом мире «земного» и «небесного». Это не было признанием «плоти мира» святой, но переносило акценты из сферы духовной⁵⁷ в сферу общественную. Насколько Чельцов был знаком с теми, кого он называл «новыми христианами»? Интересовало ли его это движение религиозной интеллигенции?

Около 1910 г. Чельцов писал статью о «новом религиозном сознании». Рассматривать НРС, по его мнению, означало обратиться к работам Д.С. Мережковского, потому что никто другой, кроме Н.А. Бердяева, не привнес ничего в это явление, остальные «слушают» Мережковского⁵⁸. Статья опиралась на книги Мережковского «Лев Толстой и Достоевский», «Не мир, но меч», «Грядущий хам», «Юлиан Отступник» и называлась «О некоторых новых религиозных течениях». В 1910 г. «новым течением» НРС никак быть не могло, и возможно, статья была начата несколькими годами ранее. 1910 г. – это год кризиса движения интеллигенции за новое религиозное сознание в России; в поиске единства в 1909–1910 гг. оно стремилось определиться с вопросами: «в чем конкретно выражается новое религиозное сознание», и «действительно ли его основой является “религия” Мережковского»⁵⁹.

Судя по тексту статьи, Чельцов был наслышан об НРС, прочел программные книги его теоретиков Бердяева и Мережковского, сборник «Слова и жизнь» Философова⁶⁰. Личное знакомство с Мережковским, возможно, состоялось в 1905 г., когда писатель приезжал в кружок «32-х», чтобы выразить свое восхищение их инициативой, и прочитал там доклад. Чельцов считал учение Мережковского достаточно известным: идеи НРС «быстро распространяются ... главным образом среди интеллигентных читателей»⁶¹, писал он, о Мережковском пишут

⁵⁴ Чельцов 1907: 11.

⁵⁵ Чельцов 1907: 12.

⁵⁶ Чельцов 1907: 13.

⁵⁷ «Дух животворит, плоть не пользуется ни мало». Ин. 6:63.

⁵⁸ НИ ОР РГБ. Ф. 868. Л. 1.

⁵⁹ Воронцова 2020: 625–655.

⁶⁰ НИ ОР РГБ. Ф. 868. Л. 5.

⁶¹ НИ ОР РГБ. Ф. 868. Л. 1.

книги и читают лекции, «теперь нередко можно встретить и рабочего, проникающегося воззрениями Мережковского на Церковь и на христианство. А сочинения его все более и более проникают в нашу провинцию, а, следовательно, и в народное сознание»⁶². И даже если «новое религиозное сознание в своей цельности не захватит русскую публику и не создаст самостоятельного религиозного движения, то ... суждения и взгляды Мережковского уже получили у нас право на гражданство»⁶³. Центральное место Чельцов отвел учению Мережковского о «Трех тайнах». По сборнику «Не мир, но меч» он пересказал содержание его учения о Тайне Трех, скрытой в соборности, которую, согласно Мережковскому, надлежало раскрыть Церкви.

Статья осталась недописанной; ее тон и отсутствие выводов не позволяют судить о том, как относился ее автор к обозреваемому учению, связанному со столь важным для Чельцова общественным значением христианства. С нашей точки зрения, учение Мережковского привлекло внимание Чельцова как миссионера. И ответ на то, как далее могла развиваться статья, коррелируется с тем, как он обыкновенно выстраивал свои работы. В них мы долго не встречаем мнения автора по излагаемому учению той или иной секты, – вплоть до завершающей части, когда идеология секты или течения развенчивалась им с церковной точки зрения. Этот тип построения хорошо виден на примере книги, Чельцова «Современные религиозные искания. Теософия». Половину ее занимает столь подробное изложение этого религиозно-философского учения (в его отношении к христианству, буддизму, трактовке Высшего Существа и суждения о Христе, происхождении мира и человека, о жизни человека и его назначении), что ему позавидовал бы любой апологет. Затем же с той же ясностью и подробностью теософия показывается как явление, совершенно чуждое христианству. Так, Чельцов писал, что чем более теософию будут знать и изучать, тем яснее станет «ее подлинная сущность» и скорее закончится к ней интерес⁶⁴. И свою статью о «религии» Мережковского Чельцов предполагал разделить на две части («положительную» и «отрицательную»). Но написана первая часть, и мы можем только констатировать факт обращения Чельцова к аналитическому обзору НРС.

Позицию Чельцова по одной из проблем НРС, воспринятой левореформаторами – воцерковлению культуры – можно видеть в его работе 1917 г. «Христианское мирозерцание». В параграфе «Христианство и культура» он показал, что традиционная культура русского общества XVIII и XIX вв. отлична от культуры XX в., которая, стала выразительницей жизни по законам плоти. Первую, писал он, Церковь уже давно освятила в семейном укладе жизни, в архитектуре и живописи

⁶² НИ ОР РГБ. Ф. 868. Л. 1.

⁶³ НИ ОР РГБ. Ф. 868. Л. 2.

⁶⁴ Чельцов 1914: 44.

храмов; культура XX в., утратившая высокое содержание, не может быть освящена. Здесь же он откорректировал реформаторский образ «Царства Божьего» на земле, написав, что оно «сеется» в душах человеческих, облекаясь «в плотное и духовное», «основывается на земле»⁶⁵.

После Февральской революции протоиерей Михаил был занят отстаиванием Закона Божьего в системе школьного образования. В июле 1917 г. на 2-м съезде законоучителей был создан «Всероссийский законоучительский союз» и Чельцова избрали председателем его совета, с ноября он стал редактировать журнал «Религия и школа». В 1918 г. реформаторы из «Союза демократического православного духовенства и мирян» пригласили его в обновленческий журнал «Соборный разум», но протоиерей Михаил не стал публиковаться в журнале, проповедовавшем «выявление» православия и «богочеловеческое» сочетание мира плотского и мира духовного⁶⁶. В 1922 г. Михаила Чельцова привлекли к судебному процессу вместе со священномучеником митрополитом Вениамином (Казанским), действительной причиной ареста было противостояние обновленцам.

Протоиерей Михаил интересовался формами церковного обновления как ученый, миссионер и законоучитель. Он стал участником реформаторского движения потому, что искал пути усиления роли религии в обществе; в 1905–1907 гг. поддерживал лево-реформаторов в том, что церковное христианство должно стать общественной религией, и новые методики кружка законоучителей воспринимались им как первый опыт «оживления» православия. До книги «Сущность церковного обновления» не вышло ни одной его работы, где была бы системно представлена лево-реформаторская идеология. Стилистическая неоднородность и противоречивость высказываний книги о радикальности церковного обновления говорят о том, что обновленческие тезисы не были близки Чельцову, и он их только обозначил как автор, которому поручили описать «обновленчество» 1907 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аггеев К., свящ. Исторический грех. СПб., 1907. 14 с. [Aggeev K., svyash. Istoricheskij grekh. SPb., 1907. 14 s.]
- Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М., 2014. 421 с. [Balakshina YU. V. Bratstvo revnitelej cerkovnogo obnovleniya (grupa «32-h» peterburgskih svyashchennikov), 1903–1907: Dokumental'naya istoriya i kul'turnyj kontekst. M., 2014. 421 s.]
- Балакшина Ю. От революции церковной к революции социальной: деятели движения ревнителей церковного обновления в 1917 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. №1–2. С. 207–225. [Balakshina YU. Ot revolyucii cerkovnoj k revolyucii social'noj: deyateli dvizheniya revni-telej cerkovnogo obnovleniya v 1917 g. // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rube-zhom. 2019. №1–2. S. 207–225].
- Балакшина Ю.В. Иоанн Федорович Егоров: Православие и жизнь в нем // Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского ин-

⁶⁵ Чельцов 1997: 139–141, 143.

⁶⁶ Егоров 1918: 15–16.

- ститута. Вып. 2. М., 2010. С. 156–181 [Balakshina YU.V. Ioann Fedorovich Egorov: Pravoslaviye i zhizn' v nem // Svet Hristov pro-sveshchaet vsekh. Al'manah Svyatogo Filaretovskogo pravoslavno-hristianskogo instituta. Вып. 2. М., 2010. С. 156–181].
- Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008. 422 с. [Vorontsova I. V. Russian religious and philosophical thought in the early twentieth century. Moscow, 2008. 422 s.].
- Воронцова И.В. Церковное реформаторство 1905–1907 и «обновленчество» 1920-х годов: К проблеме дефиниций и дифференциаций // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 5. С. 135–145. [Voroncova I.V. Cerkovnoe reformatorstvo 1905–1907 i «obnovlenchestvo» 1920-h godov: K probleme definitsij i differentsiacij // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2019. № 5. S. 135–145].
- Воронцова И.В. Старообрядческий епископ Михаил (Семенов) в контексте истории религиозного реформизма в России (1905–1915 гг.) // Вестник ПСТГУ (II). 2012. № 3. С. 40–55. [Voroncova I.V. Staroobryadcheskij episkop Mihail (Semenov) v kontekste istorii religioznogo reformizma v Rossii (1905–1915) // Vestnik PSTGU (II). 2012. № 3. S. 40–55].
- Воронцова И.В. Священник Г.С. Петров и его «дело» // Вестник ПСТГУ (II). 2018. Вып. 85. С. 11–29. [Voroncova I.V. Svyashchennik G.S. Petrov i ego «delo» // Vestnik PSTGU (II). 2018. Вып. 85. S. 11–29].
- Воронцова И.В. Заколдованный круг русского сознания...» Проблемы социально-религиозного поиска в православной России 2 пол. XIX – нач. XX в. М.: СПб., 2020. 936 с. [Voroncova I.V. Zakoldovannyj krug russkogo soznaniya...» Problemy social'no-religioznogo poiska v pravoslavnoj Rossii 2 pol. XIX – nach. XX v. M.: SPb., 2020. 936 s.].
- Головушкин Д.А. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви в 1905–1925 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002. 275 с. [Golovushkin D.A. Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoi Pravoslavnoj Cerkvi v 1905–1925 gg.: Dis. ... kand. ist. Nauk. Yaroslavl', 2002. 275 s.].
- Зосима (Давыдов). «Московская церковная революция», или Деятельность Московского общества любителей духовного просвещения в 1905–1908 гг. // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. М., 2005. С. 407–408. [Zosima (Davydov). «Moskovskaya cerkovnaya revolyuciya», ili Deyatel'nost' Moskovskogo obshchestva lyubitelej duhovogo prosveshcheniya v 1905–1908 gg. // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya PSTBI. M., 2005. S. 407–408].
- Егоров И., прот. Что же теперь делать? // Соборный разум. 1918. № 3–5. С. 15–16 [Egorov I., prot. Chto zhe teper delat'? // Sobornyy razum. 1918. № 3–5. S. 15–16].
- Миссионерское обозрение. 1899. № 1. [Missionerskoe obozrenie. 1899. № 1].
- НИ ОР РГБ. Ф. 868. К. 1. Ед. хр. 28. Л. 1–5. [NI OR RGB. F. 868. K. 1. Ed. hr. 28. L. 1–5].
- «Обновленческое братство» // Церковный голос. 1906. № 48. С. 1342–1343. [«Obnovlencheskoe bratstvo» // Cerkovnyj golos. 1906. № 48. S. 1342–1343].
- Ореханов Г., иер. На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция). М., 2002. [Orekanov G., ier. Na puti k Soboru: Cerkovnye reformy i pervaya russkaya revolyuciya). M., 2002].
- Петровский А. Священник К. Аггеев. Христова вера // Церковный голос. 1907. № 7. С. 220–223 [Petrovskij A. Svyashchennik K. Aggeev. Hristova vera // Cerkovnyj golos. 1907. № 7. S. 220–223].
- Уральский [Карташев А.В.] Начало церковных откликов на жгучие вопросы // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 431–460. [Ural'skij [Kartashev A.V.] Nachalo cerkovnyh otklikov na zhguchie voprosy // Voprosy zhizni. 1905. № 3. S. 431–460].
- Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). М., 2002. [Russkaya Cerkov' nakanune premen (konec 1890-h–1918 gg.). M., 2002].
- Чельцов М. Плотников. К., свящ. История русского раскола, известного под именем старообрядчества [Рец.] // Миссионерское обозрение. 1899. Июль–август. С. 418–421. [CHel'cov M. Plotnikov. K., svyash. Istoriya russkogo raskola, izvestnogo pod imenem staroobryadchestva [Rec.] // Missionerskoe obozrenie. 1899. Ijul'–avgust. S. 418–421].
- Чельцов М. Проф. Беляев А. О безбожии и антихристе // Миссионерское обозрение. 1899. С. 285–290. [CHel'cov M. Prof. Belyaev A. O bezbozhii i antihriste // Missionerskoe obozrenie. 1899. S. 285–290].
- Чельцов М., свящ. О вере и неверии. СПб., 1910. 21 с. [CHel'cov M., svyash. O vere i neverii. Spb., 1910. 21 s.].

- Чельцов М., прот. Современные религиозные искания. Теософия. М., 1914. 44 с. [СНел'цов М., prot. Sovremennye religioznye iskaniya. Teosofiya. M., 1914. 44 s.]
- Чельцов М., прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930-х гг. // Православная община". 1997. № 40. <http://www.sfi.ru/statja/prot-mikhail-chelcov-v-chem-prichina-cerkovnoi-razrukh-i-v-1920-1930-kh-godakh/> [СНел'цов М., prot. V chem prichina cerkovnoj razruhi v 1920–1930-h godah // Pravoslavnaya obshchina". 1997. № 40. <http://www.sfi.ru/statja/prot-mikhail-chelcov-v-chem-prichina-cerkovnoi-razrukh-i-v-1920-1930-kh-godakh/>] (19.02.2020).
- Чельцов М., прот. Христианское миросозерцание. М., 1997. 175 с. [СНел'цов М., prot. Hristianskoe mirosozercanie. M., 1997. 175 s.]
- Чельцов М., свящ. О веротерпимости // Правда православия. 1906. № 2. С. 9–10. [СНел'цов М., svyash. O veroterpimosti // Pravda pravoslaviya. 1906. № 2. S. 9–10].
- Чельцов М., свящ. О названии «православие» // Правда православия. 1906. № 7. С. 10–11. [СНел'цов М., O nazvanii «pravoslavie» // Pravda pravoslaviya. 1906. № 7. S. 10–11].
- Чельцов М., свящ. Причины появления и развития нашего сектантства // Правда православия. 1906. № 11. С. 9–10; № 13. С. 7–8. [СНел'цов М., svyashch. Prichiny pojavleniya i razvitiya nashogo sektantstva // Pravda pravoslaviya. 1906. № 11. S. 9–10; № 13. S. 7–8].
- Чельцов М., свящ. Богословие и специальные науки. СПб., 1906. 23 с. [СНел'цов М., svyashch. Bogoslovie i special'nye nauki. SPb., 1906. 23 s.]
- Чельцов М., свящ. Пособия к изучению катехизиса // Тамбовские епархиальные ведомости. 1907. № 46. С. 184–1846. [СНел'цов М., svyash. Posobiya k izucheniyu katekhizisa // Tambovskie eparhial'nye vedomosti. 1907. № 46. S. 184–1846].
- Чельцов М., свящ. Сущность церковного обновления. СПб., 1907. 15 с. [СНел'цов М., svyash. Sushchnost' cerkovnogo obnovleniya. SPb., 1907. 15 s.]
- Цыпин В., прот. Обновленчество. Раскол и его предыстория // Сети обновленного православия. М., 1995. С. 7–21. [Супин В., prot. Obnovlenchestvo. Raskol i ego predystoriya // Setai obnovlennogo pravosla-viya. M., 1995. S. 7–21].

Воронцова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, кандидат богословия, старший научный сотрудник, научный отдел новейшей истории Русской Православной Церкви, Православный Св.-Тихоновский гуманитарный университет. irinavoronc@yandex.ru

Archpriest Mikhail Cheltsov During Participation in the Church Reform Movement

Archpriest Mikhail Cheltsov is considered one of the Church reform movement leaders. Among his scientific works, theological articles and pedagogical pamphlets is a book that systematized the principles of pre-revolutionary renovationism, while there are no analytical descriptions of the reform period of his life. What led him to join the ranks of the left-reformers of the Russian Church; what were his personal views on church renewal? These questions are considered here for the first time on the material of the epistolary heritage of the Holy Martyr M. P. Cheltsov. The author concludes that, believing that the Law of God is the soul of the Russian people, Archpriest Michael followed his idea that Orthodoxy should come into close contact with public life.

Keywords: *Mikhail Cheltsov, Church reformation, revival of Church Orthodoxy.*

Irina V. Vorontsova, candidate of Historical Sciences, candidate of Theology, senior researcher of the scientific Department of the modern history of the Russian Orthodox Church of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities; irinavoronc@yandex.ru

Е.А. АНОХИНА, О.В. ТОМАШЕВИЧ

**«ВЫ ПОДГОТОВИЛИ МЕНЯ
НА ГОЛЕНИЩЕВСКУЮ КОЛЛЕКЦИЮ»:
Т.Н. БОРОЗДИНА – УЧЕНИЦА ПРОФ. Б.А. ТУРАЕВА**

Статья посвящена основателю русской науки о древнем Востоке, египтологу Б.А. Тураеву и его любимой ученице Т.Н. Бороздиной. Авторы анализируют ранее неизвестные архивные документы, связанные с историей профессиональной подготовки Т.Н. Бороздиной, ее становления как египтолога и ее совместной с Тураевым деятельностью в Музее изящных искусств им. Императора Александра III при Императорском Московском университете (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина). Среди новых документов – материалы из архива Московских Высших женских курсов, Императорского Московского университета и письма Бороздиной к Тураеву (1912–1919 гг.).
Ключевые слова: египтология, Б.А. Тураев, Т.Н. Бороздина, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Московские Высшие Женские Курсы.

Тамара Николаевна Бороздина (в замужестве Бороздина-Козьмина, 1886–1959)¹ – любимая ученица Бориса Александровича Тураева (1868–1920)², основателя русской науки о древнем Востоке. Ее научная жизнь была неразрывно связана с Музеем изящных искусств им. Императора Александра III при Московском университете (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина), где она работала почти два десятилетия с его открытия в 1912 г.³, причем являлась практически единственной помощницей профессора Б.А. Тураева, создателя и хранителя Отдела Классического Востока Музея. Т.Н. Бороздина принимала участие во всех важных начинаниях своего Учителя до его кончины в 1920 г. Она составляла научный инвентарь знаменитой коллекции восточных древностей первого русского египтолога В.С. Голенищева, купленной государством в 1909 г. для еще строящегося Музея изящных искусств. Бороздина готовила к печати описание древнеегипетских памятников, успешно занималась лекционно-просветительской деятельностью. Она многое сделала для сохранения древневосточной коллекции в стенах Музея в весьма непростые годы, следовавшие за Октябрьской революцией. Особенно непростыми эти годы были для дворянского сословия, к которому она принадлежала по рождению. Бороздина была потомственной дворянкой – в 1858 г. ее деду Илье Ильичу Бороздину была дана грамота о внесении его имени и рода Бороздиных в VI часть дворянской родословной книги Владимирской губернии⁴.

¹ О Т.Н. Бороздиной-Козьминой см.: Томашевич 2003.

² О Б.А. Тураеве см.: Томашевич 2007.

³ Архивные документы не позволяют абсолютно точно определить дату поступления Т.Н. Бороздиной на службу в Музей, т.к. ее первоначальная должность не числилась в штатном расписании, а скорее относилась к сфере работы «на общественных началах» (подробнее см. ниже).

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 418. О. 484. Д. 15. Л. 6; ОР РГБ. Ф. 520. Оп. 50. Ед. хр. 2, 4.

В последнее время удалось обнаружить ряд новых архивных документов, связанных с историей профессиональной подготовки Бороздиной, ее становления как египтолога и совместной с Тураевым деятельностью в Музее изящных искусств⁵. Это документы из архива Московских Высших женских курсов⁶; дело историко-филологической испытательной комиссии о Бороздиной Тамаре 1916 г. в архиве Императорского Московского Университета⁷; личное дело Бороздиной-Козьминой в архиве Института археологии и искусствознания за 1921–1926 гг.⁸; письма Бороздиной-Козьминой к Тураеву за 1912–1919 гг.⁹ Недавно новые материалы о Т.Н. Бороздиной стали известны и благодаря публикации архива ее старшего брата, историка И.Н. Бороздина¹⁰, и воспоминаний его вдовы П.А. Бороздиной¹¹. Представляется, что новые архивные материалы важны для истории как отечественной египтологии, так и одного из крупнейших музеев нашей страны.

Знакомство Тамары Николаевны с Тураевым произошло, вероятно, благодаря ее брату, Илье Николаевичу Бороздину (1883–1959), закончившему в 1907 г. историко-филологический факультет Императорского Московского университета. И.Н. Бороздин был, в отличие от сестры, весьма плодовитым автором: его перу принадлежит более 400 публикаций, первая из которых появилась в 1903 г., когда он был еще студентом. Этим же годом датируется начало переписки Бороздина с профессором Тураевым. Возможно, первая статья и стала поводом для нее: студент консультировался у уже известного ученого. Бороздин много сделает для популяризации науки о древностях, а эта задача представлялась крайне актуальной Тураеву (напр., вместе они редактировали сборник переводов источников, предназначенный прежде всего для широкой публики («Древний Восток». М., 1915)).

Есть и другая, менее вероятная версия истории знакомства Тураева с семьей Бороздиных, основанная на воспоминаниях П.А. Бороздиной¹². В доме у мамы Ильи и Тамары, Юлии Владимировны Бороздиной (1866–1916), преподавательницы научных классов в Императорском Театральном училище, бывали многие ученые и деятели культуры (актеры М.Н. Ермолова, А.П. Ленский, А.И. Южин-Сумбатов, историки Н.И. Стороженко, Д.Н. Егоров, поэты Ю. Балтрушайтис, М. Волошин),

⁵ Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь с работой в архивах Москвы П. Д. Скоробогатовой и Д. А. Изосимову.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 484. Д. 15.

⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 71.

⁹ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197.

¹⁰ Селиванова 2016; Сафонов, Федосова 2014; Кузнецов, Селиванова 2019. Авторы выражают искреннюю благодарность О.В. Селивановой за предоставление информации о Т.Н. Бороздиной-Козьминой.

¹¹ Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина...

¹² Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина...: 31-32; Селиванова 2016: 69; Кузнецов, Селиванова 2019: 172-173.

и в том числе Б.А. Тураев. Не исключено, что Тураев был знаком с некоторыми из этих людей и пару раз мог оказаться в их компании, но скорее случайно, божественная среда не была для него привычной.

Так или иначе, переписка свидетельствует, что Борис Александрович был очень дружен с семьей Бороздиных. В письмах Тамара Николаевна откровенно сообщала о болезнях матери и своем нервном душевном состоянии, обусловленном ими¹³. Тураев отправлял своих знакомых, приезжающих в Москву, к Бороздиным¹⁴, а Т.Н. Бороздина ездила к Тураевым в гости в Петроград на Рождество 1916 г.¹⁵ В голодные послереволюционные годы она покупала для своего учителя продукты и даже приглашала переехать к ним в Москву, где ситуация была лучше, чем в Петрограде¹⁶. Не совсем ясно, когда именно установились такие теплые отношения, но, возможно, ещё до 1912 г., когда Тураев стал регулярно приезжать в Москву во вновь открывшийся Музей Изыщных Искусств имени Императора Александра III. Так, уже в первой сохранившейся открытке от августа 1912 г. Бороздина очень доверительно пишет ему о болезни матери¹⁷.

О занятиях Бороздиной египтологией до начала ее работы в Музее изящных искусств сведений нет. Она получила среднее образование в Московском Мариинском училище (1900–1904)¹⁸, а затем училась на Историко-филологическом факультете Московских Высших женских курсов (далее ВЖК) по отделению Всеобщей истории, где «специально занималась всеобщей историей и историей искусств» (1904–1911)¹⁹. Московские ВЖК, организованные В.И. Герье, можно сказать, «специализировались» на историко-филологическом направлении, причем преподавали на них профессора Московского университета, поэтому уровень образования выпускниц был очень высоким. Во время учёбы на ВЖК Тамару Бороздину привлекал древний мир: ее первые публикации – статьи в V томе «Народной энциклопедии» (1912) – посвящены искусству Египта, Передней Азии, Греции и Рима. Скорее всего, в этом увлечении молодой девушки можно увидеть влияние старшего брата, уже активно сотрудничавшего с Тураевым на ниве популяризации науки о Древнем Востоке. В личном деле Т.Н. Бороздиной из архива Института археологии и искусствоведения сказано, что она «занималась на специальных семинарах по египетскому языку, изучала иероглифы и иератическую письменность, также древнееврейский язык. На семинарах по археологии и истории искусств, главным образом, изучала Еги-

¹³ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197. Л. 1, 13-17, 19-20, 22, 51-54, 58-59, 79.

¹⁴ Сафонов, Федосова 2014 (письмо Б.А. Тураева от 6 июня 1915 г.).

¹⁵ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197. Л. 32.

¹⁶ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197. Л. 37-38, 41-42.

¹⁷ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.

¹⁸ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. IV. Ед. хр. 142. Л. 1, 15; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 484. Д. 15. Л. 3.

¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846. Л. 2.

пет. Три раза была за границей (в Германии, во Франции), где слушала лекции и занималась в Музеях по интересующему ее предмету»²⁰.

Специальные семинары по египетскому языку под руководством Тураева начались осенью 1912 г. в Музее изящных искусств²¹, где Бороздина уже работала. Об этих ее занятиях говорится в ходатайстве профессоров В.К. Мальмберга²² и Б.А. Тураева из архива ВЖК: «Со времени поступления в Музей Изыщных Искусств имени Императора Александра III египетского и древне-восточного собрания В.С. Голенищева госпожа Бороздина специализировалась в области древне-восточного, особенно египетского искусства. Открытие при музее занятий египетским языком и письмом дало возможность ей приобрести для своей работы прочный фундамент в виде основательной египтологической подготовки. В этой области госпожа Бороздина уже показала успехи и даже подготовила к печати описание принадлежащих Музею египетских алебастровых сосудов и произведений керамики»²³.

Тураев был профессором Санкт-Петербургского университета, где читал лекции по древневосточной истории, преподавал древнеегипетский язык и за относительно короткое и крайне неблагоприятное для нормальной жизни время создал отечественную школу востоковедов-древников. С 1912 г. началась его преподавательская деятельность в Москве, давшая импульс развитию в ней египтологии. Бороздина, говоря об ученых заслугах и преподавательской работе своего учителя, подчеркивала, что в последние годы своей жизни он отдавал много сил и внимания Музею и способствовал «воворению в Москве знаменитой коллекции Голенищева, тем самым предопределив роль Москвы, как притягательного пункта для русских египтологов»²⁴.

Помимо службы хранителя в Музее изящных искусств, с 1913 г. проф. Б.А. Тураев ведет занятия на Московских ВЖК. Лекции по истории Древнего Востока, два «семинария» по чтению иероглифических и иератических текстов он проводил в залах Музея изящных искусств, о чем свидетельствуют отчеты Музея за 1913–1920 гг.²⁵ Кроме того, Тураев «занимался с небольшой группой специалистов по чтению иероглифических и иератических надписей на подлинниках и некоторых изданиях папирусов»²⁶. К сожалению, состав его слушателей установить пока не удастся, кроме двух студенток, оставивших воспоминания об этих занятиях. Одна из них – Бороздина: «Я никогда не забуду этого удивительного руководства, полного глубины, желания всячески по-

²⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 71. Л. 3, 3 об.

²¹ ОР ГМИИ. Ф. 5. О. IV. Ед. хр. 142. Л. 3.

²² Под руководством проф. В.К. Мальмберга Т.Н. Бороздина занималась античным искусством на ВЖК.

²³ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846. Л. 36.

²⁴ Франк-Каменецкий 1925: 130.

²⁵ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп.1. Ед. хр. 60. Л. 2; Ед. хр. 126. Л. 17.

²⁶ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп.1. Ед. хр. 355. Л. 47.

мочь и облегчить встречаемые трудности, а также глубокую радость, когда ученик справлялся со своей задачей. Все свои знания, свой богатый опыт Б.А. отдавал ученикам. Как искренно хлопотал он, чтоб добыть ту или иную книгу или какой-нибудь материал, необходимый для них»²⁷. Другая ученица Тураева – М. Рудзинскайте-Арцимавичене (Рудзинская Мария Леопольдовна, 1885–1941), первый египтолог Литвы²⁸, получившая диплом ВЖК в 1908 г.²⁹ и сдавшая в 1916 г. государственные экзамены на историко-филологическом факультете Московского университета с дипломом I степени. В сентябре 1913 г. она повторно поступила на «Высшие Курсы» в Москве для «слушания лекций по истории Востока и искусству при музее Александра III»³⁰. На протяжении 4 или даже 6 лет (разночтения в разных документах³¹) Рудзинскайте занималась в семинариях Тураева и оставила – по горячим следам, в 1921 г. – воспоминания о его манере чтения лекций:

«Это был оригинальный лектор, труднодоступный и малопонятный для широкой аудитории. Незаметно появляясь на кафедре, спокойный, как статуя, иногда со скрещенными на груди руками, как будто египетское каменное изваяние, он читал лекцию тихим монотонным речитативом, никогда не заглядывая в книгу, какие-либо свои записи, не оглядываясь... Читая лекцию, он как будто говорил с богами... Выбранная им аудитория – Египетский зал Художественного музея, где лежали мумии, стол был загроможден папирусами и окружен статуями египетских богов и фараонов, – создавала определенное настроение, помогающее разбираться в древних папирусах. Тут профессор Б.А. Тураев чувствовал себя как дома, и, сам живя “чарующей жизнью Египта”, зачаровывал и нас, своих слушательниц»³².

Именно эти занятия стала посещать Бороздина с 1912 г. Вероятно, она и попала на службу в Музей благодаря рекомендациям Тураева. Правда, она была знакома и с директором Музея, проф. И.В. Цветаевым, и с его главным хранителем, профессором В.К. Мальмберггом, так как оба преподавали на ВЖК. Точная дата начала работы Бороздиной в Музее не известна. В ее заявлении о допуске «к исполнению обязанностей руководительницы при систематических осмотрах Музея Изыщных Искусств им. Александра III в Москве» указана дата 3 октября 1912 г.³³ Но сохранилось удостоверение от 2 апреля 1915 г., в котором говорится, что «предъявительница сего потомственная дворянка Тамара Николаевна БОРОЗДИНА состоит с мая месяца 1912 года при Музее Изыщных искусств имени императора Александра III руководительницей экскурсионных осмотров»³⁴. Сохранилась еще и открытка Бороздиной к Тураеву от августа 1912 г., в которой она сообщает: «В Музее

²⁷ Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев...: 307-308.

²⁸ Сниткувене 1988: 86-92; Мишкинене 2012: 159.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 21691. Л. 27.

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 21691. Л. 9.

³¹ Сниткувене 1988: 86, примеч. 68.

³² Сниткувене 1988: 86.

³³ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. I. Ед. хр. 23. Л. 118.

³⁴ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. IV. Д. 142; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 484. Д. 15. Л. 14.

пусто – И.В. [Цветаева] и В.К. [Мальмберга] нет. Н.А. [Щербаков] сегодня уехал. А.В. [Назаревский] вернулся, сегодня был в Музее. С.П. [Киприянов] между Тулой и Москвой. Пишу Вам на только что вышедшей открытке³⁵. Буду очень рада получить от Вас письмо с извещением, когда Вы собираетесь в Москву с Голенищевым?»³⁶. Итак, уже в мае 1912 г., с открытия Музея, Бороздину официально взяли руководительницей экскурсионных осмотров³⁷ и привлекли к работе в библиотеке³⁸. На деле она почти сразу исполняла и хранительские обязанности, во всем помогая Б.А. Тураеву, бывавшему в Москве лишь наездами. На тот момент штат музея был крохотным (8 человек+5 «барышень»)³⁹. Только в 1917 г. Т.Н. Бороздина становится согласно документам ассистентом (помощником) хранителя⁴⁰.

В 1915 г. Бороздина начала подготовку к магистерскому экзамену. По ходатайству Тураева и Мальмберга⁴¹ она была оставлена на два года при ВЖК по кафедре истории искусств для подготовки к научной деятельности (что было равнозначно сдаче магистерских экзаменов)⁴². Документы личного дела Бороздиной из архива ВЖК⁴³ дают нам возможность узнать методику преподавательской работы Тураева: какие древние тексты он разбирал с учениками; какие давал темы для научных работ; какую литературу советовал читать. Конечно, подготовка Бороздиной имела свои особенности – Тураев готовил не просто египтолога, а музейного специалиста, способного заниматься изучением и хранением коллекции В.С. Голенищева и других древних памятников.

В «Инструкции для занятий оставленной при Московских Высших Женских Курсах по историко-филологическому факультету Тамары Николаевны Бороздиной» за подписью Б.А. Тураева говорится:

«Научные интересы Т.Н. Бороздиной сосредотачиваются главным образом на Египтологии, особенно на истории египетской культуры, египетского искусства. Занятия ее должны состоять в: 1/ углублении сведений по древнему Египту путем изучения источников его истории и памятников пись-

³⁵ На открытке – статуэтки древнеегипетских божеств из собрания В.С. Голенищева и из дара Музею Ю.С. Нечаева-Мальцова.

³⁶ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197. Л. 1. В тексте открытки перечислен почти весь штат Музея в 1911-1912 гг.: Иван Владимирович Цветаев (1847-1913) – основатель и первый директор; Владимир Константинович Мальмберг (1860-1922) – главный хранитель; Николай Арсеньевич Щербаков (1884 - ?) – младший хранитель; Александр Владимирович Назаревский (1876-после 1919) – ученый секретарь; Сергей Павлинович Киприянов – заведующий библиотекой и хозяйственной частью музея.

³⁷ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 118.

³⁸ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4; Ф. 8. Оп. IX. Ед. хр.1. Л. 3.

³⁹ См. Примеч. 37 и воспоминания Н.Н. Клейн: «Попасть в Музей было чрезвычайно трудно, все равно, что выиграть 200 тысяч, и считалось особой честью» (И.В. Цветаев создает музей...: 41).

⁴⁰ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 3а. Л. 50 об., 55.

⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846. Л. 36.

⁴² В 1917 г. советом профессоров Бороздина была оставлена на третий год до 1 января 1918 г. (ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 1. Д. 131).

⁴³ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846.

менности; 2/ в занятиях египетским искусством; 3/ в расширении сведений по истории древнего Востока.

1. Т.Н. Бороздиной рекомендуется неукоснительно читать тексты как иероглифические, так и иератические, как изданные, так, по возможности, и из числа находящихся в египетском отделе Музея Изыщных Искусств. Кроме общеизвестных и общераспространенных пособий и изданий, весьма важно следить за материалом, помещаемым в периодических изданиях, особенно в *Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*⁴⁴ и др. Следует также изучать греческие источники египетской истории, как литературные, так и документальные; последние по сборнику *Mitteis-Wilcken, Grundrisse d. Papyruskunde*⁴⁵.

2. Кроме трудов Биссинга, Капара, Шпигельберга, Масперо, посвященных египетскому искусству, весьма полезных для повторного изучения и проработки, необходимо обращаться к постоянно находимому и издаваемому новому материалу в монументальных сериях *Egypt Exploration Fund*, *Archeological Survey of Egypt*, *British School of Archeology in Egypt*, *Egyptian Research Account*, *Institut d'archéologie Orientale au Caire*, *Wissenschaftliche Veröffentlichungen d. Deutschen Orientgesellschaft*. Конечно, памятники египетского искусства в Музее Изыщных Искусств должны дать прекрасный материал для самостоятельной работы.

3. Для занятий по истории других стран древнего Востока основным пособием должен служить труд Эд. Мейера, *Geschichte des Altertums*; для времени от XVI в. придется обращаться к монографиям, посвященным истории отдельных стран, напр. *Goodspeed'a* – для Ассирии и Вавилона, *Jastrow'a* – для вавилонской религии, *Kittel'я* – для Израиля, *Ed.Meyer'a* и *Garstang'a* – для Хеттов⁴⁶.

Программа обучения Бороздиной отражала главные научные интересы самого учителя: публикация переводов на русский язык древних текстов и описание музейных подлинников. Уже в январе 1912 г. на заседании Ученого совета Музея был поставлен вопрос о необходимости издания древнеегипетских памятников, в т.ч. рукописей и надписей⁴⁷. Тураев много сделал для этого, привлекая к работе и свою ученицу.

Инструкция демонстрирует также высокий уровень требований Тураева к Бороздиной: при постоянном внимании к чтению подлинных текстов, особенно хранящихся в Музее, он указывает на необходимость овладения ею новейшей литературой по истории Древнего Востока, причем на разных языках и в весьма внушительном объеме.

На ВЖК Бороздина прошла основательную египтологическую подготовку⁴⁸. Занятия включали «чтение и разбор с историческими и грамматическими комментариями памятников египетской письменности» в очень внушительном объеме. Среди прочитанных текстов были

⁴⁴ Важнейшие в начале века периодические издания по египтологии.

⁴⁵ Имеется в виду издание: *Mitteis L., Wilcken U. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Leipzig, 1912.*

⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846. Л. 40, 40 об.

⁴⁷ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. I. Ед. хр. 2. Л. 1, 1 об.

⁴⁸ Напомним, что помимо этого, Бороздина занималась античным искусством под руководством В.К. Мальмберга.

разнообразные по датировкам и характеру источники: надпись нубийского завоевателя Египта Пианхи (25 династия); много надписей блестящей 18 династии, прежде всего эпохи царицы Хатшепсут (надписи из ее храма в Дейр эль-Бахри; Бороздина работала также над темой, данной Тураевым: «Изображение экспедиции в Пунт на памятниках искусства храма Дейр-эль-Бахри»); надписи современников царицы Хатшепсут из гробниц, на статуях, стелах, обелисках; гимн Атону. Переводились иератические тексты из издания Г. Мёллера (*Hieratische Lesestuecke fuer den Akadenischen Gebrauch herausgegeben von Georg Moeller. H. I-III. Leipzig*): гимн в честь Сенусерта III, папирус Весткар, папирус Харрис, часть Берлинского папируса «Призывания Исиды и Нефтиды»⁴⁹; из «Книги дыхания», из плача Исиды и Нефтиды над умершим Осирисом, из ритуала бальзамирования, из книги «Да процветет имя мое». Последний текст был сравнен с папирусом, находящимся в египетском отделе Музея Изыщных Искусств (папирус № 4637 «Да будет крепко имя мое»)). Впоследствии для 3-его издания тураевского «Изборника источников по культурной истории Востока, Греции и Рима» Бороздина подготовила к печати переводы «Из плача Исиды и Нефтиды над умершим Осирисом», «Заклинание против огня», «Заклинание против детской болезни» (Древний мир. 1917). Подборка прочитанных Бороздиной текстов не случайна – все они разбираются или упоминаются Тураевым в его монографии, посвященной древнеегипетской литературе, над которой он работал в то время⁵⁰. Из памятников иератической письменности, находящихся в Музее, Бороздиной были разобраны: «Путешествие Унуамона», «Гимн в честь царской диадемы» (так в отчете). Возможно, чтение этих папирусов было подготовкой к задуманному Тураевым изданию рукописей собрания В.С. Голенищева. В отчете Музея за 1916 г. зафиксирован «Разбор и приготовление к печати иератических папирусов Египетского Отдела»⁵¹.

Второй важнейшей составляющей занятий Бороздиной было описание памятников египетского отдела Музея Изыщных Искусств и подготовка этих материалов к печати. Темы были выбраны Тураевым, вероятно, по согласованию с ученицей: описание сосудов и чаш из разных материалов: камня, глины, фаянса, бронзы, а также подобий сосудов для благовоний⁵²; описание скульптурных моделей; описание формочек из глины для отлива амулетов, бусин, статуэток, перстней, пластинок и проч.; подготовка статьи о луке и стрелах египетского царевича Амени; описание амулетов. Эти описания предназначались для публикации, но, к сожалению, не все было издано, что, возможно, объясня-

⁴⁹ Этот текст переведен учеником Тураева: Коцейковский 1913.

⁵⁰ Тураев 1920.

⁵¹ ОРГМИИ. Ф. 5. Оп.1. Ед. хр. 200. Л. 29.

⁵² В Отчете Музея за 1913 г. упоминается о составлении Бороздиной описания египетских сосудов (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. I. Ед. хр. 60. Л. 2.), вероятно, это начало работы, опубликованной в 1926 г.: Бороздина 1926(1); Бороздина 1926(2).

ется сложными условиями Первой мировой войны и последовавшими революциями 1917 г. Увидели свет следующие статьи: в 1915 г. «Лук и стрелы египетского царевича Амени»⁵³; в 1917 г. «Египетские скульптурные модели Музея изящных искусств при Московском университете»⁵⁴; в 1926 г. «Древнеегипетские туалетные сосудики Государственного Музея изящных искусств»⁵⁵ и «Глиняные сосуды и чаши архаического Египта бывшего собрания В.С. Голенищева»⁵⁶.

В плане занятий был сбор материала для темы «Изображение на египетском рельефе религиозного, воинственного, светского танца и гимнастических упражнений». Итогом стала работа «Древнеегипетский танец»⁵⁷, которая была опубликована в 1919 г. и встречена читателями с большим интересом, ведь начало XX в. ознаменовалось и революцией в области танцевального искусства (не случайно в Россию приезжает Айседора Дункан, студия которой пользовалась большой популярностью). В мировой историографии это было первое обращение к этой сложной и важной теме⁵⁸. В письме от 01.12.1919 г. Бороздина пишет Тураеву: «Как мне передавали, моя книжка пользуется успехом, ко мне очень много обращались общества, магазины и частные лица с просьбой получить известное количество экземпляров, но я ничем не могла помочь, т.к. теперь удивительно странные правила и книгу купить чрезвычайно трудно. Появилась хвалебная рецензия, но не египтолог., а потому для меня не интересная»⁵⁹. Несомненно, молодая женщина отнеслась к избранной специальности с максимальной серьезностью.

Как музейный работник Бороздина занималась популяризацией: для «Экскурсионного Вестника» (кн.1, 1914) она подготовила обзор Отдела Востока и греко-римских древностей⁶⁰. Вероятно, она часто проводила экскурсии: так, в 1915 г. на 11 экскурсоводов пришлось 322 группы – почти по 30 экскурсий на сотрудника⁶¹. В отчете за 1920 г. укаазано: «Многочисленные экскурсии учащихся Высших Учебных Заведений, Трудовых школ, разнообразных организаций, состоящих при Наркомпросе и Гувузе, пользовались объяснениями заведующей египетским подотделом <...>», т.е. Т.Н. Бороздиной⁶².

Успешное овладение ею профессией фиксирует заключение Тураева о занятиях Бороздиной за 1915 г.:

«Отчет Т.Н. Бороздиной за истекшее время ее оставления при Курсах признан удовлетворительным и занятия ее, состоящие в 1) подготовке к госу-

⁵³ Бороздина 1915.

⁵⁴ Бороздина 1917.

⁵⁵ Бороздина 1926(1).

⁵⁶ Бороздина 1926(2).

⁵⁷ Бороздина 1919.

⁵⁸ Позднее на эту же тему напишет статью В.И. Авдиев (Авдиев 1928).

⁵⁹ АГЭ. Ф. 10. Оп. I. Д. 197. Л. 73 об.

⁶⁰ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. IV. Ед. хр. 142. Л.17 об.

⁶¹ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. I. Ед. хр. 169. Л. 4, 26.

⁶² Архивные материалы ...: 340.

дарственным испытаниям; 2) в работе по ученому описанию различных отделов египетского собрания Музея изящных искусств; 3) в чтении и толковании египетских текстов, целесообразными. Может быть, подробные содержания прочитанных текстов в очерке излишни и могли бы быть заменены указанием на литературное и историческое значение этих памятников, но последнее бывало предметом бесед во время занятий. Описание различных отделов коллекции были весьма полезны для г-жи Бороздиной, знакомя ее с достижениями египетской археологии, они могли бы быть теперь же напечатаны в большом инвентарном научном каталоге Музея»⁶³.

Учитель тем самым ставит работе ученицы высший балл, рекомендуя ее к публикации. Сохранилось также заключение Тураева о занятиях Бороздиной за следующий 1916 г.:

«Рассмотрев прилагаемый при сем отчет о занятиях оставленной при Высших Женских Курсах Т.Н. Бороздиной, имею честь довести до сведения факультета, что я признаю его весьма удовлетворительным, а занятия г-жи Бороздиной целесообразными. <...> ею сделано не мало по изучению и описанию памятников и коллекций египетского отдела Музея Изыщных Искусств и даже приготовлена к печати работа о скульптурных моделях, хранящихся в Музее. Исследование этих предметов в настоящее время является очередным в египетской археологии и еще только начинается»⁶⁴.

Очевидно, что учитель находится в постоянном контакте с ученицей, доволен результатами ее занятий и работы с коллекцией в Музее и намечает следующие цели. Тамара Николаевна, постоянно находясь рядом с Тураевым среди памятников и занимаясь музейной рутинной, училась у него гораздо больше, чем могла бы на лекциях и семинарах в университете. Спустя три десятилетия, в 1945 г. в статье памяти Тураева Бороздина вспоминала о счастливых годах молодости:

«Работая в течение нескольких лет совместно с Борисом Александровичем, я всегда восхищалась его исключительным подъемом, когда он приступал к обследованию подлинника. Он как-то весь загорался творческим огнем <...> никогда не считался со временем, а отдавался целиком любимой работе, часами сидел над обследуемым памятником. Своих учеников Борис Александрович приучал к такому же серьезному отношению к научной работе и искренно радовался их успехам на научном поприще»⁶⁵.

После сдачи государственных экзаменов в историко-филологической испытательной комиссии при Императорском Московском Университете в 1916 г. Бороздина получила диплом первой степени⁶⁶. В качестве кандидатской ею была представлена работа «Египетские скульптурные модели Музея Изыщных Искусств имени Императора Александра III в Москве»⁶⁷. Затем она приступила к подготовке к магистер-

⁶³ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846. Л. 104, 104 об.

⁶⁴ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846. Л. 134, 134 об.

⁶⁵ Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев...: 306-307.

⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846. Л. 49-78, 127-133; ЦГА Москвы. Ф.418. Оп. 484. Д. 15.

⁶⁷ В письме Тураеву от 20.10.1916 г. Бороздина пишет: «В Универс[итете] мне все зачили и отметку по Нов[ой] истор[ии] и канд[идатскую] работу – В.К. [Мальмберг] дал бумагу с зачетом» (АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197. Л. 17 об.).

скому экзамену по истории искусств⁶⁸. Подготовка растянулась на долгие годы, что, вероятно, объясняется жизненными условиями послереволюционной эпохи. Уже в 1919 г. Бороздина писала Тураеву:

«Немного занимаюсь коптским искусством, очень мало нахожу пособий, а я хочу это взять, как один из магистерских вопросов, как Вы к этому относитесь? Мне бы хотелось описать наши коптские ткани, если Вы найдете возможным, то быть может можете мне с пособиями по этому вопросу и вообще по коптскому искусству. Отложите мне, пожалуйста, работы по этому вопросу, а я буду стараться найти случай, чтобы как-нибудь их получить»⁶⁹.

Итогом этой работы стали две статьи «Коптский зал в ГМИИ» (1925)⁷⁰ и «Коптские памятники» (1926)⁷¹, но сдавать магистерский экзамен по истории искусств Бороздиной так и не пришлось.

Б.А. Тураев заботится также об укреплении должностного статуса своей ученицы в Музее: в 1917 г. ходатайствует о назначении Бороздиной ассистентом хранителя; в 1919 г. –заведующей Египетским подотделом Отдела Классического Востока, что получилось не сразу и потребовало его активного вмешательства. Сохранилось письмо Тураева к декану историко-филологического факультета Московского университета А.А. Грушке, датированное весной 1919 г. Причиной стало нежелание факультетской комиссии принять кандидатуру Бороздиной, рекомендованной Музеем в качестве руководителя Египетского подотдела⁷² (Музей до ноября 1923 г. был университетским). В письме Тураев характеризует значение работы Бороздиной в Музее:

«Недоверие, выраженное моей деятельностью в Музее Изыщных искусств факультетом, не удостоившим избрать мою помощницу Т.Н. Бороздину, вынуждает меня обратиться к Вам с попыткой реабилитации нашей совместной с ней почти семилетней работы. Т.Н. состоит при Отделе Восточных древностей почти со времени открытия Музея (с осени 1912 г.), она прекрасно изучила коллекцию Голенищева, сроднилась с нею, полюбила ее, я бы позволил себе выразиться, благоговейною любовью. После принятия и размещения ее по витринам, которое частью было сделано до ее поступления в число служащих Музея, проделан сложный труд, труд инвентаризации и размещения этих более чем 2000 предметов, которые оказались в собрании Голенищева сверх инвентаря и в значительной своей части были не разобраны и даже не раскрыты. В этом одном я нашел в Т.Н. деятельную помощницу, подготовленную специально и обладающую солидным общим образованием в области искусства и археологии. Точно так же при занесении в инвентарь новых поступлений Т.Н. оказывала мне существенное содействие. Когда я предпринял большое научное описание всей коллекции по отделам по образцу большого Каирского каталога, рассчитанного на ряд томов, Т.Н. приняла в нем участие и приготовила к печати описание египетской керамики, алебастровых и бронзовых сосудов, а также скульптурных моделей. Последнее успело быть напечатанным и составило второй выпуск этого научного предприятия; первым является описа-

⁶⁸ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. IV. Ед. хр. 142. Л. 3.

⁶⁹ АГЭ. Ф. 10. Оп. I. Д. 197. Л. 73-73 об.

⁷⁰ Козьмина 1925.

⁷¹ Бороздина 1926(3).

⁷² ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. I. Ед. хр. 2. Л. 18, 22-24.

ние египетских статуй и статуэток с изданием и посильным переводом их надписей, составленным мною. Остальной материал лежит пока, ожидая более благоприятного времени для своего появления; работы Т.Н. находясь в Музее и во всякое время могут быть предоставлены; составленные мною описания стел, саркофагов, канопов, ушебти и др. находятся в Петрограде в надежде на возрождение действующей теперь типографии Академии Наук, где только и имеется иероглифический шрифт. Часть папирусов недавно сдана мною в фотографию для воспроизведения в б. фирме Голике и Вильборг на сумму, отпущенную Академией Наук в размере 10 т. р. Тамара Николаевна была также превосходной руководительницей публики и экскурсий, посещавших египетское собрание, и неоднократно получала благодарность за свое руководство.

В настоящее время, когда поездки из Петрограда в Москву затруднены до чрезвычайности и не всегда возможны, когда получаемого мною вознаграждения не хватает даже на железнодорожный билет, а состояние моего здоровья часто препятствует путешествию, как это было в прошедшую зиму, нахождение Т.Н. при Музее гарантировало сохранность его египетской и восточной коллекций и позволяло мне быть спокойным за их безопасность и за научное ведение»⁷³.

Официальной причиной неизбрания Бороздиной было отсутствие у нее ученой степени, соответствующей должности хранителя египетского отдела⁷⁴. На тот момент она только готовилась к магистерскому экзамену, который позволил бы ей согласно научным традициям Российской империи занять эту должность (несмотря на отмену ученых степеней декретом СНК РСФСР от 1.10.1918). Стараниями Тураева дело решилось в пользу Бороздиной, и она стала заведующей Египетским подотделом. А в сентябре 1919 г. Тураев просит Ученый совет «допустить заведующую египетским подотделом Т.Н. Бороздину с правом решающего голоса на все те заседания Ученого Совета, на которых он в силу тех или др[угих] обстоятельств присутствовать будет не в состоянии»⁷⁵. Его предложение возражений не встретило. Бороздина фактически стала официальным заместителем Тураева в Музее – несомненный знак полного доверия учителя, высоко ценившего целеустремленность, трудолюбие и профессиональные качества своей ученицы⁷⁶.

Отсутствие «формального образовательного ценза» объясняет, возможно, не только «неприятное дело» 1919 г., но и последующие карьерные проблемы Бороздиной. Маловероятно, что причиной была ее принадлежность к потомственному дворянству – в первые годы после революции в таких сферах как наука и культура советская власть никак не могла обойтись без «бывших» порой по банальной причине – массовой безграмотности. Не исключено, что на руководящих должностях консервативное университетское и музейное начальство хотело видеть

⁷³ Скударь 2017: 81-82.

⁷⁴ См. письмо Тураева к А.А. Грушке от 20.VI.1919 г. (Скударь 2017: 84).

⁷⁵ Архивные материалы...: 336.

⁷⁶ В 1920 г. по представлению академика Б.А. Тураева Т.Н. Бороздина была также избрана научным сотрудником в Академию Истории Материальной Культуры по разряду Археологии Классического Востока (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. IV. Д.142. Л.15).

мужчину (действительно, отчасти из-за своих материнских обязанностей и болезни одного из сыновей она и уйдет из любимого Музея). Напомним, что ВЖК были организованы прежде всего потому, что доступ в университет для представительниц слабого пола был закрыт.

После смерти ее учителя в 1920 г. Тамару Николаевну назначают только *исполняющей обязанности* хранителя Отдела Древнего Востока⁷⁷. И это при том, что она была старейшим и опытным сотрудником Музея, работавшим именно в отделе Древнего Востока практически с открытия. В 1924 г., когда Бороздина еще работала в Музее, на должность заведующего Отделом Древнего Востока был назначен В.М. Викентьев, находившийся тогда в заграничной командировке, а когда он в 1926 г. решил не возвращаться – ассириолог В.К. Шилейко.

Б.А. Тураев, «отец русской египтологии», как свидетельствуют приведенные документы, видел именно в Тамаре Николаевне Бороздине своего преемника – заведующую и хранительницу столь дорогой его сердцу Голенищевской коллекции, которой посвятил значительную часть своей, оказавшейся совсем не долгой, жизни. Бороздина писала учителю в письме от 15.10.1918 г.: «За то недолгое время, кот[орое] открыт наш Музей, Вы такую массу сделали в области научных изысканий, массу прочитали лекций, давали объяснения, предоставляли всем интересующимся заниматься, пользуясь Вашими советами, Вы подготовили меня на Голенищ[евскую] кол[лекцию], теперь же я Вам готовлю ряд молодых людей, будущих специалистов египтологов»⁷⁸.

Научная и музейная жизнь Тамары Николаевны оказалась относительно короткой – ей было 45 лет, когда она ушла из Музея. Возможно, отчасти так получилось и потому, что счастливо сложилась ее личная судьба – она была женой любящего ее и успешного мужчины⁷⁹, матью трех сыновей, которым и посвятила свою жизнь. После ее кончины один из них передаст в музей маленькие «осколки» столь любимой ей древнеегипетской цивилизации – памятники, купленные ею у антикваров по совету ее Учителя, Бориса Александровича Тураева.

ИСТОЧНИКИ

- Отдел рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 197.
- Отдел рукописей им. А.С. Пушкина (ОР ГМИИ). Ф. 5. Оп. I. Ед. хр. 2, Ед. хр. 3а, Ед. хр. 23, Ед. хр. 60, Ед. хр. 126, Ед. хр. 169, Ед. хр. 200, Ед. хр. 355; Ф. 5. Оп. 4. Ед. хр. 142; Ф. 8. Оп. IX. Ед. хр. 1.
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 71.

⁷⁷ В отчете Музея за 1920 г. сказано: «По смерти проф. Б.А. Тураева по постановлению Факультета временное исполнение обязанностей заведующего Восточным Отделом возложено на заведующую Египетским подотделом Т.Н. Бороздину» (Архивные материалы...: 339).

⁷⁸ АГЭ. Ф. 10. Оп. I. Д. 197. Л. 48 об.

⁷⁹ Б.П. Козьмин (1883-1958) – доктор исторических наук, член Союза писателей СССР, директор Литературного музея. О нем см.: Твардовская 2003.

Центральный Государственный Архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 363. Оп. 1. Д. 131; Ф. 363. Оп. 4. Д. 3846; Ф. 363. Оп. 4. Д. 21691; Ф.418. Оп. 484. Д. 15.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Авдиев В.И. Древнеегипетский танец и его реконструкция // Советское искусство. 1928. № 7. С. 55-65 [Avdiev V.I. Drevneegipetskii tanets i ego rekonstruktsiya // Sovetskoe iskusstvo. 1928. № 7. S. 55-65].
- Архивные материалы // Памятники и люди / Сост. В. Я. Гельман и др. М.: Восточная литература, 2003. С. 322-427 [Arkhivnye materialy // Pamyatniki i lyudi / Sost. V. Ya. Gel'man i dr. M.: Vostochnaya literatura, 2003. S. 322-427].
- Бороздина Т.Н. Лук и стрелы египетского царевича Амени // Сборник статей, посвященных Л.М. Савелову. 1915. С. 318-319 [Borozdina T.N. Luk i strely egipetskogo tsarevicha Ameni // Sbornik statei, posvyashchennykh L.M. Savelovu. 1915. S. 318-319].
- Бороздина Т.Н. Египетские скульптурные модели Музея изящных искусств при Московском университете // Сборник Московского Меркурия по истории, литературе и искусству 1 (1917). С. 231-241 [Borozdina T.N. Egipetskie skulpturnye modeli Muzeya izyashchnykh iskusstv pri Moskovskom universitete] // Sbornik Moskovskogo Merkuriya po istorii, literature i iskusstvu 1 (1917). S. 231-241].
- Бороздина Т.Н. Древнеегипетский танец. М.: Д. Я. Маковский и сын, 1919. 36 с. [Borozdina T.N. Drevneegipetskii tanets. M.: D. Ya. Makovskii i syn, 1919. 36 s.].
- Бороздина Т.Н. Древнеегипетские туалетные сосудики Государственного Музея изящных искусств // Труды Отделения искусствознания Института археологии и искусствознания I (1926). С. 63-67 [Borozdina T.N. Drevneegipetskie tualetnye sosudiki Gosudarstvennogo Muzeya izyashchnykh iskusstv // Trudy Otdeleniya iskusstvovnaniya Instituta arkhologii i iskusstvovnaniya I (1926). S. 63-67].
- Бороздина Т.Н. Глиняные сосуды и чаши архаического Египта бывшего собрания В.С. Голенищева // Памятники Государственного Музея изящных искусств 5 (1926). С. 7-21 [Borozdina T.N. Glinyanye sosudy i chashi arkhaischeskogo Egipta byvshego sobraniya V.S. Golenishcheva // Pamyatniki Gosudarstvennogo Muzeya izyashchnykh iskusstv 5 (1926). S. 7-21].
- Бороздина Т.Н. Коптские памятники // Жизнь музея. Бюллетень Государственного Музея Изыщных Искусств 2 (1926). С. 11-13 [Borozdina T.N. Koptskie pamyatniki // Zhizn' muzeya. Vyulleten' Gosudarstvennogo Muzeya Izyashchnykh Iskusstv 2 (1926). S. 11-13].
- Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912) / Сост. А.А. Демская и др. М.: Советский художник, 1987 (Из архива ГМИИ им. А.С. Пушкина 3). 343 с. [Vydayushchiisya russkii vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kollektcii v Muzei izyashchnykh iskusstv (1909–1912) / Sost. A.A. Demskaya i dr. M.: Sovetskii khudozhnik, 1987 (Iz arkhiva GMII im. A.S. Pushkina 3). 343 s.].
- И.В. Цветаев создает музей / Сост. и комм. А.А. Демской, Л.М. Смирновой. М.: Галарт, 1995. 444 с. [I.V. Tsvetaev sozdaet muzei / Sost. i komm. A.A. Demskoi, L.M. Smirnovoi. M.: Galart, 1995. 444 s.].
- Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина / Редкол.: П.А. Бороздина и др. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 2000. 405 с. [Zhizn' i sud'ba professora Il'i Nikolaevicha Borozdina / Redkol.: P.A. Borozdina i dr. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta, 2000. 405 s.].
- Козьмина Т. Коптский зал в Государственном музее изящных искусств // Новый Восток 10-11 (1925). С. 370-379 [Koz'mina T. Koptskii zal v Gosudarstvennom muzee izyashchnykh iskusstv // Novyi Vostok 10-11 (1925). S. 370-379].
- Коцейовский А.Л. Иератическая часть Берлинского папируса № 3008. Призывания Изиды и Нефтиды // Записки классического отделения Русского археологического общества 7 (1913). С. 133-187 [Kotseiovskii A.L. Ieraticheskaya chast' Berlinskogo papirusa № 3008. Prizyvaniya Izidy i Neftidy // Zapiski klassicheskogo otdeleniya Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva 7 (1913). S. 133-187].
- Кузнецов А.А., Селиванова О.В. «Вы были и остаетесь неутомимым работником нашей советской исторической науки» (комментарии к переписке историков С.И. Архангельского и И.Н. Бороздина) // Ученые записки Казанского ун-та. Серия Гуманитарные науки 161, кн. 2–3 (2019). С. 170-187 [Kuznetsov A.A., Selivanova O.V. «Vy byli i ostanetsya neutomimym rabotnikom nashoi sovetskoi istoricheskoi nauki» (kommentarii k perepiske istorikov S.I. Arkhangel'skogo i I.N. Borozdina) // Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta. Seriya Gumanitarnye nauki 161, kn. 2–3 (2019). S. 170-187].

- ostaetes' neutomimom rabotnikom nashei sovetskoi istoricheskoi nauki» (kommentarii k perepiske istorikov S.I. Arkhangel'skogo i I.N. Borozdina) // Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta. Seriya Gumanitarnye nauki 161, kn. 2–3 (2019). S. 170–187].
- Мишкинена Г. Востоковедение в Вильнюсском университете // Бюллетень Общества востоковедов 18 (2012). С. 153–164 [Mishkinena G. Vostokovedenie v Vil'nyuskom universite // Vyulleten' Obshchestva vostokovedov 18 (2012). S. 153–164].
- Сафонов И.Е., Федосова Н.М. Переписка Б.А. Тураева и И.Н. Бороздина // Неизвестные страницы истории отечественного востоковедения 4 (2014). С. 131–171 [Safonov I.E., Fedosova N.M. Perepiska B.A. Turaeva i I.N. Borozdina // Neizvestnye stranitsy istorii otechestvennogo vostokovedeniya 4 (2014). S. 131–171].
- Селиванова О.В. Обзор личного фонда И.Н. Бороздина в Архиве Российской Академии Наук // Мирас – наследие / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров и А. Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 69–99 [Selivanova O.V. Obzor lichnogo fonda I.N. Borozdina v Arkhive Rossiiskoi Akademii Nauk // Miras – nasledie / Sost. i отв. red. S.G. Bocharov i A. G. Sitdikov. Kazan': Aster Plus, 2016. S. 69–99].
- Скударь Е.В. Профессор Московского университета А.А. Грушка. Страницы жизни. М.: Факультет журналистики МГУ, 2017. 273 с. [Skudar' E.V. Professor Moskovskogo universiteta A.A. Grushka. Stranitsy zhizni. M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2017. 273 s.].
- Сниткувене А.П. Очерки по истории собрания египетских древностей в Литве // Вестник древней истории 3 (1988). С. 75–93 [Snitkuvene A.P. Ocherki po istorii sobiraniya egiptskikh drevnostei v Litve // Vestnik drevnei istorii 3 (1988). S. 75–93].
- Твардовская В.А. Б.П. Козьмин. Историк и современность. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 245 с. [Tvardovskaya V.A. B.P. Koz'min. Istorik i sovremennost'. M.: Int-rossiiskoi istorii RAN, 2003. 245 s.].
- Томашевич О.В. Т.Н. Бороздина-Козьмина – ученица и наследница дела Б.А. Тураева в Музее изящных искусств // Памятники и люди / Сост. В. Я. Гельман и др. М.: Восточная литература, 2003. С. 122–140 [Tomashevich O.V. T.N. Borozdina-Koz'mina – uchenitsa i naslednitsa dela B.A. Turaeva v Muzee izyashchnykh iskusstv // Pamyatniki i lyudi / Sost. V. Ya. Gel'man i dr. M.: Vostochnaya literatura, 2003. S. 122–140].
- Томашевич О.В. И было его жития 51 год... Биографический очерк // Б.А. Тураев. Древний Египет (Классика исторической науки). М.: Высшая школа, 2007. 519 с. [Tomashevich O.V. I bylo ego zhitiya 51 god... Biograficheskii ocherk // B.A. Turaev. Drevnii Egipt (Klassika istoricheskoi nauki). M.: Vysshaya shkola, 2007. 519 s.].
- Ходжаш С.И. Отдел Востока Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Памятники и люди // Памятники и люди / Сост. В. Я. Гельман и др. М.: Восточная литература, 2003. С. 3–61 [Khodzhash S.I. Otdel Vostoka Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina. Pamyatniki i lyudi // Pamyatniki i lyudi / Sost. V. Ya. Gel'man i dr. M.: Vostochnaya literatura, 2003. S. 3–61].
- Тураев Б.А. Египетская литература. Том I. Исторический очерк древнеегипетской литературы (Памятники мировой литературы). М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1920. 282 с. [Turaev B.A. Egiptskaya literatura. Tom I. Istoricheskii ocherk drevneegiptskoi literatury (Pamyatniki mirovoi literatury). M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh, 1920. 282 s.].
- Франк-Каменецкий И.Г. Первый съезд русских египтологов // Восток. Журнал литературы, науки и искусства II (1925). С. 126–130 [Frank-Kamenetskii I.G. Pervyi s"ezd russkikh egiptologov // Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva II (1925). S. 126–130].

Анохина Евгения Александровна, кандидат исторических наук, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России» в МГУ им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник, Отдел Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина, evgeniia.anokhina@arts-museum.ru

Томашевич Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России» в МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории древнего мира исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, olgatomas@mail.ru, evgeniia.anokhina@arts-museum.ru

**«You Have Prepared Me for the Golenishchev Collection»:
T.N. Borozdina – a Student of Professor B.A. Turaev**

The article is dedicated to the Egyptologist B.A. Turaev, the founder of the Ancient Near Eastern Studies in Russia, and his favorite student T.N. Borozdina. The authors analyze previously un-known archival documents related to the professional development of T.N. Borozdina as Egyptologist and her collaboration with B.A. Turaev in the Museum of Fine Arts named after Emperor Alexander III at the Imperial Moscow University (now the Pushkin State Museum of Fine Arts). Among the new documents are materials from the archives of the Moscow Higher Women's Courses, the Imperial Moscow University, as well as letters from T.N. Borozdina to B.A. Turaev from 1912 to 1919.

Keywords: *Egyptology, B.A. Turaev, T.N. Borozdina, the Pushkin State Museum of Fine Arts, the Moscow Higher Women's Courses*

Anokhina Evgeniya, *Candidate of Historical Sciences, Member of the research team of the RSF project 19-18-00369 "The Classical East: culture, world-view, tradition of studying in Russia (based on the material of the Pushkin State Museum of Fine Arts collection and archival sources)" of the Lomonosov Moscow State University, Research associate, Department of the Ancient Orient, The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia*

Tomashevich Olga, *Candidate of Historical Sciences, Member of the research team of the RSF project 19-18-00369 "The Classical East: culture, world-view, tradition of studying in Russia (based on the material of the Pushkin State Museum of Fine Arts collection and archival sources)" of the Lomonosov Moscow State University, Associate Professor, Faculty of History, The Lomonosov Moscow State University; olgato-mas@mail.ru*

Е. В. АБРОСЬКИНА

**“Я НЕ СТОИЛА ИЛЛЮЗИЙ НА БУДУЩЕЕ”
ПУТЬ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Д. ФЛИТТНЕР)¹**

В статье представлен анализ воспоминаний петербургского историка и искусствоведа Н. Д. Флиттнер (1879–1957), сотрудницы Эрмитажа (1918–1950), автора ряда классических исследований по искусству Древнего Востока, преподавателя ЛГУ (1921–1935) и Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1937–1956). Данный текст сфокусирован преимущественно на этапе ее профессионального становления: так, Флиттнер пишет про обучение на Высших женских (Бестужевских) курсах и в Санкт-Петербургском университете (1899–1903), описывает период музейной и научной работы в Эрмитаже (1918–1950), показывая личный опыт трансформаций академической среды при становлении советской повседневности и утверждении нового научного дискурса, подчиненного идеологии и политическим целям большевиков. Автор статьи утверждает, что анализ языка и микрореконтекстов описания частной жизни представляет важную для исследователя истории отечественного гуманитарного знания оптику, но также дополняет общую картину распространения женского образования, радикальных перемен в музейной сфере и научном сообществе после 1917 г. Отдельный интерес представляет отображенная в воспоминаниях академическая среда историков древности, ярким примером которой был кружок египтолога Б. А. Тураева, ставшего отправной точкой для образования интеллектуальной сети взаимодействия его учеников.

Ключевые слова: Флиттнер, воспоминания, женский вопрос, история повседневности, советская власть, Эрмитаж.

«Я стала историком, потому что история с моей точки зрения – самая широкая, самая всеобъемлющая наука, потому что история говорит глубже всего о человеке и о человечестве вообще»
Н. Д. Флиттнер².

Наталья Давидовна Флиттнер (1879–1957) – известный ученый, ее имя знакомо каждому исследователю, занимающемуся историей искусства Древнего мира. Ее монография «Культура и искусство Двуречья» считается «хрестоматийной»³ и неоднократно переиздается⁴, а благодаря ее педагогической деятельности многие известные ныне ученые выбрали для себя научную стезю⁵. Флиттнер оставила после себя ряд дневников и рукопись воспоминаний, которая представляет для нас наибольший интерес. Эти воспоминания важны для изучения интеллектуальной истории эпохи, как содержащие описание академической культуры исследователей древней истории, и прежде всего, кружка

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.»

² АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об.

³ Воробьева 2015: 31.

⁴ Переиздания: в 2008 (издательство им. Новикова), 2011 (издательство В. Шевчук), 2019 (издательство Юрайт).

⁵ Например, историк Б. Б. Пиотровский, директор Эрмитажа (1964 – 1990).

Б.А. Тураева, членом которого она была и который являлся связующим звеном для специалистов в области древнего Востока. Для истории музейного дела эти воспоминания ценны своим анализом феномена перехода от императорских дворцов и частных резиденций к публичным музеям после революции 1917 г., свидетелем которого она была.

Благодаря подробно задокументированным Флиттнер событиям конца XIX – начала XX вв., мы сможем увидеть уникальный творческий путь женщины-ученого, отразивший всю сложность модернизационных и политических процессов в России. Н.А. Флиттнер называет свой труд работой, за будущее которой она беспокоится: «Очень хотелось мне использовать их [дневники], с их помощью продолжить эту свою работу, дать после “Детства, отрочества и юности” мои “Lehr- und Wanderjahre”⁶, а затем – и все то, что за ними последовало, мои зрелые годы и старость мою... Возможно-ли это будет и не погибнет-ли все, вся моя уже сделанная работа в наступившем страшном катаклизме – не знаю. Не хочется мне, чтобы чужая рука рылась в них, не хочется, чтобы их изодрали и разбросали по листочку»⁷.

Наталия Давидовна Флиттнер происходила из петербургской семьи немецкого происхождения и лютеранского вероисповедания. Ее отец Давид Богданович Флиттнер был врачом, а дед Богдан Францевич и его брат Давид Францевич были пасторами. В семье Давида Богдановича было четверо детей – Наталия, Софья, Юлия, Вильгельмина и Бруно. Биографии Флиттнер посвящено несколько исчерпывающих статей, на которые мы опираемся⁸. Задачей настоящей статьи является реконструкция при помощи микроисторического анализа повседневных практик (процесса обучения, поиска работы, преподавания), характерных не только для Флиттнер, но и для многих других девушек ее сословия и времени. С помощью этой реконструкции мы изучаем контексты, стоящие за данными практиками: жизнь большой патриархальной семьи, с которой связана этническая и религиозная идентичность индивида, получение женщиной высшего образования и выход на рынок труда, вхождение ее в научные сообщества Петербурга. В них проявляются такие важные для макроистории процессы как эмансипация женщин, разрушение системы сословных прав и привилегий, захват власти в России большевиками и последующие коренные сломы общественной, научной, культурной жизни, разрушение привычного жизненного уклада и позиции в обществе каждого человека. Важный сюжет – выстраивание общих академических связей историков древности, объединенных Б.А. Тураевым: совместное обучение в Берлине, работа в Эрмитаже и защита диссертаций, неформальное общение и визиты позволяют сформировать профессиональную сеть, в которую будут

⁶ «Годы странствий и учебы» – отсылка к популярной в конце XIX в. детской повести «Хайди: годы странствий и учёбы» швейцарской писательницы Йоханны Спири.

⁷ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 3. Л. 587 – Л. 588.

⁸ Блэк 2012. Воробьева 2015.

включены такие историки, как В.В. Струве, И.М. Волков, А.А. Коцейовский, В.К. Шилейко и др. Дальнейшие траектории их пути драматичны: из широкой сети тураевских учеников, лишь В.В. Струве будет успешным ученым в СССР. Флиттнер будет заниматься музейной работой и «надстроечными» сюжетами – искусством и культурой древнего мира, а большинство других учеников (Коцейовский, Волков, Гесс, Вильев, Шилейко) уйдут из жизни еще до наступления 1930-х гг.

Перечисленные сюжеты позволяют выявить ряд параллелей с другими интеллектуальными биографиями современников и коллег Флиттнер. В то же время важно отметить и самостоятельную ценность воспоминаний, свидетельствующих о процессе трансформации, которой подвергается интеллектуальная идентичность в кризисные периоды. Несмотря на то, что сама Флиттнер практически не пострадала во время установления советской власти и не эмигрировала, она безусловно была вынуждена «поменять свою идентичность коренным образом»⁹.

Из интересующих нас двух рукописей, первая озаглавлена Флиттнер как «Воспоминания. В институте и дома 1897–1889». Начата работа 31 апреля 1940 г., закончена «в Санкт-Петербурге во 2-ом бомбоубежище, в 6 ч. утра 7-го Декабря 1941 года»¹⁰. Флиттнер начинает свои воспоминания с периода окончания Николаевского института и поступления на Высшие женские (Бестужевские) курсы (1897–1899). Вторая рукопись названа «Воспоминания (“Период бури и натиска”))», работа над ней продолжалась с 1951 по 1952 г. Эта рукопись достаточно мозаична и содержит в себе воспоминания о 1911–1912 гг., а также о времени поступления Флиттнер в Эрмитаж в 1918 г. и о событиях 1930-х гг. Большая часть текста написана на русском языке, однако ряд диалогов, цитат и само название воспоминаний – на немецком. Видимо, этот язык был языком домашнего общения, поскольку автор, фиксируя диалоги с родными, использует немецкий. По свидетельству Н.Н. Воробьевой, эта часть архива Флиттнер была приобретена Государственным Эрмитажем в 2001 г. у ее родственников¹¹. Большинство записей освещает дореволюционный период и отчасти первые десятилетия работы Флиттнер в Эрмитаже. Этому периоду и будет посвящена данная статья.

Высшие женские (Бестужевские) курсы: окружение, обучение и начало собственного пути

Одним из важных общественных явлений в России на рубеже XIX–XX вв. стало появление Высших женских курсов. Успехи и трудности курсисток отражают не только личные перипетии, но и культурную и социальную среду того времени. В 1899 г., после окончания Николаевского института благородных девиц, Н. Флиттнер поступила на словесно-историческое отделение Санкт-Петербургских Высших жен-

⁹ Селунская 2016: 64.

¹⁰ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 3. Л. 598. (Далее ссылки на воспоминания даются в тексте).

¹¹ Воробьева 2015: 24.

ских курсов. Ее решение продолжать обучение вызвало обсуждение и даже конфликты внутри семьи: она уже имела педагогическое образование, могла преподавать и давать частные уроки, поэтому учеба на ВЖК вызвала у женской половины семьи множество вопросов. Прежде всего, мать Флиттнер, Наталия Андреевна была против поступления дочери в институт, хотя, по словам отца, гордилась ей (Л. 542). Отягчающим фактором являлась болезнь отца, который уже не мог работать в полную силу, и необходимо было на правах старшей дочери материально поддерживать семью. Работа и учеба на курсах отнимали у Флиттнер все силы. «Тетя Маня настаивает на том, чтобы я взяла полную нагрузку штатной учительницы»; и Флиттнер цитирует слова тети: «Ты будешь обеспечена работой... Ты сможешь потом получать пенсию... Тебя будут отпускать на курсы». Другая тетя – Эмилия Богдановна, преподавательница немецкого языка в Николаевском институте – уговаривала ее устроиться в IV Отделение, объясняя это тем, что она и так уже «достаточно выучила» и теперь «должна работать». «Да разве отказываюсь я от работы? Но почему я должна брать именно эту, ненавистную мне работу?! Не хочу я ни уроки немецкого языка давать, ни чиновницей быть», – пишет Флиттнер (Л. 544-545). Не все высказывались против ее дальнейшего обучения. Главной поддержкой был отец, к которому она не шла за советом по поводу очередной подработки, так как знала его ответ: «“Брось уроки, учись сама”...» (Л. 549). Сопровождение окружающей среды – один из множества факторов, сопровождавших будущую курсистку: так, автор «Дневника русской женщины» Е.А. Дьяконова повествует в своих записках о том, с каким трудом ей удалось получить от матери разрешение на обучение¹².

Атмосфера ВЖК отличалась от той, к которой Флиттнер привыкла в Николаевском институте: «Непривычна и чужда была мне и среда курсов и это немудрено, тк. кк. подавляющее большинство слушательниц было гимназистками, совершенно иначе росшими, чем единичные институтки» (Л. 361). Она описывает разные типы курсисток: здесь и «изящные девицы», занятые не столько конспектированием лекции, сколько «лощеными ногтями холеных рук и бесчисленными .кольцами, унизывающими пальцы», и коротко постриженные девушки в косоворотках, которых Флиттнер называет «странными мужеподобными существами», «могучками», прозвище, которое «стало обычным для такого вот сорта “женщин”» в домашних беседах; тех и других она считает «кривляками» (Л. 362). Описывает она и поведение тех, кого называет «умницами»: так, во время лекций А.И. Введенского окружает группа слушательниц, они «усаживаются... плотным кольцом у ног Александра Ивановича на кафедре, внимательно слушают, записывают; од-

¹² Запись от 12 сентября 1895 г. – Дьяконова 2005. Тексты советского времени утверждали, что курсы «давали выход из узкой сферы семейно-бытовой обстановки, приобщение к общественным интересам, а зачастую и возможность прямого участия в революционном движении». – Стриевская 1973: 22.

на из них издает литографированный курс лекций по логике» (Л. 364). К таким слушательницам Флиттнер относится почтительно, во многом потому, что логика оказывается для нее достаточно трудной. Однако сама практика «окружения» любимого преподавателя кажется ей вызывающей: «зачем только эти умные женщины так подчеркнуто выделяют себя из среды остальных, зачем они держатся такой... почетной гвардией при Введенском?! Нечто вроде институтских обожательниц». При этом сами «умницы» относятся к бывшим институткам, в число которых входит и Флиттнер, «свысока-презрительно» (Л. 364). Бывшие институтки выделялись на фоне других слушательниц манерой общения и даже языком. В частности, Флиттнер упоминает, что она общалась с подругой по-французски, что вызывало неудовольствие окружающих курсисток: «По институтской, десятилетней привычке болтали по французски [sic!], вовсе не замечая сперва ни косых взглядов, ни резких замечаний по своему адресу» (Л. 365). Для Флиттнер важно подчеркнуть существующую разницу между курсистками, этому она уделяет немалую часть воспоминаний о курсах, что во многом связано с желанием разрушить существующее в обществе представление о курсистках как о гомогенном сообществе, ориентированном на независимость и склонном к революционным идеям.

Активная политическая жизнь курсов, связанная с распространением революционных идей среди студенчества, мало привлекала Флиттнер и вызывала скорее раздражение. Несмотря на свою непримиримую позицию относительно «стада, слепо несущегося по указке вожака, шума, галдя, топчя всякого, кто не влился в него» (Л. 383), Флиттнер осознавала, что это высказывание разных позиций было одной из граней той относительной свободы, которой они обладали, и которую утратили в советское время. Так, позднее рассуждая о «стране победившего социализма», она пишет: «Говорят, что в “царской России”, в которой я и родилась и выросла, не было свободы слова, свободы собраний, свободы совести и т.д. Может-быть, не спорю!... Хотя в те времена моей юности никто не мешал нам устраивать кружки, собираться студенческой компанией, никто не мешал мне ходить в церковь, в мечеть, в синагогу. <...> В “царской России” не было свободы?! Ну а в “стране победившего социализма” не только не стало даже тех ограниченных свобод, которыми мы все таки обладали, но утеряна была даже вот та интимнейшая форма [здесь] свободы, без которой существование человека сводится к существованию раба» (Л. 588 об., Л. 589 об.).

В 1899 г., в год поступления Флиттнер на курсы, произошла все-российская студенческая забастовка, в которой приняли участие и курсистки ВЖК. Забастовки приводили к разным мерам, в т.ч. к исключению участниц. Позиции преподавателей по этому вопросу не были единодушными и однозначными. Наталия Давидовна описывает ситуацию, когда С.Ф. Платонов в числе прочих преподавателей подписал

заявление на имя министра Народного Просвещения с просьбой об исключении ряда слушательниц для пресечения забастовки. Через некоторое время другая группа профессоров во главе с А.И. Введенским подала заявление с просьбой о возвращении исключенных, это заявление было также подписано С.Ф. Платоновым. Флиттнер пишет: «На заседании совета профессоров А.И. Введенский, просматривая оба заявления, громогласно обратился к Платонову, сидевшему на другом конце стола, погрузившись в чтение какой-то рукописи. – “Сергей Федорович, вот у меня тут две бумаги, одна с просьбой об исключении, другая с просьбой об оставлении, – обе подписаны вами. Которую из них вы подписывали правой и которую левой рукой?”. Платонов взглянул на Введенского через свои золотые очки и продолжая делать какие-то пометки в своей рукописи, ответил спокойно своим обычным голосом, немного в нос: – “Обе правой, обе правой, Александр Иванович”». Поведение Платонова Флиттнер толкует как тонкую дипломатию: чтобы прекратить волнения нужны были жесткие меры, «надо было удалить беспокойный элемент», а по прошествии трех летних месяцев «уместно и своевременно вернуть исключенных» (Л. 372).

Обучение на курсах вызывало у Флиттнер противоречивые чувства. С одной стороны, лекции читали известные специалисты, в т.ч. М.И. Ростовцев, К.А. Иванов, А.И. Введенский. С другой стороны, ей не хватало в этих лекциях, того, что напрямую ее интересовало – сведений о том, «как греки жили» (Л. 367 – Л. 368). Разочарование приносит ей список литературы по курсу Ростовцева, в частности – книга Бенедикта Низе «Римская история», страницы которой «дохнули мертвящей скукой». Критический анализ Низе, по мнению Флиттнер, мало подходил для только начинающих изучать историю первокурсниц:

«Убеждена, что ни у кого из нас не было необходимейшего запаса положительных знаний, в то время как [как] нам усиленно прививались знания отрицательные. Вверх тормашками летели у Низе римские цари, а перед экзаменом меня многие однокурсницы беспомощно спрашивали, какой смысл “долбить” имена этих царей, раз они все миф. Ни одна из них не знала ничего, кроме развенчивающих строк Низе, ни для одной из них не существовало ничего, что из [какого-нибудь] Сервия, Туллия или Тарквиния Гордого делало бы ярче живые образы» (Л. 369 – Л. 370).

В дальнейшем внимание к деталям прошлого и к объему знаний, которым обладает слушатель, помогали ей и в преподавании, и в работе с посетителями Эрмитажа. Флиттнер не только критикует существовавший метод преподавания истории, но и решает, как это можно сделать иначе: «я хочу, чтобы слушатели мои, когда я говорю о Флоренции, о жизни ея, видели-бы ее перед собой, чтобы из под пальцев моих, когда я развертываю папирус, для них возникала-бы долина Нила. Одним словом, я хочу возсоздать [sic!] прошлое, делать его живым, показать, что время – нечто относительное, что его можно забыть»¹³.

¹³ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 240 – Л. 241.

В свободное время Флиттнер посещала лекции на естественном отделении. Она слушала лекции И.В. Мушкетова по геологии, В.А. Фаусека – по зоологии беспозвоночных, В.И. Палладина по ботанике. Эти лекции давали ей то, чего она не получала на словесно-историческом отделении, а именно – «стройную систему знания о мире» (Л. 384). Такая «беготня на чужое отделение», как и французский язык, и отстранение от политической жизни курсов отделяли Флиттнер от большинства других курсисток. Однако, и на ВЖК у нее были товарищи, с которыми она проводила свободное время. Например, с Юлией Андреевной Вайтенс, которая познакомила Флиттнер со своей компанией – студентами Академии Художеств (Л. 388). Учеба на ВЖК и работа преподавателем позволяла Флиттнер (как и многим ее современницам) обладать большей свободой, чем была у женщин старшего поколения. В частности, это выражалось в возможности оставаться незамужней и общаться с противоположным полом на правах товарища. Такое поведение вызывало непонимание среди некоторых знакомых женщин, но Флиттнер высоко ценила дружбу и свободу.

Обучение на курсах помогло Флиттнер расширить имеющийся у нее спектр знаний по Древней истории, определиться с тем, что представляет для нее интерес, и главное – стать частью академического сообщества, внутри которого она продолжит жить и развиваться. Несмотря на свою критику в адрес ряда лекций ВЖК, она была одной из лучших слушательниц курсов, что позволило в 1904 г. профессорам ВЖК Н.П. Лихачеву, А.В. Прахову, Б.В. Фармаковскому и Н.И. Веселовскому рекомендовать Флиттнер известному египтологу – профессору Б.А. Тураеву, а он пригласил Флиттнер заниматься древнеегипетским языком в свой кружок, где она познакомилась с В.В. Струве, И.М. Волковым, В.К. Шилейко. Именно Тураеву было суждено стать тем Учителем «с большой буквы», о котором она мечтала, сетуя, что встретила на курсах «ряд отличных профессоров, но ни одного учителя» (Л. 359).

Советская власть и Эрмитаж

Описания революции и гражданской войны должны были стать отдельной частью «Воспоминаний» Флиттнер¹⁴, однако становление новой власти в России нашло отражение и в тех текстах, которые были нам доступны. Как мы уже упоминали выше, Наталия Давидовна не принимала участия в работе революционно настроенных групп курсисток, практически не ходила на собрания, считая, что она «двух станов не боец, а только гость случайный», и эта позиция стала «обычным состоянием и во все последующие годы жизни <...> и во многих других учреждениях» (Д. 3. Л. 383). Между тем, в ее дореволюционных за-

¹⁴ «Я не знаю <...> удастся-ли мне вообще выполнить до конца свое намерение и рассказать [sic!] свои впечатления о первой мировой войне, о всех переживаниях в связи с революцией и о том, кк. [как] я попала в академическую среду, как я в этой среде была принята и кк. [как] я в ней очень-очень многому научилась» [АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 13]. Однако, эта часть «Воспоминаний» нам неизвестна.

метках есть редкие упоминания о «каких-то глухих чувствах протеста против всего, что было здесь», возникающих при виде «спокойных и бодрых рядов арестантов [осужденных за участие в демонстрации]» на залитой солнцем весенней улице (Д. 6. Л. 304).

Советская власть отвела для Флиттнер роль «бывшей» по причине ее социального происхождения, «приписала к классу»¹⁵. Как писала сама Наталия Давидовна: «Папа не был аристократом. Дворянином, каким он умер, его сделала служба, табель о рангах, полученный им очередной орденом. В “дворянстве” его и меня – его старой дочери – усиленно копались во время “чисток” нашей печальной современности. – “Только теперь из меня сделали дворянку. Революция произвела меня во дворянство”, вырвалось у меня горько на “чистке”, – “до этого времени никто не заботился о том”» (Д. 3. Л. 13). Наличие или отсутствие личного дворянства у самой Флиттнер мало интересовало новую власть: «понятием “дворянин” (или “дворянка”) обозначались люди, до революции не работавшие или жившие на ренту, выпускники элитарных учебных заведений или родственники высокопоставленных чинов»¹⁶. Между тем, видимо, наличие значительного педагогического стажа и отсутствие в семье потомственного дворянства помогли Флиттнер пережить «чистки» 1930-х гг. в Эрмитаже, когда «были уволены ценнейшие кадры – лишь только за то, что имели дворянское или купеческое происхождение»¹⁷. «Печальная современность», о которой пишет Флиттнер, не только вовлекла ее в процесс «чисток», но и расколола ее семью, большая часть которой оказалась за границей в эмиграции. Характеристику послереволюционного периода своей жизни Флиттнер дала в рассуждениях о смерти отца, умершего задолго до революции:

«именно в прошлом году [1939–1940], именно в мартовские дни, сидя в своей [неразборчиво], в комнатухе из фанеры, которую я себе выстроила в целях затемнения, я поняла, что и его ранняя смерть и такая же ранняя и, казалось, бессмысленная смерть нашего Коли, получила свое оправдание. Не снести было-бы им обоим, справедливым, честным и гордым, той безбрежной лжи и фальши, той жестокой несправедливости, того дикого произвола, того безмерного унижения человеческого достоинства, через которое им пришлось-бы пройти. Разве не чувствовала я сама глубокой душевной трещины, которую не склеить и не залечить?» (Д. 3. Л. 98 об. – Л. 99).

Советская власть с ее нарастающими репрессивными мерами вынуждала Флиттнер соблюдать осторожность, о чем она рассуждает в своем тексте: «потеряна была <...> возможность, драгоценнейшее право человека на свободную мысль, на свободное высказывание своего мнения, своей оценки явлений, даже вот так, на страницах интимной тетради» (Д. 3. Л. 589). Этот «дух молчаливства в общегосударственном масштабе» «сковал» мысль и язык текста таким образом, что разобраться в записях могла только она. Как пишет Флиттнер: «в них часто

¹⁵ Понятие, предложенное историком Ш. Фитцпатрик. Цит. по: Чуйкина 2006: 41.

¹⁶ Чуйкина 2006: 43.

¹⁷ Кантор 2003.

вложено больше, чем записано» (Л. 589). Историк С. Чуйкина определяет молчание как признак «своих» среди «бывших»: «Тайны о пережитых трагедиях и компромиссах хоть и были объединяющим моментом, но не давали позитивной проекции на будущее для молчавшего сообщества» (Л. 589 об.). Флиттнер поддерживала эту практику «молчания» и старалась быть осторожной в своих записях, дабы тетради не попали в руки «сыщиков», которые «грязными пальцами» будут «крыться в самом интимном, в мысли твоей». Однако даже в этой тревожной атмосфере, когда многие ее близкие и знакомые были арестованы или вынуждены бежать из страны, она заявляла на страницах «Воспоминаний»: «Убивали-ли наших близких, замучивали-ли в застенках невинных людей, грязнили-ли нас обысками, допросами, “чистками”, морили-ли голодовками, мы на все покорно улыбались; творились-ли вреднейшие нелепицы, мы также покорно улыбались, повторяя ложь о том, будто “жить стало лучше, жить стало веселей”» (Л. 588 об.)¹⁸.

Помимо таких драматических семейных событий в жизни Флиттнер как расставание с близкими, оказавшимися в эмиграции в Финляндии, революция открыла для нее новые перспективы, главная из которых – путь в Эрмитаж. До революции в Эрмитаже уже работали женщины-специалисты, преимущественно – выпускницы ВЖК, однако их было совсем немного¹⁹.

В 1918 г. Флиттнер начинает работать секретарем в Музейном отделе Народного комиссариата просвещения, в сентябре того же года она была прикомандирована к Эрмитажу для организации там культурно-просветительного дела. Уже в начале 1919 г. ее пригласили «научным сотрудником в Восточный отдел Отделения древностей Эрмитажа» (Д. 6. Л. 14). Приглашение ее в отдел не было случайным: как мы уже писали выше, она была давним членом кружка, организованного Б.А. Тураевым, под его началом она занималась историей Древнего Египта. Значение этого кружка нельзя недооценить: он играл роль общего корня для дальнейшего развития петербургской (а затем – ленинградской) школы истории древности. Кружок включал в себя целую плеяду талантливых молодых ученых – И.М. Волкова, занимающегося переводом свода законов Хаммурапи, А.А. Коцейовского, анализирующего тексты пирамид, В.М. Викентьева, хранителя восточной коллекции Исторического музея в Москве, Ф.Ф. Гесса, занимающегося древнеегипетскими памятниками в собрании Эрмитажа. Сам Б.А. Тураев, ученик востоковеда О.Э. Лемма, наследовал немецкой школе египтологии, считая также своими учителями А. Эрмана и Г. Масперо. Пройдя обучение в Германии, Тураев всячески способствовал тому, чтобы его ученики также побывали на стажировке. Так, благодаря его хлопотам, Флиттнер

¹⁸ Важно отметить, что эту часть «Воспоминаний» она писала в 1940-е гг., когда страх репрессий был еще силен, а эти строки могли стоить ей работы и даже жизни.

¹⁹ Vakhromeeva 2019.

одновременно с В.В. Струве была послана в Берлин и Мюнхен, дабы учиться у историков Г. Ранке и А. Эрмана²⁰.

Что касается ее приглашения в Восточный отдел, то и здесь Флиттнер видит руку Тураева: «Я не знаю и по сей день, кем моя кандидатура была предложена, – Борис Александрович был членом Совета, поддержать меня могли и члены ученой комиссии Музейного Отдела, при котором я состояла секретарем» (Л. 14–Л. 15). Ее товарищ В.В. Струве, которого Флиттнер называла человеком добродушным, но не добрым²¹, встретил ее кандидатуру в штывки, о чем она позднее узнала. Предложение о работе было передано ей самим заведующим Отделением древностей О.Ф. Вальдгауером, и оно вызывало у Наталии Давидовны душевное смятение: «Предложение стать работником Эрмитажа <...> я приняла с испугом. Я совершенно не разбирала вопроса о том, на какой ступени музейной иерархии мне предлагают стать, – что мне были разные “ступени”?! Работать в Эрмитаже! Да заслужила-ли я такое, вот такое счастье?! Смогу-ли? Смею-ли?!» (Л. 15). Она бежит за советом к Тураеву «смятенная, испуганная огромным счастьем, вдруг свалившимся на меня». Приглашение работать в научный отдел стало для Флиттнер подтверждением правильности выбранного ею пути, когда ей «слышался гул морских валов, великие имена Гумбольдта, Шлимана и других», а «их славные судьбы» сулили ей «возможности иной работы, чем преподавание немецкого языка в церковной школе» и «открыли безграничные горизонты впереди» (Д. 3. Л. 543).

Работу в исследовательском отделе Флиттнер была вынуждена совмещать с просветительской работой. Эта непомерная нагрузка, в условиях увеличившегося потока посетителей, возмущала даже работавших с нею коллег: «экскурсии в Эрмитаже идут, да идут, – школьники, рабочие, солдаты-“фронтовики”, матросы... Ежеминутно меня вызывают на “подъезд”, принять (и конечно провести!) еще новую экскурсию <...> – “Нет! Это невозможно! Этого просто нельзя допустить!” срывается раз с места Шмидт, когда меня снова вызывают в Зий или 4ый раз, едва я успела сесть за стол. “Вы себя убиваете просто работой, а все смотрят и молчат! Этому надо положить конец! Я этого не могу больше видеть”» (Л. 26). Между тем, мало кто из научных сотрудников Эрмитажа желал взять на себя экскурсионную работу. Описывая просветительскую работу того времени, Флиттнер отмечала:

«В те далекие времена, 32 года тому назад, далеко не все склонны были считать, что “хранитель” (старший или младший) должен не только “хранить” памятники искусства или древности, должен не только научно обрабатывать их и издавать на потребу горсточки специалистов, но что он и может, и обязан просто, сделать картину, вещь, памятник глубокой древности иногда, понятным, интересным, важным для всех и каждого» (Л. 25).

²⁰ Дьяконов 1995: 417.

²¹ Дьяконов 1995: 418.

Музейный отдел требовал от Флиттнер привлечения к этой работе не только людей со стороны, но и эрмитажных сотрудников, «а отношение старых эрмитажников и к музейному отделу, и к новому начинанию в музейном деле и ко мне, никому неведомой ставленнице этого самого музейного отдела, было очень “неласковым”», – констатирует она. Другой проблемой, с которой столкнулась Флиттнер, был новый декрет о запрете на совместительство: Музейный отдел продолжал числить ее своим сотрудником, несмотря на то, что она была официально зачислена в штат Эрмитажа. Она нашла решение: перестала брать зарплату в Музейном отделе, несмотря на жалобы кассира.

Между тем, несмотря на возникающие конфликты, надвигающиеся репрессии, эмиграцию ряда коллег, «деловая жизнь», по словам Флиттнер, «наладилась», а «в часы перерывов мы всем Отделением усаживались пить наш жиденский чай с весьма постными по тому времени тк. назыв. [так называемыми] “бутербродами” без всякого намека на масло» (Д. 6. Л. 18). Как пишет С. Чуйкина: «Люди “из бывших”, особенно старшее поколение, по возможности старались дистанцироваться от реалий общества, создав для себя с помощью профессионального выбора комфортный мир, куда можно было полностью погрузиться, и сохранив при этом дореволюционный круг общения»²². Флиттнер нельзя упрекнуть в полном дистанцировании от происходивших перемен: многое из того, что предлагалось Музейным отделом (например, активная работа с посетителями), нравилось ей, ровно как и пришедшая в Эрмитаж «энергичная, веселая и подъемная молодежь» (Д. 6. Л. 29): М.Э. Матье, В.А. Николаева, Е.Р. Малкина, Г.И. Боровка (Боровко). Умение Флиттнер заинтересовать своих слушателей, прежде всего детей, не только помогло просветительской работе Эрмитажа (например, она вела кружки для подростков), но и привело в его ряды будущего специалиста и директора музея Б.Б. Пиотровского. Как пишет историк Дж. Норман: «за завтраком у одного из своих друзей, Борис Борисович впервые встретил Наталью Флиттнер, хранителя произведений египетского искусства в Эрмитаже. Она принесла домой маленькие статуэтки-ушебти, чтобы показать их двум мальчикам. Воображение Бориса Борисовича разыгралось. Летом 1922 г., когда ему было 14 лет, он купил свою первую книгу про Египет. Флиттнер организовала для его класса экскурсию в Эрмитаже, и вскоре он стал постоянным неофициальным помощником в ее отделе. Эти связи сохранились у него и после поступления в университет в 1925 г. В 1929 г., будучи еще студентом, он подготовил иллюстрации для путеводителя по египетским коллекциям, составленного Флиттнер»²³. Во время блокады Ленинграда, Флиттнер, отказавшаяся от эвакуации, ухаживала за заболевшим воспалением легких Пиотровским вплоть до его отъезда из города²⁴.

²² Чуйкина 2006: 93.

²³ Норман 2006: 331.

²⁴ Там же: 275.

Несмотря на то, что Флиттнер практически не коснулись «чистки» 1930-х гг., ей не удалось избежать популярной в то время идеологической критики своей исследовательской работы. Этому сюжету она уделяет достаточно места в «Воспоминаниях», и представляется важным остановиться на нем, чтобы передать описанную Флиттнер атмосферу того времени. В 1921 г. началась реэкспозиция первого этажа Старого и Нового Эрмитажа, который был передан Отделу древностей²⁵. В связи с этим в 1929 г. был выпущен «Путеводитель по залам Древнего Египта (пособие для экскурсантов и экскурсоводов)», автором которого была Флиттнер. Этот путеводитель «вполне удовлетворял потребность посетителя музея в общеисторической информации, но о конкретных памятниках в нем не говорилось практически ничего – они лишь иллюстрировали те или иные положения текста»²⁶. В том же году Наталия Давидовна написала статью «Искусство древнейших культур», которая должна была стать частью второго тома «Истории искусства всех времен и народов», в работе над которым принял участие известный искусствовед Н.Н. Пунин. В 1931 г. в Академии материальной культуры состоялось слушание доклада Э.Н. Ацаркиной, посвященного критике обеих работ. Важно отметить, что до этого доклада Флиттнер поступали положительные отзывы о ее работах: историк С.Ф. Ольденбург выступил редактором «Истории искусства» и, возвращая Флиттнер отредактированную рукопись, «говорил столько одобрительных и поощрительных слов», другой историк Б.Л. Богаевский, по словам Флиттнер, за четыре дня до доклада просил у Струве «Путеводитель», а затем просил передать Наталии Давидовне, что он «очень ее благодарит» и «в восторге» (Д. 6. Л. 32).

Другой важный момент – Флиттнер сначала не знала, чему будет посвящен доклад Э.Н. Ацаркиной. К.В. Тревер передала ей «настоятельное приглашение» на доклад, однако ответить на то, чему он будет посвящен, отказалась: «“Не могу вам точно сказать, но она очень-очень просила вас быть <...> Она вас знает... молодой работник... хочет обменяться с вами мнениями”». Настоящую цель доклада Флиттнер сообщил Н.Н. Пунин, предупредив ее накануне: «“Она собирается отплясать победный танец на наших трупах <...> Будет громить всех нас, авторов «Всеобщей Истории Искусств». Мы остальные решили не ходить... поступайте, как [как] хотите... мы только хотели вас предупредить”». Флиттнер приняла решение идти, не желая «поджимать хвост перед неведомой ей Ацаркиной» (Л. 30). Присутствие на докладе, посвященном «распорке тела» (Л. 31) ее работы, было нелегким опытом. Она наблюдала, как «плохо прочитавшая» ее книги, но «с удивительной сноровкой подтасовывавшая» (Л. 30) Ацаркина, трактует ее работы как «искусствоведчески-несостоявшиеся» (Л. 31), ставя ей в вину «пре-

²⁵ Большаков 2015: 167.

²⁶ Там же: 174.

зрение к прикладному искусству» (Л. 34) и невнимательность к жанру карикатуры. Ее изумило поведение коллег, еще недавно благоволивших ей: «встает С.Ф. Ольденбург, такой всегда приветливо-ясный, такой всегда благостный. Говорит горячо и убежденно, ударяя рукой нето [sic!] по спинке стула, нето [sic!] по краю стола, – за рядами сидящих мне не видно. Говорит о вреде “подобной литературы”, о том, что мол “мы не допустим!”». А недавно благодаривший Флиттнер за «Путеводитель» Б.Л. Богаевский заявлял, что «“книжки, подобные моим, он не может дать в руки своей дочери”» (Л. 32). Флиттнер была единственным автором, пришедшим на доклад и пожелавшим выступить в защиту своей работы. Не подходя к столу, остановившись в проходе, она извлекала свои записи из портфеля, и оспаривала сказанное Ацаркиной на конкретных примерах. Договорив, она покинула здание Академии, а спустя два дня А.В. Шмидт сообщил ей, что ее «смелое и прямое выступление было оценено» (Л. 40), и общественное мнение оказалось на ее стороне. Флиттнер, вспоминая о тех событиях, пишет:

«Цели собрания [истинной], цели поставленного “доклада” я не знала тогда, не знаю и теперь; какие страстишки кипели и вокруг какого корыта толпились, пытаясь кого-то отпихнуть, что-то урвать или другие людишки, с кем сводились счёты под покровом высоко-идейного «диспута», мне не было, повторяю, интересным ни тогда, ни позже. Мне было интересно писать, говорить простым, понятным языком о том, что так интересовало меня саму; никогда не считала я себя непогрешимой и любой критический отзыв ловила на лету. Моя работа была для меня куском меня самой и потому так больно пережилось, такие душевные следы оставило это шельмование и работы моей и меня самой не только неизвестной мне до той поры гражданкой Ацаркиной, но в результате и другими, хорошо мне знакомыми и даже высоко мною уважаемыми лицами» (Л. 38).

Новое советское время заставляло Флиттнер, как и многих других ее современников, отстаивать свое право на любимую работу, на свою позицию в ней. «Странное ощущение полного одиночества» преследовали ее не только в момент выступления в Академии, но и большую часть времени, лишь ночью, за «старым письменным столом, за своими книгами и тетрадами», она «переставала быть одна» (Л. 38). Одной из возможных причин этого одиночества (помимо драматических перемен в жизни страны) был сам характер профессионального объединения египтологов. Как пишет А.О. Большаков, «немногочисленность участников научного процесса делает ее особенно закрытой и заставляет ориентироваться больше на внутриегиптологические, чем на общенаучные ценности; с другой стороны, она же делает взаимоотношения внутри замкнутого мирка чрезвычайно личными и ведет к бессмысленному и вредному отчуждению друг от друга»²⁷. Занявший место Тураева Струве в 1930 г. попытался продолжить традицию египтологического кружка своего учителя, и в нем Флиттнер была отведена роль дей-

²⁷ Большаков 2011: 6.

ствительного, но не почетного члена, несмотря на то, что по образованию и уровню знаний она никак не уступала самому Струве, а к египтологии имела больше отношения, нежели почетный член, шумеролог В.К. Шилейко. После ухода Струве из музея место заведующего отделением заняла не Н.Д. Флиттнер, «как предполагалось», по словам И.М. Дьяконова, а «поддержанная парторганизацией Милица Эдвинова [Матье – Е.А.], к тому времени вступившая в партию»²⁸. При этом важно отметить, что позиция неамбициозного ученого была осознанно выбрана Флиттнер, как одна из возможных практик сохранения себя в условиях новой реальности. И если ценой за эту «незаметность» было одиночество, она была готова ее заплатить, лишь бы «не дать стереть чекана, сохранить физиономию и ценность свою» (Д. 6. Л. 44).

Возвращаясь в памяти к дореволюционным событиям, Наталия Давидовна описывает свои девичьи мечты о путешествиях, о том, как она станет «старым профессором, кк. [как] Гумбольдт» и о том, что быть ученым – это «самое лучшее, конечно». И горько резюмирует, что путь к этой мечте будет лежать через «долгие-долгие годы суровой школы», что в тяжелой борьбе ей придется «выстрадать все свои идеалы, мечты», что «придется отстаивать и защищать их». И что дореволюционные дни были «последними красными днями», конец которых они или не ощущали, или напротив «предчувствовали подсознательно наше будущее и потому и старались так полно исчерпать все, что давала нам наша светлая юность» (Д. 3. Л. 61).

13 января 1940 г. Флиттнер записала: «Мне 60 лет, я очень устала жить и очень надеюсь, что срок мой подойдет скоро» (Д. 3. Л. 1). С этих слов начинается ее работа над «Воспоминаниями», которые она пишет, опираясь на свои дневниковые записи. Ситуация, в которой создаются «Воспоминания», является тяжелой как психологически, так и физически для автора (предвоенное время, потом Блокада, позднее – послевоенный период). Борьба, которая окружает ее видимо (ситуация начавшейся Второй мировой войны и надвигающейся Отечественной) и невидимо (репрессии и преследования друзей и родных), находит свое отражение в призме, через которую Флиттнер смотрит не только на настоящее, но и на прошлое. Она рассматривает свою жизнь, как время «борьбы, натиска и вихря», показывая себе самой, а потом и читателю, как ей удалось справиться с этим тогда, и что дает надежду пережить эти события и сейчас. Такое отступление к более раннему опыту позволяет автору воспоминаний «исцелять самого себя»²⁹.

В этом времени больших перемен Флиттнер обращается и к собственной идентичности, которая трансформируется в новых условиях: ей необходимо принимать решения по поводу своих дальнейших стра-

²⁸ Дьяконов 1995: 420.

²⁹ Eakin 1985. P. 58.

тегий. Постоянно вращаясь в исследовательском кругу, она видит, как действуют ее коллеги и что с ними происходит: как становится успешным ученым В.В. Струве, заслонивший собой образ «буржуазного ученого» Б.А. Тураева и заступивший на должность «основателя» советской школы историков древности, как подвергаются аресту и ссылке папиролог О.О. Крюгер, археолог А.В. Шмидт. Флиттнер ориентируется на музейную работу: на работу с посетителями, школьниками, много преподает. В отличие от исследователей-итальянистов, о которых пишет Н.А. Селунская³⁰, историки древности не отличались активной политической позицией и не стремились к широкой популяризаторской работе, особенно до революции. А.О. Большаков называет египтологию «одной из наиболее эгоистичных наук», объясняя это тем, что «изолированность древнего Египта от окружающего мира изначально сделала изучающую его дисциплину замкнутой и мало интересующейся тем, что происходит за ее пределами, а это в свою очередь, не может не влиять на психологию египтологов»³¹.

Эта изолированность до революции подкреплялась единством не только идей немецкой египтологической школы, но и самой этнической идентичностью сотрудников отдела, который Ю.А. Виноградов назвал «маленькой Германией»: «В нем трудились одни немцы (О.Ф. Вальдгауэр, В.В. Струве и др.), во главе стоял Е.М. Придик, происходивший из Прибалтики и являвшийся своего рода проводником немецких влияний. В общем, в Отделе русская речь не звучала»³². О германском мире внутри Эрмитажа пишет и И.М. Дьяконов: «Наверху», в помещении за картинной галереей, говорили только по-французски; внизу, за античными залами — только по-немецки»³³. На волне антинемецких настроений во время Первой мировой войны «германский мир» был осужден общественностью и разрушен³⁴. Между тем, сама Флиттнер еще застала его участников, и сама была частью этого мира, как по причине этнической принадлежности, так и по причине обучения в Германии и восприятия идей Эрмана и Ранке.

Текст воспоминаний — памятник одновременно нескольких эпох, тех, когда совершались отраженные в нем события, и тех, когда они кристаллизировались в нарратив. Недооценить его значение, его научный потенциал — сложно, поскольку с его помощью мы не только находим новые перспективы взгляда на микро- и макроисторию петербургского академического сообщества во времена радикальных перемен и катаклизмов первой половины XX века, но и имеем уникальный источник для обсуждения общих проблем отечественной историографии.

³⁰ Селунская 2016.

³¹ Большаков 2011: 5.

³² Виноградов 2016: 12.

³³ Дьяконов 1995: 416-417.

³⁴ См. подробнее: Виноградов 2016.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Блэк В.Б. Наталия Давидовна Флиттнер // К юбилею факультета теории и истории искусства института имени И.Е. Репина 75 лет. СПб., 2012. С. 58–60. [Blek V.B. Nataliya Davidovna Flittner // K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv instituta imeni I.E. Repina 75 let. SPb., 2012. S. 58–60.]
- Большаков А.О. Египетские экспозиции в Эрмитаже // Сообщения Государственного Эрмитажа LXXXIII. СПб: издательство Государственного Эрмитажа, 2015. С. 160–185. [Bol'shakov A.O. Egipetskie ekspozicii v Ermitazhe // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha LXXXIII. SPb: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2015. S. 160–185.]
- Большаков А.О. Ленинградский египтологический кружок: у истоков советской египтологии // Культурно-антропологические исследования. Вып. 2. Отв. ред. вып. Л.И. Дремова. Новосибирск, 2011. С. 5–10. [Bol'shakov A.O. Leningradskij egiptologicheskij kruzhok: u istokov sovetskoj egiptologii // Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya. Vyp. 2. Otv. red. vyp. L.I. Dremova. Novosibirsk, 2011. S. 5–10.]
- Вахромеева О.Б. Взаимопомощь бестужевков (на курсах и в годы деятельности объединенных организаций) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 2. С. 40–48. [Vahromeeva O.B. Vzaimopomoshch' bestuzhevkov (na kursah i v gody deyatelnosti ob"edinnnykh organizacij) // Vestnik SPbGU. Ser. 2. 2012. Vyp. 2. S. 40–48.]
- Виноградов Ю.А. М.И. Максимова. Путь русского ученого // Записки ИИМК РАН. Вып. 14. СПб, 2016. С. 7–23. [Vinogradov YU.A. M.I. Maksimova. Put' russkogo uchenogo // Zapiski IIMK RAN. Vyp. 14. SPb, 2016. S. 7–23.]
- Воробьева Н.Н. Наталия Давидовна Флиттнер – ученый и педагог // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. С. 9–34. [Vorob'eva N.N. Nataliya Davidovna Flittner – uchenyj i pedagog // Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2015. S. 9–34.]
- Дьяконова Е.А. Дневник // Фотография женщины. Официальный сайт проекта «Собрание классики». Электронная библиотека М. Мошкова [М., 2004] URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml. [D'yakonova E.A. Dnevnik // Fotografija zhenshchiny. Oficial'nyj sayt proekta «So-branie klassiki». Elektronnaya biblioteka M. Moshkova [M., 2004] URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml.]
- Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. 768 с. [D'yakonov I.M. Kniga vospominanij. SPb., 1995. 768 s.]
- Кантор Ю. Реальность и соцреализм: Эрмитаж в 1917—1941 гг. // Звезда. №5. 2003. Официальный сайт литературного интернет-проекта «Журнальный зал». URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/5/realnost-i-socrealizm-ermitazh-v-1917-1941-gg.html>. [Kantor YU. Real'nost' i socrealizm: Ermitazh v 1917—1941 gg. // Zvezda. №5. 2003. Oficial'nyj sayt literaturnogo internet-proekta «ZHurnal'nyj zal». URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/5/realnost-i-socrealizm-ermitazh-v-1917-1941-gg.html>.]
- Костина Н.П. Протестантская парадигма и трансформация отношения к труду и ответственности // Омский научный вестник. Декабрь 2011. С. 51–53. [Kostina N.P. Protestantskaya paradigma i transformaciya otnosheniya k trudu i sob-stvennosti // Omskij nauchnyj vestnik. Dekabr' 2011. S. 51–53.]
- Норман Дж. Биография Эрмитажа. М: Слово, 2006. 400 с. [Norman Dzh. Biografiya Ermitazha. M: Slovo, 2006. 400 s.]
- Селунская Н.А. «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. № 55. 2016. С. 62–90. [Selunskaya N.A. «Svoya» i «chuzhaya» istoriya: istoriki-medievisty mezhdou mirovymi vojnami i social'nymi potryaseniyami // Dialog so vremenem. № 55. 2016. S. 62–90.]
- Стривская С.И. Участие бестужевков в революционном движении // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878 – 1918. Сборник статей. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Под общ. ред. С.Н. Валка, Н.Г. Сладкевича, В.И. Смирнова, М.Л. Тронской. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. 303 с. [Strievskaya S.I. Uchastie bestuzhevkov v revolyucionnom dvizhenii // Sankt-Peterburgskie Vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy. 1878 – 1918. Sbornik statej. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Pod obshch. red. S.N. Valka, N.G. Sladkevicha, V.I. Smirnova, M.L. Tronskoj. L.: Izdatel'stvo Leningrad-skogo universiteta, 1973. 303 s.]

- Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л.—М.: Искусство, 1958 г. 300 с. [Flittner N. D. Kul'tura i iskusstvo Dvurech'ya i sosednih stran. L.—M.: Iskusstvo, 1958 g. 300 s.]
- Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 292 с. [Chujkina S. Dvoryanskaya pamyat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody). SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006. 292 s.]
- Eakin P.J. Fictions in autobiography. Studies in the Art of Self-Invention. New Jersey: Princeton University Press, 1985. 300 p.
- Vakhromeeva O. Graduates of the Higher Women's (Bestuzhev) Courses in the Service in The State Hermitage (late 1910-1970-ies) // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. Vol. 7 (2019). No. 2. Pp. 103–115.

Аброськина Евгения Вячеславовна, магистр музеологии, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, аспирант МАЭ (Кунсткамера) РАН, ugenia92@yandex.ru

“I did not create illusions for the future”: the professional way of a woman scientist in the era of great changes (based on the memoirs of N.D. Flittner)

The article is devoted to a microhistorical analysis of the memoirs of the Petersburg historian and art historian N.D. Flittner (1879-1957), the researcher of the Hermitage (1918-1950), the author of a number of classical studies on the art of the Ancient East, a professor at Leningrad State University (1921-1935) and the St. Petersburg Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after Ilya Repin at the Russian Academy of Arts (1937-1956). This text is focused mainly on the stage of her professional development: for example, Flittner writes about training at the Higher Women's (Bestuzhev) courses and at St. Petersburg University (1899-1903), describes the period of museum and scientific work in the Hermitage (1918-1950), showing personal experience of transformations of the academic circle during the formation of Soviet everyday life and the establishment of a new scientific discourse subordinate to the ideology and political goals of the Bolsheviks. The author of the article argues that the analysis of the language and micro-contexts of the description of private life is an important optics for the researcher of the history of Russian humanitarian knowledge, but also complements the general picture of the spread of female education in Russia, radical changes in the museum sphere and the scientific community after 1917. Of particular interest is the very fact that Flittner's memoirs, created in the 1940s and 1950s, were focused on the pre-revolutionary past: here we pay attention to how the milestones of the “big” history are consciously or unconsciously superimposed on the individual history, giving it a macro-context. Of particular interest is the academic circle of historians of antiquity reflected in their memoirs, a striking example of which is the circle of the Egyptologist B.A. Turaev, which became the starting point for the formation of an intellectual network of interaction between his students.

Keywords: *Flittner, memories, women's issue, history of everyday life, Soviet power, Hermitage*

Evgeniia Vyacheslavovna Abroskina, Master of Museology, Research Fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, post-graduate student of the MAE (Kunstkamera) RAS. ugenia92@yandex.ru --

Е. С. ДАНИЛОВ

МОСКОВСКИЙ ЭТАП КАРЬЕРЫ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПИКУСА¹

Среди первых выпускников аспирантуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова был Н.Н. Пикус (1907–1971), уроженец Чернигова. Он выделялся усидчивостью и широтой научных интересов. Будучи современником многих перспективных специалистов (В.И. Авдиева, В.И. Кузищина, И.Л. Маяк и др.), Николай Николаевич внёс свой вклад в развитие эллинистических штудий и отечественной папирологии, но стал, в общем, забытым учёным. Этому способствовала относительно его ранняя кончина и отсутствие у него заметных учеников. В статье уделено внимание послевоенному периоду жизни и творчества Н.Н. Пикуса.

Ключевые слова: *Н.Н. Пикус, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, антиковедение, историография*

Отечественный антиковед Николай Николаевич Пикус (1907–1971) относился к числу тех историков, исследовательская и преподавательская карьера которых начиналась в первые десятилетия после установления советской власти. Н.Н. Пикус не подвергался репрессиям, как И.Д. Амосин или А.С. Башкиров, не принимал активного участия в Великой Отечественной войне, как С.Л. Утченко или П.Н. Шульц, не оставил после себя научной школы. Тем не менее, обращение к его судьбе может быть интересно в контексте изучения состояния высшей школы и истории развития антиковедения в XX веке. Мы уже дважды имели возможность представить результаты изучения ранних этапов его биографии². В этой статье речь пойдет о последних 30 годах жизни учёного, проведенных в стенах Московского университета.

Впервые Пикус оказался в столице в 1931 г., после прохождения семимесячной военной службы в рядах Красной армии, когда начал работать в качестве ответственного исполнителя отдела кадров «Всесоюзного объединения патронно-трубочной и взрывчатой промышленности». Из отдела кадров Николай Николаевич перевёлся в Учебный комбинат завода № 5 того же треста. С 1932 по 1935 г. работал преподавателем Учебного комбината фабрики Государственных знаков³. Одновременно учился на двухлетних художественно-исторических курсах при Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. С 1935 по 1941 г. работал преподавателем средней школы № 203 г. Москвы. В 1937 г. получил аттестат на звание учителя. С 1937 по 1940 г. состоял аспирантом кафедры древней истории исторического факультета Московского государственного университета⁴. В 1939 г. по

¹ Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯргУ.

² См.: Данилов 2018–2019.

³ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 32.

⁴ В архивных материалах не упоминается научный руководитель Н.Н. Пикуса. По воспоминаниям И.Л. Маяк, им мог быть д.и.н., профессор Владимир Сергеевич

приглашению Издательства социально-экономической литературы составил политико-экономические карты для отдела «Древний мир» в издающемся учебнике истории для экономических вузов и редактировал наглядные пособия⁵. В 1940 г. полностью сдал кандидатский минимум на «отлично». В 1941 г. был призван в РККА, отсюда вскоре уволен для защиты диссертации; состоял при военкомате «до особого распоряжения». Осенью был эвакуирован вместе с МГУ в Ашхабад, где 6 апреля 1942 г. защитил диссертацию на тему «Тебтунский папирус № 703 как исторический источник» (учёная степень кандидата исторических наук присуждена единогласно). Летом 1943 г. зачислен докторантом в Институт истории АН СССР. 29 января 1944 г. Всесоюзным комитетом по делам высшей школы утверждён в учёном звании доцента⁶.

В институте Пикус вёл научно-исследовательскую работу по теме «Царские земледельцы эллинистического Египта». К 1945 г., по его собственному мнению, диссертация была выполнена на 50%, и он рассчитывал её завершить в 1947 г., но до окончательного варианта рукописи было ещё далеко. Учёный поставил перед собой задачу выяснения роли нерабских форм труда в сельском хозяйстве державы Птолемеев⁷. В 1946 г. название докторской было скорректировано – «Аграрные отношения в эллинистическом Египте»⁸. В 1947 г. была закончена глава «О категории земель *ἐν δόρεϊ* по материалам из архива Зенона из Тебтуниса»⁹. В 1948 г. основная тема исследований – «Труд рабов в хозяйстве диоикета Аполлония»¹⁰. Как позднее вспоминал Николай Николаевич, вовремя закончить диссертацию не удалось «из-за отсутствия...

Сергеев (1883–1941). В.С. Сергеев скончался в начале 1941 г. и не довёл Пикуса до защиты кандидатской. Это, кстати, может быть причиной отсутствия фамилии Сергеева в бумагах Пикуса. Интересно также, что памятную статью о В.С. Сергееве для «Вестника древней истории» написал именно Н.Н. Пикус в соавторстве с Е.М. Штаерман, а не А.Г. Бокшанин или И.И. Вецковский (Штаерман, Пикус 1951). В любом случае, в дальнейшем, при приёме на работу, Н.Н. Пикус воспринимался как «воспитанник МГУ» (Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 10). Влияние на него мог оказывать и к.и.н., доцент Константин Константинович Зельин (1892–1983), который был специалистом широчайшей эрудиции, но исследовательские усилия сосредоточил на истории архаической Аттики и эллинистического Египта. К тому же, Зельин в 1941–1942 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории древнего мира, в предзащитный для Пикуса период.

⁵ Это издание не установлено. В 1955 г. Пикус также выступил как научный консультант при подготовке карты для исторических факультетов «Эллинистические государства» (Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 51).

⁶ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 1, 4–5.

⁷ ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Ед. хр. 750. Л. 106; Ед. хр. 777. Л. 8; Ед. хр. 822. Л. 15.

⁸ ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Ед. хр. 805. Л. 81.

⁹ ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Ед. хр. 16. Л. 7.

¹⁰ ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Ед. хр. 65. Л. 65, Ед. хр. 75. Л. 6.

редких исторических источников»¹¹. В дальнейшем коллеги по кафедре напоминали Пикусу о недопустимой задержке труда всей его жизни¹².

Педагогическая деятельность Пикуса начала 1940-х гг. была связана с двумя пединститутами – Ивановским и Ярославским, но с октября 1944 г. он постепенно набирает часы в МГУ. Судя по характеристике профессора Сергея Павловича Толстова (1907–1976), декана исторического факультета МГУ в 1943–1945 гг., Пикус вёл лекционные общие курсы на неисторических факультетах и руководил практическими занятиями. К работе относился аккуратно и добросовестно, среди студентов пользовался авторитетом¹³. Член-корреспондент АН СССР, профессор Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965), преемник Толстова в должности декана (1945–1947), ходатайствовал перед ректоратом об оставлении Пикуса в должности штатного доцента по кафедре истории древнего мира. В служебной записке Н.Н. Пикус характеризовался как ценный работник, успешный лектор и руководитель семинаров, преподаватель с широким профилем, который «может быть использован для чтения курсов по истории Греции и Рима и даже Востока»¹⁴.

Педагогическая работа Пикуса в Ярославле велась не по командировке министерства, а по личной договорённости с ЯГПИ^{15, 16}. В 1960-е гг. Пикус читал общие и специальные курсы по истории древней Греции на дневном отделении исторического факультета, классическом отделении филологического факультета, а также Институте восточных языков. Среди них – «Источниковедение древней Греции», «Историография древней Греции», «История крито-микенского общества», «Эллинистический Египет», «Вспомогательные дисциплины». Вёл спецсеминары, практические занятия по эпиграфике и папирологии¹⁷.

Во время учёбы и работы выполнял общественную работу: в Осоавиахиме, методических комиссиях, стенгазетах, на избирательном участке во время выборов в Верховный Совет РСФСР, выступал с докладами в госпиталях и на предприятиях, проводил политинформацию. Имел книжку ударника, несколько раз отмечен благодарностью и премирован. В 1948 г. получил медаль в память 800-летия Москвы¹⁸. Работая в МГУ, был членом профкома и профбюро истфака, во время выборов в местные советы в 1953 г. – председателем участковой избирательной комиссии. В феврале 1952 г. стал кандидатом в члены КПСС, а в марте 1953 г. на общем собрании парторганизации истфака МГУ был

¹¹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 33, 42.

¹² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 82.

¹³ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 3.

¹⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 10.

¹⁵ О колебаниях уровня зарплат советской интеллигенции см.: Волков 1999.

¹⁶ До 1947 г. это было его основное место работы, а в МГУ он числился как совместитель. – Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 10, 11, 12, 13, 21, 25.

¹⁷ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 81.

¹⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 4–9, 16, 30–33, 41–42, 75–76.

принят в члены КПСС¹⁹. Являлся партторгом кафедр истории древнего мира, истории средних веков и древних языков; председателем совета Научного студенческого общества исторического факультета, руководителем межкафедрального методологического семинара и председателем факультетской методической комиссии по заочному и вечернему отделениям²⁰. С 1948 г. отвечал за организацию преподавания истории древнего мира на заочном отделении исторического факультета МГУ.

Преподавательская и общественная деятельность почти не оставляла времени на научное творчество. Тем не менее, кропотливая исследовательская работа продолжалась. В 1957 г. и.о. декана, доцент Иван Антонович Федосов (1921–2001) подчеркивал успехи Пикуса в «остродефицитной специальности – греческой папирологии». Для работы с папирусными текстами Пикус часто ездил в Ленинград, посещал Государственный Эрмитаж и Библиотеку им. Салтыкова-Щедрина²¹. Николай Николаевич является автором обзорной статьи «Папирология» в «Советской исторической энциклопедии»²². Незадолго до своего 60-летия он был избран членом Международной ассоциации папирологов²³. Пикус считал, что папирология – это подразделение палеографии, поскольку без знания последней нельзя ни прочитать папирус, ни проверить правильность прочитанного²⁴. Особенно продуктивным можно считать сотрудничество Пикуса с редакцией «Вестника древней истории». В период с 1947 по 1971 гг. в журнале появилось в общей сложности 24 его публикации: 11 рецензий, 7 статей, 3 библиографических обзора, 2 отчёта (о работе сектора древней истории Института истории АН СССР и об обсуждении учебника по истории древнего мира под редакцией В.Н. Дьякова и Н.М. Никольского) и мемориальный очерк²⁵.

¹⁹ Идеологический контроль в советской науке предполагал углублённое знание основ марксизма-ленинизма и активное применение указанных теоретических построений. Часто это делалось в ущерб творческому процессу, отрывало от разработки основной темы. Так, в докладе «Античная философия в “Философских тетрадах” В.И. Ленина» на «Ломоносовских чтениях» 1960 г. доцент Пикус охарактеризовал ленинский подход к анализу и оценке основных течений древнегреческой философии в связи с общественно-историческими условиями ее возникновения и развития (Злобин, Хейфец 1960: 166). Мы можем лишь гадать, насколько искренне Пикус стремился к внимательному прочтению трудов «классиков». В любом случае, делая доклады, он обращался не только к проблемам интересующей его экономической истории: «К вопросу о Птолеме IV Филадельфе как правителе», «Педагогический папирус эллинистического Египта», «Проблемные вопросы по Востоку и Греции с точки зрения классиков марксизма-ленинизма» (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Ед. хр. 805. Л. 80, 81; Оп. 6. Ед. хр. 223. Л. 1).

²⁰ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 30, 33, 40, 42, 61.

²¹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 44, 58, 59.

²² Пикус 1967с. В первый том этой энциклопедии вошло 12 написанных им статей (Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 67).

²³ Пикус 1967b.

²⁴ Фихман 1987: 16, сн. 56.

²⁵ Ельницкий, Ленцман, Пикус 1947; Пикус 1947а-с, 1948, 1949а-б, 1950а-б, 1951а-с, 1952а-б, 1953а-б, 1958, 1964, 1965, 1967а, 1968, 1971а-б.

Следует также отметить публикации Н.Н. Пикуса во втором издании «Большой советской энциклопедии», где в течение 1949–1957 гг. вышло около 40 статей, главным образом по истории древней Греции²⁶. В «Детской энциклопедии», изданной Академией педагогических наук РСФСР, также можно встретить две зарисовки этого автора («В Афинском народном собрании» и «Религия древних греков»)²⁷.

Пикус написал несколько методических пособий и статей по преподаванию древней истории, выступал как составитель хрестоматий²⁸. Он был соавтором учебника по истории древней Греции, для которого подготовил 10 глав объёмом в 13 п.л.²⁹ Зарубежные журналы принимали к печати его научно-популярные статьи³⁰. Остались разрозненные свидетельства о командировках Пикуса за границу: в Польшу, ГДР, Сирию, Кипр. Николай Николаевич принимал активное участие в работе международных исторических и папирологических конгрессов³¹. Продуктивному общению с иностранцами способствовала серьезная языковая подготовка. В анкетах Пикус называл себя и родителей украинцами, но при этом отмечал, что украинский язык знает слабо, так же как итальянский и древнеегипетский. Хорошо знал, кроме русского, английский, французский, немецкий, латинский и греческий языки³².

Василий Иванович Кузицин (1930–2013) ценил Николая Николаевича как прекрасного педагога, воспитателя, методиста; указывал на наличие многочисленных учеников, в т.ч. кандидатов наук³³. К сожалению, в архивных делах почти нет информации о последователях Пикуса. В одном из протоколов упоминаются два безымянных аспиранта³⁴. Определенное влияние Пикус оказал на немецкого антиковеда Армина

²⁶ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 67.

²⁷ Касименко 1961: 79–81, 84–87.

²⁸ Например: Струве 1951. В 1955 г. эта хрестоматия была переиздана на украинском и немецком языках. Документальные материалы подобрал Н.Н. Пикус. Ему же принадлежат вводные статьи и комментарии. Сверку старых переводов и их исправление провел В.С. Соколов. Ю.С. Крушкол, признавая труд составителей кропотливым и плодотворным, а выход самого второго тома значительным событием, не преминул заметить следующие недостатки хрестоматии: нелогичное распределение источников по некоторым разделам, недостаточное число текстов в разделе «Эпоха эллинизма», краткость и схематизм вводных статей, игнорирование материалов по идеологии и культуре, отсутствие иллюстраций (Крушкол 1952).

²⁹ Авдиев, Пикус 1962; Кукушкин 1974: 158. Над вторым изданием этого учебника Пикус работал, уже будучи прикованным к постели (Кузицин 1972: 274). Дополненный вариант вышел в 1972 г. Учебник В.И. Авдиева и Н.Н. Пикуса заменил учебник В.С. Сергеева, опубликованный ещё в 1934 г. Он был переведён на ряд языков, в том числе болгарский (Кузицин 1984: 250).

³⁰ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 61, 65, 66.

³¹ К примеру: Пикус 1970; Кузицин 1972: 275.

³² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 31–32. О родителях Н.Н. Пикуса см.: Данилов 2019: 170–171.

³³ Кузицин 1972: 274.

³⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 81.

Йене, которого он часто консультировал³⁵. Профессор Йене так вспоминал о периоде учёбы в МГУ (1961–1970) и своём старшем коллеге: «...Лекции общего курса по истории древней Греции я у Николая Николаевича не слушал. Слушала его лекции моя жена, искусствовед Свобода Стояновна Бачийска. Она говорит, что Н.Н. читал сухо и скучно... Просеминар, который Н.Н. проводил на первом курсе с нашей группой, проходил легко и интересно, даже с каким-то оттенком юмора... Спецкурсы, которые мне читал Н.Н, проводились следующим немного странным образом. Оба сидели рядышком в актовом зале на Герцена, 5 и он читал мне лекции по истории птолемеевского Египта³⁶. Я, естественно, прилежно всё записывал. Его семинар о папирусах проходил таким же образом... По научному весу Н.Н. уступал К.К. Зельину. К.К. был теоретиком, Н.Н. – нет. Н.Н. был доброжелательным, отзывчивым человеком и добротным научным работником».

Константин Григорьевич Левыкин (1925–2015), закончивший исторический факультет МГУ в 1954 г., воспринимал Пикуса как первого университетского учителя, у которого он выполнял курсовую работу по истории Древнего Востока, слушал установочные лекции, представлял доклад на семинаре. Бывший фронтовик подмечал доброжелательность доцента Пикуса, его либерализм, интеллигентность, настойчивость и требовательность при объяснении материала³⁷. Вадим Николаевич Садовский (1934–2012), окончивший философский факультет в 1956 г., высоко отзывался о прослушанных им курсах античной истории, которые читали «видные профессора» и «глубокие знатоки» Н.Н. Пикус и С.Л. Утченко³⁸. Надежда Касимовна Малинаускене (Садыкова), выпускница классического отделения филологического факультета МГУ 1971 г., дала самую лестную оценку педагогическому таланту Пикуса: «Николай Николаевич Пикус читал историю Греции так, как будто сам тогда там жил»³⁹. Сергей Алексеевич Королёв (1950–2016), выпускник

³⁵ Jähne 2011: 336–337.

³⁶ В старинном особняке на Герцена, д. 5 в 1934–1970 гг. располагался исторический факультет МГУ (Смирнов 2011: 115, 116, 486).

³⁷ Левыкин 2006: 21, 94–95.

³⁸ Лекторский 2010: 290–291, 395.

³⁹ Васильев 2009. В этой манере преподавания, кажется, прослеживается влияние коллег по кафедре истории древнего мира. В частности, В.С. Сергеев обладал даром лектора-импровизатора. Он так рассказывал историю Греции и Рима, что «невольно в сознании рисовались какие-то картины». Серафима Ивановна Антонова (1909–2007), создатель Комнаты боевой и трудовой славы истфака МГУ, вспоминала слова профессора: «Для того чтобы быть лектором... нужно быть хоть немножечко, хоть капельку артистом... Моя задача – дать вам почувствовать аромат эпохи... Вести вас в древнюю историю так, чтобы она не казалась вам чем-то затхлым, запыленным» (Антонова 2014: 161, 163). А.Г. Бокшанин читал античную историю, подражая В.С. Сергееву (Сетницкая 2009: 70). Возможно, Пикус не сразу, но всё же освоил эту манеру. Были и другие, менее популярные примеры преподавания, о чем свидетельствовал В.П. Смирнов (1929–2020), закончивший МГУ в 1953 г. Он поде-

истфака МГУ 1972 г., в дальнейшем сотрудник Института философии РАН, поделился в виртуальном пространстве забавным эпизодом, случившимся с его сокурсником во время сессии. Эта история свидетельствует о чувстве юмора Николая Николаевича. Студент получил стипендию, положил ее в зачетку и пошел на экзамен по истории древнего мира. Пикус, принимавший экзамен, попросил зачетку. Первокурсник протянул ее экзаменатору, не вынимая денег. Преподаватель увидел купюры и сказал блестящую фразу: «Если мне, то мало!»⁴⁰.

Фёдор Александрович Петров (1950 г.р.), д.и.н., главный специалист отдела письменных источников ГИМ, в своих мемуарах причислил Пикуса к «старорежимным профессорам», учившимся ещё до революции. Скромный и «не слишком популярный педагог» подвергался насмешкам со стороны молодых остроловов из-за звучания своей фамилии⁴¹. Примечательный факт отметил известный филолог-классик Юрий Анатольевич Шичалин: «Профессор Н.Н. Пикус, преподававший на нашем курсе в 1970 году историю Греции, написал рецензию на хрестоматию С. Кондратьева и А. Васнецова, в которой, похвалив авторов за современный подход, советовал «исключить, как малоудовлетворительный с педагогической точки зрения, отрывок о "кровожадности" скифов»⁴². Эта деталь демонстрирует, на наш взгляд, щепетильность Николая Николаевича, его внимание к «мелочам».

Пикус защитил докторскую диссертацию в 1969 г.⁴³. Она была опубликована уже после его смерти и почти сразу рекомендована для использования в учебном процессе⁴⁴. Официальными оппонентами выступили акад. С.Д. Сказкин, профессора В.Д. Блаватский и Г.М. Лившиц. Строго говоря, ни один из перечисленных учёных не был специалистом по истории Египта. Однако каждый из них мог составить компетентное мнение если не в целом о диссертации, то по определенным частям точно. Медиевист Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) слыл знатоком истории аграрных отношений. Его мог заинтересовать тезис Пикуса об «органическом пути» и мягком переходе к феодализму в Восточном Средиземноморье⁴⁵. Антиковед Владимир Дмитриевич Блаватский (1899–1980), авторитетный археолог и эксперт в истории древних государств Северного Причерноморья, соприкасался с проблемой рабства в эллинистических социумах. Ориенталист Гилер Маркович

лился «сугубо отрицательным впечатлением» от лекций по истории древней Греции неназванного «высококвалифицированного специалиста» (Смирнов 2011: 128).

⁴⁰ Королев 2008.

⁴¹ Петров 2010: 464, 514–515.

⁴² Шичалин 2012: 146. Куда серьёзнее выглядят замечания Пикуса о «ненормальном соотношении» между классической и средневековой латынью в первом разделе, а также отсутствия отрывков из сочинений Цезаря и Саллюстия во второй части (Пикус 1951b: 165).

⁴³ Новиков 2004: 362; Карпов 2009: 74.

⁴⁴ Пикус 1972.

⁴⁵ Пикус 1969: 35.

Лившиц (1909–1983), один из первых исследователей кумранских рукописей, приобщился к рецензированию в качестве палеографа.

Текст (506 стр.), состоит из введения, четырёх глав и заключения. Диссертация имела целью уточнить социальное положение земледельцев – непосредственных производителей – и ремесленников в эллинистическом Египте, преимущественно III в. до н. э., а также – причины относительно небольшого применения труда рабов в экономике. Первая глава посвящена историографии проблемы в советской и буржуазной исторической науке. Во второй главе рассмотрены взаимоотношения общества и государства, египтян и греко-македонян, рабов, зависимого населения и свободных, дан обзор социально-экономической, политической и административной структуры государства Птолемеев. Критически разбираются точки зрения на существо власти в эллинистических монархиях. Третья глава содержит сведения о сельских жителях (λαοί), о тех налогах, сборах и повинностях, которыми были обременены земледельческие хозяйства. В четвертой главе исследовано социальное положение ремесленников (ὄλοτελεῖς), сделан вывод о том, что юридическое положение земледельцев и ремесленников не соответствовало фактическому. Эксплуатация свободных тружеников рабовладельческими методами задерживала внедрение централизованного рабского производства⁴⁶. Как отмечалось позднее, монография Пикуса, «выполненная в русле основных направлений, намеченных в свое время В.С. Сергеевым, обогатила советскую науку анализом аспектов эллинистической истории, ранее относительно мало привлекавших внимание исследователей»⁴⁷.

Кратко рассмотрим отзывы немецкого антиковеда Хайнца Хайнена (1941–2013) на теоретические построения Пикуса. Они показательны, поскольку отражают общее отношение объективно настроенных зарубежных коллег к достижениям советской историографии. Х. Хайнен был разносторонним учёным, сделавшим большой вклад в дело популяризации опыта русскоязычного антиковедения в Германии⁴⁸. При ознакомлении с авторефератом Хайнен выделил два спорных аспекта. Прежде всего речь идёт о том, была ли экономика государства Птолемеев плановой экономикой. Пикус, указывая на низкий уровень развития производительных сил, отвечал на это отрицательно⁴⁹. Хайнен же считал, что по сравнению с другими системами древности экономика эллинистического Египта заслуживает того, чтобы её хотя бы в какой-то степени называли плановой. Убеждение Пикуса в том, что царство Лагидов было рабовладельческим государством, вызвало сомне-

⁴⁶ Пикус 1969.

⁴⁷ Карпов 2004: 308.

⁴⁸ Ладынин 2012: 7–8.

⁴⁹ Пикус 1969: 24–25.

ние Хайнена⁵⁰. Позднее он проанализировал заочную полемику Пикуса с М.И. Ростовцевым и по некоторым вопросам согласился с первым⁵¹.

Пикус ещё с начала 1950-х гг. оспаривал мнение западных историков о малочисленности рабов в Египте последних веков до нашей эры. Он заявлял, что «при помощи анализа конкретного положения отдельных эксплуатируемых тружеников, названных по профессии или по имени в сохранившихся документах, можно выявить большое количество рабов»⁵². Валентина Дмитриевна Неронова (1922–1997), профессор Пермского университета, отмечала, что выявление фактов классической эксплуатации в отдельных товарных хозяйствах отнюдь не доказывает наличие большой массы рабов. Стержнем монографии Пикуса является утверждение о рабовладельческом характере эксплуатации в эллинистическом Египте. По его мнению, соответствующей эксплуатации подвергались военнопленные, крестьяне, ремесленники. Таким образом, высказывалась мысль о близком к рабскому положению чуть ли не подавляющего большинства населения государства Птолемеев. Соглашаясь с Пикусом в том, что хозяйственное использование рабов в древнем Египте тормозилось широким применением различных форм насильственного принуждения людей нерабских статусов, Неронова, однако, выступила против отождествления понятий «принудительность труда», «физическое насилие», «внеэкономическое принуждение» с понятием «рабовладельческая эксплуатация»⁵³.

По признанию многих коллег, Пикус внёс заметный вклад в изучение проблем социально-экономической истории Древнего мира, разработку проблемы рабства, ремесленного производства птолемеевского периода⁵⁴. Он действительно увязывал эпоху эллинизма с процессом общего развития рабовладельческого общества, и говоря об этом, подчёркивал необходимость глубокого изучения производительных сил⁵⁵.

В Москве семья Пикуса была прописана сначала на ул. Шаболовке, потом на Боровском шоссе, а в более поздние годы – на Ломоносовском проспекте. Николай Николаевич проживал вместе с матерью, которая часто болела и находилась на его иждивении, женой и детьми. Мать – Анна Ивановна, урождённая Лучанинова (1875 г.р.), домохозяйка. Супруга, Фауста Константиновна Полетаева (1918 г.р.), работала старшим лаборантом на истфаке МГУ⁵⁶. Сыновья – Николай (1950 г.р.) и Алексей (1954 г.р.)⁵⁷.

⁵⁰ Heinen 1970: 188. Подробнее см.: Heinen 1975.

⁵¹ Хайнен 1992: 177–178.

⁵² Пикус 1952а: 85.

⁵³ Неронова 1992: 76, 208–210.

⁵⁴ Блаватская 1969: 261; Кузицин 1984: 247, 249; Фихман 1987: 63–64; 149, сн. 23; 187, сн. 207; 272; Неронова 1992: 209.

⁵⁵ Кац 1955: 119.

⁵⁶ «На кафедре истории древнего мира повседневным распорядком научной и учебно-педагогической работы руководила Тамара Михайловна Шепунова... Ее помощницами многие годы были Елена Александровна Егорова и Фауста Константиновна

Из людей, с которыми Н.Н. Пикус тесно общался, стоит выделить академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого (1907–1989), специалиста по истории международных отношений. Они были ровесниками и земляками. Оба в 1930 г. получили дипломы Киевского института народного образования им. М.П. Драгоманова, обучались в аспирантуре МГУ и в один год защитили кандидатские диссертации. В дальнейшем карьера А.Л. Нарочницкого развивалась более успешно, но это не мешало его крепкой дружбе с Н.Н. Пикусом.

Николай Николаевич Пикус скончался 31 июля 1971 года от рака⁵⁸. В 2021 г. исполнилось полвека со дня его смерти. Почти не осталось людей, кто знал ученого при жизни⁵⁹.

Пикус был современником больших перемен в социально-политической и культурной жизни страны, пришедшихся на послевоенное время. По утверждению Э.Д. Фролова, к началу 1970-х гг. в столичных вузах практически восстановилась «нормальная всесторонняя подготовка антиковедов»⁶⁰. Безусловно, в этом была частичная заслуга и Николая Николаевича.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антонова С.И. Воспоминания советского человека. М.: Весь Мир, 2014. 440 с. [Antonova S.I. *Vospominanija sovetskogo cheloveka*. М.: Ves' Mir, 2014. 440 s.]
- Авдиев В.И., Пикус Н.Н. (ред.). История Древней Греции / М.: Высшая школа, 1962. 502 с. [Istorija Drevnej Grecii / Avdiev V.I., Pikus N.N. (red.). М.: Vysshaja shkola, 1962. 502 s.]
- Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э. М.: Наука, 1969. 321 с. [Blavatskaja T.V., Golubzova E.S., Pavlovskaja A.I. *Rabstvo v jellinisticheskikh gosudarstvax v III–I vv. do n.e.* М.: Nauka, 1969. 321 s.]
- Васильев А. К 10-летию Сретенской духовной школы. «Не стыдно чего-то не знать, стыдно – не хотеть знать». Беседа с доцентом Н. К. Малинауцене. 13 апреля 2009 г. URL:

Полетаева. Они состояли в скромной должности лаборантов кафедры и не отличались друг от друга по степени ответственности за установленный в кабинете порядок... Авторитет всех трех “хозяек” кабинета был непрерываем не только у студентов и аспирантов, но и у профессорско-преподавательского состава, постоянно пользовавшихся их консультациями как высококвалифицированных научных библиографов» (Левыкин 2006: 477).

⁵⁷ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 2, 14, 29, 31, 33, 39.

⁵⁸ Петров 1971; Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Ед. хр. 5052. Л. 85–86. «История вымирания семьи» – так И.Л. Маяк отозвался о личных трагедиях Н.Н. Пикуса. Сначала скончалась его мать, потом – от инфаркта – жена. Фауста Константиновна умерла, ухаживая за тяжело больным мужем. Единственная монография Николая Николаевича была посвящена памяти этих женщин. Текст последнего письма, которое получил А. Ейне от Н.Н. Пикуса было таким: «Дорогой Армин, я медленно, медленно умираю». Однокурсница Ейне, Екатерина Положай, навещала Пикуса в его последние дни. По её словам, Николай Николаевич мучил страшные боли. Он завещал похоронить себя рядом с матерью на Востряковском кладбище. Ассириолог Светлана Семеновна Соловьева (1936–2017) и Василий Иванович Кузищин нашли могилу Анны Ивановны. И.Л. Маяк занималась организацией похорон.

⁵⁹ Будем надеяться, что личное дело профессора, хранящееся в ГАЯО и доступное с 2023 г., поможет выявить дополнительные факты его биографии. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 10. Ед. хр. 55. Результатам исследования этого дела будет посвящена наша четвертая публикация о Н.Н. Пикусе.

⁶⁰ Фролов 1999: 407.

- <http://www.pravoslavie.ru/30041.html>. [Vasil'ev A. K 10-letiju Sretenskoj duhovnoj shkoly. «Ne stydno chego-to ne znat', stydno – ne hotet' znat'». Beseda s docentom N. K. Malinauskene. 13 aprjela 2009 g. URL: <http://www.pravoslavie.ru/30041.html>
- Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: ИНИОН РАН, 1999. 250 с. URL: <http://swolkov.org/ins/041-2.htm> [Volkov S.V. Intellektual'nij sloj v sovetskom obshchestve. M.: INION RAN, 1999. 250 s. URL: <http://swolkov.org/ins/041-2.htm>
- Данилов Е.С. Н.Н. Пикус как преподаватель и исследователь: ярославские страницы биографии антиковеда // Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием. ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4-6 октября 2018 г. / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль: Филигрань, 2018. С. 242–249. [Danilov E.S. N.N. Pikus kak prepodavatel' i issledovatel': jaroslavskie stranicy biografii antikoveda // Drevnie civilizacii: socium i chelovek. Doklady konferencii Rossijskoj associacii antikovedov s mezhndunarodnym uchastiem. JarGU im. P.G. Demidova, 4-6 oktjabrja 2018 g. / V.V. Dement'eva (otv. red.). Jaroslavl': Filigran', 2018. S. 242–249.]
- Данилов Е.С. Николай Николаевич Пикус: становление историка // Lumen intellectus [Свет разума]. Памяти Ии Леонидовны Маяк: сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль: Филигрань, 2019. 169–182. [Danilov E.S. Nikolaj Nikolaevich Pikus: stanovlenie istorika // Lumen intellectus [Svet razuma]. Pamjati Ii Leonidovny Majak: sbornik statej Nauchno-obrazovatel'nogo centra antikovedenija JarGU im. P.G. Demidova / V.V. Dement'eva (otv. red.). Jaroslavl': Filigran', 2019. 169–182.]
- Ельницкий Л.А., Ленцман Я.А., Пикус Н.Н. Обзор иностранных историко-археологических журналов // ВДИ. 1947. № 2. С. 139–149. [El'nickij L.A., Lencman Ja.A., Pikus N.N. Obzor inostrannyh istoriko-arheologicheskikh zhurnalov // VDI. 1947. № 2. S. 139–149.]
- Злобин В.И., Хейфец М.И. Ленинская научная сессия на историческом факультете Московского университета // Вопросы истории. 1960. № 8. С. 160–167. [Zlobin V.I., Hejfec M.I. Leninskaja nauchnaja sessija na istoricheskom fakul'tete Moskovskogo universiteta // Voprosy istorii. 1960. № 8. S. 160–167.]
- Карпов С.П. (ред.). Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. М.: Издательство МГУ, 2004. 640 с. [Istoricheskaja nauka v Moskovskom universitete. 1755–2004 / Karpov S.P. (red.). M.: Izdatel'stvo MGU, 2004. 640 s.]
- Карпов С.П. (ред.). Летопись Московского университета. Исторический факультет. М.: Издательство МГУ, 2009. 384 с. [Letopis' Moskovskogo universiteta. Istoricheskij fakul'tet / Karpov S.P. (red.). M.: Izdatel'stvo MGU, 2009. 384 s.]
- Касименко В.А. (ред.). Детская энциклопедия для среднего и старшего возраста. Т. 7. Из истории человеческого общества. М.: Академия Педагогических наук РСФСР, 1961. 680 с. [Detskaja jenciklopedija dlja srednego i starshego vozrasta. T. 7. Iz istorii chelovecheskogo obshchestva / Kasimenko V.A. (red.). M.: Akademija Pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1961. 680 s.]
- Кац А.Л. Дискуссия о проблемах эллинизма // Советская археология. Вып. XXII. 1955. С. 116–122 [Katz A.L. Diskussija o problemah jellinizma // Sovetskaja arheologija. Vyp. XXII. 1955. S. 116–122.]
- Королев С.А. Ударился в воспоминания. 16 июня 2008 г. URL: <https://fagot99.livejournal.com/57776.html>. [Korolev S.A. Udarilsja v vospominanija. 16 ijunja 2008 g. URL: <https://fagot99.livejournal.com/57776.html>
- Крушкюл Ю.С. Хрестоматия по истории древнего мира. Т. II. Греция и эллинизм. Под редакцией акад. В.В. Струве. Составители Н.Н. Пикус и В.С. Соколов. М., 1951. 330 с. // ВДИ. 1952. № 1. С. 120–126. [Krushkol Ju.S. Hrestomatija po istorii drevnego mira. T. II. Grecija i jellinizm. Pod redakcijej akad. V.V. Struve. Sostaviteli N.N. Pikus i V.S. Sokolov. M., 1951. 330 s. // VDI. 1952. № 1. S. 120–126.]
- Кузিশин В.И. Николай Николаевич Пикус (1907–1971) // ВДИ. 1972. № 1. С. 274–275. [Kuzishhin V.I. Nikolaj Nikolaevich Pikus (1907–1971) // VDI. 1972. № 1. S. 274–275.]
- Кузিশин В.И., Маяк И.Л., Соловьева С.С., Козаржевский А.Ч. Кафедра истории древнего мира и кафедра древних языков // Историческая наука в Московском университете (1934–1984) / Ю.С. Кукушкин (отв. ред.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 234–269. [Kuzishhin V.I., Majak I.L., Solov'eva S.S., Kozarzheskij A.Ch. Kafedra istorii drevnego mira i kafedra drevnih jazykov // Istoricheskaja nauka v Moskovskom universitete (1934–1984) / Ju.S. Kukushkin (otv. red.). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. S. 234–269.]
- Кукушкин Ю.С. Историческая наука в МГУ за 40 лет // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 153–

160. [Kukushkin Ju.S. Istoricheskaja nauka v MGU za 40 let // Voprosy istorii. 1974. № 9. S. 153–160.]
- Ладьянин И.А. Памяти Хайнца Хайнена (1941–2013) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (отв. ред.). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 3–11. [Ladynin I.A. Pamjati Hajnca Hajnena (1941–2013) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2012: Problemy jellinizma i obrazovanija Bosporского carstva / A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (otv. red.). M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke, 2014. S. 3–11.]
- Левыкин К.Г. Мой университет: Для всех – он наш, а для каждого – свой. М.: Языки славянской культуры, 2006. 621 с. [Levykin K.G. Moj universitet: Dlja vseh – on nash, a dlja kazhdogo – svoj. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2006. 621 s.]
- Лекторский В.А. (ред.). Как это было: воспоминания и размышления / М.: РОССПЭН, 2010. 646 с. [Kak jeto bylo: vospominanija i razmyshlenija / V.A. Lektorskij (red.). M.: ROSSPJeN, 2010. 646 s.]
- Неронова В.Д. Формы эксплуатации в Древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь: Изд. Пермского ун-та, 1992. 312 с. [Neronova V.D. Formy jekspluatacii v Drev-nem mire v zerkale sovetskij istoriografii. Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 1992. 312 s.]
- Новиков С.В. Пикус Николай Николаевич // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М.: Изд-во МГУ, РОССПЭН, 2004. С. 361–362. [Novikov S.V. Pikus Nikolaj Nikolaevich // Jenciklopedicheskij slovar' Moskovskogo universiteta. Istoricheskij fakul'tet. M.: Izdatel'stvo MGU, ROSSPJeN, 2004. S. 361–362.]
- Петров Ф.А. Династии московской интеллигенции XX в. Петровы и Саваренские. Биографии. Письма. Дневники и воспоминания. М.: ГИМ, 2007. 604 с. [Petrov F.A. Dinastii moskovskoj intelligencii XX v. Petrovy i Savarenskie. Biografii. Pis'ma. Dnevniki i vospominanija. M.: Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, 2007. 604 s.]
- Петров 1971 – Письмо В.А. Петрова – А.Г. Кифишину от 30.09.1971. URL: <https://www.proza.ru/2015/05/23/2015>. [Pis'mo V.A. Petrova – A.G. Kifishinu ot 30.09.1971. URL: <https://www.proza.ru/2015/05/23/2015>.]
- Пикус 1947a – Пикус Н.Н. Краткий обзор папирологических изданий // ВДИ. 1947. № 1. С. 113–116. [Pikus N.N. Kratkij obzor papirologicheskikh izdanij // VDI. 1947. № 1. S. 113–116.]
- Пикус 1947b – Пикус Н.Н. В секторе древней истории Института истории АН СССР // ВДИ. 1947. № 1. С. 221–222. [Pikus N.N. V sektore drevnej istorii Instituta istorii AN SSSR // VDI. 1947. № 1. S. 221–222.]
- Пикус 1947с – Пикус Н.Н. О датировке Papyrus Tebtunis 703 // ВДИ. 1947. № 1. С. 249–252. [Pikus N.N. O datirovke Papyrus Tebtunis 703 // VDI. 1947. № 1. S. 249–252.]
- Пикус 1948 – Пикус Н.Н. А.С. Башкиров. Антисейсизм древней архитектуры. I. Восток. Из истории конструкции: 1. Египет; 2. Месопотамия; 3. Иран. Ярославль, 1947 // ВДИ. 1948. № 2. С. 102–104. [Pikus N.N. A.S. Bashkirov. Antisejsmizm drevnej arhitektury. I. Vostok. Iz istorii konstrukcii: 1. Egipet; 2. Mesopotamija; 3. Iran. Jaroslavl', 1947 // VDI. 1948. № 2. S. 102–104.]
- Пикус 1949a – Пикус Н.Н. Эллинистическая техника. Сборник статей / Под ред. И.И. Толстого. М.–Л., 1948 // ВДИ. 1949. № 2. С. 151–156. [Pikus N.N. Jellinisticheskaja tehnika. Sbornik statej / Pod red. I.I. Tolstogo. M.–L., 1948 // VDI. 1949. № 2. S. 151–156.]
- Пикус 1949b – Пикус Н.Н. В.С. Сергеев. История древней Греции. М., 1948 // ВДИ. 1949. № 3. С. 110–119. [Pikus N.N. V.S. Sergeev. Istorija drevnej Grecii. M., 1948 // VDI. 1949. № 3. S. 110–119.]
- Пикус 1950a – Пикус Н.Н. Б.Г. Гафуров. История таджикского народа. Т. I. М., 1949 // ВДИ. 1950. № 3. С. 124–128. [Pikus N.N. B.G. Gafurov. Istorija tadzhikского народа. T. I. M., 1949 // VDI. 1950. № 3. S. 124–128.]
- Пикус 1950b – Пикус Н.Н. Е. Cavaignac. Sparte. P., 1948 // ВДИ. 1950. № 4. С. 123–125. [Pikus N.N. E. Cavaignac. Sparte. P., 1948 // VDI. 1950. № 4. S. 123–125.]
- Пикус 1951a – Пикус Н.Н. Переломный период в истории эллинистического Египта (конец III в. до н.э.) // ВДИ. 1951. № 1. С. 53–64. [Pikus N.N. Perelomnyj period v istorii jellinisticheskogo Egipta (konec III v. do n.e.) // VDI. 1951. № 1. S. 53–64.]
- Пикус 1951b – Пикус Н.Н. С.П. Кондратьев, А.И. Васнецов. Aula linguae Latinae. Книга для чтения по латинскому языку. М., 1950 // ВДИ. 1951. № 2. С. 164–165. [Pikus N.N. S.P. Kondrat'ev, A.I. Vasnevov. Aula linguae Latinae. Kniga dlja chtenija po latinskomu jazyku. M., 1950 // VDI. 1951. № 2. S. 164–165.]

- Пикус 1951с – Пикус Н.Н. Начальный период изучения эллинизма в России // ВДИ. 1951. № 3. С. 151–155. [Pikus N.N. Nachal'nyj period izuchenija jellinizma v Rossii // VDI. 1951. № 3. S. 151–155.]
- Пикус 1952a – Пикус Н.Н. Παίδισκα шерстоткацкой мастерской Аполлония в Мемфисе // ВДИ. 1952. № 1. С. 84–89. [Pikus N.N. Παίδισκα sherstotkackoj masterskoj Apollonija v Memfise // VDI. 1952. № 1. S. 84–89.]
- Пикус 1952b – Пикус Н.Н. L. Homo. Le siècle d'or de l'empire Romain / 19ème éd. P., 1947 // ВДИ. 1952. № 2. 187–193. [Pikus N.N. L. Homo. Le siècle d'or de l'empire Romain / 19ème éd. P., 1947 // VDI. 1952. № 2. 187–193.]
- Пикус 1953a – Пикус Н.Н. The Journal of Hellenic studies за 1945–1950 гг. // ВДИ. 1953. № 2. С. 125–136. [Pikus N.N. The Journal of Hellenic studies za 1945–1950 gg. // VDI. 1953. № 2. S. 125–136.]
- Пикус 1953b – Пикус Н.Н. Обсуждение в Институте методов обучения АПН РСФСР и на кафедре истории древнего мира МГУ учебника по истории древнего мира для учительских институтов под ред. В.Н. Дьякова и Н.М. Никольского // ВДИ. 1953. № 2. С. 244–248. [Pikus N.N. Obsuzhdenie v Institute metodov obuchenija APN RSFSR i na kafedre istorii drevnego mira MGU uchebnika po istorii drevnego mira dlja uchitel'skih institutov pod red. V.N. D'jakova i N.M. Nikol'skogo // VDI. 1953. № 2. S. 244–248.]
- Пикус 1958 – Пикус Н.Н. Эволюция ὄβωντρά в эллинистическом Египте в свете P. Rev. L. и PP. Tebt. 703 и 5 // ВДИ. 1958. № 1. С. 93–104. [Pikus N.N. Jevolucija ὄβωντρά в jellinisticheskom Egipte v svete P. Rev. L. i PP. Tebt. 703 i 5 // VDI. 1958. № 1. S. 93–104.]
- Пикус 1964 – Пикус Н.Н. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С.Л. Утченко. М., 1962 // ВДИ. 1964. № 1. С. 160–162. [Pikus N.N. Hrestomatija po istorii drevnego Rima / Pod red. S.L. Utchenko. M., 1962 // VDI. 1964. № 1. S. 160–162.]
- Пикус 1965 – Пикус Н.Н. Я.А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963 // ВДИ. 1965. № 1. С. 163–166. [Pikus N.N. Ja.A. Lencman. Rabstvo v mikenskoj i gomerovskoj Grecii. M., 1963 // VDI. 1965. № 1. S. 163–166.]
- Пикус 1967a – Пикус Н.Н. Проблема социального положения земледельцев и ремесленников эллинистического Египта в советской историографии // ВДИ. 1967. № 4. С. 104–117. [Pikus N.N. Problema social'nogo polozhenija zemledel'cev i remeslennikov jellinisticheskogo Egipta v sovetskoj istoriografii // VDI. 1967. № 4. S. 104–117.]
- Пикус 1967b – К 60-летию Николая Николаевича Пикуса // ВДИ. 1967. № 4. С. 208. [K 60-letiju Nikolaja Nikolaevicha Pikusa // VDI. 1967. № 4. S. 208.]
- Пикус 1967с – Пикус Н.Н. Папирология // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. Нахимсон – Пергам / Е.М. Жуков (отв. ред.). М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 803–804. [Pikus N.N. Papirologija // Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija. T. 10. Nahimson – Pergam / E.M. Zhukov (otv. red.). M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1967. S. 803–804.]
- Пикус 1968 – Пикус Н.Н. Т.В. Блаватская. Ахейская Греция во II тысячелетии до н.э. М., 1966 // ВДИ. 1968. № 1. С. 205–208. [Pikus N.N. T.V. Blavatskaja. Ahejskaja Grecija vo II tysjacheletii do n.e. M., 1966 // VDI. 1968. № 1. S. 205–208.]
- Пикус 1969 – Пикус Н.Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н.э. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. М.: Издательство МГУ, 1969. 36 с. [Pikus N.N. Carskie zemledel'cy (neposredstvennyje proizvoditeli) i remeslenniki v Egipte III v. do n.e. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. M.: Izdatel'stvo MGU, 1969. 36 s.]
- Пикус 1970 – Пикус Н.Н. Сирия древняя и современная (На IX Международном конгрессе классической археологии в Дамаске) // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 170–174. [Pikus N.N. Sirija drevnjaja i sovremennaja (Na IX Mezhdunarodnom kongresse klassicheskoj arheologii v Damaske) // Voprosy istorii. 1970. № 7. S. 170–174.]
- Пикус 1971a – Пикус Н.Н. W. Peremans, E. Van't Dack. Prosopographia Ptolemaica. VI. W. Peremans, E. Van't Dack, L. Mooren, W. Swinnen. La cour, les relations internationales et les possessions extérieures, la vie culturelle. № 14479–17250. Louvain, 1968 (Studia Hellenistica. 17) // ВДИ. 1971. № 1. С. 134–137. [Pikus N.N. W. Peremans, E. Van't Dack. Prosopographia Ptolemaica. VI. W. Peremans, E. Van't Dack, L. Mooren, W. Swinnen. La cour, les relations internationales et les possessions extérieures, la vie culturelle. № 14479–17250. Louvain, 1968 (Studia Hellenistica. 17) // VDI. 1971. № 1. S. 134–137.]
- Пикус 1971b – Пикус Н.Н. О «планировании» посева в эллинистическом Египте // ВДИ. 1971. № 1. С. 130–137. [Pikus N.N. O «planirovanii» poseva v jellinisticheskom Egipte // VDI. 1971. № 1. S. 130–137.]

- Пикус 1972 – Пикус Н.Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. (исследования социально-экономических отношений). М.: Издательство МГУ, 1972. 254 с. [Pikus N.N. Carskie zemledeľcy (neposredstvennyye proizvoditeli) i remeslenniki v Egipte III v. do n.če. (issledovanija social'no-jekonomicheskikh otnošenij). M.: Izdatel'stvo MGU, 1972. 254 s.]
- Сетницкая Е.Н. 1941 г. Москва. I курс // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М.: Весь Мир, 2009. С. 54–88. [Setnickaja E.N. 1941 g. Moskva. I kurs // «My shli navstreču vetru i sud'be...»: Vospominanija, stihy i pis'ma istorikov MGU – učasnikov Velikoj Otechestvennoj vojny. M.: Ves' Mir, 2009. S. 54–88.]
- Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохе. М.: Новый хронограф, 2011. 504 с. [Smirnov V.P. Ot Stalina do El'cina: avtoportret na fone jepohe. M.: Novyj hronograf, 2011. 504 s.]
- Струве В.В. (ред.). Хрестоматия по истории древнего мира. Т. II. Греция и эллинизм. М.: Учпедгиз, 1951. 336 с. [Hrestomatija po istorii drevnego mira. T. II. Grecija i jellinizm / Struve V.V. (red.). M.: Uchpedgiz, 1951. 336 s.]
- Фихман И.Ф. Введение в документальную папирологию. М.: Наука, 1987. 523 с. [Fihman I.F. Vvedenie v dokumental'nuju papirologiju. M.: Nauka, 1987. 523 s.]
- Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: СПбГУ, 1999. 544 с. [Frolov Je.D. Russkaja nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie očerki. SPb.: SPbGU, 1999. 544 s.]
- Хайнен Х. Эллинистический Египет в трудах М.И. Ростовцева // ВДИ. 1992. № 2. С. 163–179. [Hajnen H. Jellinisticheskij Egipt v trudah M.I. Rostovceva // VDI. 1992. № 2. S. 163–179.]
- Шичалин Ю.А. Кому и для чего нужны классические гимназии // Отечественные записки. 2012. № 4. С. 144–153. [Shichalin Ju.A. Komu i dlja chego nuzhny klassicheskie gimnazii // Otechestvennyye zapiski. 2012. № 4. S. 144–153.]
- Штраерман Е.М., Пикус Н.Н. Памяти профессора В.С. Сергеева // ВДИ. 1951. № 2. С. 166–178. [Shtaerman E.M., Pikus N.N. Pamjati professora V.S. Sergeeva // VDI. 1951. № 2. S. 166–178.]
- Heinen H. [Rezenson von] N. N. Pikous: Carskie zemledeľcy i remeslenniki v Egipte III v. do n.e (agriculteurs royaux et artisans dans l'Egypte du 3e s. av. n. e. Moskau 1969 // Chronique d'Egypte. T. 45 (1970). S. 186–188.
- Heinen H. Sur le regime du travail dans l'Egypte ptolemaique au IIIe sicle avant J.-C. A'propos d'un livre recent de N.N. Pikus // Le monde grec: pensee, litterature, histoire, documents. Hommages a Claire Preaux. Bruxelles, 1975. P. 656–662.
- Jähne A. Meine akademischen Lehrer oder Russland – meine Liebe // In Klios Reich. Russisch-deutscher Sammelband zu historischen Themen. II. / I.L. Majak (Verantwortlicher Redakteur). Moskau-Berlin: Historische Fakultät der Lomonossow-Universität und Leibniz-Sozietät der Wissenschaften, 2011. S. 330–339.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории

ГАЯО – Государственный архив Ярославской области

Данилов Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, ЯргУ им. П. Г. Демидова; *explorator@list.ru*

The Moscow Stage in the Career of Nikolai Nikolaevich Pikus

One of the first graduates of the doctorate courses in the History Department of the Moscow State University was N. Pikus (1907–1971) born in Chernigov. He was notable for his brilliant expertise, unusual working ability and broad research interests. As a contemporary of many promising specialists (V. Avdiyev, V. Kuzishchin, I. Mayak, etc.), N. Pikus made a significant contribution to Hellenistic studies and Russian papyrology, but later he was to a certain extent forgotten. It was mainly due to his relatively early demise and the lack of outstanding disciples. The article deals with the post-war period in life and work of the Moscow scholar.

Keywords: N.N. Pikus, Moscow State University, classical studies, historiography

Danilov Evgeny, PhD in History, Associate Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University; *explorator@list.ru*

А.С. ИЩЕНКО

«СТРАСТИ ПО ВЛАДИМИРУ» ИЛИ О ТОМ, КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ «КИЕВО-РУССКОЕ НАСЛЕДИЕ»¹

В контексте развития историографии, посвященной князю Владимиру Святославичу и истории его памяти, рассматривается работа известного исследователя истории Киевской Руси В.М. Рычки «Володимир Великий: Лицарь Духу». Показаны как достоинства книги, так и некоторые ее недостатки, главный из которых, на взгляд рецензента, заключается в телеологичности авторского подхода или «украинизации» образа святого равноапостольного князя и его наследия.

Ключевые слова: В.М. Рычка, Владимир Святославич, Киевская Русь, историческая память, киево-русское наследие, присвоение

Князь Владимир Святославич Святой или Великий (ок. 960 – 15 июля 1015 г.) является, пожалуй, наиболее яркой и значительной фигурой истории Древней Руси. Принятие им крещения по греческому образцу и решение сделать христианство государственной религией обеспечили ему особое место в исторической памяти народов, считающих себя наследниками культуры Древнерусского государства. Литература, посвященная этому князю, огромна. Немало исследований посвящено и феномену исторической памяти о нем. Оживлению последней, возрастанию интереса к фигуре Владимира не только историков, но и широких кругов общественности способствовало отмечавшееся в июле 2015 г. 1000-летие его преставления. И в России, и в Украине торжества по этому случаю носили официальный характер, что в условиях ухудшения отношений между двумя странами, придавало им известный налет соперничества, борьбы за «наследие Владимира»². Особенно болезненно вопрос об этом «воображаемом» наследии воспринимался и продолжает восприниматься националистически ориентированной украинской общественностью, включая историков. Как заметил П.И. Гайденко, порой даже самые серьезные исследователи привносят в свои труды «эмоции и политические идеи своего времени»³. Примером подобного привнесения и может служить рассматриваемая работа.

Итак, перед нами книга, принадлежащая перу известного украинского специалиста по Киевской Руси В.М. Рычки «Володимир Великий: Лицарь Духу». К фигуре князя Владимира, его месту в истории и памяти историк обращается не в первый раз. Это, по существу, третье издание работы, впервые опубликованной в 2012 г., а затем в несколько сокращенном виде переизданной три года спустя. Новое издание отли-

¹ Рец. на кн.: Рычка В. Володимир Великий: Лицарь Духу. Київ, 2020. 308 с.

² Пузанов 2015: 170–173.

³ Гайденко 2019: 231.

чается от предыдущих, прежде всего, объемом. Автор существенно дополнил и местами переработал прежний текст, учел новейшую литературу. В итоге, книга начинается не с биографии Владимира, как это было раньше, а с зарождения Киевского «государства»⁴, оценки вклада в этот процесс первых русских князей.

Охарактеризовав вклад предшественников Владимира в формирование Древнерусского государства, автор последовательно знакомит читателя с жизнью крестителя, его прославлением в древнерусской книжности и перепетиях последующей памяти. При этом в центре внимания историка оказывается не столько биография героя, сколько его образ, то, как он представлен на разных этапах своего жизненного пути в ПВЛ, сочинениях митрополита Илариона и Иакова Мниха, службах и житиях Владимира и его сыновей Бориса и Глеба. Справедливо подмечается контрастность летописного образа князя, предстающего до принятия им христианства великим грешником, а после крещения – таким же великим праведником. Подвергая анализу летописные тексты, Рычка удачно применяет центонно-парафразный метод, выявляя скрытые библейские цитаты и аллюзии, через которые транслировались смысловые послылы летописного сюжета. Так, до принятия им христианства Владимир, согласно наблюдениям автора, чаще всего уподоблялся царю Соломону, наделялся такими же пороками как этот ветхозаветный герой – женолюбием и идолопоклонством. После же крещения в глазах древнерусских книжников он становится подобен пророку Моисею, апостолу Павлу, царю Давиду и императору Константину.

Само введение Владимиром христианства на Руси, имевшее не только политические, но и морально-психологические причины (с. 98–100), автор обоснованно оценивает как поворотный пункт, переломную веху в ее истории. Христианство, как пишет Рычка, не только заложило культурный фундамент Древнерусского государства, но и «окончательно закрепило в глазах Византии легитимность власти киевских князей или, можно сказать, огосударстило государственность» (с. 123–124). Владимир фактически стал «отцом Руси» (с. 5).

Разделы книги, в которых рассматривается деятельность Владимира, его прославление в памятниках древнерусской книжности, во многом являются обобщением уже накопленных в историографии знаний, включая предшествующие работы самого автора. Последний же раздел, посвященный развитию и трансформации памяти о святом равноапостольном князе в российской и украинской культурных традициях, является как наиболее новаторским, так и вызывающим немало вопросов. С одной стороны, несмотря на определенные успехи в этом направлении предшественников автора, целостное представление о месте Владимира в исторической памяти восточного славянства в во-

⁴ Применение понятия «государство» или «государственность» к реалиям архаичного социума Древней Руси, В.М. Рычка справедливо считает в значительной мере условным. См.: Рычка 2020: 12. Далее ссылки на страницы книги даются в скобках.

сточноевропейской историографии дается впервые. Наиболее обстоятельные труды подобного плана принадлежат западным историкам⁵. Работы же на эту тему российских авторов либо достаточно фрагментарны⁶, либо носят скорее обзорный, чем исследовательский характер⁷.

С другой стороны, представляются некорректными утверждения Рычки о «присвоении» Московским царством или Россией образа Владимира и Киевской Руси в целом, красной линией проходящее через последний раздел книги. Характерно уже название первого его параграфа, посвященного почитанию Владимира на землях Северо-Восточной Руси – «Свой среди чужих» (с. 211). В нем автор ведет речь о том, что уже со времен Ивана Калиты борьба за «собрание Русьских земель» была, не в последнюю очередь, и идеологической борьбой за собрание и «присвоение» истории этих земель (с. 212). Как следствие, борьба Москвы за первенство в православном славянском мире закончилась «присвоением» Владимира московским историческим дискурсом, в рамках которого он стал почитаться «прародителем» правителей Московского царства, позиционировавшихся «единственными законными наследниками киевских князей» (с. 211, 221–223). Но о каком «присвоении» может идти речь, если московские князья в самом деле являлись прямыми потомками Владимира и в этом плане, по понятиям того времени, имели больше прав на «киевское наследство» чем, скажем, литовские Гедиминовичи или польские Пясты? Что же касается более поздних попыток некоторых российских историков, в частности, М.П. Погодина, лишить украинцев права считать Киевскую Русь частью собственной истории⁸, то они сколь-нибудь широкого распространения в российской историографии не получили. Российские историки, как совершенно справедливо заметил В.В. Пузанов, «предпочитали вести речь о Древней Руси как общей истории всех восточнославянских народов, независимо от того, как их было принято называть на конкретном этапе истории (древнерусским населением /великороссами, малороссами, белорусами /русскими, украинцами, белорусами). Поэтому уверенность украинских историков в том, что российские коллеги упорно, на протяжении столетий, пытаются украсть /присвоить древне-

⁵ Korpela 2001; Butler 2002. Решение при этом ими многих вопросов формирования и трансформации исторической памяти о князе Владимире, несмотря на отдельные частные успехи в этом направлении, сложно признать удовлетворительным. И Ю. Карпела, и Ф. Батлер нередко прибегают к довольно произвольным трактовкам или приходят к излишне прямолинейным выводам.

⁶ Погосян 2005; Сиренов 2019.

⁷ Сосницкий 2014; Ростовцев, Сосницкий 2018; 2019.

⁸ Погодин, как известно, считал, что в XI–XIII вв. Южная Русь была заселена великороссами, которые после монголо-татарского нашествия мигрировали на север, а опустевшие территории были заселены новым народом – выходцами с Карпат малороссами. При этом, как показал А.П. Толочко, Погодин руководствовался научными соображениями и не являлся украинофобом, а реакция украинских исследователей на его построения оказалась не вполне адекватной. – Толочко 2012: 207–235.

русское наследие – следствие не российских научных реалий, а парадоксальной ситуации, сложившейся в украинской историографии»⁹.

Корректнее, вероятно, вести речь не о «присвоении» Владимира российским историческим дискурсом, а об инструментализации образа святого равноапостольного князя, востребованности его культа в качестве одного из инструментов исторической легитимации власти московских государей. На землях же будущей Украины, где политическая жизнь после их вхождения в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского переориентировалась на иные, порожденные за пределами Киевской Руси культурные паттерны, образ Владимира, напротив, вплоть до начала XVII в. востребован, не был.

То затухающий, то разгорающийся с новой силой спор украинской и российской историографий о том, кому принадлежит «наследие Владимира», конечно же, идеологический, а не научный. Подобного рода наследие существует лишь в воображении. Как справедливо заметил А.П. Толочко, «с точки зрения дисциплинарной истории Руси спор этот не имеет смысла. История вообще не способна – вопреки ожиданиям – решать таким образом поставленные вопросы “по-научному”»¹⁰. Вопрос о праве русских или украинцев на «наследие Владимира», обоснование их «исторических прав» на него выглядят сегодня, по меньшей мере, анахронизмом. Согласимся с В.Ю. Аристовым: «активно проводившаяся историками XIX – первой половины XX в. национализация древнерусской истории требует обратного – окончательной денационализации»¹¹. Но как уйти от подгонки прошлого под тот или иной национальный нарратив? А.В. Мартынюк предложил концепт «византинизации» истории Древней Руси¹². Сегодня ведь никто не выступает с претензией на статус преемника Византийской империи, а ее деяния – это просто исторический феномен, глава в мировой истории.

Показательна в этой связи и судьба фигуры Карла Великого. Вопрос о том, был ли он «немецким» или «французским», звучит абсурдно, хотя, как заметил, А. Селард, «менее века назад это еще было серьезным предметом дискуссий»¹³. Думается, то же самое должно произойти с Владимиром. Будучи героем Древней Руси, он представляет самодостаточную ценность (своеобразную «вещь в себе»), несводимую к ранним этапам истории современных России и/или Украины. К последним имеет отношение история не собственно Владимира, а память о нем, формировавшаяся уже после распада Древней Руси и начала зарождения на ее месте современных раннемодерных наций.

Вполне естественно, что место и трактовка образа Владимира в российской и украинской исторических памятях оказались различны.

⁹ Пузанов 2015: 171.

¹⁰ Толочко 2012: 12.

¹¹ Аристов 2015: 485.

¹² Мартынюк 2017b: 151–152; Мартынюк 2020: 27–28.

¹³ Как изучать историю Восточной Европы?: 55. Ср.: Мартынюк 2017a: 32.

Об этом пишет и Рычка. Причем «наследию» Владимира в украинской традиции он уделяет внимания сравнительно меньше, чем ему же в российской традиции, фокусируясь, главным образом, на разоблачении этой последней, в которой память о Владимире практически не прерывалась и в которой его образ представлен намного ярче. Впрочем, непрерывной память о князе признается и для украинской традиции. Однако этому противоречат не только наблюдения других исследователей¹⁴, но отчасти и его собственные. Так, как замечает историк, после разорения Руси в 1240-е гг. монголо-татарами видимых признаков почитания Владимира в Среднем Поднепровье практически не сохранилось (с. 211), интерес к личности и деяниям князя становится здесь заметен лишь с конца XVI в. (с. 233–235). С восстановлением же православной иерархии в 1620-е гг. в среде православной украинской интеллигенции распространяется представление о том, что «современный ей Киев был продолжением Киева Владимира» (с. 239). То есть, проводится идея о Владимире как основателе киевской церковной традиции. Значительные усилия по «возобновлению» памяти о святом равноапостольном князе были приложены, как показано в работе, православным киевским митрополитом Петром Могилой, с подачи которого было осуществлено обретение мощей Владимира (с. 240–245). Однако «проводники украинского казацкого государства поверхностно унаследовали веру в харизму потомков киевской династии князей-воинов» (с. 249).

В итоге, с окончательным утверждением к концу XVII в. царской власти в Киеве, «святой равноапостольный князь Владимир и связанные с его именем “места памяти” денационализируются и присваиваются чужаками» (с. 256). Весь арсенал теорий о славном киевском прошлом украинские интеллектуалы стали использовать в интересах новых правителей Киева, а князь Владимир – почитаться как «прародитель» российских царей. Так, древнерусский князь оказывается «на царской службе», которую, воплощая идеал правителя и «просветителя» всей Руси, исправно несет вплоть до падения монархии. Даже почитание Владимира непосредственно в самом Киеве – главном месте его памяти, приобрело имперский оттенок и вышло далеко за рамки местного патриотизма (с. 272–292). Налицо, таким образом, не столько постулируемая преемственность общественно-исторической традиции, сколько ее прерывность и изменчивость.

Следует отметить, что в российской исторической памяти Владимир тоже переживал свои «взлеты» и «падения». «Взлеты», как это показано в книге, приходились на время образования Российского государства в XV–XVI вв., правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. Важным импульсом к оживлению интереса к фигуре князя стало присоединение Крыма. «С точки зрения Петербурга здесь, в Херсонесе –

¹⁴ См., например, Синкевич, 2018: 261–262. По словам Я.В. Затылюка, фактически в 1620-е гг. «князя Владимира “открыли” в Киеве заново». – Затылюк 2019: 354.

городе князей российских – Россия, – пишет Рычка, – как бы снова находила свою веру и свою историю» (с. 263). Само имя Владимира при этом приобрело новые коннотации: «вместо миротворца, миролюбца оно стало обозначать властелина света /мира, того, кто владычествует над всем миром» (с. 266). Что же до «падений», то они имели место с пресечением династии Рюриковичей (до принятия Украины «под высокую руку» царя)¹⁵ и в начале XVIII в.¹⁶ Первое из них Рычка не замечает, а по поводу второго ограничивается ремаркой, что «роль фигуры Владимира в петровскую эпоху все же не была маргинальной» (с. 262). Но совершенно очевидно, что петровская секуляризация и новый взгляд на историографию в XVIII в. способствовали «умалению роли Владимира в исторической памяти»¹⁷. А.В. Сиренов даже находит основания утверждать, что «в имперское время налицо восприятие этого князя как фигуры “второго плана”»¹⁸. Но это, видимо, только если судить в сравнении с другими, ставшими более значимыми образами прошлого, прежде всего с Александром Невским. В целом же, среди домонгольских героев в официальном дискурсе и народной памяти Владимир в то время «по-прежнему занимает ведущие позиции»¹⁹.

Российские историки Е.А. Ростовцев и Д.А. Сосницкий пишут о Владимире как о национальном герое. Однако, как показал Рычка, пройдя длительный путь развития, образ равноапостольного князя так и не приобрел выраженных национальных черт. В России он остается преимущественно фигурой общерусского значения, крестителем и просветителем Руси (с. 266–267, 292). В Украине же он вообще мало востребован. Для украинского национального самосознания более значимым оказалось не киевское, а «казацкое наследие». С очередным витком его мифологизации в 1990-е гг. «киево-русское наследие» снова, как пишет автор, «осталось на задворках общественного сознания и коллективной памяти» (с. 294, 296). Лишь в самое последнее время, в условиях развернувшейся между двумя государствами «войной памяти», мы наблюдаем всплеск интереса к крестителю и наследию Древней Руси в целом, их превращение в объекты исторической политики и идеологии. Новейшие коммеморативные практики непосредственного рассмотрения в работе украинского историка, однако, не получили.

Подводя итог, следует отметить, что В.М. Рычке удалось создать основательный труд, представляющий собой заметный вклад в изучение феномена Владимира I в исторической памяти и культуре народов Восточной Европы. Несмотря, однако, на свою основательность, книга не лишена недостатков. Главным из них является телеологичность авторского подхода – «украинизация» образа князя.

¹⁵ Сиренов 2019: 35.

¹⁶ Butler 2002: 148–150.

¹⁷ Ростовцев, Сосницкий 2018: 153.

¹⁸ Сиренов 2019: 26.

¹⁹ Ростовцев, Сосницкий 2018: 154.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аристов В. Что нового в Киевской Руси? // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 480–488. [Aristov V. *Chto novogo v Kievskoj Rusi?* // *Ab Imperio*. 2015. № 1. P. 480–488].
- Гайденко П.И. Кому принадлежит Киевское наследство Древней Руси? Рецензия на первый выпуск альманаха «Ucrainica mediaevalia» (1, 2018) // *Палеоросия. Древняя Русь: о времени, в личностях, в идеях*. Научный журнал. 2019. 1(11). С. 229–237. [Gajdenko P.I. *Komu prinadlezhit Kievskoe nasledstvo Drevnej Rusi? Recenziya na pervyj vypusk al'manaha «Ucrainica mediaevalia»* (1, 2018) // *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': o vremeni, v lichnostyah, v ideyah*. Nauchnyj zhurnal. 2019. 1(11). P. 229–237].
- Затылюк Я.В. От безымянных руин к православному Сиону: «места памяти» Руси-Украины XVII–XVIII вв. // «Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в. / под ред. А.В. Доронина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 350–377. [Zatylyuk Ya.V. *Ot bezymennykh ruin k pravoslavnomu Sionu: «mesta pamyati» Rusi-Ukrainy XVII–XVIII vv.* // «Mesta pamyati» rusi konca XV – serediny XVIII v. / pod red. A.V. Doronina. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2019. P. 350–377].
- Как изучать историю Восточной Европы? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1 (27). С. 39–63. [Kak izuchat' istoriyu Vostochnoj Evropy? Diskussiya // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / *Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya*. 2020. № 1 (27). P. 39–63].
- Карпов А.Ю. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2015. 454 с. [Karpov A.Yu. *Vladimir Svyatoy*. M.: Molodaya gvardiya, 2015. 454 p.].
- Мартынюк А.В. «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. № 1 (21). С. 146–153. [Martynyuk A.V. «Velikij rascol» vostochnoslavyanskoj medievistiki: sem' tezisov k diskussii // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / *Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya*. 2017. № 1 (21). P. 146–153].
- Мартынюк А.В. Древняя Русь после Древней Руси: к теоретической постановке проблемы // *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства* / под ред. А.В. Доронина. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 29–37. [Martynyuk A.V. *Drevnyaya Rus' posle Drevnej Rusi: k teoreticheskoy postanovke problemy* // *Drevnyaya Rus' posle Drevnej Rusi: diskurs vostochnoslavyanskogo (ne)edinstva* / pod red. A.V. Doronina. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2017. P. 29–37].
- Мартынюк А.В. История Средневековой Руси: от политической инструментализации и консерватизма академической традиции к аксиологическому пониманию // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1 (27). С. 25–38. [Martynyuk A.V. *Istoriya Srednevekovoj Rusi: ot politicheskoy instrumentalizacii i konservatizma akademicheskoy tradicii k aksiologicheskomu ponimaniyu* // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / *Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya*. 2020. № 1 (27). P. 25–38].
- Погосян Е.В. Князь Владимир в русской официальной культуре начала правления Елизаветы Петровны // *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия)*. Тарту, 2005. С. 11–36. [Pogosyan E.V. *Knyaz' Vladimir v russkoj oficial'noj kul'ture nachala pravleniya Elizavety Petrovny* // *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie. V (Novaya seriya)*. Tartu, 2005. P. 11–36].
- Пузанов В.В. «И плакашася по немь боляре акы заступника ихъ земли, оубозии акы заступника и кормителя...». Памяти святого равноапостольного князя Владимира // *Вестник Удмуртского университета. История и филология*. 2015. 25.4. С. 170–179. [Puzanov V.V. «I plakashasya po nem' bolyare akuy zastupnika ih zemli, oubozii akuy zastupnika i kormitelya...». Pamyati svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*. 2015. 25.4. P. 170–179].
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Князь Владимир как национальный герой: создание образа // *Диалог со временем*. 2018. 65. С. 150–164. [Rostovcev E.A., Sosnickij D.A. *Knyaz' Vladimir kak nacional'nyj geroy: sozdanie obraza* // *Dialog so vremenem*. 2018. 65. P. 150–164].
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Владимир Святой как национальный герой: восхождение образа // *Диалог со временем*. 2019. 69. С. 307–321. [Rostovcev E.A., Sosnickij D.A. *Vladimir Svyatoy kak nacional'nyj geroy: voskreshenie obraza* // *Dialog so vremenem*. 2019. 69. P. 307–321].

- Синкевич Н.А. «Изобретение традиции»: агиографические и исторические нарративы православной киевской митрополии XVII в. // Нарративы Руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории / отв. сост., отв. ред. серии А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 261–283. [Sinkevich N.A. «Izobretenie tradicii»: agiograficheskie i istoricheskie narrativy pravoslavnoj kievskoj mitropolii XVII v. // Narrativy rusi konca XV – serediny XVIII v.: v poiskah svoej istorii / отв. sost., отв. red. serii A.V. Doronin. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018. P. 261–283].
- Сиренов А.В. Святой князь Владимир как креститель Северо-Восточной Руси: несостоявшееся «место памяти» // «Места памяти» Руси конца XV – середины XVIII в. / под ред. А.В. Доронина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 25–42. [Sirenov A.V. Svyatoy knyaz' Vladimir kak krestitel' Severo-Vostochnoj Rusi: nesostoyavsheesya «mesto pamyati» // «Mesta pamyati» rusi konca XV – serediny XVIII v. / pod. red. A.V. Doronina. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2019. P. 25–42].
- Сосницкий Д.А. Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI века (по материалам нарративных источников) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. 3(203). С. 100–106. [Sosnickij D.A. Vladimir Svyatoy v istoricheskoy pamyati rossijskogo obshchestva vtoroj poloviny XIX – nachala XXI veka (po materialam narrativnyh istochnikov) // Nauchno-tehnicheskie ведомosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki. 2014. 3(203). P. 100–106].
- Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Лаурус, 2012. 257 с. [Tolochko A.P. Kievskaya Rus' i Malorossiya v XIX veke. Kiev: Laurus, 2012. 257 p.].
- Butler F. Enlightener of Rus': The Image of Vladimir Sviatoslavich Across the Centuries. Bloomington, 2002. 204 p.
- Korpela J. Prince, Saint and Apostle: Prince Vladimir Svyatoslavich of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. München, 2001. 267 p.

Ищенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и социальных технологий, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт ДГАУ; *ischenko-2010@mail.ru*

"The Passion for Vladimir" or to whom "Kiev-Russian heritage" belongs

In the context of the development of historiography dedicated to Prince Vladimir Svyatoslavich and the history of his memory, the work of the famous researcher of the history of Kievan Rus V.M. Rychka "Volodymyr the Great: Face to the Spirit" is considered. Both the advantages of the book and some of its shortcomings are shown. One of the main shortcomings, according to the reviewer, is the teleological character of the author's approach or the "Ukrainization" of the image of the Holy Prince and his legacy.

Key words: *V.M. Rychka, Vladimir Svyatoslavich, Kievan Rus, historical memory, Kiev-Russian heritage, appropriation*

Aleksandr Ischenko, PhD (History), Associate Professor, Department of History, philosophy and Social Technologies, Novoчеркасск Institute of Engineering and Land Reclamation, Don State Agrarian University; ischenko-2010@mail.ru

В.А. БОЛДИН, Б.Н. КАРИПОВ, А.Б. СТРАХОВ

«ПРИВЕРЖЕНЦЫ ИДЕИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ
НАЧАЛ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА...»
ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ХРАНИТЕЛЬСТВА

В статье-рецензии, посвященной книге А.А. Ширинянца и С.В. Перевезенцева «Очерки истории русского хранительства: Монография. Часть I» (М., 2021) показан особый подход авторов к оригинальному и всеобъемлющему направлению русской мысли, стремящемуся сочетать естественное развитие России с сохранением традиционных основ. Особое внимание уделено тому, какую роль в хранительстве играла личность – как непосредственные авторы идей, так и те представления о месте личности в истории и политике, которые попадали в фокус их внимания.

Ключевые слова: *хранительство, русская социально-политическая мысль, история социально-политических учений, А.А. Ширинянец, С.В. Перевезенцев*

Русская культура литературоцентрична¹ и, если брать шире, текстоцентрична. За долгие годы своего существования она выработала особые формы и идеи, одной из которых стало хранительство².

Такому хранительству посвящена монография профессоров кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Ширинянца и С.В. Перевезенцева «Очерки истории русского хранительства»³. Уже во введении авторы обозначают особую роль создателей тех или иных концепций в формировании этого явления: «У каждой страны имеются свои патриоты-хранители, приверженцы идеи сохранения исторических начал общества и государства. Это и есть “хранители” — противники прогрессизма, радикализма, революционности, но сторонники благодатного, спокойного существования своей Родины, своего народа» (7). Значимость их вклада в хранительство отражена в грандиозной антологии текстов, ставшей своего рода подготовкой к рецензируемой монографии, – «Хранители России»⁴. Более того, именно с творчества конкретного человека – великого русского писателя Н.М. Карамзина⁵ – и началось отсчет то хранительству, которое, «как политическое кредо Карамзина, сфокусировало в себе предшествующую “хранительную” традицию, и задало тон всей будущей традиции “хранителей России”» (8).

¹ См.: Соболев 2008: 8; Никольский 2015.

² Концепция «хранительства» была предложена заведующим кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ профессором М.А. Маслиным и в дальнейшем получила разработку в трудах Д.В. Ермашова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца и др. См.: Маслин 2017; Ермашов, Ширинянец 2006; Ширинянец 2006; Перевезенцев, Ширинянец 2016 и др.

³ Перевезенцев, Ширинянец 2021. (Ссылки на страницы даются в тексте в скобках).

⁴ Хранители России. Антология. Т. 1-6. 2015-2018.

⁵ Споры о политических взглядах Н.М. Карамзина в отечественной науке ведутся давно. Среди недавних работ см. сборник, выпущенный к 250-летию «отца российской историографии». – Николай Карамзин и исторические судьбы России... 2016.

Монография состоит из введения, шести глав и раздела «Вместо заключения», фактически уведомления о планах авторов на издание второй части монографии.

Первая глава посвящена идейным истокам русского хранительства – русской мысли X–XVII вв. Эта эпоха чрезвычайно важна, так как в XIX в., «классическом» веке хранительства, «новым источником становится православная святоотеческая традиция, в которой многие русские “хранители” находили главное вдохновение» (8). Традиционно считается, что допетровская эпоха была временем анонимного творчества⁶. Авторы монографии подчёркивают, что «русская политическая мысль X–XVII вв., во-первых, была отражением и выражением специфики исторического и политического развития России, во-вторых, формировала определенные социальные и политические идеалы, которые в той или иной степени детерминировали содержание общественного сознания, более того – становились целью развития общества и государства» (11-12). В русской мысли допетровской эпохи месту личности в истории уделялось достаточно много внимания. Важной темой духовных исканий древнерусского общества была «тема “истинного правителя” – по убеждению русских духовно-политических мыслителей X–XVII вв. именно правитель государства (великий князь, позднее, царь) был обязан Богом вести народ и все русское общество к достижению православных идеалов, следовательно, вопрос об “истинности” правителя имел первостепенное значение» (23). Более того, под пером авторов монографии допетровские мыслители также становятся самостоятельными величинами, а не просто порождением контекста эпохи.

Вторая глава под провокационным названием «В поисках нового... консерватизма» посвящена осмыслению попытки русских мыслителей справиться с тем, что «отечественная мыслительная традиция довольно резко восприняла в себя чуждые ей до того религиозные представления, философские и социально-политические теории, социологические схемы» (36). Авторы указывают важнейшую черту идейных исканий того времени: «Русское просветительство, по сути дела, попыталось выступить и в роли духовного наследника православной традиции, и в качестве носителя рационалистической традиции научного мышления» (57). Примечательно, что адаптацией этих идей занимались как светские деятели, получившие европейское образование, – В.Н. Татищев, М.М. Щербатов и др., – так и носители религиозной традиции – митр. Митрофан Воронежский, прп. Паисий Величковский и др. Авторы монографии особо выделяют, что именно мыслители эпохи Просвещения смогли «сочетать несочетаемое» – просветительскую идею гуманизма, особую роль личности в истории и традиционализм русского народа, заложив основы великой русской культуры XIX в.

⁶ См.: Конявская 2000; Архангельская 2007: 156-161.

Именно рождению русского консерватизма посвящена третья глава монографии. Фактически в ней развивается идея предыдущей главы – сочетания гуманизма и традиционализма, которые обретают своё воплощение в творчестве двух великих деятелей – Н.М. Карамзина и прп. Серафима Саровского. Авторы отмечают, что «произведенный Карамзинным синтез политических принципов самодержавия и гуманистических идей трансформировался в концепциях русских консерваторов позднего времени в еще более “хранительную” по духу и букве систему» (108), а в фигуре прп. Серафима Саровского же «Святая Русь явила миру новый пример христианского подвига» (112).

Четвёртая глава под названием «На русский путь» посвящена развитию русской мысли в первой половине XIX в. Именно в это время «светская культура стала наполняться традиционным национальным и православным содержанием и смыслом» (155). Авторы монографии подчёркивают, что идея самодержавной монархии стала одной из трёх основ хранительства, при этом её роль «как надклассовой силы, защищающей интересы каждого из сословий и общества в целом» (166) ставила монарха в исключительное положение. Мыслители первой половины XIX в. «предсказали России завидную судьбу-предназначение — спасение мира» (166), чем фактически определили осознание Россией своего места и роли в мире и её политику на годы вперёд.

Именно поэтому пятая глава носит название «Обретённая Россия» и посвящена развитию хранительных идей в середине XIX в. К этому периоду авторы монографии относят расцвет русской мысли, появление большего числа, по сравнению с предыдущими периодами, интеллектуальных течений – например, русского социализма⁷. Неудивительно, что в это время «трудно, в спорах и борениях, под воздействием внутреннего и внешнего сопротивления, через ошибки и заблуждения» (231) рождались новые русские смыслы. Героями главы становятся лица разных убеждений – патриот-государственник Л.В. Дубельт, «охранительные либералы» К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, славянофилы братья К.С. и И.С. Аксаковы. Важную роль сыграли в этот период и педагог К.Д. Ушинский, и старцы Лев, Макарий и Анатолий Оптинские.

Шестая глава монографии посвящена «крестьянскому делу» (1840-е – начало 1860-х) и дискуссиям, развернувшимся в российском обществе относительно перспектив крепостного права. Как отмечают авторы, «эта проблема в отечественной социально-политической мысли впервые была обозначена еще в середине XVIII столетия первым русским историком и первым просветителем В.Н. Татищевым. Во второй половине XVIII в. целесообразность крепостного права с той или иной степенью интенсивности обсуждалась в сочинениях различных русских мыслителей, включая императрицу Екатерину II. В конце XVIII – начале XIX в. государственными властями были предложены первые, пока

⁷ Подробнее об истоках «русского социализма» см.: Валицкий 2013: 178-200.

еще очень осторожные, реформы крепостной системы, однако на протяжении всей первой половины XIX столетия, несмотря на продолжающиеся поиски решений “сверху”, страсти вокруг сохраняющегося крепостного права только разгорались...» (232).

В данной главе на фоне тщательно описанного историко-политического контекста эпохи авторы рисуют исторические портреты как именитых общественных деятелей (Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева, В.А. Черкасского и даже императора Александра II), так и малоизвестных, но интересных и самобытных мыслителей (А.А. Заболоцкого-Десятковского, А.М. Унковского, А.А. Головачева, М.П. Позена и др.). Указанные деятели представлены не в «статичном положении», а как «живые личности», ведущие постоянный диалог, как друг с другом, так и с мыслителями прошлого. Данный подход помогает читателю представить русскую интеллектуальную историю как непрекращающийся диалог, полифонию голосов, ведущих спор о судьбах страны. Это то, что М.А. Маслин удачно охарактеризовал «разноликостью единства»⁸.

В конечном счёте перед читателем оказывается галерея мыслителей, которые могли быть и друзьями, и оппонентами, но всякое движение их ума было направлено на сохранение «исторических начал общества и государства» (7). Именно в этом заключается особая роль мыслящей личности в истории русских мысли и жизни.

В обширной галерее мыслителей заметная сила, но и определенная слабость рецензируемой книги. Стремясь собрать «под одной крышей» как можно больше примеров «хранительного» служения Отечеству, представить читателям как можно больше «хранителей России», авторы лишили своих героев их естественной интеллектуальной среды, а именно – в монографии вы не найдете голосов их оппонентов, тех, с кем спорили, против кого так ярко выступали «русские хранители». В результате внутренний интеллектуальный конфликт, характерный для русской общественно-политической мысли и жизни на протяжении всей ее многовековой истории, оказался раскрыт не в полной мере.

Тем более интересно, как авторы монографии решат эту проблему во второй части своей монографии. В этом отношении перед ними стоит крайне интересная задача, ведь освобождение крестьян послужило толчком к неимоверному усложнению всех общественно-политических процессов в России, что не могло не породить новых вопросов, которые встали перед русским хранительством. Расцвет левых идей и движений, завершение процесса формирования русской нации и рост национального самосознания нерусских народов Российской империи, развитие земств и формирование парламентаризма – всё это бросало серьёзные вызовы «хранителям России».

Пока трудно понять и то, каким образом авторы «продлят» время существования феномена русского хранительства на советский период

⁸ Маслин 2018: 165-167.

истории. А ведь оно было и нашло отражение в творчестве многих советских писателей, поэтов и публицистов. Не менее интересно, каким образом авторы подойдут к анализу хранительства Русского зарубежья, когда хранить фактически стало нечего. Эмиграция возвращается к своим истокам – духовно-политической мысли. Русская мысль XX века, оторванная от русской же среды, зависела, как видится, в первую очередь от отдельных ярких личностей.

Остаётся только ждать второго и, надеемся, не последнего тома «истории русского хранительства».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Очерки истории русского хранительства: Монография. Часть I. М.: Издательство Московского университета, 2021. 352 с. [Perevezencev S.V., Shiryanyanc A.A. Ocherki istorii russkogo khranitel'stva: Monografiya. CHast' I. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021. 352 s.].
- Архангельская А.В. Проблема автора в древнерусской литературе // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики: Сборник научных статей: в 2 ч. Т. 1. Минск: РИВШ, 2007. С. 156–161. [Arkhangel'skaya A. V. Problema avtora v drevnerusskoj literature // Avtor kak problema teoreticheskoj i istoricheskoj poetiki: Sbornik nauchnykh statej: v 2 ch. T. 1. Minsk: RIVSH, 2007. S. 156–161.].
- Валицкий А. История русской мысли от Просвещения до марксизма. М.: «Канон+» РО-ОИ «Реабилитация», 2013. 480 с. [Valickij A. Istoriya russkoj mysli ot Prosveshcheniya do marksizma. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2013. 480 s.].
- Ермашов Д.В., Ширинянц А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 5–22. [Yermashov D.V., Shiryanyanc A.A. Khranitel'stvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoj kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoj Rossii) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskije nauki. 2006. № 2. S. 5–22.].
- Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Языки славянской культуры, 2000. 195, [1] с. [Konyavskaya E.L. Avtorskoje samozoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – sredina XV v.). M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2000. 195, [1] s.].
- Маслин М.А. Концепции разноликости и единства русской философии // Соловьевские исследования. 2018. № 1. С. 165–167. [Maslin M.A. Konceptcii raznolikosti i edinstva russkoj filosofii // Solov'evskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 165–167.].
- Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 526 с. [Maslin M.A. Raznolikost' i edinstvo russkoj filosofii. SPb.: RKHGA, 2017. 526 s.].
- Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. 384 с. [Nikolaj Karamzin i istoricheskie sud'by Rossii. K 250-letiju so dnia rozhdeniya / Obshch. red. i sost. A.A. Kara-Murzy, V.L. Sharovoj, A.F. Yakovlevoj. M.: Akvilon, 2016. 384 s.].
- Никольский С.А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX и XX вв. М.: Голос, 2015. 536 с. [Nikol'skij S.A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX i XX vv. M.: Golos, 2015. 536 s.].
- Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Страницы истории русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/781>. [Perevezencev S.V., Shiryanyanc A.A. Stranitsy russkogo «khranitel'stva»: literatura i politika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal). 2016. № 4. URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/781>].
- Соболев А.В. О русской философии. СПб.: Мирь, 2008. 496 с. [Sobolev A.V. O russkoj filosofii. SPb.: «Mir'», 2008. 496 s.].
- Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. М.: Паблис, 2015. 735 с. [Khraniteli Rossii. Antologiya. T.1. Istoki russkoj konservativnoj mysli. XI–XVII vv. M.: Pablis, 2015. 735 s.].

- Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма. М.: Паблис, 2015. 935 с. [Khraniteli Rossii. Antologiya. T.2. V poiskakh novogo... konservativizma. M.: Pablis, 2015. 935 s.]
- Хранители России. Антология. Т.3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. М.: Паблис, 2016. 1096 с. [Khraniteli Rossii. Antologiya. T.3. Rozhdenie russkogo konservativizma. 1800–1850 gg. M.: Pablis, 2016. 1096 s.]
- Хранители России. Антология. Т.4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. М.: Паблис, 2016. 1136 с. [Khraniteli Rossii. Antologiya. T.4. V poiskakh russkogo puti. 1800–1850 gg. M.: Pablis, 2016. 1136 s.]
- Хранители России. Антология. Т.5. Обретенная Россия. 1840-е — начало 1860-х гг. М.: ООО «Новые решения», 2018. 952 с. [Khraniteli Rossii. Antologiya. T.5. Obretennaya Rossiya. 1840-e — nachalo 1860-kh gg. M.: ООО «Novye resheniya», 2018. 952 s.]
- Хранители России. Антология. Т.6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. М.: ООО «Новые решения», 2018. 1174 с. [Khraniteli Rossii. Antologiya. T.6. Krest'yanskoye delo. 1840-e — nachalo 1860-kh gg. M.: ООО «Novye resheniya», 2018. 1174 s.]
- Ширинянц А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. № 4. С. 69–87. [Shirinyants A.A. Khranitel'stvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoy kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii): kontseptsiya russkoy monarkhii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2006. № 4. S. 69–87.]

Болдин Владимир Алексеевич, кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; boldin.v.a@gmail.com

Карипов Балташ Нурмухамбетович, доктор политических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и философии, исторический факультет, Кокшетауский государственный университет имени Ш.Ш. Уалиханова, bkaripov@yandex.ru

Страхов Александр Борисович, специалист по учебно-методической работе кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; учитель АНОО «Областная гимназия имени Примакова», falconian@yandex.ru

«Adherents of the idea of preserving the historical principles of society and the state...»: Personality and History of “Russian khranitel'stvo”

In the article-review devoted to the book by A.A. Shirinyants and S.V. Perevzentsev "Essays on the History of Russian Custodians ('Khranitel'stvo')": A Monograph. Part I" (Moscow, 2021) shows the authors' special approach to the original and comprehensive direction of Russian thought, striving to combine the natural development of Russia with the preservation of traditional foundations. Particular attention is paid to the role played by the individual in the "khranitel'stvo" – both the direct authors of the ideas, and those ideas about the place of the individual in history and politics that came into the focus of their attention.

Key words: «khranitel'stvo», Russian socio-political thought, history of socio-political studies, A.A. Shirinyants, S.V. Perevzentsev

Boldin Vladimir A., PhD in Political science, Assistant of Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. boldin.v.a@gmail.com

Karipov Baltash N., Dr. Sc. (Political Science), Professor of the Department of General History and Philosophy of the Faculty of History of Ualikhanov Kokshetau State University; bkaripov@yandex.ru

Strahov Aleksandr, Specialist in Educational and Methodical work, Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; teacher of ANOO «Primakov Regional Gymnasium», falconian@yandex.ru

Е.Е. МИХАЙЛОВА

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ЗАПАДА И ВОСТОКА
В РЕЦЕПЦИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ
РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ В.И. ЛАМАНСКОГО¹

В статье рассматривается тема диалога культур Запада и Востока, специфически раскрытая в трудах петербургского мыслителя рубежа XIX–XX вв. В.И. Ламанского. Статья выдержана в формате обсуждения книги В.А. Куприянова и А.В. Малинова «Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности», в которой осуществлена перекрестная референция научных и политических взглядов историка. Автор считает, что целый ряд суждений Ламанского звучит современно. Диалог есть важный инструмент взаимодействия культур; гуманистический фактор лежит в основе диалога и выражен триадой «язык–культура–самосознание»; Россия способна быть центром притяжения разнородных культур – эти и другие идеи Ламанского могут вызвать интерес специалистов и читателей.

Ключевые слова: В.И. Ламанский, культура, история, диалог культур, Россия, Запад, Восток, славянофильство

Современные петербургские теоретики в области философии истории В.А. Куприянов и А.В. Малинов в 2020 г. опубликовали исследование об академике Владимире Ивановиче Ламанском (1833–1914)². Довольно внушительное по своему объему (560 с.), издание обозначено самими авторами как материалы к биографии и научной деятельности. Резонность такой презентации очевидна, поскольку в книге, помимо биографии и личных научных изысканий ученого, присутствует много интересных информационных «лагунов» и постановочных вопросов философско-исторического характера. Основные материалы для книги были собраны А.В. Малиновым в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, где до последнего времени был представлен большой фонд В.И. Ламанского. Когда зародилась идея собрать накопленные материалы в единое целое, к работе подключился В.А. Куприянов с его теоретическими разработками вопросов панславизма и полемики славянофилов и западников. Таким образом, выстроилась структура издания: предисловие и две части. Первая часть книги, она же и основная, представляет собой перекрестную референцию биографии, научной деятельности и творческого наследия В.И. Ламанского. Во второй части книги собраны уникальные архивные документы: положения диссертации, письма, записки и другие материалы, иллюстрирующие личные коммуникации Ламанского, его интеллектуальные поиски, общественные интересы и оценочные суждения.

Научное наследие и деятельность Ламанского долгое время не попадали в поле зрения исследователей. В определенной мере это было

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

² Куприянов, Малинов 2020.

связано с разгромом его научной школы в 1930-х гг. Ситуация изменилась с 2000-х гг., когда на волне интереса к вопросу о диалоге культур началось уже плотное изучение творчества В.И. Ламанского. Однако количество работ биографического характера по-прежнему остается небольшим. Заслуга авторов книги В.А. Куприянова и А.В. Малинова как раз и заключается в том, что они восполняют этот пробел знаний не только в данной книге, но и в своих предыдущих изданиях³.

Дискурсивной особенностью представленной книги является то, что ее авторы избрали двойственный подход к изложению материала: выстроили одновременно две линии повествования – биографическую и творческую. Тем самым реконструкция личной жизни и научной деятельности В.И. Ламанского показана в свете событий внутри России и за ее пределами. Такой подход выглядит особенно плодотворным, поскольку позволяет представить панораму интеллектуальных взаимоотношений современников, реагирующих на актуальные и острые события. Дискурсивным батальям целиком посвящены такие разделы книги, как «Полемика с Н.Г. Чернышевским» (с. 73-97); «История русской науки в контексте национального самосознания» (с. 253-268); «Наука и свобода совести» (с. 349-355); «В кругу современников» (с. 356-430). Таким же образом, т.е. в контексте философских дискуссий того времени, проанализировано и историко-философское наследие Ламанского. Яркой иллюстрацией отмеченных наблюдений является то, что сравнительный анализ историсофских воззрений В.И. Ламанского и Н.Я. Данилевского напрямую представлен в разделе «Университетская карьера» (с. 98-145). Однако сопоставление присутствует и во многих других частях книги в качестве рефлексии по поводу «скрытой оппозиции» воззрений двух современников⁴. Та же картина вырисовывается и в отношении интеллектуального диалога В.И. Ламанского с А.С. Хомяковым. Сравнительный анализ ключевых положений обоих представителей славянофильской философии истории осуществлен в предисловии книги, в разделе «В кругу современников», а также в более ранних статьях авторов данного издания⁵.

В.И. Ламанский предстает как философ, университетский профессор, академик, общественный деятель, политический мыслитель, славист и, что самое важное, как аналитик истории взаимоотношений славянских народов, включенных в модель реального и ожидаемого диалога культур Европы и России. Показана, в соответствии с наблюдениями Ламанского, динамика ценностных устремлений славянства: от желанья единства, через временное отчуждение, к общему миру⁶. Учи-

³ Малинов 2020(а): 49-69; Малинов 2018: 41-59; Малинов 2019(а): 35-52; Малинов, Морозов, Тоноян 2019: 275-287; Малинов, Пешперова 2019: 85-99; Malinov, Kurgiyanov 2019: 211-221 и другие.

⁴ Куприянов, Малинов 2020: 251; Малинов 2020(б): 86-98.

⁵ Куприянов 2018: 21-33.

⁶ Куприянов, Малинов 2020: 11.

тывая, как в тексте обрисовано интеллектуальное общение В.И. Ламанского с Н.Я. Данилевским, А.С. Хомяковым, И.С. Аксаковым, К.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариным, Н.И. Кареевым, А.С. Лаппо-Данилевским, можно с уверенностью сказать, что авторам книги удалось высветить не просто спектр полемики и взаимной культурной «подпитки» мыслителей обеих столиц, но и более широкий уровень диалога – смысл взаимоотношений петербургской и московской школ философии истории, особенно теоретиков славянофильского направления⁷.

На страницах рецензируемой книги облик Ламанского многогранен. Это и ученый-архивист, и социально сориентированный деятель, и обычный человек, к примеру, сетующий на нехватку денег. Как кабинетный ученый Ламанский сидит в тиши библиотек России и Европы и вдохновенно изучает исторические источники. Например, в главе «Государственные тайны Венеции» (с. 146-189) авторы книги приводят цитату из письма Ламанского, характеризующую его настрой как зуд – эдакое нетерпение и жажду исследователя, наверняка, знакомое и им самим: «Только бы хватило у меня дарования воспользоваться этими драгоценнейшими материалами для живого описания и представления Далмации и Ускоков в XVI в. Работаю в архиве с возрастающим вниманием, и было бы грешно иначе. Боже мой! Какие здесь сокровища!»⁸.

В качестве общественно сориентированного деятеля Ламанский видится организатором благотворительных обществ, например, «Общества вспоможения бедным литераторам», или участником прошений и петиций социального характера, направленных в правительственные инстанции. И здесь, на мой взгляд, авторы книги выдвигают спорное суждение о том, что за теоретическими исследованиями и практическими шагами Ламанского, в частности, по реформированию Академии наук, кроется глубинно скрытая политическая мотивация ученого⁹. Судя по материалам книги, жизненные переживания Ламанского можно назвать скорее не политическим, а гражданским посылом. Собственно, ключевая мысль рецензируемой книги состоит в том, что критическое осмысление исторического прошлого своей страны заставляет Ламанского как мыслителя балансировать на грани научной рефлексии и практической жизненной позиции. Разумеется, образ жизни активного гражданина требует избыточных усилий и ответственности, в сравнении с поведением кабинетного ученого. Геополитическая стратегия Ламанского – это критическое осмысление истории как инструментария для научения выстраивать диалог культур. Его поиски ответов на вопросы «кто мы?», «чем мы отличаемся от других?» и «что между нами общего?» можно воспринимать в двух смыслах: в узком, личном – как способ символического выражения патриотических пе-

⁷ Куприянов, Малинов 2020: 372, 377.

⁸ Там же: 149.

⁹ Там же: 261.

реживаний, в широком, социальном – как поиск национально-культурной и общественно-политической идентичности России.

Особым образом в обсуждаемой книге высвечен диалог культур Запада и России, в рецепции Ламанского. Авторы книги анализируют историософские конструкции Ламанского как результат творческого осмысления исторической линии взаимоотношений европейской и русской культур. По сути, они приглашают со страниц данного рецензируемого издания, а также в своих более ранних работах, к теоретическому разговору о проблемах и специфике диалога разнородных культур¹⁰. На сегодняшний день это видится актуальным. Современные теоретики разных направлений социогуманитарного знания усиленно ведут поиски путей достижения и принятия значимости культурного разнообразия¹¹, фокусируют особое внимание на противоречивости динамики этнокультурной идентичности, вызванной процессами глобализации и массовой миграции¹².

«Греко-славянский мир» – ключевое понятие геополитической концепции Ламанского. Содержательно под ним понимается Россия, в отношении которой фиксируются три категории населения: первая – народы, населяющие российскую территорию; вторая – народы, принадлежащие по своему этнографическому составу и исторической судьбе более к восточноевропейскому, нежели западному миру, например, Турция, Австрия, «прежняя» Венеция [имеется в виду «Королева Адриатики» XI–XV веков – Е.М.]; третья – соседи, тесно соединенные с судьбой России, например, литовцы, финны, албанцы и другие народы.

Разработка концепции греко-славянского мира велась Ламанским сразу в нескольких направлениях – издательском, преподавательском и общественном. Первое направление нашло свою реализацию в публикации двух монографий: «Об историческом изучении греко-славянского мира» и «Три мира Азийско-Европейского материка», в редактировании журнала «Живая старина» (1890–1912 гг.) и в печати публичных лекций по истории славянства. Второе направление вылилось в процесс преподавания славяноведения в Петербургском университете и оказалось настолько эффективным, что славянофильство Ламанского, по мнению авторов рецензируемой книги, прочно вошло в академическую среду и стало научным мировоззрением¹³. Третье направление отразилось в общественной деятельности Ламанского, когда он пытался воплощать свое теоретическое видение греко-славянского мира в реальных проектах. Среди них – проведение славянского съезда (1867), создание специального хранилища для рукописных памятников Руси, реформирование Академии наук и другие шаги. Например, Ламанский горячо поддержал и отстаивал идею учре-

¹⁰ Малинов, Куприянов 2019: 260-285.

¹¹ Форнет-Бетанкур 2020: 26.

¹² Малыгина 2017: 12; Верпатова 2020: 148.

¹³ Куприянов, Малинов 2020: 19, 25.

ждения «Центрального хранилища славяно-русских рукописных памятников для средней России». Эту идею выдвинул его коллега О.М. Бодянский, который изучал славяноведение за границей, в атмосфере деятельности словацкого и чешского слависта П.Й. Шафарика. На примере организации фонда рукописных источников в библиотеке Пражского университета выделось разумным и необходимым создание подобного хранилища и в России¹⁴.

Диалог Запада и Востока, в интенции Ламанского, раскрывается в рецензируемой книге сразу в нескольких главах: «Политическое славяноведение» (с. 190–211), «Панславизм и славянская взаимность» (с. 212–234), «“Славянский мир” – нереализованный издательский проект» (с. 235–252), «Язык, нация, культура» (с. 297–337). Здесь Ламанский представлен и как теоретик славяноведения, и как деятель, пытающийся наладить культурный диалог внутри славянских стран и между Западом-Востоком.

Диалог на равных могут вести народы, обладающие самостоятельным мышлением. Если у одной стороны нет осознания своей культурной самобытности и цивилизационной самостоятельности, тогда диалог превращается в заимствование. К современной России, на взгляд Ламанского, приходит такое осмысление. Это находит свое выражение в научном изучении истории. Подобный взгляд на историю как на науку, помогающую формировать народное самосознание, разумеется, уже имел своих адептов. Авторы книги справедливо отмечают, что в основе такого подхода лежит гегелевская идея познания «другого» как познания самого себя. «Приобщаясь к европейской науке, изучая европейскую историю, мы познаем ее как “свое – иное”, позволяющее лучше понять специфику русского исторического бытия», – такими словами они оценивают позицию Ламанского¹⁵.

История и культура Западной Европы видятся Ламанскому неким пределом, позволяющим установить сходства и отличия, чтобы правильно выстраивать культурный диалог. Совсем другой формат, в его замыслах, принимает диалог культур внутри славянских стран, история и культура которых не отличается резкой инаковостью. «Если от европейской истории и науки русская историография отталкивается, то к славянской истории притягивается, ища в ней подобия и аналогии, единство и родство культурных форм и динамики исторических процессов», – так фиксируется авторами книги еще один тезис Ламанского¹⁶.

Ламанский ратует за диалог славянских культур-современниц, живущих рядом друг с другом. И этот диалог осуществляется, на его взгляд, противоречиво, хотя и оставляет возможность для положительной перспективы. Противоречиво – потому что нередко чувствуется враждебность славянской интеллигенции, действующей «вопреки

¹⁴ Там же: 194, 235.

¹⁵ Куприянов, Малинов 2020: 195.

¹⁶ Там же: 196.

стремлениям своих народов к разобщению и отделению славян от России»¹⁷. Положительно – потому что Россия есть часть мира славянского и одновременно часть мира азиатского, следовательно, именно она способна центрировать вокруг себя взаимодействие разнородных культур.

В этом смысле авторы рецензируемой книги расставляют интересные акценты в геополитической концепции Ламанского. Первый акцент: единство славянского мира для Ламанского есть реальная политическая сила, базирующаяся не столько на экономике, энергетике или денежных потоках, сколько на культуре и истории. Второй акцент: в диалоге народов, по Ламанскому, первостепенную роль играет общий язык, усиливающий культурную близость. Третий акцент: на фоне дuality Европы (романо-германской и греко-славянской, в терминологии ученого) Ламанский рисует триаду всеобщей истории – Запад-Россия-Восток, превосходящая, тем самым, идеи евразийцев. Четвертый акцент: политический фактор для Ламанского является производным от культурно-национального¹⁸.

В.И. Ламанский был далеко не одинок в осмыслении содержания культурного диалога Запада и Востока. Этот вопрос явно витал в атмосфере жизни и деятельности петербургских мыслителей. Каждый из них по-своему уделял внимание этому вопросу. Общим посылом было то, что диалог культур – это смена историко-типологических ситуаций, культурных форм и традиций. Далее видны отличия. Представляется удобным сравнить геополитические воззрения представителей разных направлений философии истории, например, позитивистски настроенного теоретика Н.И. Кареева и религиозного мыслителя, историка-медиевиста Л.П. Карсавина.

В своих курсах лекций по всеобщей истории Н.И. Карееву удалось выстроить линию диалога Запада и Востока во всем многообразии их культурных форм. Линия выглядела так: сначала обособление – потом взаимовыгодная встреча, как правило, через заимствование менее подготовленной культуры у более подготовленной, – наконец, понимание важности обоюдной преемственности. В работе «Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох» исследователь обобщает свои взгляды на ход истории человечества. Кареев указывает на два этапа, которые проходит культура в своем развитии: локальный и глобальный. Первый характерен для начальной стадии развития человечества. Второй начинает проявляться постепенно у разных народов на определенных этапах их исторического развития. По мысли Кареева, с определенного времени своего развития народы начинают жить «двойною жизнью»: «жизнью своею собственною, местною и особою, и жизнью общею, универсальною»¹⁹. Каждый народ, по мнению иссле-

¹⁷ Там же: 218.

¹⁸ Малинов 2019(6): 104-123; Малинов, Мильчарек 2019: 34-57.

¹⁹ Кареев 2011: 6.

дователя, неизменно вступает на путь глобальной истории, однако ее локальный этап не заканчивается на этом, а продолжается в качестве традиции собственной самобытной культуры.

Л.П. Карсавин также усматривает диалог культур как смену традиций. Но его исследовательский взгляд, в отличие Кареева, движется внутри одной исторической локации – Средневековья. В духе неокантианской идеи о ценностях культуры Карсавин берет за основу ключевые формы культуры и осуществляет их перекрестную референцию во времени и пространстве. Такой дискурсивный прием вызывает особый резонанс. Например, перед глазами читателя предстает динамичная картина смысловых структур и образов Средневековья. Вместо хронологии изложения событий (хотя она, разумеется, присутствует) Карсавин берет две максимально большие категории – власть и религию – и следит за их диалогом на протяжении нескольких веков. Диалог для него – это смена культурных традиций, которая осуществляется постепенно, через соприкосновение традиций. Усвоение внезапно навалившихся чуждых элементов, по Карсавину, изначально понижает общий уровень принимающей культуры, которая начинает растрачивать себя на новую цивилизаторскую работу. Слабея, бывшие культурные силы перестают быть творческими, сужают круг своего действия, начинают ориентироваться на «бережение старого», следовательно, становятся «недейственной традицией»²⁰. Если культура сильная, то со временем она справляется с ситуацией и начинает жить новой жизнью, уже с учетом новых факторов. Тезис Карсавина: бережно хранить – недействительная традиция, творчески хранить – вот настоящая традиция.

Если попытаться типологизировать подходы петербургских мыслителей к выстраиванию культурного диалога, то картина может выглядеть следующим образом. Кареев выстраивает линию многовекового всемирно-исторического культурного диалога Запада и Востока, полного противоречий, военных конфликтов и мирных соглашений. Карсавин наблюдает за изменением форм культурных традиций внутри отдельно взятой исторической эпохи – Средневековья. На этом фоне Ламанский ратует за диалог культур-современниц, живущих рядом друг с другом. Взаимодействие культур осуществлялось, на его взгляд, в противоречивом, но векторно позитивном диапазоне: от вражды и отчужденности (в прошлом) – через адаптацию и компромисс (в настоящем) – к осознанию значимости «другого» (в будущем). Согласно геополитической концепции Ламанского, в основе взаимодействия государств и народов лежит гуманистический фактор. Положительные внутренние преобразования и самостоятельное развитие каждой культуры – таков залог успеха культурного диалога. Распространение научных знаний, русского языка и литературы, рост национального самосознания, очищение от ложных заимствований – все это, на взгляд рус-

²⁰ Карсавин 1995: 14, 24.

ского мыслителя, может сделать Россию привлекательной, и она станет центром притяжения славянских и других народов.

В завершение хочется отметить стилистическое достоинство новой книги В.А. Куприянова и А.В. Малинова. Она написана чистым, ясным языком, не отягощенным «задымленными», т.е. неопределенными, терминами. Интересна и форма изложения мысли: чувствуется исчерпывающая полнота каждого эпизода, а также баланс научного языка и «живых» цитат. Автор данной рецензии, в чьи научные интересы входят взгляды историков-позитивистов, полностью подписывается под одной из таких цитат, где звучат слова оппонента магистерской диссертации Ламанского: «Напротив, я рад, что с течением времени мог к лучшему изменить свой взгляд на славянский мир в разных отношениях...»²¹.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Верпатова О.Ю. Современный город как пространство межкультурного диалога // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (54). С. 142–148. [Verpatova O.Yu. Sovremennyy gorod kak prostranstvo mezhkulturnogo dialoga // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2020. № 4 (54). S. 142–148].
- Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох. Изд. 2-е. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2011. 304 с. [Kareev N.I. Obshchij hod vsemirnoy istorii: Ocherki glavnejshih istoricheskikh epoch. Izd. 2-e. M.: KD «LIBROKOM», 2011. 304 s.].
- Карсавин Л.П. Культура средних веков. Киев: Символ & AirLand, 1995. 208 с. [Karsavin L.P. Kul'tura srednih vekov. Kiev: Simvol & AirLand, 1995. 208 s.].
- Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2 (58). С. 21–33. [Kupriyanov V.A. Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A.S. Homyakov i V.I. Lamanskij) // Solov'evskie issledovaniya. 2018. № 2 (58). S. 21–33].
- Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 560 с. [Kupriyanov V.A., Malinov A.V. Akademik V.I. Lamanskij. Materialy k biografii i nauchnoj deyatel'nosti. SPb.: DMITRIJ BULANIN, 2020. 560 s.].
- Малинов А.В. В.И. Ламанский и Ю.Ф. Самарин: к истории взаимоотношений // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020(а). № 87. С. 49–69 [Malinov A.V. V.I. Lamanskij i Yu.F. Samarin: k istorii vzaimootnoshenij // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2020(a). № 87. S. 49–69].
- Малинов А.В. В.И. Ламанский VS Н.Г. Чернышевский: из истории забытой полемики // Русин. 2018. № 2 (52). С. 41–59 [Malinov A.V. V.I. Lamanskij VS N.G. Chernyshevskij: iz istorii zabytoy polemiki // Rusin. 2018. № 2 (52). S. 41–59].
- Малинов А.В. Диалог поколений: А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Ламанский // Диалог со временем. 2020(б). № 70. С. 86–98 [Malinov A.V. Dialog pokolenij: A.S. Lappo-Danilevskij i V.I. Lamanskij // Dialog so vremenem. 2020 (b). № 70. S. 86–98].
- Малинов А.В. Славянофильство и западничество в судьбе русских историков: К истории личных и профессиональных связей В.И. Ламанского и Н.И. Кареева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2019(а). № 2 (50). С. 35–52 [Malinov A.V. Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo v sud'be russkikh istorikov: K istorii lichnyh i professional'nyh svyazej V.I. Lamanskogo i N.I. Kareeva // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2019(a). № 2 (50). S. 35–52].
- Малинов А.В. Язык в политико-географическом учении В.И. Ламанского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019(б). Т. 2. № 2. С. 104–123 [Malinov

²¹ Куприянов, Малинов 2020: 60.

- A.V. Yazyk v politiko-geograficheskom uchenii V.I. Lamanskogo // *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropejskij dialog*. 2019(b). T. 2. № 2. S. 104–123].
- Малинов А.В., Куприянов В.А. Русский славянофил в поисках Европы: Образы России и Европы в книге «Государственные тайны Венеции» В.И. Ламанского // *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 18. № 3. С. 260–285 [Malinov A.V., Kupriyanov V.A. Russkij slavjanofil v poiskah Evropy: Obrazy Rossii i Evropy v knige «Gosudarstvennyye tajny Venecii» V.I. Lamanskogo // *Sociologicheskoe obozrenie*. 2019. T. 18. № 3. S. 260–285].
- Малинов А.В., Мильчарек М. Идея общеславянского языка: от Ю. Крижанича до В.И. Ламанского // *Русич*. 2019. Т. 56. С. 34–57 [Malinov A.V., Mil'charek M. Ideya obshcheshlesla-vyanskogo yazyka: ot Yu. Krizhanicha do V.I. Lamanskogo // *Rusich*. 2019. T. 56. S. 34–57].
- Малинов А.В., Морозов В.Н., Тоноян Л.Г. «...Я сделал лучшее дело моей жизни»: Работа В.И. Ламанского в венецианских архивах // *Вопросы истории*. 2019. № 12-1. С. 275–287 [Malinov A.V., Morozov V.N., Tonoyan L.G. «...Ya sdelaal luchshee delo moej zhizni»: Rabota V.I. Lamanskogo v venecianskih arhivah // *Voprosy istorii*. 2019. № 12-1. S. 275–287].
- Малинов А.В., Пешперова И.Ю. Письма О.Ф. Миллера к В.И. Ламанскому (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии) // *Русская литература*. 2018. № 1. С. 85–99 [Malinov A.V., Peshperova I.Yu. Pis'ma O.F. Millera k V.I. Lamanskomu (Vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii) // *Russkaya literatura*. 2018. № 1. S. 85–99].
- Malinov A.V., Kupriyanov V.A. Vladimir Lamansky in Saint Petersburg University // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019. T. 64. № 1. С. 211–221.
- Мальгина И. В. Динамика этнокультурной идентичности: мировые тренды и российская специфика // *Культура культуры*. 2017. № 1 (13). С. 12 [Malygina I. V. Dinamika etnokol'turnoj identichnosti: mirovye trendy i rossijskaya specifika // *Kultura kul'tury*. 2017. № 1 (13). S. 12.].
- Форнет-Бетанкур Р. Современный мир как вызов для интеркультурности // *Философский полилог*. 2020. № 1. С. 27–39 [Fornet-Betankur R. Sovremennij mir kak vyzov dlya interkul'turnosti // *Filosofskij polilog*. 2020. № 1. S. 27–39].

Михайлова Елена Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, кафедра психологии и философии, Тверской государственный технический университет; mihaylova_helen@mail.ru

Dialogue of Cultures of West and East in the Views of V.I. Lamansky, a St. Petersburg Thinker at the Turn of the 19th-20th Centuries

The article examines the dialogue between the West culture and the East culture, specifically disclosed in the works of the St. Petersburg thinker at the turn of the 19th-20th cc. V.I. Lamansky. In this regard, the presentation is in the format of a discussion of the book by V.A. Kupriyanov and A.V. Malinov "Academician V.I. Lamansky. Materials for biography and scientific activity" (2020), in which a cross-reference of the historian's scientific and political views is carried out. The author believes that a number of Lamansky's judgments sound modern. Dialogue is an important tool for the interaction of cultures; the humanistic factor underlies the dialogue and is expressed by the triad "language-culture-self-awareness"; Russia is capable of being a center of attraction for heterogeneous cultures - these and other ideas of Lamansky can arouse the interest of specialists and reflective readers.

Key words: *V.I. Lamansky, history, dialogue of cultures, Russia, West, East, Slavophilism.*
Mikhailova Elena – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University; mihaylova_helen@mail.ru

CONTENTS

Intellectual History Today

Dmitry Gorin

On the Ideas of Historicism Background
in the Philosophy of Aurelius Augustine and Medieval Culture..... 5

Aleksey Fatenkov

History as a Dictatorship of Time..... 20

Anton V. Karabykov

«The plain discourse of truth»: the project of philosophic language in the 17th-century
Part I: The way to the real character..... 32

Kira Ilina

New Professors for Russian Universities
the Formation of Classical Philologists in the 1830s..... 49

Sergey Rybakov

Polemical duel on the «Open field of historical facts»..... 65

Tatiana Skorokhodova

Understanding of India's History in Social Philosophy of Rabindranath Tagore 83

History of Historical Knowledge

Yervand Margaryan

From the History of French Hellenistic Studies..... 102

Natalia Rostislavleva

Reflections on the history of Germany V.I. Guerrier: A Researcher's motivation..... 118

Irina Chikalova

Pavel Grigorievich Mizhuev in the Communicative Space of N. I. Kareev..... 128

Anna Shekhorina Forms of presentation of historical knowledge

in the works of L.P. Karsavin..... 138

Timuor Khaydarov

Understanding the "Black death" and major epidemic outbreaks of plague
in modern Western historiography..... 149

History, Memory, Identity

Nikita Grebennikov

The Tatars' Image and Self-consciousness
of the North-Eastern Rus' Bookmen during the Ivan the Great's Reign..... 159

Konstantin Erusalimskiy

Mapping the Borders of Muscovy and Rus' Representations of the "Muscovite People"
in the European Cartography and Toponymy of the 16–18th cc..... 175

Eugenia Vanina

The Muslims of Pre-colonial India Historical Narratives and Self-Identification..... 189

Ivan Basov

From the People to Citizenship: the Problem of Constructing
Polish Historical Narrative in the 18th-19th Centuries..... 203

Gleb Artiukh, Evgeniy Chiglintsev, Dmitry Shmelev

Antiquity and its heritage in intellectual and political self-identification
by the prisoner of island of Saint Helena..... 214

<i>Maksym Kyrchanoff</i>	
Historical Politics of Memory in Iran, 1925–1979. ("Imagination" of the Past and "Invention" of History).....	229
<i>Alexander Gordon</i>	
Identity trajectories in the Chinese diaspora of France <i>A.B. Гордон</i>	243
<i>In the space of cultural history</i>	
<i>Natalia Klenysheva</i>	
Last kiss in Roman funeral practice.....	260
<i>Ovanes Akopyan</i>	
An Early Sixteenth-century Astrologico-astronomical Collection from the Library of Tomsk State University.....	276
<i>Alexey Yakub</i>	
The State, society and philately in the Soviet reality of the first half of the 1920s, or How they Fought Against Postal Fraud and Fiction.....	293
<i>Invitation to discussion</i>	
<i>Svetlana Eremeeva</i>	
The New Story of the Word / A New Word in History: Forensic.....	311
<i>History through personality</i>	
<i>Maksim Medovarov</i>	
A.F. Filippov: the Path of an Intellectual and an Adventurer in the Field of Multiple Identities.....	324
<i>Irina Vorontsova</i>	
Archpriest Mikhail Cheltsov during participation in the Church reform movement.....	340
<i>Evgeniya Anokhina, Olga Tomashevich</i>	
«You Have Prepared Me for the Golenishchev Collection» T.N. Borozdina – a Student of Professor B.A. Turaev.....	357
<i>Evgeniia Abroskina</i>	
“I did not create illusions for the future” the professional way of a woman scientist in the era of great changes (based on the memoirs of N.D. Flittner).....	373
<i>Evgeny Danilov</i>	
The Moscow Stage in the Career of Nikolai Nikolaevich Pikus.....	390
<i>Reading books...</i>	
<i>Aleksandr Ischenko</i>	
"The Passion for Vladimir" or to whom "Kiev-Russian heritage" belongs.....	404
<i>Vladimir Boldin A., Baltash Karipov, Aleksandr Strahov</i>	
«Adherents of the idea of preserving the historical principles of society and the state...» Personality and History of “Russian khranitel'stvo”.....	412
<i>Elena Mikhailova</i>	
Dialogue of Cultures of West and East in the Views of V.I. Iamansky, a St. Petersburg Thinker at the Turn of the 19 th -20 th Centuries.....	418
CONTENTS.....	427

СОДЕРЖАНИЕ

Интеллектуальная история сегодня

<i>Д.Г. Горин</i>	
Предпосылки идеи историзма в философии	
Аврелия Августина и средневековой культуре.....	5
<i>А.Н. Фатенков</i>	
История как диктатура времени.....	20
<i>А.В. Карабыков</i>	
«Простая речь истины»: проект философского языка на Западе XVII в.	
Статья I. Путь к реальной письменности.....	32
<i>К.А. Ильина</i>	
Новые профессора для российских университетов	
воспитание филологов-классиков в 1830-е годы	49
<i>С.В. Рыбаков</i>	
Полемический поединок на «открытом поле исторических фактов».....	65
<i>Т.Г. Скорородова</i>	
Понимание истории Индии в социальной философии Рабиндраната Тагора.....	83

История исторического знания

<i>Е.Г. Маргарян</i>	
Из истории французских эллинистических исследований.....	102
<i>Н.В. Ростиславлева</i>	
Размышления об истории Германии В.И. Герье: мотивация исследователя.....	118
<i>И.Р. Чикалова</i>	
Павел Григорьевич Мижув в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева	128
<i>А.В. Шехорина</i>	
Формы презентации исторического знания в творчестве Л.П. Карсавина.....	138
<i>Т.Ф. Хайдаров</i>	
Осмысление «Черной смерти» и крупных эпидемических вспышек чумы	
в современной западной историографии.....	149

История, память, идентичность

<i>Н.Ю. Гребенников</i>	
Образ татар и самосознание книжников Северо-Восточной Руси	
периода правления Ивана III.....	159
<i>К.Ю. Ерусалимский</i>	
Картографируя границу между Московией и Русью: репрезентации	
«московского народа» в европейской картографии и топонимике XVI–XVII вв..	175
<i>Е.Ю. Ванина</i>	
Мусульмане доколониальной Индии	
исторические нарративы и самоидентификация.....	189
<i>И.М. Басов</i>	
От народа к гражданству: проблема интерпретации	
польского исторического нарратива в XVIII – XIX веках.....	203
<i>Г.Ю. Артюх, Е.А. Чиглицев, Д.В. Шмелев</i>	
Античность и ее наследие в интеллектуальной и политической	
самоидентификации узника острова Святой Елены.....	214

<i>М.В. Кирчанов</i>	
Историческая политика памяти в Иране, 1925–1979. «Воображение» прошлого и «изобретение» истории как форма «изобретения традиций».....	229
<i>А.В. Гордон</i>	
Маршруты идентичности в китайской диаспоре Франции.....	243
<i>В пространстве культурной истории</i>	
<i>Н.Д. Клёнышева</i>	
Последний поцелуй в римской погребальной практике.....	260
<i>О.Л. Акоюн</i>	
Астролого-астрономический сборник начала XVI века из библиотеки Томского университета.....	276
<i>А.В. Якуб</i>	
Государство, общество и филателия в раннесоветской действительности, или Как боролись с почтовой фальшью и фантастикой.....	293
<i>Приглашение к дискуссии</i>	
<i>С.А. Еремеева</i>	
Новая история слова / новое слово в истории: forensic.....	311
<i>История через личность</i>	
<i>М.В. Медоваров</i>	
А.Ф. Филиппов: путь интеллектуала и авантюриста в поле множественных идентичностей.....	324
<i>И.В. Воронцова</i>	
Протоиерей Михаил Чельцов в годы участия в церковно-реформаторском движении.....	340
<i>Е.А. Анохина, О.В. Томашевич</i>	
«Вы подготовили меня на Голенищевскую коллекцию»	
Т.Н. Бороздина – ученица проф. Б.А. Тураева.....	357
<i>Е.В. Аброськина</i>	
«Я не строила иллюзий на будущее»: путь женщины-ученого в эпоху больших перемен (по материалам воспоминаний Н.Д. Флиттнер.....)	373
<i>Е.С. Данилов</i>	
Московский этап карьеры Николая Николаевича Пикуса.....	390
<i>Читая книги...</i>	
<i>А.С. Ищенко</i>	
«Страсти по Владимиру», или о том, кому принадлежит «киево-русское наследие».....	404
<i>В.А. Болдин, Б.Н. Карипов, А.Б. Страхов</i>	
«Приверженцы идеи сохранения исторических начал общества и государства...». Личность и история русского хранительства.....	412
<i>Е.Е. Михайлова</i>	
Диалог культур Запада и Востока в рецепции петербургского мыслителя рубежа XIX–XX вв. В.И. Ламанского.....	418
CONTENTS.....	427

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91
<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru
Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

Д.Г. Горин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.030>
А.Н. Фатенков
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.031>
А.В. Карабыков
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.001>
К.А. Ильина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.002>
С.В. Рыбаков
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.003>
Т.Г. Скороходова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.004>
Е.Г. Маргарян
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.005>
Н.В. Ростиславлева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.006>
И.Р. Чикалова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.007>
А.В. Шехорина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.008>
Т.Ф. Хайдаров
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.009>
Н.Ю. Гребенников
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.010>
К.Ю. Ерусалимский
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.011>
Е.Ю. Ванина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.012>
И.М. Басов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.013>

Г.Ю. Артюх, Е.А. Чиглинецв, Д.В. Шмелев
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.014>
М.В. Кирчанов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.015>
А.В. Гордон
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.016>
Н.Д. Клёнышева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.017>
О.Л. Акоюн
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.018>
А.В. Якуб
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.019>
С.А. Еремеева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.020>
М.В. Медоваров
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.021>
И.В. Воронцова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.022>
Е.А. Анохина, О.В. Томашевич
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.023>
Е.В. Аброськина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.024>
Е.С. Данилов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.025>
А.С. Ищенко
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.026>
В.А. Болдин, Б.Н. Карпов, А.Б. Страхов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.027>
Е.Е. Михайлова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.78.78.028>

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

78 / 2022

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 2 (History — 2017 г.).
Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.